

В
Н

Вся

НОРТОН

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ПОСЛЕДНЯЯ
ПЛАНЕТА

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SCI-FI FOUNDATION

ПОСЛЕДНЯЯ
ПЛАНЕТА

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОВЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ
БРАТ ТЕНЕЙ
ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФАНТАСТИКИ

Андрэ
НОРТОН

**ПОСЛЕДНЯЯ
ПЛАНЕТА**

**Москва
2015**

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Н82

Andre Norton

SECRET OF THE LOST RACE

Copyright © 1959 by Andre Norton

THE SIOUX SPACEMAN

Copyright © 1960 by Andre Norton

YURTH BURDEN

Copyright © 1978 by Andre Norton

STAR GUARD

Copyright © 1955 by Andre Norton

THE LAST PLANET

Copyright © 1953 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США)
при участии агентства Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания.

Перевод с английского *О. Колесникова, Д. Арсеньева*

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.

Н82 Последняя планета / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. О. Колесникова, Д. Арсеньева]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 704 с. — (Отцы-основатели).

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников.

В данное издание помимо заглавного вошли романы «Тайна затерянной расы», «Космический сиу», «Бремя юртов» и «Звездная стража».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-82781-7

© Арсеньев Д., Колесников О.,
перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

**ТАЙНА
ЗАТЕРЯННОЙ
РАСЫ**

Совершенно секретно: Х3457-А-Р

От кого: Кронфельд, директор, колонизационный проект 308

Кому: Леннокс, командер, космическая разведка, пятый сектор, отдельное подразделение

Тема: служебные досье

Просим передать в отдел следующие досье:

ОССД 451 Марсон, Г. Умер.

ОССД 489, В. Т. Умер

Совершенно секретно: Х3457-А-Р. Ответ

От кого: Леннокс, командер, космическая разведка, пятый сектор, отдельное подразделение

Кому: Кронфельд, директор, колонизационный проект 308

Тема: служебные досье

К сожалению, передача досье любому отделу, не связанному непосредственно со службой, запрещена.

(Кодированное сообщение Леннокса Сен Йенлю, командиру космической разведки пятого сектора, сопровождающее приведенную выше переписку.) Что происходит? Кто проговорился и где? Следует ли эти «досье» потерять на какое-то время?

(Кодированный ответ: Сен Йенлю – Ленноксу.) Сохраняйте спокойствие. Мы сделаем соответствующие запросы. Если предстоят неприятности, немедленно свяжусь с вами, чтобы вы могли предпринять необходимые меры.

Приказ: 56431 — ССД

От кого: Махаби Кабали, адмирал, командующий
пятым сектором

Кому: Сен Йенлю, командиру космической разведки,
пятый сектор, отдельное подразделение

Тема: служебные досье

Приказываю передать указанные ниже досье для консультации согласно обычной процедуре Кронфельду, директору колонизационного проекта 308:

ОССД 451 Марсон, Г. Умер.

ОССД 489, В. Т. Умер

(Кодированная записка, сопровождающая приведенное выше письмо.) Простите, на меня сильно давят. Сейчас мы не можем это скрыть. Но ведь оба мертвы, и уже много лет. Никаких реальных фактов у них нет, только подозрения.

(Звонок по закрытой линии: Кронфельд — Брайару Морлу, порт Н'Йорк.) Поручите это своему лучшему частному детективу. Мы теперь знаем, что вероятное место происшествия — Н'Йорк. Ребенок тогда выглядел на шесть-семь лет. Время — примерно пятнадцать-шестнадцать лет назад. Конечно, след остыл и становится все холодней. Но это наша первая ниточка; возможно, она же и последняя. Мне не нужно добавлять, что это дело первой категории. Время уходит. Используйте чрезвычайные фонды. Мы докажем свою правоту, если у нас будут улики. Эти тупицы в мундирах уже встревожились!

(Комментарий Брена Хадда, партнера фирмы «Хадд и Расто, частные детективы».) След остыл? Да он уже заледенел. Кем он нас считает, этот тип, волшебниками или путешественниками во времени? Но платит он так, словно выращивает кредиты в погребе. Так что будем действовать. Деньги развязывают языки. Пока у тебя есть только словесный портрет этой дамочки. Начинай отрабатывать свое жалованье.

Глава 1

Джеттаун, порт Н'Йорк, где можно купить любые товары, где предоставляют развлечения, законные и незаконные, космонавтам и тем, кто охотится за их кредитами, а также преступной элите, которая, в свою очередь, пользуется добычей хищников. На этих улицах один круг в другом, сложная социальная организация, о которой не догадываются живущие за четкими пределами, хотя физически никак не обозначенными, этого зловещего треугольника, узким языком выходящего на обожженное посадочное поле.

На этих улицах жизнь человека зависит не только от его ума или физической силы, но и от шестого чувства приближающейся опасности. Иногда предчувствие опасности охватывает весь этот район. Именно такое имело место сегодня, хотя еще рано и открыты лишь немногие крупные заведения.

Среди них «Солнечное пятно» Керна, но «Солнечное пятно» гордится тем, что никогда не закрывается. В воздухе, который кондиционеры перемешивают, но не освежают, запахи дыма, необычных напитков и застарелая вонь постоянной толпы посетителей. В большом центральном помещении Степ и Хэгги, как всегда, за стойкой. Появились и первые девушки.

Однако молодой человек, сидевший за столиком для игры в звезды и кометы, с аккуратными стопками фишек перед ним, с нераспечатанными колодами карт поблизости, незаметно потрогал запрещенное силовое лезвие в складках шелкового пояса на своем плоском животе. Плечи его под курткой с широкими рукавами, надетой поверх кружевной рубашки, напряглись, словно в ожидании нападения. Беда — он чувствует ее вкус, ее запах: ночь будет тяжелой.

Он включил лампу над столом для игры. В тщательно организованном освещении его худое лицо казалось мальчишеским,

с выражением юношеской невинности. Такое лицо многого стоило для нанимателя. Керн ценил Джоктара и за его внешность, и за острый пронизательный ум, и за искусные, ловкие руки, управляемые этим умом. Керн доверял своему ведущему крупье — насколько он вообще способен доверять, то есть в весьма ограниченных пределах.

Джоктар знал, что его постоянно проверяют и он окружен множеством хитроумных ловушек. Многие преуспевающие крупье «Солнечного пятна» заканчивали неожиданно и весьма неприятно. По меньшей мере троих выдали Эмиграционной службе. Керн позаботился, чтобы все его работники усвоили этот наглядный урок. Поэтому Джоктар был честен — не по каким-либо этическим причинам, ибо на этих улицах нет места этике, а потому что честность по отношению к боссу — здесь лучшая страховка.

Он восторгался организационными способностями Керна, в то же время не испытывая к нему никакой личной привязанности. И до сих пор хозяин «Солнечного пятна» оставался единственным островком стабильности, знакомым Джоктару в этом опасном мире. Почти всю жизнь, насколько может вспомнить, он провел в «Солнечном пятне», и никто даже не знает, сколько ему на самом деле лет. Незнакомые люди всегда преуменьшали его возраст на полдесятка лет, если не больше.

Поскольку эта особенность увеличивала его ценность для Керна, это было плюсом. Хотя когда посетитель проигрывал за столом и начинал сердиться, он готов был сорвать зло на «мальчишке», считая его легкой добычей. Из-за этого Джоктару пришлось приобрести широко известное и почитаемое мастерство владения силовым лезвием; он владел и другими различными способами ведения боя, усвоив их у учителей, которые постигали мастерство по всей галактике. В результате Джоктар из «Солнечного пятна» считался на улицах одним из самых опасных бойцов, хотя сам старался по возможности не вступать в схватки.

Шелк, шелк — фишки, украшенные изображением звезд и комет, стремительно двигались под его проворными пальцами. Он сложил их друг на друга, потом стал разбирать свою башню — фишка за фишкой. Нервы его были напряжены, ощущая невидимую угрозу... Он ждал.

— Э-люди вышли на охоту...

Шепот из-за круга света. Джоктар оторвался от своей груды фишек. Это Хадд, банкомет от одного из столиков. В заведении он новый человек, но очень самоуверен. Джоктар давал ему еще две недели, ну, еще, может, плюс несколько дней, а потом Хадд зайдет слишком далеко, начнет задавать вопросы, и Керн предпримет меры. Но Хадд не подослан полицией. Возможно, шпион какого-то другого босса: кто-то пытается уничтожить Керна. Джоктар про себя улыбнулся. Сколько раз пытались это сделать в прошлом? Наверно, не меньше, чем фишек у него под рукой. Керн ведет дела давно, и в его организации ни малейших щелок.

— Облава? — спросил он Хадда так, словно его это совершенно не касается.

— Говорят, очень большая.

Большая облава. И новость сообщает ему Хадд. Джоктар сложил одно с другим. Может, это предупреждение? Но почему? Хадд ему не друг. Зачем новичку вытаскивать людей Керна из Э-облавы... если только его не хотят использовать. Однако... к Джоктару давно уже никто не обращался с предложением переметнуться. Обо всех таких предложениях он сообщал Керну, зная, что по меньшей мере половина из них — это проверка. Новая проверка?

— Передай всем. — Он выключил свет, сложил в ящик стола фишки и колоды и закрыл на личный замок, приложив свой большой палец. Встал, стройный, невысокий, похожий на юношу, задумчиво глядя на Хадда.

Тот встретил его взгляд с расчетливым вниманием, словно молодой человек — это карты в руках удачливого игрока. Губы Хадда дрогнули, он словно хотел что-то добавить. Но Джоктар с легкостью движений опытного бойца уже отвернулся и направился к лифту, который ведет в личные помещения Керна наверху.

Оррин, стражник, охранял путь к боссу. Крепкий рослый мужчина, хорошо подготовленный космодесантник, оставивший службу при обстоятельствах, которые делали его полезным Керну. Когда Джоктар сошел с антигравитационной платформы, Оррин повернулся, полувытащив бластер из кобуры. Хрипловато рассмеялся и сунул оружие назад.

— В следующий раз, когда будешь подниматься, пой, малыш. Тот, кто подкрадывается так неслышно, может потерять половину головы.

— Нервничаешь? Что ж, имеешь основания... Неприятности.

Оррин шаркнул ботинками, лицо его стало серьезным.

— Да, ты прав! Есть новости для босса?

— Может, да, а может, нет. Доложи обо мне.

Оррин нажал на кнопку и жестом подозвал Джоктара. Ответил звонок, и панель скользнула в сторону. Крупье положил в протянутую руку Оррина свое силовое лезвие. Всякому, кто пройдет к Керну с оружием, предстоит иметь дело с неодушевленными стражниками, которые уничтожают без вопросов. Стражники-люди могут делать ошибки, последняя линия обороны Керна никогда не ошибается.

— Что случилось?

Худошавый Керн полулежал в кресле. Голос у него мягкий и словно бы исходит из впалой груди. Одет Керн в роскошный наряд, но дорогая многоцветная одежда не маскирует угловатых линий его нескладного тела. Точно так же длинные волнистые серо-каштановые волосы и большие бакенбарды на худых щеках не смягчают жесткие черты лица. Он сделал жест, и Джоктар сел — это большая честь.

— Пока ничего, — ответил на вопрос крупье.

Молчание Керна было приглашением к продолжению.

— Я слышал, что Э-люди устраивают большую облаву...

— Да. — Керн зевнул. — Это взволнует улицы. Кто сообщил? Один из наших агентов?

— Хадд.

— Хадд. Ну, ну, ну. Сообщил тебе лично?

Джоктар улыбнулся — его улыбку можно было бы принять за легкомысленную и мальчишескую, если бы не холодный взгляд.

— Он ведь и должен был сделать это, верно?

Он ожидал согласия со стороны Керна. Всякий раз, как он разоблачал очередную проверку, Керн с готовностью это признавал. Но на этот раз босс покачал головой.

— Это не моя рука, парень.

— Хадд подослан, — решительно заявил Джоктар.

— Конечно. Но кем и зачем? Именно такие небольшие загадки делают жизнь интересной. Мы еще немного подержим его на леске, чтобы узнать, у кого в руках другой конец. Итак, он тебя предупредил...

— Мне в последнее время ничего не предлагали. — Что-то в выражении Керна заставило Джоктара сказать это, почти вопреки желанию, и он устыдился своего признания.

— Я это знаю. Как давно ты здесь? Четырнадцать... нет, должно быть, уже пятнадцать лет. И все равно выглядишь как невинный малыш. Хотел бы я понять, как ты этого добиваешься: в моем деле это полезно. Да, на восьмом году явилась сюда та куколка, и ты цеплялся за ее юбку. Даже тогда ты был умный малыш. Интересно, откуда ты...

Джоктар ощутил знакомый холодок.

— Меня ведь прощупали.

— Да, и сделал это врач, который свое дело знает. Но он извлек из тебя только болтовню про большой корабль и здешний порт. Да и куколка была необычная. Жаль, что она умерла, прежде чем с ней поработали и смогли что-нибудь узнать. Док клянется, что у тебя в голове блок и что ты не в состоянии вспомнить больше, даже под его уколами.

— Зачем же меня оставили здесь, Керн?

— Ну, парень, я люблю загадки, а такая, как ты, мне давно не попадалась. Ты, конечно, растешь, но медленно, и по-прежнему выглядишь как мальчик, однако голова у тебя хорошая и идеи бывают отличные. Ты лучший крупье, каких мне приходилось встречать. Не увлекаешься женщинами, не пьешь, не принимаешь наркотики. Оставайся таким, парень, и все у нас будет хорошо. Значит, говорят, что будет облава? Предупреди всех в заведении.

Джоктар подошел к дальней стене и нажал три переключателя. Теперь во всем «Солнечном пятне» получили сигнал тревоги. Конечно, самому Керну нечего опасаться эмиграционной облавы, он платит достаточно, чтобы каждый квартал мог снарядить пятьдесят колонистов, и это отражено в официальных документах.

— Я думаю, не Норволд ли это. В последнее время он не раз пытался. Если это его рук дело... — Керн выбрался из кресла. — Передай Пасси, сегодня он наш человек у Норволда. Скажи,

чтобы он был готов скрыться в случае облавы, но пусть проследит, куда Норволд спрячет двух своих новых куколок. Они бы нам здесь пригодились.

— Хорошо. — Джоктар вышел, по пути взяв у Оррина свое лезвие. Уходя, он обдумывал слова Керна о Норволде. Можно заплатить выкуп и выйти из эмиграционных загонов, но цена так высока, что это может позволить себе только босс или фаворит босса. Э-люди проводят облавы, чтобы раздобыть дешевую рабочую силу, необходимую для заселения новых планет. Колонисты отправлялись на новые планеты добровольно и проходили при этом строгий отбор; эмигрантов отправляли насильно, и никто из них не возвращался. Попасть в Э-облаву — самое страшное, что может произойти на улицах: тебя обработают, опоят, заморозят (некоторые так и не проснутся после этого сна) и отправят в рабство на чужую планету.

Колонисты — герои. Чтобы стать эмигрантом, достаточно быть живым, относительно здоровым и обладать неповрежденным — в смысле нужного количества рук и ног — телом. Многие, так и не выйдя из-под действия наркотика, погружались в заморозку. Если его заметут, выкупит ли его Керн? Джоктар сомневался в этом.

Он спускался на антигравитационной платформе, когда раздался сигнал тревоги: бесшумная дрожь прошла по всему телу, проникла в нервы, кровь и плоть каждого мужчины и каждой женщины под крышей. Облава! Здесь Э-облава! Итак, Хадд все-таки сказал правду!

Джоктар нажал на кнопки пульта, посылая платформу вверх. Слишком поздно, чтобы пытаться уйти вниз. Остается только крыша.

Но он остановил платформу на третьем этаже. А как же Керн? Он уже собирался направиться к двери босса, но Оррин втолкнул его обратно.

— Босс велел убираться!

Стражник встал в лифте рядом с крупье. Только Керн во всем «Солнечном пятне» может вести переговоры с участниками облавы. Но почему его шпионы сработали так плохо? Почему их захватили фактически без предупреждения? Может, Хадд на службе у Эмиграции? Нет, если бы это было так,

он не стал бы предупреждать. Джоктар спросил у Оррина. Тот пожал плечами.

— Не спрашивай меня, малыш. Насколько я знаю, босс мог сам все это организовать. Когда мы слышали тревогу, он не был готов к этому.

Джоктар обдумал его слова. Он не понимал, зачем Керну раскрывать «Солнечное пятно» перед облавой. С другой стороны, босс любит избавляться от некоторых подчиненных хитроумными способами. Джоктар думал о самых известных работников заведения, пытаясь догадаться, кто из них не угодил Керну.

Платформа остановилась, и Джоктар прижал ладонь к стене: тепло его тела и рисунок на кончиках пальцев должны открыть дверь. Впереди узкий коридор. Дрожь сигнала тревоги прекратилась. Оррин фыркнул.

— Должно быть, закончили. Будем надеяться, что большинство наших парней сумели убраться.

В конце коридора находился колодец со скобами на стенах. Поднявшись, они окажутся непосредственно под крышей. Конечно, на крыше могут поджидать вертолеты Э-службы, но на этот случай у беглецов есть дымовые бомбы.

— У тебя хорошее запасное укрытие, парень?

Шестое чувство заставило Джоктара насторожиться. Почему Оррин спрашивает об этом? У каждого работника Керна есть собственное укрытие на случай облавы.

— А почему бы не воспользоваться обычным?

— Не знаю... — Голос Оррина звучал встревоженно. — Я просто подумал... если босс все это устроил... он...

Да, Керн выдаст все укрытия, все норы. Но беда в том, что у него как у человека Керна сейчас нет выхода. Ему придется использовать установленный маршрут ухода. Все остальное занято людьми Норволда, Дандера, Русински или вообще закрыто для чужаков.

— Давай поторопимся, они скоро начнут выкуривать, — предупредил Оррин.

Да, сейчас в здание впустят наркотический газ, и это будет сопровождаться звуковыми колебаниями: очень эффективная комбинация, способная очистить здание. Джоктар отодвинул часть стены и на четвереньках забрался в убежище под

крышей. Здесь темно, придется отыскивать дымовые бомбы на ощупь.

Протянутой рукой он провел по цепочке яйцеобразных предметов. Взял один в левую руку, в правой было силовое лезвие.

Джоктар прополз по короткому коридору и оказался под крышкой люка. Приподняв крышку плечами, он выглянул. Его ослепил свет фонарей облавы. Он нажал кнопку и выбросил бомбу в щель.

За первым яйцом последовало второе. Все мышцы и нервы пронзила боль: это лишь предупреждение о том, что произойдет через секунду. Внизу включили звуковые колебания.

— Пошли! — Оррин подтолкнул его. Вокруг клубился дым из бомб, лишая видимости.

— Давай! — Оррин толчком в спину выбросил Джоктара из люка. Очевидно, бывший десантник обладал большей чувствительностью к вибратору.

Джоктар двинулся в полуприседе, в позиции опытного бойца. Дым окутывал их, и Э-люди не могли стрелять, опасаясь задеть своих.

Крупье направился к дальней стороне крыши. Нужно будет свеситься с нее и спуститься на балкон верхнего этажа: без достаточной практики с таким маневром не справишься. Потом короткая пробежка к другой потайной двери и бегство по маршруту в соответствии с приказом Керна.

Джоктар прыгнул в клубящийся мрак. Легко приземлился и побежал к двери. Сзади ничего не слышно: может, Оррин не решился прыгнуть в пустоту. На мгновение крупье остановился, но тут победил первый закон джунглей: во время облавы каждый сам по себе.

Под его рукой сдвинулась панель. Он нырнул в нее и наткнулся на яркую вспышку. Последняя его связанная мысль, когда он падал под действием луча станнера, была о том, что, должно быть, Керн все-таки включил его в список тех, от кого нужно избавиться.

Джоктар не сразу открыл глаза. Позволил вначале слуху и обонянию передать мозгу информацию о своем положении. Понял, что он не один: стоны, кашель, раздраженное ворчание слева свидетельствуют, что у него есть товарищи по несча-

стью. Этот вывод подкреплял запах плотно набитых в помещение не очень чистых людей.

Он сосредоточился на последнем связном воспоминании: он прошел через потайную дверь и попал прямо в руки ответственного комитета. Должно быть, он в Э-загоне. На мгновение приступ паники едва не лишил Джоктара самоконтроля. Но он заставил себя медленно раскрыть глаза и лежать неподвижно, хотя каждая клетка его тела и мозга требовала немедленных действий. Однако первый урок улиц — необходимость терпения. И еще — глупо бороться с превосходящим противником слепо и без плана.

Чуть повернув голову, Джоктар мог с уровня пола осмотреть место, где оказался. Рядом с ним лежит Хэгги из «Солнечного пятна», из его расслабленного рта тянется струйка слюны. А за ним незнакомый человек с грязноватой кожей, говорящей о пристрастии к наркотикам.

Дальше еще двое, оба ему незнакомы, судя по виду, бродяги, таких легко прихватывают в каждой облаве. Но вот найти здесь Хэгги — это значит, что не одно убежище в «Солнечном пятне» было раскрыто. Хэгги не из тех, кто медлит после сигнала тревоги. А где остальные старшие работники Керна?

Нужно прикинуть фактор времени. Джоктар попытался припомнить, стоит ли в порту эмиграционный корабль. Облавы проводят обычно, когда есть подходящий корабль. Нет смысла содержать эмигрантов за счет правительства.

Из тюрьмы можно убежать. Но насколько известно Джоктару, из эмиграционного загона выбраться можно только путем подкупа. Конечно, если не сможешь доказать, что ты законопослушный гражданин с высоким общественным положением и постоянной работой. В этом отношении сейчас стараются быть внимательными: был большой шум, когда прихватили сына советника и отправили его к звездам, когда он просто прогуливался по улицам. Теперь предполагается, что статус эмигранта проверяется дважды, и можно организовать выкуп. Но для этого должен позаботиться кто-то снаружи.

Керн? Джоктар подумал, не сможет ли выкупить его босс. По его мнению, на это надежда небольшая, даже очень маленькая. Но в такое время цепляешься за любой шанс. У него нет оружия, лезвие у него отобрали, и теперь само наличие лезвия

говорит против него. Он ошупал себя... да, отобрали кошелек и другие мелкие принадлежности. Но то, что у него под рубашкой, то, что он носит со времени своего туманного детства, по-прежнему на нем.

— Внимание! — Безличный окрик словно удар хлыста. — Немедленно выходите через дверь!

Глава 2

Отодвинулась часть стены, и Джоктар ощутил теплую дрожь вибратора. Теперь пленники выйдут или задержатся от боли. Он встал и наклонился, поднимая Хэгги. Бармен застонал, открыл налитые кровью глаза; в них появилось выражение ужаса, когда он понял, где находится. Освободившись от поддержки Джоктара, он шатаясь направился к выходу. Крупье последовал за ним и тут же оказался в путях силового поля. Он может идти — больше того, вынужден идти по ярко выкрашенному коридору со светлыми стенами, но не может даже пошевелить пальцем.

Служба эмиграции хорошо оснащена. Да и как может быть иначе? Эмиграционную политику поддерживает Галактический Совет, и эта политика приносит двоякую пользу. Во-первых, она избавляет цивилизованные планеты от бродяг и преступников, и во-вторых, помогает осваивать новые планеты. Таким образом проблемы решаются к удовлетворению всех, кроме жертв, у которых нет никакого политического влияния.

Хэгги уже прошел дверь впереди, очередь Джоктара. Бармен раздевался под присмотром скучающего врача.

— Ладно, теперь ты, — обратился этот человек к Джоктару. — Раздевайся.

Джоктар вызывающе разглядывал его. Силовое поле ослабили, но если он попробует прыгнуть на врача, его затанут снова, да так, что невидимые пути не дадут ему дышать. Нет смысла сопротивляться, если нет ни малейшего шанса на победу. Джоктар снял куртку, развязал пояс. Скрыть ничего невозможно: на него нацелен луч-шпион. Когда рубашка последовала за курткой, крупье поднес руку к диску, висевшему на цепи у него на шее.

— Дай это сюда, ты! — Врач насторожился.

Впервые после мгновенного приступа паники, когда Джоктар пришел в себя в загоне, самоконтроль чуть не отказал ему. Он стоял, напряженно дыша. Врач сжал руку в кулак, и Джоктар пошатнулся, прикусил губу, чтобы не закричать. Болезненное сжатие послужило достаточным предупреждением. Он бросил диск врачу, тот позволил ему упасть на пол и оттолкнул в сторону.

Как и Хэгги, он был подвергнут обработке, прошел через экзаменующие машины и при этом напряженно обдумывал планы побега и приходил к выводу об их неосуществимости. Затем, в комбинезоне из грубой красной материи, хорошо видной издали, он оказался в камере с пятью другими людьми. Все они были ему незнакомы.

Накормили их обычным набором через откидную панель в стене. Разговоров почти не было. Джоктар заметил, что все эти люди молоды, из числа бродяг, каких сотнями можно встретить на улицах. Он сидел на скамье, держа в руках жестяную миску с едой.

— Эй! — Один из его товарищей по заключению сел на ту же скамью. — Ты ведь работал у Керна? — Улыбался он злорадно. Пропать между таким, как он, и работником крупного заведения шириной в океан. — Я работал посыльным у Лафти до того, как его вычеркнули, — добавил он вызывающе. — Видел, как ты в «Солнечном пятне» выкладываешь фишки. Думаешь, Керн тебя выкупит? — Его улыбка стала шире.

Джоктар пожал плечами, продолжая пережевывать безвкусную еду.

— С Керном покончено, — с набитым ртом вмешался еще один. — Видел здесь несколько его людей.

Может быть, это правда. Хотя как это стало возможно, если множество шпионов и подкупленных людей должны были предотвратить именно такую возможность, Джоктар не мог понять. Эти слова заглушили последнюю слабую надежду на выкуп. Кто стоит за этим? Норволд?

— Кто-нибудь слышал, куда нас собираются отправить? — Тонкий голос чуть дрожал.

— Корабль в порту направляется на Авар, — сообщил бывший посыльный.

— Да? А что это за Авар, кто-нибудь знает? — спросил другой пленник.

— Работа на полях, — ответил кто-то, но не очень убежденно, и Джоктар подумал, что это просто догадка. Может, потому, что работа в полях лучше, чем на шахтах.

Бывший посыльный рассмеялся, смех его походил на рычание.

— Какая разница... Идешь, куда посылают. Никакого выбора. Ты не колонист. И когда приземлишься, всякая твоя удача кончилась.

Слишком справедливо. Кто-то вздохнул, а Джоктар прикончил остатки пищи.

— Нас ведь заморозят, верно? — спросил тот же дрожащий голос.

— Еще бы, — злорадно подтвердил бывший посыльный. — На Э-корабле нет места, чтобы ты мог бездельничать и отъедаться. Втыкают в тебя шприц с какой-то гадостью, человек становится жестким, как доска, и его укладывают в трюм. И так держат до посадки на планету.

— Я слышал, некоторые так и не просыпаются.

Посыльный наклонился.

— Конечно, удача может кончиться уже на этом. В корабль набивают как можно больше людей, чтобы оправдать перевозку. Может, эти машины заранее говорят, кто из нас выживет.

— Эй! — Кто-то отодвинулся от стены. — Я слышу, к нам идут! Может, прямо сейчас отправят.

Джоктар вскочил, держа миску как силовое лезвие. Посыльный рассмеялся.

— Готовишься к драке, парень? Ни единого шанса. У каждого стражника силовое поле. Я мирно приму то, чем они нас угостят. Незачем напрашиваться на неприятности, чтобы доказать, какой ты крутой и сильный.

Он прав, но эта правота вызывала у Джоктара возмущение. Собственная беспомощность его пугала. Он считал себя смелым и независимым. Но теперь начинал осознавать, что между ним и жестокостью улиц всегда стояли Керн и «Солнечное пятно». А теперь он предоставлен сам себе, и ему необходимо время, чтобы приспособиться к этому. Он поставил

миску на скамью и снова сел. А посыльный, со свойственной таким людям проницательностью понявший его выражение, перестал улыбаться.

В открытой двери стоял охранник, с нескрываемым презрением разглядывая людей в камере. Его взгляд упал на Джоктара, затем он поманил к себе бывшего крупье. Снова ожила угаснувшая было надежда. Керн выкупает его? Джоктар миновал посыльного, готовый следовать куда угодно. Почувствовал знакомое стискивание силового поля, и искра надежды погасла.

В конце коридора показались еще два охранника, и один из них обратился к тому, кто вел пленника.

— Тебя вызывает джентльомо Эриксен. Этого мы пока задержим.

— А почему приказ изменен?

— Полиция космопорта хочет задать ему несколько вопросов.

Полиция космопорта? Джоктар удивился. Это какой-то ход Керна? У босса есть контакты в порту, они есть у всех боссов. Но когда первый охранник ушел, силовое поле болезненно сжало Джоктара.

— Ну, иди же!

Его погнали почти бегом, Джоктар вспотел, и тревога его почти превратилась в страх. Охранники выглядели так, будто действуют вопреки приказам. Однако их отношение к нему не говорило о том, что они подкуплены Керном.

Его удивление еще более усилилось, когда его втолкнули в небольшое помещение, где его ждал офицер портовой полиции и молодой человек в мундире, какого Джоктар раньше не видел. Мундир космических патрульных темно-синий, а у этого молодого человека серебристо-серый со значком с изображением созвездия, а не обычной кометы и звездного круга. Джоктар мигнул. Где-то — возможно, в давно заблокированной части сознания — прозвучало предупреждение. Он понял, что этот незнакомец для него смертельно опасен, и опасность эта превосходит все другие опасности его нынешнего положения.

Тут он увидел, что держит этот незнакомый офицер, и затаил дыхание. С его руки свисала цепочка с диском, который Джоктар вынужден был оставить в комнате для осмотра. И лицо

офицера искажено гневом. Тем не менее Джоктар уверен, что никогда раньше с ним не встречался.

— Ну, джентльомо, — заговорил полицейский, — эта мразь напала на вас и вашего друга?

— Если не он, то знает нападавших. Вот доказательство. Как еще уличный бродяга может раздобыть идентификационный диск разведчика? Ты... — Он добавил два оскорбления, и губы Джоктара раскрылись в угрожающем оскале. Но затем крупье отшатнулся от удара по лицу.

— Говори! Где ты взял это? — Спокойный голос полицейского звучал так же опасно, как открытый гнев офицера.

— Он у меня был всегда. — Джоктар ответил правдиво, хотя знал, что ему не поверят.

Один из приведших его охранников торопливо проговорил:

— Послушайте, давайте побыстрее. Его приказали отвести в кабинет начальника. Там его ждут.

Офицер в сером мундире спросил:

— Кто раскошелился ради этой мрази? Говори! И не ври! Кто на прошлой неделе сжег Кендера? И где ты взял этот идентификационный диск, свинья? — Он взмахнул диском, как цепом, и металл разорвал и так уже расцарапанную щеку Джоктара.

И когда он покачал головой — не столько в знак отрицания, сколько чтобы разогнать туман в сознании, — они принялись за него основательно. В силовом поле он был совершенно беспомощен, и они били его, пока он, лежа на полу, цеплялся за последние остатки сознания, по-прежнему испытывая удивление. У двери началась суета.

— ...приказано немедленно доставить его в кабинет. Он оправдан.

Офицер резко возразил:

— Он так легко не отделается. Он из банды, которая прикончила Кендера, и заплатит за это.

Полицейский возразил:

— Чтобы задержать его законно, нам нужно больше доказательств, чем только идентификационный диск. Он мог приобрести его за выпивку у какого-нибудь бродяги. Откуда вы знаете, что этого не было?

— Он бы так и сказал. А этот его рассказ, будто диск всегда был с ним... вы ведь знаете, такие вещи так просто не валяются. Диск вручают, когда человек дает присягу, и с ним не расстаются. Кендер был мертв, когда диск с него сорвали. Этот мерзавец мог показывать диск, говорить, что у него особое поручение, и жить припеваючи!

— Но все равно нужно доказать, что он убийца.

— Мое слово, он так просто отсюда не выйдет!

Полицейский усмехнулся.

— Ну, вы уже об этом позаботились. Парням придется его уносить.

— Да, — мрачно подтвердил охранник. — Мы отнесем его наверх, а там нас будет ждать такая встреча, что унесет на первую лунную базу.

— Послушайте, — произнес новый голос. — А что, если мы сразу погрузим его на «Гриффин»? Отправим вместе с остальными, и кто потом станет разбираться? Просто кто-то допустил ошибку. Его ведь не смогут вытащить из космоса, а шум не поднимут, чтобы не было огласки. А высадившись из «Гриффина», он уже никому не сможет причинить вреда.

— И куда он попадет? — спросил офицер-космонавт.

— На Фенрис.

Джоктару это название ничего не говорило, но в ответе ему послышалась успокоительная нотка.

— Фенрис! — Офицер рассмеялся. — Да, он получит по заслугам. Сможете поместить его на корабль?

— Если поторопимся. Он, правда, может не успеть получить все нужные уколы. Но кому какое дело, если он не проснется на том конце?

Последнее, что услышал Джоктар, было рассудительным ответом полицейского:

— Похоже, вы все продумали. Да, думаю, никаких неприятностей не будет. Ведь в документах ничего нет. Но вам придется что-нибудь придумать, чтобы успокоить начальство. Я не хотел бы вступать с ним в объяснения.

Они подняли жертву с пола, и Джоктар от этого лишился сознания. Пришел в себя оттого, что его бросили на какую-то плоскую поверхность с такой силой, что заболело все тело.

— ...придурки. Доставлять так поздно... — слышалось над ним.

— Что случилось? Он похож на жертву несчастного случая.

— Вам платят не за то, чтобы задавать вопросы. Вероятно, драка среди пойманных. Он зачинщик. Его вытащили оттуда, чтобы успокоить. У нас таких предостаточно.

С него сорвали комбинезон. Болезненный укол, еще один. Гудение, потом темнота и холод — холод такой сильный, что его пробрала судорога, как под ударом силового лезвия.

Джоктар не чувствовал, как его сняли со стола и положили в ящик, неприятно напоминающий гроб. Крышку торопливо закрыли, почти не обращая внимания на показания многочисленных циферблатов и индикаторов. На крышку наклеили листок, и ящик стал одним из множества таких же в большом грузовике.

Грузовик отправился в порт и остановился под краном у люка эмиграционного корабля. Челюсти крана хватили один ящик за другим и переносили в грузовой трюм, и такие же будут потом доставать их оттуда с живым или мертвым содержимым — это уж как повезет. И будет это через несколько месяцев планетарного времени и на удалении в половине галактики отсюда. Погрузили последний ящик, люк закрылся.

Вскоре корабль задрожал, заработал его двигатель, затем он поднялся на столбах пламени и лег на курс.

В кабинете начальника эмиграционной станции ждал человек с пачкой кредитов. Он потерял терпение, требовал выполнить его просьбу и наконец позвонил по закрытой линии по номеру, который удивил и встревожил владельца кабинета.

Другой человек, тоже дожидавшийся в приемной с пачкой кредитов, торопливо задал несколько вопросов и ушел из Э-станции. Кредиты пришлось возвратить их владельцу: он прошел по улицам, отыскал убежище и рассказал тому, кто его послал, что приказание выполнить не удалось. Тот, кто его выслушал — его звали Керн, — был настолько разочарован, что решил преподнести несколько наглядных уроков, чтобы восстановить свой престиж. Но после того как его распоряжения были претворены в жизнь, он забыл обо всем этом деле.

Третьему человеку в небольшом неприметном кабинете позвонили по коммуникатору. В результате этого звонка пять че-

людей в самых разных уголках Земли получили новые назначения, и трое из них вылетели в Н'Йорк.

Двух охранников с Э-станции допросили и перевели в порт Мелвамбе. Их предупредили, что, если они будут болтать, с ними обойдутся так же, как они обходятся с эмигрантами. И вопреки их протестам, таковое все же произошло с ними не далее как через месяц. Служба не хотела нового скандала, когда за кулисами начались тревожные маневры. Оба охранника оказались на планете Блор, и через год один из них умер от местной болезни, а затем второго убили товарищи за то, что он доносил на них.

Еще один человек в сером мундире разведки в тот самый час, когда стартовал «Гриффин», отправился в ювелирную мастерскую в Н'Йорке. Он попросил раскрыть идентификационный диск. Но когда прочел имя в нем, побледнел, даже несмотря на свой космический загар: ему вспомнились некоторые старые истории. Уходя, он испытывал искушение бросить диск в ближайшую мусорную урну, но потом передумал и решил уничтожить его с помощью корабельного атомного резака. Однако по пути в порт его обворовали. Обнаружив это, он испугался, очень испугался — впервые за многие годы.

В план инспекционной поездки советника по планетам фронта оказалась включена вторая планета звезды зеты Волка, в созвездии Волка. Эта планета называлась Локи, а ее ближайшая соседка называлась Фенрис. Ходили слухи о неприятностях на Фенрисе.

В лагере преступников на Фенрисе один из бандитов бросил вызов главарю. Звали этого бандита Сэммз, когда-то он был эмигрантом, но сбежал с алибитовых шахт. Он разработал сложный план, и вызов главарю был вторым шагом этого плана. День был необычно холодный, и его противник попал в ловушку. Сэммз оказался на мгновение проворней и тем вечером стал главарем банды Кортоски.

(Отчет Хадда и Расто, Н'Йорк, Б. Морлу, перенаправленный Кронфельду, директору колонизационного проекта 308.) Объект был допрошен космическим разведчиком, диск у него отобран и позже раскрыт ювелиром. Он оказался на имя Марсона, ОССД 451. Разведчик забрал диск у ювелира. Он считал, что

объект виновен в убийстве партнера разведчика, Кендера, которое произошло на улицах за три недели до этого. Мы должны подчеркнуть, что возникли трудности при расследовании происшествия на Э-станции. Считаем, что данные были сознательно искажены. Керн также пытался выкупить объект.

(Звонок по закрытой линии: Кронфельд — Морлу.) Кронфельд. Займитесь этим разведчиком. Я не верю его истории об убийстве партнера. Должно быть что-то еще. Парни в сером встревожены. Мне нужен полный отчет об этом разведчике. С людьми из эмиграции разберусь сам. Забудьте о Керне, он нас больше не интересует.

(Служебное сообщение.)

Э-С 59641—7/20

От кого: Служба эмиграции, станция порта Н'Йорк, Айр-сон, дежурный агент.

Кому: Кронфельду, директору колонизационного проекта 308.

Тема: относительно эмигранта, мужчины, возраст примерно восемнадцать лет, землянин, захвачен во время облавы в «Солнечном пятне» 4 марта.

Этот человек отправлен на эмиграционном корабле «Гриффин» на планету Фенрис для работы на алибитовых шахтах. Согласно закону классифицирован как «безработный, не необходимый для благоденствия Земли». Микрофильм документов прилагается.

(Разговор по закрытой линии: Кронфельд — Морл.)

К.: Вы уверены, что это наш человек? Данные о возрасте, сообщенные Э-станцией, не соответствуют.

М.: В сообщении искажены и некоторые другие данные. Его явно подчищали. Возраст точно указан неверно, у меня есть свидетели, способные это доказать. Но если вы правы, искажение данных понятно. Они всячески стараются скрыть незаконность его высылки. Однако он все же отправлен на Фенрис. Что вы можете предпринять?

К.: Ничего, пока он туда не прибудет. Извещу нашего агента там. Беда в том, что сейчас как раз самый критический момент. И его отправляют на такую планету! Если повезет, мы сможем выкупить его на аукционе. Фенрис! Похоже, кто-то так

же сильно старается избавиться от него, как мы — отыскать. Будь проклят этот разведчик! Все дело с самого начала пошло неладно. Надеюсь, Том и Куллан поджарят им хвосты до самой спины! Посылайте мне все, что узнаете, как только сами получите сообщение.

(*Выдержка из «Путеводителя по галактике».*) **Фенрис.** Третья планета в системе звезды зета Волка. Как и на других двух планетах системы, Хел и Локи, климат делает ее почти непригодной для жизни людей. Главные предметы экспорта: алибит и меха. Следы разумной расы, теперь не существующей, в виде резьбы по камню и каменных сооружений. Очень сильные бури, девять месяцев из локального года на планете суровая зима. Один порт — Сиваки. Два города: Сиваки и Сэнди, центр района шахт. Планета считается непригодной для туризма. Для полета и высадки в Сиваки требуется разрешение класса «А».

В другом лагере, по другую сторону небольшого горного хребта, космонавт, уволенный со службы и совсем недавно купленный из рабочей группы, внимательно слушал человека, который выложил немало кредитов для его освобождения. Потом стал говорить сам, подробно описывая события из своего прошлого. Его благодетель смог заполнить еще одну клеточку в огромной и сложной головоломке, чем доставил радость человеку в неприметном кабинете на Земле. А «Гриффин» продолжал свой полет в гиперпространстве, неся в своем трюме тот недостающий элемент головоломки, что отразится на всех событиях от Земли до Фенриса и Локи. А бывший крупье в игре в звезды и кометы совершал первый шаг к своему необыкновенному будущему.

Глава 3

Ландшафт вокруг порта Сиваки — почти лунный в своей наготе и мрачности. Только резкие ломаные очертания вершин, окружающих долину, приглушены — можно даже сказать, смягчены — густыми зарослями растительности на нижних склонах. В холодные месяцы эта растительность напоминает странные,

подобные губкам скелеты, способные выдержать удар силового лезвия и серо-голубые по цвету.

Голубое пятно тянется до самого снега. И холод, всегда жестокий здесь, проникает через термокостюмы и меха, через подогретые стены жилых помещений, вгрызается в кости человека.

Фенрис — это алибит. Люди уходят в глубины шахт, а из шахт выходит руда. И на этом двустороннем перемещении держится вся экономика Сиваки. Есть также группа безумцев, которые пытаются добывать шкуры в речных долинах. Но их горстка, это остатки тех, кто впервые заселил Фенрис, еще до того, как компании наложили свои лапы на эту замерзшую на три четверти планету.

Этим утром четверо таких независимых трапперов остановились, разглядывая объявление об аукционе эмигрантов, вывешенное на доске для правительственных сообщений. Двое пожали плечами, третий красноречиво плюнул, но четвертый продолжал читать набранный мелкими буквами текст объявления на суконном официальном языке. Один из его спутников потянул его за рукав верхней меховой одежды.

— Незачем это читать!

Но глаза читающего — только они и виднелись в узкой щели между капюшоном из шерсти «овечки» и маской, закрывающей рот и нос. Хотя многослойная одежда делает фигуру громоздкой, в движениях этого человека, когда он высвободился из хватки товарища, была юношеская гибкость.

— Мы остаемся, — сказал он, и маска не заглушала властный тон его голоса. Второй пожал плечами, но положил руку на пояс, туда, где у людей фронта висит универсальный бластер и двадцатидюймовый нож в меховых ножнах.

Как раз в этот момент оцепеневший груз, упоминаемый в объявлении, начал шевелиться. Джоктар, у которого сохранились лишь смутные воспоминания об Э-станции, услышал хор стонов, проклятий и других симптомов неприятного состояния, о котором слышал перед отправкой в Н'Йорке.

— Этот дышит...

Его схватили за руки и за ноги и перевернули. Снова болезненные уколы. И начался трудный процесс возвращения к

жизни. Мучительным оказалось восстановление кровообращения, вместе с которым пришло осознание, где он и почему.

Сев, он с трудом осмотрелся, растирая руками обнаженное тело, словно это могло облегчить покалывание. Похоже, он почему-то пришел в себя быстрее остальных, потому что из двадцати лежавших на напоминающем полку выступе он первым смог свободно двигаться. Память подсказала название — Фенрис. Только название... он понятия не имел, что за планета находится за стенами этой комнаты.

— Шевелитесь! — В дверях появились люди в комбинезонах с символами портовой службы на груди и спине. С привычной эффективностью они поднимали пленников. Джоктар сидел на месте, в нем кипела глухая ненависть, но он был достаточно разумен, чтобы не сопротивляться. Однако желание бежать становилось все сильнее, превращаясь в такую же необходимость, как необходимость жить.

Первый охранник приблизился к нему и улыбнулся, разглядывая худое тело Джоктара.

— Эмиграция уже начала хватать детей, — заметил он. — Да ты и до продажи не доживешь, сынок.

— Ладно, ладно! Всем встать, полуживые! — Пленников выстроили неровной линией. — Получайте!

Охранники с сумкой прошли вдоль строя, доставая из нее небольшие свертки и бросая каждому в строю. Джоктар надел шорты, застегнул пояс.

— Еда... — Они проходили в дверь, и каждый получал приятно теплый контейнер. Почувствовав голод, Джоктар снял крышку с сосуда и принялся пить густую жидкость — полусуп, полужаркое.

— А теперь краткий ликбез! — Начальник охраны поднялся на платформу в конце помещения. — Вы на Фенрисе. А на этой планете нельзя отправиться за соседний холм и после этого выжить. — Он отдал приказ подчиненным, и те настроили видеопроектор. — Здесь только два места, где человек может жить. Этот порт и шахты. Попытайтесь сбежать — и вот что произойдет.

Он шелкнул пальцами, и на стене над головами появилось несколько ярких видеосцен. Если ужасы, которые на них изображались, были придуманными, у создателя этих сцен нео-

бычайно сильное воображение. Но Джоктар решил, что это не вымысел. В мельчайших подробностях было показано, что может случиться с беглецом, представлено в цветном трехмерном изображении: сильнейшие бури, нападающие «овечки», ядовитые источники и с полдесятка других ужасов, присущих этой планете. Каждый вдох без защиты может означать смерть, потому что ледяные кристаллы в воздухе проникают в легкие и разрывают их. В качестве предупреждения против побегов урок оказался весьма убедительным. Но Джоктар не отказался от своих личных планов — попытаться сбежать при первой же возможности.

— Сейчас вы отправитесь на аукцион, — сообщил им охранник. — Вероятно, попадете на шахты. Действуйте по правилам, не пытайтесь сопротивляться, и, возможно, когда-нибудь вам удастся себя выкупить. Первые десять — сюда.

Случайно Джоктар оказался в числе первых десяти. Их привели в большее помещение и поставили на платформу, перед которой собралось чуть больше десятка покупателей. Эти люди сидели в удобных креслах, откинув меха. Но были еще три или четыре человека, они стояли в дальнем углу и как будто не чувствовали себя дома.

— ...признаны здоровыми и пригодными к работе... — тянул кто-то. Человек в мундире Эмиграционной службы зачитывал привезенный на корабле список.

Охранники снова выстроили пленников в ряд. Одного за другим эмигрантов брали за плечо и поворачивали, чтобы покупатели могли его разглядеть. Когда добрались до него, Джоктар услышал голос одного из покупателей:

— А этот малыш что здесь делает? От такого тощего шкета никто не получит недельную выработку.

— Не знаю, Ларс, иногда такие тощие оказываются самыми крепкими. — Встал другой человек и подошел к платформе. — Ну-ка, парень, покажи свои лапы.

Охранник не дал Джоктару возможность самостоятельно выполнить приказ. Он схватил пленника за локти и заставил вытянуть руки. Покупатель критично взглянул на ладони.

— Мягкие. Ну, затвердеют, когда покопаешь. Из него может выйти сортировщик. Но только полную цену за него никто не даст.

Джоктара вернули в строй и вытолкнули вперед его соседа. Начался торг, и когда снова дошла очередь до Джоктара, один из тех, что стояли в стороне, прошел вперед.

— Десять шкур, первосортная «овечка». — Эти слова нарушили однообразные предложения покупателей. Тот, что разглядывал ладони Джоктара, повернулся и нахмурился.

— Кто впустил этих лесных животных? — спросил он.

Сделавший предложение продолжал двигаться, пока не дошел до офицера Эммиграционной службы.

— Это ведь эмиграционный аукцион, верно? — спросил он таким же резким тоном, как и представитель шахты.

— Да. — Офицеру все происходящее явно наскучило.

— Никаких привилегированных покупателей, так говорится в объявлении.

— Верно.

— Тогда я предлагаю десять первоклассных шкур «овечки». — Он стоял, слегка расставив ноги в меховых сапогах; в позе его была уравновешенность и напряженность, как перед схваткой.

— Предложение принято: десять первоклассных шкур, — повторил офицер.

— Пятьдесят кредитов! — заявил покупатель из шахты.

— Пятнадцать шкур.

— Сто кредитов! — вмешался еще кто-то из представителей шахты.

Офицер немного подождал и спросил:

— Все еще заинтересованы?

Джоктар видел, как человек вопросительно посмотрел на своих товарищей у двери. И когда не получил никакого ответа, пожал плечами и отступил. Люди компании засмеялись.

— Оставайтесь в своих горных норах и мерзните там! — крикнул победитель. И снова вернулся к делу. — Ну, так получаю я его за сотню?

Офицер кивнул, и Джоктар стал собственностью одной из компаний.

В конце торговли их разбили на группы по компаниям, накормили, показали, где переночевать, и каждому дали термокостюм. Джоктар внимательно слушал разговоры охранников, ценя каждый обрывок информации. Теперь он собственность корпорации Джард-Неллис, которая разрабатывает новый сек-

тор в горах Камадор; ему не очень повезло. О другом покупателе ему удалось узнать только, что это траппер и что его предложение — только еще один ход в старинной вражде компаний и горстки первопоселенцев, считающих Фенрис своим.

На следующий день рано утром эмигрантов посадили в грузовой трюм краулера, направляющегося в район шахт. Воздушный транспорт на этой волчьей планете оказался слишком опасным. На начальной стадии заселения бури приводили к слишком большому числу крушений. И теперь пользовались архаичным транспортом, причем за дорогами приходилось постоянно следить, ликвидируя размывы и повреждения, вызванные бурями. Оценив количество и качество оружия многочисленных стражников, Джоктар понял, что опасаться приходится не только природных бедствий.

Среди эмигрантов не нашлось людей, которые хотели бы сбежать в негостеприимную дикую местность: их уже приучили этой местности бояться. Но тогда зачем столько охранников? А бластеры и игольные ружья — не защита от бурь.

Тяжелая машина начала удаляться от порта, но эмигранты в лишенном окон трюме не могли разглядывать местность. Пятнадцать человек: бродяги с улиц, наркоманы, страдающие от ломки, несколько крепких парней, которые могли служить в охране какого-нибудь босса, — все они оказались в тесном помещении. Джоктар особенно внимательно приглядывался к крепким парням, но наконец решил, что они не из тех, кто становится мятежниками. Напротив, если переживут первые месяцы, сами могут стать стражниками.

В краулере начала образовываться группа, но Джоктар держался в стороне. Сильные уже пытались утвердиться. Джоктар знал множество приемов и не опасался стычки один на один с любым из них. Но вот против двух — это совсем другое дело.

К исходу долгого дня краулер добрался до путевой станции. Всех выгнали из теплого помещения на мороз, подобный кислоте, и отвели в купол. И здесь Джоктар узнал о себе кое-что новое. Холод, который мучил его товарищей, на него действовал не так сильно. Его термокостюм не лучше, чем у них, и у него нет мехов поверх костюма, как у охранников. Но ему перемена температуры показалась бодрящей, а не цепенящей.

Глотая похлебку из банки, он думал об этом, вспомнив некоторые события своего прошлого. Летние дни в Н'Йорке, когда Керн удивлялся тому, что Джоктару не жарко; а Джоктар удивлялся, почему остальные работники «Солнечного пятна» так бранят жару, когда им приходилось выходить из помещений с кондиционерами. Или случай еще более ранний, когда повар, полуобезумев от сока сара, запер его, тогда еще почти мальчишку, в холодильнике. Темная пещера холодильника напугала его, но не своим холодом. Когда Мей-Мей, тогдашняя фаворитка Керна, отыскиала его, она тоже испугалась — потому что он сам вышел из холодильника. Тогда он не понял, что ее так поразило, но теперь начинал понимать. Похоже, что он способен выносить крайние температуры — и высокие, и низкие — лучше других.

Если это так, то на этом можно основывать планы побега. Он так задумался, что на какое-то время забыл об окружении. Но тут кто-то ударил его по вытянутой ноге.

— Эй ты, костлявый, слушай, когда к тебе обращаются.

Джоктар поднял голову. Рано или поздно это должно было случиться. Он понял это сразу, как только увидел в группе этих задир. Они снова начинают старинную уличную игру. И поскольку он кажется самым слабым, легкой добычей, они собираются использовать его для преподавания другим урока. Но они не вооружены и, похоже, не собираются нападать все сразу.

Рука ухватила его за ворот термोकостюма и потянула. Джоктар подчинился этому рывку с готовностью, какой противник не ожидал. И последующее оказалось прямо противоположным тому, чего ждал нападавший.

Бывший крупье погладил костяшки пальцев, перешагнул через тело противника и приготовился встретить нападение второго. Но тут послышался голос от двери.

— Прекратить драку! Это вас остановит!

Джоктару не потребовалось быть одернутым рывком силового поля, чтобы остановиться. Он стоял неподвижно, окутанный невидимыми путами, а охранник направился к нему.

— Ты, — ткнул он в Джоктара пальцем, — сюда. — Свой приказ он подкрепил рывком поля. — Сил у тебя много, так что давай грузы прыжковые салазки. — Слова его не имели смысла

для жертвы; землянин понял только, что ему предстоит покинуть краулер, а следовательно, может возникнуть возможность побега.

— А вы, остальные, — охранник воспользовался вторым силовым полем как хлыстом, заставив всех отшатнуться, — ведите себя спокойно, или придется над вами поработать.

Он вывел Джоктара наружу, где стояла копия краулера, только гораздо меньших размеров.

— Смотри внимательно, — сказал он пленнику. — Это прыжковые салазки, их используют для снабжения старателей в горах. — Он показал на видневшиеся на горизонте туманные вершины. — Ты поедешь в его брюхе, — щелчок пальцев в перчатках и злобное выражение лица должны были напомнить страшные картины, показанные на базе. — И этого у тебя не будет. — Охранник показал на свои верхние меха. — Термокостюм сохранит тебе жизнь ровно настолько, чтобы ты мог выгружать доставленное на каждой остановке. Будешь хорошо работать, и водитель будет к тебе снисходителен. А теперь начинай грузить.

Рядом ждала груда ящиков и сумок, их нужно было занести в трюм прыжковых салазок. Джоктар принялся за работу. Большая часть грузов оказалась легкой. Но последний ящик был тяжел, и Джоктар вспотел, когда с трудом затащил его.

— Ну что, твои хвостовые огни сейчас не такие яркие, драчун? — усмехнулся охранник. — Подожди, пока придется выгружать на точке Полпути. Вот там тебе придется повозиться.

Джоктар закончил работу, и охранник знаком велел ему забираться внутрь.

— Забирайся, мы отправляемся.

Дверь грузового отсека захлопнулась, и грузчик-новичок в потемках принялся торопливо искать, куда пристроиться: прыжковые салазки двинулись. Джоктар обнаружил, что название транспортному средству очень подходит: по ровной поверхности они катились, но иногда делали неожиданный прыжок, и пассажира в трюме бросало к стенкам.

Здесь было холодно. Джоктар почувствовал, как начинает приспосабливаться его термокостюм; впрочем, его способностей недостаточно, чтобы компенсировать такое резкое паде-

ние. Однако особых неудобств Джоктар не испытывал. Но вот наконец салазки остановились.

— Выходи! Выгружай все обозначенное красным. Сделаешь ошибку — все будешь затаскивать снова!

Дверь отсека открыли, и в лицо Джоктару ударил ледяной ветер. Землянин ахнул, чуть не задохнулся, с трудом восстановил способность дышать и поднял первый мешок. Рядом стоял стражник, в мехах, с закрытым маской лицом, с бластером наготове.

Однако, как вскоре понял Джоктар, бластер был подготовлен не из-за него. Поза работника компании свидетельствовала, что он ожидает неприятностей извне, оттуда, где снег и взвесь кристаллов льда создавали непроглядный туман.

Джоктар с мешком пробежал мимо стражника и опустил груз у небольшого купола. Затем сделал второй рывок с ящиком. Еще два небольших мешка, больше ничего помеченного красным нет. Он снова забрался в трюм, дверь захлопнулась. Машина с рокотом двинулась дальше. Джоктар дул на руки. Снял рукавицы термокостюма и обнаружил, что пальцы потеряли подвижность, но не онемели.

Он начал размышлять о салазках. Где-то там, вверху, водитель и, вероятно, охранник. По меньшей мере два человека, и оба вооружены. А он безоружен, и между остановками его запирают. Он задумчиво разглядывал груз. Может ли содержимое какого-нибудь ящика или мешка послужить его целям? Попытался проверить, но открыть голыми руками ничего не смог. Естественно! Кто предоставит рабу доступ к возможности мятежа?

Нужно либо совершить попытку во время разгрузки, либо ждать подходящего случая. Как игрок, он хорошо знал, что периоды удачи и невезения распределяются очень необычно. Он знал людей, которые временами могли назвать всю последовательность карт — и были совершенно уверены в том, что делают это правильно. Он и сам иногда испытывал такую уверенность. Но никто не в состоянии по собственной воле вызывать эту способность.

Но может ли он ждать одну из этих загадочных волн везения, надеясь, что она на своей вершине вынесет его на сво-

боду? Он продолжал растирать пальцы, словно готовил их к очень важной партии.

Прыжковые салазки поднимаются: должно быть, следующая остановка в горах. Насколько он успел услышать в Сиваки, эти норы, как называются участки старателей, в постоянной опасности. Людям компании должны очень хорошо платить, чтобы они согласились так далеко уйти от дороги и главного поселения. Сколько людей работает в такой норе и как долго им придется там находиться в изоляции? Используют ли они эмигрантов? Сбежать с такого места легче, чем из поселка при шахтах.

Салазки замедлили ход. Еще один пост? Нет, машина двинулась назад.

Но недостаточно быстро!

Мощный удар по передней части машины, и ее скольжение сменилось задним ходом с рывками. Пол под Джоктаром наклонился, и задний ход заметно ускорился. Джоктар пытался ускользнуть от груза. Скорость движения невероятно выросла. Последняя сознательная мысль: водитель потерял контроль, и они несутся по горному склону.

Джоктар слегка пошевелился. Темно... тесно и холодно, такого холода он никогда не испытывал. Он оттолкнул придавивший груз, с трудом высвободил ноги. Кости целы, но все тело в синяках и ссадинах.

Салазки молчат, не слышно гудения двигателя. И тепло быстро уходит из грузового отсека. Джоктар в приступе паники заколотил по стене. Никакого ответа. Он словно заранее это знал. Но нужно как-то выбраться из этой ловушки.

Возможно, машина оборудована запасным выходом — как раз на такой случай. Джоктар начал ощупью исследовать стены и наткнулся на панель, которая подалась под его усилиями. Открылся выход.

Глава 4

Через отверстие на него обрушились потоки снега. Теперь слышался шум ветра в острых вершинах, голодный крик. Джоктар руками разгреб снег, выбрался наружу и сел на полупогребенные прыжковые салазки.

Когда он грузил это транспортное средство на станции, был вечер. Теперь небо серое, и он решил, что начинается утро. Лавина снесла салазки в узкое ущелье, на склонах горы видны свежие царапины.

Джоктар принялся копать снег, добираясь до кабины водителя. Полчаса спустя, запыхавшись, он до нее добрался. Водитель и охранник, должно быть, умерли еще до падения: было очевидно, что по салазкам ударила самым краешком лавина. Он должен забрать у мертвых то, что поможет ему выжить.

Уже взошло солнце и заблестели снежные поля, когда Джоктар начал перебирать свое новообретенное богатство. Припасы продуктов он считал оружием, способным помочь ему выжить и освободиться.

Поверх термокостюма на нем теперь меха, меховая шуба чуть великовата, как и высокие меховые сапоги, доходящие до середины бедра. Бластер водителя раздавлен, но оружие стражника теперь на поясе у Джоктара. Он нашел также запас продовольствия и сытно поел. И теперь сидел, увязывая все необходимое в тюк: силовой топор, пища, карта, сорванная со стены кабины.

Не исключено, что в грузе найдутся и другие полезные вещи, но он может унести с собой лишь строго ограниченное количество. Возможно, когда он осмотрится и найдет убежище, вернется и разбудит что-нибудь еще — если спасательный отряд компании не обнаружит разбитую машину раньше.

Все эти заботы занимали сознание Джоктара, и только когда закончил увязывать припасы, встал и принялся высматривать лучший выход из долины, он со всей силой ощутил свое одиночество. На улицах у него никогда не было близких друзей, но физически рядом всегда были другие люди. В загонах Эмиграционной службы, на прыжковых салазках — всегда были другие, даже если он знал, что они настроены враждебно.

Теперь же он один под ударами стонущего ветра. Искать других людей — значит вернуться в заключение, из которого он бежал. Надо посмотреть этому в лицо, как он всегда смотрел в лицо опасности, смотрел с упрямой решительностью, основанной на воле. Ощущая на спине волчье дыхание Фенриса, Джоктар побрел по сугробам долины.

Но не успел дойти до ее конца, как усомнился в разумности своего решения. Когда он только выступил, солнце сияло, но сейчас его закрыли тучи, и занесенная снегом местность погрузилась в полутьму. Буря! Ужасные рассказы в порту предупреждают, что нужно искать убежище.

Джоктар достиг массы вмерзших в землю камней — последствия предыдущей лавины. В сумерках что-то появилось — столб дыма, извивающийся на ветру. Рука в перчатке легла на рукоять бластера, Джоктар прижал оружие к меху своей новой шубы. Означает ли этот дым еще одну нору? Но теперь он вооружен и нуждается в убежище. И Джоктар направился к туманному столбу.

Но не увидел над сугробами никакого купола, ничего, что позволяло бы заподозрить существование лагеря и людей. А ветер донес сильный запах гнили, пронзивший нос и горло. Джоктар закашлялся. Маска отчасти спасла его от зловония, но все равно выворачивало наизнанку.

Теперь он знал, что его догадка об источнике дыма неверна. Это не человеческий лагерь — он приближается к одной из главных опасностей Фенриса, ядовитому горячему источнику. Здесь теплая вода разъела ядовитый пористый камень и несет с собой смертоносный дым. Люди и животные, ищущие здесь тепла, превращаются в груды костей — предупреждение другим.

Джоктар упал в снег, его снова поразил приступ кашля. Он сорвал маску, набрал в руки снега и набил им рот. На четвереньках отполз от изгибающегося столба дыма и головой вперед упал на густые, похожие на губку заросли. Инерция падения позволила ему преодолеть сопротивление этой плотной массы ветвей.

И он по-прежнему головой вперед свалился в глубокую щель на дне долины. Кусты сомкнулись над его головой, прикрыв от снега и ветра. Спустя несколько мгновений он понял, что случайно нашел убежище. И в этот момент буря разразилась со всей силой.

Гневный рев над головой оглушал, не позволял закончить ни одну связную мысль, сделать хоть что-то. Оставалось только лежать, терпеть и ждать конца. Джоктар прижался к жесткой почве, подобрал руки и ноги, укрыв их мехом, свернулся клубком. Рев ветра отражался гудением в голове, ударами крови.

Ничего подобного он никогда не испытывал. Наконец он потерял сознание.

Возвращение сознания было таким же болезненным, как возврат к жизни в порту. Он вытянул затекшие конечности, ощутил боль возобновляющегося кровообращения. Джоктар понятия не имел, что он первый землянин на Фенрисе, который сумел под открытым небом пережить бурю. Его действиями руководило подсознательное стремление к жизни. Несмотря на крышу из ветвей, на него навалило много снега, и он стал освобождаться из снежного плена.

Поворачиваясь, он образовал углубление в снегу. Сейчас Джоктар сел в этом углублении и нащупал банку с саморазогревающимся супом. Дрожащими пальцами снял крышку, и немного содержимого пролилось на руку. Но он принялся есть, и тепло этой специальной калорийной еды разлилось по телу, создавая приятное впечатление. Ему хватило решительности закрыть крышку, не доедая все. Сжевав еще концентрат в виде печенья, Джоктар поискал просвет в стене кустов. Рев ветра стих, слышалось только шуршание его мехов и скрип снега под ногами.

Пробиваться сквозь кусты было так трудно, что у него появилось искушение использовать бластер в качестве резака. Но он помнил, что у него нет запасных зарядов; то же самое справедливо и для силового топора, который может стать его запасным оружием. Наконец сильным рывком, прикрывая лицо руками, он выбрался наружу.

Небо над головой серое, но густых туч нет. Джоктар ясно видел кольцо рваных утесов вокруг долины. Решив, что скоро вечер, он начал поиски лучшего убежища.

Снег под ногами скрипел. Абсолютная тишина и неподвижность почему-то сильнее действовали на нервы, чем ярость бури. Он единственное живое существо в этой белой чаше, где движется еще только столб ядовитого дыма. Эта тишина снова вызвала ощущение одиночества. Неужели здесь нет ни птиц, ни животных — ничего живого?

Искушение вернуться к разбитой машине оказалось настолько сильно, что он повернул назад. И когда добрался до основания расщелины, ведущего в меньшую долину, услышал

разорвавший воздух звук, похожий на гром, отразившийся от вершин и усиленный ими.

Звук стих, а из меньшей долины, в которую он готов был углубиться, поднялись белые клубы. Лавина. Еще один снежный обвал в несколько секунд отрезал его от салазок.

Ошеломленно трясая головой, Джоктар пошел назад, в долину. На этот раз определенной цели у него не было. Есть кусты, маскирующие расщелину, но туда он не хочет. Голова болела, облепленные снегом сапоги и шуба тянули вниз. Джоктар направился к утесам слева.

Снова грохот в горах. На этот раз вниз, должно быть, устремились тонны снега и земли. Теперь салазки, вероятно, окончательно погребены. Чуть всхлипывая, Джоктар прислонился к выступу стены. Держась рукой за этого каменного часового, человек посмотрел, что же он охраняет. И увидел черную дыру в стене. Может, это пещера!

Землянин направился к этому темному отверстию, одну руку почти умоляюще протянув вперед, в другой сжимая бластер. И не умер, потому что держал оружие наготове.

Беззвучно, без малейшего предупреждения из отверстия показалась ужасная смерть и нацелилась ему на голову и плечи. Инстинктивно Джоктар поднял ствол и нажал на курок в тот момент, как удар отбросил его назад в снег.

Когти конвульсивными рывками терзали мех шубы. Тварь, напавшая на него, умерла, еще не коснувшись земли, зловоние от сгоревшей шерсти и плоти свидетельствовало об удачном выстреле. Джоктар лежал под тяжестью зверя, слишком потрясенный, чтобы высвободиться, не веря, что он так легко отделался. Он даже не ранен серьезно.

Наконец, выбравшись из-под туши, он рассмотрел ее. Это не «овечка», злобное жвачное животное, которое поселенцам совсем не казалось овцой, но чья мягкая бархатистая шерсть повсюду на Фенрисе служила валютой и средством обмена. У этого животного совсем не овечья шерсть; там, где не почернела от залпа, она белая, как снег. Животное совершенно неразличимо на снежном фоне. И у него нет копыт, но все четыре лапы когтистые, с втягивающимися когтями, и густо поросшие мехом. Ширина лап свидетельствовала, что их владелец способен передвигаться по насту, там, где другое живое суще-

ство провалится в снег. Голова тоже широкая, и в пасти двойной ряд клыков — признак хищника, пожирателя мяса. А на тупой морде два огромных глаза, которые Джоктар принялся внимательно разглядывать.

Они не похожи на глаза других живых существ. Это собрание множества маленьких линз, каждая из которых снабжена собственными миниатюрными веками; некоторые сейчас закрыты, другие раскрыты, словно зверь мог по желанию использовать их все или по частям. И по контрасту с размером глаз уши необыкновенно маленькие и прячутся в густом меху. Кошка или медведь? В любом случае это — внезапная смерть на четырех лапах.

Джоктар встал, попытался расправить мех шубы. Воздух был заполнен зловонием. Землянин осторожно приблизился к отверстию, из которого появился зверь. Опустившись на колени, он настроил бластер на стрельбу веером и нацелился в глубь пещеры. Ответом была вспышка пламени — это загорелась подстилка, как понял он, забравшись внутрь и раскидав дымящиеся прутья.

Джоктар ножом нарезал веток кустарника и притащил их грудой к входу в пещеру. Запах горелого мяса по-прежнему окружал тушу зверя, но больше этот запах не вызывал отвращения. Джоктар с ножом в руке принялся разделять тушу.

Подрезав шкуру, он обнаружил толстый слой желтого жира и стал нарезать его кусками. У него нет опыта мясника, и работа была грязной и неприятной. Но Джоктар получил то, что хотел, — свое первое свежее мясо, гораздо более вкусное, чем концентраты и научно сбалансированные продукты из неприкосновенного запаса.

Он насадил куски мяса на палки и попытался их обжарить. Мясо, скорее, горело, чем жарилось, но он все равно жадно съел его. Жир животного удовлетворил его какую-то глубокую внутреннюю потребность. Вымыв лицо и руки в снегу, Джоктар забрался в пещеру и с холодной расчетливостью, рожденной опытом у игрового стола, принялся обдумывать плюсы и минусы своего положения.

Он жив, хотя спасся почти чудом. Он вооружен, хотя заряд бластера придется экономить. У него есть припасы из салазок. Есть и карта.

Джоктар развернул ее в мерцающем свете костра. Толстая линия, извивающаяся между горами, — вероятно, дорога, ведущая от космопорта к шахтам. А более тонкие пунктирные линии, отходящие от толстой, должно быть, тропы, ведущие к норам. Красный крестик у одной норы, наверно, отмечает то место, где он разгружал привезенное. Но в этом он не был уверен. Есть и второй красный крестик, но до этого места они так и не добрались. Видимо, где-то между этими двумя крестиками салазки и оказались под лавиной. Джоктар пожал плечами: все это лишь догадки.

Приходится посмотреть правде в глаза: на Фенрисе нет убежища для инопланетянина, кроме порта и шахт. А стоит ему показаться там, как он себя выдаст. И тем не менее не стоило сомневаться, что жить в дикой местности под открытым небом невозможно.

Предположим, он двинется по главной дороге на запад. Но так он доберется только до Сиваки, а в небольшом поселке всякий новичок будет сразу замечен. Порт, шахты, путевые станции — все это для него ловушки. А как же норы старателей? Ему не хватает знаний. Сколько человек в каждой норе? Часто ли к ним подвозят припасы? Какая у них форма связи с шахтами? И можно ли отыскать хоть одну такую нору в этой белой пустыне?

Отгородившись от внешнего мира костром, Джоктар испытал внезапный прилив уверенности. Вероятно, это следствие сытого живота и того, что ему удалось до сих пор выжить, несмотря на многочисленные опасности. У него есть завтра, есть возможность действовать, и он все еще жив.

Ночь прошла беспокойно: полуразделанная туша стала приманкой для других обитателей Фенриса. Слышались странные звуки протеста и предупреждения, рычание и шум схваток, из-за костра видны были устремленные на него блестящие глаза. Наконец Джоктар сел, положив бластер на колени, и попытался рассмотреть тех, кто ждет, пока не погаснет костер.

На рассвете погода по-прежнему была тихой, ни ветерка не касалось снежных дюн. Джоктар собрался и попытался определить цель. Прыжковые салазки к северу от него; по крайней мере он считал, что узкая долина, в которой лежит разбитая машина, находится севернее. И он пошел в том направлении.

Столбы ядовитого дыма неподвижны, они обозначают полосу голого камня с желтой накипью. Но путь подалее от этих столбов оказался нелегким. Снег собрался в огромные сугробы, как песок пустыни собирается в дюны, и у каждой дюны острая, как лезвие ножа, верхушка. Пересекать сугробы — значит идти по пояс в снегу. Пришлось находить извилистую дорожку между ними.

Во всем огромном белом пространстве он был единственным движущимся существом. Ни птицы в небе, а если на земле и крадутся какие-то животные, Джоктар их не видел. Его угнетало ощущение одиночества, и он удвоил усилия в попытке достичь пиков. За этой преградой может проходить дорога, по которой двигались салазки.

Джоктар остановился, чтобы взять себя в руки. Если довести эти рассуждения до конца, ему придется стучать в купол какой-нибудь шахты и умолять, чтобы его взяли в отряд рабов! Не только ужасы Фенриса, которые эмигрантам показывают в порту, держат их в покорности: сама жестокая пустота этой планеты на руку компаниям.

Джоктар добрался до утесов и сел под защитой большого камня — поел жира, разогретого на утреннем костре; еду он завершил таблеткой концентрата. Усталость, словно дополнительный мешок за плечами, тянула его к земле, но решимость продолжить путь заставила начать подъем.

Он добрался до окружающего долину плато, с которого ветер смел снег. Сравнительно легко оказалось пересечь это высокогорье, добраться до его противоположного края и увидеть следующую долину. Есть у этой покрытой снегом местности одна особенность: когда стихает ветер, невозможно скрыть след. А внизу он увидел такой след.

Деревья здесь значительно выше, чем кустарник, в котором он укрывался в бурю. И след уходил в рошу этих деревьев, выходил оттуда и поворачивал под прямым углом.

След притягивал к себе Джоктара. Землянин спускался, цепляясь за выступы, пока не достиг двух ровных полосок, говорящих о том, что тут прошел какой-то экипаж. А между полосками следы человека. След пересекал рошу, вышел на открытую местность и повернул на север, к утесам.

Бледное солнце садилось, приближался вечер. Джоктар старался идти быстрее. След привел еще в одну узкую долину. Землянин почувствовал, что силы его подходят к концу. Все тело болело, дыхание вырывалось неровными рывками, снежный склон впереди затуманивался и прояснялся в такт биению сердца.

Шатаясь из стороны в сторону, не в состоянии держаться на ногах, Джоктар прислонился к стене, вцепился в нее и почти не видя смотрел вперед. След мог быть оставлен в любое время с конца последней бури, путник может на день или даже больше опережать его.

Пещеры здесь нет, но Джоктар забрался в кусты и там поел. Он должен поспать. И, снова свернувшись клубком, встретил холод и темноту, как встречал ярость бури.

Тишину гор нарушил какой-то звук. Джоктар вскочил. Но это не рев лавины. Мигая, смотрел он на освещенный солнцем снег. Что его разбудило? Крик человека, рев животного?

Он стал доставать еду и понял, что припасы подходят к концу. Последнюю банку с саморазогревающейся пищей он прикончил накануне вечером. Теперь его единственной надеждой найти убежище и пищу остается след. И он снова выбрался на открытое место и побрел дальше.

Теперь его преследовал новый страх. Что, если он пошел в неверном направлении? Может, путник следовал в противоположную сторону? Он не может сейчас возвращаться, остается верить, что он выбрал правильно. С шага Джоктар перешел на бег. И, обогнув скальную стену, увидел явные признаки лагеря.

Тот, кто ночевал здесь, устроился гораздо лучше его. Стена, выложенная из камней, защищала костер. Джоктар снял перчатки и зарылся пальцами в пепел. Одно его опасение рассеялось: пепел еще теплый. У него есть бластер, он достаточно вооружен, чтобы постоять за себя. Теперь нужно только догнать.

Землянин упрямо пошел вперед, экономя силы. Но время шло, и он не видел никаких признаков того, что догоняет идущего перед ним. В полдень он немного отдохнул, думая, сумеет ли догнать до наступления ночи.

Уже темнело, когда долина превратилась в узкую щель, проход между скалами.

— Аррх...

Определенно не слово человеческого языка, как звериный рев, эхом отдалось от стен ущелья. Джоктар застыл. Он потянулся за бластером, вспомнив о кошке-медведе.

Но никакое животное не показалось из темноты. Напротив, он уловил другой звук, резкий, который ни с чем невозможно спутать, — звук выстрела из бластера. В шести футах от него камень задымился и почернел от удара рукотворной молнии.

Не понять это предупреждение невозможно. Джоктар метнулся влево, скользнул по обнаженному гравию на дне ущелья, испытав при этом острую боль, и оказался у стены. Небольшая груда камней давала весьма неудовлетворительное укрытие.

— Эй ты, выходи!

Голос определенно принадлежит человеку, язык земной, а приказ совершенно ясен.

Но вместо того чтобы подчиниться, Джоктар вцепился руками в камни и прижался к земле.

Глава 5

— Я сказал: выходи, шпион!

Слова отражались от стен, искажаясь при повторении. Они были подкреплены вторым выстрелом. Гравий задымился менее чем в ярде от того места, где Джоктар пытался вцепиться в твердую, как железо, землю.

Шок миновал, и теперь землянин быстро думал. Такая засада означает, что владелец бластера ожидает неприятностей. Будет ли так вести себя работник компании?

Охранники на краулерах и салазках вооружены до зубов, когда выходят в дикую местность. Означает ли это, что компании опасаются не только нападения «овечек» или кошек-медведей? Джоктар неожиданно вспомнил человека, который предлагал за него шкуры «овечки».

Но времени на размышления не было. Вспышка третьего выстрела прямо перед глазами. Джоктару показалось, что он ощутил запах горелого меха. Он знал, что проиграл. И сделал единственный возможный ход.

Джоктар встал, вышел на середину узкой долины, подняв руки и протянув их ладонями вперед. Перед ним ничего не шевелилось, и он не видел, где скрывается его противник.

— Ладно, ладно, ты выиграл. Договоримся.

— Никаких договоров с человеком компании, шпион.

Впервые Джоктар вспомнил, что на его шубе, на груди и на спине, должен быть символ компании.

— Я не человек компании... — сказал он. — Я забрал эту шубу у... — Но у него не было возможности закончить объяснение.

— Ты напрашиваешься на выстрел, шпион, — ответил гулкий голос. — Брось свой бластер к тому красному камню, а потом уходи из долины — и побыстрей!

Приказ подкрепила ослепительная вспышка всего в двух дюймах от его правой ноги. Руками, дрожащими не от страха, а от гнева, Джоктар расстегнул оружейный пояс и вместе с бластером в кобуре бросил его к красному камню. Мрачно повернулся и с напряженным жестким лицом пошел назад. Нужно перехитрить того, кто затаился в засаде, хотя бы для того, чтобы вернуть оружие: ведь здесь это означает разницу между жизнью и смертью.

Не зная, следует ли незнакомец за ним, Джоктар добрался до того места, где тот отдыхал в полдень. Ночь уже близко, и он не может идти дальше. В этот момент ему стало все равно, даже если стрелок с бластером сидит за ближайшим камнем.

С огромными усилиями он собрал хвороста для костра. Разжег огонь и сел, позволяя теплу проникнуть сквозь порванный мех и немного смягчить усталость тела. Капля влаги на щеке заставила его обратить внимание на то, что пошел мелкий снег. Мертвое спокойствие, следовавшее за бурей, кончилось. Снова послышался свист ветра в вершинах.

Джоктар осмотрелся в поисках убежища. Импровизированный факел из пучка веток позволил осмотреть утес. Ветер раздул пламя и позволил заметить в стене темное углубление.

Это ямка, круглая и достаточно широкая, чтобы он мог вставить два пальца. И она одна из многих, уходящих вверх по стене утеса. Некоторые углубления почти забиты нанесенным ветром песком и грязью. Но Джоктар решил, что это не природное образование: слишком уж ямки круглы, а линия прямая. Это след разума, и, поскольку работа трудная, у нее должна быть очень важная причина.

Можно подумать, что углубления предназначены для подъема по стене, что это примитивная лестница. Лестница! А что, если вставить в каждую ямку палки, заостренные и подогнанные по размеру? Их можно вставлять и убирать.

С помощью такого приспособления можно добраться до тайной тропы вверх, идущей параллельно долине, и обойти засаду.

Забывшее, вызванное усталостью, рассеялось, Джоктар сардонически улыбнулся. Никакой мягкости в его улыбке не было. Мысль о том, чтобы выбраться из долины, казалась очень привлекательной. Но сейчас ничего сделать нельзя, придется переждать ночь. Он забрался в щель между камнями и спал урывками, а ветер выл вверх, и снег укрывал оставленный им след.

На рассвете он принялся искать ветки, которые могли послужить лестницей. И к полудню собрал и обрезал достаточно, чтобы предпринять попытку. При свете дня стало ясно, что цепочка углублений не доходит до вершины, а кончается еле заметной линией примерно на трех четвертях высоты от дна долины. Там, должно быть, находится карниз, дорога на юг.

Укрепив первые три опоры, Джоктар принялся за более трудное дело: теперь опоры приходилось вставлять, балансируя на уже вставленных ветках. Для этого требовались хладнокровие и терпение: каждую опору Джоктар проверял, прежде чем встать на нее.

Впоследствии он не мог сказать, сколько времени поднимался по стене. Наконец пальцы его коснулись карниза, он забрался на него и отдуваясь лег: он находился в клинообразном углублении, уходящем внутрь утеса.

Ветер бросал снег ему в лицо, и он слизывал влагу с растрескавшихся губ. Если бы он встал, то головой задевал бы за потолок углубления, но он стоял на четвереньках, держа мешок и высвобождая все палки-опоры, до которых мог дотянуться.

Вместо утраченного бластера к поясу его теперь был привязан силовой топор.

Таша за собой мешок, Джоктар пополз по тайному проходу. Теперь на обветренной поверхности каменных стен видны были следы древних инструментов. Кто-то с огромным трудом пробил эту дорогу, не видную со дна долины. Однако по мере продвижения возбуждение Джоктара спадало. Он не может преодолеть мили на четвереньках. Создатели этой дороги были гномами, или передвижение на четырех конечностях было для них привычным.

— Передвижение на четырех конечностях, — произнес он вслух.

Земляне исследуют галактику чуть меньше трех столетий. И на многих планетах они обнаружили следы других цивилизаций, которые зарождались, расцветали и увядали в далеком прошлом, и даже формы жизни, в которых возник разум, исчезли. Были открыты четыре разумные чуждые расы, и две из них оказались гуманоидными. Планеты, на которых живут представители этих рас, были подвергнуты карантину, поскольку ни одна из рас не вышла в открытый космос.

Некоторые исследователи считали, что некогда существовала цивилизация космических путешественников, и следы их обширной звездной империи обнаруживались на самых разных планетах многих систем. Предполагалось, что земляне очень поздно вышли на древнее поле, на котором жизнь уже прекратилась, и лишь руины на пустынных планетах свидетельствовали о прежнем расцвете и плодородии. И сейчас разумная жизнь скорее исключение, чем правило.

Джоктар годами слушал разговоры космонавтов; эти люди, много времени проводившие на краю вселенной и утрачивавшие связи со своим племенем, рассказывали очень странные истории. Он видел видеосъемку необычных зданий на давно мертвых планетах, и существа, изображенные на стенах этих зданий, даже отдаленно не напоминали людей.

Так что сейчас он, должно быть, пользуется дорогой, построенной разумными существами, но не родственными его виду. Это он может принять. Неожиданно клин расширился, и Джоктар смог встать. Теперь он двигался быстрее, время от

времени останавливаясь и поглядывая вниз в поисках знакомых ориентиров.

Наконец он увидел красный камень. Дальше он снова передвигался ползком, не желая насторожить часового. Но узкое горло долины неожиданно расширилось и перешло в овальный бассейн; солнце блестело на льду озера, окруженного довольно большой рощей.

И рядом с озером видна была насыпь — явно след разумных существ. Работа, которую пришлось выполнить для возведения этой насыпи, вызвала благоговение. Стены насыпи были укреплены огромными, больше человека, камнями. Камни грубо обработаны, но подогнаны друг к другу с инженерным мастерством, они поднимаются ярусами, и последний ярус образует толстую стену. Это примитивная крепость, убежище во враждебном мире. И крепость очень древняя, потому что нижние ярусы стены погрузились в почву. И еще — крепость обитаема.

Из хижин, построенных из веток и камня, поднимался обычный дым, а не ядовитые испарения смертоносных горячих источников. Джоктар видел движущиеся фигуры. Но определить, кто это, не мог: видны были только меха, необходимые зимой на Фенрисе.

Хижины этой насыпи-крепости не имели ничего общего с куполами горнодобывающих компаний. Вообще весь этот лагерь производил впечатление временного убежища во враждебной местности. Если бы на Фенрисе использовались вертолеты или другие воздушные корабли, у обитателей крепости не было бы никакой защиты от нападения с воздуха. Достаточно один раз применить нервный газ или использовать сверху вибратор, и все защитники крепости будут выведены из строя. Но воздушного транспорта на планете нет, поэтому они в относительной безопасности, и Джоктар не сомневался в том, что здесь живут совсем не друзья компаний.

Где-то в этом неаккуратном нагромождении земли и камня должен находиться и тот, кто подстерег его в засаде. Джоктару нужно вернуть себе бластер, но нужно и узнать, зачем сооружено это убежище.

Темнело, и огни крепости обещали не только тепло, но и еду, а также присутствие людей. Однако он понимал, что

если просто поднимется на искусственный холм, то может натолкнуться на недоброжелательную, а может, и смертельную встречу. Поэтому он пошел дальше по тропе, миновал крепость; здесь внешняя стена утеса начала отходить, и Джоктар надеялся найти убежище на ночь.

Долина оказалась гораздо шире, чем он думал, и Джоктар уже довольно далеко отошел от насыпи, когда нашел то, что искал. Здесь тропа снова уходила в разрез в скалах.

Джоктар лег на живот, свесился с карниза и принялся искать отверстия для опор. И действительно нашел их! Используя несколько прихваченных с собой палок, он повис на последних и спрыгнул на дно пещеры.

Огонь разводить он не решил, и ему снилось, что он карабкается по стене, а его преследуют выстрелы из бластера. Джоктар проснулся, задыхаясь, подполз к выходу из пещеры и увидел ясную белую ночь. Свет большой луны Фенриса отражался от сугробов, видимость была превосходная.

Землянин изучал местность, отмечая укрытия, которые позволяют ему подобраться поближе к крепости. Если бы он мог добраться до роши, не оставляя предательский след, то мог бы подойти незаметно к самому основанию насыпи. Обдумывая эти возможности, он слышал какой-то звук. Скрип снега под сапогом? Гомон, неразличимые голоса. К нему приближаются люди.

На краю роши появилась темная фигура, повернулась и сделала знак. На фоне снега Джоктар увидел красноречивый силуэт и опознал: этот человек вооружен стержнем ворп! Еще один человек — и тоже с ворпом. Эти незнакомцы не собираются шутить. Ворп — самое смертоносное из всех известных видов оружия; оно строго запрещено и используется только с особого разрешения патруля. Показались еще два человека, последний тащил за собой плоские сани. У всех четверых что-то прикреплено к подошвам сапог, и это позволяло им ходить по сугробам.

— ...хороший отчет...

— Дадим им урок, каково строить их грязные норы на западе! Уничтожим парочку, и они его усвоят. Их охрана нас и не заметит.

Один из четверых рассмеялся.

— Это верно! Рус оставит след, и у них глаза вылезут из орбит. Если, конечно, они попробуют идти по этому следу. Хитро он придумал — использовать лапы зазаара, чтобы запугать этих собак. Они не захотят уходить далеко от своих драгоценных дорог.

— А как насчет того, которого Меррик нашел в долине? — Новый говорящий не был настроен так уверенно, как его товарищи.

— Меррик сегодня его схватит. Он хотел дать ему побегать сначала. Когда приведет шпиона, мы услышим его песни, прежде чем предпримем обычные действия.

— Не понимаю, как он мог незаметно уйти так далеко.

— Меррик считает, что он заблудился. Может, с каких-то салазок, застигнутых последней бурей. Если машина вышла из строя, этот слабоумный мог отправиться на поиски дороги. Узнаем, что случилось, когда Меррик приведет его.

— И у нас сейчас другое дело.

— Конечно, нужно захватить эту нору. Ударим на рассвете. Устроим копателям фейерверк, который они запомнят.

Джоктар наблюдал, как небольшой отряд свернул направо и скрылся за деревьями. Он несколько мгновений колебался, потом принял решение — двигаться в ночи за нападающими.

На рассвете Джоктар лежал на вершине утеса. Где-то под ним находился отряд нападающих: светлая окраска меха помогала им сливаться с снегом. След от нескольких прыжковых салазок вел к небольшому куполу, и в полумгле видна была лампа, горевшая внутри.

Постепенно Джоктар вырабатывал собственное объяснение увиденного. Компании на Фенрисе не всемогущи. Существует по меньшей мере одна нелегальная организация, способная выжить и действовать в этой суровой местности и бросающая вызов монополии. Кто же эти преступники? Беглецы-эмигранты, такие, как он сам? Он был уверен, что это земляне или потомки землян.

В «Солнечном пятне» рассказывали о мятежниках на слабо населенных планетах. Некоторые обращались против цивилизации, потому что от природы были бродягами и не терпели никаких ограничений; другие — уволенные за проступки космонавты или нарушители закона, не соблюдавшие требования

патруля. Фенрис почти не исследован; несмотря на тяжелый климат, это прекрасное убежище для таких людей.

Джоктар напрягся. Нападающие оставили сани под тем уте-сом, на котором он затаился, и сейчас кто-то к ним возвращается. Землянин всмотрелся внимательней. Один из преступников сбрасывал меха, оставшись только в термокостюме и сапогах. Затем он развернул и стал натягивать другую шубу, натянул на лицо шарф, а волосы накрыл капюшоном. На его новой одежде были отчетливо видны символы компании.

Переодевшись таким образом и скрыв лицо, человек пошел по следу салазок. Как только он вышел на дорогу, походка его изменилась, он шатался, а подойдя к куполу, опустился на колени, потом снова с трудом встал. Джоктар критически наблюдал за этим представлением. Представление неплохое, и те, кто находится в куполе, решат, что это уцелевший после крушения. Джоктар со своего места видел двух человек с ворпами, затаившихся по обе стороны от входа в купол.

Тот, что изображал потерпевшего крушение, очень реалистично упал в сугроб и долго лежал, прежде чем сделал попытку встать. И осуществил эту попытку с таким драматизмом, что Джоктар был уверен: этот трюк он проделывает не впервые.

Из купола выбежали двое. Они были в термокостюмах и сапогах, но без мехов. Слева появился четвертый грабитель. Он подскочил к двери и вбежал в нее, захлопнув за собой.

Как только первый из работников компании добежал до лежащего, тот сделал быстрый рывок в сторону. Джоктар узнал этот прием. Ничего не подозревающая добыча потеряла равновесие и упала в сугроб. Неожиданное нападение заставило второго на мгновение застыть.

В куполе трижды мигнул свет. Теперь люди с ворпами вышли на открытое место, направив свое черное оружие на работников компании.

— Замерите! Все кончено, копатели!

Никто в здравом рассудке не станет противиться человеку с ворпом. Работники компании послушно «замерли», грабитель встал и принялся стряхивать снег с меха.

— Лесные животные! — мрачно произнес один из людей компании.

Человек, которому он пришел на помощь, рассмеялся.

— Хочешь, чтобы тебе выскребли рот, маленький человечек? — с искренней заинтересованностью спросил он. — Ты как будто обругал нас. Мы свободные жители Фенриса, не забывай об этом. — В его насмешливом тоне звучала угроза.

— На тебе костюм компании! — не испугался его противник. Грабитель погладил мех, словно восхищаясь им.

— Хорошая работа, — согласился он. — Как-нибудь pošлю Наоласу микро, чтобы он знал об этом. Вас, копателей, неплохо снабжают. Поэтому мы и обращаемся к вашей помощи, когда у нас кончаются припасы. Ну, хорошо, парни, за работу. Надо очистить это место.

Все: грабители и их пленники — вошли в купол. Джоктар начал действовать. Его целью были сани внизу. Конечно, он не надеялся найти там оружие. Но он видел несколько мешков и решил что-нибудь добавить к своим припасам. Однако ему не дали времени поживиться. Из купола вышел человек, и Джоктар спрятался за кустом.

Всматриваясь меж ветвей — укрытие казалось таким тонким и ненадежным, он заметил, что человек убрал оружие в кобуру. Очевидно, грабители больше не опасаются неприятностей. Джоктар подобрал под себя ноги и с сомнением следил за человеком и местностью. Он не успеет выйти из-за куста, как этот человек, если он вообще умеет стрелять, легко срежет его. У него же только силовой топор. Нажав на кнопку, Джоктар почувствовал легкую дрожь: это высвобождается энергия, которая служит лезвием орудия.

Человек поднял трос и резко рванул, отрывая пристывшие полозья саней от снега. Потом потащил сани к куполу, оставив Джоктара горько разочарованным. Осторожность, усвоенная за годы жизни на улицах, победила.

Он раздраженно наблюдал, как человек исчезает в куполе. Теперь, чтобы добраться до саней, придется пройти по открытому месту, а на нем одежда человека компании.

И тут сама земля предупредила его о том, что приближается кто-то еще. На мгновение он не связал легкую дрожь с неприятностями. Потом вспомнил собственную поездку в салазках. Купол собираются посетить какие-то законные гости, и грабители могут оказаться захваченными внутри.

Джоктар откинулся на корточках и с отсутствующим видом посмотрел на купол и сани. Предположим, он побежит по дороге, остановит салазки и предупредит их экипаж. Позорное поражение людей компании сможет превратиться в победу. А что он может ожидать в качестве благодарности от новых победителей?

В нынешнем положении его не привлекает ни одна из сторон. Если отправиться к людям компании, придется тут же вернуться в рабочие отряды. С другой стороны, преступники уже отобрали у него бластер и строили на его счет какие-то зловещие планы. Возможно, ему стоит просто подождать и посмотреть, кто победит. Придя к такому логичному и благоразумному заключению, Джоктар принялся действовать в противоречии с тем, что соответствовало здравому смыслу.

Глава 6

Почти независимо от сознания рука Джоктара продолжала двигаться, собирала снег, скатывала его в плотный, твердый комок. У Джоктара не было нормального детства, но он инстинктивно изобрел оружие, которое дети Земли использовали в туманном прошлом. Он продолжал скатывать снежок, перебрасывая его из руки в руку. А потом бросил с мастерством опытного метателя ножа.

Снежок ударился о купол с треском, похожим на звук выстрела из бластера. Один из грабителей, вооруженный ворпом, выбежал наружу и залег за санями в ожидании нападения.

Теперь не только дрожь земли предвещала приближение прыжковых салазок. Слышался натужный рев двигателя и скрип снега и льда под гусеницами. Человек в засаде за санями резко свистнул, появился второй, тоже вооруженный, и зигзагом пересек открытое пространство перед куполом. Очевидно, грабители предпочитали сражаться, а не отступать, и это решение удивило Джоктара.

Появился третий преступник и тоже занял укрытую позицию. Внешне, когда наконец показались салазки, купол выглядел как обычно. Его поджидал человек в дверях, с симво-

лами компании на одежде. Один из членов экипажа салазок выбрался из кабины.

Возможно, его насторожил вид саней. Он крикнул и протянул руку к бластеру. Но тут же повернулся и упал в снег: его подстрелил снайпер из укрытия. Длинная молния — ворп в действии — прошла по основанию прыжковых салазок, расплавив металл и превратив машину в металлолом. Такая же молния ударила по кабине, расплавив ствол пушки, которая только собиралась открыть стрельбу.

Джоктара восхитило мастерство грабителей. За несколько минут после удара снежка о купол они уничтожили транспорт противника и увеличили количество своих пленных. Он с интересом ждал их следующего хода.

Унесли раненного бластером, второму приказали выйти из кабины и тоже увели в купол. Похоже, никакой разгрузки в этот раз не должно было быть. Грабители проверили грузовой отсек салазок, вытащили из него два ящика и погрузили на сани.

Джоктар тем временем следил за грабителем в костюме компании. Этот человек, встав на цыпочки, притронулся к оставленному предупреждением землянина следу, потом повернулся и принялся осматривать местность. Джоктар прижался к земле: ему показалось, что его могут увидеть. Но грабители занялись куполом, увеличивая свою добычу на санях.

Солнце успело уже высоко взойти, когда работа была кончена и пленников вывели и поставили у поврежденных салазок. Работников компании — они были без меховых одежд — привязали к машине, а меха бросили так, что до них было не дотянуться. Затем люди с ворпами направили оружие на купол. Мощные лучи разрезали прочный материал стен на куски. Теперь и салазки, и это убежище компании придется списать.

— По справедливости, копатели, — отчетливо услышал Джоктар голос предводителя грабителей, — вас следовало бы сжечь. Если бы ситуация поменялась на противоположную, вы бы так и поступили с нами. Но мы дадим вам шанс. Освободитесь, и сможете добраться до соседней норы, если, конечно, она к тому времени будет еще существовать. И передайте Энсону Бергу, что скоро никаких нор к востоку от гор не останется.

Ответом было нечленораздельное ворчание. Двое грабителей подхватили тросы и потащили санки по направлению укрытия Джоктара.

Он ждал слишком долго, чтобы теперь уйти. Теперь его предало тело, оцепеневшее от слишком долгого ожидания на холоде. Стараясь скрыться, он бросился в кусты. И тут же в ответ ударил луч ворпа.

Спасло его, как и при столкновении с кошкой-медведем, то, что шуба оказалась велика. Джоктар ошеломленно попятился, ощущая острую боль в руке и груди. Он катался в снегу, пытаясь смягчить эту боль, и выкатился на открытое пространство.

Послышались крики, треск сухих ветвей. Джоктар застонал: от боли в плече кружилась голова. Он с трудом встал, в глазах потемнело. Он в ловушке в углублении, полном снега.

Левая рука, весь левый бок бесполезны. Но в правой руке он сжимал силовой топор. Над ним рука в мехах отвела ветки кустов. Джоктар оскалил зубы, зарычал, как зверь, и поднял топор, готовясь к последней схватке.

— Вот он!

Джоктар поднял топор чуть выше, и от боли у него перехватило дыхание. Он бросил топор, увидел, как оружие вертелось в воздухе и выбило бластер из руки противника.

Джоктар прислонился к стене углубления. Набрал в руку снега и потер им лицо, надеясь, что холодная влага поможет преодолеть слабость, от которой темнело в глазах.

— Еще один копатель? — Тень ворпа упала на его лицо и тело. — Давайте посмотрим на него.

Его грубо вытащили. Джоктар прикусил губу, чтобы не закричать от боли. Но когда его вытащили из углубления, постарался удержаться на ногах. Один из грабителей был замаскирован под работника компании, но между капюшоном и маской видны были только его глаза.

— Нет. Не думаю, что он один из них. Его следы уходят отсюда. Он все время следил за нами.

— Зачем? — спросил человек с ворпом.

— Это нам и нужно узнать. Возьмем его с собой.

— Но... — Возражение было прервано прямым вопросом, обращенным предводителем к Джоктару.

— Ты бросил снежок, чтобы предупредить нас?

— Да, — ответил Джоктар. Колени его подогнулись, и предводитель схватил его за шубу, не давая снова упасть в яму. Боль оказалась слишком сильной, и Джоктар потерял сознание.

Он лежал на спине, но тело его двигалось, и рывки вызывали боль. Он открыл глаза и обнаружил, что лежит на снях, привязанный к грузу.

— Проснулся, копатель? — Тень говорящего упала на лицо Джоктара, и он, повернув голову, увидел грабителя, все еще в шубе работника компании.

— Я не из шахт, — с трудом ответил землянин. Почему-то ему казалось важным дать это понять.

— Тогда на тебе не та одежда, копатель.

— На тебе тоже, — сказал Джоктар. Голос его на этот раз звучал громче и уверенней.

— Гмм... — Человек споткнулся, потом снова пошел так, чтобы не отставать от саней. — Ты из банды Скина? Или Кортоски? Если так, ты на чужой территории.

— Я из грузового отсека прыжковых салазок, — ответил Джоктар. — Джампер развозил грузы по норам. Я эмигрант.

— А что случилось с салазками? — Человек требовал доказательств такого нелепого утверждения.

— Попал под лавину. Водитель и охранник были мертвы, когда я выбрался. Шуба принадлежала охраннику.

— Отличная история. А с каких пор на эмиграционных кораблях привозят подростков? — Он убрал капюшон с лица Джоктара и холодным недоверчивым взглядом принялся его разглядывать.

— Я старше, чем кажусь. И когда это служба эмиграции задумывалась о тех, что попадает в ее сети? Меня купила в Сиваки компания Джард-Неллис.

— Если говоришь правду, парень, ты самостоятельно выбрался из трудного положения. С какой планеты ты эмигрировал?

Джоктар устало закрыл глаза. Разговор потребовал больше сил, чем у него нашлось.

— С Земли, — еле слышно ответил он. И глаза его сомкнулись, так что он не мог видеть изумления на лице своего собеседника.

Очнувшись, он почувствовал тепло. Он не на санях. В помещении искусственное освещение — горит атомная лампа. Джоктар лежал у стены из каменных плит, с небрежно заткнутыми мхом щелями. Крыша над головой из плотно уложенных веток. Джоктар пошевелился на матрасе, наслаждаясь теплом, и обнаружил, что не может двигать левой рукой, хотя боль в плече почти прошла.

Появилась рука, набросила шубу на его перевязанную грудь. Джоктар посмотрел вверх. На этот раз маска не закрывала худое лицо, и землянин увидел загорелую коричневую кожу — признак космического загара, какой можно получить только в глубоком космосе. Но что делает здесь космонавт?

— Говорят, ты утверждаешь, что прилетел с Земли, — неожиданно сказал незнакомец. — Из какого порта? Из Мелвамбе? Чин-Хо? Варрамуры? Н'Йорка?

— Из Н'Йорка.

— Джеттаун? — Джоктар понял, что, судя по интонации, человек знает эти улицы.

Он в свою очередь решил проверить космонавта.

— Я был крупье у Керна. — Встречал ли он этого человека в «Солнечном пятне»? Ему так не казалось.

— «Солнечное пятно».

Он прав. Этот человек знает Джеттаун.

— Звезды и кометы, три дикие планеты или еще что?

— Звезды и кометы.

— Ты слишком молод, чтобы раскладывать их на столе.

Испытывая нелепое раздражение, Джоктар ответил с гневом, о котором сразу же пожалел:

— Я пять лет работал за столом. А если ты знал Керна, то согласишься, что неумеху он столько не стал бы терпеть!

К его удивлению, он услышал смех.

— Всегда можно раззадорить человека, стоит только задеть его профессиональную гордость, — заметил его собеседник. — Да, репутация Керна мне известна, так что готов признать, что ты справлялся с работой. А что касается твоего возраста, — он потер пальцами под нижней губой и задумчиво посмотрел на

Джоктара. — В каждом деле бывают не по годам развитые дети. Как тебя зовут, крупье?

— Джоктар.

Пальцы застыли, взгляд стал пристальным.

— Только Джоктар? — В том, как было произнесено это имя, прозвучали незнакомые интонации. — И где ты получил такое имя?

— Не знаю. А ты свое?

Но тот уже снова улыбался.

— Не от ффаллиан, это уж точно. Гвилф санзу корг а лливун...

Этот набор звуков не имел никакого смысла, но что-то в их последовательности задело сознание землянина. Может, их смысл скрывается за той стеной, за которой, по словам психомедика Керна, скрывается его прошлое? Джоктар приподнялся на локте и спросил:

— Что это за язык? Что ты сказал?

Оживленное выражение исчезло с лица космонавта. Оно снова стало холодным.

— Если не понимаешь, для тебя это не важно. Тебя прихватили в обычной облаве?

Джоктар разочарованно кивнул и снова лег на матрац. Теперь его расспрашивали обо всех подробностях с тех пор, как он пришел в себя в Сиваки. Когда землянин кончил свой рассказ, космонавт покачал головой.

— Тебе очень везет.

— Ты поверил всему, что я рассказал? — насмешливо спросил Джоктар, чувствуя, что его терпение кончается.

Космонавт рассмеялся.

— Парень, ты не мог бы обмануть, даже если бы захотел. Тебе дали понюхать сыворотку вер, прежде чем ты пришел в себя.

Джоктар сжал в кулак здоровую руку.

— Не рискуешь? — спросил он спокойно, но выражение глаз контролировать он не мог.

— На Фенрисе нельзя рисковать, если не хочешь попасть в лапы компаний. Ты мог быть подослан.

С этим Джоктар вынужден был согласиться. Но его по-прежнему сердило то, что его накачали наркотиком, прежде чем расспрашивать.

— Кто ты? — спросил он.

— Меня зовут Рисдайк, хотя тебе это ничего не скажет.

Гнев заставил Джоктара спросить:

— Вычеркнут из списков? — Вопрос он задал небрежно, но внимательно наблюдал за тем, как он подействует. И увидел, как лицо космонавта побагровело под темным загаром. Однако если вопрос и задел больное место, Рисдайк не позволил себе это проявить.

— Да, вычеркнут из списков, — подтвердил он и встал. — Можешь отдыхать. Позже с тобой поговорит наш главарь.

Он выключил атомную лампу и вышел. Но Джоктар не уснул. Он постарался как можно больше углубиться в память, ища обрывки воспоминаний. Просеивал их, как работал с картами-кас, надеясь получить выигрышный набор. Но ничего не вставало на место, у него не было бриллиантов, чтобы поставить на кон.

Смутная, очень смутная картина большого корабля. Женщина, напевающая про себя или разговаривающая с ним. Она постоянно говорит, что они должны быть осторожны, что им грозит опасность, что эту опасность олицетворяют люди в форме.

Люди в форме! В какой форме? Полиция? Он никогда не сторонился полицейских, только соблюдал осторожность, как полагается при встрече с представителями закона. Форма космонавтов? Он видел за своим столом сотни космонавтов и лишь с небрежным интересом слушал их рассказы, испытывая лишь легкое презрение к тем, кто так неумело использует возможности игры.

Но был еще офицер в сером, тот, что допрашивал его на станции Эммиграционной. Возможно, сыворотка вер обострила это воспоминание и задела какие-то более глубокие слои памяти. Да, он ненавидел именно серые мундиры. Он должен опасаться людей в такой форме, но почему?

Если бы только он мог отдернуть занавес в сознании, скрывающий прошлое! Рисдайк, должно быть, что-то знает. А что необычного в его имени? И кто такие эти ффаллиане? Что за

люди говорят на языке, слова которого так естественно прозвучали в устах космонавта?

Конечно, у большинства тех, кого он знает, два имени. Но на улицах принято пользоваться прозвищами. Действительно, Джоктар не похоже ни на что иное. Джоктар... ффалиане... мысли его приняли фантастическое направление, и он уснул.

В последующие два дня Рисдайк не появлялся в хижине. Джоктар ждал с растущим разочарованием и раздражением, ему хотелось потребовать объяснения. О нем заботился человек — заботился грубовато, но чувствовалось, что он обладает опытом. Этот человек время от времени отпускал замечания относительно погоды, и от него несло зловонием плохо выделанных шкур. Он только однажды пришел в возбуждение — когда Джоктар упомянул о кошке-медведе, и тогда этот человек удостоил пациента лекцией о привычках и нравах различных животных, которые встречаются в дикой местности Фенриса. Его рассказ землянина очень заинтересовал.

Чем больше слушал он Руса, тем яснее понимал, что его собственный поход по пустыне сродни легендарным подвигам. Руса изумляло, как человек, только что явившись на Фенрис, смог пережить бурю и нападение зазаара.

— Ты справился, как опытный житель леса, парень, — заметил Рус. — Сможешь расставлять хорошие ловушки. Вот только залечатся твои ожоги, мы сможем хорошо поохотиться.

— Но мне казалось, что вы грабите норы компаний. — Джоктару хотелось получить больше сведений.

— Конечно, мы это делаем. Но добываем и шкуры. Грабежи не могут дать нам все необходимое. У нас десяток ребят постоянно охотятся там... — Он показал пальцем в сторону. — Он торгует шкурами, шеф сам был торговцем и умеет продавать контрабандистам.

— Спасибо за рекомендацию, Рус.

Джоктар узнал голос, хотя раньше не видел лица того, что вошел в хижину. Это был тот самый грабитель, который возглавлял нападение на купол и был одет в форму компании.

Ростом он с Руса и на несколько дюймов выше Рисдайка. Но, в отличие от медведеподобного охотника, этот человек строен и движется легко и гибко. Он сел на матрац землянина.

— Значит, собираешься охотиться с Русом?

— Да, шеф, парень хорош! Должен быть хорош, иначе не пережил бы бурю и нападение зазаара.

Главарь кивнул.

— Совершенно верно, Рус. На самом деле он настолько хорош, что это вызывает у меня беспокойство. Но вселенная полна сюрпризов, и мы в любое время должны быть готовы к бомбам с голубого, желтого или розового неба. Кауто ффливил орта...

Опять слова ничего не значат, но в памяти Джоктара что-то оживает.

— Не понимаю...

Главарь вздохнул.

— Конечно, ты не понимаешь. Очень жаль. Но со временем, возможно, мы решим эту загадку. Ты очень вовремя появился со своим снежком там, возле норы. Полагаю, ты не очень любишь компании.

— А ты бы их любил при таких обстоятельствах?

— Возможно. Но ты мог бы предупредить их и получить статус свободного человека.

— Да неужели? — сухо спросил Джоктар.

Ответом ему была улыбка.

— Да, ты прав, вряд ли. Ты правильно угадал, насколько велика будет их благодарность.

— Я знаю улицы.

— И тебе везет. Убегает примерно один человек из тысячи, и из сбежавших один из пятисот переживает первую неделю свободы.

— Ваши новобранцы проходят нелегкое испытание.

— В этой банде у нас всего двое сбежавших эмигрантов. Остальные — свободные трапперы, а несколько человек предпочитают не распространяться о своих прежних занятиях.

— Но вы все ненавидите компании.

— Не компании, — поправил его собеседник. — Без шахт Фенрис превратился бы в покинутый ад. Мы против их методов и безжалостного разграбления планеты. Алибитовые шахты занимают крошечную часть континента, компании эксплуатируют их, и это все. Они ничего не делают для развития торговли, не ввозят ничего, кроме того, что нужно им самим. Они

не позволяют прилетать сюда вольным торговцам, не дают доступ свободным людям, но привозят полные трюмы эмигрантов и наемных работников, которых легко могут контролировать. Уже два года действует запрет. Ни один вольный торговец не получает разрешения на посадку в Сиваки. Здесь могут садиться только корабли компании или патрульные крейсера. Компании считают, что Фенрис в их руках, и хотят сохранить такое положение.

Если бы здесь появились независимые поселения свободных людей, компаниям пришлось бы утроить количество стражников и защитных систем, чтобы удерживать эмигрантов. Сейчас сама природа служит преградой на пути беглецов, а если бы появились поселки, этого не было бы.

Им нужен только алибит. Нам — совсем другое. Конечно, климат здесь суровый, зима почти шесть месяцев. Но второе поколение поселенцев с Канбода, или Норда, или Эзира может здесь жить. Люди способны адаптироваться, и ты пример этого.

«Пример чего?» — хотел спросить Джоктар, но в это время шефа позвали снаружи.

(Разговор по закрытой линии между Кронфельдом и Морлом.)

М.: Разведчики идут по следу нашего человека. Тот, кто отобрал у него диск, думал, что объект ограбил его партнера. Он переведен в Третий сектор, никаких контактов с Пятым сектором в прошлом. Насколько я смог установить, он не знает Леннокса. Эту линию можно забыть.

К.: Приятно иметь возможность устранить хотя бы один небольшой фактор. Ваш человек проник к Керну?

М.: Мы стараемся. Керн — босс на улицах. Даже власти порта не решаются тронуть его.

К.: Почему же тогда был совершен набег на его заведение?

М.: Это очень забавно. Говорят, облаву организовал сам Керн, чтобы избавиться от нескольких подчиненных, которым он не доверял. Но люди Эмиграции превысили то, о чем их проинструктировали, и похватили всех. Я знаю: он не хотел, чтобы наш человек попал в облаву. Керн выкупил десятерых других, попавших в загоны. Хадд выяснил, что Керн действительно принял женщину с ребенком. Женщина вскоре умерла. Она уже была очень больна, когда появилась. Хадд установил, что ребен-

нок и есть наш объект. А что слышно с Фенриса? Что-нибудь получили оттуда?

К.: Один из агентов Тома попытался выкупить его на аукционе, но не смог: не мог повышать цену, не выдав себя. Он передаст сообщение своим людям на местности. Там в ближайшее время будут волнения, и, может, мы сумеем ими воспользоваться. Если наша информация верна, этот парень может пережить опасности Фенриса и продолжать бороться. Нам нужно его заполучить. Я с радостью сжег бы этих фанатиков-службистов, если бы мог наложить на них руки, а поблизости оказался бы подходящий костер.

(Сообщение в центральную контору, Горнодобывающая компания Харбанд, проект 65, Фенрис.) Нора старателей в Голубых горах уничтожена местной преступной бандой. Просим разрешения принять меры против преступников. Можно ли обратиться за помощью к патрулю?

(Ответ из центральной конторы.) Ничего не делайте. Создан комитет для изучения положения. Следствия этого происшествия выходят за пределы Фенриса. Не должно быть никаких неприятностей. Повторяю: никаких неприятностей, пока член Совета Куллан находится на Локи.

Глава 7

— Сэммз собирается действовать. С тех пор как он прикончил Реймарка и стал главарем банды Кортоски, все было спокойно. Но теперь он требует созвать общий совет.

Джоктар стоял у слегка приоткрытой двери хижины. Большая часть обитателей крепости-насыпи собралась снаружи, слушая сообщение человека в походном костюме.

— Его посыльные прошли через район Пяти вершин. Им нужны мы и банда Эберса. Сэммз намеревается заключить большой союз. Клянется, что сейчас у нас прекрасные возможности...

Рисдайк прервал его:

— Возможно, это и есть случай, которого мы ждали, Хоган. С Реймарком договориться было невозможно, он хотел, чтобы

мы держались обособленно, чтобы ни с кем не делиться добычей. Возможно, Сэммз — другое дело.

— Сэммз и Эберс, — задумчиво повторил главварь. — Что ж, встретиться не вредно. Можно выслушать, что они предлагают. Мы ведь не обязаны сразу соглашаться. Если это честное предложение... Допустим, мы ответим, что встретимся с ними на речном острове, — он посмотрел на небо, — и поскольку, судя по всему, предстоит спокойная погода, встретимся через три дня. Можешь сказать это посыльному, Марко. Потом возьми двух ребят с ворпами и полным снаряжением. Я просто не хочу никаких неожиданностей.

Несколько слушателей по-волчьи улынулись. Джоктар пришел к выводу, что на Фенрисе людям верят не больше, чем на улицах. Все разошлись, и возле хижины Джоктара остались только Рисдайк и главварь.

— Что ты об этом думаешь? — спросил бывший космонавт. Ответ главваря прозвучал загадочно:

— Перкс поддерживал Сэммза до того, как тот сбросил Реймарка.

— Перкс? Но ведь он стал предателем, перешел на сторону компаний. И теперь не смеет выйти за пределы Харбанда, чтобы его не подстрелили из засады. О, ты считаешь, что Сэммз собирается поступить так же? Поэтому ты послал вперед людей с ворпами?

— Возможно. — В небрежном ответе слышалась насмешка. — Джоктар! — Он не повернул головы, но уверенно произнес имя слушающего изнутри Джоктара. Тот приоткрыл импровизированную дверь хижины.

— У нас проблема, парень, — продолжал Хоган. — Тебе такие наверняка знакомы по опыту улиц. В банде Кортоски — она к северу от нас — главварем был Реймарк. Когда дело доходило до планирования операций, он был не слишком умен, но он хороший борец, умел держать своих парней в руках. Это был опытный траппер. Но в прошлом году банда приняла к себе беглеца. Ему так же необычно везло, как тебе. Этот Сэммз марсианский колонист в третьем поколении и легче адаптируется к нашему проклятому климату.

Сэммз обрел последователей в банде, и среди них оказался очень умный парень по имени Перкс. До этого Перкс помо-

гал планировать Реймарку. Планировать он может, но он не главарь, и в банде его не любили. Затем, месяца четыре назад, Перкс, по-видимому, решил, что с него хватит. Его отряд попал в элементарную засаду и был захвачен в плен. И с тех пор Перкс прекрасно служит компании.

— Он продал своих! — взорвался Рисдайк.

— Похоже. Затем, совсем недавно, Сэммз вызвал Реймарка на поединок. Реймарк был побежден, и теперь главарь этот Сэммз. А сейчас, — Хоган впервые посмотрел на Джоктара, — дай мне свою оценку ситуации.

— Я бы сказал, что Сэммз подослан.

— Где, кем и для чего? — лениво продолжал расспрашивать Хоган.

— Внешне может показаться, что его подослали компании — может, как раз для того, что он и сделал: стать главарем, а потом уничтожить банду или с ее помощью уничтожить другие независимые группы.

— А Перкс?

— Был его напарником.

— Но ты сказал «внешне». А что может находиться под поверхностью?

— Все было наоборот. Сэммз не предатель, подослан компаниями Перкс. Когда он закрепился в банде, Сэммз стал главарем. Может, Перкс как раз передал ему сведения, которые заставили его выступить.

Хоган рассмеялся. Рисдайк, обдумав слова Джоктара, нахмурился.

— Так говорит человек, знающий улицы. Так действовал бы Керн?

Джоктар пожал плечами и прикусил губу от боли.

— С различными вариациями. Обе схемы вполне примитивны для такого человека, как Керн. — Он умел признавать достоинства других. Наблюдать за интригами Керна было невероятно интересно, и его планы всегда осуществлялись с точностью хорошо отлаженного механизма.

— Тогда новость о том, что Сэммз хочет с нами встретиться... — начал Рисдайк.

— Может соответствовать действительности: он на самом деле хочет действовать вместе. Поэтому мы встретимся

с Сэммзом, но примем некоторые меры предосторожности. Мой молодой друг, — он снова обратился непосредственно к Джоктару, — преступный склад ума иногда бывает очень полезен. Думаю, тебе стоит встретиться с Сэммзом. Твоя личная оценка его самого и его замыслов может оказаться весьма интересной. Постарайся быть готовым встать на ноги и сопровождать нас.

Отряд, выступивший три дня спустя, был небольшим и состоял из отборных людей. Пока Джоктар познакомился только с небольшой частью банды. Большинство ее членов были трапперами, независимыми людьми, которые поселились на Фенрисе еще до появления здесь компаний. Было также несколько старателей, вытесненных с их земель монополиями. Двумя главными исключениями были Рисдайк, бывший космонавт, включенный в черный список, и сам главарь, Хоган, который когда-то занимался торговлей в Сиваки и потерял свое дело, когда компании закрыли порт для свободных кораблей.

На совет отправились Хоган, Рисдайк, Рус, еще один траппер по имени Толкус и Джоктар. Но землянин полагал, что и другие группы выступили втайне до них.

День был спокойный, безветренный, и Джоктар снял маску с лица: теперь он уже знал, что может обходиться без дополнительной защиты. Их путь проходил через рощу, и землянин пытался представить себе, как выглядит местность, когда снега тают. Фенрис должен тогда становиться совсем другим. Показался еще один след. Рус показал на него.

— «Овечка», бык, и очень большой.

— Как давно?

Траппер опустился на одно колено, осмотрел углубления в снегу, нос его был всего в нескольких дюймах от следа.

— Может, час назад, или еще меньше.

— Парни ушли два часа назад, они заметят преследование, — сказал Рисдайк.

Но Рус встревожился.

— Бык идет по следу человека. Это значит, что он по-настоящему рассержен. Может, его ранил какой-то слабоумный, который не стал его добивать. Эти охранники на дороге стреляют во все движущееся, а если «овечку» рассердили, она

может выйти из себя. Как ни посмотреть, раненый бык — это большая опасность.

— Что ж, ты свое дело знаешь, Рус, мы тебя слушаемся. А ты, Толкус, начинай петлять. Сейчас не время встречаться с «овечкой», которая готова напасть.

Рус пошел быстрее, держась тропы, а Толкус стал прокладывать новый след, вначале справа, затем слева, проверяя при этом кустарники и группы деревьев.

— И почему этих дьяволов называли «овечками»? — удивился Рисдайк.

— Это прозвище им дал кто-то с извращенным чувством юмора, — заметил Хоган. — Трудно найти зверя, так не похожего на овцу. А может, название связано с качеством шерсти.

— А ты в глубине души гид, — рассмеялся Рисдайк. — Конечно, тут туристов не бывает, хотя я хотел бы познакомить кого-нибудь из боссов компаний с «овечкой». Эти быки всегда очень злобные. Если быка рассердить, он рассвирепеет и уничтожит тебя или все, что выглядит, пахнет или движется, как ты. «Овечка» будет много миль преследовать человека, затаится в кустах и пронзит рогами первого же проходящего мимо путника. И поскольку бык производит шума не больше перышка в воздухе, за ним обычно остается первый раунд. Но если человек был не один, «овечка» получает свое.

— Но разве первой жертве от этого легче? — спросил Джоктар. — У этой планеты множество приятных неожиданностей. — Он вспомнил свою собственную неожиданную встречу с зазааром.

— Совершенно верно, — согласился Хоган. — Поэтому всегда старайся, чтобы первая схватка была и последней и закончилась в твою пользу. Да, эту планету не назовешь приятным местом для отдыха.

— Но и здесь люди могут неплохо жить, — выступил в защиту пустыни бывший космонавт.

— А иначе зачем мы работаем? — В голосе Хогана снова зазвучала ленивая нотка. — Покончить с господством компаний, освободить Фенрис, тогда и начнется настоящая жизнь.

Рисдайк ответил со смехом, но сердито:

— Да веришь ли ты во что-нибудь?

— О, сила слов хорошо известна. И, может, мы сумеем заставить компании признавать и наши права, а не только собственные. Но Фенрис никогда не станет райским садом, а люди никогда не перестанут хватать все, до чего могут дотянуться своими жадными пальцами. Убери компании, и вакуум тут же заполнится. У нас появятся хозяева трапперов, появятся крупные торговцы, которые начнут пожирать мелких и строить собственные империи. И наступит день, когда снимут шкуру с последней «овечки», выследят и лишат меха последнего зазаара. Откроют новые залежи алибита или еще чего-нибудь, и компании вернутся. — Он потер маску рукой. — История повторится. Вот что особенно выводит из себя: история всегда повторяется. Отдельные личности меняются, а рисунок остается прежним. Ничего, кроме скучных ошибок, подъемов и падений, катастроф и достижений, бесконечно уравнивающих друг друга. Если бы человеку предложили что-то другое... — Хоган оторвал взгляд от следа и посмотрел в небо за неровными вершинами, — он, вероятно, не решился бы принять это. Нет, мы продолжим свой извилистый путь, пока не кончим тем же, что и другие до нас.

— Те, что построили вашу крепость-насыпь? — спросил Джоктар.

— Да. Несомненно, ее построила какая-то компания, владевшая здесь концессией и стремившаяся убрать банду жалких грязных преступников. Это волчья планета, и всегда такой была. Сам ее климат заставляет людей так себя вести. Тому, кто закрепляется в этой искусственной горе, в спину дышит враг. Ситуация, должно быть, была такой же: алчность, защита своих сокровищ и, вероятно, поражение от более сильных нападающих. Ах...

Резкий звук выстрела, разнесшийся в воздухе, привел всех троих в действие еще до того, как замерло эхо. Джоктар, который берег раненое плечо, отскочил в сторону и присел за первым попавшимся укрытием — за древесным стволом, окруженным кустами. А Рисдайк и Хоган скрылись так искусно и бесследно, словно просто исчезли с планеты, как если бы их сдуло волной от атомного взрыва, какие случались в истории Земли.

У Джоктара не было бластера, и теперь он думал, как защититься. В воздухе от загоревшейся ветки поднималась струйка дыма. Луч бластера краем задел ветку, которая висела всего в двух шагах от того места, где они оказались, если бы продолжали по-прежнему двигаться. Поскольку на быка «овечку» они не похожи, есть основания считать, что именно их пытались устранить. Джоктар застыл: не стоит напрашиваться на еще один выстрел затаившегося снайпера.

Может, кто-то из организации Хогана попытался повторить то, что сделал Сэммз, но не захотел бросать главарю вызов, предоставляя ему равные шансы? Джоктар нахмурился. Совсем как на улицах, предательство против предательства, и выигрывает самый коварный игрок.

Прижаты ли Хоган и Рисдайк к месту, как он, или используют свое знание местности, чтобы обойти затаившегося в засаде? Джоктар готов поклясться, что вокруг все неподвижно.

Скрипнул снег. Джоктар с бесконечной осторожностью повернул голову, чувствуя, что враг способен услышать даже шорох его меха. Но увидел он не человека.

Спутанный мех? Волосы? Шерсть? Сине-серые по цвету очертания — ветки того же цвета скрывают фигуру. Из этого вороха меха торчат два острых, нацеленных вверх рога, а третий рог в самом центре широкой жабьей морды. И все три рога покраснели, липкая красная жидкость капает на шкуру. Из носа течет струйка слизи, и нос тоже красноречиво вымазан красным. Этот зверь недавно кого-то растерзал.

Глаза, глубоко посаженные в запачканной шерсти, мигнули. Джоктар прижался к дереву, чувствуя, что ствол, за которым он прятался, неожиданно стал прозрачным.

Снова скрип снега. Голова продвинулась вперед, показались густо заросшие шерстью плечи и передние ноги с острыми раздвоенными копытами — как и рога, в красном. Медленно, осторожно, но без страха бык вышел на открытое место, подняв голову с расширенными ноздрями.

Эти первые несколько шагов поставили зверя почти рядом с Джоктаром. Землянин каждую секунду ожидал, что голова повернется в его сторону. И впервые в жизни испытал тот страх, который лишает разума, ослабляет мышцы, заставляет человека покорно ждать смерти. Он попытался бороться с этим страхом,

а «овечка» тем временем миновала дерево. Джоктар не мог поверить, что зверь охотится не на него.

Зверь бросился, но не на него. Он прыгнул на тропу, стремительно нырнул в кусты между двумя деревьями. Прозвучал выстрел из бластера. Тонкий, высокий крик, какой может издавать не животное, а человек. Еще один выстрел, нечеловеческий, полный боли вопль.

Поднявшийся ветер принес зловоние горелой плоти и шерсти. Джоктар оттолкнулся от ствола и, спотыкаясь, побежал за «овечкой». Он не мог бы сказать, зачем ему это. Но он знал, что животное мертво.

Прорвавшись сквозь завесу ветвей, он увидел сцену битвы. Бык, с полусожженной головой, придавил тело человека, на которого нападал. Рус и Хоган пытались вытащить из-под него этого человека. Мгновение спустя прибежал Рисдайк.

— Толкус?

Хоган схватил порванный капюшон и потянул, пока не стали видны черты лица погибшего. Джоктару этот человек незнаком.

— Кто это? — В вопросе Рисдайка звучала нотка протеста. Дыхание Руса облачком пара вырывалось из маски.

— Никогда его не видел, шеф. — Рус стащил тушу быка с мертвеца. На его изорванной одежде не было символов компании.

— Интересно. — Хоган задумчиво разглядывал труп. — Может, это посыльный от Сэммза или Эберса? Или кому-то из наших захотелось меня убить.

— Это не так! — Рус развернулся на окровавленном снегу и негодуя посмотрел на главаря. — Ты знаешь, шеф, что ребята против тебя не пойдут. Никогда!

— Я тоже так считал, — спокойно ответил Хоган. — Но политика, бывает, неожиданно изменяется. Целью этого человека был я или мы все. Был ли бык частью первоначального плана или поправка, внесенная в последнюю минуту и не оправдавшаяся, а может, просто совпадение, которое помогло праведным спасти свои шкуры, мы никогда не узнаем. А тем временем предлагаю пойти быстрее. Не стоит опаздывать на встречу.

— Конечно. — Рисдайк слегка запыхался. — Мне хочется посмотреть, кто удивится нашему появлению.

— Да, такая мысль и мне приходила в голову. Джоктар, возьми это. — Хоган подобрал бластер мертвого стрелка и бросил его землянину.

Каменный остров, выбранный Хоганом для встречи, оказался еще одним следом исчезнувших обитателей Фенриса. Когда-то это был остров посередине скованной сейчас льдом реки... а может, просто выступающий риф. На этом основании была воздвигнута круглая стена из каменных блоков, тщательно подогнанных друг к другу; над этой стеной, намного выше уровня воды, полый конус. Из его проломленной вершины поднимался дым, который относил в сторону ветер.

— Кто-то уже там, — заметил Рисдайк.

Но Рус внимательно разглядывал горы на горизонте, и Джоктар, хоть и не знал погодных примет Фенриса, заметил на северо-востоке темные тучи.

— Погода долго не продержится, — траппер показал на небо. — Приближается буря.

— Верно, — встревоженно согласился Хоган. — Толкус, — обратился он к человеку, только что присоединившемуся к ним на поляне, — обойди наших и предупреди их. Пусть отыщут убежища.

— Но... — начал Рисдайк.

— Не мы одни увидели эти тучи, — ответил Хоган. — Никто не начнет в ожидании бури. Если нам предстоит с чем-то столкнуться, то это будет после окончания бури. А пока нам тоже лучше укрыться!

Лед на реке был усеян следами людей и саней. Сами сани находились в разрыве круглой стены. В этом месте Хоган резко свернул налево, и Джоктар, повторив этот поворот, увидел в самой стене узкую лестницу; каменные ступеньки выступали всего на несколько дюймов. Проход туннелем уходил вверх, и воображение землянина нарисовало картину — что произойдет, если сверху навстречу ему бросят камень.

— Эй! — крикнул Хоган, его крик гулким эхом отразился от стен, и их встретил с десятков людей. В конусообразной башне видны были следы некогда стоявших перегородок, небольшие помещения в стенах, забитые мерзлой землей. В центре горел костер, а в нескольких углублениях в стене приготовлены дрова.

За то небольшое время, что они пересекали реку и поднимались по лестнице, тучи погрузили все вокруг в сумрак, протянув с вершин свои маслянистые языки.

— Буря будет сильная, — заметил один из поджидавших Хогана. Его слова подчеркнул порыв ветра, завывающего в вершине конуса.

Вместе с ветром пошел густой снег. Люди быстро принялись за работу. Под укрытием внешней стены были разожжены меньшие костры. Согреваемые огнем и укрываемые древними камнями, они приготовились пережить ярость бури.

На открытом месте такая буря может заживо похоронить человека. Но здесь развалины обеспечивали защиту не хуже купола компании. Костер в центре шипел от попадающего в него снега. Непрерывный рев ветра истязал слух, и невозможно было услышать даже голос соседа.

Глава 8

Джоктар опустил голову на поднятые колени. Он чувствовал, как содрогается башня. Потом сквозь рев ветра послышался грохот. Часть древней каменной стены не выдержала и подалась внутрь. Джоктар почувствовал, как шевельнулся сосед, начал отползать. Сквозь бурю слышались резкие крики. Джоктар пополз вслед за соседом.

Стоило им отойти от стены, как на них обрушились ветер и снег. Они подползли к одному из углублений в стене и увидели груды камней, придавившую человека. Вместе принялись разбирать обломки; ослепленные снегом, оглушенные ветром, работали неловко, потому что даже осязание притупилось. Наконец они высвободили человека, тот снова закричал и обвис.

Каким-то образом им удалось подтащить его к стене, к теплу своего костра. Джоктар, испытывая страшную боль в плечах, без сил прислонился к камню, а сосед пытался помочь раненому. Пока буря не кончится, они мало что могут для него сделать.

Нормальный ход времени словно бы оказался нарушен. Часы... половина дня... Джоктар понял, что паузы между по-

рывами ветра становятся все более длительными, падающий снег снова позволяет увидеть открытый участок неба. Буря заканчивалась. Люди отряхивались, ошеломленно оглядывались, не в силах поверить, что они снова оказались сильнее Фенриса.

— Значит, Гэдли досталось. — Одна из заснеженных белых фигур придвинулась и всмотрелась в лицо человека, которого они вытащили.

— Гэдли? — Хоган снял перчатки и потрогал пальцами горло лежавшего. — Да, он умер. Тебе будет его не хватать, Сэммз... он ведь пилот...

— Да, нам будет его не хватать. — Широкие плечи под мехами другого человека дернулись: пожатие было почти небрежным. Светлые глаза Сэммза поверх маски походили на зеркала, отражающие внешний мир; в них не выражались никакие чувства.

Он отвернулся от своего мертвого сторонника и позвал:

— Эберс, мы здесь!

Один из тех, кто отряхивался и топал замерзшими ногами, поднял голову, но не стал повиноваться этому резкому призыву.

— Не торопись, Сэммз, — говорил он медлительно и властно. — Мы выслушаем твои предложения, когда будем готовы.

Выражение светлых глаз над маской не изменилось, но рука Сэммза дернулась, однако он тут же справился с собой. Рука устремилась к бластеру, и не один Джоктар заметил это. Рисдаик, стоявший чуть в стороне, слегка расставил ноги и нагнулся, как перед схваткой.

Прошло какое-то время, пока разжигали центральный костер и все собрались вокруг него с едой из мешков. Все еще ели, когда предводитель банды Кортоски встал и принялся взад и вперед расхаживать перед костром, словно нетерпеливо ожидая действий.

— На территории компании Харманда разбили новое летное поле, — сказал он. — Собираются доставлять припасы прямо туда, минуя Сиваки. Еще один шаг к полному закрытию регулярного порта. Когда все поля будут размещены на территориях компаний, у нас не останется никакой надежды вернуть сюда вольных торговцев.

— А чем мы можем, по-твоему, им помешать? — Вопрос Хогана был произнесен равнодушным, почти ленивым голосом. Сэммз стремительно повернулся, словно отвечая на вызов.

— Не тем, что будем сидеть и ждать!

Джоктар, внимательно наблюдая, заметил выражение серых глаз и пересмотрел свое первоначальное мнение о Сэммзе. Внешне, судя по его поведению и речи, этот нарушитель закона — темпераментный несдержанный драчун, готовый оружием добиваться своего. И если он станет главарем, трапперы легко примут его главенство.

Но выражение глаз противоречило этому представлению. И Джоктар решил верить глазам. У Сэммза все признаки игрока, который давно перешел от игры в звезды и кометы к другим, гораздо более сложным играм без фигур и фишек. Землянину очень хотелось бы знать, какие события сделали Сэммза эмигрантом и привели на Фенрис. Про себя он отметил этого человека как очень опасного.

— Значит, ты не веришь в ожидание, — спокойно продолжал Хоган. — Могу ли я спросить, какие действия ты предлагаешь?

— На поле Харбанда собираются посадить частный корабль. Два босса компании, шесть членов экипажа. А что, если корабль встретит комитет по приему, готовый перехватить добычу? Если их боссы окажутся у нас, мы сможем вести переговоры с Харбандом.

— Откуда у тебя эта информация, Сэммз? — послышался голос Эберса с другой стороны костра.

— О, у Сэммза есть свои источники информации. И очень эффективные, похоже. Перкс работает на славу, — ответил Хоган.

— Перкс был внедрен, — с готовностью согласился Сэммз. — И когда настанет время, он окажется полезен нам не только информацией.

— Каким образом Перкс сумел стать таким полезным компаниям, что теперь способен помогать нам? Разве он не единственный выжил в отряде, который попал в засаду у Спины Ящерицы?..

За Сэммза ответил Хоган:

— Да, так и было. Приходится отвечать на неприятные вопросы, Сэммз. Они вдвойне неприятны, потому что этот отряд

был верен Реймарку, верно? Как удалось Перксу произвести такое впечатление на своих новых нанимателей? С помощью небольшого предательства в качестве рекомендации?

По кругу пробежал негромкий гул, переросший в ворчание. Но Сэммз несколько не смутился.

— Перкса схватили. И у него хватило ума придумать хорошую историю. Она была у него наготове...

— Всегда будь готов к плену и к другим случайностям, — заметил Хоган.

— Ну хорошо, — снова вмешался Эберс, — нам предлагают искусительную приманку и просят подойти поближе и приняться. Три банды в состоянии захватить это новое поле. Думаешь, мы на это согласимся?

— Я бы сказал, что захват поля — только временная мера. — Теперь Хоган обращался непосредственно к Эберсу. — Сэммз предлагает похищение. Мы захватываем боссов и ведем переговоры с компаниями, пока Харбанд и остальные не пообещают позволить нам спокойно жить здесь, в глуши. Так, Сэммз?

— Конечно, конечно, — нетерпеливо оборвал Эберс. — Мы берем этих боссов. Харбанд поднимает крик, появляется патруль. Эти парни могут запросто покровсать нас на куски или уморить голодом. И куда мы поместим боссов, чтобы они были наготове и в то же время способны дышать и ходить?

— Да, это еще одна небольшая проблема. Устроить любую полупостоянную базу — значит напрашиваться на рейд патруля. Постоянно передвигаться — и наши пленники будут подвергаться всем трудностям климата, и мы наверняка потеряем их раньше, чем сможем использовать.

— Нет, если сумеем увезти их с планеты!

Эта фраза Сэммза была словно началом новой бури: все слушатели смолкли. Джоктар уловил новую нотку в голосе Сэммза. Тот приступил к серьезной игре.

Хоган потянул себя за маску.

— Ну-ну. Неужели я уловил связь с членом Совета Кулла-ном и его пребыванием на Локи?

Снова невольное движение к бластеру. Нетерпение Сэммза не могло быть просто притворством. А Хоган продолжал давить на него.

— А какое отношение к этому имеет Куллан? — спросил Эберс. — Он один из боссов?

— В настоящее время он член Верховного Совета и настроен против компаний, он не верит в монополию на планетах фронта. И уже много лет защищает свою точку зрения. А теперь у него нашлись сторонники, и очень влиятельные. Боссы встревожены. Три года назад были серьезные перемены в Отделе колонизации. Туда в качестве директора проекта был назначен человек по имени Кронфельд. Он не политик, а скорее техник. Он уговорил Алварна Томлистоса поддержать некоторые его идеи. И Большой Том основал новый фонд, куда поступает вся прибыль торговой компании «Албан», горнодобывающей корпорации Орсфо-Кол и некоторых других организаций.

Джоктар был поражен. Когда попытаешься представить себе, о каком количестве кредитов идет речь, дыхание перехватывает.

— Мне кажется, не стоит упоминать, что у Большого Тома много друзей на самых разных правительственных уровнях. Поэтому Куллан встретился с Кронфельдом и выслушал его, на самом деле выслушал и кое-что узнал. При поддержке этих идей со стороны Тома по всей галактике начнется оживление. Куллан уже два месяца находится на Локи, собирая материал о нынешнем положении компаний и их уязвимых местах. Предположим, там одновременно появятся боссы Харбанда и несколько наших людей. Наше появление не удастся замолчать, и Куллан о нем узнает. Это ты имел в виду, Сэммз?

Если Сэммз и понял, что Хоган берет верх, он никак этого не проявил.

— Ты прав и удивительно хорошо информирован.

— А поскольку Гэдли мертв, тебе понадобится другой пилот. Единственный подходящий пилот на всем Фенрисе — Рисдайк. Может, ты как раз его и имел в виду. Ведь Гэдли уже пять лет не выходил в космос. Итак... когда ты предлагаешь попытаться захватить посадочное поле Харбанда?

— Ты согласишься на этот дикий план, Хоган? — недоверчиво спросил Эберс.

— Думаю, он предоставляет нам некоторые возможности.

— Возможности быть убитыми! — возразил Эберс. Ответил ему Сэммз.

— А ты предпочитаешь гнить здесь? Нам все равно вскоре придется предпринять какие-то защитные меры против компаний, и я имею в виду не просто разорение нор в горах! Нам нужно что-то действенное, иначе с нами будет покончено. Свободные люди Фенриса либо победят сейчас, либо вообще перестанут существовать.

— Ты знаешь, Эберс, он прав. Порт закрыт уже два года. Наша торговля полностью прекратилась шесть месяцев назад. Нас три банды и какое-то количество одиночек — это все, что осталось. А сколько новичков у тебя? Недостаточно, чтобы заменить убитых, не говоря уже о том, чтобы стать сильнее. Думаю, еще шесть месяцев в таком стиле, и с нами будет кончено.

Снова гомон в освещенном костром круге. Эберс принял вызов.

— И ты считаешь, Хоган, — он подчеркнул слово «ты», и Джоктар догадался, что тем самым Эберс пытается уколоть Сэммза, — ты считаешь, что у этого плана есть шансы на успех?

— Конечно, дело очень рискованное. Но неужели ты не предпочтешь нанести Харбанду удар в уязвимое место, чем позволить охране компаний, плохой погоде и неудачам покончить с нами, пока мы здесь бездействуем? И у нас есть шансы на успех. Не забывай, у Сэммза есть Перкс.

— Я не забыл, — ответил Эберс, но не так уверенно.

Сэммз ткнул пальцем в тело у стены конуса.

— Сегодня мы уже потеряли одного человека. Неизвестно, сколько еще захватила буря. Лучше погибнуть в борьбе, чем так.

— У меня два отряда в деле, придется их отозвать. Еще, может, наберется несколько одиночек. Всего примерно человек пятьдесят. Но я возьму с собой только добровольцев, — сказал Эберс.

— Хорошо. Я тоже так сделаю. А ты, Сэммз? — спросил Хоган.

— Тридцать... сорок, если смогу поговорить кое с кем из одиночек. — Сэммз говорил задумчиво, словно был занят другой проблемой.

— Предположим, мы захватим корабль и Рисдайк сможет поднять его. Кто отправится на встречу с Кулланом? Мы не сможем всех погрузить на борт.

— Я бы сказал, нам нужен комитет, — ответил Хоган. — Остальные наши силы, если повезет, будут удерживать поселок компании. Оставшиеся смогут вооружить эмигрантов. Их нельзя будет использовать в открытой местности, но защищать куполы они смогут.

— И сколько времени нам нужно будет удерживать поселок? — спросил Эберс.

Хоган встал.

— Весь этот план — сплошные «если», «и» и «но». Но я согласен с Сэммзом. Лучше рискнуть в большой игре сейчас, чем продолжать жить, как раньше. Этот корабль плюс посещение Кулланом Локи — редкая возможность. Даже если мы потерпим поражение, Харбанд не сможет утаить новость о нашем нападении, и пойдут очень неприятные для компаний слухи.

— Много хорошего это даст тем, кто погибнет, — мрачно возразил Эберс. — Наверно, ты прав: другой такой возможности у нас не будет. Но и эта возможность кажется мне очень ненадежной.

— Вся история состоит из невероятных, но осуществившихся возможностей. — Хоган надел на плечо свой мешок с припасами. — Перкс сообщал какой-нибудь срок, когда мы должны начать, Сэммз?

— Начнем скоро. Тебе лучше созвать свои отряды.

— Мы так и сделаем.

Хоган, Рисдайк, Рус и Джоктар вышли из башни. Когда они пересекли реку и направились по своему следу назад, Хоган обратился к землянину.

— Что ты думаешь о Сэммзе?

— Сейчас он не очень доволен.

— Почему?

— Потому что ты играешь его картами.

Хоган рассмеялся.

— Да, боюсь, я несколько изменил его первоначальный план.

— Но ты поддержал его, иначе Эберс не стал бы участвовать, — возразил Рисдайк.

— Он не поддержал, а взял все на себя, — поправил Джоктар. И осмелился задать собственный вопрос: — Ты человек Куллана?

— У тебя очень живое воображение, сынок, — ответил Хоган.

Луна Фенриса, более яркая, чем земная, но в то же время более холодная и жесткая, плыла по безоблачному небу. Ниже кустарников на склоне теснились купола поселка Харбанда, скрывая шахты, уходящие в глубину горы. В куполах горели огни, а вращающиеся прожектора освещали территорию, защищенную звуковым барьером. Барьер служил мерой предосторожности от преступников и зверей. Джоктару их экспедиция казалась все более опасной.

Хоган словно прочел его мысли; встав на одно колено и осмотрев местность в бинокль, он сказал:

— У нас есть одно преимущество: они не ждут нападения.

— Судя по тому, что я вижу, им и не нужно ждать. Как можно миновать эти освещенные места? И что произойдет, если звуковой барьер не отключат, когда мы подойдем к нему?

— Это только добавляет новые «если», «и» и «но». Барьер должен отключить Перкс.

— А он это сделает? — спросил Рисдайк.

Хоган рассмеялся.

— Как мы все сегодня пессимистично настроены. Что ж, сигнала к нападению еще не было. Можете отступить в полном порядке, герои.

— Там стоит корабль! — Рисдайк подполз ближе и указал рукой мимо Хогана на то место, где луч прожектора на мгновение осветил тонкую фигуру — серебряную стрелу, нацеленную в холодное небо.

— По крайней мере это подтвердилось. — Бинокль Хогана был направлен не на корабль, а на купола с их разнообразием огней.

Еще один из членов группы показался под прикрытием кустов.

— На дороге салазки, — доложил он. — В них наши парни, они дали условный сигнал.

За несколько часов до этого, на закате, они сделали первый ход своей боевой операции: захватили ближайшую дорожную станцию, пленили весь ее персонал, уничтожили оборудование связи и взяли салазки и краулер. Теперь машины приближаются, и, если вместе со своим грузом и охраной они смогут ми-

новать звуковой барьер, их сил достаточно, чтобы продержаться открытым вход и дать возможность войти товарищам.

Меньший экипаж продолжал приближаться необычным способом, характерным для этих машин, а за ним из-за поворота показался и краулер. Хоган приподнял маску и издал высокий резкий свист. Замелькали тени, люди начали выходить из укрытий. Джоктар слышал, как подхватили этот свист и передавали дальше. В ближайшем куполе загорались и гасли огоньки, им ответило мигание из салазок.

— Будем надеяться, что у нас верный сигнал доступа, — услышал Джоктар слова Рисдайка, который полз рядом с ним.

Звуковой барьер невидим. Водитель, управляющий прыжковыми салазками на изрытой колеями дороге, даже не узнает, что пересекает его, пока не доберется до куполов или не согнется от боли в мышцах и нервах.

Салазки подпрыгнули, покатались, снова подпрыгнули. Машина оказалась на открытом месте, прожектор поймал ее и какое-то время удерживал в луче, потом повернул. Подтянулся и краулер. Если экипажи в поселке не ждут, последуют вопросы, а может, и сигнал тревоги. Пальцы Джоктара сжали ручку бластера, он наблюдал за медленным продвижением машин.

Луч прожектора был на полпути от ворот, когда неожиданно устремился вверх.

— Вот оно!

Теперь по плану вступил Перкс. Салазки и краулер остановились, из них высыпали люди и устремились к куполам. Тишину ночи нарушили выстрелы из бластеров и ворпов, лучи бластеров скрещивались в воздухе.

Джоктар побежал вперед, он был в первой волне нападения, которую возглавлял Хоган. Он видел, как Рус на большой скорости повернул направо. За ним побежал Рисдайк, Джоктар оказался третьим. У корабля будет охранник, но экипаж обычно проводит время в куполах. Сумеет ли охранник закрыться в корабле, зависит от его бдительности и их скорости. Рус опустился на колено и выстрелил, а Рисдайк продолжал бежать.

На мгновение огненный след осветил темный вход в люк корабля. Фигура рядом повернулась и упала на обожженную землю.

Джоктар вслед за пилотом ухватился за трап, понимая, что сейчас он хорошо виден на фоне корабля. Рисдайк уже скрылся в люке, мгновение спустя Джоктар тоже оказался в убежище.

Внутри пусто. У основания трапа появился Рус, а Рисдайк, как одержимый, уже поднимался в контрольную рубку. Джоктар оказался в коротком коридоре. Все его знания о внутренних помещениях корабля сводились к тому, что рассказал ему Рисдайк в лагере, а бывший пилот мог только строить догадки о классе корабля, который им предстояло захватить.

Насколько они знали, сейчас члены экипажа могут находиться в любой из запертых кают, но обыскивать корабль нет времени. Показался Рус и закрыл за собой люк. Теперь они слышали только негромкий стук своих сапог на ступенях лестницы.

Через три уровня они оказались в пилотской рубке. Рисдайк уже сидел в одном из кресел, пальцы его мелькали над кнопками и рычажками. Рус протиснулся в дверь и закрыл ее за собой. Джоктар расслабился: теперь выкурить их будет нелегко, а Рисдайк за пультом управления командует кораблем.

— Сейчас они уже должны попытаться поднять тревогу в Сиваки и связаться с патрулем, — сказал Рус, садясь в свободное кресло. Но эта мысль как будто совсем его не тревожила.

— Единственная возможность добраться до нас — уничтожить вместе с кораблем, — ответил Рисдайк. — На это они не решатся. Что ж, парни, пора переходить ко второму этапу.

Глава 9

Он повернул последний рычажок.

— Ну, мы в деле.

Джоктар надеялся, что противник это понимает. Люди компании должны были заметить открытые оружейные люки корабля и понять, что это значит. Корабль приспособлен для перевозки пассажиров, но раньше он был разведчиком самых дальних окраин галактики, и вооружение, спроектированное его создателями для защиты экипажа на новых и, возможно, враждебных планетах, все еще находилось на борту.

— Пошекочем их немножко? — заинтересованно спросил Рус.

— О, мы дадим залп — просто чтобы произвести впечатление. Джоктар, нажми белую кнопку... слева на четвертой пластине.

Землянин послушался, и над контрольной панелью загорелся экран. Рисдайк дал еще несколько указаний, и на экране появились купола поселка. Вокруг них темноту ночи по-прежнему разрывали залпы бластеров и ворпов.

Пилот проверил показания приборов, внес несколько небольших поправок и нажал кнопку.

В воздухе над куполами вспыхнул огненный шар, свет от него гневными волнами устремился в небо. Это ядовитое свечение поглотило вспышки бластеров и ворпов.

— Неплохое шоу, — заметил Рус. — А куда направим следующий выстрел?

— Прицелимся в утес, в стороне. — Снова Рисдайк внес поправки и выстрелил.

На выступе горного склона за куполами расцвел еще один огненный шар. Огонь словно въедался в камень, во все стороны от него устремились световые волны. Потом огонь погас, и на месте выступа оказалось слабо светящееся отверстие в склоне. Джоктар знал, что это отверстие будет продолжать углубляться, пока не истратится весь заряд.

— Им придется позаботиться об этом, — рассмеялся Рус. — Может, даже дойти до одной из их драгоценных шахт и превратить ее в месиво. — Он приблизился к экрану. — А знаете, ребята, это неплохая мысль — разрезать всю шахту на куски.

— Мысль хорошая. — Рисдайк улыбался. — Но боюсь, сначала нужно подождать и посмотреть, не сдадутся ли они. Таков приказ.

Теперь, когда погасло свечение их выстрелов, снова стали видны залпы бластеров. Но было очевидно, что огонь слабеет, оборонявшиеся упали духом.

— Вызываем корабль... вызываем корабль... — бестелесный металлический голос заставил их вздрогнуть. Джоктар и Рус опустили бластеры, заодно улыбаясь друг другу, а Рисдайк взял микрофон.

— Корабль на связи. Кто вызывает?

— Говорит Вей. Что вы делаете, глупец, пытаетесь сжечь нас?

— А это решать вам, Вей. Каждые две минуты продолжения сопротивления залп будет на одно деление приближаться к вам.

Наступило пораженное молчание, но вот купол снова вступил в разговор.

— Кован, с вами говорит Вей. Это Вей, Кован! Вы целитесь в наши купола!

— Поправка. — Рисдайку разговор явно нравился. — Это не Кован, а Рисдайк, командир корабля. Мы захватили его от имени Федерации свободных людей. И я прекрасно знаю, что мы нацелены на ваши купола. Таково и было наше намерение.

— Теперь у них будет о чем подумать, — заметил Рус. — Впервые за много лет кто-то больно прижал Вею хвост.

Огонь бластеров прекратился. Джоктар рассматривал сцену на экране.

Рисдайк продолжал держать микрофон, считая в него:

— Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, вводится поправка на одно деление. Мы говорим серьезно, Вей. Один!

Он нажал гашетку. На горном склоне расцвел еще один огненный цветок, и от него разбежалась рябь.

— Если первый выстрел не добрался до их проходов, этот точно доберется, — заметил Рус. — Но Вей упрям, как «овечка».

— Он может быть главным человеком Харбанда на Фенресе, но не забудьте, что здесь в гостях боссы. Хоган полагает, что инопланетянам не понравится, если будет уничтожена ценная руда.

— Корабль, говорит Са Ким, — голос был искажен, но казался гораздо спокойней рева Вея. — Я говорю от имени Харбанда. Каковы ваши условия?

— Свяжитесь с наземными силами Федерации свободных людей. Они готовы сформулировать условия, — кратко ответил Рисдайк.

Центральный купол на экране побелел. Рисдайк опустил микрофон.

— Что ж, наш ход подействовал. Этот Са Ким готов к переговорам.

Рус потянулся.

— Самая аккуратная работа, в какой мне приходилось участвовать. Шеф словно всю жизнь захватывал поселки компаний.

Рисдайк шевельнулся.

— Он мог бы взять гораздо больше, чем этот поселок.

Джоктар наклонился вперед, его висячее кресло слегка покачнулось.

— Неприятности с Сэммзом?

— Да. — Зашуршав мехами, Рус пересел в другое кресло. — Мне всегда казалось, что Сэммз хочет стать главным боссом. Но его положение в собственной банде не очень прочное. Ребятам кажется, что вся эта история с Перксом дурно пахнет. Если бы наш шеф поднял палец и сказал: «Ребята, с этого момента я все беру на себя», Сэммзу оставалось бы только вызвать его на поединок. И шансов у него было бы не больше, чем используя снежок против залпа ворпа. Наш шеф не торопится, когда на него не давят, но я видел, как он вел схватки с двумя главарями. Они мертвы, а он цел.

— Но кто же такой Хоган? — импульсивно спросил Джоктар. Ответ Рисдайка был холоден.

— Мы на Фенресе не спрашиваем у человека, кем он был на других планетах. Хоган был торговцем в Сиваки. Когда торговать стало невозможно, он ушел в леса.

— Конечно, — кивнул Рус. — Но не думаю, чтобы он раньше был торговцем или охотником. Он умеет бить компании по самым уязвимым местам. И при этом многое знает о том, что происходит на других планетах. Ты ведь видел, как он провел встречу. Думаю, он работает на кого-то большого...

— Вызываем корабль!

На этот раз все узнали голос. Рисдайк с готовностью взял микрофон.

— Корабль слушает.

— Говорит Хоган. Договор заключен, гости приближаются, будьте готовы открыть люк.

— Слушаемся, шеф.

Рус толкнул свое кресло, так что оно закачалось.

— Интересно, какой договор они заключили. Может, прошвырнуться и узнать?

— Мы остаемся здесь. Слишком легко кому-то пробраться и захватить корабль, как это сделали мы. — Рисдайк опустил микрофон.

— А когда ты вылетишь на Локи? — спросил Рус.

Пилот пожал плечами.

— Должно быть, скоро. Хоган хочет оказаться там до появления Куллана.

— Локи... На Фенресе холодно, на Хеле жарко, а Локи — голый камень и вода. Проклятая система.

— Ты сюда прилетел добровольно.

— Да, но я представитель второго поколения на Вестлунде. Там мы привыкли к холоду. Конечно, не такой сильный, как на Фенресе, но все равно холод. Я прилетел во время первой алибитовой лихорадки. Сделал хорошую заявку ниже Фратера. Это было еще до того, как регистрация попала в руки компаний. И десять лет назад дела у меня шли совсем неплохо, но потом они начали всех давить. Моя дробильная установка от холода вышла из строя, а их новые правила относительно доставки грузов не дали мне возможность получить новую. Поэтому... — он расставил руки в перчатках, — я не смог заплатить налоги, потерял свою заявку, и они ее захватили. То же самое они сделали со всеми первыми старателями — с теми, кто пытался сопротивляться.

Ну, я всегда в свободное время охотился на «овечек», а меха продавал шефу. И когда прижали и его, мы вдвоем ушли в глушь. Думаю, компании должны мне доход за восемь лет работы. Может, сейчас удастся кое-что получить.

— К нам гости, — сообщил Джоктар, смотревший на экран.

Рус посмотрел на изображение.

— Да, их ведет шеф. Спущусь и открою дверь.

Джоктар лежал на узкой койке, привязные ремни врезались в тело. Корабль стремился вырваться из уз тяготения планеты. Приходилось ли ему испытывать такое раньше? Туманные воспоминания, которые он не может уловить, но которые существуют в его сознании, отвечают — да.

Его придавило к койке, прижало кости, легкие, плоть. Он по-своему сопротивлялся, пытаясь расслабить нервы и мышцы. Они улетают с Фенриса. Джоктар медленно повернул голову и посмотрел на своего компаньона по маленькой каюте.

Хоган лежал неподвижно, глаза его были закрыты. Должно быть, еще не очнулся от анестезирующего укола при взлете. Джоктар удивлялся все сильнее. Почему же на него не подействовало это средство, которое применяют ко всем пассажирам и членам экипажа, кроме пилота: оно помогает перенести трудности подъема? В таких небольших кораблях применение уколов обязательно, и ему казалось, что они всегда действуют.

Дрожь, которую он ощущал через стены, койку, сам воздух в каюте, — все это не было таким мучительным, как он опасался; напротив, он испытывал приток энергии и бодрости. Несмотря на перегрузки, он никогда не ощущал себя таким полным жизни и силы. Как будто для него такое окружение нормально и естественно.

Перегрузки снизились, и ему захотелось выйти из каюты. Он расстегнул пряжки ремней и сел на койке. Магнитные подошвы ботинок, какие носят космонавты, помогают уверенно держаться на полу. Он сделал четыре шага по направлению к лестнице. Остановился, сделав новое открытие. Все окружающее удивительно знакомо! Но ведь он не космонавт...

Джоктар направился в контрольную рубку. Здесь, в кресле пилота, на расстоянии вытянутой руки от приборов, полусидел-полулежал Рисдайк. Корабль идет на автопилоте, но в случае любой неожиданности должны быть применены ум и подготовка человека.

Землянин опустился в такое же кресло перед коммуникатором и посмотрел на экран. Три четверти экрана занимал серебряный и темно-синий Фенрис, такой же холодный на вид, как и для остальных органов чувств человека, сражающегося с этой негостеприимной планетой. Джоктар закрыл глаза, снова открыл. Этот синий и серебряный шар... цвет какой-то неправильный... подавленное воспоминание возникло с такой отчетливостью, что он неловко зашевелился.

— Золотая, — произнес он, не сознавая, что говорит вслух, — золотая планета...

Напряжение взлета начало спадать с лица Рисдайка.

— Золотая планета, — негромко повторил пилот. — Говорят, есть такая планета. О ней знают ффаллиане... — И он снова пе-

решил на непонятный язык с певучими интонациями: — Ффал, июктар иллиумн. Рис сиюарктур манн...

Джоктару эти звуки показались песней, он почти понимал их смысл. Но не смог прорвать барьер внутри себя и почувствовал легкий гнев. Его лишили чего-то такого, что по праву принадлежит ему, и пока он не вернет это утраченное сокровище, не сможет жить, как другие.

— Кто такие ффаллиане и где эта золотая планета? — спросил он резко, словно выстрелил из бластера.

Рисдайк ответил на вторую часть вопроса:

— На наших картах ее нет.

— Почему?

— Потому что мы не приняли, когда ее нам предложили в дар. Вернее, ее отобрали у нас. — В ответе Рисдайка звучало знакомое Джоктару раздражение.

— Почему?

Пилот кулаком ударил по краю контрольного щита, как будто стучал в закрытую дверь.

— Потому что наши боссы не хотят признать, что кто-то в космосе превосходит нас!

— Но кандасы, тасы, зафты, — Джоктар перечислил планетные цивилизации, открытые землянами, — не имеют галактических кораблей, и только тлолены летают в пределах своей Солнечной системы.

— Да, они ниже нас по уровню, и их мы можем признать, — усмехнулся Рисдайк. — Но ты ведь не слышал ни о ффаллианах, ни о других... тех, кто живет на золотой планете? Мы знаем... мы, кто был в космосе. Я сам видел запись и слышал... — голос его смягчился. — И попытался попасть туда. Поэтому меня и выбросили из космоса! Настоящие разведчики ничего не видят, ничего не слышат и никогда не признают ничего, чего нет в их приказах и инструкциях!

— Разведчики?

— Работники исследовательской службы. Но и там есть свои подземелья Синей Бороды. Ты остаешься в пределах отведенного тебе сектора; некоторые сектора вообще закрыты. Я нашел на астероиде маяк. Сигнал маяка звал меня. И я был не первым, кто на него ответил. Неподалеку стоял разведыватель-

ный корабль устаревшего типа. И в нем было оставлено сообщение; вопреки приказам я его прочел. И тоже захотел улететь.

— Куда улететь?

— Туда, куда вел курс, указанный маяком. Куда улетел тот первый разведчик. Но, найдя маяк, я сразу сообщил об этом, и прежде чем я смог сообщить *другим*, что жду, меня схватил патруль.

— Чего ждешь?

— Жду тех, кто установил маяк. Там это все было, на ленте. Мы знали о ффаллианах, видели их корабли. Но ффаллиане — только посыльные, проводники, это протянутая рука помощи, которую мы отбросили. И за то, что я это узнал, я был вычеркнут из списков пилотов и отправлен в составе рабочего батальона на Хел. Хогану понадобился пилот, и он вытащил меня оттуда. Думаю, он хотел иметь собственный торговый корабль. Но он тоже знает о ффаллианах и не верит в карантин.

— А что с разведчиком, корабль которого ты нашел?

— Ему повезло, он туда ушел. Несколько человек так сделали за все годы.

— Может, их захватили в плен.

— Нет! — энергично ответил Рисдайк. — Эти записи... в них правда. Нам нет причин бояться ффаллиан. Они много раз пытались мирно вступить с нами в контакт. И один из наших разведчиков вернулся, но его застрелили по приказу его собственного командира.

— Почему?

— Потому что он был там, потому что он мог доказать, что все это правда. В документы внесли запись о том, что его убили *другие*. Но нельзя заставить замолчать весь персонал. Да, Марсон был у ффаллиан и знал *других* — тех, кто летает меж звездами, до которых мы еще не добрались. И он вернулся.

— Но зачем?

— Он доставил их конкретное предложение.

— А почему служба не хочет иметь ничего общего с этими чужаками?

— Потому что боятся. Боссы боятся. У этих *других* есть то, чего нет у нас, — бессмертие. — Рисдайк смотрел на экран, но видел на нем словно что-то другое, а не суровый диск Фенриса. — Смертные и бессмертные. Смертные боятся *других* и

ненавидят их, потому что у них нет такого будущего, как у тех. Мы много лет назад вступили в контакт, и боссы перепугались, они вели себя как дети, пытающиеся быть взрослыми. Но война велась только с нашей стороны.

— Совершенно верно. Только *другие* не бессмертны.

У входа стоял Хоган. В мундире космического офицера на него никто не обратил бы внимания даже в торговом районе Н'Йорка.

— Да, они не бессмертны. Это-то мы уж точно узнали, и это скрыли от людей те, кто хочет создать образ чудовищ, чтобы удержать власть в своих руках. У чужаков просто гораздо большая продолжительность жизни.

— Но почему?

Хоган опустился в третье кресло.

— Мы вступили в первый контакт пятьдесят лет назад. Некоторые знали факты: Морр, Ксанга, Том (дед Большого Тома), Марсон...

— Морр? — переспросил Джоктар. — Морр давно мертв, его звездная империя, основанная на личном обаянии и уме, давно рухнула.

— Вот именно. Морр был фанатиком, и очень опасным. То, что он узнал при первом контакте, привело его в ярость. Ведь возникла угроза его ощущению собственного превосходства, которое было основной чертой его натуры. Для него чужаки представляли собой страшную опасность — не столько для человечества, сколько для него лично, и это было самое ужасное. И поэтому он принял меры. Искажались и фальсифицировались отчеты. Нам рассказывали вымышленные истории о том, что Тома в космосе перехватили и убили *другие*. На службе, а по возможности и в обществе начали распространять слухи о жестокостях чужаков. У Морра было достаточно власти и влияния, чтобы все это сделать. И в течение нескольких лет он произвел чудовищ, в которых поверил сам. И даже после его смерти ложные данные продолжали распространяться. В своем роде Морр был гением, но нам приходится страдать из-за его грехов.

— И поэтому мы стали с ними воевать. — Голос Рисдайка звучал устало и мрачно.

— Да, но война была односторонней. Ффаллиане все поняли. Ради нашей же безопасности они отступили — и еще по одной очень важной причине, о которой мы узнали недавно. Но они никогда не отказывались от идеи встречи нашего вида и чужаков, то есть их самих. Они установили маяки, настроенные так, что контакт устанавливается только с людьми, готовыми к нему. И люди начали исчезать... торговцы, разведчики. Но только ффаллиане сейчас не наша проблема. У нас есть планы работы на Локи.

— Встретиться там с Кулланом...

Хоган сидел неподвижно, молчание его казалось каким-то странным. Джоктару показалось, что Хоган принимает решение, а ему не хочется делать это слишком поспешно, хочется еще подумать.

— По видимости, да, с Кулланом...

— По видимости? — поторопил Джоктар.

— У нас на борту Са и Минта. Они предлагают вместе с нами встретиться с Кулланом. Он остановится в Норнесе, в отеле «Семь звезд». И с этого момента мы все будем под непрерывным наблюдением. Поэтому мы сохраним одну нить свободной. У тебя, — повернулся он к Джоктару, — снова начались боли в плече. Давай-ка посмотрим на него.

Джоктар расстегнул и снял куртку, потом рубашку. Насколько он сам мог судить, новая розовая кожа выглядела совершенно здоровой. Конечно, останется шрам, но ожог быстро заживает, и это место лишь слегка зудит, когда на него нажмешь. Хоган, нахмурившись, разглядывал рану.

— Выглядит слишком хорошо, — заметил он. — Но мы кое-что изменим. И позаботимся, чтобы у тебя была температура. Когда сядем на Локи, тебя увезут в больницу.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы один из нас имел возможность передвигаться без хвостов. И во-вторых, я хочу сохранить тебя.

Джоктар оделся.

— Я вряд ли смогу улететь без документов и денег.

— Сам улететь ты не сможешь, но тебя могут увезти. — Джоктар видел, что Хоган абсолютно серьезен.

— Ты хочешь сказать, что патруль может задержать меня как сбежавшего эмигранта?

— Послушай. — Хоган стоял перед ним подбоченясь, с мрачным выражением. — Если то, что я думаю, правда, тебе нужно опасаться не патруля, парень.

Глаза Рисдайка сузились, он согласно кивнул.

— Но какое отношение я имею к вашей ссоре с компаниями на Фенрисе?

— Фенрис? Фенрис — только первая, но далеко не последняя наша цель. Мы завязли в десятке паутин, и каждую плетут пауки, добывающиеся разных, часто противоположных целей, и добываются они их самыми скользкими способами, какие только способен придумать их коварный разум. Если мы продолжимся еще неделю и возьмем сотую тех ставок, что на столе, наши действия сотрясут всю систему. Свобода Фенриса... Великая галактика! Мы сражаемся за свободу всего вида — нашего вида!

Глава 10

Хоган смотрел на свои руки, на широкие ладони с бледной от недостатка солнечного света кожей, но сильные и крепкие. Пальцы его двигались. Джоктару показалось, что Хоган собирает колоду кас-карт, чтобы разложить ее и определить потенциальную ценность.

— Когда мы приземлимся? — спросил Хоган.

Рисдайк постучал по краю щита.

— На этой малышке — через неделю полета. Корабль создан для скорости, а я его еще подгоняю.

— Неделя... — повторил Хоган, но тон его голоса говорил, что ему хотелось бы вдвое сократить это время.

— С пассажирами все в порядке?

— Они еще не вышли из анестезии, когда я в последний раз к ним заглядывал, — с отсутствующим видом ответил Хоган. — Нужно следить за Са. У Минты крепкая голова, а вот Са гораздо слабее. Он сразу отключился, когда мы стартовали. А он нам очень нужен.

— А как Сэммз?

Хоган улыбнулся.

— Сэммз очень занят. Составляет планы, и наверно, грандиозные. Дайте этому парню еще пять лет и свободу действий на Фенресе, и тогда даже Са усомнится, стоит ли его поддерживать.

— Сэммзу нужен Фенрис.

— Сэммзу нужно гораздо больше. Другое дело, получит ли он это.

Джоктар впервые вмешался в разговор.

— Он опасен.

— Ты так считаешь? — Все внимание Хогана теперь было устремлено на Джоктара. — Это очень интересно. Но у Сэммза есть одна слабость: его аппетит превышает его возможности. И вскоре он может на горьком опыте в этом убедиться. А теперь, мой раненый герой, — он положил руку на перевязанное плечо Джоктара, — ты отправишься со мной и будешь лежать в каюте с приступом серьезной болезни. И предупреждаю тебя: это будет не просто видимость, а очень неприятный факт!

В этом Хоган оказался прав. С помощью препаратов из корабельной аптечки и умелого их применения — именно это обстоятельство заставило Джоктара поверить, что лекарства не в первый раз используются с подобной целью, — предводитель разбойников добился весьма неприятных — для жертвы — результатов. К тому времени как они сели на Локи, Джоктар почти ничего не воспринимал, кроме собственного ужасного состояния. Вскоре после того, как Рисдайк уверенно посадил корабль на три точки, Хоган настоятельно передал последние инструкции; его голос прорвал сосредоточенность Джоктара на болезни.

— Мы выходим из корабля, и тебя сразу отвезут в больницу. Врач получил указание изолировать тебя. Лечись. Мы дадим о себе знать позже.

Поэтому первое впечатление Джоктара о Норнесе было поневоле ограниченным. Его из корабля перенесли в воздушный скутер; они пролетели над лабиринтом островов, соединенных друг с другом и образующих главный город Локи. Здания все невысокие, не выше четырех или пяти этажей, и море непрерывно бьется о скалы, на которых они стоят. Когда Джоктара разместили в палате на верхнем этаже одного из таких зданий, неумолчный гомон волн действовал на него успокаивающе.

Увидев, что дверь в противоположной стене засветилась и исчезла, он сел на кровати. Вошел тот самый врач, который совсем недавно его принял и уложил в постель, но на этот раз выглядел он встревоженно.

— Что за игру ведет Хоган? — почти враждебно спросил он.

— Игру? — повторил Джоктар. Лихорадка, искусственно вызванная на корабле, все еще мешала ему четко мыслить.

— Я согласился принять тебя, — продолжал врач, — но совсем не хочу вытягивать шею, чтобы мне ее свернули.

Должно быть, на лице Джоктара отразилось непонимание, потому что врач замолчал, а потом хрипло и невесело рассмеялся.

— Игра, типичная для Хогана. Очевидно, он и с тобой не поделился. Но похоже, парень, ты играешь роль наживки, и ловушка захлопнется раньше, чем думал Хоган, — и не так, как ему хочется.

— Не понимаю...

Врач протянул капсулу. Положив ее в руку Джоктара, приказал:

— Раскуси и немного приди в себя. Тебе понадобится ясная голова.

Джоктар раскусил капсулу. Во рту разлилась жидкость с резким острым вкусом, и в голове прояснилось, словно подняли занавес, отделявший его от окружающих.

— У тебя посетители. Насколько могу судить, нежеланные.

Что случилось? У землянина возникло то же ощущение опасности, которое бывало у него на улицах. Неужели Хоган потерял контроль над событиями?

— Что за посетители?

Резко прозвучал звонок. Врач чуть ли не силой уложил Джоктара в объятия пенопластиковой постели. Землянин послушно расслабился, повернул голову — он надеялся, что реалистично изображает слабость, — и сквозь прикрытые веки настороженно следил за дверью.

Снова замерцало силовое поле двери. Появился другой врач. А за ним — космонавт с коричневым загаром, в сером мундире со значком созвездия. И блеск звезд на его плече прежде всего привлек внимание Джоктара. По меньшей мере командир субсектора!

От этих звезд взгляд Джоктара перешел на загорелое лицо и на глаза вошедшего. Мышцы напряглись, заныло плечо. Ему и раньше приходилось встречаться с проявлениями враждебности, тупой ненависти улиц, угрозами безумных курителей дыма, с бездумной жестокостью уличных громил. Но то, что он увидел сейчас, было так страшно, что рука его под одеялом бессознательно сжалась в поисках отсутствующего оружия. Врач, стоявший у постели землянина, схватил его запястье и слегка нажал — вероятно, это предупреждение. Ему противостоит не простой открытый гнев; нет, здесь какое-то гораздо более глубокое чувство, холодное, давнее и смертоносное. Космонавт смотрел на него так, словно Джоктар не человек.

— Это он, — монотонным голосом заявил офицер в сером. Он поднял руку, и в палате появились еще двое в сером.

Врач, стоявший у кровати, через плечо бросил:

— Я протестую. У этого человека подозревается грибковая лихорадка...

Люди в сером застыли. Грибковая лихорадка очень заразна, это одна из наиболее опасных болезней космонавтов.

— Это карантинная палата, охраняемая силовым полем... — продолжал врач, и его коллега подхватил:

— Я уже предупредил командера Леннокса, сэр. У него допуск класса А...

Врач отпустил запястье Джоктара и повернулся лицом к офицеру.

— Для меня это не имеет никакого значения, — проговорил он медленно, подчеркивая каждое слово, — даже если за вами стоит весь патруль, командер. Пациент, у которого подозревается грибковая лихорадка, не покинет палату, пока я не получу приказа Совета. Шоу, — обратился он ко второму медику, — проводите этих людей в отделение В и проследите, чтобы каждый из них получил весь курс профилактических прививок... они вошли в палату. А теперь убирайтесь отсюда!

Космонавты вышли, дверь снова замерцала. Джоктар сел. Врач провел рукой по лицу, он слегка улыбался.

— Теперь у них будет о чем подумать, — довольно сказал он. — Профилактические прививки займут не менее четырех часов, и они не посмеют от них отказаться. Но вы знаете, это только временная передышка. Если в течение десяти часов у

вас не появятся характерные для грибковой лихорадки пятна, Леннокс сможет забрать вас отсюда. Но до этого мы кое-что предпримем. Леннокс не дурак, он приказал охранять все выходы из этого здания, чтобы вы не убежали. А почему он так на вас охотится?

— Честно, не знаю. Насколько могу вспомнить, я никогда раньше его не видел.

«Но на нем серый мундир, — возникла мысль, — а серый мундир для меня всегда означает опасность». Но почему? Если бы он только знал!

— Хоган! Хотел бы я, чтобы этот человек хоть изредка говорил не намеками. Когда оставляешь человека без присмотра, возникают всякие осложнения.

— А вы не можете с ним связаться?

— Мой дорогой джентльомо, — наружу прорвалось явное раздражение врача, — я уже целый час пытаюсь связаться с Хоганом. Ни в одном из трех мест, которые он мне указал, его нет.

— Его схватили? — спросил Джоктар. Схватив Хогана, власти начнут хватать всех его последователей. Но все же трудно представить себе командера Леннокса, принимающего участие в полицейской облаве.

— Нет. Нас бы об этом предупредили. Надо подумать, как убрать вас отсюда и перевести в более безопасное место. И поскольку у всех выходов охрана, задача не из легких.

В голове у Джоктара прояснилось, он готов был приняться за решение проблемы, которая казалась ему сходной с попыткой во время тревоги выбраться из «Солнечного пятна». Только на этот раз оцепление гораздо серьезней, и у него нет карты района. Острова соединены мостами, и мосты очень легко перекрыть.

— Воздушный транспорт? — спросил он, но врач покачал головой.

— Все скутеры движутся по силовому лучу. Достаточно его выключить, и все машины вынуждены будут сесть на ближайшую поверхность, пригодную для посадки. А это будет одним из первых их ходов.

— Хоган должен быть в «Семи звездах». Где этот отель относительно больницы?

Врач включил миниатюрный проектор и направил его луч на ближайшую стену. Появилась маленькая, но очень четкая карта со множеством подробностей.

— Мы здесь. «Семь звезд» — роскошный отель для боссов, это второй остров слева и выше, вот этот, грубо прямоугольный по форме. Здания покрывают почти весь остров, только на западе узкая полоса садов для упрощения охраны. На острове есть все необходимое: магазины, кафе, театры — полная самодостаточность. Большинство гостей боссов его не покидает, возвращаясь прямо с острова на летное поле. Именно здесь проходят различные совещания и конференции.

— Кто может пройти беспрепятственно?

— Весь штат зафиксирован на идентификационных устройствах. Нужна сложная подготовка и много времени, чтобы вы могли сойти за человека из штата. Фиксируется и большинство из гостей.

Джоктар удивился.

— Без их согласия?

— О, большинство соглашается, ведь им говорят, что это делается для их безопасности. Локи — главное место встреч не только для этой системы, но и для планет беты Волка и альфы Волка. Под крышей «Семи звезд» заключаются крупные сделки, и многие посетители очень озабочены своей личной безопасностью.

Джоктар начал чувствовать себя как дома: ситуация очень напоминает ту, с которой он знаком по улицам.

— Итак, выдать себя за работника нельзя, а посетители зафиксированы. А разве никто не проходит без проверки записей?

— Патруль и наши друзья разведчики.

— Патруль исключаем.

— Да, у них свои идентификационные системы, и мы не сможем подключить вас к ним. И первый же патрульный, которому вы не откликнетесь правильно, тут же возьмет вас под контроль. С другой стороны, у разведчиков нет подобных идентификаторов. Беда только в том, что их гораздо меньше, да и те, что есть, будут искать вас.

Джоктар встал с постели. Постоял перед картой, запоминая ее.

— Есть краска для кожи? — спросил он, глядя на свои слишком бледные руки.

— Это самая малая из ваших проблем. Я не смогу достать мундир.

— И не надо. С этим я справлюсь сам. А сколько сейчас времени? И долго ли до темноты?

— До темноты? Острова всю ночь ярко освещены. У вас не будет темноты для укрытия. Что вы собираетесь делать?

Джоктар покачал головой.

— Дайте мне план этого здания и краску для кожи. Это все, что мне нужно. То, о чем вы не знаете, вы не сможете рассказать при допросе с применением наркотиков.

— Совершенно верно. — Медик приобрел деловой вид. — Силовое поле палаты могу открыть только я и мой ассистент. Я вернусь, как только смогу. Ваша «темнота» наступит примерно через час.

Джоктар взад и вперед ходил по небольшой палате. Лекарство, которое дал ему врач, покончило с лихорадкой, искусственно вызванной Хоганом, и к землянину быстро возвращались силы. Он пытался придумать способ добраться до острова и «Семи звезд». Надеть мундир разведчика значило напрашиваться на неприятности, но это самое простое и быстрое решение проблемы. Разведчиков немного, но зато труднее будет его разоблачить.

Он сдерживал нетерпение, пока не вернулся врач, а затем принялся эффективно и стремительно действовать. Смазал лицо, шею и руки, и теперь его кожа приобрела настоящий загар космонавтов. Вдобавок врач прихватил серый комбинезон и мягкую обувь.

— Это костюм обслуживающего персонала, — пояснил он. — Можете воспользоваться гравитационным лифтом в конце этого коридора, спуститесь на первый подземный уровень и окажетесь в служебных помещениях.

Джоктар расправил примитивный план больницы, сделанный ему врачом.

— А сколько всего подземных этажей? — неожиданно спросил он. После неудачи на крыше в Джеттауне он был более склонен к побегам под землей.

— Четыре. Первый этаж — коммунальные службы; второй — жилые помещения работников; третий — архив и склады; четвертый — энергетические установки.

— Есть наружные входы к любому из этажей?

Впервые за всю их беседу врач улынулся.

— Возможно, что-то в этом есть. Вот здесь, — он показал на второй этаж, — проводились работы по расширению купола, и образовался коридор, он идет в этом направлении и заканчивается тупиком. — Врач провел линию на чертеже. — В будущем собираются добавить еще несколько помещений. У меня самого там небольшая комнатуха.

— Это ведь близко к краю острова?

— Верно. Поэтому сюда... и сюда не стали добавлять жилые помещения. Но последняя комната с этой стороны пустая, и видите, каково ее расположение, если посмотреть снаружи?

Джоктар увидел.

— Почти непосредственно под мостом.

— Да. Теперь вот здесь, на первом этаже, — он еще раз быстро ткнул в чертеж, — кладовая с запасным оборудованием на случай чрезвычайного положения. Отыщите в ней портативный бур и прорежете стену как раз в том месте, под мостом... Насколько я могу судить, это самый безопасный план.

— А как же вы? Они поймут, что мне кто-то изнутри помог.

— Что они думают и что смогут доказать — это совершенно разные вещи. По какой-то причине разведчики не говорят, почему вы им так необходимы. Как только вы уйдете, в этой палате окажется другой пациент, с подлинными симптомами грибковой лихорадки. А когда начинается воспаление, даже собственная мать не узнала бы вас. В течение нескольких дней они не смогут доказать, что это не вы. Если сумеете добраться до Хогана, будете в безопасности... если его самого не схватили, конечно. Если же это произошло, вам придется действовать самостоятельно.

Врач нажал кнопку отключения силового поля, и Джоктар вышел в коридор. Светло-зеленые стены тянутся без каких-либо провалов, хотя в них должны быть двери. В конце коридора он отыскал гравитационный лифт и нажал кнопку служебного этажа. И когда вышел в коридор пятью этажами ниже, услышал негромкий гул голосов. Джоктар прижался к стене и прислушался.

Согласно плану, ему нужно пройти коридор, пересечь большое помещение и пройти еще один коридор. Там будет дверь, которую можно открыть с помощью маленького конуса, который он сжимал в руке. Там на полках размещено оборудование. Он должен взять бур и с ним спуститься еще на один этаж, пройти через лабиринт жилых помещений в комнату, где можно будет использовать украденный механизм. Теперь многое зависит от того, насколько плотно используются эти подземные этажи. Впрочем, время вечернее, и большинство обитателей должны отправиться на ужин.

Гул голосов стих. Джоктар пошел вперед и остановился в большой комнате. Два кресла были заняты, в них сидели мужчина в таком же сером комбинезоне, как его, и девушка. Они не отрывались от видеозэкрана. На столике перед ними на подносе стояли напитки и еда. Можно ли пройти незаметно? Он должен это сделать, потому что, судя по всем признакам, они устроились здесь надолго. На экране была фантастическая сцена балета в невесомости. Джоктар пошел к дальней двери под аккомпанемент музыки, стараясь идти обычной походкой. Однажды он оглянулся. Смотрящие на экран не пошевелились: пока он в безопасности.

Он торопливо прошел второй коридор и остановился перед нужной дверью. Не теряя времени, вставил конус в скважину, дверь открылась, и он вошел.

На полках оказалось огромное количество механизмов. Джоктар рассматривал их, ища нужный ему бур. И когда нашел, пришел в отчаяние. Возможно, его и называют портативным, но спрятать такую машину невозможно. Вспомнив, какое расстояние ему придется преодолеть, Джоктар забеспокоился.

Он осмотрел комнату, надеясь на вдохновение, и наткнулся на тележку, на который уже стояли полотер и два пылесоса. Потребовалось время, чтобы снять их, но наконец ему удалось убрать в укромное место оборудование уборщика и на его место поставить бур.

Толкая перед собой тележку, Джоктар вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Теперь все зависит от того, сумеет ли он миновать жилые и служебные помещения, не вызывая подозрений и вопросов. Придется рискнуть. Он снова заглянул в фойе. Здесь по-прежнему слышался ритм балета. Как и все любители подобного рода музыки, эти двое стремились вос-

принимать ее в полном объеме. Джоктар к любителям балета в невесомости не относился, но в этот момент смог по достоинству оценить это искусство: неслышный среди грохота, он беспрепятственно прошел через комнату.

Снова коридор... затем гравитационный лифт. Джоктар нажал кнопку спуска и перевел дыхание. Пока все хорошо. Хотя расслабляться рано: нужно еще пройти жилые помещения, а вероятность встретить кого-то десять к одному.

Когда лифт остановился, Джоктар снова толкнул тележку перед собой. Через третью дверь налево, по коридору, потом направо до конца и снова направо. В маршруте он уверен, но не уверен, что удастся проделать путь беспрепятственно. Придется просто идти, как будто он направляется по срочному делу, и врач предусмотрительно подсказал несколько возможных причин для этого.

Снова голоса. Он едва успел повернуть тележку к двери, когда возле него оказались два молодых человека со значками младших интернов. Они разговаривали, и первый даже не заметил Джоктара, но второй взглянул на него и спросил:

— Разве уже не пора закончить все работы?

— Да, джентльхому. Но это срочный ремонт: в аквариуме морской гостиной течь. — К его облегчению, похоже, объяснение было принято.

— Он уже неделю протекает, и только сегодня послали поглядеть! — проворчал второй интерн.

Джоктар протолкнул тележку через дверь и позволил себе пойти быстрее с видом человека, которому нужно срочно заделать щель в протекающем аквариуме.

Глава 11

Джоктар пригнулся к тележке и шел по коридору, каждую секунду ожидая, что его окликнут. Он уже словно чувствовал жар выстрела из бластера у себя на спине. Метр за метром, минув закрытые двери, полуоткрытые двери, двери, из-за которых слышались голоса, смех, музыка. Если персонал и отправился на ужин, то на этом этаже много неторопливых работников или они вообще не любят есть.

Он сделал поворот и увидел, что нужно миновать еще две открытые двери. Теперь он не сможет объяснить свое присутствие необходимостью ремонта, потому что морская гостиная в противоположном направлении. Напрягая всю силу воли, чувствуя физическую слабость, землянин заставлял себя идти спокойно.

Конец еще одного коридора и последний поворот. Все двери впереди закрыты. Это недавно доделанная секция, здесь только один постоянный обитатель — тот самый врач, что давал ему указания. Остается добраться до последней комнаты и с помощью бура пробить стену.

Джоктар толкнул дверь тележкой. Она не поддавалась, и ему пришлось надавить. Дверь с трудом открылась, он втолкнул тележку в пустую комнату и прислонился к стене, уже отыскивая взглядом место, где нужно будет работать.

В качестве дополнительной меры предосторожности прижав закрывшуюся дверь тележкой, Джоктар снял машину и включил ее на полную мощность, затем нацелил тупой нос в избранное место и нажал кнопку.

От низкого гула заныли уши; дрожь сотрясала тело, заболело полузажившее плечо. На стене появилась ослепительно-белая точка. Джоктар закрыл глаза и напрягся: приходилось терпеть дрожь. Становилось теплей, тепло распространялось по телу, проникало внутрь, захватывало плечи и спину. Тепло превратилось в жару, страшный жар. Джоктар продолжал держаться, чувствуя запах горелой ткани. И когда уже не мог терпеть, отскочил и отнял палец от кнопки.

Оказавшись в дальнем углу комнаты, он решился открыть глаза. Белое пятно на стене потемнело, вокруг него стена трескалась. Джоктар, мигая сквозь слезы, увидел, как часть стены провалилась наружу, и тогда он повернулся, высвободил тележку и изо всех сил ударил ею по поврежденной стене.

Какое-то время стена сопротивлялась, но потом поддалась, и тележка пробила ее. Джоктар вытащил ее назад и принялся бить, пока не образовалось отверстие, больше похожее на дверь, чем на окно. Снизу стал слышен рев прибоя, ветер донес влажную морскую пену, унося выхлопы бура, охлаждая камень разбитой стены.

Прежде чем выбираться в это отверстие, Джоктар снова заклинил дверь тележкой. Снаружи, вверху и чуть правее, видна

была освещенная линия моста, соединяющего этот остров с соседним. Место, где он скорчился, находилось ниже поверхности острова с больницей, и Джоктар слышал совсем близко плеск волн. Вернувшись к тележке, он вытащил шланг пылесоса, просунул его в отверстие и принялся спускаться, пользуясь шлангом как тросом.

Поверхность острова при строительстве здания не выровняли, как он опасался. Привязавшись поясом к шлангу, землянин руками исследовал поверхность и на расстоянии досягаемости обнаружил то, на что надеялся: скобы для подъема. Добравшись до них, он начал подниматься. Поднявшись уже на шесть футов, и мост был еще намного выше, обнаружил, что уже надо отвязаться от шланга. Отвязавшись, землянин дернул шланг, приводя в действие сворачивающий его механизм, и шланг быстро исчез в комнате.

Никаких карнизов и выступов, на которых можно было бы отдохнуть, не было, и у Джоктара болело от напряжения все тело, когда он наконец оказался под опорой моста. Несколько мгновений он сидел на балке, изучая дорогу впереди. Идти в ярком свете по мосту значит быть немедленно обнаруженным. Порванная и прожженная одежда, неожиданное появление — все это немедленно привлечет внимание любого охранника.

Если нельзя идти по мосту, нужно выбирать другую дорогу. С его нынешнего положения эта другая дорога кажется совсем нелегкой. Оказавшись на соседнем острове, нужно будет раздобыть мундир разведчика, и тогда... Джоктар покачал головой. Планируй лишь один шаг за раз, сосредоточься на том, что непосредственно перед тобой. До сих пор ему поразительно везло, и Джоктар чувствовал, что оседлал волну удачи игрока и должен использовать ее до предела.

Далеко внизу волны бились об остров. Плавать он не умеет. Пробираясь под опорами моста — для этого потребуется вся энергия и сила воли. И задержка не облегчит его положения. Самую большую усталость от подъема он преодолел, пора двигаться дальше.

Джоктар пополз, перебираясь от одной темной опоры к другой. Подготовка, полученная, казалось, в далеком прошлом, пришла ему на помощь, и тело выполняло его требования.

Над ним на мосту было движение, он чувствовал это по дрожи опор, а шум внизу постоянно напоминал об опасности с моря. Время от времени он оказывался в таком месте, где можно было передохнуть, и вытирал вспотевшие руки, прежде чем снова двинуться вперед. Его мир сузился до этих опор, большая часть которых лежала в опасной темноте.

Время тянулось бесконечно. Но наконец он ухватился за последнюю опору, перед ним была скальная стена острова. Поднявшись по ней, он снова окажется на поверхности. Джоктар прислонился к стене, заставляя себя дышать медленно и ровно. Ну же...

Снова вцепился он ногтями в камень в поисках опоры. Спустя много тяжелейших минут он лежал животом на искусственном парапете, ограждающем подступ к мосту. Подняв голову и посмотрев вперед, Джоктар понял, что врач был прав, когда говорил об усилении охраны. Леннокс постарался закрыть все выходы из больницы. Впереди стоял человек в мундире местной полиции и еще один — разведчик в сером. Они были очень хорошо видны в свете фонаря.

Он смотрел, как они разговаривают, надеясь, что разведчик здесь не на посту. Джоктару продолжало везти: серый начал уходить в сторону центра острова. Землянин пригнувшись прошел до конца парапета. Здесь росло несколько необычных кустов — своего рода миниатюрный парк.

Здесь света было меньше, в отдельных местах совсем темно. Снова землянин принялся действовать по хорошо знакомому образцу. Игра в преследование — самое обычное занятие на улицах. Перебегая от одного укрытия к другому, он вскоре добрался до выхода из парка.

Городской шум показался таким привычным и знакомым, что он смог выкинуть его из сознания и сосредоточиться на других звуках — на стуке гравитационных подошв космических сапог. Добыча сама извещала о своем появлении.

Если бы его противник был крупней или подозрительней, Джоктару могло бы менее повезти. Но он нанес удар в нужное место и подхватил осевшее тело с точным расчетом инструктора по боевым искусствам. Опустил потерявшего сознание разведчика на землю и раздел его. Застегивая мундир и обвязываясь поясом с бластером, он продолжал изумляться своей удаче. Это

одна из тех ночей, когда за игровым столом бывает удача: он не мог бы проиграть, даже если бы захотел.

Землянин надел на голову серую шапку и оттащил не приходящего в сознание разведчика в сторону. Если этот парень не сверхчеловек, он пролежит здесь еще с час, да и потом не сразу полностью придет в себя. На нем порванная одежда Джоктара, и, если его найдут, ему придется отвечать на множество вопросов, прежде чем позволят обратиться за помощью.

На улицах пешеходов немного, и никто из них не подходил близко. Джоктар пошел к другому краю острова, к еще одному мосту, по которому сможет добраться до «Семи звезд». Он только один раз задержался у освещенной витрины, чтобы рассмотреть идентификационную табличку, отобранную у жертвы.

Итак, он Рог Килинджер, помощник командера Леннокса по особым поручениям. Превосходно! Джоктар с улыбкой посмотрел на центральный экспонат, выставленный в витрине, — коллекцию сирианских жемчужных цветов, многоцветно блестящих на свету. Цветы прекрасны. Отличная ночь, и разведчик Килинджер после трудной службы, несомненно, на далеком краю галактики, имеет право расслабиться в «Семи звездах». Нет ничего недоступного для смелого Рога Килинджера, доблестной правой руки командера Леннокса. Или левой?

На втором мосту была полиция, но Джоктар, хотя и на мгновение заколебался при виде ее, не остановился и продолжал спокойно идти. Полицейские не обратили на него внимания, и он благополучно миновал мост и увидел впереди обширное фантастической архитектуры здание «Семи звезд», залитое светом и поднимающееся от моря в небо Локи.

— Идентификация, джентльхомо?

Джоктар небрежно протянул табличку.

— Что вас привело сюда, разведчик?

Землянин улыбнулся.

— Я только что с края, офицер. Как вы думаете, что мне нужно?

Полицейский рассмеялся.

— Судя по тому, что я слышал, разведчик, вам лучше бы держаться подальше от таких мест. Этот ваш командер не очень вежливо поговорит с вами утром.

— Это уж точно, — согласился Джоктар. — Но какой командер говорит по утрам вежливо?

— Выпейте за меня. — Охранник вернул табличку. — Ночь будет долгой.

— Что-нибудь особенное? — как можно небрежней спросил Джоктар.

Охранник пожал плечами.

— Тревога класса Б, но в этом ничего особенного. Она у нас всякий раз, как какой-нибудь босс приходит в дурное настроение или на него кто-то косо посмотрит. Но держите документы при себе. У вас их могут снова проверить. Так постоянно бывает во время тревоги.

— Спасибо за подсказку. — Джоктар отдал салют и прошел в сад. Итак, объявлена тревога. Но вряд ли потому, что обнаружили его побег из клиники. На мостах проверяли бы гораздо тщательней.

Джоктар встал в тень фантастически изогнутого дерева и оглянулся. Но если кто-то и следил за ним от второго острова, эта простейшая проверка никого не обнаружила. Из «Семи звезд» доносились звуки музыки, смеха и своеобразный тупой гул. Звука шагов, как у разведчика, он не слышал.

Из цветущих кустов показалось несколько пестро одетых пар, они со смехом побежали к зданию. Джоктар пошел за ними, добрался до террасы, уставленной столиками — все столики были заняты, — и прошел между ними к входу. Еще одна столовая, множество людей, одетых по моде десятка систем, гомон на многих языках: от базового земного до почти непонятных диалектов далеких планет.

Он поискал такой же серый мундир, как у него самого. Увидел один за дальним столиком и потому повернул в противоположном направлении. Запах вкусной пищи создавал искушение, которому трудно было противиться. Но Джоктар пошел ко второй двери. И уже почти дошел до нее, когда застыл, увидев двух человек. Эти люди только что вышли из небольшой ложи сбоку — в таких ложах можно разговаривать, не опасаясь, что тебя подслушают, — и направились к тому же выходу, который он наметил для себя. Один из них чуть повернул голову, и Джоктар понял, что не ошибся. Это Сэммз!

Землянин обогнул последний столик, сделал два быстрых шага и вышел — но не в коридор или другую гостиную, как ожидал, а под большой купол, который накрывает весь город. Стены купола на множестве уровней заняты магазинами, опоясаны движущимися лентами, полными пассажиров. Калейдоскоп перемещающихся цветов, в котором легко затеряться или потерять добычу.

В этом мире последней моды тусклая одежда Сэммза оказалась исключением. Джоктар увидел широкие плечи главаря и встал на одну из движущихся лент, чтобы следовать за человеком с Фенриса. К счастью, пассажиров много, и он может следить незаметно. Сэммз и его собеседник воспользовались медленной лентой. Джоктар сумел последовать за ними, когда они перешли с широкой ленты на узкую и свернули в боковой коридор. Здесь пассажиров меньше, и Джоктару пришлось немного отстать и пропустить перед собой несколько человек.

Он знал, что группа с Фенриса размещается вместе, и был уверен, что рано или поздно Сэммз приведет его туда: сам он не может расспрашивать о Хогане. Спутник Сэммза вежливо уступил дорогу женщине, и Джоктар увидел, что это Са — Са из Харбанда! Но судя по их поведению, можно подумать, что это два добрых друга, а не враги, которые меньше трех недель назад обменивались залпами из бластеров — стреляя если не друг в друга, то по подчиненным. Ожило старое подозрение: Сэммз ведет двойную игру. И землянин начал сомневаться, правильно ли он поступил, когда пошел за этой необычной парой.

Они сходят с ленты, он должен быстро принять решение. Джоктар положил руку на курок бластера, позволил ленте пронести себя мимо гравитационного лифта, у которого остановились эти двое, сошел с ленты и оказался за Са.

Сэммз оглянулся, и Джоктар ожидал, что его узнают, однако этого не произошло. Выражение лица Сэммза было удивленным, с оттенком подозрительности. И впервые в его светлых глазах появилось какое-то чувство.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — Я сказал командиру, чтобы до девятнадцати часов он ничего не предпринимал.

— Коммандер предпочитает подстраховаться, — симпровизировал Джоктар. — Потому я здесь.

Са оглянулся через плечо. На его узком, с красивыми чертами лице появилось выражение недовольства.

— Такие сделанные в последнюю минуту дополнения к тщательно разработанным планам всегда приводят к неприятностям, — заметил он. — Если вы пойдете сейчас с нами, вероятность прийти к договоренности уменьшится.

Джоктар понял, что напал на что-то важное, хотя по-прежнему не понимал, почему Сэммз его не узнал. А может, узнал? Неужели преступник с Фенриса путает уже запутанный след? Но какое место во всем этом занимают разведчики и Леннокс?

— Я получил приказ, — коротко ответил он.

Перед ними остановился гравитационный лифт, и двое с Фенриса неохотно встали на него. Землянин догадывался, что по крайней мере Сэммзу очень хочется приказать ему оставаться на месте. Они стремительно начали подниматься, и Сэммз с трудом сдерживал себя. Джоктар вцепился в перила. Если лифт затормозит резко...

Но Сэммз замедлил подъем, и толчок при остановке не сбил их с ног. В коридоре видны были мундиры местной полиции и синяя форма патрульных. Джоктар напряженно ждал, что Сэммз позовет полицейских, но тот не стал этого делать.

Преступник с Фенриса подошел к двери, приложил ладонь к пластине и отступил в сторону, давая Са возможность войти первым. Он почти преградил вход землянину, но Джоктар протиснулся мимо него.

Они оказались в роскошном помещении, где увидели странную картину. В креслах сидели Хоган и Рисдайк. Но не отдыхали. Об этом позаботился офицер патруля с маленьким диском в руке. Сидевшие в креслах были плотно стянуты силовым полем.

— Кажется, здесь небольшие неприятности, — произнес Джоктар.

Патрульный повернул голову и увидел нацеленный на него ствол бластера.

— Отключи поле! — приказал землянин.

Увидев, что тот нажал кнопку и Рисдайк и Хоган зашевелились, Джоктар протянул руку.

— Бросай, — отдал он второй приказ, — и смотри не промахнись!

Патрульный бросил прибор управления полем, и землянин поймал его.

— Теперь все вы сюда. — Его жест включал Сэммза, Са и офицера патруля и послал их на противоположную сторону комнаты. Убрав бластер в кобуру, он нажал кнопку прибора.

— Знаете, — сообщил он, — можно так сделать, что эту штуку нельзя будет выключить... Придется ждать, пока перегорит. Интересно, хорошо ли я это помню... Прошу прощения. — Пленники задергались: поле сильно сжало их. Сэммз непроизвольно выкрикнул свое мнение о происхождении Джоктара. — А, вот так. — Он передвинул рычажок и бросил прибор на пол. — Теперь вам придется ждать, пока прибор перегорит.

Сэммз высказал резкое суждение о родителях командера Леннокса.

— А какое отношение к этому имеет Леннокс? — спросил Рисдайк.

— Да, я тоже хотел бы это знать... О, — Хоган рассмеялся, — мои добрые друзья на этот раз выдали себя, верно? Они приняли подлог за реальность, потому что ожидали чего-то такого. — Он положил руку на плечо Джоктару. — Как тебе удалось прибыть, словно десанту — в самый нужный момент и готовым к бою?

Глаза Сэммза сузились, он удивленно смотрел на землянина. Только теперь он увидел не только его форму. Снова в глазах его вспыхнула искра, и Джоктар понял, что Сэммз никогда не забудет об этой встрече и не простит.

— Разведчики пытались забрать меня из больницы. Я предпочел уйти самостоятельно. Хотел бы я знать почему.

— Сэммз. — Хоган снова сел. — Боюсь, что я допустил в отношении тебя серьезную ошибку. Я тебя недооценил. Ты ведь работаешь на Леннокса. Мне всегда хотелось понять, почему командер так хорошо осведомлен обо всех наших действиях. Где-то была утечка.

Са дергался, пытаясь занять более удобную позу в невидимых путах, державших его в плену.

— Хоган, я разумный человек. Мне кажется, вы умеете мыслить логично; вы способны подняться над такими драматичными сценами. Я также считаю, что Харманд не является

главной целью вашей деятельности. И потому полагаю, что мы можем, так сказать, договориться.

Хоган слушал его со спокойным интересом.

— Мне, разумеется, льстит ваша оценка моего характера, джентльхому. Да, я умею мыслить логично и рассуждать, как любой другой человек. Что вы предлагаете?

— Выгоду... и, возможно, вашу жизнь.

Хоган удобней устроился в кресле.

— Оба этих пункта способны вызвать мой живой интерес, джентльхому. Не откроете ли свою первую карту?

Глава 12

За стройной фигурой Са подпирал стену Сэммз. Из всех троих пленников Джоктар прежде всего следил за ним. Светлые глаза не отрывались от Хогана, и в них была странная решимость. Он, словно вооруженный ножом боец, выбирает цель. Самообладание вернулось к Сэммзу, он уверен в себе... или ждет чего-то. Джоктар сказал:

— Они хотят выиграть время.

Хоган улыбнулся и лениво ответил:

— Конечно. Но мы должны быть вежливы хотя бы внешне, если не по сути. Джентльхому Са представляет здесь не только свою компанию.

Са кивнул, тело его по-прежнему удерживали невидимые путы.

— Хотите, чтобы я поклялся истиной своих предков? — насмешливо спросил он.

— Вовсе нет, джентльхому. Я утверждаю, но не прошу у вас опровержений. Так что вы можете предложить?

— Предположим, компании отменят запрет на импорт и дадут доступ к планете вольным торговцам?

— А в обмен на эту уступку?

— Вы не станете ставить свои требования перед Кулланом.

— Так вот в чем дело? Однако вы меня немного удивили, джентльхому. Вы сразу предложили нам то, за что храбро отдало жизнь множество людей. А ведь у вас репутация упрямого и коварного человека. Поэтому я сделаю еще несколько пред-

положений, и вам совсем не обязательно говорить, правильно ли я сужу о том, что происходит за многими занавесами, или ошибаюсь.

Первое: компании получили предупреждение, что их монополия в опасности. Публичное доказательство недостатков в их методах управления или общественный скандал способны разорить их, а член Совета Куллан — общепризнанный противник их способов ведения дела. В ответ на это, джентльхому, позвольте сказать, что конец компаний в их нынешней форме неизбежен. Невозможно перегородить дамбой разлившуюся реку. Но сделав такие уступки, как та, что вы предложили только что, вы через шесть месяцев или год получите поддержку со стороны новых друзей — тогда, когда больше всего будете в ней нуждаться. Компании необходимы на планетах фронта, но их политика должна быть видоизменена.

Са улыбнулся.

— Мы отлично понимаем друг друга, — почти весело сказал он. — Могу ли я также заметить, джентльхому, что вы вовлечены в войну, которая раскинулась не на один сектор? Превратить одного из противников — пусть не самого сильного, согласен, но все же противника, — в нейтрального участника или даже в друга — это способно повернуть ход событий в вашу пользу.

— Иными словами, вы обладаете ценными сведениями. — Хоган взял со стола микрофон с прикрепленным к нему зеркалом-экраном. — Вы вели дела с Сэммзом, теперь предлагаете определенные преимущества мне. Но почему такая перемена? Ведь переход успеха от одной стороны к другой в этой комнате не может иметь такого значения...

— У вас есть сильный аргумент, который равнозначен нашим сведениям. — Са подбородком указал на прибор контроля силового поля.

— И что это за сведения?

— У нас не осталось времени, джентльхому. Час назад Леннокс считал, что все преимущества на его стороне и он может изменить не только политику правительства, но и весь наш образ жизни. Но главная фигура не Леннокс, а вы!

Хоган устойчиво держал зеркало, разглядывая свое лицо, но Джоктар видел, что он насторожился.

— Ваши источники информации кажутся весьма эффективными.

— Уверяю вас, Хоган, так оно и есть. И признаю: мы, компании, должны изменить методы управления или перестать существовать. Невозможно продолжать сдерживать силы, которые всегда пытались контролировать боссы. Поэтому я вам и говорю, что Леннокс готов действовать, чтобы получить то, что ему нужно. Он будет действовать сегодня вечером.

Сэммз издал глухой сдавленный звук. Хоган набрал код на циферблате микрофона. В зеркале на мгновение появилось лицо, глаза взгляделись в Хогана и исчезли. Последовало сложное мерцание огоньков. Хоган дважды произносил какие-то незнакомые слова, в ответ снова мелькали огоньки.

— Говорит Хоган. Член Совета, мы получили информацию, что Леннокс...

Больше ни слова ему сказать не удалось. Он просто не мог говорить. Враг ударил со стен, с пола, из самого воздуха комнаты.

— Вибратор! — сумел крикнуть Джоктар, тело его невольно изогнулось от боли: судя по интенсивности луча, прибор был установлен где-то совсем рядом.

Рисдайк уже бился в конвульсиях на полу, издавая негромкие стоны. Хоган боролся, на его лбу появились капли пота и сбежали ручейками по худым щекам. Он держал микрофон у губ, пытался говорить, но конечности его непроизвольно дергались.

Джоктар двинулся к двери, словно пробираясь сквозь густую грязь, которая к тому же обжигаяще бьет по телу. Но он каким-то образом удержался на ногах, смог достать бластер и нацелить его на дверь.

Нечленораздельный крик Хогана заставил его оглянуться. Хоган делал знаки глазами, чего-то требовал. Микрофон в руках его прыгал, но не выпадал. Джоктар двинулся назад и едва не упал рядом с Хоганом. Он одну руку протянул к микрофону, второй продолжая направлять бластер на дверь.

Напрягая всю силу воли, используя то, что осталось от способности управлять мышцами, Джоктар поднес микрофон к губам. Он не знал, лишил ли его вибратор способности говорить, но это их единственный шанс вызвать помощь. Землянин пытался сдержать непроизвольное дерганье губ.

— З... з... здесь в... в ... ибратор, — достаточно внятно произнес он. Только бы его понял невидимый слушатель!

В зеркале блеснул свет. На какое-то мгновение Джоктар увидел лицо, и человек в зеркале увидел его. Затем зеркало потемнело, гул открытого канала связи в микрофоне стих. И от невольного рывка руки Хогана микрофон полетел через комнату.

Вибратор, должно быть, включили на полную мощность. Хоган покатился по полу, из рта Рисдайка текла кровь, Са повис без чувств, удерживаемый силовым полем. Патрульный стоял и тоже почти потерял сознание. Только Сэммз еще сознавал происходящее.

А вот Джоктар, хоть ему и было больно, по-прежнему мог двигаться. Он тупо удивился этому. Теперь нужно только как можно лучше использовать это прирожденное свойство. Он пополз, огибая Рисдайку, к столу, чтобы, опираясь на него, встать. С трудом поднялся. Но не успел повернуться к двери, как она двинулась.

Хоган лежал в кресле. Он был неподвижен, но в глазах сохранялась искра сознания. Увидев фигуру в защитном противовибрационном костюме, он попытался встать.

Джоктар, увидев этот защитный костюм, понял, насколько жалки его попытки сопротивляться. Даже луч бластера, если он не сосредоточен на одной точке, не способен пробить эту защиту. Тем не менее землянин стоял на ногах и мог воспользоваться своим оружием: ведь незнакомец в костюме не ожидал сопротивления.

Вошедший наклонился к Рисдайке, бегло осмотрел его, оттолкнул в сторону и приблизился к Хогану. Рука его была поднята, и в ладони Джоктар увидел блеск металла. Только несколько небольших, но смертоносных видов оружия можно так держать. Неожиданно он понял, что их не собираются брать в плен. Их убьют!

Невозможно вовремя преодолеть расстояние, ведь мышцы его сведены действием вибратора. Но...

Держа бластер в обеих руках, он повернул его и прицелился — но не в человека, угрожавшего Хогану, но в одно жизненно важное место на полу. Вслед за треском выстрела от ковра поднялись языки белого пламени. Люди, неожиданно

освободившиеся от пут силового поля, упали на пол, увлекая за собой удивленного незнакомца, а Джоктар бросился вперед.

Он упал на Хогана, взмахнул бластером как дубинкой и ударил человека в защитном костюме. Но удар пришелся наискось, и человек не был ошеломлен, как рассчитывал Джоктар. Вибратор настолько замедлил его рефлексy, что он не сумел вовремя поднять руку и отразить ответный удар. От этого мощного удара он покатился по полу, не в силах снова встать.

Он видел, как рука со смертоносной металлической искоркой повисла над ним. Но противник замер. Сквозь прозрачную пластину, прикрывавшую лицо, было видно, что он очень удивлен. Свободной рукой он рывком усадил Джоктара, прислонил спиной к креслу и отвернул ворот рубашки. Но не нашел то, что искал. Увидел вместо этого шрам на плече, мрачно посмотрел на него и что-то произнес в микрофон своего костюма.

В ответ прекратилось действие вибратора. Но люди, мучения которых прервались, не способны были сейчас двигаться или прийти в себя. Человек в костюме повернул Джоктара, связал ему за спиной руки и грубо толкнул на пол. Везение кончилось.

В комнате появились другие люди. Джоктара подняли за плечи, и он увидел человека в сером, которого уже видел в больнице. Коммандер холодно разглядывал его, потом кивнул. Джоктар осмотрелся. Кажется, они все теперь пленники. Са, Рисдайк и патрульный еще без сознания. Пришли ли в себя Хоган и Сэммз, он не мог сказать.

Леннокс подошел к Хогану, схватил торговца за волосы и поднял его голову. Глаза Хогана были открыты, теперь шевельнулись губы. Коммандер слегка улыбнулся.

— Это конец, шпион.

Губы Хогана снова беззвучно зашевелились. Но Леннокс как будто понял его.

— Мы отправим тебя в штаб, там умеют держать язык за замком. Я хотел бы знать, что предпримет твой наниматель, когда мы с этим разберемся. Никто, никто, ты понял, — рот его напругся, рука разжалась, и голова Хогана снова упала, — никто не может одурачить разведчиков! И опозорить их службу — сейчас или в прошлом. — С тем же выражением холодного отвращения, что и в больнице, он мимо Хогана посмотрел на Джок-

тара. — Мы проведем испытания, и если ты действительно нашел свое чудовище... что ж, долго оно не проживет! Кельс!

По его приказу выступил человек в сером.

— Вертолет на восточной террасе. Немедленно отправьте задержанных в штаб.

— Вы слишком торопитесь, командер.

Минуя людей в серых мундирах, в комнату входили люди в синем. Леннокс повернулся, полуприсев, как борец, готовый к нападению. Но тот, кто к нему обратился, был безоружен, и откинутый плащ позволял увидеть на его плече знак члена Совета — звезду в звезде. Именно его лицо видел Джоктар в зеркале.

— Это не гражданское дело, а вопрос службы, член Совета.

— Не гражданское дело? Но насколько мне известно, ни один из этих людей не состоит в разведке. Посмотрим... это джентльхома Са Ким, один из директоров компании Харбанда, а это патрульный. Поправьте меня, если я ошибаюсь, командер, но патруль не подчиняется разведчикам, зато разведчики подчиняются адмиралу патруля. А это... — он посмотрел на Сэммза, Хогана и Рисдайка, — просители, обратившиеся к Совету от имени Фенриса. Я должен был встретиться с ними завтра, точнее, сегодня, потому что полночь уже миновала. Вы не можете наказывать этих джентльхома как входящих в состав разведки.

Леннокс протянул руку, схватил Джоктара за воротник и заставил встать.

— А вот этого могу и сделаю.

— Правда? — Куллан неторопливо прошелся по комнате, пристально посмотрел на Джоктара, начиная с взъерошенной головы и заканчивая сапогами на магнитной подошве. — Добер! — К нему от двери подошел один из патрульных. — Поправьте меня, если я ошибаюсь: разве разведчики не обязаны всегда иметь при себе идентификационный диск?

— Обязаны, джентльхома.

— Прошу вас, поищите у этого человека его диск.

Патрульный колебался. Леннокс встал перед Джоктаром и, казалось, готов был сопротивляться.

— Послушайте, командер, не создавайте дополнительных осложнений. Если это один из ваших людей, на нем должен

быть диск, а если диска нет, значит, он только выдает себя за разведчика, а это преступление, которое я как член Совета обязан расследовать.

Леннокс под густым космическим загаром позеленел. Он очень неохотно отодвинулся, и патрульный распахнул куртку и рубашку Джоктара.

— Диска нет, джентльхому, — бесстрастным голосом доложил он.

— Значит, я прав. Этот человек самозванец и должен быть направлен в соответствующую инстанцию. Думаю, нам нужно как можно быстрее перейти к сути этого необычного дела. Патрульные, проводите всех этих граждан и командера Леннокса в мои помещения. Можете не опасаться, что они сбегут, командер, мои помещения надежно охраняются. К тому же там им окажут медицинскую помощь. Позже мы все соберемся для неформального расследования.

На этом расследовании, которое состоялось час спустя, Джоктар сидел на том месте, которое выбрал сам, — на широком подоконнике окна. За ним, за непробиваемым стеклом, разворачивался розовый рассвет. Землянин поднес чашу, которую держал в руке, к губам и глотнул. Напиток прохладный, но приятный на вкус, и внутри от него становится тепло. Поверх края чаши он внимательно следил за остальными обитателями комнаты.

Рисдайк полулежал в кресле, струйка крови с его подбородка исчезла, но лицо было как у бегуна, истратившего силы до последней капли. Рядом с ним сидел Сэммз, гораздо более живой и напряженный, взгляд его светлых глаз переходил от одного лица к другому. Са тоже отхлебывал напиток из чашки, роскошная пестрая одежда на нем слегка обвисла, но в остальном он был в норме. Небольшое свободное пространство — и Леннокс. Леннокс сидел неподвижно, так, словно в кресло его усадили силой и держат в силовом поле. За ним, почти рядом с самим Джоктаром, Хоган. Не хватает только патрульного: его место занял человек в тускло-фиолетовом костюме крупного чиновника. Войдя в помещение несколько минут назад, следуя при этом справа от Куллана, этот человек слегка похлопал Хогана по плечу с фамильярностью старого друга. Его представили как директора Кронфельда.

Член Совета повернул голову, чтобы взглянуть в другое окно, расположенное за его креслом.

— Рассвет, — сказал он. — Какой подходящий символизм: обсуждать это в час рассвета. — Он взял со своего стола лист бумаги. — У меня здесь заявление от имени организации, именующей себя «Федерация свободных людей Фенриса». Здесь эту организацию представляют джентльомо Сэммз, Рисдайк и Хоган. Джентльомо Са, есть ли у вас возражения против рассмотрения этого заявления?

Са осторожно улыбнулся.

— Член Совета, невозможно выиграть гонку на дохлой лошади. Я уже договорился с джентльомо Хоганом о рассмотрении условий, которые он предлагает. Я могу говорить только от лица Харбанда, но...

— Но если соблюдаемые договоренности окажутся нарушены, остальные компании будут вынуждены последовать вашему примеру? Прекрасно, будут проведены переговоры с присутствием представителей Совета и в определенное законное время. Позвольте поздравить вас, джентльомо Са, с разумным разрешением трудной ситуации.

Са снова улыбнулся.

— Не все участники нашего совещания согласятся с вами, — заметил он.

— Переходим к следующему пункту. — Манеры Куллана неожиданно изменились. — Ваша свобода была ограничена, вам лично грозила серьезная опасность из-за неверных действий офицера службы. Вы хотите подать официальную жалобу?

Улыбка Са стала еще шире. Он опустил чашку.

— Член Совета, у меня складывается впечатление, что это дело не касается ни меня, ни Фенриса. Прошу вашего разрешения удалиться. Доверяю вам принятие мер по отношению к слишком ревностному офицеру. — Он встал и протянул руку Сэммзу.

— Джентльомо, поскольку наше дело здесь завершено, не пора ли нам уйти?

Сэммз не притронулся к его руке. Он наклонился вперед и смотрел мимо Са... на Хогана? Или на Леннокса? Наступившее молчание прервал Куллан.

— Джентльхому, если вы полагаете, что сможете договориться с этим офицером в частном порядке, то он больше не располагает полномочиями. Теперь у вас нет ничего такого, что было бы нужно ему. Больше того, он не в таком положении, чтобы заключать сделки. Поправьте меня, если я ошибаюсь, командер.

Леннокс продолжал смотреть прямо перед собой, мимо Куллана, на разгорающийся рассвет. Как Са несколько минут назад, так и он сейчас словно съёжился, уменьшился. Сэммз встал.

— А как же ты? — хрипло спросил он Хогана.

Бывший торговец словно в прощальном жесте поднял руку.

— Сэммз, — ответил он своим привычным небрежным тоном. — Я хочу сделать тебе подарок, большой и соблазнительный. Ни один идущий вверх парень не в силах отказаться от такого подарка. Целый Фенрис. Я уверен, ты принесешь немало добра тем, кто нас поддерживал... по двум причинам. Во-первых, потому что джентльхому Са признает, что увидел огненную надпись на стене и готов вести авангард пионеров в прекрасную новую эру...

Са вежливо поклонился и усмехнулся.

— И во-вторых, поскольку теперь весь Фенрис в твоём распоряжении, ты постарайся стать там боссом. А это означает соблюдение прав твоих будущих сторонников и подчиненных. Уступаю тебе место с моим благословением. Не утруждай себя сообщать в ответ, что ты меня ненавидишь, — особенно сейчас, когда я схожу со сцены. Мы оба это прекрасно знаем.

В глазах Сэммза что-то промелькнуло. Не обращая внимания на Хогана, он поклонился Куллану, с достоинством взял Са за руку, и они вышли вместе, уже тесно связанные друг с другом, и не только физически.

Как только дверь за ними закрылась, Хоган сказал:

— Конец главы. А может, и всей книги.

— Но только этой книги, — поправил его Кронфельд.

— Ну хорошо. — Куллан снова взглянул на яркие цвета на небе. Долго наблюдал за этим зрелищем, потом повернулся к Ленноксу.

— Мы знаем все, — заговорил он негромко, но с большой силой, — включая и то, чего не знаете вы, командер. Но по какому праву, ради всех звезд галактики, смеете вы выступать против ффаллиан?

Глава 13

Напускное спокойствие сразу изменило Ленноксу. Лицо его превратилось в маску ненависти.

— Если вы знаете все, то знаете и почему.

— Да, я знаю почему. Потому что двадцать лет назад человек, который принес величайший дар, какой только может достаться нашему виду, обратился к вам за помощью, но вы предали его и убили.

— Нет, — Леннокс покачал головой, — вы не сможете обвинить меня в этом, как вы считаете, преступлении. Я поступил так, как должен был, как требовала моя верность — не только службе, но и всему человечеству. Да, признаюсь: я был согласен с каждым словом приказа, когда сдал Марсона. Он больше не был человеком! То, что сделал, я сделал ради блага всех людей — на планетах и в космосе. Этот предатель, — рот его дернулся, — стал чудовищем. То, что он нам предлагал, было злом. Вы на коленях должны благодарить богов, в которых верите, что он не довел свою миссию до конца.

— Это односторонний взгляд. — Рассудительный и спокойный голос Кронфельда контрастировал с яростью разведчика. — Какое-то время такой фанатизм даже официально одобрялся. Но у той же истории есть и другая сторона. Марсон, исполняя свои обязанности разведчика, встретился с *другими*, с которыми мы делим галактику. Контакт со стороны Марсона начался отчасти невольно: он уловил призыв о помощи и принял участие в спасении. Он не мог отказать в предоставлении помощи, это было бы бесчеловечно; но в результате он понял, что *другие* совсем не такие чудовища, какими их описывали его начальники. Он присоединился к ним, жил с ними, и только потому, что узнал нечто крайне полезное для обеих рас, добровольно вернулся на территорию, принадлежащую людям. Он хорошо понимал, что это может означать для него смерть. Но надеялся, что какой-нибудь человек доброй воли выслушает его и рассмотрит его доказательства.

Он прибыл как посол. Но еще до того, как он сумел связаться с теми, кто понял бы его, он был пойман в Н'Йорке и убит. Всю эту историю приказано было замалчивать. Дело было закрыто — так считала ваша служба. Но лет пятнадцать назад

была предпринята вторая попытка вступить в контакт. Ситуация у той стороны становилась критической, хотя наша короткая продолжительность жизни не характерна для *других*. На этот раз добровольных посланцев было двое, и с ними был еще и третий в качестве доказательства.

Леннокс схватился за пустую кобуру бластера.

— Разведчик по имени Ксанга прошел по пути Марсона и был привлечен к такому же сотрудничеству. Он вернулся, будучи пилотом корабля, приземлившегося на планете Крис. На борту было два пассажира: женщина и ребенок. Ксанга решил вернуться, хотя знал, что будет объявлен самым страшным преступником с начала времен и его будут преследовать. К несчастью, на Крисе его узнали и передали вашей службе. Он предпочел умереть, чтобы не выдать тех, кто прилетел с ним. Мы так и не смогли узнать, как им удалось скрыться. Но со временем они добрались до Земли.

Женщина, защищенная от всех опасностей, какие мог предвидеть ее народ, не была иммунна по отношению к земным болезням. Она умерла в Н'Йорке, в Джеттауне, где нашла временное убежище. Остался ребенок.

Джоктар поставил опустевшую чашку. Его, как и командера, захватил рассказ Кронфельда.

— По земным меркам ребенку казалось лет шесть, на самом деле ему было двенадцать. Для его же защиты ему заблокировали память о прошлом. В Джеттауне он нашел для себя место и со временем вписался в образ жизни улиц. Ни он сам, ни окружающие не представляли себе, насколько он важен.

Кронфельд взял документ, но не читал, а цитировал по памяти:

— Что было движущим мотивом возвращения Марсона, самопожертвования Ксанги и женщины? О, я слышал множество басен, которые за годы после первого контакта распространяла служба о чужаках...

— Басен? — сквозь зубы произнес Леннокс. — Просто потому, что вы не верите в правду?

— Но какова правда? Что чужаки бессмертны? Да, такое принять было бы трудно. Но это неправда. Они не только могут погибнуть в несчастном случае, но, хоть продолжительность их жизни несравненно больше нашей, они смертны самым есте-

ственным образом. Что они физически и умственно нас превосходят? Да, это вызывает комплекс неполноценности, который не могут перенести слабые люди. Но у чужаков, на их стороне весов, есть и одна слабость.

Леннокс буквально плюнул. На темной коже появилась капля жидкости.

— Мы им нужны! — мрачно сказал он. — Они хотят, чтобы мы размножались.

Кронфельд хмуро взглянул на него.

— Пятьдесят лет назад, — заговорил он академическим тоном, — человек, склонный к истерии и извращениям, по своему понял тайный отчет. Возможно, под влиянием своего неправильного воспитания или по другой причине, но он допустил вполне понятную человеческую ошибку. И захлопнул дверь для всей своей расы. Однако есть аксиома: вечно скрывать правду невозможно. Другие люди натыкались на тайные данные в архивах и понимали иногда истинный смысл отчета. Три года назад подлинная история стала известна тем, кто посмел в нее поверить. Был проверен весь тот вздор, все те искажения истины, которые Морр сообщал своим последователям. И тогда оказалось, что факты совсем иные и что те чудовищные преступления, в которых он обвинял чужаков, совсем не преступления. Да, нашим соседям по галактике для размножения нужна другая раса, но отсюда совсем не следуют те проявления зла и жестокости, которые рисовало больное воображение Морра.

Чужаки гуманоиды, но не люди. Они так давно путешествуют среди звезд, что мы даже представить себе не можем. Они были друзьями и товарищами по оружию многих рас, предшествовавших нам в космосе, тех, кто строил сооружения, развалины которых мы находим на мертвых планетах, потому что мы вышли в освоенный в древние времена, издавна обитаемый участок пространства. Однако уже очень давно раса чужаков претерпела мутацию, которая почти обрекает ее на вымирание. У чужаков, если они вступают в брак друг с другом, рождаются только женщины. Если они сочетаются с родственной гуманоидной расой, рождаются ффаллиане, все они мужчины.

В свою очередь ффаллиане могут плодотворно сочетаться и с людьми, и с чужаками, и у них рождаются дети обоих полов.

И эти дети второго поколения, как и сами ффаллиане, обладают большой продолжительностью жизни и заметными физическими и умственными преимуществами перед нами. Прошло уже очень много времени с тех пор, как чужаки нашли расу, с представителями которой могли иметь общих детей, и с каждым годом ффаллиан становится все меньше. И как же они обрадовались, когда установили, что мы и есть тот вид, который...

— ...который они могут использовать для производства чудовищ-полукровок! — взорвался Леннокс.

— Полукровок — да, но чудовищ — нет! Вовсе не чудовищ. К счастью, сознание не всех людей отравил яд Морра. Женщина из чужаков согласилась стать женой Марсона. Их сын — подлинный ффаллианин. После смерти мужа она привезла его на Землю, чтобы доказать свою правоту и просить людей помочь ее народу. Теперь, много лет спустя, мы можем сделать так, чтобы ее жертва не была напрасной. У нас не будет даров чужаков. Но они будут у наших сыновей и дочерей. По человеческому счету пройдет немало лет, но число ффаллиан постепенно будет все возрастать, мы будем связаны тесными узами так, что обе расы приблизятся к бессмертию.

— Вы сошли с ума! — В словах Леннокса звучала глубокая убежденность. — Попытайтесь уговорить людей спариваться с чудовищами — и развяжете войну!

— Я сказал, что пройдет много времени. Мы уже начали. Я возглавляю колонизационный проект, в ходе которого мы готовим группу специально отобранных людей. И мы собираемся рассказать обо всем правду. Пропаганда бывает не только ложная, но и правдивая. И наша — правдива.

— Вы не можете это сделать! Они скормили вам сказку. И вы ее проглотили! Но подлинная история далеко не такая красивая. Морр знал правду, он видел результаты. Вы говорите о сверхчеловеке, а он видел, что в таких скрещенных браках рождаются дьяволы.

— Дьяволы? Вы сами видели одного из этих дьяволов. В каком отношении он чудовище? Похож ли он на тех монстров, которых выдумал Морр, чтобы подкрепить поддельные отчеты?

Леннокс повернул голову и посмотрел на Джоктара. И в тот момент, когда никто этого не ожидал, бросился на молодого землянина, попытался схватить его за горло. Сработали

рефлексы, приобретенные в результате жизни на улицах. Но Леннокс с силой отбросил Джоктара, и тот головой ударился о непробиваемое стекло окна. Землянин мгновенно понял, что сражается за свою жизнь с безумцем, который в своем стремлении убить царапался, кусался и щелкал зубами. Ошеломленный этой безумной яростью, Джоктар сопротивлялся.

Куллан вызвал патрульных, и почти потерявшего рассудок Леннокса увели. Но Джоктар отвернулся от всех. Он пытался забыть услышанное. Его охватило знакомое ощущение одиночества... это чувство отгораживало его от всех в комнате и в какой-то степени и от самой комнаты.

Чудовище... полукровка! Леннокс навесил на него эти ярлыки. И сотни... миллионы людей в галактике скажут то же самое. На улицах Джоктар получил хороший урок. С начала существования человечества есть в людях темное и злое стремление обратиться против тех, кто отличается, кто другой, наброситься на таких всей толпой. И возможность подобного преследования вызвала у Джоктара ужас, пронзивший его сознание.

Взошло солнце Локи. Оно отражалось от коричнево-золотистой поверхности моря... гораздо теплее, чем когда освещало снега Фенриса. Жизнь на улицах проходит по ночам, и на Земле у Джоктара было мало возможностей увидеть солнце.

Золотая планета, на которой солнце теплое и доброе...

Джоктар слышал движения в комнате, но старался не обращать на них внимания. Это все люди, а он — что-то совсем другое. Слова Леннокса за несколько мгновений воздвигли преграду между ним и всем человечеством.

Солнце на волнах... золотой мир... что ж, придется встретиться с другими людьми и со своим будущим. Джоктар повернулся спиной к солнцу, лицом к комнате.

В ней был только Хоган. Он смотрел на молодого человека так же пристально, как когда-то на Фенрисе. Заговорил негромко:

— Это совсем не так. Не позволяй яду Леннокса отравить тебя. Ты не одинок.

— Полукровка, — произнес отвратительное слово Джоктар.

— Ффаллианин, — поправил Хоган. — А это совсем другое дело. Я знаю... поверь мне, я знаю.

— Откуда? — вызывающе спросил Джоктар.

— Думаешь, твой отец и Ксанга были единственными, кто присоединился к чужакам? Четыре года назад... я вернулся.

— Но ты был на Фенрисе... ты торговец!

— Приходилось скрываться... так, как если бы я тоже был ффаллианин. Я ждал, когда начнет действовать Кронфельд. Он должен был найти тебя. Мы знали о твоём существовании. А вот где ты — это еще предстояло установить. Да, Леннокс ошибается. Его ошибка жалка и ужасна. Ты веришь мне?

И Джоктар, увидев взгляд Хогана, поверил. Он больше не сомневался. И был готов принять свое неожиданное наследие.

КОСМИЧЕСКИЙ СИУ

Глава 1

Планета Лоди была точкой пересечения многих космических трасс, и возможно, именно поэтому была выбрана для устройства там Базы Торговой Службы, где могли временно размещаться те, кто направлялся к местам назначений или покидал их. Условия обитания на Базе были точно выверены в расчете на проведение здесь отпусков и одновременно сочетались с безликостью космического караван-сарая, и сама эта безликость способствовала быстрому отлету из этих мест, если вдруг кто-то забывал о таком пустяке, как совесть.

В приемной чиновника, распределяющего очередные назначения, ждал вызова молодой человек. Он сидел в легком удобном кресле, которое бережно обнимало его тонкое длинное тело и как будто приглашало расслабиться. Но молодой человек явно противился этому. Его коричневого оттенка рука постоянно массировала грудь, плавно двигаясь по красноватому, цвета граната, парадному мундиру. Но даже такое слабое прикосновение вызывало у него приступы боли. Это был не единственный шрам из тех, что всю жизнь будут напоминать ему о неудаче в первой самостоятельной работе.

И только упорно не гаснувшая искра протеста в самой глубине души Кейда Уайтхока все еще настаивала, что он был прав. Молодой человек хмурился, словно глядел на невидимую стену, и, видимо, пытаясь освободиться от обволакивающей подушки кресла, резко двинул плечами и буквально вдавил в пол башмаки. Его в очередной раз вывело из себя противоречие, которое не давало ему покоя уже несколько дней. Почему профессиональные тесты выдали ему назначение на самый дальний аванпост, в то время как было вполне очевидно, что он не мог, даже эмоционально, воспринимать высокомерие Стиора, оставаясь при этом беспристрастным и сохраняя полное самообладание?

Считалось, что тесты Службы давали абсолютно верный результат и всегда подбирали нужного человека к нужному месту. Почему же тогда не был принят во внимание тот факт, что некий Кейд Уайтхок, америнд из Северо-Западной Терранской Конфедерации, под влиянием справедливого гнева может вернуться к менее дипломатичной практике своих древних предков и начнет обращаться с правителями Стиора именно так, как того требовала нездоровая жестокость этих инопланетян?

А что, если тесты не были так надежны? Слепая вера в них была частью жизненного кредо Службы. И если тесты могли так ошибаться, что же можно было сказать обо всей священной и неприкосновенной Политике?

Рука Кейда, лежавшая на колене, непроизвольно сжалась в кулак. Эта Политика нейтралитета и мирного сосуществования со Стиором раздражала, или, по крайней мере, должна была раздражать каждого из терранцев. Допустим, что кто-то мог бы бросить вызов этой Политике, ограничить власть Стиора где-то там, на дальних звездных путях, и разбить его! Если выбрать подходящий момент...

— Уайтхок! — с шипящим свистом прозвучал металлический голос из переговорного устройства, разносясь по всей приемной. Он встал, одернул форму и тяжелым шагом направился в соседнюю комнату, чтобы предстать перед человеком, в облике которого отсутствовал малейший намек на гостеприимство.

— Уайтхок явился по вызову, сэр.

Ристоф относился к своим подчиненным с полным безразличием, широкое лицо его всегда оставалась бесстрастным. Точно так же вели себя старейшины из племени Кейда, когда встречались лицом к лицу с правонарушителем.

— Ты, разумеется, осознаешь, что твои недавние поступки весьма ограничили твои права на дальнейшее продвижение по службе?

— Да, сэр.

Но вряд ли бы меня пригласили сюда, если бы этот поспешный официальный вердикт был принят во внимание, подумал Кейд. Меня бы уже отправили на транспортный корабль, который улетел домой еще вчера. А это значит, что произошли перемены!

— Мы не можем исключить появление чрезвычайных обстоятельств. — Неприязнь, холод и смертельный страх скрывались за внешним формализмом этих слов. — А иногда мы просто находимся под их давлением. Объединенный отряд, отправляющийся на Клор, только что потерял одного из своих людей в результате очередного акта насилия. И поскольку ты единственный представитель своей расы, у которого в данный момент нет никаких дел на Лоди, мы вынуждены послать тебя. Ты понимаешь, что это беспрецедентная уступка, если учесть все имеющиеся против тебя обвинения, Уайтхок, и что любое очередное замечание в твоём досье будет означать немедленное увольнение со службы, а возможно, и дальнейшее судебное разбирательство согласно нашему уставу?

— Да, сэр.

Объединенный отряд! Вот это да! Объединенный отряд был особым! Но почему же тогда, с его подмоченной репутацией, он все-таки назначен в этот отряд, пусть даже временно?

— Ты вылетаешь на «Марко Поло» в четырнадцать часов с личным снаряжением, не превышающим объема заплечного ранца. Отряд организован около пяти месяцев назад и сейчас полностью укомплектован всем необходимым. И еще, Уайтхок, запомни: хоть одна ошибка, и твоя карьера закончена.

— Да, сэр.

Разумеется, работа Объединенного Отряда была очень опасной. Его заинтересовало, всякий ли раз они использовали назначения такого рода в качестве одной из форм поддержания дисциплины. Ссылка и наказание одновременно? Видимо, все-таки нет, потому что Отряд имел слишком важное значение, чтобы его можно было считать местом ссылки для нежелательных лиц. Обычно Объединенные Отряды посылались для налаживания различных форм торговли на те первобытно организованные планеты, которые подчинялись Стиору, но не были полностью колонизированы им; в слаборазвитые миры, где коренное население находилось в кабале у инопланетных владык.

Укладывая различные предметы и снаряжение, Кейд продолжал думать про Стиор и старался быть объективным, заглушая свою личную неприязнь к инопланетянам. Физически они в достаточной степени были человекообразными существами, чтобы считаться собратьями терранцев. С ментальной

и эмоциональной же стороны развития эти два вида разделяли несколько парсеков. Звездная империя Стиора возникла очень давно, а теперь она трещала по швам. Тем не менее Стиор был все еще силен и имел мощную галактическую армаду, способную стереть в порошок любую враждебную планету, и он по-прежнему распространял свое влияние на две трети населенных или пригодных к проживанию миров.

До сих пор их могущество не могла оспорить даже Лига. Поэтому существовало определенное, весьма ненадежное соглашение, касающееся политики и торговли. Коммерсанты проникали туда, где со стороны Лиги были бессильны другие, даже дипломатические попытки установления контактов. В самом начале роста влияния терранской галактики некоторые правители Стиора пытались извлечь выгоду из этого факта. Коммерсанты либо погибали в бараках для рабов, либо уничтожались другими отвратительными способами. Но реакция Службы на эти действия была всегда быстрой и весьма действенной. Торговля с такого рода правителем, планетой или системой полностью прекращалась. И обитатели Стиора вскоре обнаруживали отсутствие предметов роскоши и множества других вещей, к которым они уже привыкли. Эксплуатируя богатство миров, они старались вести торговлю, чтобы избежать застоя и укрепить структуру своей экономики (сейчас Стиор позволял развивать внутри своей системы и такое направление, наряду с политикой и войной), и как раз с этой целью и использовались терранцы. С врожденной верой в свое божественное предназначение и превосходство в вооружении Стиор продолжал создавать свою империю. Его правители жестоко расправлялись с любыми попытками мятежа со стороны подвластных им рас, но, продолжая верить в собственную непобедимость, они вполне терпимо относились к терранцам.

Но огонь продолжал медленно тлеть, не желая превращаться в пепел. Допустим, что сопротивление одного из миров было вполне успешным... Кейд обогнул гору упаковочных клеток, преградивших ему путь к погрузочной платформе корабля. Он уловил резкий неприятный животный запах и взглянул на ближайшую из них, различая внутри нее меховой шар, на три четверти укутанный в мягкую упаковку. Пленнику этой клетки уже сделали усыпляющий укол для перелета, но, так или иначе, это был самый настоящий, живой груз, и Кейд был немало удив-

лен таким обстоятельством. Не многие поставщики могли позволить себе столь высокие расходы при перевозке животных по звездным путям.

На борту «Марко Поло» он отыскал выделенную ему тесную каюту, с неприязнью воспринимая весь дискомфорт очередного путешествия. Когда, после режима ускорения, пришло время расстегнуть страховочные ремни, он с нетерпением потянулся к считыванию лент, чтобы получить все имеющиеся у терранцев сведения о планете Клор.

И вот теперь он внимательно смотрел на картины, разворачивающиеся перед ним на экране размером с ладонь. Это была своего рода энциклопедия знаний, подобранных по основным направлениям. По мере того как он изучал все это, его не оставляло странное ощущение, что в этой подборке сведений по истории, географии, производстве и торговле было что-то знакомое, ранее встречавшееся ему. Но тем не менее он не смог выделить ни одного конкретного уже известного ему факта.

Вдоль спины его поползли мурашки — что всегда предупреждает бойца о поджидающей впереди засаде, которую нельзя обнаружить никакими другими средствами. Хотя, с другой стороны, на этой планете не было ничего особо опасного, как можно было заключить по меняющимся перед его глазами картинам, не более чем на дюжине других известных ему обитаемых миров.

Человек, чье место он теперь занимал... как это сказал о нем Ристоф?.. погиб в результате акта насилия. Кейд задумался над этими несколько неестественными, слегка высокопарными словами. Не разыграл ли и здесь Стиор один из своих старых трюков? Нет, смерть терранца по воле Стиора вряд ли удалось бы сохранить в секрете, несмотря на все тайные предосторожности. Слухи о таком событии очень быстро распространились бы по всем уголкам Базы на Лоди. А «акт насилия» вообще мог и не восприниматься как какая-то скандальная катастрофа.

Итак, вот что известно о Клоре. Климат умеренных зон подобен климату северных континентов Терры. На планете есть три основных участка суши, два из которых лежат по обе стороны экватора, располагаясь в западном полушарии, а третий, длинный и узкий, отдаленно напоминающий крюк, лежит в восточном, простираясь как в северное, так и в южное полу-

шария. Юго-западный континент так изборозжен вулканами, что почва практически обезвожена и представляет собой необитаемую пустыню, полностью лишенную каких-либо достоинств и поэтому мало интересующую Стиор. И только на северном окончании этого континента, изо всех сил цепляясь за эту горькую землю, приютилась кучка убогих рыбацких деревень.

Изогнувшаяся, как крюк, земля на востоке была наиболее привлекательной для торговцев. Несмотря на то что здесь поднималась цепочка остроконечных гор, пересекающая по диагонали весь континент, а их пики были окаймлены холмистыми предгорьями, основная часть земли была занята покрытыми травой равнинами. Практически эта земля имела поразительное сходство с той, что изображалась на древних картах его собственной родины. Сходство это особенно напоминало те времена, когда атомные войны еще не уничтожили цивилизацию и позволили его собственной расе вернуться на равнины из затерянных уголков пустынь и гор, куда они ранее были изгнаны вторжением индустриальной культуры, которая в конце концов уничтожила сама себя. Равнины Клора разбудили у Кейда воспоминания о предках.

Почти в середине этой главной горной цепи, размещенный тем не менее все-таки на равнине, находился торговый форт терранцев. Его местоположение определяло срединную точку между двумя главными центрами, основанными здесь Стиором. В одном из них в основном размещалось металлургическое производство, в другом же, носившем название Кор, размещался административный аппарат управления всей планетой. Остальная территория была изрезана на лоскуты, являвшиеся частными владениями правителей. Но Клор, за исключением шахт, которые считались личной собственностью Императора, не приносил больших доходов. За исключением, может быть, верховного правителя Пака, инопланетяне, жившие на этой далекой планете, представляли либо вновь возникшие семьи, либо неудачников, сосланных сюда по решению рода, людей, так или иначе имевших темное прошлое.

Импорт терранцев с этой планеты включал отнюдь не продукцию металлургов, а всего-навсего мех. Эти остроконечные зазубренные вершины, выставившие свои мрачные серые скелеты сквозь разрывы в желтовато-коричневой растительности,

были буквально изрешечены небольшими пещерами, большинство которых были населены, по-видимому, неисчерпаемыми стадами животных, которых здесь называли масти.

На Терре обитали летучие мыши, чей серебристо-шелковый мех, если шкурка была подходящих размеров, покорял торговцев своей красотой. Но шкурки размером всего в несколько пальцев шириной не представляли никакой ценности. Люди разведали множество звезд, прежде чем открыли для себя масти. Как и летучие мыши, у них дома летающие существа Клора имели кожаные крылья, но размах этих крыльев доходил до десяти футов, а покрытое мехом туловище имело соответствующие пропорции. Мех был шелковистый, с изящной волнистостью, или, что характерно для масти, живущих почти на самых вершинах, был коротким, с упругими, словно пружины, завитками, окрашенный в разные цвета, начиная от серебристо-серого цвета горных скал до темно-синего, под стать местному ночному небу. И один сезон охоты на них мог позволить торговцу занять положение среди лиц, обладающих наиболее высоким доходом.

Охоту на масти вели иккинни, представлявшие местное население. Каждый правитель Стиора имел столько этих рабов-аборигенов, сколько мог отловить среди гор и холмов или купить у профессионального работоторговца. Кейд нажал клавишу повтора, чтобы повнимательнее рассмотреть картину, появившуюся на экране.

Очень похожие на людей, но более необычные, чем обитатели Стиора, которые изначально считают, что иккинни всего лишь животные. И, несомненно, от их деспотичных завоевателей они отличались в лучшую сторону.

Представитель их, отображенный на экране, был, вполне возможно, ростом с Кейда, но его длинные и тонкие конечности создавали впечатление, что рост этого аборигена был на несколько дюймов больше. Тело, руки и ноги покрывали тонкие и длинные черные волосы, через которые проступала бледная кожа. На плечах и груди волосы были плотнее, и эта поднимающаяся вверх темная масса завершалась на макушке грубым жестким гребнем. На щеках и подбородке волосы скорее напоминали мягкий пух, из которого торчал твердый крючковатый нос, словно нарост, затмевая остальные черты. Широкий

и, как казалось, начисто лишенный губ рот был чуть-чуть приоткрыт, а зубы, как у насекомоядных, по своему цвету вполне подходили к коже.

Что касается одежды, то на аборигене была набедренная повязка, концы которой проходили между ног и, пропущенные через узел на животе, свободно болтались на уровне колен; материалом для нее служила дубленая шкура. Однако ошейник на шее иккинни указывал на то, что перед вами раб.

Около трех дюймов в ширину, ошейник мягко облегал плоть, но Кейд знал, что его наличие обрекало иккинни на пожизненное рабство с того самого момента, как он оказывался замкнутым на его шее. Потому что эта лента была сторожем, надсмотрщиком, средством наказания, всем, чем угодно, в соответствии с причудами владельца со Стиора. Радиоимпульсы, передаваемые с расстояния в несколько миль, могли принести с собой приступы боли или предсмертную агонию. И никто не мог спастись бегством.

До пришествия сюда Стиора, насколько могли установить терранцы, иккинни образовывали свободно управляемые племена, обычно включающие два или более семейных кланов. Возникавшие время от времени межплеменные войны велись чаще всего с целью получения новых жен или для поднятия престижа конкурирующих племен. В основном они были странствующими охотниками, за исключением некоторых племен прибрежной зоны, занимавшихся рыболовством, и ряда кланов, осевших на плодородных горных речных долинах и занимавшихся выращиванием зерна и плодов.

Эти фермеры и стали первыми жертвами агрессии Стиора, потому что охотники, после ряда ужасных стычек, бежали в горы, где аномальные воздушные потоки мешали Стиору применять авиацию. Работоторговцы же продолжали совершать набеги в обширные горные районы и отлавливали иккинни с тем же проворством, как эти местные аборигены в свою очередь отлавливали в горных пещерах масти.

Кейд обратил внимание на два копыта и свернутую сеть, которые имел при себе изображенный на экране абориген. Они не имели никакой защиты ни против бластера, ни против игольника, ни против считающегося безвредным шокера, который разрешалось иметь при себе торговцам с Терры в захваченных

Стиором мирах. А без сколько-нибудь эффективного оружия какой шанс могли иметь эти бедняги?

Рука терранца инстинктивно потянулась к рукоятке висевшего на бедре оружия, прежде чем Кейд осознал, куда вели подобные мысли. Вновь могла повториться ситуация, в которой он оказался на Таддере. Он продолжал размышлять в той же самой манере, которая там и привела его к серьезному проступку. Торговцы ни во что не вмешиваются. При малейшем намеке на то, что кто-то из них замешан в местных событиях и переступил четко обозначенные границы их служебных обязанностей, командир тут же отправляет виновника на базу. И он должен хорошо помнить об этом. Помнить и владеть собой, контролируя свои побуждения.

Кейд перестроил прибор, чтобы вызвать на экран список участников отряда. Но нечего надеяться на возможную поддержку этих ветеранов, если он в очередной раз будет отстранен от работы.

— Шака Эбу, командир. — Похожий на металлический щелчок голос представил его нового начальника. Афровенерианец, крепкого телосложения, с легким оттенком седины в волосах. Вполне возможно, что он не был чересчур преуспевающим человеком или многоопытным командиром, а скорее всего занимал один из важных административных постов в одном из секторов базы.

— Че Ин Лан. — Более молодой, со спокойным, даже скорее самодовольным лицом и с сонными глазами.

— Джон Стил.

Кейд едва сдержал удивление, как только увидел на экране не просто америнда, а индейца племени лакота, что было ясно по бледному пятну краски между бровей; ведь это был соплеменник сиу! Это, должно быть, тот самый человек, которого он заменил, тот, кто погиб в результате насилия. Ни один отряд не имел в своем составе более одного представителя какой-либо расы терранцев.

— Мануэль Сантос. — Кейд едва взглянул на последнего человека из списка. Его очень занимал Джон Стил, который погиб на Клоре. И вновь возникло ощущение готовящейся западни. Во всем происходящем было слишком много случайных совпадений.

Действительно, среди работников Службы было много добровольно поступивших туда америндов, потому что рискованная и полная приключений работа во внешних мирах была очень привлекательна для молодежи из Федерации племен. Но таких племен было много, больше двадцати, и они имели еще множество соплеменников. Что же касается замены лакоты фактически на лакоту же, то трудно себе представить, что здесь была лишь одна чистая случайность.

И Ристоф, если учесть его положение, должен был бы знать, что послать Кейда вместо его погибшего кровного брата означало спровоцировать кровную месть. Или эта цепочка случайностей была новым и еще более серьезным тестом его пригодности? Если Кейд будет следовать обычаям рода и попадет в очередную неприятную историю на Клоре, то тогда Ристоф избежит от него.

Он извлек из кобуры шокер и проверил заряд, приводя в действие это вспомогательное оружие. Оно не могло убить, во всяком случае, с тем слабым запасом энергии, который обычно предоставлялся торговцам, но могло вызвать у врага потерю сознания, чтобы иметь возможность перейти к более решительным действиям, если таковые потребуются.

Тем не менее Кейд уже получил урок на Таддере: быть осторожным. Когда-то давным-давно его племя имело устоявшиеся оценки для мужества и талантов. Одиночка мог проникнуть во вражеский лагерь и выйти оттуда целым и невредимым, забирая с собой в придачу вражеского боевого коня. Он играл по собственным правилам. И если Ристоф преследовал какие-то неизвестные пока цели, то он должен выяснить и эту причину. И вновь он ощутил все тот же холодок вдоль спины, как бывает, когда внезапный удар вдруг достигает цели. И совсем не дружеский, нет, нет, совсем не дружеский!

Когда «Марко Поло» вышел из киберпространства, приблизившись к Клору, Кейд ознакомился со всем, что могли сообщить ему записи терранцев об этой планете. Теперь он мог бы проложить точный маршрут с помощью наиболее подробных карт, из тех, что были доступны торговцам и включали даже горные районы, где располагались места охоты на масти. Потому что Стиор проводил в местах охоты периодическую проверку пещер с ловушками, чтобы быть уверенным в том, что

оставалось племенное поголовье. Такого рода подробности не интересовали местных правителей, чей доход мог зависеть лишь от результатов сезонного отлова в пещерах.

Кроме того, терранцы добавляли к своему хранилищу разного рода фактов и такие, что содержали контакты с иккинни, хотя и весьма ограниченные, так как Стиор не поддерживал никаких антропологических исследований. А еще Кейд составил собственную таблицу методов поведения Стиора, вместе с их модификациями, как это было установлено на личном опыте наблюдателями-терранцами. Он не имел ни малейшего представления о том, что ожидало его впереди, за исключением того, что причина смерти Джона Стила была неотъемлемой частью этого. Но, так или иначе, сомнения, которые одолевали его в зале ожидания на Лоди, укрепляли решимость провести собственное исследование.

Должно быть, это будет не так-то легко сделать, раздумывал Кейд весь следующий, длящийся двадцать семь часов день, когда наконец-то он смог уединиться. При ограниченном персонале «Марко Поло» каждый член отряда был приобщен к работе по разгрузке, чтобы транспорт мог побыстрее отправиться в обратный полет. Кейд, только формально представленный своим соратникам по отряду, был так поглощен деталями работы, что после целого дня и ночи, проведенных на Клоре, все еще имел весьма смутное впечатление относительно форта и окружающего персонала.

Среди них были иккинни, нанятые у местных хозяев и исполнявшие роль носильщиков. И один из них как раз сейчас стоял в дверном проеме комнаты Кейда, его глаза с красноватыми зрачками, казалось, дополнительно вбирали в себя свет от атомной лампы, а длинные пальцы обхватывали пояс набедренной повязки, напоминавшей скорее шотландскую юбку.

— Он уже здесь? — спросил Кейд на языке, который выучил во время полета настолько, насколько мог позволить имевшийся на корабле тренажер.

— Он здесь. — Иккинни сделал шаг назад, зацепил гибким пальцем ноги сверток и затащил его из коридора в комнату, демонстрируя обычное нежелание его соплеменников переносить грузы. Стиор, должно быть, постоянно наказывал их за подоб-

ное проявление протеста. Кейд не подал виду, что ему знакомы тонкости такого вызывающего поведения.

Но он даже не шевельнулся, чтобы переложить сверток, так как понимал, что сделать это — значит показать собственную неполноценность.

— Он так и должен лежать там? — Кейд старался не смотреть на лежащий на полу сверток. Затем, повернувшись спиной к аборигену, он занялся тем, что начал перекладывать в коробку пачки магнитофонных лент.

— Он должен быть здесь.

Кейд оглянулся. Теперь сверток лежал на его постели. Поскольку никто не был свидетелем всех тех действий, в результате которых сверток там оказался, то честь обеих сторон была сохранена.

— Это весьма любезно с его стороны. — Терранец намеренно старался сохранить тон разговора, присущий скорее воинам.

Теперь эти красноватые глаза встретились с его глазами. Он не заметил никаких изменений в выражении покрытого мягким пухом лица. Абориген быстро исчез в полуоткрытом проеме. Можно было подумать, что его никогда и не было здесь, если бы не лежавший на постели сверток. Кейд взял его и увидел официальный штамп Подразделения Исследований и Архивации. Прямо под ним было выведено имя: СТИЛ.

Он долгое время взвешивал сверток в руке. Но это послание не было личным. И формально содержимое свертка наверняка могло касаться его работы. Он отогнал легкие угрызения совести и сорвал перевязь, стремясь поскорее узнать, что же могло быть столь важным, чтобы на Базе потребовалась помощь Джона Стила.

Глава 2

Представленный образец имеет следующие свойства, прочитал Кейд шифрованное сообщение Службы. Дальше следовал текст, понятный только химикам. Поэтому он без всякого затруднения может служить кормом для травоядных животных, являясь по своей структуре очень близким к той разновидности трав (бутелойа), которые встречаются на наших западных континентальных равнинах.

Трава, вполне пригодная для терранских травоядных... Кейд просмотрел все написанное второй раз, а затем исследовал два вложения к письму, каждое в защитной пластиковой упаковке. Каждая упаковка заключала в себе высушенное растение, оканчивающееся зерновым колосом. Одно было серо-коричневое, бледноватого тона. Это могло быть обычное терранское сено. Другое было более темное, блеклое, рыжевато-красное, и Кейд подумал, что оно могло быть выдернуто на равнине, раскинувшейся за стенами вот этого самого форта.

Итак, Стил отправил проанализировать набор образцов местной травы. И, согласно содержанию данного заключения, выяснить, не могла ли эта трава служить кормом для некоторых животных Терры. Зачем?

Кейд откинул одно из приставных сидений и уселся перед столом, разложив на нем образцы травы. Он понимал, что это должно быть очень важным. Важным настолько, чтобы заплатить за это человеческой жизнью? Или это заключение вообще не имеет никакого отношения к смерти Стила? А как он погиб? До сих пор никто, с кем Кейд общался, ни разу не обмолвился о его предшественнике. Он должен получить доступ к записанным на ленту отчетам Стила и узнать, почему сорванный на Клоре пучок дикой травы, толщиной не больше пальца, был послан на Главную Базу для аналитического исследования.

Прозвучал негромкий, но отчетливый перезвон. Это был сигнал к обеду, и Кейд, расстегнув форму, сунул содержимое пакетов в отделение внутреннего пояса, где, как он полагал, будет самое надежное место.

Войти в коллектив любого сложившегося отряда для новичка всегда непросто. А кроме того, Кейд понимал, что Эбу был надлежащим образом предупрежден относительно его просчетов в недалеком прошлом. Было очень важно, чтобы ему хватило выдержки и ума на весь период испытательного срока, пока остальные будут проверять его. И не будь у него этой требующей непременно разрешения личной тайны, его страх перед первой встречей с членами отряда несколько не был бы меньше. Но в обеденном зале не было никакого внешнего напряжения, если не считать смешанных запахов нескольких экзотических блюд. Каждый из присутствующих вел себя за обедом довольно рассеянно, так как в это же время был еще занят

тонкой бумажной лентой с только что появившимися, касающимися лично его и никак не связанными с Клором сообщениями. И Кейд мог спокойно изучать всех собранных здесь терранцев, стараясь не делать слишком поспешных оценок.

Командир Эбу ел флегматично и напоминал двигатель, запасавший новую порцию энергии, его внимание было поглощено считывающим устройством, сквозь которое медленно ползли тонкие бумажные ленты, из чего можно было заключить: или командир был не очень быстрый чтец, или содержание сообщений было настолько важным, что требовало от него полной сосредоточенности.

В противоположность ему, округлое лицо Че Ина выдавало множество мимолетных эмоций, которые менялись с той же быстротой, как и бумажные ленты в его считывающем устройстве. Время от времени он возмущенно хмыкал, издавая звук, напоминавший то ли шлепанье губ прожорливого существа, то ли легкое кудактанье, отражавший истинную сущность его персональной почты.

Однако третий человек, Сантос, вел себя несколько иначе. Прочитав ленту из одной пачки, он высвобождал его из устройства и перекладывал во вторую пачку и после этого сидел, пристально разглядывая стену, пока пережевывал порцию пищи. После чего процесс возобновлялся. В то время как Кейд пытался разобраться в особенностях характера своих сотрапезников, анализируя их поведение, в дверях возникла фигура иккинни. Не поворачивая головы, Эбу спросил, используя торговый диалект:

— Он приходит. Почему?

— Он беспокоится. — Но произносимые при этом слова не содержали никаких интонаций, связанных с какими-либо эмоциями.

— Он беспокоится. Почему?

— Мохнатое существо из мира звезд громко кричит.

Эбу взглянул на Кейда.

— Это относится к твоей компетенции, Уайтхок. Насколько я знаю, ты проходил ветеринарную подготовку. Этот медведь очень важен для поддержания наших отношений с верховным правителем Паком. Тебе лучше всего взглянуть на него прямо сейчас.

Кейд последовал за аборигеном во двор и подошел к небольшому складу, где хранились наиболее ценные предметы для торговли. Теперь и он мог слышать завывающие звуки, которые издавал его пациент. Упаковочная клеть, которую он уже видел на Лоди подготовленной к отправке, стояла под защитным козырьком крыши, а ее обитатель не только не спал, а наоборот, чувствовал себя абсолютно несчастным.

Кейд присел на корточки перед клеткой, чтобы убедиться, что пленником был действительно медведь-терранец, еще не взрослый, на груди виднелся белый галстук, резко контрастировавший с остальным темным мехом, который сейчас почти полностью покрывала защитная подстилка.

Медведей для перевозки за пределы миров обычно брали в одном из селекционных питомников: они были послушны, так как происходили от поколений, долгое время живших рядом с людьми и привыкших к ним. Но никакое космическое путешествие, даже в полусонном состоянии (от действия лекарств), не могло принести животному ничего, кроме нервного шока. А сидевший в клетке пленник был явно расстроен.

На легкий утешительный свист, которым Кейд хотел привлечь его внимание, животное еще сильнее прижалось к прутьям клетки, уставилось на него немигающим взглядом и издало низкий и срывающийся жалобный вой.

Кейд прочитал ярлык, прикрепленный в верхней части клетки. Медведь был предназначен лично для правителя Пака. Нечего было и думать, что такой ценный межгалактический груз может оказаться в значительно лучшем состоянии. Кейд повертел замок и опустил переднюю стенку клетки на каменный пол внутреннего дворика. Услышав сзади себя какое-то движение, он предположил, что там остановился иккинни, чтобы понаблюдать за происходящим.

Неужели особый запах тела аборигена как-то воздействовал на медведя? Кейд делал знаки рукой в расчете на то, что иккинни сможет правильно понять его и отойдет подальше.

Даже несмотря на то что теперь клетка была открыта, медведь вел себя неуверенно, ходил взад и вперед, как будто все еще видел перед собой преграду, и завывал.

— Иди, иди сюда, приятель. Тебе нечего бояться, — уговаривал его Кейд. Он протянул руку, не для того, чтобы самому

потрогать животное, а чтобы медведь сам мог дотронуться до него, чтобы эта черная кнопка носа с интересом прикоснулась бы к его пальцам, обследовала тыльную сторону ладони, и, может быть, тогда, привлеченный знакомым запахом, медведь вышел бы из клетки.

Вдруг неожиданным прыжком животное налетело на Кейда, заставив его отклониться назад, в то время как круглая голова зверя двинула его в грудь с силой, вполне достаточной, чтобы вызвать протест у человека. Терранец обеими руками ухватил медведя за уши, в то время как влажный нос и шершавый язык медведя уткнулись в его подбородок.

— Ну, ну, приятель, успокойся! С тобой все в порядке.

Когда Кейд начал высвобождаться от этих незавершенных объятий, то обнаружил, что сидит на полу, а три четверти медвежьего тела придавили ему бедра. Тогда он рассмеялся и почесал сзади округленных медвежьих ушей. Ничего страшного не случилось с этим путешествующим представителем терранской природы, кроме стресса от одиночества и страха. Кейд приласкал медведя и заговорил с иккинни, нерешительно ожидающим в стороне.

— Этот мохнатый путешественник ел?

— Моя давал ему еда. Но мохнатый не ел.

— Еще раз принеси еду.

Кейд присел на камень, наблюдая за поворотом круглой головы, прислушивающейся к чавканью, с которым исчезала пища, когда медведь, на этот раз с откровенной жадностью, начал высасывать содержимое миски.

— А этот мохнатый не носит ошейник.

Кейд взглянул вверх. Иккинни пальцами правой руки поглаживал свое волосатое плечо в нескольких дюймах от символа своей принадлежности к рабам.

— Этот родился только вот с этим. — Кейд прикоснулся к белой отметине на черной медвежьей шкуре.

— Но этот мохнатый слушается...

Терранец понял замешательство, скрытое за второй половиной вопроса. Кроме масти, аборигены знали на Клоре множество и других животных, но среди них не было прирученных. Для иккинни зверь был либо предметом охоты для добывания пищи, либо противником, от которого следовало защищаться,

либо не имел никакой ценности вообще, и тогда его просто не замечали. На Клоре не было ни собак, ни кошек, чтобы охранять домашний очаг, не было лошадей...

Не было лошадей! Сознание Кейда на какой-то миг задержалось на этом тусклом проблеске мысли, на чем-то таком... но у него не было времени разбираться в этом. Через двор к нему направлялся Эбу.

— Все в порядке?

— Да. Я бы сказал, что все дело просто в тоске по дому. — Он поднялся на ноги, а иккинни исчез, будто растворился в воздухе. Закончив вылизывать свою миску, медведь присел на задние лапы, слегка раскачиваясь и вращая носом, чтобы исследовать новые запахи.

— А что вообще делает здесь медведь? — спросил Кейд.

— Новая игрушка, — фыркнул командир. — Верховный правитель Пак Скаркан устраивает частный зоопарк. Это был проект Стила. Он привез набор трехмерных фотографий животных и показал их Скаркану, когда в последний раз посещал Кор, чтобы продлить лицензию. Новые вещи всех приводят в восторг, но энтузиазм, видимо, пока не иссяк до конца, хотя случается это очень редко. — Эбу внимательно разглядывал своего нового сотоварища по отряду. — Если только ты не сможешь расшевелить его, чтобы он захотел еще чего-то новенького. Но помни, что мы не сможем транспортировать слонов. А также никаких других животных, которые не могут адаптироваться на Клоре.

В таком случае отчет относительно травы обретал определенный смысл. Стил размышлял об очередной сделке, когда посылал запрос. Олени? Рогатый скот? Какое-то животное, достаточно декоративное, чтобы поддержать пресыщенный интерес владык Стиора.

— Пожалуй, если бы я мог ознакомиться с записями Стила — рискнул заметить Кейд.

— Есть одно обстоятельство, Уайтхок. Если ты ведешь дела непосредственно со Стиором... — Командир замолчал, оставив эту фразу висеть в воздухе, хотя Кейд мог без труда найти опущенные слова. Имея дело со Стиором, не может быть и речи, чтобы проявлять интерес к тем старым записям. Он пожал плечами.

— Ты сам сказал, командир, что животные являются моей непосредственной специализацией. Я могу заниматься и торговой рекламой, а торгует пусть кто-нибудь еще. Пусть кто-нибудь еще займется торговлей.

Эбу понизил тон.

— Достаточно честное признание. И поскольку животные твое главное дело, то тебе лучше всего заняться ловушками для очередной экспедиции. Я дам тебе карту территории и заодно введу в курс дела. Идем.

Когда Кейд сделал несколько шагов, медведь, загребая лапами, последовал за ним. Эбу оглянулся разок, но однако не стал утверждать, что клетка была бы самым подходящим местом для медведя, а уж никак не угол той комнаты, куда он привел своего молодого коллегу. А потом они забыли про животное, занявшись развешанными по стенам картами.

— Мы набираем отряды для охоты у трех разных владельцев. Это делается для конкуренции и предотвращает монополию на поставку охотников. И каждый год мы составляем новые договора, что увеличивает возможность более широкой поддержки нашей репутации. Местные жители могут проявлять недовольство по поводу этой системы, но верховный правитель Пак согласен с ней. Он получает свой кусок, просто давая разрешение на экспорт, фактически ничего не делая, и поэтому не хочет, чтобы у него появлялись богатые конкуренты.

— Небольшие местные дрязги?

— Причем совершенно обычные. Они всегда пытаются укрепить собственную власть за счет соседей. Это всего лишь склочный мир, где каждый местный властитель мечтает о том, чтобы сорвать большой куш, с тем чтобы потом эмигрировать куда-нибудь еще, за очередным рискованным предприятием. Обязанность верховного правителя как раз и состоит в том, чтобы поддерживать некоторую справедливость... во всяком случае, по идее. Иногда эта схема не работает. Но до сих пор на Клоре не было фаворитов. Так или иначе, мы набираем отряды охотников по принципу ротации, и Смохалло является следующим в ряду претендентов. У него есть старший охотник, настоящий эксперт, иккинни с Клифа...

— *Живой!* — воскликнул Кейд, припомнив свои уроки на «Марко Поло». Из всех свободных аборигенов, оставшихся

на Клоре, колонисты Клифа, самой высокой и труднодоступной горной местности, были самой опасной и трудной добычей для работорговцев и всегда оказывали Стиору самое коварное и серьезное сопротивление.

— Самый настоящий, самый живой. И Смохалло знает ему цену. Однажды ему предлагали за этого малого едва ли не целое состояние. Так или иначе, но он одел на это бедное существо двойной ошейник, так что теперь он может быть спокоен за него даже в малонаселенных районах. У него есть еще *надчеловек*, в своем роде сверхчеловек, полукровка с Таддера. — Эбу подергал указательным и большим пальцем удлинненную верхнюю губу. — Лик, этот самый надчеловек, он как грязное пятно на общем фоне приятного ландшафта, но он правая рука Смохалло, а может быть, даже и два пальца левой, особенно при заключении торговых сделок. Запомни это, Уайтхок.

Слова не были угрозой, а всего лишь строгим напоминанием о факте — факте, который Кейд должен принять на веру. Его эмоциональная вспышка на Таддере будет, несомненно, преследовать его все грядущие годы.

— Я запомню, — коротко ответил он.

— Стало быть, будет этот охотник, Лик, и еще шесть ловцов сетями, все из владений Смохалло. Ты возьмешь отсюда одного иккинни в качестве носильщика. Остерегайся Лика. Он знает, что финансовый отчет должен делать ты, но поскольку ты новичок, он может попытаться включить туда несколько неполноценных экземпляров.

Кейд кивнул. Известная практика. Одурачить терранцев было главной целью каждого предпринимателя на Стиоре, чего тот даже не пытался скрывать, и каждого правителя, в чем тот никогда не признался бы публично.

— Ты можешь попытаться исследовать новый северный участок вот в этом районе, — ногтем своего темноватого пальца Эбу прочертил на карте предполагаемый маршрут. — Лик должен иметь при себе резонатор, своего рода акустическое ружье, который поможет отбивать нападения животных, а также пригодится и при других, скрытых, опасностях. Ты можешь натолкнуться на караван работорговцев, тоже направляющийся на север. Если случится такое, то будь глух и нем и постарайся подыскать другой путь, поверь мне, так будет лучше!

— Хорошо. — Но Кейд не испытывал на этот счет никакого восторга и, не желая ничего скрывать, тихо сказал об этом.

— Отправление возможно завтра. Между прочим... — Командир подошел к шкафу и достал рулон ленты. — Вот отчеты Стила. Если ты сможешь хоть что-нибудь почерпнуть из них, то они к твоим услугам. — Это явно говорило о конце их разговора, но Кейд не спешил уходить. Перекладывая рулон из руки в руку, он открыто взглянул в жесткое лицо собеседника.

— Как погиб Стил?

— С копьем в животе. — Вот так прозвучал очень краткий и резкий ответ.

— Встреча с диким иккинни?

— Скорее всего, что так. Он отправился ставить капканы. Есть определенные причины считать, что где-то недалеко была засада. Такое официальное сообщение мы и отправили на Базу.

Но мысленно Кейд не мог согласиться с этим. «И как ласкота, ты будешь страстно переживать это», — размышлял он, не собираясь произносить этого вслух, так как понимал, что командир отряда был очень осторожен, продвигаясь по тропе, на которой могли быть скрыты мины. Каждая интонация в его голосе указывала на это. Да, на Клоре явно было какое-то зло, и это более чем обычная жестокость и тирания Стиора.

Как только он заманил медведя назад, к его клетке, во дворе скользнула тень. В слабом отблеске падавшего из окна света Кейд заметил, что иккинни поднялся на ноги и поджидал терранца. Возможно, это был сторож.

— Он ждал, — произнесла тень.

— Ну и что? Зачем? — Кейд отправил животное в его обитель.

— Спросить, почему это животное, на котором нет ошейника, отвечает на слова звездного странника?

— Потому что в мире, где живет звездный странник, существует... — Кейд пытался подыскать дружеское слово, но не мог найти ничего подходящего среди ограниченного словаря торгового языка и решил заменить его ближайшей подходящей фразой, — есть общий ночной огонь.

Медведь заскулил и заскреб лапами о барьер, который теперь вновь возник между ним и Кейдом. Кейд же, издавая уте-

шающие звуки, постарался успокоить его, и медведь в конце концов свернулся клубком на толстой подстилке.

— Общий ночной огонь для звездного странника и мохнатого, — повторил иккинни смысл услышанного. А затем небрежно добавил: — Это есть Докител.

Кейд стоял как вкопанный. Около секунды у него ушло, чтобы сообразить, что абориген сообщил ему свое имя. Его информация об иккинни была ограничена теми сведениями, которые он почерпнул из записей на борту корабля. И он не знал, как следует расценить это неожиданное доверие. Сейчас он должен решить, как вести себя.

— Оружие Докител — быстрое копье, — попытался сим-провизировать он. — А вот это Кейд. — Он полагал, что произнесенное только одно первое имя будет весьма значимым для аборигена.

— В его руке нет копья, — слова, будто быстрый поток, вытекли из сгустка темноты, в которую погрузился иккинни, сделав несколько шагов. — Он носит ошейник. Он больше не копыеносец. — В этих словах прозвучали какие-то особенные нотки, которые вызвали мгновенную реакцию Кейда.

— Оружие Докител — быстрое копье, — повторил он без всякой выразительности, но по-прежнему настойчиво. Но та единственная, погруженная в сгусток окружавшей его темноты тень исчезла. И он продолжал стоять в одиночестве у медвежьей клетки.

Всю следующую ночь терранцу снился этот призрачный иккинни, и проснулся он утомленным и оступевшим. Однако он проявил упорство и заставил себя заняться изучением отчетов о предыдущих охотах, стараясь добавить как можно больше новых сведений к своим общим познаниям, прежде чем заняться практикой.

Он видел, как Докител подметал двор, входил и выходил в гаражи, таская за собой грузовые тележки. Однако, поскольку абориген не обращал на него внимания, Кейд не делал попыток заговорить с ним. На территории форта было несколько взятых в наем рабов. Кейд насчитал их больше дюжины, и терранцы не обращали на них никакого внимания, за исключением того, что раз-другой что-то приказывали им. Он не уви-

дел здесь никакого надчеловека и отметил этот факт во время разговора с Че Ином.

— Да, случается, мы подолгу не видим Бака. У него есть склонность к тайному курению, так что он проводит большую часть времени в своем отдаленном углу, пока не получает сигнал, что посланцы Стиора наносят сюда очередной визит. Но это обстоятельство скорее даже выгодно нам. Бак получает свои деньги, сидит смирно и никому не мешает, у нас нет никаких проблем с иккинни, а Стиор вовремя получает свой процент за лицензию. То, что им неизвестно, не причиняет им вреда. Ну... сдается мне, будто я заговорил об этом прежде времени. Вот он *уже и здесь*, наш надчеловек.

Он сделал жест рукой в сторону видеоэкрана, который давал возможность наблюдать за территорией внутреннего двора. Тучный гуманоид, чья желтоватая кожа, подобно засаленной материи, обтягивала огромный болтающийся живот, стоял около медвежьей клетки и с огромным, нескрываемым интересом разглядывал ее обитателя. Как и любой другой надчеловек, Бак был метисом, и скорее всего с Юна, так показалось Кейду. Голова его была абсолютно лысая, на лбу виднелись три выпуклости, отдаленно напоминавшие рога, а сильно заостренный подбородок прятался в жирных складках толстой шеи. Его невзрачная одежда — плотно обтягивающие бриджи, высокие сапоги и свободная рубашка без рукавов — были пародией на типичный для Стиора охотничий костюм, кроме того, у левого бедра он носил пристегнутый длинный нож, обычный атрибут младших офицеров. Внешне, пока обращаешь внимание только на его легкие покачивания при ходьбе и затуманенные бледные глаза, он выглядел как неприятный, уродливый субъект. Но все знали, что он страстно любит интриги и чрезвычайно опасен, и имеет преимущество при неожиданных стычках.

Тот же самый сигнал гонга, который обычно отмечал текущее время, сейчас обрел другой, более глубокий низкий тон, и Че Ин отодвинул стул, поднимаясь из-за стола.

— Гости, — объяснил он Кейду. — Может быть, Смохалло заявился вместе со своей бандой, увидев, что прибыл «Марко Поло». Они всегда не против получить что-нибудь новенькое из внешнего мира, чтобы похвастаться перед другими, а кроме

того, существует обряд Древнего Пиршества, происходящий в течение определенной недели, где будет вся местная верхушка.

Все, кто был в Отряде, собрались во внутреннем дворе. Все были одеты в красную парадную форму, но у каждого, в качестве оружия, был еще и шокер. Отряд, бороздящий просторы внешних миров, уж никак не был сборищем аборигенов, готовых согнуться под прихотью Стиора. И хотя за все это время данный факт так и не был проверен на деле, обе стороны вполне осознавали его.

Второй удар гонга был встречен скрипучим грохотом, который едва не порвал терранцам барабанные перепонки. Эбу дал знак, и был отключен охранявший форт силовой барьер, открывая дорогу приближающемуся, отнюдь не малому, отряду. Разумеется, что там были и иккинни с сетями, и охотники, временно переданные в форт. Еще одна четверка рабов, бегущих едва ли не рысью, несла на своих согнутых плечах на шестах небольшую платформу, на которой, скрестив ноги, сидел надчеловек, должно быть, Лик. Да, его огромное тело и, возможно, красивые, но искаженные тенью жестокости черты лица, все это напоминало о Таддере.

Появилась цепочка иккинни, нагруженных всевозможными тюками, а следом за ними элегантно движущееся кресло, в котором, откинувшись назад, сидел представитель Стиора, его тонкие, почти женские черты лица до уровня губ были прикрыты украшенной драгоценными камнями полоской из кожи ящерицы, подходившей по цвету к его хохлатому головному убору. Его рука поигрывала игольником, самым смертоносным оружием из всего, что известно в окружающих звездных мирах. Его одежда была скорее полувоенной, похожей на ту, что носили солдаты из резервных частей, хотя абсолютно ничто из известного о нем не подтверждало, что он хотя бы имел представление о службе во Флоте.

Иккинни-охотники прислонились к стене, у каждого тяжело вздымалась грудь от трудности пешего перехода. Лик поднялся со своего места и теперь стоял, надменно разглядывая терранцев, большие пальцы его рук оттягивали поясной ремень, а остальные постукивали о край панели управления, которая могла вызвать мгновенную боль у любого из окружавших его и снабженных ошейниками аборигенов.

Эбу вышел вперед не более чем на два шага. И это, опять-таки, было сделано абсолютно верно. Форт был под контролем терранцев, Смохалло был в нем гостем и в какой-то мере равней им, хотя этот факт все наместники Стиора, более или менее успешно, старались не замечать. Кейд, наблюдавший прибытие местного правителя, неожиданно заметил какое-то едва уловимое движение со стороны Лика. Хотя тот даже и не прикоснулся к рукоятке своего набедренного ножа, но убийственное желание сделать это на какое-то мгновение отразилось в его глазах.

И в тот же самый момент полукровка с Таддера взглянул на Кейда. Рука терранца произвольно опустилась, так что рукоятка шокера удобно устроилась в его ладони. Но эта несостоявшаяся проба сил длилась менее секунды. Глаза Лика только скользнули по Кейду и с интересом остановились на клетке с медведем.

Глава 3

Кейд поднялся на пригорок и некоторое время стоял под порывами ветра, несущего прохладное дыхание горных снегов. Впереди мелкими быстрыми шагами двигалась цепочка охотников-иккинни, их головы были опущены, плечи сгорблены, сзади, перемещаясь на этот раз на собственных ногах, следовал Лик. Они поднимались по долине, которая сужалась, превращаясь в ущелье, как будто земли равнин своим языком пытались лизнуть границу горной страны. Еще несколько терранских миль, и, может быть, к середине дня, они закончат путь по уже известной им территории и вступят в дикую местность, еще не исследованную охотниками за масти.

Даже в этих местах трава поднималась почти до колен. В середине сезона она могла доходить и до бедер. Трава эта была весьма схожа с той, что покрывала большинство равнин на Терре. Почему это было так важно для Стила? Кейд не имел возможности просмотреть остальные записи перед тем, как они покинули форт. Но был один хорошо известный ему факт: Стил был в точно такой же экспедиции, как эта, когда его нашли пронзенным копьем неизвестного иккинни. Как раз прошлой ночью Лик упомянул об этом происшествии и посоветовал,

чтобы никто из терранцев не повторил подобной глупости и не пытался покидать охотничий лагерь или бродить в стороне от всей группы во время перехода.

— Это животные, — сказал надчеловек, отогнув большой палец и указывая им на своих подопечных. — Мы вполне можем заставить их плясать под нашу дудку. — И похлопал по панели управления на своем поясе. — Но не тех скрытных существ, что прячутся в горах и нападают из засады. Если только у кого-то нет резонатора, он будет для них верной добычей, не увидит и не услышит собственную смерть, пока она сама не проглотит его.

— Я думал, что все команды охотников снабжены резонаторами, — заметил Кейд.

— Это так. Но это собственность надчеловека. Попробуй кто-нибудь отойти слишком далеко... — тут Лик сделал жест, похожий на то, как терранцы пожимают плечами, снимая с себя ответственность за подобную глупость.

— Я предупрежден. — Кейд подтолкнул свою скатку с постелью влево, подальше от соседства с Ликом. Как только он разложил ее, то услышал легкий шорох в траве и скорее догадался, чем увидел, что Докител устраивался на ночлег, так же как и он, избегая соседства надчеловека. К счастью, поскольку этот иккинни был из форта, Кейд имел основание считать, что Лик не мог быть причиной беспокойства молодого аборигена, если только тот не слышал что-нибудь о нем или не сталкивался с ним раньше. Ошейник, который носил Докител, управлялся Баком и не мог управляться от панели Лика.

И вот теперь, на следующее утро, абориген поднялся вместе с Кейдом. В отличие от своих собратьев-рабов, он держал голову прямо, а взгляд его застыл на горных пиках, поблескивавших снежной белизной на фоне чистого неба. Кейд тоже рассматривал эти пики. Их было три, вытянутых почти в ровную линию, или, по крайней мере, так казалось с того места, где стояли наблюдатели. И терранец заметил, что очертания снежных вершин напоминают фигуры людей, окутанных облаками или имеющих крылья. Он почти был готов поверить, что все они находятся под чьим-то наблюдением именно из этого района, и отнюдь не с дружеской целью.

— У них есть имя? — он кивнул в сторону трех подпирающих небо гигантов.

— Есть имена, — согласился с ним Докител. — Юма — Наблюдатель, который следит за всем в округе. Симс — Сетелов, который бросает сеть. Хомс — Копьеносец, который бьет копьем. — Он вскинул на плечи связку со снаряжением Кейда. — Они ждут.

— Нас? — импульсивно задал вопрос Кейд.

— Ждут то, что будет. — Голова иккинни склонилась в позе тупой покорности, как у его собратьев. Но Кейда насторожило это недосказанное обещание. Или это была угроза?

В полдень они разбили лагерь недалеко от горной речки, которая местами расширялась до размеров пруда. Жилистый иккинни, который был в отличной форме и все утро шел впереди, должно быть, это и был Исаг, человек с гор, о котором говорил Эбу, вытащил из воды рыбу. У этой твари абсолютно отсутствовала чешуя. Своей голой, покрытой бородавчатыми наростами внешней оболочкой она напоминала терранскую лягушку, хотя и была ярко-красного цвета, а ее узкая вытянутая морда заканчивалась синеватыми, сильно заостренными челюстями. Поджаренная на огне, она издавала запах, куда более приятный, нежели ее вид, и Кейд, абсолютно уверенный, благодаря соответствующим прививкам, в собственном иммунитете, съел предложенную ему порцию, удостоверившись тем не менее, что на вкус ее розоватое мясо еще привлекательнее.

Терранец постоянно был настороже. Он был готов немедленно отреагировать на любое проявление окружавшей их живой природы, будь то животное или птица, и записывал их появление компактной видеокамерой, закрепленной на его запястье. Он уже зафиксировал попавшиеся им утром две разновидности пасущихся на траве животных: одно с рогом в носовой части, другое без всяких видимых средств защиты, кроме, пожалуй, чрезмерной резвости. В траве было множество грызунов и бескрылых с красивым оперением птиц, таких же быстрых, как и те пасущиеся животные, но только раза в два меньшего размера, соревноваться с которыми у него не было ни малейшего желания. Шпоры на их массивных лапах предупреждали о воинственной натуре, и, когда они открывали клюв, чтобы пронзительно прокричать что-то в сторону пришельцев, он был почти уверен, что разглядел зазубренную поверхность, протянувшуюся вдоль челюстей, служащую зубами.

У него осталось впечатление, что перед ними богатая дичью, малозаселенная и малопосещаемая земля. Жители Стиора охотились лишь для развлечения, невидимые обитатели лесов — для добывания пищи, и никто из них не совершал массовых набегов на местную дичь. Насколько это было справедливо, Кейд выяснил часа через два, когда они начали свой путь к вершинам.

Они задержались для короткой передышки на горном склоне, а впереди них виднелся медленно поднимавшийся туман... нет, скорее это была клубящаяся пыль. Лик развернулся, и два иккинни быстро посторонились, чтобы освободить ему дорогу.

— Мы останавливаемся.

— Что там?

— Большое стадо квиту делает весенний переход.

Квиту были те самые, похожие на носорогов животные. Но такое облако пыли может подняться только в случае, если их соберутся многие, многие сотни, если не тысячи. Лик уселся на удобно расположенный выступ.

— Они перебираются с юга на север с наступлением сезона. Иногда на это уходит два дня, пока большое стадо пройдет через ущелье. — Он, прищурив глаза, наблюдал за облаком пыли. — Сейчас они направляются на Слит. — Его пальцы потянулись к панели управления. Искаг, находившийся на другом конце цепочки аборигенов, конвульсивно дернулся, поднял руки к стянутому ошейником горлу, но не произнес ни звука в ответ на столь излишнее жестокое напоминание.

Рука Кейда сжалась в кулак, пока он наблюдал искру тайного наслаждения в желтых, словно змеиных глазах Лика. Будь осторожен! Вполне возможно, что Лик привел в действие ошейник лишь ради удовольствия лишний раз убедить терранца в тщетности попыток негодования. Кейд расслабил пальцы и провел рукой по кожаным походным бридгам, будто стряхивая с них горную пыль.

— Здесь есть проход в горы. — Лик даже не намеревался задать подобный вопрос старшему охотнику, он просто-напросто констатировал факт. Ответ Искага скорее подтверждал этот факт, чем был просто следствием боли.

— Этот поднимается высоко. — Голос аборигена звучал хрипло.

— Тогда и мы поднимаемся высоко. — Лик передразнивал иккинни. — И немедленно. — Он добавил какое-то ругательство, но не стал делать очередной встряски своему проводнику.

Они поднимались вверх от перевала по направлению к более высокому пику, выходя через цепь горных выступов и грубых проломов к первому склону горы. На востоке тяжелым занавесом все еще висело облако пыли, и Кейд подумал, что вот уже несколько раз ветер доносит до них глухой звук, в котором смешался рев бегущих квиту и топот бесконечной цепи трехпалых копыт, трамбующих однообразную полосу земли.

Ближе к закату отряд охотников добрался до плоскогорья, где чахлая растительность цепко держалась, сопротивляясь порывам горных ветров, готовая предоставить приют, например, для резвого горного потока. Кейд опустился на колени у небольшой заводи, питавшейся от горного ручья, и был буквально поражен, когда поднял глаза к возвышавшейся перед ним скале. Там было вырезанное глубокими штрихами в камне и окрашенное краской древнее изображение квиту, выполненное в натуральную величину; широкая, увенчанная носовым рогом голова была наклонена, в то время как углубления, изображавшие ноздри, почти касались поверхности плескавшейся воды. Неизвестный художник, и, несомненно, художник выдающийся, так расположил свое произведение, что казалось, будто квиту пьет из затерянной горной заводи.

Кейд откинулся назад, опираясь на пятки, и поднял запястье с таким расчетом, чтобы суметь поймать картину, как раз удачно освещенную заходящим солнцем, в фокус линз видеокамеры. Наверняка эта работа не имела никакого отношения к Стиору; возраст и эрозия камня, из которого она вырезана, убеждали в более давнем ее происхождении. Возможно, прошло несколько веков с момента, когда она была завершена. Но тем не менее кто-то же забрался на это недоступное плоскогорье, чтобы проводить здесь часы, дни, а возможно, и месяцы, вырезая на естественной каменной стене абсолютно натуралистическое изображение равнинного животного на водопое?

— Интересно, кто же сделал это? — Сейчас его обычная неприязнь к Лику на мгновение отступила. Терранец сгорал от нетерпения и задал свой вопрос, как только надчеловек спустился к воде, чтобы облить голову и плечи.

Но тот рассматривал рисунок совершенно равнодушно.

— Как знать? Это старье не имеет ни ценности, ни смысла.

— Но ведь иккинни...

Лик помрачнел.

— Может быть, эти животные и обладают каким-то охотничьим волшебством. Но это не имеет значения. — Он сморщил губы и презрительно сплюнул. Плевков пролетел вдоль воды и шлепнулся на охвостье квиту. А Лик, глядя на Кейда, оскалился в улыбке. — Не имеет значения, — повторил он с издевкой.

Кейд пожал плечами. Было бесполезно пытаться заставить надчеловека что-то понять. Наполнив свою флягу, терранец тяжелыми шагами направился назад, к лагерю. Он наблюдал за аборигенами, и было очевидно, что никто из них не обратил внимания на покрытый резьбой камень. И в очередной раз в нем шевельнулось, делая предостережение, шестое чувство воина. Предположим, что изображение этого зверя имеет некий религиозный смысл? Память Кейда начала откапывать кусочки сведений о чем-то подобном, свойственном многим племенам Терры. Давным-давно, в забытые времена, на Терре, в его собственном мире, жили люди, странствовавшие по земле как свободные охотники, их племена чертили на стенах пещер, рисовали на шкурах и лепили из мягкой глины фигурки четырехногих существ, олицетворяющих пищу, и которых они хотели добывать на охоте. И тогда они создали, как им казалось, могущественнейшую магию. Они направляли на эти фигурки свои копья, стрелы, дубинки, которые позже использовали на настоящей охоте, с шумом и грохотом сокрушали эти картинки и верили в то, что их боги и на самом деле дадут им то, чего они так усердно добивались в процессе ритуала.

Конечно, он вряд ли бы поверил, что иккинни, обладая художественными способностями, могли создать только что виденную им картину. Но так или иначе, что знают пришельцы из чужих миров о свободных иккинни?

Их наблюдения базировались на поведении задавленных физически и сломленных духом рабов; на чрезмерно предвзятом мнении хозяев, которые считали этих рабов не более чем животными. А если допустить, что подобная практика древней охотничьей магии могла бы сохраниться вот в таком отдаленном месте, куда, вполне возможно, чужаки никогда не попа-

дали? Разумеется, Лик просто осмелял бы подобную идею. Но очень часто случается, что не следует вторгаться в область того, что однажды уже стало предметом поклонения для других людей. Кейду приходилось слышать истории...

Терранец тихо улыбнулся. Идея, совершенно удивительная идея родилась как раз на этом витке его творческого воображения. Ему нужно как можно больше узнать об этих надчеловеках. Лик насмехался над атрибутом древнего божества. Кейд начал прикладывать к этому факту одну идею за другой.

И именно сам Лик дал терранцу первую возможность. Они закусывали, сидя около костра, а иккинни были отогнаны на приличествующее расстояние. Надчеловек рыгал, сунув в рот палец, и старался вытащить кусок пищи, не поддающийся зубам. Покончив с этим и обретя обычную уверенность, он устался на Кейда.

— Какое дело тебе, инопланетянин, до этих старых вещей? — требовательно и надменно спросил он.

— Я торговец, а для торговца интересна любая вещь, сделанная руками. На других планетах часто встречаются любители, которые охотно платят за подобные сведения. А кроме того... — он прервал свой ответ заранее рассчитанной паузой сомнений, — и для самого себя такие вещи являются весьма ценным знанием.

— Как же так?

— Это все из-за Силы. — Теперь Кейд заговорил с полной серьезностью, рассчитывая подавить собеседника.

— Силы?

— Когда человек создает что-то своими руками, — Кейд протянул свои руки к огню, слегка сгибая пальцы, так что пламя отразилось от колец, облежавших верхнюю часть каждой из них, — то какая-то частица его переносится в этот предмет. Он должен формировать его усилиями собственной плоти, а не с помощью машины. — Короткий, как вспышка, взгляд подсказал ему, что он полностью завладел вниманием Лика. Надчеловек попал сюда с Таддера, а Таддер был одним из полностью колонизированных миров, давным-давно попавшим под влияние Стиора. Однако пережитки местных верований все еще могли оставаться среди полукровок, а именно это Таддер Кейд знал очень хорошо. — И поскольку этот предмет был сделан его

собственными руками, а сама идея его создания впервые возникла у него в голове, то он и является его частью. И если этот творец есть человек, облеченный Силой и благодаря ей выполняет свою работу, то отсюда должно следовать, что существует частица Силы, которую он стремился вложить в свою работу, по крайней мере, в свой творческий замысел.

— Ты говоришь это о тех царапинах на скале? — с недоверием спросил Лик, направляя большой палец в сумрак, который теперь окутал ручей и поднимавшуюся за ним скалу.

— Это же можно сказать и о них, если тот, кто вырезал изображение на этом камне, предполагал, что оно будет использовано так, я надеюсь, как он и задумывал. — Поскольку Кейд имел определенную долю уверенности в своем предположении, то его искренность убеждала собеседника, и постепенно саркастическая улыбка надчеловека угасла. — Пусть этот мастер охотник. Он страстно желает, чтобы добыча пала от его копья. Поэтому он и создает изображение этой добычи именно так, как может представить ее себе, размещает дичь по своему выбору рядом с озером, где много свежей воды. И вкладывает в эту картину всю силу своего разума, своего сердца и своих рук, концентрируя на этой работе все свое желание, чтобы эта дичь пришла именно туда, где он сделал эту резьбу, и пала от его оружия. Вполне возможно, что так и происходит. Может быть, те, кто мудрее нас, именно так и видели свою удачу.

Лик поигрывал своим поясом. Его нагловатая усмешка улетучилась без остатка. Вероятно, он обладал расчетливым умом, напоминавшим жесткий, лишенный эмоций ум правителя. Необязательно, чтобы этот громила был круглым дураком. Спровоцированное торговцем беспокойство было едва заметным, но вполне явным элементом воздействия, хотя Кейд и не старался с самого начала вкладывать в эту игру слишком много значения.

— Картина напоминает, — продолжил он, лениво позевывая и поглаживая двумя пальцами подбородок, — что существуют те, кто очень любит подобного рода находки. А я, между прочим, торговец. — Он перевел разговор на твердую почву коммерческих сделок, уверенный, что Лик будет продолжать размышления об этой резьбе, перебирая ее перспективы в самых разных областях.

Кейд настолько преуспел в своей беседе, что на следующее утро, когда он отправился к озеру, чтобы прополоскать и вновь наполнить водой свои канистры, то обнаружил стоявшего там Лика, пристально изучавшего резьбу. При более ярком дневном свете очертания квиту казались не столь впечатляющими, и было заметно, что резьба сильно пострадала от времени, но художественное мастерство было по-прежнему очевидным.

Этот неизвестный художник не оставил никаких других следов своего пребывания на этом пережившем годы горном плато. И, хотя Кейд исследовал каждый подающий надежды каменный выступ, не было ни малейшего намека, что кто-то проходил по этому месту до них, несмотря на то что Искаг взялся выполнять обязанности проводника с полной уверенностью человека, знающего дорогу.

На дальней стороне плато они обнаружили напоминавшую лестницу удобную зигзагообразную цепочку выступов, по которой спустились на дно каньона, откуда небо казалось узкой, подвешенной высоко-высоко, серебристо-зеленой лентой, и их сапоги закрипели по грубому янтарному песку, который отмечал русло давным-давно высохшей реки. Казалось, что их путешествие в полумраке глубокого каньона будет бесконечным, но, когда в полдень они остановились, чтобы наскоро перекусить, Искаг указал на тропу, указывающую новый подъем к вершинам. Это было самое трудное восхождение из всех, что они преодолели до сих пор, и в результате они поднялись на очередной горный кряж.

Вверх просачивались приглушенные звуки, а вместе с ними проникала, недостаточно близко, чтобы раздражать горло и глаза, плотная, как туман, пыльная мгла, висевшая тяжелой темной волной в сотне футов от них. Время от времени этот занавес колыхался, и Кейд мог видеть раскачивающиеся из стороны в сторону серые от пыли спины по-прежнему тянувшихся на север квиту, заполнивших всю, от стены до стены, находившуюся внизу горную расселину, а их постоянное недовольное мычанье сливалось в мрачный рев.

Отсюда было видно, что их дорога, состоявшая из чередовавшихся кряжей и выступов, постепенно понижалась, по крайней мере до того места, где поднимавшаяся пыль скрывала ее совсем. Но Лик не спешил отвлекать расспросами Искага, уве-

ренный, что с управляемым ошейником абориген не отважится завлечь их в опасное место.

Они считали, что идти цепочкой вполне удобно, пока не столкнулись с границей пыли. Тут Лик потребовал остановиться, заняв позицию сзади Исага и демонстративно положив пальцы на кнопки панели управления. По-прежнему выстроившись в цепь, дополнительно взявшись за руки и прикрыв рот и нос смоченной водой тканью, они двинулись вперед, медленно переставляя ноги, а вокруг стоял шум от бегущих квиту, достаточно громкий, чтобы заглушать все остальные звуки. Время от времени, на короткий миг, Кейд ловил взглядом высоко взметнувшуюся голову быка, слышал крик молодого теленка, более громкий и более пронзительный, чем жалобные крики его старших собратьев. Но большей частью эта живая лента была слишком однообразной.

Восхождение в боковую расселину началось почти перед закатом. Приглушенный тяжелый шум от движущегося стада был по-прежнему слышен, когда отряд охотников вновь начал подъем к вершинам. Кейд отлично знал, что тысячи мигрирующих квиту не остановятся из-за наступления ночи. Марш мигрирующих животных был бесконечен, и это удивило Кейда.

Исаг вывел их в котловину, где росли деревья вполне приличных размеров, а трава была сочная и пышная, как и в предгорьях. Прежде чем полностью угасли остатки дня, Кейд заметил какое-то движение в дальнем конце долины и, пытаясь получить разъяснения, повернулся назад, где следом за ним терпеливо шел Докител.

— Что там?

— Это быки квиту. Старые. Дурные. Вот здесь дурные. — Иккинни постучал о свой заросший лоб. — Больше не хотят видеть ни самок, ни собратьев. Хотят только вести бой. Со всем дурные.

То, что отбившиеся от стада быки опасны, было вполне понятно. Но, должно быть, Лик тоже заметил их, потому что разместил кубической формы резонатор в самом центре их импровизированного лагеря и теперь настраивал его указатели. Эта защитная система была разработана Стиором и подстраивалась под тех, кого должна была защищать, при этом на каждого неожиданного пришельца обрушивался заряд, создававший подобие стены, защищавшей весь их отряд.

Кейд проснулся при первом слабом проблеске рассвета, проснулся, мгновенно приходя в себя. У него возникло внутреннее предупреждение. Из-под постельной скатки выхватил свой шокер. Затем, медленно поворачивая голову, попытался определить звук, который, возможно, и насторожил его.

В кустах раздался треск, сопровождаемый яростным ревом быка, который, должно быть, столкнулся с защитным полем резонатора. Но Кейд не был склонен считать, что именно это разбудило его. Что-то более скрытое и более близкое... Он повернулся на бок, как это делает потревоженный спящий. Затем подтянул колени и в то же мгновение был уже на ногах, держа шокер наготове.

Последовал резкий удар из-под прикрытия кустов, и вьющийся спиралью хлыст поймал его запястье с такой силой, что оружие едва не выскочило из его руки. И, не почувствуя Кейд опасность заранее, он очень легко мог бы оказаться безоружным. Рванувшись в сторону от этого захвата, он зацепил каблук за сваленное в беспорядке содержимое вещевого мешка и качнулся назад, избегая неожиданной и неминуемой смерти.

Что же касается рева, который он считал следствием столкновения квиту с защитным полем резонатора, то все оказалось совсем не так. Рогатая голова высунулась из кустов, маленькие, красные от злобы и боли глаза уставились в сторону лагеря. Рог срывал дерн, отбрасывая куски его через сгорбленные плечи, и установленная на четыре ноги тонна безумной ярости, с трудом прокладывая путь, направилась прямо через остатки вчерашнего костра в сторону терранца.

Кейд бросился влево, чтобы избежать неминуемого столкновения. Он запутался в сплетениях травы и лозы, задержавшись на одном месте достаточно долго, чтобы увидеть, что квиту вновь остановился, продолжая бить землю копытом и ковырять ее рогом. Иккинни нигде не было видно. А Лик... где же был этот Лик?

Холодок предчувствия породил догадку. Джон Стил погиб в такой же дикой местности. А теперь, в свою очередь, угрожали его преемнику. Случайно или по преднамеренному соглашению?

Кейд высвободил руку из лозы и сделал короткий выстрел в сторону быка. Бык повернулся для второй атаки, двигаясь с

проворством, которое явно не соответствовало его массе. Невидимый силовой луч ударил его по макушке куполообразного черепа. Результатом было не бессознательное состояние, а полная потеря рассудка без утраты сил. И, не прерывая смертельного бега, квити ринулся прямо вперед. Небольшое деревце оказалось на пути этой слепой атаки, и Кейд, словно через окно, смотрел на очередной акт драмы.

Лик стоял на открытом месте, странное выражение удивления и ужаса исказило его непроницаемое лицо. Он наверняка смог разглядеть приближающегося быка, но не сделал ни одного движения, чтобы избежать безрассудной атаки обезумевшего животного.

Глава 4

Кейд закричал, поднимая шокер для второго выстрела по быку. Но та удивительная скорость, которую продемонстрировало это тяжеловесное животное, помешала ему сделать верный прицел. Голова его дернулась и метнулась вверх. А Лик, как и стоял во весь рост, взлетел в воздух, и его безумный крик почти заглушил рев квити.

Бык развернулся, как только его жертва грохнулась на землю, и вновь бросился на слабо сопротивлявшегося человека, разрывая копытами землю и выдирая траву. Кейд опустился на колено, ствол шокера опирался на его руку, а указатель мощности луча был в положении «полная», когда он нажал на спуск.

Эта вспышка энергии ударила квити как раз между маленьких глаз, и результат был такой же, как если бы его толстый череп был раскроен топором. Животное рухнуло на колени, круглая голова опустилась так, что нижняя челюсть проборозила землю. Затем массивное тело ударило Лика, увлекая его за собой движущей силой этой теперь захлебнувшейся атаки.

Надчеловек вскрикнул еще раз. И, словно эхо, этот слабый крик отразился от многочисленных зарослей кустов. Из-за раскинувшейся чуть в стороне одной такой заросли, неуверенно двигаясь, выскочил явно пытавшийся освободиться иккинни, руками стараясь разорвать ошейник на собственном горле, в то время как шум и яростное движение в других частях кустар-

ника указывали на мучительные страдания его товарищей, все еще управляемых от панели, висевшей на поясе их покалеченного надсмотрщика.

С глубоким стоном иккинни упал на землю и, опираясь на руки и ноги, начал мучительно медленно ползти в сторону переплетенных тел квиту и надчеловека. Кейд наконец-то разорвал удерживавшие его сплетенные ветки и лозу. Прежде чем он смог полностью высвободиться из этих естественных сетей, ползущий по земле абориген добрался до лежащих тел и с трудом потянулся к Лику.

Кейд побежал по изрытой копытами земле, и тут иккинни поднял глаза. Это был Исаг. Его зубы были оскалены, а в глазах металось безумие, словно он продолжал бороться с давлением своего ошейника. Кейд чуть сдвинул податливое тело надчеловека, на что последовала реакция в виде стона и даже легкого движения. Большая голова квиту покоилась на животе Лика, и вполне возможно, что вся тяжесть черепа приходилась как раз на панель управления.

Терранец приложил все силы к голове быка, держась за его носовой рог. Наконец ему удалось приподнять его голову и убрать с тела Лика. Из рваной раны на бедре надчеловека хлестала кровь. Кейд осмотрел и, убрав запекшуюся кровь, обработал рану с помощью средств собственного перевязочного пакета. Лик мог к тому же иметь и внутренние переломы или другие повреждения, но из видимых ран была только одна эта.

Кейд услышал тяжелое прерывистое дыхание. Менее чем в футе от него лежал обессиленный Исаг, следы бледно-розовой крови виднелись на его ноздрах и уголках теперь обвисшего рта. Начиная от нижней границы щек его обычно белая кожа покраснела и стала почти темно-багровой.

Терранец затянул временную повязку на ране Лика. Надчеловек был все еще неподвижен, но его дыхание казалось более легким, чем у Исага, и Кейд выпрямился, присев на пятки, но не сделал никаких попыток дотянуться до панели управления. С огромным усилием абориген заставил себя подняться на ноги. Его ребра тяжело поднимались, когда он, едва не задыхаясь, пытался сделать очередной глоток воздуха. Он медленно подкрался к надчеловеку, настроенно наблюдая за терранцем.

Безусловно, он ожидал противодействия со стороны Кейда, но так или иначе, он хотел воспользоваться панелью. Но то, что затем сделал странник из неведомых миров, должно было удивить иккинни. Потому что он привстал, но не для того, чтобы защитить Лика, а наоборот, чтобы коснуться своей рукой плеч охотника и, положив другую руку поверх руки Исага, направить его волосатые пальцы к поясу на животе Лика.

— Возьми! — приказал он.

И пальцы Исага задвигались, конвульсивными движениями хватаясь за этот пояс, когда неожиданно их обоих накрыла какая-то тень. С другой стороны от лежащего ничком над человеком присел опустившийся на колени Докител и начал трудиться над поясной пряжкой. Как только он приступил к этому занятию, Кейд заметил веревочную петлю, свисавшую с запястья аборигена, увидел, разумеется, и кусок свежесрезанной кожи, где, видимо, терли туго затянутые узлы.

— Что случилось?

Докител стянул с руки остатки веревки и швырнул ее в траву.

— Он был связан.

— Почему?

— Был план. Он не хотел помогать этому плану.

— План убийства?

— Убийства, — согласился Докител. — Было два плана. Один отличавшийся от другого.

— И один осуществил вот он? — Кейд указал на Лика. — А второй осуществили они. — Терранец кивнул в сторону аборигенов.

— Именно так. Хозяин воротника вел речь только об одном плане: убить звездного странника с помощью быка.

— А другой план?

— Позволить Наблюдателю, — Докител кивнул в сторону отдаленной, но еще различимой трехглавой вершины, — решить, кто умрет.

— Вот это прямой разговор. — Голос Исага походил на хрипящий шепот. Он сидел, крепко обхватив панель управления согнутой рукой. Из кустов выползали и выходили, покачиваясь, остальные охотники.

Кейд с осторожностью наблюдал за ними. В его руках по-прежнему был шокер, один скользящий залп которого мог сва-

лить их всех разом, прежде чем они доберутся до него: такими слабыми они были сейчас.

— Наблюдатель решает, Копьеносец бьет, — сказал Докител. Он вновь опустился на одно колено, вытащил из ножен нож Лика: его намерения не вызывали сомнений.

Кейд отклонил этот удар, направляя лезвие в точку, лежавшую на взрыхленной земле, в добрых шести футах от груди, которая собственно и была мишенью. Красноватые глазки Докителя пылали медленным огнем, когда встретились с глазами терранца.

— У звездного странника кровная месть?

— Нет. Но он хотел бы знать, почему планировалось убийство.

Докител вытащил из земли нож и провел пальцем вдоль идеально чистого изгиба лезвия. Затем, будто измерив длину клинка, посмотрел на Исага.

— Он сказал, что эти двое не похожи друг на друга, — заметил абориген, прислуживавший в форте.

Исаг бережно поглаживал панель управления.

— Пусть звездный странник испортит это так, чтобы он, и он, и он, — тут он указал пальцем на своих людей, — больше не должны были бы гнаться при виде поднятого пальца, а могли бы вновь ходить, прямо глядя на солнце, как настоящие воины.

С глубоким сожалением Кейд покачал головой. Тронуть сложный механизм панели управления могло означать смерть для всех, кто оказался так трагически связан с этой дьявольской штукой. И он заговорил, изо всех сил стараясь прояснить ситуацию.

— Этот все еще жив. — Он наклонился, чтобы поправить бандаж на бедре Лика. — Возможно, у него есть ответ по поводу этой панели.

— Только не возвращать ее назад! — Крик Исага был поддержан, словно эхом, многоголосым дружным хором охотников.

Докител показал пальцем на свой ошейник. Наличие этого средства управления означало для него вечное рабство. Но он не спрашивал, что же решил Исаг.

Как только надчеловек застонал, Кейд задал новый вопрос.

— А что будет с этими? — Он указал на Лика, на себя, на Докителя.

Искаг колебался. Было ясно, что по крайней мере двое из этих троих представляли проблему, для которой у него не было быстрого решения. И было очевидно, что он не имел дурных намерений ни против Кейда, ни против аборигена из форта.

— Что касается этого, — он почти с облегчением повернулся в сторону Лика и направил свой палец прямо в его грудь движением, которое не требовало дополнительных объяснений.

— Нет, так не пойдет. Пожалуй, это может разрушить волшебные силы ошейника, — попытожил Кейд. — Этого убил я, — и он похлопал рукой по пыльной голове квиту. — И этот тоже мой, — кивнул он на надчеловека, чью жизнь он спас, по крайней мере на время, тем самым удачным выстрелом. И он должен будет еще узнать, достаточно ли такого аргумента для иккинни.

В разговор неожиданно вступил Докител.

— Теперь он раб звездного странника, как будто тот поймал его в сети.

Казалось, что справедливость этого замечания была прямой просьбой к Исагу.

— Он поломан, — заявил тот без тени сомнений. — Так что он ни на что не годен.

— Но он может говорить. Так сказал звездный странник. Сейчас поднялся сырой ветер. — Докител кивнул в сторону возвышавшихся сзади них гор. — Мы должны развести огонь и соорудить укрытие.

Горные пики уже обволакивали плотные облака, туман медленно полз вниз, скрывая от их взоров вершины. Даже Кейд, весьма мало знакомый с природой и погодными условиями Клора, видел, что окружающая их обстановка менялась к худшему. Исаг внимательно разглядывал Лика. С явной неохотой он отдал приказание, чтобы из нарубленных в небольшой роще молодых деревьев и спальных принадлежностей «чужеземца» были приготовлены носилки. В надежде, что надчеловек выдержит переход, Кейд с помощью Докитела водрузил неповоротливое тело на носилки, и теперь со своей тяжелой ношей они очутились в конце процессии, направлявшейся к ближайшему горному склону.

К тому моменту, когда каменистый откос был уже перед ними, робкие утренние лучи солнца исчезли, и мрак, напоми-

навший скорее сумерки, окутал их. Казалось, что Искаг имел какой-то план. Он свернул на северо-запад, к возвышавшейся там кромке горного склона, и его быстрый шаг никак не мог сравниться с тащившимися рысцей Кейдом и Докителом с болтавшимися между ними носилками. И когда они значительно отстали, иккинни обернулся назад, явно не стараясь скрыть своего нетерпения, и приказал охотникам помочь нести носилки.

Кейд почти бежал, находясь как раз рядом с Ликом. Он был уверен, что видит, как надчеловек то открывает, то быстро закрывает глаза, не укрылось от него и движение руки, отыскивающей панель управления, которой давно уже не было на положенном месте. Лик не только вновь пришел в сознание, но восстановил силы, вполне достаточные, чтобы вновь приняться за управление своими рабами. Однако сейчас он в очередной раз лежал с закрытыми глазами, еще более опасный в своем теперешнем положении именно из-за своей способности прикидываться беспомощным и слабым.

Носильщики вдвоем пронесли носилки между двух каменных выступов, напоминавших скорее колонны, и Кейду пришлось отступить назад. И вскоре поднялся ураган, сопровождавшийся проливным дождем, и капли его жалили кожу, словно ледяные шарики града. Прибавив скорость, они оказались в укрытии, которое разыскал Искаг, там, где высокий выступ скалы скрывал углубление в массиве горного склона. Это не была пещера, но тем не менее над их головами теперь возвышалась крыша, в значительной мере защищавшая от дождя.

Кейд наблюдал, как Искаг что-то копает в дальнем углу их укрытия и таскает оттуда охапками речной камыш, который на Клоре был самым лучшим материалом для костра. Но поскольку, как точно знал терранец, на многие мили вокруг не было никакой реки, то такой запас этого материала говорил о том, что это укрытие очень часто посещалось.

Сейчас его личной проблемой был, разумеется, Лик. Аборигены поставили носилки у задней стены этой полупещеры и оставили их хозяина в полном одиночестве. Искаг по-прежнему держал панель управления у себя, подвесив ее к импровизированному поясу, сделанному из обмотанной вокруг живота охотничьей сети. Насколько мог видеть Кейд, вряд ли ране-

ный надчеловек сумеет восстановить свою власть. Но в то же время он был уверен, что тот непременно попытается это сделать. Сейчас терранец присел рядом с носилками, делая вид, что проверяет повязку.

Ударила вспышка света, сопровождаемая звуком, отметившим удар молнии, последовавший где-то у наружного скального навеса. Кейд вздрогнул. И тут же развернул руку, чтобы ударить прямо по запястью, которое было чуть выше пальцев, ухвативших его шокер. Его пристальный взгляд встретился с таким же взглядом лежавшего на носилках «чужеземца», в котором сквозило зловещее предупреждение.

— Не пытайся сделать это.

Понимая, что Лик никогда уже не воспримет его как союзника после этого небольшого поражения, Кейд не предпринимал резкой контратаки, надеясь получить хоть какую-то информацию.

— Мне нет никакого смысла убивать тебя, надчеловек!

Ненависть Лика была очевидна, и сейчас она неприкрыто горела в блеске его желтых глаз. Злобно растянутые губы скривились в приступе ярости. Кейд заставил его высказаться до конца.

— Почему? Только потому, что я терранец, или потому, что я именно такой, как есть? — Он не мог вообразить, что могла существовать причина для личной вражды между ними, хотя и невлюбил своего собеседника с самой первой встречи. Возможно, это инстинктивное отвращение было взаимным, а теперь было доведено до взрыва характером «чужеземца».

Лик не ответил. Теперь его руки лежали сжатыми поверх живота, в том самом месте, где раньше они поигрывали клавишами панели управления. Он закрыл глаза, и сейчас все его тело выражало явное нежелание отвечать.

Костер, у которого возился Искаг, наконец-то вспыхнул, отгоняя приятным теплом влажный холод бури. Как только охотники собрались вокруг огня, их предводитель расположил панель управления между собственных колен, то так, то этак поворачивая ее в свете языков пламени. В какой-то момент он даже поднял ее двумя руками, как будто пытаясь швырнуть прямо в огненное пекло, когда услышал сдавленный злобный смех Лика, пронесшийся мимо Кейда прямо к костру.

Встревоженный этими звуками, Кейд крикнул:

— Нет! — Иккинни повернул голову. — Надчеловек только этого и ждет! — быстро успел добавить он.

Искаг поднялся, сунул панель за обвязку из сети и прошел в его сторону, остановившись над Ликом. Кейд видел, что «чужеземец» не отклонился, даже когда копье уткнулось в его тело как раз на уровне сердца.

— Бей, грязный негодяй. — Губы Лика скривились в гримасе, которая могла бы означать улыбку. — Бей и тогда стегни эту коробку, потому что она, как цепь, будет связывать каждого из вас!

Тотчас же к ним заторопился другой охотник и тоже наклонился над раненым.

— Не делай так! — приказал он.

И вновь засмеялся Лик.

— Это невозможно, если бы даже и произошло, — резко ответил он. Настроение его нисколько не изменилось. — Секрет коробки не в ней одной...

— Возможно, это и правда, — заметил Кейд, не без причины полагая, что вещь эта принадлежит Стиору. А Лик — это еще не Стиор.

Реакция надчеловека на это была неожиданной. Кейд нечаянно задел его свежую рану, вызвав вновь нестерпимую боль. Лик дернулся на носилках, его кулак ударил терранца в плечо, лишая равновесия, в результате чего тот опрокинулся на спину. И вновь те же пальцы потянулись к зачехленному оружию, и на этот раз терранец опоздал, чтобы предотвратить потерю. Но тем не менее он через мгновение вновь был на ногах, метнувшись к Лику как раз в тот момент, когда «чужеземец» ухватился за кнопку управления лучом. Не было никакой видимой цели, куда мог бы быть адресован этот неприцельный выстрел. И секундой позже Кейд уже сжимал чужое запястье, резко выворачивая его.

И так же неожиданно, как и при попытке атаковать, Лик сдался, задыхаясь под тяжестью терранца. И Кейд смог освободиться, чтобы взглянуть, что же наделал выстрел.

Искаг крутился на полу, его лицо вновь стало темно-красным, руки разрывали ошейник. Сзади него все остальные охотники испытывали точно такие же мученья. Затем главный охот-

ник сделал тяжелый вздох, пытаясь прыгнуть, и свалился на спину, все еще дыша. Руки, скрюченные у горла, вновь вцепились в ошейник. И под этой хваткой, слабой, какой она сейчас только и могла быть, серебристая лента лопнула.

Он бросил лопнувшее ожерелье и теперь пальцами массировал горло. Двое охотников лежали неподвижно, третий лежал молча, подтянув к груди колени, с выражением смертельной боли на лице. Остальные медленно двигались, как будто так и не могли поверить в то, что еще живы. Каждый, будучи свидетелем везенья Искага, хватал руками собственный ошейник и легко разрывал его.

Искаг вновь покачивал коробку в своих руках. С осторожностью он поднял ее на уровень собственного уха и начал потряхивать с нарастающей силой. Затем, прямо в его руках, она развалилась, высвобождая водопад частиц от раздавленного корпуса и мелких, непонятного свойства, внутренних деталей. Кейд же начал понимать, что произошло.

Лик, выстрелив из шокера терранца, попал в эту коробку. И этот удар энергии определенным образом подействовал на созданный Стиором механизм, не только нейтрализуя действие ошейников, но и уничтожив полностью все управляющее оборудование. В тот момент, когда терранец проанализировал и осознал все возможности находящегося в его руках оружия, должно быть, и Лик рассуждал о происшедшем тем же самым образом. Потому что «чужеземец» моментально опустил голову.

Он приподнялся, подчиняясь давлению Кейда, его пальцы пытались вырвать землянину глаза, его зубы, словно у дикого зверя, шелкали, готовые вцепиться в предплечье противника. И в этой попытке было столько дикой страсти и злобы, что Кейд был вынужден защищаться. Лик был гораздо тяжелее, и основная часть массы его тела приходилась на хорошо тренированные мускулы. В отличие от Бака (надчеловека, работавшего на форте), этот никогда не был связан с ленивой, малоподвижной работой. Наоборот, охотничьи экспедиции помогали ему сохранять отличную форму.

Теперь, когда Лик не думал о самосохранении, все его помыслы были направлены только на то, чтобы уничтожить Кейда, уничтожить все, что тот узнал, уничтожить оружие, неожиданно оказавшееся столь смертельным. Лик был опасен, как

дикий бык. И терранец почувствовал, что сейчас ему придется сражаться за собственную жизнь.

Когда, благодаря удаче, он сумел нанести удар коленом по ране противника, ему удалось оторвать Лика от своего горла. Надчеловек с диким визгом развернулся назад, и его, подобные стальным тискам, пальцы на мгновение разжались. Кейд использовал приемы ближнего боя, усвоенные им на тренировках, которые составляли обязательную часть подготовки специалистов Службы. Он «вошел в контакт» с квадратной челюстью своего противника как раз под нужным углом, откатываясь в сторону как раз в тот момент, когда копье, пронесшееся над его приподнятым плечом, задело Лика достаточно глубоко, чтобы брызнувшая кровь окрасила нагрудную часть его одежды.

— Зачем?

Но на самом деле можно было не задавать вопрос, зачем Искаг убивал. Иккинни требовал законного возмездия за все месяцы, а возможно, и годы, что прожил под властью Лика. Теперь же, когда страшная коробка была уничтожена и аборигену больше не требовались знания, имевшиеся у надчеловека на этот счет, Лик должен был прекратить существование. Но вместе с ним он отправил в тайный потусторонний мир и ответ, который желал получить Кейд на свои собственные вопросы. По какой причине должен был убит землянин и кто отдал такой приказ?

Взамен они имели ответ относительно средств господства Стиора над Клором. Хотя средство и радикальное. Двое погибших (из семи) — слишком высокая цена для обретения свободы. А может быть, именно так и рассуждают эти иккинни? В своей скатке Кейд отыскал лишнюю нижнюю рубашку и собрал в нее все валявшиеся на полу детали от панели управления, добавив к этим остаткам один из ошейников, который тоже развалился при его прикосновении. Иккинни наблюдали за ним, продолжая массировать свои шеи. Докител, чей ошейник заметно отличался от других, решил помочь терранцу в его трудах и своими длинными пальцами извлек наружу кусочки проводов, небольшие колесики и фрагмент того, что могло быть управляющим механизмом.

— Все разбито, — прокомментировал он.

— Есть те, кто может разобраться даже в этом хламе.

— Те, кто живет на далеких звездах?

Кейд кивнул, тщательно увязывая свой импровизированный багаж.

— Если в этом можно будет разобраться, то, возможно, в следующий раз от этого больше никто не умрет.

— В следующий раз? — Глаза Докителя оживились, в них вспыхивали блестящие язычки пробудившегося огня.

— Да, следующий раз будет тогда, когда мы узнаем достаточно много обо всем этом, — пообещал Кейд.

— Звездный странник возвращается к своему племени? — неожиданно вступил в разговор Исаг.

— Он возвращается к огню своего племени, — как можно тверже произнес Кейд. Он надеялся, что только что обретшие свободу не станут удерживать его в качестве пленника.

— Он возвращается, затем приходят охотники... те, что охотятся на людей. — Исаг проявлял заметное упрямство.

— Нет, не так, — возразил Кейд. — Должен быть правильный рассказ о происшедшем.

— Что за рассказ?

— Ну, рассказ о том, что произошло смертельное столкновение с квиту, и рога и копыта стали источником убийств. В это время стада квиту совершали большой переход на север. Случившаяся при этом гроза напугала животных, обезумевшие, они бросились в сторону лагеря, но резонатор, который должен был защитить всех, кто там находился, почему-то не заработал. Все погибли. Остались только он и он. — При этом Кейд указал пальцем на Докителя и на себя. — Он и он спали отдельно. А тем, кто планировал убийства, следует сказать, что этот несчастный случай и помог освободить их. Кто возразит, что это не похоже на правду?

Исаг обдумывал услышанное. И в первый раз он слабо улыбнулся.

— Эта сказка хороша тем, что в ней смешана правда и хорошая выдумка. Разве есть кто-то в этих горах, кто смог бы доказать, что этот рассказ неправда? Хозяин ошейников готовил смерть для звездного странника, поэтому и устроил так, что мы все покинули лагерь, а резонатор при этом не сработал. Затем пришла смерть, но не так, как это планировалось. Да, те, — он презрительно сплюнул, — могут поверить. Да и кто стремится

носить эти рабские обручи? Дорога открыта. — Он перевернул копье, опустив острие к полу. — Но здесь есть и еще кое-что, — продолжил он. — Теперь мы знаем, что может сделать прилетевшее с дальних звезд оружие, возвращая жизнь многим рабам. Это накладывает на всех вас слово, равное клятве, приносимой священному огню.

— Итак, пусть все будет, как говорит Исаг, — согласился Кейд. Он добился своего и теперь стремился вернуться в форт, где мог бы начать исследование факта взаимодействия шокера и созданной Стиором системы управления.

Глава 5

— Но почему же оказался выключенным резонатор? — Сантос даже перегнулся через заваленный стол, как будто хотел добавить раздраженья в собственный вопрос. — Эти надлюди досконально знают свое дело. Ну, к тому же лагерь мог быть атакован из засады.

— Да, но почему же все-таки подвел резонатор? — Когда Эбу повторял этот вопрос, его интересовала не защита самого Кейда, а скорее защита всего отряда терранцев. — Разве ты не исследовал его после происшествия, чтобы убедиться в его отказе из-за каких-либо механических дефектов?

— Да что можно сказать об устройстве, раздавленном разъяренным быком, — заметил Кейд, стараясь управлять разговором как можно осторожнее, будто находясь в засаде у границы вражеского лагеря. У него было целых три дня на обратный переход к форту вместе с Докителом, чтобы сократить и отшлифовать свой рассказ, проработав общие детали вместе с иккинни. И он надеялся, что они оба имеют вполне надлежащие ответы на любой вопрос, заданный как со стороны Стиора, так и со стороны терранцев.

— Достаточно правдоподобно, — согласился Эбу. — И, разумеется, ты спал, когда произошло нападение на лагерь.

— Да. — До сих пор Кейд вплетал правду в придуманный позднее вымысел.

Че Ин издал слабый смешок.

— Почти любой мог бы представить, — заговорил он, растягивая слова, — что наш молодой коллега находился в тот момент в величайшей опасности. Но какое же счастье, Уайтхок, что тебе удалось проснуться в самый нужный момент. Должно быть, Духи Дальнего Космоса покровительствуют тебе. А так же, разумеется, Уайтхок не мог определить, даже если бы и мог получить резонатор для исследования, правильно ли тот функционировал. Эти устройства производятся Стиором, и, таким образом, здесь еще одна из маленьких загадок, которые придают особую пикантность спасению нашего торговца. — Он погрузился в молчание, все еще сохраняя улыбку, которая как бы заставляла их всех развлечься столь тонкой шуткой, совершенно ни к месту вставленной в абсолютно неуместный монолог.

— О факте неисправности резонатора будет передано на Кор, — заметил Эбу, сохраняя при этом сугубо официальный тон.

— Да, вполне может выглядеть так, что кто-то заплатил слишком высокую цену за нечистую сделку. — Кейд старался добиться хоть какого-то отклика от этой троицы, которая наверняка обладала куда более полными сведениями о делах на Клоре.

Сантос выглядел озадаченным, Че Ин удивленным. Право отвечать было предоставлено командиру.

— Мы не собираемся ввязываться в это. — Его резкий ответ содержал краткость приказа. — Расследование будет проводить верховный правитель Пак. Оно вне пределов нашего влияния, поскольку погибшие и пропавшие не относятся к персоналу форта.

Кейд хотел спросить, в интересах какой стороны будет проведено это «надлежащее» расследование, но понял, что это абсолютно бесполезно. Он поднялся из-за стола.

— Все произошло именно так. — Но тут он уловил вопрошительный взгляд Эбу, и теперь уже не был так уверен в себе.

— Сообщение уже передано на Клор. Несомненно, что скоро мы услышим дополнительные подробности.

И вновь раздалось хихиканье Че Ина.

— Когда кто-то слишком глубоко копается на дне тихого омута, то поднимает массу грязи и мутит воду, — заметил он. —

А верховный правитель Пак не относится к тем, кто готов по любому поводу пачкать перчатки правосудия. Патовая ситуация, командир, не так ли?

— Возможно, нас это только обрадовало бы. А ты, — Эбу прямо и внимательно оглядел Кейда, на этот раз критическим и малоприятным взглядом. — Веди себя потише, друг мой. Ты отправишься на узел связи. Мне хотелось бы, чтобы ты оказался под рукой, если неожиданно потребуется допросить тебя.

Присматривать за службой связи, особенно на станции, где прием и передача сообщений были весьма редкими, могло означать лишь одно: пребывать в однообразной бесконечной скуке. Но Кейд захватил с собой ленты, хранившие записи Стила, и уселся с таким расчетом, чтобы можно было видеть световой сигнал предупреждения на панели переключателей, вставил в ухо наушник аппарата воспроизведения, чтобы услышать голос человека, убитого где-то на Клоре... точно так же, как четверо суток назад мог быть убит и он.

Сухие слова, отмечавшие множество подробностей о торговых сделках, описание страны и местных аборигенов монотонным потоком лились в его уши, и он был вынужден лишь догадываться, что происходило в течение пауз. Эти записи не были отредактированы для использования посторонними людьми, человек делал их для собственных целей, как напоминание о различных деталях, необходимых для его специфичной работы в форте. Кейд и не ожидал найти четкого изложения каких-либо фактов, а рассчитывал отыскать хотя бы парочку намеков, которые могли бы стать исходной нитью для расследования.

Судя по изобилию описаний флоры и фауны, Кейд решил, что Стил проявлял большой интерес к биологии планеты, сводящийся в итоге к наблюдениям, касающимся растительности, квиту и горных долин.

Когда те два необычных слова прозвучали в его ушах, то в первый момент Кейд не понял всей их важности. Затем он выпрямился и легким движением остановил аппарат. Действительно ли он услышал что-то важное? Терранец вновь включил аппарат, напряженно ожидая повторное воспроизведение этой невероятной фразы. Невероятной потому, что она была произнесена на другом языке, перевести который могли, пожалуй,

лишь человек двадцать во всей Службе, да и те были разбросаны по многочисленным планетам.

«*Пити икуалс санкакан!*»

Так значит, он был прав! Эти слова на языке лакота-сиу неожиданно прозвучали посреди описания горной долины, которую осматривал Стил, вставленные туда, возможно, для того, чтобы скрыть их важность от любого постороннего, к кому могла попасть эта запись, чтобы сохранить ее только для людей своего племени. Но разве Стил уже тогда ожидал каких-то неприятностей или даже ощущал личную опасность? И как мог другой человек предвидеть, что на Клоре его заменит почти кровный брат? Нет, Стил должен был использовать эту фразу потому, что сами эти слова имели для него очень важное значение, значение, связанное с прошлым его собственной расы.

Peti означало траву Северо-Американских равнин, где когда-то властвовали воины сиу. *Sunkakan* означало лошади, те самые лошади, которых привезли белые люди, в результате чего медленно передвигавшиеся пешком первобытные охотники превратились в первоклассную нерегулярную кавалерию, никогда ранее не виданную в тех местах, помогавшую им удивительно долгие годы противостоять вторгавшейся сюда индустриальной цивилизации. Удержать завоевателей! Кейд приостановил воспроизведение и долго вглядывался в панель переключателей, не видя ни одной кнопки, ни одного рычага.

Все это была уже история, и история грустная. Да, американский индеец в седле некоторое время сдерживал американского пионера. Но задолго до этого тот сделал кое-что еще. Он почти уничтожил более древнюю культуру, основанную на господстве власти и рабстве. Севшие на лошадь каманчи, апачи, навахо выбивали своих будущих испанских правителей с земель Юго-Запада, грабили, стирали с лица земли распространенные, особенно к скверу, гасиенды, захватывали земли миссий, освобождали рабов-поденщиков, предлагая им либо смерть, либо вступление в свои варварские ряды. Испанцы, уверенные в своем превосходном оружии, в своих лошадях, отодвигались в пустыни и на равнины. Индейцы отыскивали, уводили лошадей из испанских загонов, нападали на них из засад, так что катившаяся на север испанская волна менее чем за столетие, а может,

и за половину его, разбилась, отползла назад и была вынуждена перейти к обороне даже в таких крепостях, как Мехико.

Лошадь попала по случаю и недосмотру в руки прирожденных наездников!

Вспоминал ли об этом и Стил? Кейд лихорадочно вернулся к прослушиванию, быстро ознакомившись со всей лентой. Теперь он был уверен, что сумел ухватить смысл намеков, понять часть тех мыслей, которые были в голове погибшего человека. Но абсолютно ясной была только одна законченная фраза. Привести лошадей в безлошадный мир, мир равнин, где трава могла поддерживать их размножение. Дать лошадь в руки аборигенов, которых сейчас загнали в горы, едва ли не замуровав там. Сделать из них опытных всадников, способных наносить короткие быстрые удары, уносящихся как молнии в горные укрытия, куда не достанут воздушные атаки Стиора. Создать отряды нападающих, которые могли разлетаться поодиночке только для того, чтобы перегруппироваться в момент опасности. Как мог тогда воздушный патруль накрыть эту рассыпавшуюся группу людей, скачущих в разных направлениях? Так же как пали одна за другой отдаленные друг от друга испанские гасиенды под сокрушительными набегами врагов, нападавших без предупреждения со стороны равнин, так могли рухнуть и правители Клора, засевшие в изолированных укреплениях, подвергнутые нападению всадников, имеющих в своем распоряжении средства быстрого передвижения, не требующие обслуживания или топлива, как машина, способные воспроизводить себя, не требуя инженеров или специальных фабрик.

Энтузиазм Кейда рос по мере того, как его воображение прорисовывало множество деталей. Он был почти уверен, что видел способ, благодаря которому верховный правитель мог быть использован в качестве инициатора падения Стиора. Выбор лошадей для показа «чужеземцам», уже готовым заплатить фантастический гонорар за показ медведя, должен помочь осуществить этот трюк.

Тут мысли Кейда пошли в другом направлении. Доставить лошадей на Клор может оказаться относительно несложно. Но доставить лошадей для иккинни... Какие были у него доказательства, что охотники-аборигены Клора будут с такой же готовностью использовать чуждых животных, как это сделали

когда-то его предки? А если предположить, что иккинни не являются прирожденными всадниками и не могут стать рядовыми наездниками даже при соответствующей тренировке? Они не имеют опыта общения с домашними животными, ведь даже собак и кошек, которые всю жизнь сопровождают терранцев, до сих пор не видели на Клоре.

Хотя Докител очень восхищался медведем и расспрашивал о дружбе между ним и терранцем. Поэтому Кейд мог попытаться приучить к лошади хотя бы одного иккинни, с которым у него сложились шаткие, но, видимо, все-таки дружеские отношения.

С момента их возвращения с охоты Кейд избегал общения с Докителом, главным образом для его же безопасности, поскольку Бак, взволнованный смертью своего сотоварища по работе, отбросил лень и теперь исполнял роль надсмотрщика над рабами с откровенной грубостью, противостоять которой Эбу просто не мог. Кейд чувствовал, что любое проявление внимания к молодому иккинни вызовет неблагоприятное отношение со стороны надчеловека.

Когда наконец на узел связи пришел Сантос, чтобы сменить его, Кейд рассеянно поддержал короткую беседу и заторопился в свою комнату. Пересекая внутренний двор, он заметил слабый свет, вырывавшийся из оконной щели там, где на самом деле должно было быть абсолютно темно. Он толкнул дверь в свою комнату, и перед ним тут же возникла волосатая спина иккинни, стоявшего на четвереньках рядом с его откидной кроватью и пытавшегося открыть дверцу небольшого шкафа, сооруженного рядом с ней.

Кейд стоял тихо, его пальцы находились в непосредственной близости от приклада шокера. Затем, не поворачивая головы, неожиданный гость заговорил.

— Он долго ждал.

— И искал. Что?

— То, что было принесено с гор. — Докител поднялся с пола. Как и все рабы, прислуживавшие в форте, он был без оружия, копья выдавались только на время охоты. Кейд не верил, что тот нападет на него, чтобы завладеть шокером или прельстившись на быструю месть, по наущению Бака. Тем не менее отношение его было далеко не дружеским.

— И что же он хочет делать с остатками этой коробки? — Кейд наконец вошел в комнату и осторожно прикрыл дверь.

— Бак тоже носит такую коробку. — Теперь Докител повернулся лицом к Кейду, плечи его были чуть сгорблены, так что весь облик выдавал в нем дикаря, готового драться, если борьба даст ему то, чего он хотел. — Звездный странник может разбить коробку Бака, но он не делает этого. И никому не отдает и разбитую коробку. — Теперь враждебность была уже неприкрытой.

— Разве он забыл, что случилось, когда разбилась коробка Лика? — продолжал Кейд, стараясь говорить как можно тише, опасаясь, что даже приглушенное бормотанье может быть слышно сквозь стены. Стоило только намекнуть Эбу о том, что он прятал, его немедленно убрали бы с этой планеты, его карьера была бы кончена, и, возможно, ему пришлось бы ждать приговора комиссии по труду. А если представить, что подобный слух, даже искаженный, просочился бы до Стиора, то это могло означать смерть для каждого торговца на Клоре, так как они все были бы должны отказаться от единственного разрешенного здесь терранцам оружия. — Некоторые умерли, когда коробка была разбита, — заметил он, стараясь убедить в этом аборигена. — Предположим, что коробка Бака испытает вот это, — он похлопал по шокеру, — то, может быть, Докител будет тем, кто погибнет на этот раз.

Но, казалось, что иккинни даже не шевельнулся под давлением такого аргумента.

— Лучше он умрет, а кто-то будет жить. — Он вытянул пальцы рук, а затем сознательно согнул пальцы на одной руке. — Пусть это будет так, звездный странник. Однако эти будут свободны. — Он энергично выгнул поднятые пальцы. — Уж лучше перестать дышать, чем бегать туда сюда, когда Бак говорит: делай то, делай это.

— Докител говорит так, но согласятся ли с ним другие? — Кейд указал на сжатые в кулак пальцы. — Разве он говорил им относительно разбитой коробки?

— Скажи он об этом, — ответил Докител, намеренно растягивая слова, что должно было придавать им вес, несмотря на внешнее простодушие, — звездный странник может перестать дышать... даже все звездные странники... потому что все, что у

них есть, могло бы лежать вот здесь, — при этом пальцами одной руки он похлопал по ладони другой. — Он ждал, но звездный странник не разбивал коробку Бака. Теперь он будет говорить, и все должно случиться.

Кейд, используя весь свой вес, бросился на аборигена, отесняя его в сторону кровати, и старался удержать там, несмотря на отчаянное сопротивление.

— Послушай! — Он почти брызгал слюной в темно-красное лицо, находившееся всего в нескольких дюймах от него. — Бак будет устранен в нужное время. Начни это сейчас, и Стиор превратит нас в пыль. Дай мне время, чтобы узнать, как именно была уничтожена та коробка, и, возможно, мы можем обойтись без ненужной смерти людей.

— Время! Больше не осталось времени, звездный странник. Сообщение пришло из Кора. Звездный странник должен отправляться к хозяевам ошейников. Когда они узнают, что произошло в горах, он потеряет дыхание, и тогда не будет никого, кто мог бы спасти...

Сообщение из города, подвластного Стиору. Но он ничего не слышал об этом. Иккинни, должно быть, понял замешательство терранца по тому, как тот немного ослабил хватку.

— Он говорит правду! — Тело Докителя изогнулось дугой в последних попытках обрести свободу. Затем они оба замерли, услышав снаружи какой-то звук, а вслед за ним негромкий стук в дверь.

Кейд перестал держать аборигена, медленно отошел от кровати в сторону двери, шокер уже был расчехлен и направлен в точку как раз между красноватых глаз Докителя.

— Кто там? — спросил он через плечо.

— Бак.

Все еще прижимавшийся к кровати Докитель напрягся и завертел головой справа налево, будто отыскивал оружие, найти которое у него не было никакой надежды. Кейд жестом указал ему. Иккинни соскользнул на пол, открыл ящик у основания кровати и заполз в тесное укрытие.

Терранец немедленно накинуд замок на захлопнувшуюся за ним дверцу, мгновение подождал, убедившись, что она надежно закрыта. Докитель теперь был вынужден согнуться почти пополам и испытывать значительные неудобства в таком маленьком

пространстве, но этот дискомфорт был гораздо лучше, чем если Бак обнаружил бы здесь его присутствие.

К удивлению Кейда, надчеловек нерешительно остановился на пороге, не делая никаких попыток оглядеть комнату. Если он пришел искать пропавшего раба, то ему не было никакого смысла скрывать этот факт. Напротив, его поведение было каким-то стесненным, и Кейд обрел уверенность.

— Надчеловек что-то желает? — требовательно спросил терранец с холодной решимостью.

— Информации, звездный странник, — не задумавшись, выпалил Бак, с легким высокомерием, подчеркивавшим его равенство с торговцами. Он протиснул одну обутую в сапог ногу в комнату, и Кейд понял, что гость не желает обсуждать свое дело при открытых дверях. Терранец посторонился, и Бак медленно вошел внутрь, закрыл за собой дверь и привалился к ней широкими плечами, как будто стараясь предотвратить чье-то угрожающее вторжение.

— Я хочу сказать, — невесело начал он, — что кое-кто рассказывает сказки о том, что Лик видел нечто около воды и позволил себе открыто посмеяться над этим, а после был убит именно по этой причине и именно тем, над кем он смеялся.

Кейд слегка откинулся назад, прислонившись к откидной кровати.

— Да, в горах была старая-престарая наскальная резьба рядом с небольшим озером, — как можно серьезнее сказал он, — на которую Лик действительно плюнул, а затем еще и посмеялся. Затем, на следующее утро, квиту, очень похожий на того, изображенного на скале, пришел и разодрал его. И это не сказки, потому что я видел это собственными глазами.

— И тот рисунок на скале у озера. Так кто же сделал его? — продолжал настаивать Бак.

— А кто живет в горах, надчеловек?

Бак облизнул распухшие губы толстым красновато-коричневым языком. Его толстые, похожие на куски мыла пальцы отбивали такт по бокам панели управления, свисавшей у передней части разукрашенного цветистым орнаментом пояса. Его беспокойное смущение было так плохо скрыто, что возникший у Кейда смутный план как-то объяснить смерть Лика вновь обрел жизнь. Теперь он решил, что выдумки должно быть как можно

меньше. Если Бак был достаточно суверен, то терранец вполне мог увеличить его растущие страхи.

— Я все время спрашивал себя, — продолжил Кейд, делая вид, будто задумчиво рассуждает вслух, не адресуя своих мыслей Баку, — как это случилось, что квиту не тронул меня, хотя я был куда более легкой добычей в тот момент, когда резонатор подвел нас. Тем не менее бык охотился не на меня, а на Лика, а уж Лик никак не был ближайшим к нему, и не был первым, кто попался ему на глаза. Правда, я не смеялся над тем, что было вырезано на скале около озера, а наоборот, хорошо отзывался об этом, потому что подобные древние вещи глубоко уважаются среди *моего* народа.

— Но верить в такое просто глупость, присущая низшим существам, — при этом язык Бака второй раз нервно прокатился по губам. — Хозяевам не положено так думать.

— Возможно, это и так. — Кейд старался быть как можно учтивей, но подчеркнуто сохранял притворное согласие с подобным мнением. — Тем не менее среди звездных миров случается многое, что никто не может объяснить или не может найти объяснение, подходящее к конкретным обстоятельствам. Все, что я знаю, это то, что я дышу и хожу, а Лик уже не делает этого, поскольку Лик вел себя неучтиво, а я нет. Возможно, в этом есть какой-то смысл, а возможно, и нет. Но, пока я нахожусь на Клоре, я постараюсь быть осмотрительным и не насмешничать над тем, чего я не понимаю.

— Глупость! — Бак болезненно улыбнулся. — Те, кто носили ошейники, не могли убить с помощью той картины!

— Согласен, возможно, они не могли. Но ведь есть еще Наблюдатель, Сетелов и Копьеносец.

Бак снова рассмеялся, но на этот раз в его смехе отсутствовал даже намек на веселье, смех его был скорее похож на злобное рычание загнанного в угол животного, испытывающего панический страх.

— Скалы! Горы! — насмешливо фыркнул он.

Кейд только пожал плечами.

— Я рассказал тебе только то, что знаю, надчеловек. Именно это ты хотел узнать у меня?

Бак с трудом нащупал дверь, отступил в коридор, объединенный с внутренним двором, все это время не сводя глаз с тер-

ранца, словно боялся повернуться спиной к Кейду. Он пробормотал что-то неразборчивое и, чуть согнувшись, удалился, а его покрытая жесткой щетиной голова заметно втянулась в плечи.

Кейд отомкнул дверцу шкафа, и Докител буквально вывалился из своего тесного укрытия. Некоторое время они неотрывно смотрели друг на друга, но, видимо, желание продолжать борьбу окончательно пропало. Иккинни неожиданно выскочил из комнаты и бросился в направлении, противоположном тому, куда отправился Бак.

Терранец вновь вернулся к изучению записей на лентах. После того как верховный правитель купил для своей коллекции медведя, вполне могла существовать вероятность, что в следующий раз среди отобранных для покупки особей может оказаться и лошадь. Терранцы экспортировали лошадей на множество колонизированных ими планет, эти животные наверняка должны быть внесены в торговые реестры.

Но обдумывание этой проблемы занимало очень незначительную часть его разума. Настоятельный призыв Докитела к действию, неприкрытый суеверный страх Бака, попытка покушения на самого Кейда с помощью неисправного резонатора; подозрения здесь, полураскрытые факты там... Кейд переживал чувство напряженного ожидания, как одиночка, оставшийся один на один перед спутанным клубком проблем и перед неотложным требованием распутать их за немислимо короткий срок.

Но каким коротким может быть этот срок, он узнал спустя всего лишь несколько минут. Через внутренний двор с только что полученными новостями к нему спешил командир Эбу.

— С Кора присылают корабль малой дальности для того, чтобы забрать медведя, — объявил он. — И поскольку верховный правитель требовал доклад о происшествии на охоте, то тебе следует отправиться с этим транспортом. Вот, — он держал в руках упаковку с торговыми предложениями. — Мы сообщим его светлости, что, несмотря на неприятности, Служба будет очень рада предложить ему любой из указанных там предметов по его выбору. Но не будь слишком шумным и настойчивым. Стиор намного больше любит проводить свои сделки в темном углу, подальше от чужих глаз, чем сыпать деньги в протянутую руку у всех на виду.

— Ты тоже отправляешься туда?

Его собеседник утвердительно кивнул.

— Пустая, но пышная формальность, — устало произнес он. — Командир отряда беседует с «губернатором» планеты. Ах, да, перед отлетом сдай на хранение свой шокер. При посещении Кора никто не имеет права иметь при себе оружие, происходящее из других миров.

Кейд торопливо упаковал свой нехитрый багаж и отправился сдавать свой шокер, но у него уже не осталось времени ни посмотреть упаковку с торговыми предложениями, ни встретиться с Докителом.

Как только терранцы подошли к бетонированной посадочной площадке для приземлявшихся кораблей, Кейд отошел в сторону, позволяя Эбу первому пройти к трапу корабля. Едва молодой терранец ступил на эту узкую и зыбкую связь между кораблем и землей, он ощутил неожиданное и резкое растяжение в затылочной части, в том месте, где его волосы были стянуты. Тренированное тело Кейда пришло в движение и резко отклонилось назад, в сторону источника раздражения, но, видимо, недостаточно быстро, чтобы увлечь за собой нападающего. Захват ослаб, и он резко и неуклюже откинулся на спину. Когда же он медленно поднялся, то оглянулся по сторонам.

Поблизости никого не было видно, его противник исчез. Тогда он обследовал пальцами свой короткий хвост волос. Тугая обвязка, которую носили на голове все люди его племени, осталась неповрежденной, и он не смог сделать никаких предположений относительно этого происшествия в нескольких метрах от корабля Стиора.

Глава 6

Кор возник совершенно неожиданно, будто был выброшен волной из холмистой равнины Клора, нагло отказываясь приспособить чужую архитектуру к заново осваиваемому миру. Город, казалось, был украден по частям из нескольких других контролируемых Стиором планет и целиком перенесен сюда, со всеми конусообразными башнями, чьи поблескивающие, словно острия копей, остроконечные крыши пронзали зеле-

новатое небо. Высокомерные, они не вписывались в коричне-вато-желтый ландшафт, на котором покоились их основания.

Поскольку корабли Стиора не были приспособлены для физиологии терранцев, то Кейд провел большую часть путешествия в попытках унять разбушевавшийся желудок и успокоить взвинченные до предела нервы. А теперь он, как только мог, демонстрировал своим поведением полное безразличие, ожидая на посадочной полосе появления клетки с медведем.

Бригады рабов — как и повсюду, это были иккинни — уже работали под присмотром полукровок-надчеловеков, набранных с нескольких подчиненных Стиору звездных миров. Но самих правителей пока не было видно. Пилот корабля, доставившего торговцев, был, должно быть, абсолютно чистокровен, так как никому другому не мог быть доверен столь ответственный пост. Так же и смотритель порта, невидимый в своей командной рубке, поднятой куда-то высоко вверх прямо над ними, тоже должен быть выходцем со Стиора.

Кейд, не заметив никаких официальных лиц, встречающих их, в очередной раз ощутил приступ гнева за столь преднамеренное унижение торговцев. Невнимание к правилам вежливости проявилось еще отчетливее, когда небольшой частный корабль сел примерно на расстоянии в половину посадочной площадки от их зафрахтованного грузовика, и почти мгновенно возле него началась суетливая активность, которая характеризовала разницу в отношении к различным категориям гостей. Терранец постарался взять себя в руки, непрестанно обещая самому себе, что на этот раз ничто, увиденное им в опорной цитадели Стиора, не вынудит его к необдуманному поведению. Единственная неприятность, как ему было хорошо известно, заключалась в том, что Кейд Уайтхок никогда не был и никогда не будет подходящим инструментом Политики.

Чистокровные представители Стиора передвигались в движущихся креслах. Надлюди занимали платформы, переносимые рабами. Торговцы-терранцы по напоминающим глубокие каньоны улицам Кора шли пешком. Полированная поверхность башенных стен слепила глаза представителей чужого мира. На нижних этажах нигде не было окон, и лишь то здесь, то там виднелись утопленные в стенах, плотно закрытые двери. У основания этих домов-башен отсутствовала какая-либо расти-

тельность. Но когда Кейд запрокинул голову, чтобы взглянуть вверх, он смог различить лишь зубчатый орнамент, скрывавшийся за сине-зеленым, густо-зеленым, желто-зеленым цветом, определявшим экзотику воздушных садов, занесенных сюда с разных планет.

Протестующий вой, донесшийся из клетки, покачивавшейся между двух транспортировочных шестов, означал, что медведь вновь пришел в себя после окончания действия успокаивающих на время путешествия лекарств. Терранец резко изменил шаг и прошел вперед, чтобы ласковыми словами успокоить зверя. Он не должен был позволить ему испугаться до такой степени, чтобы испортить впечатление от первой встречи со своим новым владельцем, особенно тогда, когда Кейд был намерен убедить того подумать о дальнейшем расширении импорта.

Несмотря на различные неудобства перелета, он все же рассмотрел содержание предлагаемых для дальнейшей торговли образцов и с удовольствием отметил наличие там достаточно широкого перечня. Описание и фотографии образцов он уложил в коробку, прикрепив ее к своему поясу, чтобы иметь свободные руки. По крайней мере, хоть в этом он мог видеть небольшую разницу между терранцем и нагруженным рабом.

Центром Кора была Башня Пака. Множество садов, словно роскошное оперенье, украшали его по всей длине, и терранцы, вместе с медведем, оказались в самом верхнем из них, где листья деревьев была почти такой же, как и у них дома. Куски дерна, из которого были выложены садовые дорожки, едва ли можно было отличить от зеленой травы их родного мира.

Выпущенный Кейдом медведь стоял в центре небольшой поляны, подняв голову и принюхиваясь. Затем его внимание было привлечено тяжелыми ветвями ягодных кустов, и он целеустремленно засопел, устремляясь к этому соблазну.

— Вот это и есть новинка?

Можно было безошибочно сказать, что этот невнятный, глотающий окончания слов голос принадлежал чистокровному выходцу со Стиора. Как только удастся этим древним хозяевам звездных трасс, подумал Кейд, вложить в короткое предложение столь избыточную долю высокомерия, а также вечно переполняющую их тоску. Терранец повернулся лицом к летающему креслу, парившему в нескольких футах над подстри-

женным дерном, неся на своем мягком сиденье представителя Стиора весьма высокого ранга.

Украшенная драгоценными камнями чешуйчатая маска скрывала половину лица вполне взрослого существа мужского пола, а возвышавшийся над ним головной убор, так же как и все одеяние этого вельможи, были, явно напоказ, абсолютно простыми. И только богато украшенное драгоценными камнями кольцо на большом пальце, облежавшее его от основания до ногтя, указывало на высокий статус его владельца.

— Как и было обещано, повелитель, — ответил Эбу.

Кресло поднялось выше, и медведь, опустившийся на четвереньки, чтобы сгрести ягоды в открытую пасть, взглянул вверх. Долгую минуту животное Земли оценивающе рассматривало кресло, а возможно, и сидевшего в нем человека. Кейд уже приготовился к неприятностям. Он знал, что на селекционной ферме медведь должен быть обучен и приспособлен к любым случайностям, которые его воспитатели могли предвидеть, учитывая его путешествие в чужой мир. Но реакции на что-то необычное не могли быть всегда и полностью спрогнозированы.

Несомненно, летающие кресла и эти сидящие в них господа со Стиора были частью соответствующей тренировки. Медведь заворчал, явно не находясь под впечатлением увиденного, а затем повернулся к более важному и серьезному занятию, как проба этих новых и вкусных плодов.

— Он вполне нам подходит, — сделал наконец вывод вельможа. — Пусть те, кто обязан ухаживать за ним, получают указания, как именно это делать. — Кресло сделало разворот, а затем замерло. Должно быть, сидевший в нем вспомнил о другом деле. — Было сообщение, которое привлекло внимание Пака.

Кейд уже понимал, что этот крайне бесстрастный тон на самом деле мог скрывать в себе немалую угрозу.

— Да, сообщение было, — согласился Эбу.

— Сопровождайте нас. Пак будет слушать.

Кресло рванулось с такой скоростью, что терранцам едва не пришлось перейти на рысь. Они прошли под аркой распахнутой двери, пересекли холл у входа в сад и оказались в пустой комнате, в дальнем конце которой находилось необычное возвышение. К нему и направилось кресло, опустившись точно в самую середину этой необычной платформы. Приземление это

оказалось сигналом, по которому открылись две двери по бокам платформы и появилась стража, вся в блеске драгоценных камней, инкрустированных доспехах, с оружием, привезенным из дальних миров, и растянулась цепочкой между терранцами и верховным правителем Паком.

— Произошло убийство в горах, — высказался наконец правитель Клора, по-видимому, не обращая никакого внимания ни на одного из стоявших перед ним терранцев, так как взгляд его замер на какой-то точке, парящей в абсолютно пустом пространстве в ярде над их головами.

— Это так, повелитель, — согласился Эбу с таким же безразличием.

— Речь шла о том, что резонатор дал сбой.

— Именно так, повелитель, — словно эхо прозвучал голос командира терранцев, ничего не добавившего к этим формальным словам.

Кейд, разглядывая скрытые полумасками лица представителей Стиора, цепочкой вытянувшихся перед ним, а особенно лицо верховного правителя, в очередной раз испытал неприязнь, которая была частью давным-давно сложившегося на Земле недоверия к пресмыкающимся. Эти маски, заостренные чуть выше носа, как уродливые морды, придавали всем выходцам со Стиора змеиный облик. Это качество, неизвестно почему, особенно выделялось у верховного правителя Пака, особенно когда становилось ясным, что за чешуйчатой маской и на самом деле *не было* лица гуманоида.

— Когда резонатор пришел в негодность, надчеловек и несколько его охотников были убиты быками квиту, — продолжил Правитель монотонное описание происшедшего. — А после его смерти несколько охотников с ошейниками сбежали в горы, потому что средства контроля над ними были разрушены.

— Правда и есть такова, как говорит великий Повелитель.

— Звездный странник, что был с этими охотниками, клянется ли он в этом?

— Сейчас он как раз и стоит перед Великим. Пусть прозвучит вопрос, с тем чтобы он произнес ответ собственными губами.

Змееобразная маска опустилась, может быть, на дюйм, в своей верхней части. Кейд не мог быть до конца уверен, были

ли вообще глаза за теми обрамленными драгоценным камнем щелями, что сейчас уставились на него.

— Пусть расскажет все относительно этого происшествия.

Кейд, изо всех сил стараясь говорить так же точно и спокойно, как это делал командир, поведал свой рассказ... свой отредактированный рассказ. Поскольку перед ним было только сплошное множество масок, он не имел никакой возможности понять, верят они ему или нет. И когда он закончил, то комментарий по поводу его объяснений прозвучал, как ему показалось, весьма двусмысленно.

— Пусть так и будет сделано, — почти нараспев произнес вельможа с возвышающейся платформы. — Все резонаторы должны быть испытаны, прежде чем будут разрешены к использованию. А также пусть глава технической службы даст Паку свое заключение по этому делу. Аудиенция окончена.

Кресло поднялось, двинулось прямо вперед, в то время как почетный караул торопливо рванулся вправо и влево, освобождая свободный проход. Кейд едва успел увернуться в сторону, как Правитель промчался мимо него. Был ли это на самом деле конец? И не будет ли у них другой встречи, а вместе с ней и шанса предложить верховному правителю еще кое-что из редких и любопытных вещей с планеты Терра?

Надчеловек проводил терранцев в комнату, расположенную не так высоко над пролежавшей внизу улицей, в непосредственной близости к помещениям, которые занимали рабы. Кейд ожидал дополнительной информации, едва его непосредственный начальник пересек небольшое помещение и швырнул свой рюкзак на сиденье, которое было не чем иным, как выступающей из стены жесткой скамьей. Скатки плетеных матрасов, сваленные на одном из ее концов, предполагали, что она, кроме всего, будет служить еще и постелью, когда в этом возникнет необходимость.

— И что теперь? — наконец спросил Кейд.

— Мы ждем. Иногда верховный бывает в настроении для увеселений или праздных разговоров. Тогда нам должно последовать приглашение. Поскольку мы существуем лишь для того, чтобы потакать его причудам, то этот момент может наступить через час, завтра или вообще на следующей неделе.

На самом деле не очень-то многообещающий прогноз, решил Кейд. Он открыл коробку с образцами и, опустившись на колени, высыпал ее содержимое на скамью и занялся сортировкой небольших, но прекрасно выполненных цветных слайдов. Изображения на них были как живые, так что каждый при виде их обязательно испытывал желание проникнуть в этот микромир и коснуться рукой этих застывших фигур, возвращая им жизнь и движение.

Здесь были небольшие, очень давно ставшие домашними животные, такие, как кошки, собаки, экзотические домашние птицы, круторогие козлы, семейство жвачных, представленное быками, коровами и телятами. Затем шли дикие животные (точнее, виды, которые когда-то были дикими): лев, тигр, черный леопард; был здесь белый волк и олень. Кейд убрал из этой коллекции слайд с медведем, а также удалил слайды со слонами и остальными, более крупными дикими животными, которые не могут быть доставлены на корабле в такую даль. Затем вытащил последний слайд, подержал его на ладони, с жадностью разглядывая. Он казался ему просто неотразимым. Но как посмотрит на него верховный правитель Пак?

Эбу не проявлял сколько-нибудь живого интереса к рассматриванию всего, что предлагалось для торговых сделок, и его затянувшееся молчание в конце концов привлекло внимание его напарника. Командир отряда терранцев поднялся со скамьи и теперь стоял около входной двери. В комнате отсутствовали окна. Приглушенный свет, весьма слабый для их глаз, падал из тонкого стержня, проходящего по всему периметру комнаты на стыке потолка и стен. Но этот свет не был настолько слабым, чтобы скрыть состояние Эбу. Он не то наблюдал, не то прислушивался, не то поджидал...

Кейд поднялся со своего места, все еще держа в руке выбранный слайд. Они оба были безоружными в самом центре негласно вражеской территории. И поза Эбу заставила осознать этот факт стоявшего рядом с ним молодого человека. Когда командир заговорил, то его речь, теперь на родном языке, а не на торговом жаргоне, можно было понять едва лишь по движению его губ.

— Кто-то приближается сюда. Вот, идет.

Скорее всего это должен быть не представитель Стиора, а дежурный страж. Секунду спустя на дверной панели засветился

глазок. Эбу подождал какое-то время, а затем, по установленному правилу, хлопнул своей ладонью чуть ниже маленького светящегося экрана. Свечение прервалось, и они увидели искаженное перспективой изображение надчеловека. Эбу хлопнул ладонью второй раз, разрешая посетителю войти.

— Хэкэм Тоф, — представился незнакомец. — Первый смотритель за животными, привезенными из дальних миров.

Эбу в свою очередь ответил таким же официальным представлением, назвав себя, а затем и Кейда.

Тоф оказался более всего заинтересован знакомством с Кейдом.

— Это тот, кто ухаживает за зверями?

Эбу уселся на скамью, предоставив Кейду самому отвечать на вопросы.

— Это он, — коротко ответил терранец. Надчеловек использовал речь, характерную для надсмотрщиков за иккинни, и это само по себе было оскорблением для торговцев.

— И он, должно быть, знает все повадки нового зверя.

— Ленты с записями уже переданы, — отметил Кейд. Он держал свою руку на уровне глаз, делая вид, что более всего заинтересован в предлагаемом новом образце, чем в разговорах об уже законченной сделке.

И надчеловек, окинув взглядом ряды слайдов, сгорая от нетерпенья, вошел в комнату, направляясь прямо к неизвестным экспонатам, чтобы рассмотреть их. Кейд, продолжая нянчить в руках последний слайд, отступил в сторону, разрешая Тофу ознакомиться с этими маленькими, но яркими сценками, отображающими зверей в естественном окружении. Надчеловек был явно восхищен таким изобилием. Но вот наконец он начал поглядывать на слайд, который все еще был у Кейда в руке, продолжая задавать быстрые вопросы относительно уже рассмотренных. Когда же терранец так и не положил этот слайд рядом с остальными и ни словом не обмолвился о нем, Тоф задал прямой вопрос.

— И этот тоже из другого мира?

— Этот тоже, — ответил Кейд, так и не предлагая своему собеседнику взглянуть на картинку.

— Этот один из самых редких?

— Этот из тех, что давно и очень дорого ценится на нашей планете. Он принадлежит воинам, которые носятся как ветер, но, по нашим обычаям, не на плечах других людей или в креслах, согласно своему положению, а на спинах вот этих самых зверей. И делают это даже в сражениях. И такие воины пользуются у нас хорошей репутацией.

— Скачут на спине зверя! — Тоф, казалось, собирался опровергнуть столь крайне возмутительное заявление. — Он увидит! — Он требовательно протянул руку, и Кейд разрешил ему взять и рассмотреть слайд.

— Так-так. — Казалось, что Тоф едва не задохнулся, его дыханье теперь напоминало злобное шипенье, что могло означать либо восхищение, либо нескрываемое презрение. — И воины скачут на их спине, удостаиваясь признания и чести?

— Так.

— Ты видел их?

Кейд вошел в игру.

— Я сам отношусь к воинственному народу, населяющему мой мир. Я всегда скачу верхом, сопровождая своих повелителей.

Тоф переводил взгляд с терранца на слайд.

— Эти звери могут жить на Клоре?

— На Клоре — да; но в самом Коре — нет. — Кейд продвигался вперед с осторожностью разведчика на тропе войны, остерегаясь или давить, или торопить сверх меры.

— Почему так?

— Потому что они щиплют траву на равнинах, так же как квиту. Они не могут жить в обнесенных стенами садах городского дворца.

— Но они могут жить в поместьях? Можно ли переправить их туда на воздушном корабле?

Тоф очень быстро схватывал суть дела, может быть, даже слишком быстро. Но Кейд придерживался в своих ответах только правды.

— Это так. Сам правитель или его слуга могут скакать по всей стране без всяких рабов-носильщиков или воздушных кораблей. Там, где живу я, очень много равнин, и многие сотни лет мы скакали верхом: на войну, на охоту, в гости к родственникам, в дальние путешествия.

Тоф вновь взглянул на слайд.

— Это новое. Великий может быть изумлен. Я беру. — Его толстые пальцы ухватили слайд с одержимостью собственника, чему Кейд и не собирался противиться. Терранец сделал первый шаг, претворяя в жизнь собственный план, и, по всем признакам, Тоф попался в сети. Главный смотритель зверей Пака должен иметь некоторое влияние на правителя Кора, и жадность хранителя зоопарка, столкнувшегося с новым животным, должна стать для терранцев очередным шансом приобрести благосклонность.

Когда надчеловек ушел, без каких-либо дальнейших требований информации о только что появившемся звере, все еще сжимая в руке полученный слайд, командир, не принимавший никакого участия в этой почти биржевой игре, слабо улыбнулся.

— Почему лошади? — спросил он.

— Эта страна самым естественным образом подходит для лошадей. Равнины прокормят их.

— Ты должен получить доказательства этого, составить аналитический отчет, прежде чем Служба возьмется за их транспортировку.

Кейд ответил, почти не задумываясь:

— Стил уже сделал это.

— Интересно, — заметил Эбу. — Разумеется, ты нашел это в его записях. Лошади... — задумчиво повторил он. — Их импортная цена достаточно высока.

— Слишком высока?

— Чтобы потакать причудам верховного правителя? С использованием всех ресурсов Клора? Нет, я думаю, что он в состоянии купить их, если захочет. Тем не менее ты заслужил разговор от парней из экологии.

Кейд не предвидел такого поворота дела. Разумеется, представлять для продажи на чужую планету какое-либо растение, животное или птицу без анализа естественных врагов, а только с расчетом на благоприятную территорию было самым рискованным делом. Для Кейда равнины Клора казались естественной средой обитания для лошадиных табунов. Они разделили бы эти широкие пространства с квиту, со стадами оленей и с крупными нелетающими птицами. Естественные враги... да, помимо представителей человеческого рода (будь то иккинни

или выходцы со Стиора), которые будут считать лошадь наградой, а не добычей, существовало несколько видов плотоядных животных. Но не в больших количествах. Пока все шло, так как он и представлял себе; популяция лошадей размножилась бы так же, как это произошло на равнинах его родины, предоставляя аборигенам доступные ценности и боевую мобильность. Однако если он будет должен переступить за красную черту внутри собственной Службы...

Кейд вздрогнул от звука, который исходил от его начальника и был подозрительно похож на сдавленный смех.

— Ты чуть-чуть поторопился, Уайтхок. Не стоит запускать свои ракеты на полную мощность, если не уверен, что выйдешь на орбиту! Лошади для Стиора. Можно представить, как иккинни будут рады им. Воздушные потоки не позволяют воздушным кораблям их властителей подниматься к горным массивам. На лошадиных спинах теперешние рабы смогли бы передвигаться более далеко и свободно. Я сам мечтал об этом, мой молодой друг. Тебя ни за что не взяли бы в отряд, будь ты поклонником Стиора. Лошади... — Он изучал Кейда, как человек исследует замысловатую часть машины, которую еще не понимает, но должен заставить работать легко и спокойно.

— Вы говорили, что неплохо соблазнить верховного правителя чем-то новеньким, — сказал Кейд в попытке защититься. Он был так поглощен своей идеей, что недооценил своего командира, заблуждение, которое, как он мог видеть, должно бы перерасти в ужаснейшую ошибку.

— Я говорил, говорил. А Стил, запрашивая эти анализы, тем самым вложил подобную мысль в твою голову?

Это было отчасти правдой, и Кейд был рад, что может с этим согласиться. Но он понимал, что Эбу не был полностью удовлетворен этим разговором. Но на какой-то момент он был спасен возвращением Тофа, с приказанием для них обоих посетить верховного правителя.

Когда они вошли в садовый холл, где незадолго до этого демонстрировали медведя, они увидели там властителя Клора, стоявшее на полу его передвижное кресло и слайд, который слуга держал на уровне глаз для удобства своего повелителя.

— Расскажи об этом. — Обращение предназначалось Кейду.

Используя торговый диалект, терранец как можно шире расписал достоинства лошадей, уделяя внимание тому, что, как он надеялся, было живым и увлекательным описанием всех преимуществ разведения их на Клоре. Никакого видимого встречного энтузиазма со стороны Правителя не последовало, хотя было понятно, что находившийся здесь же Тоф успел изложить свои взгляды.

— Но они не могут быть разведены прямо здесь, в Коре? — перебил его Правитель.

— Да, не могут. Им нужно открытое пространство.

— И все Великие в твоём мире легко скачут на их спинах?

— И это истинная правда. — Кейд пустился в описание седел и других предметов для верховой езды, рассказал о развитии кавалерии, включая строевые части и летучие отряды, равно как и красочно разодетых верховых стражей для торжественных церемоний.

— Их следует купить, — представитель Стиора вынес свое решение обычным бесстрастным тоном. — А также на Кор должны быть присланы более подробные описания этих существ, новые изображения различных их видов, таких же или больших размеров. — Он сделал едва заметный кивок в направлении находящегося перед ним слайда. — Все это должно быть сделано как можно скорее.

Эбу поклонился.

— Желание Пака — закон земли и неба, — ответил он, используя выражения, принятые местным этикетом. — Каково желание, такова и работа. Можем ли мы теперь покинуть Кор, поскольку должны немедленно исполнить желание Пака?

— Отправляйтесь и служите.

Решение было принято так быстро, что Кейд почти не верил в собственный успех. По пути к кораблю, который должен был забрать их из Кора, Эбу задал несколько личных вопросов.

— Где же ты собираешься достать лошадей? Ведь когда Пак говорит, что он хочет получить что-то очень быстро, он именно это и имеет в виду. Лошади, доставляемые с Земли, проведут в пути несколько месяцев, включая карантин и транспортировку.

— Есть породы лошадей, которые целыми поколениями были приспособлены к космическим перелетам, и они должны быть на Кванг-Кан. — Да, это не его лошади, выведенные на

равнинах Земли, а другая порода, крепкая, выносливая, привыкшая к новым мирам, получившая развитие от малорослых лошадей, которые когда-то носили татарских всадников не только в битвы, но и в дальние походы за право владеть четвертой частью мира.

— Ты, как я вижу, уже провел полное исследование предмета. — Эбу вновь неловко потревожил правду своим замечанием. Но, к облегчению Кейда, глубже копать не стал.

Глава 7

Кейд проснулся с тем же ощущением надвигающейся опасности, которое мгновенно приводило его в чувство, особенно в горах. Однако сейчас он находился в форте, сзади него была стена его комнаты, а под ним — податливое пенообразное покрытие его кровати. Он лежал, сдерживая дыхание почти до легкости сна, пытаясь уловить любой звук или движение.

Выходившая в коридор узкая щель, заменявшая окно, выделялась светлым прямоугольником на темной стене. До него доносились легкий шум оперенья и беготня ночных охотников-«восьминожек», гоняющихся по помещению. Затем он уловил что-то похожее на легкий вздох облегчения.

И вновь резкий бросок «восьминожки», сопровождаемый едва слышным писком, как только охотник поймал очередную пушистую ночную бабочку, одного из ночных существ, населявших Клор. Затем со стороны крытого двора раздались звуки шагов, а вслед за ними легкие, но резкие удары, бившие, казалось, по его напряженным нервам.

Вдоль стены проскользнула тень, и стремительность ее движения была отчетливо ощутима. Кто бы ни населял его комнату, это существо было явно вне досягаемости. Кейд уловил след неприятного запаха и понял, что где-то крадется иккинни, возможно, разрываемый страхом между опасностью со стороны предположительно спящего терранца или со стороны находящейся во дворе охраны.

Кейд зевнул, стараясь как можно лучше походить на потревоженного спящего, и перевернулся, располагая руки под туловищем, готовый в любую минуту прыгнуть с кровати. Вновь

он услышал приглушенное дыхание и скорее почувствовал, чем увидел, рядом с собой красноватые глаза. Он не имел представления, насколько острым было ночное зрение иккинни, и навести об этом справки у него уже не было возможности. Хотя, предположительно, находившиеся в форте аборигены были безоружны, но и в самой этой комнате находилось достаточно предметов, каждый из которых мог стать импровизированным смертельным оружием.

Одной рукой терранец вытащил шокер из ниши, куда на день убиралась кровать, и бросился на пол, переворачиваясь на ходу, чтобы в итоге встать спиной к противоположной стене, держа оружие на изготовку. Теперь он слышал поспешные движения своего невидимого визитера, которые мгновенно затихли в тот момент, когда Кейд положил руку на дверную панель. Потому что снаружи по-прежнему раздавались все те же, будто марширующие шаги, являвшиеся сигналом опасности.

А затем Кейд получил все-таки ответ по поводу ночного зренья у иккинни. Прежде чем смог сделать очередное движение, он почувствовал удар чужого тела и волосатого плеча прямо в собственный живот, удар, который выбил весь воздух из его легких и размазал его по стене с силой, которая на мгновение ошеломила его так, что он был полностью беззащитен перед второй атакой. Удар, направленный сбоку, обрушился на его голову, свалив его, почти теряющего сознание, на пол, а второй погрузил в полную темноту.

— Уайтхок!

Боль была словно красная лента, прикрывавшая его моргающие глаза, а включенный в комнате свет только усилил ее. Его голова безвольно болталась, когда кто-то пытался поднять его, и он ощутил отчетливый привкус свежей крови. Затем, кое-как преодолев резкий приступ боли в голове, он сфокусировал свой взгляд на Че Ине. На этот раз находящийся перед ним человек не улыбался, напротив, необычайно жесткая суровая гримаса растянула уголки его губ, вытягивая в прямую линию границу челюсти, лежащую ниже мягкой ткани округлого подбородка.

Рука Кейда неуверенно потянулась к голове, и он вздрогнул, когда пальцы коснулись мокрой разодранной кожи на границе волос. Пальцы стали липкими и красными.

— Что случилось? — хрипло спросил он.

Че Ин протянул руку, плавно обхватывая его плечо, помогая ему повернуться, чтобы он мог рассмотреть комнату, которая была полностью разгромлена. Дверцы всех стенных шкафов были открыты, а там, где они были заперты, их просто взломали. Набивка матраса пузырящейся пеной лезла сквозь многочисленные рваные дыры в его внешнем чехле, а хвост лент с записями тянулся с поверхности стола, заканчиваясь спутанным клубком на полу. Все это было доказательством безрассудных поисков, таких поисков, когда ярость ищущего соединялась с его неспособностью найти то, что ему было нужно.

Это могло означать только один факт... А возможно, и два!

Кейд превозмог накатывавшее волнами головокружение, пока пытался поднять голову повыше, чтобы поближе осмотреть беспорядок на полу вокруг себя. Его сапоги по-прежнему стояли по стойке «смирно» в футе от постели. И, заметив, что они остались нетронутыми, он понял, что один секрет ему удалось все-таки сохранить.

— Шокер! — закричал он. — Где мой шокер?

Если нападавшим был Докител и этот абориген в конце концов заполучил его оружие... Если так, то нападение на Бака с использованием сканнера вполне должно означать смерть для половины рабов, находящихся в форте. И независимо от того, состоится ли это жертвоприношение или нет, Кейд должен предотвратить его, рассказав кому-нибудь всю правду.

Че Ин поднял из-под ноги Кейда некий знакомый предмет. И молодой человек взглянул на него, ощущая вторую волну откровенного облегчения, заглушавшую на одно-два радостных мгновенья пульсирующую боль в его голове.

— Я не думаю, что твой столь неаккуратный приятель вернется сюда. У тебя есть хоть какие-нибудь соображения на счет того, за чем он охотился?

Признание означало опасность другого рода. И вновь Кейд устался на свои сапоги. Скорее всего никто не мог догадаться, что именно было спрятано в их верхних потайных карманах. И голова его вдруг заболела так, что мысли стали размытыми и неопределенными.

— Подожди! — Че Ин осторожно повернул голову Кейда вперед, стараясь получше рассмотреть не оставшуюся от удара рану, а его волосы. — Так. Когда твой визитер не нашел то, что

хотел... — дыхание собеседника перешло на шипенье, и тут же, в очередной раз, весь его добрый юмор улетучился.

— В чем дело? — Кейд поднял руку, готовясь ощутить привычную, коротко заплетенную косу. Но его пальцы обнаружили только грубо срезанный пучок волос. Он был торопливо подстрижен сбежавшим вором.

— Зачем? — В поисках ответа он неуверенно взглянул на Че Ина.

Кейд мог понять поиски остатков от панели управления, которая постепенно разваливалась на все более мелкие и мелкие кусочки, несмотря на то, что он очень тщательно обернул подобранные в горах ее части. И также он мог понять пропажу шокера. Но зачем вор, искавший оружие, прихватил с собой клочок человеческих волос? Мотив такого поступка полностью сбил его с толку, хотя ему казалось, что Че Ин имел полную ясность по этому вопросу.

— Испытание узлами, — произнес тот, как будто рассуждая вслух. — Вор не нашел то, что искал, поэтому он решил применить ритуал «испытание узлами». Но почему? Что он искал здесь? Это очень важно, Уайтхок. И это может оказаться смертельным. Нечто, принадлежавшее Стилу или тебе?

Спасение Кейд нашел в коллапсе, который неожиданно обрушился на него и длился почти пятнадцать минут; все это время он безвольно лежал с закрытыми глазами; до него доносился крик Че Ина и раздавшийся в ответ топот ног. Из своей притворной слабости он, вполне возможно, перешел в настоящий сон, потому что, пробудившись, обнаружил себя в небольшом изоляторе форта, а вдоль основания его койки растекались яркие солнечные блики. Возможно, ему дали какое-то лекарство, может быть и наркотик, потому что он обнаружил некоторую путаницу в мыслях, когда решил попробовать сложить в аккуратную цепочку несколько известных ему фактов.

Что их могло связывать? Он был почти уверен, что на него напал именно Докител. Кейд почти не встречал молодого иккинни с момента своего возвращения из Кора, а несколько уместно заданных вопросов подсказали ему, что абориген второй раз принимал участие в охоте и на этот раз сопровождал Сантоса. Совесть Кейда была не совсем спокойна. Находясь в горах, Докител мог применить свои опасные познания для ос-

вобождения новой группы рабов. Поэтому терранец с облегчением вздохнул, когда вся экспедиция накануне вернулась целой и невредимой и с необычно большим числом отловленных масти. Если иккинни и передал свою информацию, то аборигены никак не успели бы выкрасть шокер и задействовать его.

К несчастью, Кейд так и не нашел решения относительно того, как исследовать разбитую панель управления. Технические знания для подобного исследования находились далеко за пределами его сферы деятельности, и он не имел никого на ближайшей к ним Торговой Базе, кто мог бы провести такое исследование и держать язык за зубами. Привлечь же к этому делу командира означало его собственное увольнение из отряда. А при всем том, что его план уже начал работать, Кейд не мог и не должен был подвергать опасности свою службу на Клоре. Запрос на лошадей уже был отправлен на Кванг-Кан и одобрен. Теперь лошади были на пути к Клору. И он уже положил начало своему проекту, который предполагал познакомить иккинни с тем, что может стать их будущим тайным оружием освобождения.

Пользуясь тем весьма благовидным предлогом, что лошади не могут быть доставлены к месту их окончательного назначения с помощью транспортных кораблей, используемых Сти-ором для регулярных внутрипланетных перевозок, а должны быть переправлены или перегнаны туда по земле, Кейд проводил для прислуживавших в форте иккинни курс наставлений по уходу и кормлению этих животных, включая сюда и некоторые сведения об их природе. Трехмерные изображения лошадей, увеличенные почти до натуральных размеров, служили экспонатами, которые помогли бы сделать привычным широкое распространение этих инопланетных «зверей». А также с помощью импровизированных поделок из дерева и труб Кейд демонстрировал основы верховой езды, устройство седла и принципы использования поводьев для управления лошадей. Импортные лошади, разумеется, должны были быть хорошо тренированы и послушны, по крайней мере, так полагали селекционеры на Земле. Но Кейд все еще не был уверен, что иккинни и лошади смогут ужиться вместе.

К своему разочарованию, он до сих пор не пробудил у аборигенов никакого сколько-нибудь заметного интереса в этом направлении. Казалось, что эти подневольные работники, согнан-

ные к месту проведения инструктажа с помощью Бака, который сам постоянно наблюдал и слушал лекции с большим вниманием и интересом, не рассматривали время занятий иначе, как возможность дополнительного отдыха, и героически переносили все попытки терранца научить их чему-то как плату, которая непременно должна следовать за столь необременительное времяпрепровождение. В присутствии Бака Кейд должен был точно придерживаться текста, включавшего положения о сохранении благополучия инопланетных животных, импортируемых непосредственно для удовольствия и развлечений представителя Стиора, которого так страстно ненавидели иккинни.

И он был очень обрадован, когда заметил присутствие Докителя на последнем занятии. Так или иначе, но Кейд ожидал более быстрой реакции от аборигена, который ранее был увлечен медведем. Но молодой иккинни проявил себя таким же флегматичным, как и остальные.

И вот теперь, все еще ощущая слабую боль в глазных яблоках при попытке сфокусировать зрение на ярком солнечном пятне, Кейд был в достаточной мере обескуражен, признавая, что Докител хотел только одного: освободиться от ошейника. Без всяких сомнений, он был уверен, что терранец в силах сделать ему такой подарок, но не желает и думать об этом.

Он не нашел чего искал и не залез в потайные карманы сапог Кейда, как и не взял его шокер. Но почему тогда он прихватил часть волос инопланетянина? Насколько было известно Кейду, среди иккинни не было такого обычая опозорить врага. И какую пользу мог извлечь абориген из трех дюймов чужих волос?

Что это сказал Че Ин?

— Испытание узлами. — Теперь Кейд повторил фразу вслух, но слова по-прежнему ровным счетом ничего не значили для него.

— Да. Именно, так.

Кейд повернул голову, утопавшую в пенообразной подпорке. Че Ин весьма кстати оказался в дверях медицинского изолятора, подойдя неслышным кошачьим шагом, несмотря на свои сапоги. Была какая-то едва уловимая перемена в этом человеке, не прямое изменение характерных черт или явное отсутствие спокойствия и безмятежности, которые Кейд постоянно отмечал в нем. Только сейчас терранец понял, что то

невозмутимое поведение его приятеля было всего лишь маской, из-под которой сейчас проступали новые черты.

Тем временем собеседник Кейда стоял, задумчиво глядя на него.

— Почему же все-таки они так ненавидят тебя, Уайтхок? — Он должен был бы скорее справиться о здоровье своего товарища, но не сделал этого.

— Кто?

— Эти иккинни. — Че Ин сделал паузу, а затем в его тоне появились едва заметные новые нотки. — Так что же ты, в конце концов, так и *не понимаешь*, в чем дело? Но если так, то это ужасно досадно. — Он медленно покачал головой.

— Для кого? — Кейд сдержал нарастающий гнев. Попытка получить от Че Ина хоть какую-то конкретную информацию, по-видимому, должна быть направлена к себе самому.

— Эти самые иккинни. И, разумеется, этот Сетелов, которого они наняли, чтобы он занялся тобой. А возможно, у них есть и тот, кто владеет искусством четырех узлов. Из того места, где произошло несчастье, они, или он, управляли твоими узлами, и я склонен верить, что твой визитер был достаточно зол, раз решил обратиться к таким «специалистам»...

— Какой в этом смысл? — У Кейда вновь разболелась голова. Его не увлекала идея разгадывать загадки, которые Че Ин вплетал в свою и без того загадочную беседу.

— Магия. — Че Ин откинулся назад, привалившись к стене, как будто его привычная леность так и не покинула его. — Возьми пучок волос своего врага, свяжи его узлом, со всеми надлежащими заклинаниями и жертвоприношениями, а затем каждый день затягивай этот узел все сильнее и сильнее, и это будет сопровождаться последующим физическим недомоганием той части твоего врага, чей облик надежно пойман в твой силлок. Если враг соглашается с твоим предложением или ты меняешь свои намерения, некоторый определенный узел может быть развязан, и тогда облик врага высвобождается из силков. Если же ты неотвратимо жаждешь его крови, то ты со всей силой затягиваешь последний из узлов и бросаешь эту импровизированную сеть в огонь, или закапываешь ее в землю, или расправляешься с ней каким-либо другим решительным способом, который обе-

спечивает, соответственно, смерть твоей жертвы. Как мне говорили, вязка узлов — это разновидность местной науки.

Кейд выдавил слабую улыбку.

— И они ожидают, что их местное колдовство будет работать против инопланетянина?

Всем известно, что никто не может быть пойман магией галлюцинаций, к которой он не был предрасположен с рождения. Однако мысль о том, что где-то находится прядь волос, в ярости срезанная с твоей головы, мастерски и набожно связанная для целей мести и боли, была явно не из приятных. И по мере того как Кейд раздумывал, она не становилась менее зловещей. Кроме того, всегда существовала возможность, что скрытый враг, с нетерпением ждущий злонамеренного успеха намеченного плана, может атаковать противника и более откровенным способом.

— И если они обнаружат свою ошибку, — заговорил Че Ин, словно эхо повторяя последнюю мысль Кейда, — они могут предпринять более решительные и быстрые шаги. Почему они *ненавидят* тебя, Уайтхок? Что же на самом деле произошло во время твоего путешествия в горы?

Кейд вынужденно оказался в положении, когда ему было необходимо довериться кому-то. Если бы он отправился к Эбу, то наверняка, как он был уверен, его выслали бы с планеты домой. Командир отряда, вероятнее всего, не стал бы оставлять без внимания столь вопиющее нарушение приказов Службы. Но вот Че Ин... мог ли Кейд доверять ему? У них не было ничего общего, кроме как работа на одном и том же форте, и к тому же молодой человек очень мало знал о своем коллеге. В конце концов, именно Че Ин помог ему принять решение.

— Лик был убит не квиту.

Кейд упрямо замолк, напрягая всю свою волю против последовавшего молчания и того невидимого давления, которое, так или иначе, проявлял его собеседник.

— Лик пришел к своему несомненно заслуженному концу в результате насильственной смерти, может быть, от копья.

Кейд молчал, пока Че Ин своим ровным голосом докапывался до правды.

— Так или иначе, но кто-то установил, что система управления ошейниками не была абсолютно надежна.

Кейд уже приготовился к такому повороту дел. Он был уверен, что не сделал ни единого движения, правда, не исключая такого, как моргание век, чтобы показать, насколько близким было попадание. А Че Ин был тут как тут. Перемена, которую уловил молодой человек в стоявшем у входной двери коллеге, была абсолютно ясной, открыто проглядывающей сквозь его маску. Че Ин стал таким оживленным, каким Кейд никогда еще его не видел. Находившееся перед ним лицо уже не принадлежало коммерсанту, человеку, связанному условностями Политики, а скорее это было лицо воина, которому протягивали оружие, способное разрешить всякий спор при любой решительной встрече со старым врагом.

— Вот правда! Скажи мне, Уайтхок! Вот правда!

И воля Кейда не выдержала этой вспышки почти осязаемых эмоций.

— Да.

— Тогда неудивительно, что они охотятся за тобой! — Че Ин вскинул голову, и его черты все еще переполняло все то же алчущее напряжение. — Если существует ответ относительно управляемого ошейника, то каждый иккинни на этой планете захочет получить его. — Он сделал шаг вперед, его руки жестко сомкнулись всего лишь в футах от больничной койки. — Какую игру ты ведешь, Уайтхок?

— Никакой. — Кейд торопливо начал отрицать то, что могло быть расценено как хитрость. — Все произошло случайно. Лик был действительно атакован этим быком, как раз так, как я и говорил. А то, что случилось потом, было чистой случайностью. — И он пересказал произошедшую далее сцену с краткостью официального отчета.

— Шокер? — удивленно повторил Че Ин, вытаскивая из кобуры свое собственное оружие. Затем он добавил быстрым требовательным тоном: — Какая была установлена мощность луча в тот момент?

Кейд напряг память.

— Возможно, что максимальная. Я не уменьшал ее после выстрела по квиту.

— Полная! И этот выстрел разнес на куски коробку и разорвал ошейники!

— И убил двух иккинни, — напомнил ему Кейд.

— Предположим, что разряженная мощность была при пониженном уровне напряжения?

— Ну, — начал было Кейд, а затем осторожно и пристально взглянул на Че Ина, опасаясь быть причастным к заявлению, которое окончательно опорочило бы его. — Нет способа поэкспериментировать над этим уровнем. Ведь Стиор не собирается позволять инопланетянам играть с их панелью управления рабами с целью изучения того, как можно сделать ее безвредной.

— Верно. — Че Ин вновь нацепил маску. Он стоял, взвешивая на ладони свой шокер, как будто ему очень хотелось попытаться провести подобный эксперимент. — Однако есть и еще кое-что, Уайтхок. Тот самый резонатор был раздавлен копытами, а ты предназначался в жертву, точно так же, как ранее был убит Стил. Нам на форте очень неплохо бы иметь хотя бы небольшую информацию о подобных вещах, чтобы предотвратить очередные светлые мысли, возникающие у несметного числа тех, кто мечтает, выйдя из гиперпространства...

— Почему они... кто бы они ни были... хотели убить меня... нас всех?

Че Ин улыбнулся.

— Отличный вопрос, и один из тех, на который может быть несколько ответов. Во-первых, огромное большинство всех этих мелких правителей-феодалов ненавидят терранцев исключительно потому, что они терранцы. Мы представляем первую угрозу их положению, которое восходит к тем долгим приятным векам, в течение которых они удерживали в своем крепком кармане большую часть обитаемой галактики. Даже уничтожить несколько терранцев под безопасным и безобидным прикрытием было бы игрой, вполне достаточной, чтобы апеллировать к некоторым из наших известных враждебно настроенных знакомых. Затем существует и соперничество между правителями на Клоре. Несколько продуманных «несчастных случаев», причина которых может быть в нерадивости рабов одного из местных феодалов, приписанная ему его же соседом, будут иметь значение при очередном распределении прав на охоту. Несомненно, опасная игра, но жадность зачастую побуждает к риску, куда более опасному, чем гарантированный выигрыш от такой игры.

— Но, — медленно произнес Кейд, — могла быть и третья возможность?

— Политика. — Че Ин переложил шокер в кобуру и вновь прислонился к стене. — Игра Стиора против тех, кто представляет Стиор на Клоре, охватывает верхние уровни власти. Это можно бы представить, как, например, планету Вайсрой, выступающую против планеты Вайсрой и осуществляющую всеми правдами и неправдами, таким образом, борьбу за власть внутри самой их империи. Здесь, на Клоре, находится аванпост Стиора, одно из его отдаленных поселений, правители которого делятся на две категории. Изгнанники, отправленные сюда в ссылку и отмеченные дома черной меткой, и те, кто имеет высокие амбиции, но лишены силы или поддержки наверху. Первая группа желает внезапного успеха для возврата своего положения, вторая же только еще хочет пробиться наверх. И использование тщательно подготовленных «инцидентов» может помочь либо тем, либо другим.

— Но множество погибших терранцев...

— Да, если кто-то вступает на этот опасный путь, то постоянно подвергается опасности. Но некоторые люди достаточно безрассудны по отношению к коварным и рискованным предприятиям. Кто-то, скажем, пытается сместить верховного правителя Пака.

— Что же ты собираешься делать? — Кейд напрямик двинулся к цели.

— По поводу этого дела с шокером? Сейчас — ровным счетом ничего. Нам нужен дополнительный материал для эксперимента. У тебя все еще сохранились остатки той разбитой панели управления?

Кейд кивнул.

— Сегодня она должна покинуть пределы этой планеты, сюда прибывает грузовой корабль. Этот факт, между прочим, и привел меня сюда, Уайтхок. Кто-то и на самом деле старается сделать большой рывок вверх, рассылая бумаги то туда, то сюда. А твои драгоценные пожиратели овса как раз и находятся на борту корабля.

Кейд моментально сбросил ноги с койки и начал искать свою одежду, боль в голове была забыта. Че Ин рассмеялся и протянул ему его форменную куртку.

— Но они еще не на посадочной площадке. У тебя есть почти четырехчасовая отсрочка, потому что они пока еще на орбите. Тебе можно не торопиться туда... и, пожалуйста, не забудь захватить с собой эту управляющую коробку, приятель.

Кейд нагнулся, разорвал потайные карманы в подкладке верхней части своих сапог и извлек оттуда четыре маленьких пакета, в которые он разложил остатки обоих ошейников и панели управления, часть из которых теперь превратилась в металлическую пыль. Если эксперты смогут извлечь что-нибудь из этих кусков и обломков, он будет не только удовлетворен, но и изумлен к тому же. И, переложив ответственность за эту проблему на Че Ина, он почувствовал некоторое облегчение.

Кейд направился в сторону места посадки, где встретил большинство людей из персонала форта, ожидавших прибытие корабля.

Всего были доставлены пять кобыл и один жеребец. И хотя это были не те гордые и холеные создания, о которых мечтал Кейд (поскольку импортированные с Кванг-Кана лошади были меньших размеров и более лохматые), все они были мышастой масти, с черными гривами и хвостами, их ноги слегка оттенялись темной каймой, как знак возвращения к их далеким терранским предкам. Но, когда молодой терранец сам освободил их из корабельных боксов и отвел все еще ошеломленных от ударов и бросков во время путешествия в построенный им же загон, торговец получил истинное удовольствие. Они будут едва различимы с больших расстояний на фоне желтовато-коричневого ландшафта. И эти лошадки, привыкшие к тяжелым условиям на одной из пограничных планет, гораздо легче приживутся на другой.

Терранец беспокоился только об отношении к лошадям иккинни. Поскольку он сам вызвался управляться с лошадьми после их приземления, Кейд поначалу не осознал того факта, что аборигены вообще не приближались к загону. И только позже, когда он хотел помочь накормить и напоить вновь прибывших животных, он встретил Бака, по лицу которого блуждала хитрая полускрытая ухмылка.

— Звездный странник хочет иметь рабочих?

— Животным нужна вода и пища... — Кейд замолчал, когда заметил, что пальцы Бака перебирают на панели управления кнопки, означавшие грубое наказание рабов. — Зачем? — тре-

бовательно спросил Кейд, понимая, что надчеловек наслаждается этим.

— Эти земные черви говорят, что это дьяволы, которых привез звездный странник, чтобы уничтожить их. И если их не заставить, они не будут ухаживать за лошадьми.

— Нет! — Если Бак заставит иккинни ухаживать за лошадьми только с помощью болевых ощущений через ошейник, план Кейда обречен на неудачу. — Я хочу вывести лошадей в открытое поле, — поспешно сказал он. — Пусть иккинни принесут пищу и воду в загон, когда он будет пустой.

Ухмылка Бака исчезла. Кейд не оставил ему времени на протесты, поскольку торопился открыть ворота загона. До сих пор ему удавалось лишь отодвигать неприятности, но сколь долго это могло продолжаться? И говорил ли Бак правду, или же, используя собственную власть, старался заставить аборигенов ненавидеть и бояться лошадей?

Глава 8

— То есть ни один из них не желает приблизиться к лошадям, — Сантос говорил таким тоном, будто наслаждался замешательством Кейда. — Эта ситуация может обернуться настоящей бедой.

— Если же, — вступил в разговор Эбу, сидевший во главе стола совещаний, — мы не выполним наш контракт с Паком, мы также получим неприятности.

— Что мне хотелось бы знать, — мягко вступил в разговор Че Ин, — откуда берет начало этот слух о «всепожирающем демоне». Ведь в прошлом мы импортировали и других, потенциально более опасных зверей, и никогда не возникало ничего, кроме обычного любопытства. Откуда эта неожиданная антипатия к лошадям?

Кейд и сам искал ответ на этот вопрос. Было похоже на то, как будто некто... или нечто... похитил *план* буквально из его головы и развернул эффективную контратаку еще до того, как Кейд получил шанс начать его осуществление.

— Те, другие животные были меньших размеров, — указал Сантос с нарочитой рассудительностью. — И только крупные животные Клора, квиту и састы, считаются опасными.

— Есть еще и фарг, а он величиной с молодого медведя. Все эти иккинни были охотниками еще до того, как их взяли в плен, а здесь нет рабов, выведенных на специальных селекционных фермах. Нет, я бы сказал, что этот слух о демонах не мог родиться ни в одной из их хохлатых голов. Я хочу сказать, что это было умышленное внушение.

— Но зачем? — настойчиво сопротивлялся Сантос.

Че Ин мягко улыбнулся.

— О, по целому ряду причин, Мануэль. Ну, скажем, такая выдумка могла бы быть использована для того, чтобы подтолкнуть работающих в форте рабов к мятежу...

Сантос презрительно усмехнулся.

— Мятеж! Это при наличии Бака, который держит жизнь каждого из них на кончике своих пальцев и день и ночь? Не дураки же они?

Но мысли Кейда, как лошади на скачках, неслись вперед, мятеж при наличии тех методов управления, что использует Бак со своей коробкой, хоть и рискованный, вполне возможен. Не пришло ли время для общего признания? Его губы уже начали двигаться, как вновь заговорил Че Ин.

— Я не верю, что среди нас найдутся эксперты, чтобы оценить психологию иккинни. Стиор никогда не одобрит таких исследований. Возможно, что самый лучший наш шаг...

Эбу резко прервал его.

— Наш лучший шаг, поскольку мы не в состоянии отменить этот контракт, состоит в том, чтобы передать этих животных представителям Стиора как можно скорее.

Че Ин откровенно усмехнулся.

— Отдать этих «демонов» в распоряжение тех, кто и сам не лучше демонов, по мнению иккинни. Нет, конечно!

Эбу рассуждал с точки зрения коммерсанта, но не больше. Кейд же не хотел торопиться именно в этом направлении.

— Мы должны перегнать лошадей по суше, — подчеркнул он. — И если иккинни были бы вынуждены действовать как погонщики...

Эбу нахмурился.

— Да, но они могут ополчиться против животных. Ну, хорошо, а нет ли у тебя каких-нибудь соображений, что могло бы

помочь? — Его взгляд, прямой, требовательный и спокойный, был устремлен на Кейда.

— Позвольте мне взять для начала одного из аборигенов, и чтобы не было Бака. День, два работы в загоне может принести нам согласие.

— Я не вижу, каким образом это возможно, — возразил Сантос. — Любой абориген будет чувствовать себя стесненно, как в ошейнике, если его взять туда, а при отсутствии Бака он может напасть на *тебя*.

— У тебя есть какой-то план? — спросил Эбу.

— Ну, вообще-то, есть Докител. Он расспрашивал меня про медведя. Возможно, его заинтересуют и лошади настолько, чтобы остаться около них и узнать, что они не так уж и опасны.

— Но Бак, судя по всему, интересуется лошадьми, — высказал предположение Сантос.

Руки Кейда, опущенные за край стола, напряженно сжались. Сантос был прав, надчеловек постоянно крутился вокруг загона, задавая множество вопросов. Но Кейд не собирался скакать верхом почти через всю страну, имея напарником Бака.

— Нереально, — резкое возражение Эбу имело оттенок приказа. — Если только мы не возьмем с собой всех здешних иккинни из трудового лагеря. Мы не можем использовать иккинни без участия Бака. Правитель Сабата немедленно отберет их всех. Это его собственность, а мы лишь арендуем ее. Я не знаю, Уайтхок, почему тебе кажется, что ты добьешься успеха с Докителом, но ты можешь попробовать день или два.

Только даже дня у них не оказалось. В их распоряжении было менее пяти часов.

Кейд находился в поле, позади загона. Он пристроил легкое седло на спину жеребцу, а другое на спину ведущей кобыле. Природу лошади так и не изменили ни звездные дороги, ни прошедшие века. Табун оставался всегда таким же, каким он и был: умудренная жизнью кобыла, которая должна была вести табун на новые пастбища, и жеребец, готовый защитить своих кобыл, в прыжке подбрасывая задние копыта, а затем ударяя ими тех, кто упал сзади.

У ворот загона стояла темная фигура. Каждая линия этого тонкого тела выражала понятный, даже с такого дальнего расстояния, вызов, который пока еще не перешел в стадию неу-

правляемого взрыва. Кейд слегка раскачивался на жеребце, иногда подталкивая его ногами, чтобы перейти на рысь, и старался держаться спиной к бревенчатой стене загона. И он не упустил момента, когда Докител в ответном движении попятился назад, остановленный лишь наполовину открытыми воротами. Теперь иккинни стоял неподвижно, в то время как лошадь и всадник приблизились к нему, он разводил и сводил перед собой руки, как будто искал в пустом воздухе оружие, которое так и не материализовалось. Жеребец вытянул голову, обнюхал аборигена и энергично фыркнул.

— У зверя нет никакого копыя, — сказал Кейд. — На звездных путях этот зверь служит воинам, он не носит никакого ошейника, а лишь только вот это, — он поднял руку, демонстрируя поводья. — Как и квити, он питается травой, а не мясом людей.

Враждебность, которую он, несомненно, прочитал в глазах аборигена, не уменьшилась. Кейд знал, что следует добиться результата как можно скорее. Он свистнул, жеребец заржал, а через поле ему вопросительно ответила кобыла. Он предусмотрительно закрепил ее поводья на седле, чтобы они не запутались, и теперь она перешла на легкий галоп, чтобы присоединиться к ним, а ее сестры бежали сзади.

Бака нигде не было видно, но Кейд не мог быть уверен, что тот не наблюдает за ними. Использует ли сейчас надчеловек управление ошейниками... или нет? По крайней мере, после первой попытки сбежать Докител не двигался, хотя Кейд оставил путь отхода для него свободным.

— Воины скачут, — заметил терранец. Он протянул руку и потрогал пальцами мягкий нос кобылы.

— Нет воина. — Это было первый раз, когда иккинни заговорил. — Этот носит ошейник. — Жар злобы иссушал все вокруг, хотя абориген даже не взглянул на шокер, висевший на поясе Кейда.

— Возможно, что и так, — согласился Кейд. — Воин сражается копьём, раб с помощью колдовства из сплетенных ночью узлов.

Докител ничего не ответил на такое обвинение. Он сделал шаг вперед из своего угла, устремляясь к лошадям и всаднику, как будто подгоняемый необходимостью узнать хоть какую-то правду.

— Сеть не берет его?

— Сеть есть только на Клоре, как она может взять его, если он не с Клора?

Докител некоторое время моргал, пока переваривал этот кусочек простейшей логики. Но он был достаточно благоразумен и сообразителен, чтобы не только воспринять ответ Кейда, но и отступить назад, чтобы сделать ответный выпад, точно так же, как клинок фехтовальщика скрещивается с клинком своего оппонента.

— Этот зверь не живет на Клоре, как же тогда он может быть рабом тех, кто живет здесь?

— Есть колдовство и колдовство. Одно колдовство кочует между звездными мирами, другое же действует на людей лишь одного мира. Ничего нельзя изучить без испытаний. Испытанием были те сплетенные узлы. Они не помогли. Пусть теперь будет сделано новое испытание.

Какую-то минуту, минуту очень долгую, стояла тишина. Кейд слышал, как легкий ветер колыхал траву, слышал отдаленный крик пролетающей высоко в небе птицы. Он распустил поводья кобылы и взял их в свою руку.

Докител чуть сдвинулся с места, то протягивая, то убирая свою ладонь, сделал один, а затем и второй шаг в сторону кобылы. Она же повернула голову, безмятежно разглядывая его. Но вот морда ее опустилась, чтобы лизнуть пальцы аборигена, а Докител героически стоял, было видно, как дрожала его рука, однако он продолжал стоять.

— В седло! — скомандовал Кейд с той же резкостью, которая могла срываться лишь с губ Бака.

Если Докител и не проявлял признаков того, что хоть как-то усвоил технику обращения с лошадьми на тех импровизированных уроках, то это было лишь чисто внешнее безразличие. Он неуклюже вскочил на лошадь. Но он уже надежно держался в седле, когда Кейд вывел жеребца на открытое пространство, кобыла шла впереди, а остальные лошади тянулись сзади.

Прогулка проходила легкой рысцой, и кобыла шла чуть впереди, пока иккинни и терранец не поравнялись и теперь скакали нога к ноге. Кейд отметил, что на лице аборигена отсутствовало какое-либо выражение, но он был уверен, что значительная часть жесткой напряженности в его поведении уже исчезла. И поэтому Кейд отважился увеличить скорость и пере-

шел на легкий галоп. Они сделали круг и теперь направлялись назад к разбросанным группами зданиям форта, и Кейд вновь сбавил скорость до обычного шага.

— Воин скачет верхом, — сказал он.

Докител поднял руку вверх, туда, где находился ошейник.

— Не бывает воина, носящего вот это, звездный странник, — голова его повернулась, в глазах вновь вспыхнули красные огоньки нетерпенья. — Сорви это с нас, и ты увидишь воинов! Но это должно быть поскорее.

Тон, которым это было сказано, насторожил Кейда.

— Почему?

— Прошел слух. Вот эти — дьяволы. — Докител прочесал пальцами стриженую гриву кобылы. — Было сказано, убей, убей, убей!

— Кто убьет? Те, кто в ошейниках?

— Те, кто в ошейниках. И еще много издалека. — Докител указал подбородком в сторону территории, которая, словно чаша, охватывала форт терранцев. Там была и покрытая трещинами посадочная площадка, и выющаяся река, и бескрайнее море волнистой травы, нарушенное вкраплениями небольших зарослей деревьев, но это была мирная земля, насколько мог видеть Кейд.

— Так откуда же? — как эхо переспросил он.

И вновь, не отрывая рук от шеи кобылы, Докител кивнул в сторону реки.

— Там есть охотники. Надчеловек доведет их до убийства.

Кейд осадил жеребца и наклонился вперед, как будто разглядывая поводья, лежавшие вдоль лошадиной шеи. Но вместо этого посмотрел на берег реки. Не так близко к форту в воздухе прогудела летающая ящерица, крыльями напоминая летучую мышь, и затихла, исчерпав дальность своего полета. А направлялась она не вдоль водной поверхности, а в сторону степи. И в первый раз терранец услышал от находившегося рядом с ним иккинни звук, напомилавший скорее сдавленный смех.

— Они идут там, словно квити.

— Охотники?

— Это? — Докител аккуратно сплюнул через голову кобылы: его мнение относительно такой грубости при тайной слежке было выражено более чем живописно. — Нет. Тот, кто управляет.

— Сколько их?

— Один, кто управляет... шесть... восемь... десять. — Абориген повторил вслух последовательность управляющих кнопок с видимым равнодушием. — И еще много-много. — Его хохлатая голова вращалась на тонкой шее, как будто он хотел выразить мысль, что форт со всех сторон теперь окружали невидимые враги.

— Но зачем?

— Надчеловек говорит, что звездный странник привез демонов. Он боится. Поэтому надчеловек и управляет.

А надчеловек мог получать приказы только со Стиора! Жеребец послушался натянутой Кейдом упряжи и сжатых колен. Прямо из травы, между ними и стенами форта, поднялась цепочка людей. А от форта до Кейда доносились какие-то крики: возможно, предупреждение, возможно, ругань или удивление. Маленькие фигурки выскакивали из засады, вырывались из зарослей деревьев, вырастали из поверхности прерий. Времени, чтобы добраться до пункта управления силами форта, уже не оставалось. Кейд уже мог слышать далекий шум и крики, которые доказывали, что сражение уже началось.

Он пришпорил жеребца, переходя на безумный бег, распластавшись как можно ниже на лошадиной спине.

Воинствующие крики неслись со всех сторон, и торопливо брошенное копьё пролетело над спиной терранца.

— Убить! Убить демонов!

На этот раз копьё оставило свою отметину на плече Кейда, разорвав ткань его туники, а след его был отмечен болезненной красной линией. Но он прорвался через цепь аборигенов, которые расступились в стороны от его слившейся с седлом фигуры. Он был рядом с загоном, почти во внутреннем дворе форта.

Красное одеяние терранца было как цветное пятно на грязноватой желто-коричневой стене командного пункта. Но человек, носивший его, с трудом опирался на руки, выбрасывая вместе с душераздирающим кашлем остатки жизни, в то время как древко копья плясало между его лопатками. Кейд выхватил шокер, посылая одного из иккинни вслед за умирающим терранцем.

Вдруг, откуда-то ни возьмись, сеть захлестнула его голову и плечи, и он начал бешено сопротивляться, стараясь удержаться в седле. Натянутые нити плохо поддавались, когда Кейд дергал

их. Кобыла теснила его, в его бедро уперлось чье-то колено, в то время как чьи-то пальцы поймали его запястье и силой вырвали шокер из его руки.

— Убить! Убить!

Бак выкрикивал приказы из-за баррикады тюков. Надчеловек покрылся потом, а выражение его лица откровенно говорило об алчном нетерпении. Пальцы его лежали на панели управления, должно быть, он и превращал свою банду в свору бешеных псов с помощью этих стимулирующих силовых встрясок. Несколько иккинни колотили в дверь командного пункта, используя толстые концы копий, абсолютно бесполезные для материала, повредить который можно было только огнеметом.

Волосатая рука, вырвавшая у Кейда шокер, вновь застыла, как только шелкнул затвор, отправляя очередную порцию энергии в намеченное место. Откуда-то и каким-то непонятным образом, но молодой иккинни усвоил главное правило стрельбы из ручного оружия: навести оружие на цель — все равно что указать на нее пальцем. И теперь палец указывал на управляющую коробку Бака.

Внешне ничто не выдавало удар этой несущей энергию стрелы, пока Бак не рухнул на тюки, со ртом, перекошенным от боли, хватая руками воздух, в то время как панель управления разлетелась, выбрасывая яркий сноп освобожденной энергии.

Но Бак еще не сдавался. Возможно, целое море слепого страха и боли выплеснул надчеловек на Кейда, как на самую большую мишень в своем ближайшем окружении. Он выхватил нож, и терранец, все еще наполовину стянутый сетью, не имел возможности защищаться. И одна из этих веревок, что образовали ячейки сети, спасла ему жизнь, отразив злобное острие, которое лишь скользнуло по поверхности тела, не оставив глубокой раны.

Остальная часть сражения прошла для терранца, словно в тумане. Бак наступал, неуверенно покачиваясь, хватая руками воздух, как будто хотел разорвать Кейда. Жеребец наклонился, фыркнул и поскакал. В то время как Кейд, одной рукой зажимая кровотокающую рану в боку, второй из всех оставшихся сил вцепился в седло. Он не помнил и того, что второй всадник скакал прямо за ним, в то время как разбежавшиеся в разные сто-

роны кобылы в конечном счете собрались около своего лидера, направляясь в сторону холмов, где уже поднимались длинные и темные вечерние тени.

Кейд очень отчетливо запомнил другое. Эту сцену он запомнил на всю жизнь, как маленькую живую картинку.

Лошади и их всадники почти уже скрылись от форта за изгибом берега реки, но они все время продолжали двигаться, следуя ее изгибам, и, когда лошади наконец сменили галоп на медленную рысь, Кейд смог стать свидетелем того, как с севера появился воздушный корабль, принадлежавший Стиору. Это был не обычный грузовой перевозчик, а иглообразный боевой корабль, без сомненья, один из тех, что имелись в гарнизоне Клора.

Он сделал круг над фортом терранцев, где поднимавшийся дым говорил о продолжавшемся уничтожении. Затем, со злобещей осмотрительностью, летчик устремился вертикально вверх. Возвращение пилота к земле было медленным и страшным, потому что он направлял вниз хвостовое пламя, испепелявшее все вокруг. Если кто-нибудь из терранцев и мог выжить после атаки управляемых аборигенов, то теперь у Кейда не осталось на это почти никакой надежды. Атакованные и атакующие были одинаково сметены огнем с поверхности Клора. Для Кейда столь жестокая эффективность подобных контрмер окончательно подтверждала преступление Стиора.

Терранец кричал и пытался развернуть жеребца назад. Но поводья были вырваны из его рук, и, когда туман перед глазами от подступившей боли и слабости полностью окутал его, Кейд лишь смутно догадывался о том, что, поднимаясь вверх по реке, они направлялись в горы.

Выгнутый небесный свод над ним сейчас почернел, звезды оставляли на нем морозные искры, потому что ночь была очень холодной, как обычно в начале весны. Однако где-то слева от него было тепло и свет, тепло от накидки, покрывавшей его полуголое тело. Кейд протянул руку, трогая левый бок, и вздрогнул, когда надавил на плотную массу, наложенную на его рану.

Он слышал тихое ржанье, видел лошадиную голову, плохо различимую в слабом свете огня, метавшегося при взмахах лошадиной челки. Из темноты вышла фигура, неясно маячившая перед ним. Докител. Кейд даже моргнул, пытаясь понять, что

же было странного в облике иккинни. И лишь спустя долгую минуту его заторможенный разум понял. Шея аборигена была голой, его ошейник исчез. И, когда тот подогнул свои длинные ноги, чтобы присесть рядом с терранцем, Кейд поднял руку.

— Он свободен.

Между темных губ сверкнули белые зубы.

— Он свободен.

Его руки с длинными пальцами принялись работать над Кейдом, так что очень скоро он забыл все, кроме болезненной реакции своего тела. Потрескавшаяся масса была снята с тонкой нежной кожицы, и тут же была наложена новая порция и прижата к тому месту, которое казалось Кейду неестественно твердым. Наконец, разжав зубы, Кейд задал вопрос:

— Мы среди холмов?

— Да, мы на высоких местах, — согласился Докител. — Хозяева ошейников не могут прийти сюда. Копьеносец сбросит вниз их летающие лодки.

— А форт? — Хотя память Кейда уже хранила ответ на этот вопрос:

— Там пусто. Те оставили там лишь вонючую землю.

Кейд вынес и это. Был шанс, совсем ничтожный, что, может быть, Эбу или Че Ин, или оба вместе, все-таки *выжили*. Он был уверен, что Сантос и был как раз тем человеком, которого он видел умирающим на копье возле стены командного пункта. Каждый форт терранцев был оборудован подземным командным пунктом на случай чрезвычайных происшествий. Если двум другим удалось забраться в это безопасное место до того, как наверху все было выжжено реактивным двигателем, то существовал реальный шанс, что они могли бы выдержать там до того момента, пока не придет помощь, вызванная их сигналом SOS. Но шанс на такое спасенье был, конечно, минимален. Если же они были на поверхности, занятые перестрелкой с нападающими, в тот момент, когда корабль Стиора нанес свой удар, тогда он был бы последним из терранцев, оставшимся на Клоре.

А пока что для него эти горы, которые не патрулировались кораблями Стиора, были самым безопасным убежищем.

— А лошади?

— Одна убита копьем, — отчитался Докител. — Но остальные убежали, быстрее, чем квиту, чем слог, быстрее, чем лю-

бой иккинни или копье, пушенное его рукой. Действительно, они быстры, как ветер!

— Куда мы идем?

Докител подбросил в огонь кусок дерева, по цвету напоминавший ржавчину.

— Он свободен. Наверху много свободных воинов. Он найдется.

— Кто? Исаг?

— Исаг или другие. — Он бросил второй кусок, и пламя костра поднялось выше. Кейд приподнялся на локте и увидел стоявших лошадей, их головы были устремлены к свету, как будто они тоже просили хотя бы обещания безопасности, если не тепла от огня.

Но если Докител полагал, что этот желто-красный блик в ночи является сигналом, то немедленного ответа на него так и не пришло. И наконец пламя угасло, лишенное подпитки, в то время как Кейда сломил беспокойный, но глубокий сон.

Он проснулся от холода и от стесненности движений, холодная пленка росы мелкими пузырьками покрывала его здоровое плечо в том месте, где он, видимо, отбросил в сторону покров из легких сеток и длинных стеблей сухой травы. Болевые ощущения в боку были очень слабыми, но они тут же напомнили о себе, как только он попробовал неуклюже подняться, чтобы сесть. Ночной костер догорел, оставив лишь горсть обугленных кусков дерева да щепотку золы. Увидев это, он быстро огляделся по сторонам, беспокоясь от мысли, что его оставили одного на этом пустынном привале.

Резкий рывок вызвал прежнюю боль в его ране, как только он обнаружил, что его ноги прочно связаны вместе на лодыжках, а концы этих пут закреплены так, что находились вне его взгляда и вне его досягаемости. Кусок травянистого пластыря рассыпался, свалившись с его раны, когда он наклонился вперед, пытаясь освободить ноги. Конечно, прошлой ночью Докител не проявлял и намека враждебности. Но зачем он связал терранца, пока тот спал?

Сдерживая дыхание, хотя это и причиняло ему боль, Кейд пытался дотянуться пальцем до стягивавших его лодыжки пут. Это были крученые веревки, которые обычно использовались для плетения охотничьих сетей, и он не смог обнаружить на них

ни одного узла. Концы этих веревок исчезали между больших валунов по обе стороны от него и так удерживали его в этой надежной ловушке. Он припомнил разговор Че Ина о четырех узлах, способных прочно удерживать врага. Но это была всего лишь часть колдовства аборигенов. То, что он чувствовал и видел здесь, обрело вполне конкретную реальность.

Глава 9

Петли на его сапогах были тугими и гладкими, как будто они были сварены. И их материал не был простой веревкой, потому что его пальцы скользили по ним, как по маслу, не встречая никакой шероховатости, так характерной для плетеной поверхности. Кейд поднял голову и по степени освещенности горных пиков попытался оценить, как давно наступило утро. Да, после рассвета прошел добрый час, потому что солнце уже коснулось верхних склонов.

Твердо и мощно стояли под лучами солнца те самые три впечатляющие вершины, Наблюдатель, Сетелов и Копьеносец, которые подсказали ему, что их вчерашний побег происходил в том же самом направлении, что и охотничья экспедиция, состоявшаяся неделей раньше.

Их ночной лагерь был разбит как раз у склона, образованного из обломков давнего оползня, который оставил после себя стену из множества валунов. Кейд уловил слабое журчанье быстро бегущей воды — видимо, где-то рядом мог быть горный ручей. И звук этот разбудил его жажду. Неожиданно он почувствовал, что не хочет ничего, кроме как погрузить лицо в эту влагу и пить, пить, пить без конца.

Кейд мог видеть и то место, где еще вчера в темноте стояли лошади, наблюдая за костром. Но сейчас от них не осталось и следа, они исчезли так же, как и Докител. Взял ли их с собой иккинни, чтобы исчезнуть навсегда?

Терранец корчился и извивался, и, несмотря на боль, словно когтями рвавшую его бок, подтянул, как только смог, ноги к животу, прежде чем изо всех сил ударить ими. Путы лишь сместились на несколько дюймов, и все. Он начал разгребать руками рыхлую землю и гравий вокруг себя и даже под собой,

отбрасывая в стороны куски обуглившихся веток, стараясь отыскать камень, с помощью которого он смог бы перепилить неподатливые петли. При необходимости он даже попытался бы перетереть их, набрав пригоршни гравия.

Первая попавшаяся галька оказалась слишком гладкой. Затем он случайно наткнулся на более подходящий кусок камня, имеющий с одного конца острый выступ. Вытянувшись вперед и защищая левой рукой рану в боку, Кейд с трудом дотянулся до пут на ногах. И, словно сделанные из резины, эти связки упорно сопротивлялись его решительной атаке.

Весь покрытый каплями пота, ослабевший от многочисленных попыток и боли в боку, Кейд сел, сгорбившись, продолжая сжимать в руке камень. Он был уверен, что прошло наверняка больше часа, как он проснулся, потому что солнце спустилось еще ниже по шкале этих столь своеобразных горных солнечных часов. И так же, как он был уверен в текущем времени, он был уверен и в том, что Докител бросил его, хотя Кейд так и не мог уяснить, зачем было беспокоиться о его ране, перед тем как оставить его здесь одного. Если только этот иккинни не оставил его связанным либо как жертву этим трем застывшим горным божествам, либо как добычу для преследователей со стороны Стиора.

И последнее предположение подтолкнуло Кейда ко второй атаке на стягивавшие его ноги петли.

Запах от высохшей припарки, смешанный с запахом собственного пота, переполнял его ноздри, но, видимо, он не был достаточно сильным, чтобы полностью заглушить доносившийся до него иной запах. Кейд начал осознавать его присутствие очень медленно, до того был поглощен собственным сражением с упрямыми петлями. Этот новый запах до отвращения зловонный, такой зловонный, что он больше не мог ошибаться в присутствии страшного врага — саси. Кейд сжался, поднял голову, ноздри его непроизвольно расширились.

Если хоть раз вдохнуть этот тошнотворный запах, то больше никогда уже не забудешь его. И толчок, который запустил память Кейда, чтобы как-то идентифицировать этот душок, последовал от воспоминаний о выделанных или частично выделанных шкурах, которые ему попадались еще в форте. Этот же

был настолько устойчив и силен, что мог исходить только от живого животного. Животного? Скорее от живого дьявола!

Састи, живущие в горных пещерах, были достаточно опасны, имея рвущие когти и острые клыки. Но у них были собраты, которые были гораздо больше, чем просто живая опасность. Это были существа, охотящиеся индивидуально, тщательно отслеживающие добычу, и которые, в зависимости от желания, могли летать с помощью крыльев или ползти на всех четырех лапах, у них было тело размером с человека, они были необычно прожорливы и имели ненасытный аппетит. А поскольку они с удовольствием питались как падалью, так и живой добычей, то мгновенно вызывали отвращение. Кейд начал сжиматься от страха, когда начал предполагать, зачем он был связан и оставлен здесь, хотя истинная причина, стоявшая за этим фактом, по-прежнему ускользала от него. Ведь для Докителя было бы куда безопасней воспользоваться копьем и покончить с ним чисто и быстро.

Этот смрад был теперь почти различимым облаком гниения. Но, хотя терранец и напрягал слух в поисках малейшего шороха и звука, которые могли бы подсказать о направлении, откуда может появиться неожиданная смерть, он не слышал ничего, кроме посвистывания ветра в ветвях деревьев и постоянного журчания этого дразнящего ручья. И только нос подсказывал ему, что састи мог быть где-то совсем рядом.

Кейд извивался во все стороны, тщетно стараясь вырваться из своих пут, освободиться от петель. Наконец он смог слегка приподняться, опершись спиной о булыжник. Полуголый, не имея ничего, кроме камня в руках, он оглядывался по сторонам в поисках другого возможного оружия. В его сознании результат предстоящего сражения был предreshен, и отнюдь не в его пользу.

Шокер его давным-давно исчез, но он все еще носил пояс с пустой кобурой. Тут Кейд лихорадочно рванул пряжку, державшую пояс. Он держал в руке пояс из мягкой кожи, при этом пряжка и кобура свисали на его противоположном конце. Теперь он для пробы покрутил пояс, прикидывая, что он мог бы сделать из него своего рода примитивный хлыст. И зажав эту плетель в правой руке, а камень в левой, терранец прижался спи-

ной к скале, чтобы ожидать прыжка, который, как он был уверен, может произойти в одном из трех направлений.

Как раз против остатков костра было открытое пространство, единственная тропа, которую выбрал бы састи. Этот зверь имел репутацию хитрого охотника, и его особи безжалостно уничтожались, равно, как и их детеныши. Поэтому теперь хитрость, должно быть, стала одним из его врожденных качеств.

Завалы камней (след старого оползня) слева от Кейда сформировали постепенно понижающуюся стену, своего рода дамбу из малых и больших валунов, грубых, устойчивых, но все-таки недостаточно удобных для стремительного броска. И если кто-то или что-то попыталось бы пересечь их, то наверняка оказалось бы на виду в течение нескольких мгновений перед тем, как прыгнуть на Кейда. Терранец надеялся, что все-таки это будет тропа. Он высоко поднял голову, пытаясь проверить по запаху, где находится его источник.

Наибольшую опасность представляло пространство справа от него. Там, футах в пяти, виднелись заросли кустов. Он мог даже разглядеть сломанные сучки в том месте, где, возможно, Докител ходил за топливом для костра и за мелкими ветками, которыми он укрыл Кейда, перед тем как оставить его. Но растительность была достаточно плотной, чтобы спрятать там целый отряд иккинни, задумай аборигены пробраться через них. Но были ли эти кусты достаточно густыми, чтобы помешать нападению летающего састи?

Кейд вращал пояс то туда, то сюда, пытаясь привыкнуть к столь необычному оружию. Он мог бы использовать пояс и как молот, со слабой надеждой, что кобура может попасть в какую-нибудь чувствительную точку, например, в глаз. Но надежда такого рода была столь мала, что казалась почти неосуществимой. И, раздумывая об этом, он медленно поворачивал голову от нагромождения камней к зарослям кустов, стараясь уловить любое предательское движение зверя, который должен быть где-то рядом.

Такое ожидание действовало ему на нервы. Концы пояса хлопали его по брюкам. Кейд напрягся, прижавшись к скале, вновь вступая в поединок с петлями на ногах. Свободный, он, возможно, имел бы шанс, хотя и очень маленький, но все-таки шанс. И тут его сердце глухо стукнуло, как раз в тот момент,

когда одна из веревок, уходящих в сторону камней, неожиданно подалась, так что он едва не упал. Эта прочная эластичная нить мягкими складками легла на землю, как будто сама выползала меж двух камней прямо к нему. Эта сторона была свободна!

Но на большее у него просто не было времени. Саси уверился, что перед ним уже не насаженная на крючок приманка. С диким ревом, вырывавшимся из крокодильего вида пасти, если только крокодилы носили меховую шкуру и имели стоявшие торчком длинные уши, и с шумом, частично создаваемым громко хлопающими кожаными крыльями, ночное чудовище, населяющее дебри Клора, прорвалось сквозь кусты и стремительно бросилось к Кейду.

Терранец, прежде чем замахнуть поясом, швырнул свой камень, используя его как маломощную первую линию обороны, который устрашающим ударом треснул саси прямо по выступающему рылу. Когти на верхних кромках крыльев, скрывавших передние конечности, ударили вниз. Каким-то образом Кейд уклонился от этого первого удара, услышав, как когти проскребли по скале в том самом месте, где он только что стоял. Остался только один шанс — удар поясом. Он ощутил и увидел, как импровизированная плетть стегнула морду зверя. В следующий момент одно из кожаных крыльев выбросилось вперед, и Кейд беспомощно распластался на каменной стене, его лицо зарылось в вонючий, изъеденный паразитами мех. Поднялась одна из мощных задних лап, один скребок которой распотрошил бы его насмерть.

Раздался пронзительный вопль, который явно испускал не саси. Кейд, чья голова была придавлена кожаным крылом, почувствовал, что хищник еще сильнее прижался к нему, как будто побужденный к этому каким-то внешним ударом. Затем, когда он глотнул свежего воздуха и протер глаза, вес зверя больше не давил на него.

С быстротой, в возможность которой, для существа, столь неповоротливого на земле — Кейд не смог даже поверить, — этот дьявол Клора двинулся навстречу новому врагу. Кейд увидел, как, словно вспышка, метнулись вверх копыта и резко опустились вниз, с силой наносящего смертельный удар топора. Одно из них попало прямо на крыло, втапывая стоявшего на четвереньках саси прямо в песок. И прежде чем это мерзкое

существо смогло отбиться, жеребец, в неудержимой ярости и с пронзительным ржанием, запустил свои мощные зубы в загривок састи, отрывая шерсть с кусками мяса.

Кейд и раньше слышал об отчаянной свирепости жеребцов, дерущихся за главенство над табуном. Однажды он даже видел такую смертельную дуэль. И здесь проявилась все та же воплощенная ярость, все то же смертельное желание победить, но обращенное не против своего лошадиного собрата, а против инопланетного существа.

Састи не был готов к такого рода встрече, и ему так и не удалось восстановить превосходство, потерянное при первом ударе. Поскольку жеребец имел возможность подниматься над своим врагом, используя острые грани подкованных копыт на передних ногах, как использует свои руки боксер, он неоднократно бил копытами сверху крылатое существо, и каждый его удар ломал кости, каждое движение зубов выдирало длинные куски мяса. Кейд никогда еще не видел столь грубой и кровавой работы и мог с трудом поверить, что животное, так послушно подчиняющееся командам, могло за какие-то секунды, превратиться в злобного дьявола.

Еще долго после того, как састи должен был умереть, жеребец продолжал топтать его тело. Затем все четыре ноги застыли на земле, шея вытянулась так, чтобы раздувавшиеся ноздри могли обнюхать сплошную массу из сплюснутых костей и покрытого кровью меха. Жеребец с отвращением заржал. Он резко поднял голову, его черная челка высоко взлетела, и он издал пронзительный звук, объявляя о триумфальном завершении своего сражения.

Кейд раздирал остатки стягивавших его петель, вкладывая в это последние силы. Петли поддавались неохотно, но он уже мог распускать и стягивать их, пока наконец не выскочил из них после нескольких энергичных рывков ногами. Жеребец начал удаляться, быстро шагая между кустами и стеной булыжника, и терранец отправился за ним.

Он отыскал лошадь, покрытую пятнами пены, вдоль одного из плеч жеребца тянулась красная полоса, доказывавшая, что он не вышел из этой битвы без единой отметины, передние ноги его стояли почти до колен в воде, а он продолжал пить, подхватывая прозрачные, как топаз, бурлящие гребни. Здесь же,

по другую сторону от воды, раскинулся небольшой, но богатый травой луг. Но, против ожиданий Кейда, кобыл на нем не было.

Терранец приблизился к лошади. Голова коня взметнулась вверх, разбрасывая капли воды на руку Кейда и уклоняясь от прикосновения. Лошадь все еще таскала седло и поводья, свободно болтавшиеся на недоуздке.

Кейд успокаивающе свистнул, но лошадь фыркнула и дернулась в сторону от человеческой руки. И тогда Кейд понял, что от него должно быть все еще исходил дурной запах састи. Присев около ручья, на достаточном расстоянии от лошади, он облил холодной водой голову, плечи и грудь, где зловонный мех испачкал его тело, ощутив при этом невыносимое жжение в ране. Скрипящий песок стер остатки дурного запаха, напомиравшего о мерзком прикосновении. И теперь конь позволил ему подойти ближе, чтобы он мог слегка прикоснуться к его ране на плече мокрым пучком травы. Кейд с облегчением заметил, что борозда была неглубокой. Но появление жеребца без кобыл и полное отсутствие каких-либо признаков Доки-тела продолжало удивлять его. И что могло побудить коня к такой атаке на дикого зверя, который как раз ему-то никак не угрожал?

Кейд слышал на своей планете истории о лошадях и мулах, сражавшихся с горными львами, которые впоследствии переносили эту злобу на больших кошек и сознательно разыскивали семейство кошачьих с единственной целью и желанием отомстить им, как самым заклятым врагам. И это было, пожалуй, очень близко к той реакции, что проявлял в подобных ситуациях человек. Однако этот жеребец никогда раньше не мог встретить састи, и, естественно, Кейд не пытался приучать животных к подобным рефлексам с момента их прибытия на Клор. Или необычно тщательная подготовка этих животных ко всем опасностям Клора была сделана еще ранее, или же састи своим отвратительным запахом и даже одним своим появлением возбуждал ненависть и отвращение в новом иммигранте. В любом случае жизнь Кейда была спасена благодаря этому обстоятельству, и он был весьма благодарен за это.

Но оставался вопрос, что делать дальше. Куда им идти? Ведя под уздцы жеребца, Кейд перешел поток и наконец нашел то, что очень надеялся отыскать: отпечатки подков четко вырисо-

вывались на мягком илистом грунте покатога берега. Если бы следы и дальше оставались бы такими же отчетливыми, как эти, ему не составило бы труда преследовать лошадей и, возможно, отыскать, куда исчез Докител и кобылы.

Забравшись в седло, Кейд направил лошадь через долину, делая остановки, чтобы, время от времени изучая тропу, отыскать знакомый след. Может быть, лошади оставили тот след просто случайно, бегая на свободе вдоль ручья, или иккинни, не желая иметь неприятностей, постарались скрыть улики их побега.

Луг вытянулся узкой лентой, теперь накрытой тенью от поднимавшихся стеной гор, и начинал подниматься вверх, сначала постепенно, а затем под более и более крутым углом. Кейд изменил свое мнение, что животные выбрали эту тропу по собственной прихоти. При наличии воды и травы в долине они ни за что не отправились бы в горы. Тем не менее то здесь, то там попадались глубокие отпечатки копыт, оставленные либо небольшим уходящим табуном, либо возвратившимся жеребцом.

Кейд остановился на верхней точке подъема, чтобы дать передышку коню, по старой привычке, свойственной людям его племени, соскочил с седла и ослабил подпругу, чтобы воздух лучше циркулировал под самым седлом, после чего, стараясь быть незамеченным, осторожно прошел к самому краю начинавшегося впереди спуска.

Раскинувшийся перед ним склон был лесистым и укрыт жестким ковром из густых зарослей карликовых деревьев, характерных для высоких мест. Ветер прорывался сквозь них, неприятно обдавая Кейда резкими порывами. Но на этом изгибе холма гулял не только ветер. Не было никаких сомнений относительно тех небольших движущихся точек, поднимавшихся вверх с упорной настойчивостью животных, движимых инстинктом возвращения к дому. Кобылы! И ни на одной из них не был виден всадник.

Кейд бесстрашно свистнул, и каким-то чудом воздушный поток донес этот призыв до чувствительных ушей скачущих внизу лошадей. Ведущая кобыла громко заржала и ускорила бег, ее сестры не отставали от нее. Посыпались камни, и стоявший позади Кейда жеребец издал собственный призывный зов.

Когда кобылы достигли гребня, они были все в поту, с вытаращенными глазами и ослепительно белыми белками. Их шерсть задубела, покрылась засохшей пеной, а хвосты были полны поломанных сучков и коры. По всем признакам, они скакали издалека и очень быстро.

На ведущей кобыле все еще оставалось седло, а поводья зацепились за него с одного края, свободно свисая на другом. Седло при этом было свернуто, и вдоль его края...

Кейд провел пальцем. Тот оказался вымазан кровью, по оттенку отличающейся от его собственной и частично подсохшей. Эта капля, должно быть, некоторое время пробыла на воздухе. Но ее присутствие в таком месте убеждало в том, что была более зловещая причина для исчезновения Докителя. Абориген был убит? Но где? И почему он поскакал на кобыле, уводя с собой лошадей и оставив беспомощного Кейда одного в пустом лагере? Терранец неоднократно пытался сложить полную картину из фактов и подозрений, но они так не складывались друг с другом.

В конце концов он привел лошадей назад, в долину, полагая, что они будут этим довольны. Ручей дал и ему первую пищу за сегодняшний день: это была рыба, плоская, вытянутая, неприятно напоминавшая змею, но он знал, что она съедобна даже в сыром виде, и проглотил ее быстро и решительно, как необходимое для его тела горючее.

Рыба к тому же предоставила ему то, что он хотел иметь так же сильно, как пищу: оружие, или, по крайней мере, его начальную стадию, которая, если приложить немного тщательного труда, может исправно послужить как таковое. Крепкий спинной позвонок, лишенный мелких выступов, заостренный, просто готовый кинжал, узкий и почти такой же смертельный, как сталь.

Интересно, окажется ли такой кинжал полезным против бластеров Стиора или копья иккинни? Но, имея в руках хотя бы его, Кейд чувствовал себя не таким безоружным. И он трудился над его улучшением почти всю вторую половину дня, одновременно продолжая строить планы на будущее.

Властители Стиора, после безжалостной атаки форта терранцев, были вынуждены уничтожить любых оставшихся свидетелей как можно быстрее и решительнее. Предположим, что они подозревают о факте его выживания и будут посылать от-

ряды охотников для прочесывания развалин в поисках его или устанавливать засады на путях, ведущих к форту, чтобы схватить его там. В этих условиях для него логичнее было бы вступить в контакт со свободными иккинни, среди которых был Искаг и другие сбежавшие вместе с ним. Это и должно было бы стать еще вчера его первым делом, до того как он проснулся связанным, будучи легкой добычей для састи. Теперь же могло быть и так, что ему следует бояться аборигенов, равно как он боялся их угнетателей.

Однако третья перспектива была столь опасной, что попытка действовать в этом направлении требовала особенно тщательной подготовки, включая время на разведку, засаду и изучение местности. Чтобы добраться до разрушенного форта, Кейд должен был бы ускользнуть как от патрулей Стиора, так и от аборигенов. И даже если он добрался бы до этого места, то вполне возможно, что не смог бы найти тот скрытый командный пункт или вызвать корабль спасения вовремя. Но он смог бы отправить предупреждение о том, что случилось на Клоре.

Кейд легкими осторожными движениями шлифовал острие своего костяного кинжала. Разведать территорию было бы для него не так трудно, и, кроме того, он должен был бы оценить позиции Стиора. Это он с успехом может попытаться проделать завтра. Он был в некоторой степени уверен в дороге отсюда на запад, и был готов добраться до какой-либо достаточно высокой точки в районе холмов, откуда в полдень был бы виден форт.

Терранец последовал примеру Докителя и, собрав кучу подсохшей травы, залез под нее и, пока не уснул, прислушивался к движениям лошадей, понимая, что они обязательно поднимут тревогу с приближением незнакомцев.

Кейд проснулся вскоре после рассвета, услышав тихое ржание ведущей кобылы, когда она спускалась к ручью. Он выбрался из своего гнезда и тоже подошел к воде. Следуя древним обычаям охоты и военных походов, Кейд выпил воды очень немного, потуже затянув пояс на животе. В тот момент, когда он огибал груды камней у лагеря Докителя, некое крылатое существо скользнуло с вычищенного скелета састи, и еще два,

размером чуть меньше, перед тем как улететь и скрыться, скосили свои злобные красные глаза в его сторону.

Взяв ориентацию от трех вершин, терранец направился к западу. Ему предстояло обойти две неприступных скалы и время от времени останавливаться, чтобы скрывать все возможные признаки своего передвижения. Около середины дня он достиг своей цели. К тому времени, когда Кейд поднялся на уступ, солнце приятно согрело его плечи, и он уже не жалел о потере своей куртки. На фоне песка и земли его бронзовая кожа и тускло-коричневая ткань брюк должны были быть незаметными.

Хотя от форта его отделяли многие мили, нельзя было ошибиться в том глубоком рубце, который оставил огненный вал Стиора на том самом месте. Не осталось ни одной стены, только круглое пятно почерневшей земли слабо поблескивало под солнцем, где смертельный жар огненного хвоста корабля превратил землю и песок в черный шлак.

А на что еще мог он надеяться? Останься там кто-нибудь живой, они должны сидеть под землей, и их единственная надежда на спасенье должна прибыть с другой планеты. Кейд перевел взгляд с этого пятна на ближайший пейзаж. На его стороне было одно небольшое преимущество: Стиор ожидал, что терранец будет поставлен в тупик, если окажется один на один с дикой природой Клора, а отряды надлюдей, посланные на розыски всех предположительно оставшихся в живых, будут слишком самонадеянны.

Такая оценка врага подтвердилась, когда Кейд стал осматривать подножье холма прямо под тем выступом, на котором стоял. Там, внизу, определенно были охотники. Он смог разглядеть два отдельных отряда, направлявшихся к востоку, они передвигались открыто, растянувшись цепочкой, как победители, отправившиеся за легкой добычей. Не было никаких сомнений, что рано или поздно кто-то из тех, что сейчас внизу, нападет на след, позавчера оставленный лошадьми, и, следуя по нему, выйдет в долину сати. А это означало, что он должен уходить и поискать более надежное укрытие.

Кейд только начал осторожно спускаться со своего наблюдательного пункта, как вдруг застыл, прислушиваясь к отголоску знакомого звука, реву космического корабля, опускавшего

гося на площадку приземления форта. И при солнечном свете серебристый корпус спускающегося разведчика терранцев был одновременно похож как на простое природное явление дрожащего воздуха, так и на карающий удар молнии.

Глава 10

Если Кейд был только поражен неожиданным прибытием корабля терранцев в небо Клора, то поисковые отряды внизу выдали свое волнение той быстротой, с которой попытались укрыться. И хотя он больше не мог видеть их, но знал, что они по-прежнему есть и являются барьером между ним и этим кораблем, сейчас совершающим посадку вблизи исчезнувшего форта. У него так и не было ни малейшего шанса добраться до спасательного отряда.

Но он продолжал наблюдать за их активностью с напряженным вниманием. Попытается ли Стиор атаковать этот отряд с воздуха? Или они пришлют один из своих быстроходных заатмосферных крейсеров с Кора и продолжат преследование, когда корабль терранцев вновь поднимется вверх? Кейд не понимал, как они могут позволить, чтобы история о разрушенном форте стала известна на Торговой Базе. Если бы Стиор не совершал этой огневой атаки, а предоставил бы доказательства нападения аборигенов, то можно было бы все успешно свалить на мятеж иккинни, не против терранцев, а из-за импортированных лошадей. Пока Кейд лежал на своем выступе, подперши голову руками, такой план ему казался вполне логичным.

Но почему же они все-таки испортили этот план огневым ударом? Что вышло не так? Если только... если только они не узнали об испорченной коробке управления Бака! Разве могли быть спокойны правители Стиора при таких действиях рабов, наблюдая за ними со стороны и зная, что иккинни наконец-то получили оружие для своего освобождения? Приказали ли они загнать в огненную ловушку и своих, и терранцев по одной-единственной причине, чтобы быть уверенными в том, что никакой шокер никогда больше не попадет в руки иккинни и что если они будут действовать быстро и им повезет, то слухи об использовании такого оружия не дойдут до остальных рабов?

Это могло бы быть ответом, если бы не одно но... риск блокады со стороны Торговой Базы в обмен на покорность своих рабов? Как он мог соизмерять процессы мышления Стиора со своими собственными? Риск для них, как могло оказаться, был тяжелее на другой половине весов.

В любом случае кто-то был достаточно напуган или достаточно разозлен, чтобы отдать приказ об огневом ударе. Будет ли атакован только что приземлившийся корабль?

Минуты шли, но ни один из кораблей Стиора не появился над горизонтом. Не было никаких признаков жизни и внизу, где отряды охотников зарылись в землю. Кейд, несмотря на расстояние, мог различить фигуры, появившиеся на трапе корабля и направлявшиеся к застывшим остаткам форта. И он вновь задумался о том, удалось ли Эбу или Че Ину скрыться внизу и все еще оставаться в живых под остекленевшей от пламени поверхностью?

Возобновившееся оживление под его наблюдательным пунктом отвлекло внимание Кейда от горелого пятна на поверхности прерии. Началось новое движение, не в сторону степи, а вверх по склону, прямо к нему. Минуту или две ему казалось, что он обнаружен и рабы посланы, чтобы захватить его.

Если вновь пришедшие хорошо знали эту местность, они могли бы пойти в обход того выступа, на котором он полулежал, прижимаясь к земле, чтобы отрезать ему пути к отступлению. И Кейд не отважился предположить, что они не понимают этого: слишком много отрядов было собрано для поисков в этих холмах. Ему следует уходить немедленно.

Терранец бросил последний долгий взгляд на место вокруг корабля. Те маленькие фигурки, представлявшие сейчас его родную планету, собрались в одной из точек опаленного круга. Его догадка о том, что по крайней мере один из членов их отряда, находившийся в подземном пункте, остался в живых, должна быть верной, и они готовились к тому, чтобы выпустить узника подземелья на свободу. Кейд разглядывал участок неровной, покрытой густыми зарослями деревьев земли, лежавшей под ним, и широкий изгиб открытых прерий. Попытаться пересечь мили этого пространства означало просто подставить себя под удар копья... или бластера, если Стиор все-таки выдал надлюдям более мощное оружие. Кейд

не имел ни малейшего шанса безопасно добраться до корабля, и это было самой горькой правдой, которую нельзя было не принять.

Но предположим, что корабль-разведчик благополучно улетит вместе с тем или теми, кому удалось выжить? Ведь теперь останется открытой та подземная комната, откуда он мог, пусть позже, но попытаться отправить свой собственный сигнал бедствия. Это была надежда, за которую ему следовало держаться, несмотря на вынужденное отступление.

Кейд осторожно спустился со своего уступа, направляясь вниз со склона, который, как стена, вставал между ним и единственной поддержкой, на которую он мог бы рассчитывать, используя искусство, известное каждому охотнику... и его добыче... тщательно маскировать свой след.

Кейду пришлось заползти под сваленное дерево и тихо лежать там, стараясь изо всех сил заглушить даже биение сердца и шум дыхания, когда рядом с ним, почти на расстоянии вытянутой руки, остановился иккинни, поднявший голову и раздувавший ноздри, как будто мог в легком утреннем ветерке, растрепавшем хохолок на его голове, уловить запах инопланетянина.

Кейд даже заморгал, когда заметил, что этот старательный следопыт не носил ошейника. Если иккинни-рабы были выпущены в горы, то их свободные собратья тоже пришли в движение, чтобы не оказаться в непосредственной близости от надлюдей и управляемых ими отрядов.

Терранец наблюдал за аборигеном, скрывшемся в кустах, и еще несколько долгих минут лежал в своем укрытии, пока не убедился в правильности выбранного пути, который не заставит его идти по чужому следу. Кейд так часто путал свои следы, что и сам был откровенно удивлен, когда вновь вышел к тому самому лугу, где паслись лошади. День уже клонился к закату, а он все стоял в укрытии и наблюдал за животными.

Но покой этой сцены действовал ободряюще, особенно когда жеребец нарушил бдительность и поприветствовал Кейда. Если бы на месте терранца был бы иккинни или кто-нибудь от Стиора, весь маленький табун, Кейд был уверен в этом, ускакал бы прочь еще до того, как непрошенный гость смог бы приблизиться к животным на дальность выстрела из бластера.

Однако с охотниками, проникающими в горные долины, ни человек, ни лошади оставаться не собирались, несмотря на наступающую ночь. Кейд сел на ведущую кобылу и направил ее назад, по пути, который он проделал днем раньше, и был рад, что остальные с готовностью потянулись за ними, а жеребец охранял теперь свой табун с тыла.

Терранец прибавил скорости, намереваясь миновать неровную заросшую бурьяном местность до захода солнца. Но он останавливался всякий раз, когда им приходилось выезжать на открытое место, чтобы оглядеться вокруг. И ему стало жаль, что у него не было возможности уничтожить их следы.

Они возвращались назад, в сумерки леса и гор, к заросшему деревьями склону, где незадолго до этого он и встретил кобыл. И в этот момент ведущая кобыла, на которой он скакал, нервно заржала, вынужденная прибавить шаг. Однако Кейд не мог разглядеть ничего, кроме безлюдной местности, раскинувшейся внизу под ними, и к тому же он был уверен, что они находятся на приличном расстоянии от отрядов охотников. Оставался еще тот, свободный иккинни, но Кейд не забывал о той крови, что оставила отвратительное пятно на кромке седла рядом с его коленом.

Он позволял кобыле выбирать путь, пока она придерживалась общего выбранного им направления. И теперь она двигалась осторожно, останавливаясь, чтобы хорошенько обнюхать воздух и проинспектировать многочисленную растительность впереди себя. Раз или два жеребец фыркал, как будто ему надоело столь медленное движение, но тем не менее не бежал вперед.

Кейд ощущал сильный голод и не мог припомнить подобного случая, кроме той поры, когда он соблюдал пост перед обрядом совершеннолетия, и сейчас, в тени деревьев, ему было еще и холодно. А это означало, что рано или поздно ему придется выбрать место для лагеря.

Кобыла резко остановилась, наострив уши, и на этот раз жеребец присоединился к ней, весь его вид выражал заинтересованность в чем-то скрытом от менее острого слуха Кейда. Но по-прежнему не было ничего видно, кроме деревьев, редкого подлеска и неровно покрытых сумерками окрестностей.

Но вот легкий ветер, который приглушал звуки, на минуту затих, и Кейд уловил в воздухе какое-то дрожание... едва ли что-то большее, чем это. И только ритм этих слабых ударов выдавал их искусственное, наверняка созданное людьми происхождение, и он все больше убеждался в этом, чем дольше слушал эти звуки. И уж вряд ли отряды охотников Стиора будут рекламировать свое появление вот таким способом.

Деревня или сборище горных иккинни? Продолжение какой-то церемонии? Или... Его воображение рисовало другие объяснения. Он надавил пяткой на выпуклый бок кобылы, поторапливая ее. И, как только она подчинилась, эта слабая пульсация звуков стала громче. Затем какой-то порыв ветра донес эти звуки уже в виде регулярно чередующихся, напоминавших звуковую лестницу ударов. И его кровь отозвалась на этот инопланетный ритм учащенным бегом, а сердце начало биться в такт этому барабанному бою.

Человек и лошади вышли из зарослей деревьев на поляну, и здесь звук барабана был слышен словно в эпицентре вибраций, которые давили не только на барабанные перепонки, но и на нервы слушателя. Лошади беспокойно ржали. Наконец жеребец попятился и издал громкое ржанье, в то время как его передние копыта пытались ударить небо. Кейд слишком поздно ухватил свободно висящие поводья, понимая, к чему может привести такой боевой вызывающий клич, разнесенный эхом вокруг них.

Однако не произошло никакого сбоя в рокоте барабана или барабанов, как не последовало никакого ответного движения в окружавшей их тени, из чего следовало, что барабанщик оповещен о незнакомцах. И Кейд понял, что он должен обнаружить источник, откуда исходил этот барабанный бой.

Он соскочил с кобылы и привязал ее за поводья, уверенный, что остальные не отойдут от нее слишком далеко. Затем, доверившись боевой силе жеребца, решил отправиться на нем, увлекаемый этим раскатистым звуком.

К счастью, сумерки полностью еще не наступили. Конь перешел на легкий галоп, и так они быстро пересекли полосу голый земли, покрытой, как оспинами, низкорослыми растениями, резко контрастировавшей с расположенными выше буйно заросшими участками склона. Они оказались в ложине, промытой бурными сезонными потоками, а сейчас высохшей, плотной

и гладкой, вполне пригодной для того, чтобы служить дорогой. Теперь легкий галоп перешел в скачку во весь опор. Жеребец испугался, когда одна из длинноногих бескрылых птиц выскочила справа от него. Но, когда это существо продолжило свой бег прямо впереди них, он, как показалось, принял этот взрыв скорости у своего неожиданного компаньона по скачкам как стимул, и широкий шаг его сильных ног увеличился еще более.

Барабаны теперь звучали громче, разнося постоянный громовой рокот. И, вероятно, они действовали и на лошадь, пытаясь подчинить ее. Но человек не терял голову и старался управлять своим конем, в то время как красноватый свет впереди них подсказывал ему, что он, должно быть, приближается к главному месту действия.

Бежавшая в нескольких ярдах впереди жеребца птица издала мяукающий крик, сделала неожиданный кривой зигзаг в сторону, который и насторожил Кейда. Он вновь отпустил поводья, слегка ударил жеребца ногами, заставляя сделать прыжок, наклоняясь как можно ниже, насколько позволяла спина лошади. Там виднелась тень, припавшая к пересохшему руслу водного потока, которая поднялась, словно пружина. Лошадь прыгнула, а тень с ужасным криком пронеслась мимо.

Теперь, когда Кейд натянул поводья, он обнаружил, что лошадь не слушается его. Имея свободное время, он, может быть, и справился бы с жеребцом, но пока терранец мог только стараться удержаться в седле и ждать, когда приступ бешенства у животного пройдет сам собой. Кейд уселся так, что его колени оказались под распушенной подпругой седла, и скакал, как это делали его предки во время охоты на буйволов в местах, отстоящих отсюда почти на половину галактики, разумно полагая, что так скорее всего не выпадет из седла. Как только лошадь и всадник завершили поворот, проделанный бурной водой в русле пересохшего потока, свечение перед ними стало более ярким, в нем теперь выделялись вздымавшиеся к небесам две световые колонны.

Жеребец, не чувствуя понуканий со стороны всадника, начал сдерживать свой безрассудный бег, как только они приблизились к огням, и в конце концов остановился. И, когда лошадь попятилась назад, издавая неистовый вопль, Кейд по-

нял, что принятые им меры, чтобы не вылететь из седла, были вполне уместны.

И он отчасти предполагал, что могло находиться впереди них, потому что никогда не забудет тот смрад, тошнотворный запах от которого проникал через мягкий запах дыма и горящего дерева. Где-то там, сзади туманного блеска этих огней-близнецов, находился састы, или живой, или убитый совсем недавно.

В первый момент эти огни ослепили его. Затем, когда жеребец приноровился к их сложному, извилистому пути, полный подозрений и осмотрительности, терранец охватил эту сверхъестественную картину во всем ее объеме.

Перед ним, по каким-то причудам природы, был как будто специально выдолблен настоящий амфитеатр в форме подковы, три откоса которого поднимались от голой песчаной поверхности, а четвертый был обращен к узкому проходу, по которому двигался Кейд.

Эти склоны были заполнены зрителями, вдоль подковообразной кромки происходило постоянное движение, то здесь, то там обретая неожиданную резкость. Как только световые колонны слегка колыхались, начинали мелькать лица иккинни. Да, это явно были зрители: так много аборигенов собрались в одном месте. Такого Кейду никогда не приходилось видеть раньше. Он натянул поводья, обнаружив, что жеребец все еще не подчиняется командам. И, если бы он не выпрыгнул из седла, он так бы и въехал в световой туннель между этими огнями.

Кейд вытащил костяной нож, понимая всю бесполезность этого оружия против копий, которые наверняка встретят его. И он умолял жеребца, используя и голос, и поводья, но все было тщетно. Потому что лошадь по-прежнему намеревалась идти вперед по какой-то странной кривой, ее копыта двигались в бесконечном танце то вперед, то назад. Затем выгнутая дугой шея жеребца опустилась, и переднее копыто выбило фонтан гравия и песка.

Какая-то фигура выдвинулась почти в середину пространства между огнями, но находилась все еще в нескольких ярдах от тех двух, что сейчас стояли в ущелье. И Кейд увидел в полном объеме самый центр этого сбирища.

Там стоял иккинни, вооруженный копьем и сетью, хотя сеть он держал в руках, а копье лежало на земле, причем одна нога

его стояла на древке. Внимание Кейда, привлеченное мерцанием огня на острие оружия, отметило круглое кольцо веревки на лодыжке стоявшего аборигена: нечто, что он еще очень хорошо помнил. Это был пленник, его ноги были связаны точно так же, как и у Кейда в том пустом лагере. Пленник — и тем не менее, вооруженный типичным для его народа оружием, привязанный за ноги...

И это зловоние састи!

Жеребец двигался вперед, его голова была странно наклонена, как будто он почуял след, который находился на фут или два выше поверхности земли. Шаги лошади были осторожными и короткими, и Кейд чувствовал, как напряглись мышцы животного, ощущал нарастающую энергию атаки.

А затем случилось так, что, должно быть, собравшиеся в амфитеатре аборигены впервые обратили внимание и на лошадь, и на всадника. Крик, суеверный страх, пронзительные вопли обрушивались из какой-то верхней точки склона слева от Кейда. Он услышал целый хор ответных криков и с других едва различимых секторов амфитеатра. Узник-иккинни повернулся, припадая к земле, и Кейд увидел его лицо. Его вовсе не удивило, что узник этот был Докител.

Как бывший раб из форта попал сюда, Кейд не знал, но то, что он был возвращен в свое прежнее положение для развлечения или назидания врагам своего собственного рода, было ясно. И природа опасности, ожидавшей его, становилась все очевидней с каждым вдохом зловонного воздуха, который втягивал Кейд.

Не сомневался терранец и в том, что животное, на котором он сидел верхом, без всякого сомнения, было приучено на своей природе или тренировками на другой планете разыскивать и уничтожать источник такого запаха, то есть живого састи.

Жеребец по-прежнему продолжал свои неуклюжие танцующие движения в сторону Докителя. И крики, отметившие появление лошади и всадника, неожиданно смолкли. Но ни один зритель так и не двинулся, чтобы помешать ни Кейду, ни его лошади. Возможно, думая о терранце по-варварски, воспринимая его неумелый захват абсолютно неуместного в этой ситуации костяного ножа скользкими от пота пальцами, они возна-

мерились получить развлечение, которое будет интереснее по меньшей мере втрое, чем они думали.

Докител, после первого испуганного взгляда на вновь прибывших, снова отвернулся от них на пол-оборота, вся его стойка выдавала готовность к действиям, тогда как он внимательно смотрел в какую-то точку позади огней, на закругленный край подковы, явно ожидая опасность именно с этого направления.

Жеребец полностью вошел в полосу света, и Кейд обдумывал, насколько разумным было бы спуститься с седла. Он уже видел животное в успешной схватке с одной из самых фантастических летучих мышей, и вес всадника мог помешать четырехногому бойцу. Высвободив свои колени из подпруги, он наклонился вперед и стянул недоуздок и поводья с головы лошади. Теперь голова жеребца поднялась, ноздри расширились, мелкие пятна пены показались на освободившихся краях полуоткрытых челюстей.

Кейд спрыгнул вниз, приземлившись на шаг от Докитела. Правая рука иккинни, пальцы которой сжимали готовую для броска сеть, сделала легкое движение, которое терранец мог толковать то ли как дружеское приглашение, то ли как отказ от помощи, или просто как одобрение.

Почему он выбрал позицию рядом с аборигеном, который, по всем признакам, бросил его беспомощного лицом к лицу с такой же опасностью, с какой они оба столкнулись здесь, Кейд объяснить не мог. Может быть, просто потому, что, будучи вынесенный сюда жеребцом, явно стремившимся к предстоящей схватке, он не мог думать ни о каком отступлении, которого ему никогда не простили бы его воинственные предки.

Жеребец остановился, развернулся точно так же, как и двое людей, лицом все к тому же изгибу земли и камня. Теперь Кейд смог разглядеть баррикаду, укрепление из деревянных кольев. Как только она задвигалась, лошадь издала такой громкий вопль-призыв, который разнесся словно оглушительное эхо, отражаясь от стен этой естественной чаши. Докител присел, сеть обвилась кольцом вокруг его привязанной ноги. Кейд, тяжело дыша, взял нож на изготовку. Саста явно попадал в невыгодное положение, встретившись с ними тремя одновременно.

Тяжелая дверь поднялась вверх, представляя на обозрение темное отверстие, имевшее достаточно неровные края, чтобы предположить, что это была естественная горная пещера. И смрадная вонь пошла удушающей волной, заставляя Кейда сдерживать рвоту.

Сколько им еще придется ждать? Он припомнил те надолго затянувшиеся минуты, в том лагере, перед атакой, когда он выжидал своего врага. Здесь, по крайней мере, они знали направление, из которого атака может начаться. Однако ничто не спасало от того невыносимого запаха, что исходил из отверстия пещеры.

Барабаны, которые замерли до полной тишины с момента появления Кейда, вновь разрывались от бешеного ритма. Должно быть, они были установлены вблизи вершины амфитеатра. Тяжелые раскаты, звучащие слева от него, уравновешивались быстрым стаккато, ударявшим справа. И этот назойливый грохот мог теперь заглушить даже ржанье жеребца.

Но лошадь не ржала и больше не вскидывала голову. Она была так сосредоточена на этой дыре, словно дичь, которая должна быть там, являлась ее вполне законной добычей.

Возможно, что барабанный бой действовал либо как возбудитель, либо как вызов. Потому что састи вырвался из своего укрытия не таким неуклюжим и неповоротливым движением, каким его собрат в свое время приближался к Кейду, а прыжком, который поднял его в воздух, широко размахивавшего крыльями.

В первую секунду Кейд чуть было не поверил, что существо скорее намеревалось обрести свободу в ночном небе, чем атаковать намеченную ему жертву или жертвы. Но если састи был пленником, то его роль была хорошо отрепетирована. Потому что, хотя этот первый полет и унес его мимо троицы, стоявшей на арене, в сторону узкого прохода, он сразу сделал широкий разворот, при этом его крылья заслонили колонны света, и полетел назад.

Троица была спасена лишь благодаря характерным охотничьим привычкам их врага. Будь он таким блуждающим охотником, как сокол, атакующий свою добычу сверху, ни лошадь, ни люди почти не имели бы ни малейшего шанса уцелеть. Но састи привык убивать таких огромных противников на земле. Поэтому, возвращаясь, он перевел свое плавное снижение в неожиданно резкое падение вниз, целясь в лошадь. Возможно,

он уже сражался с привязанным иккинни и раньше, и, обладая явно недоразвитым интеллектом, выбрал первой из трех ту дичь, которая казалась ему наиболее легкой для охоты.

Но жеребец увернулся с проворством ветерана боев, и састи потерял свой удар, в то время как копыта мерно двигались до тех пор, пока одно из них с глухим звуком не ударило в кожаное крыло, сбивая летуна с курса. Крылья начали нервно биться, пытаясь поднять вверх тяжелое тело. Кейд был вынужден отпрыгнуть, чтобы избежать опасного разворота надвигающейся как молот поверхности.

Затем састи уселся на землю сзади них, а лошадь и люди повернулись к беспредельно разгневанному существу.

Глава 11

Сеть из рук Докителя рванулась вперед, чтобы в броске накрыть састи... в одиночку он с трудом мог выполнить подобный трюк, и она всего лишь, на манер хлыста, резко хлопнула по заостренной морде и слегка задела выпуклые глаза. Существо пронзительно завопило... этот тонкий визг был частично заглушен звуками барабанов, и тем не менее сила его была вполне достаточной, чтобы достичь их ушей сквозь назойливый шум и грохот... и подтолкнуть к соблазну, сделать шаг или два в сторону, в отличие от иккинни, который не мог следовать их примеру.

Но ни жеребец, ни Кейд не были привязаны. И тут Кейд нагнулся и резким движением выдернул копье из-под ноги аборигена, прежде чем тот смог остановить его. Удерживая его в одной руке, а в другой зажав нож, он сделал кругообразное движение вправо, пытаясь приблизиться к хищнику с фланга.

И лошадь, словно животное смогло уловить мысль человека, отступило назад и сделало поворот, чтобы оказаться сзади састи. Одиночка, выступающий против хищника, имел бы небольшой шанс, но те трое, что сейчас стояли перед ним, радикально меняли ситуацию.

Докител вновь бросил сеть, до предела используя свои возможности, стараясь держать састи в постоянном напряжении и на земле, где они имели боевое преимущество. Барабанный бой достиг теперь бешеного крещендо, оглушая бойцов на

арене. Кейд заметил открытый рот жеребца и понял, что лошадь ржала, однако он не мог слышать ни звука. Этот вибрирующий ритм вызывал у него дурноту и головокружение.

До сих пор Кейд так и не получил шанса для эффективного удара по састи. Существо использовало свои крылья как щит, удерживая Кейда на расстоянии. И удар копыта под один из этих хлопающих барьеров был выше его способностей. Кейд следил за возможностью нанести удар в это отвратительное тело, но тут в бой вступил жеребец.

Используя все ту же тактику, с таким успехом примененную раньше, лошадь встала на дыбы сзади састи и нанесла удар, целясь в горбатую спину твари. Но, как будто враг почуял этот стремительный натиск, летучая мышь захлопала крыльями, и заостренные копыта ударили совершенно бесполезно по кожаным кромкам, соскальзывая с них без всякого вреда. Как только жеребец начал опускаться на колени, Кейд бросился вперед, крепко зажав древко копыта между рукой и туловищем — со всей силой собственного тела всаживая этот таран в цель.

Он почувствовал, как острое копыта вонзилось в плоть, а затем на него обрушился удар, сваливший его на землю. Ошеломленный, задыхающийся, он следил, как одно из этих когтистых крыльев накрывало его, и выбросил вверх руку с ножом, как единственную, но слабую защиту.

На его импровизированном кинжале не было режущих поверхностей, он был сделан для того, чтобы колоть. И каким-то образом ему удалось удержать острое этого оружия направленным вверх навстречу этой крылатой лапе, когда та была готова раздавить его. Игольчатой формы острое, которое он вонзил в нападавшее существо, криво вошло между тонких костей, а сила обрушившегося на него удара придавила его руку к груди с сокрушительной жестокостью. Но крыло будто надломилось, и Кейд свободно откатился в сторону.

Докител все-таки опутал одно крыло и заостренную голову састи широкими складками своей сети и был вынужден согнуться почти как лук, чтобы удержать ее. Кейд бросился к другому краю сети и ухватил натянутые нити. В свете огня они могли наблюдать танец копыта, торчавшего в боку бывшего существа. Но свободное крыло продолжало бить с дикой яростью, его раненая когтистая лапа пыталась ухватить своих противников.

Лошадь приготовилась к атаке, ее голова была опущена, рот широко открыт, и зубами она выдрала из загривка зверя и шкуру и мясо. И после секундного натиска вновь нанесла удар передними копытами, на этот раз приземляясь прямо на выбранную цель, в место между сгорбленными плечами.

Поваленный таким образом на землю, састи потянул за собой и Кейда, выдирая сеть из рук Докителя. Однако что касается людей, то их бой был уже окончен. Прижимаясь плечом к плечу, они лишь поддерживали друг друга против рывков састи, в то время как жеребец, действуя с молниеносной быстротой, столь свойственной его виду, крушил врага, как днями раньше он крушил его собрата. И, отягощенный своими ранами, ночной кошмар Клора был на пути к своему концу.

Кейд начал осознавать, что гул барабанов замирал, как будто барабанщики, скрытые в глухой тени на холмах арены, были так ошеломлены происходившим внизу действием, что просто выпали из того адского хора, который только что требовал на арену састи. Теперь терранец мог различить отдельные ритмы в стихающих волнах шума, ритмы постоянно сбивались, как будто замирали.

Однако никто так и не вышел из сомкнутых рядов зрителей, чтобы вмешаться в сражение. Означала ли успешная расправа над пленным дьяволом свободу для всей их троицы или просто задержку мести со стороны собравшихся вокруг арены аборигенов? Судя по отношению к Докителю, они настроены враждебно...

Састи был повержен, превращен в мягкую бесформенную массу под танцующими копытами лошади. Кейд оттолкнулся от Докителя, обошел кругом лежавшую на земле массу, направляясь прямо к храпящему с вытаращенными глазами четырехногому бойцу. Он тихо позвал его, протянув вперед руки.

Секунду или две он опасался, что животное слишком возбуждено, чтобы услышать его. Но вот голова повернулась, глаза остановились на терранце. Тщательно переставляя одну ногу за другой, как будто ступая по какой-то ненадежной поверхности, жеребец направился к Кейду. Эта гордая голова наклонилась до того уровня, пока челка не коснулась обнаженной груди человека, и руки терранца не обняли изогнутую потную шею и не погладили уши. Без недоуздка управлять им было невозможно,

но тем не менее сейчас был как раз подходящий момент, чтобы произвести впечатление на зрителей-аборигенов, и Кейд должен был воспользоваться им. Все еще продолжая гладить жеребца, он вскочил в седло.

Жеребец заржал, видимо, для того, чтобы его услышали сквозь почти замерший треск оставшихся барабанов. Кейд, держа одну руку на жесткой гриве, как раз там, где выгнутая, как арка, шея поднималась из туловища, поднял перед собой вторую руку, развернув ладонь, и отважился обратиться к окружавшим его на языке, принятом в торговом форте:

— Эй, там! Вот перед вами воины!

Смолк последний барабан. Он мог даже поверить, что услышал общий вздох рядов зрителей, которые казались лишь расплывающимся пятном за границами света.

— Перед вами воины! — Он тронул коленями жеребца, плотнее уселся в седле, когда лошадь подчинилась ему, делая высокие прыжки на передних ногах. А справа до него донесся, прозвучавший словно эхо гордый призыв Докителя.

— Перед вами воины!

По всему, что он знал про обычаи иккинни, те, находившиеся в тени, должны правильно понять этот выкрик и либо признать равенство с победителями, либо выставить бойца, чтобы дальше оспаривать заявление, которое было фактически вызовом каждому воину, принимавшему участие в этом плохо освещенном сборище. И что же пришлось бы ему делать, появившись вдруг такой боец, Кейд даже не представлял. Но среди его родного племени смелость и искусство в бою служили верительной грамотой в дипломатических отношениях, даже между старыми врагами. Это должно было бы подойти и для культуры другой солнечной системы.

— Это Докител из семьи Дока Длиннорукого, Эмсога Сообразительного, Гида Красное Копье. Это Кейд — Звездный Странник с дальних небес. Это Быстроногий, из племени лошадей.

Докител буквально швырнул эти слова в толпу, все еще остававшуюся молчаливой.

— Перед вами воины, победившие дьявола, дьявола ошейников, дьявола в ошейниках, дьявола каменистых мест.

Докител рванул край сети. Размозженная голова састи выкатилась из нее как устрашающий ответ, а жеребец ударил землю, сделав пританцовывающий шаг к своему растоптанному врагу.

— Перед вами воины! — В третий раз иккинни бросил эти же слова в лица многочисленных соплеменников.

Треск пламени разорвал ночь, и Кейду показалось, что за этим слабым звуком он смог уловить другой приглушенный звук, как шелест ветра пробежавший вдоль склонов арены. Они ждали.

Затем из пространства, расположенного прямо над дверью в пещеру састи, где возникло какое-то движение, поднялись мягкие волны фигур, уступая место небольшой группе аборигенов, которые вышли вперед под полный свет огней. Они встали там, пятеро хорошо сложенных мужчин с отблеском драгоценных камней на плечах и поясах, но шеи их были свободны. И как только трое, пришедшие с равнин, повернулись к ним, каждый из пятерых поднял свое копьё и воткнул острием глубоко в песок, совершая церемонию разоружения.

— Перед вами воины...

Кейд расслабился. Докител бросил свою сеть. Жеребец стоял как статуя.

— Это Кэгил из семьи Экила Каменная Рука.

— Это Дартинг из семьи Тигри Быстроногого.

— Это Фарки от земли Внутренних Скал.

— Это Лосгил от земли Злой Воды.

— Это Ваки из семьи Стига Сильное Сердце.

Каждый представлялся по очереди. Их имена, их отождествления ничего не значили для Кейда, но он запомнил их, уверенный, что ни один из этих людей не был мелким вождем какого-то племени, всего лишь с горсткой последователей. Их гордое поведение скорее свидетельствовало о том, что те, перед кем он стоял, были вождями племен свободных территорий, люди, за которых, может быть, Стиор назначил небывалые цены. И если это было так, и он мог установить с ними мирный контакт... Кейд тут же сдержал свой восторг, сейчас не было времени возлагать большие надежды на что-либо и забывать об осторожности.

Тот, кто называл себя Кэгил, сделал быстрое движение рукой вниз. Пути, державшие Докитела, дернулись и распу-

стились. Рывками ног иккинни освободился от их остатков. Бывший раб вышел вперед, оставив на песке сзади себя свои недавние узы.

— Он приветствует Кэгила, как тот, кто поднялся в горы к тому, кто правит ими.

— Он приветствует гостя. — Кэгил отвечал очень серьезно. Он выдернул свое копье из песка, перевернул его грациозным толчком и протянул древко Докителю. Тот взял оружие, перевернул его таким же манером и воткнул острие в землю у своих ног. Кейд полагал, что в той сцене был определенный символизм. Если эти двое были врагами, то теперь этой вражде пришел конец.

— Он произнес справедливые слова, — продолжил Докител, и теперь в очередной раз была заметна перемена в его тоне. Он поднял одну руку и слегка протянул пальцы к изгибу лошадиной шеи. Жеребец повернул голову, внимательно глядя на иккинни, но разрешил проявить к себе внимание с той же покорностью, которая позволила Кейду сесть в седло.

— Это Быстроногий, и все из его племени служат воинам как раз так, как он сказал.

Кэгил взглянул на иккинни, на лошадь и на терранца.

— Он говорит правду, — признался он. — Дьявольские слухи дошли до нас из темноты, теперь мы знаем, кто этот дьявол. Быстроногий — друг всех, кто живет высоко в горах. Это так! — Его голос зазвучал громче, в нем выражались властность и решительная воля, и вновь поднялся тихий шепот, охвативший арену. Один за другим вожди племен вторили ему. И тут Кейд понял, что они не только выиграли сражение, но также получили признание свободных людей, населявших скрытые горные долины.

Прежде чем наступил рассвет, Кейд, лошади и Докител были сопровождены в одну из хорошо укрытых деревень, и терранец впервые стал свидетелем жизни иккинни, не привязанных к Стиору ошейниками.

Строители этой деревни воспользовались естественными свойствами горного склона, планируя то, что, по сути, было единым большим домом, ловко встроенным в просторную полупещеру, где нависавшая скала не только обеспечивала до-

бычу камня и глины, но и гарантировала дополнительную маскировку, так что обнаружить их можно было только с земли.

— Раньше воины жили в шатрах из шкур, — пояснил Кэгил, заметив интерес терранца. — Потому что тогда охотники выслеживали квиту. Впоследствии охотники стали выслеживать охотников, и те, кто заблудился, спустившись с гор, могли быть очень легко пойманы сетями и увезены. Поэтому мы и построили эти укрытые места.

Кейд разглядывал грубые стены, небольшие, легко защищенные входы и маленькие, высоко поднятые оконные отверстия. Все было, несомненно, примитивным, сделанным теми, кто думал лишь о том, как бы попроще и побыстрее закончить строительство. Если сравнивать с Кором, деревня Кэгила представляла детский песчаный замок, поставленный против отлично выполненного кукольного домика. Однако и она представляла огромный, приводящий в трепет шаг в иную цивилизацию, созданную всего лишь поколением или двумя людей, которые совсем недавно были просто бродячими охотниками. И у них были поразительные возможности.

— Чудесное место! — Терранец отдал искреннюю дань уважения не только этому городу-дому, но и труду и мечтам, которые вдохнули в него жизнь. И его искренность была очень понятна вождю, потому что Кэгил издал негромкий звук, близкий к человеческому сдержанному смеху.

— Да, для нас очень чудесное, — согласился он. — Есть еще и другие, — он сделал жест рукой в сторону раскинувшихся горных пиков. — Много других.

Кейд узнал, что среди свободных иккинни не было большой консолидации. Они все еще жили группами из нескольких семейных кланов, и вот в этой деревне, которую он сейчас видел, жили не более чем сотня аборигенов. Но несколько таких деревень были связаны союзами, и собравшиеся на той арене представляли взрослое население пяти таких объединений.

Терранец разбил лагерь с лошадьми в стороне от деревни-пещеры и не удивился, когда Докител предпочел остаться с ним. Они поели лепешек из семян травы, которыми их снабдили хозяева, когда наконец Кейд задал первый вопрос.

— Он оставил его связанным... для сати...

Докител сделал вид, что поглощен едой, возможно, чтобы выиграть время. Но все-таки он не стал уклоняться от ответа.

— Связанным, да. Но для сати... нет.

— Зачем?

— Он был не друг. Звездный странник знал секрет, как освободить иккинни, но помогать не стал. Он должен быть безопасным.

Кейд мог понять подобный ход мысли.

— Итак, он отправился на поиски свободных воинов?

— Это так. Он ведь сказал, что эти лошади для воинов. — Он указал на лошадей.

— Так, значит, Докител взял лошадей, чтобы произвести впечатление на свободных людей, а они не поверили ему и сделали незнакомца своим пленником?

— Это так. Был удар сетью, и на минуту он вышел из своего тела. Когда он вернулся, он уже был связан и осужден за то, будто привел этих чудовищ в горы, как ему велели хозяева ошейников, которые сами не могут туда попасть на своих летающих повозках.

— Но как же слух об этих чудовищах распространился так далеко от нижних равнин? — спросил Кейд.

Докител сложил губы в полуулыбке.

— Спроси у горных вершин, где бушуют силы от дыхания ветра. Барабаны переговариваются среди холмов, люди распускают обманные слухи тем, кто не видел их своими глазами, не трогал пальцами своих рук. Хозяева ошейников произносят слова, и волны от их речей доходят далеко.

Кейд понемногу начал понимать схему. Стиор хотел быть абсолютно уверен не только в том, что ему больше неопасны не только люди в форте, но и любой, кто, вероятно, мог сбежать в горы. Правители Стиора распускали эти слухи о чудовищах, вполне осознавая, что слух этот мелкими струйками просочится через «барабанный телеграф» в убежища тех, кто считается вне закона, и с помощью этого устроить враждебный прием для каждого беглеца.

— А теперь воины думают иначе?

Докител выбрал себе еще одну лепешку.

— Воины пяти родов все видели своими глазами и слышали своими ушами. Скоро они придут к этому огню, поговорить еще о Быстроногом и его женах.

Но не о лошадях собирались говорить те два иккинни, что подошли к их лагерю. Кэгил и еще один, более высокий и худой абориген, который представился на арене как Вакви, стояли в стороне, терпеливо ожидая, когда поднимется Кейд. А затем, используя ту же самую церемонию, что и раньше, они воткнули копыя остриями в землю.

— Вот пища и огонь. — Терранец повторил вслух формулу, которую выучил еще в форте. — Он приветствует и принимает гостей, — он наклонил голову в сторону пришедших, оставаясь на ногах, пока те не присели.

Кэгил без дополнительных церемоний перешел прямо к делу.

— Слух был, что некто с дальних звезд имеет новое оружие, которое обращает ошейники в небытие.

— Часть этих слухов правдива, — признался Кейд. — Но есть и еще одна часть: когда оружие обращает ошейники в небытие, некоторые, кто носят их, умирают.

— Это правда, — подтвердил Докител. — Однако этот свободен. — Его рука прошла по горлу, поглаживая коричневатую кожу, где когда-то ее натирал ошейник.

— То оружие, что превращает ошейник в пыль, покажи нам его.

Кейд вытянул пустые руки.

— Одно из тех, что носят все звездные странники. Оно пропало, унесенное взрывом, как и все остальное. Потому что хозяева ошейников напустили огненную смерть на весь мой род.

— И этот слух доходил до нас, — согласился Кэгил. — Но если такое оружие существует на дальних звездах, то те, кто летает в дальнее небо, могут принести нам еще. Разве они не приносят множество вещей хозяевам ошейников в обмен на шкуры масти? А мы знаем пещеры, в которых живут совсем непуганые масти. Мы можем выложить горы шкур в обмен на такое оружие.

— Есть еще кое-что, — Кейд выставил вперед свою собственную проблему. — Два солнца прошло, как корабль звездных странников пришел на сожженное место, где жил весь их род. Когда те, кто был в корабле, не найдут никого из живых,

они вновь улетят. Может быть, чтобы никогда не возвращаться сюда. И может быть, этот корабль уже вернулся к своим звездам.

— В горах есть барабаны, чтобы отправлять мысли и вопросы от места одного рода к месту другого. — Вакви заговорил первый раз за весь вечер. — Разве у звездных странников нет барабанов, чтобы переговариваться между звездами?

— Может стать так, что один есть. Но между этим местом и тем, где он лежит, находится много земли, а также много отрядов охотников в ошейниках. На открытых пространствах летающие корабли хозяев воротников могут поймать или убить любого, кто попытается пробраться к тому сожженному месту. Да он еще и не уверен, что тот барабан все еще там.

Кэгил бросил сучковатую ветку поверх слабого огня.

— Это следует обдумать, — заявил он. — А что насчет Быстроногого, который служит воинам, что не носят воротников? Почему он здесь?

Кейд заметил, что в разговоре этот иккинни называл коня «он», обозначая его как человека, а не как животное.

— Есть слух, — еще раз вступил в разговор Вакви, — что он привезен для хозяина воротников... самого главного... как новая игрушка.

— Так было задумано, — осторожно сказал Кейд.

— Но не совсем так, — поправил его Докител. — Он, — указывая при этом на Кейда, продолжил абориген, — сказал, что эти бегуны для воинов. А что, разве хозяин воротников настоящий воин? Убить — вот его приказ, но в своей руке он не держит копья. Воин убивает сам и для себя, и не издалека, и не одним лишь словом.

Теперь Кейд полагался на обычаи и привычки иккинни.

— Есть такая история, и очень правдивая, — он старался быть похожим на одного из самых уважаемых старейшин своего племени, прирожденного рассказчика, чья феноменальная память и сила воображения могли восстановить любую из старинных легенд или добавить к ней новые подробности, почерпнутые из деталей самой последней охоты. И к удовольствию терранца, он увидел, что они с полным вниманием слушали его. — Там, где среди звезд живут эти животные, там однажды жили те, кто похож, как две капли воды, на хозяев воротников. И вот эти самые животные были использованы этими людьми

в сраженьях, так что другие люди, не имевшие таких помощников, вероятнее всего, могли стать только охотниками, добывающими себе пропитание, или быть пойманными и получить свой ошейник. Но животные оказались новыми для той земли, которая вполне подходила им, и они вырвались от своих хозяев на свободу и убежали в укромные места. И иккинни той земли, отыскавшие этих животных, были к тому же их друзьями, так что они выкрали еще много их из городов, принадлежавших хозяевам. — Он упростил рассказ, превратив его в понятный его слушателям, и ввел в него тот взрывной элемент истории, который отмечал появление лошадей у его собственных предков, и то, что произошло потом. И, увидев их горящие глаза, Кейд понял, что параллель была абсолютно ясна для них.

Первым заговорил Докител.

— Это сокровище, которое нельзя упускать!

— Да, это так! — согласился Кэгил. — Но оно скрыто во времени. А мы живем сейчас, и есть оружие у звездных странников. Дай такое в руки воинов, и ни один охотник или хозяин воротников не ступит на эти земли!

— Но оружие на дальних звездах! — протестовал Кейд, опасаясь, что они будут требовать от него невозможного.

— Многое приходит с дальних звезд. Это следует обдумать. — Кэгил поднялся, потянулся к своему копыю. — И этот барабан для твоей беседы со звездами, о нем тоже следует подумать.

Глава 12

На этот раз терранец отправлялся на равнины не днем, а ночью, и он был не один. Отборный отряд следопытов-иккинни, закаленных опасностями охоты и преследований, отправились в качестве проводников, и, как он подозревал, охраны. Аборигены не хотели отпускать звездного странника, пока не заключат своего рода сделки о шокерах. Хотя Кейд и продолжал все время убеждать их в том, что торговый корабль должен был давным-давно покинуть Клор.

Он не хотел даже и вспоминать тот слабый шанс с использованием скрытого командного пункта. И не мог отделаться от подозрений, что остался на этой чужой планете изгнанником,

без надежды на спасение. Так что он пытался сконцентрировать внимание на проблеме безопасности возвращения к разрушенному форту.

Они использовали более сложный маршрут, чем тот, которым он следовал днем раньше, как только обошли лагерь рабов в ошейниках, спавших ногами к костру, и их надчеловека, укрывшегося в постройке из веток. Ближайший к Кейду иккинни поиграл копьем, пока внимательно разглядывал их. Но любая ошибка в смертельном ударе означала муки и агонию для рабов, и абориген не стал применять свое оружие.

— Два наблюдателя, — прошептал он Кейду, его знаки были едва заметны в тусклом свете костра, когда он указывал ему то направо, то налево.

Терранец не мог различить никаких звуков, кроме обычных, характерных для ночи. Спящий раб пошевелился, и оба наблюдателя насторожились. У Кейда был нож, под рукой копье. Но он жалел, что у него не было шокера. Раб что-то пробормотал и повернулся, но его беспокойство никак не разбудило никого из его собратьев.

Ткнув пальцем в плечо терранца, иккинни просигналил Кейду, чтобы они поворачивали направо. И тот приложил все свои знания о жизни и поведении в лесу, чтобы с минимальным шумом раствориться в раскинувшемся перед ними кустарнике. Вместе с аборигеном он влетел в глубокую ложину, где к ним присоединился другой.

— Наблюдатель теперь спит?

И низкий голос Кэгила ответил:

— Он спит.

И их отряд то сливался вместе, то разъединялся вновь. Коварный рассвет застал их идущими гуськом вдоль берегов ручья, где росла буйная, пышная трава, напоминавшая камыш. Иккинни решили использовать естественные особенности болота для своих целей. Серо-зеленая грязь выскребалась из ям, размазывалась по волосатой коже, по брюкам Кейда, по его груди и плечам. Пригоршни сухой травы добавлялись к этому липкому покрытию, так что каждый из них сливался с ландшафтом и становился почти не обнаруживаемым на его фоне.

Они продолжали протыкать палками болото, следуя путем, признаков которого Кейд обнаружить так и не смог. Возможно,

они существовали только в памяти аборигена, который прокладывал этот путь. Насколько мог определить терранец, сейчас они находились к северу от бывшего форта, в глубине равнинной зоны.

Временами на их пути попадались островки более твердой земли, на которых они задерживались для отдыха. И как только первые лучи восходящего солнца раскололи небо, они поели зерновых лепешек и выпили по глотку прозрачной кисловатой жидкости, которая обжигала язык, но уменьшала потребность в воде.

Вождь разгладил продольный участок смешанной с глиной грязи и отметил его веткой. Вращением пальца было изображено окружавшее их болото, точкой отмечено местоположение форта. Кейд начал понимать, что его спутники вовсе не замкнуты в горах, как на этом настаивал Стиор и верили те, кто занимался торговлей. Эти свободные аборигены, должно быть, совершали многочисленные разведывательные рейды на равнинную часть, где когда-то охотились их отцы, и каждый хранил в тренированной памяти обширные сведения о потерянных землях. А какие рейды могли бы совершать они, получив адекватное оружие и средства быстрого передвижения!

Но этот поход не имел отношения к будущим партизанским атакам на имения властителей Стиора. Это был их скрытный визит к месту, которое наверняка могло патрулироваться как с земли, так и с воздуха. Терранец усвоил эту грубую карту, пытаясь совместить ее с оставшимися в его памяти окрестностями форта.

Если корабль-разведчик был замечен Стиором — и если они не были самоубийственно глупы, то оставили бы часовых близи форта, — то наверняка военные силы Клора должны быть уже рядом или, по крайней мере, на пути к месту пепелища. Кейд предупредил об этом аборигенов и понял, что Кэгил вполне допускает возможность такой опасности. Если вражеские силы находились уже на месте, то пришельцы с гор будут вынуждены оставить скрытое наблюдение и удалиться, чтобы позже попытаться вновь. И терранец осознал поразительную терпеливость этих людей, которые веками ведут неравную борьбу. Порыв, который вывел его племя на звездные пути, воспринимал время как врага, эти же люди использовали его как инструмент.

Солнце, обещавшее такую удивительную яркость в утренние часы, освещало сейчас в основном отдаленные районы. Над вершинами гор собрались облака. Докител рассмеялся, указывая на стену тумана, нависавшую сзади них.

— Наблюдатель спланировал, теперь Копьеносец готовит свое оружие. Это хороший день, хорошее дело, хороший план.

Вдоль равнин промчался ветер, ударивший холодом, поднявший влажные испарения с болот, пронизал их плетеное из камыша укрытие на островке. Признаки бури проявлялись куда сильнее, чем Кейду приходилось до этого видеть на Клоре.

При первых ударах ветра по их спинам они немедленно подчинились приказу Кэгила отправляться в путь. Спустя полчаса, обволакиваемые сгущающимся мраком, они, шлепая по мелководью неглубокого ручья, вышли на твердую полосу земли, обозначающую границы равнин.

Корабль Стиора мог бы сделать попытку вылететь и при таком ветре, но Кейд сомневался в этом, если только пилот не получил четких приказов к действию. Такая погода должна была оставить на земле все обычные патрульные средства. Но манера их передвижения, зигзагами, с частыми остановками в укрытиях, подсказывала терранцу, что Кэгил был не намерен недооценивать противника.

Молния с треском рассыпалась в небе, принося с собой слегка пощипывающий запах озона. Еще одна такая вспышка заставила их остановиться, почти ослепив, и Кейд был уверен, что вырвавшаяся на волю энергия ударила в землю совсем близко от них. Мог ли тот выжженный круг по каким-то таинственным химическим процессам в остекленевшем шлаке притягивать к себе всю электрическую ярость бури?

Эта сверкающая смертоносная плеть была просто-напросто прелюдией к буре. Дождь и ветер, бьющие и колющие их тела, смывающие с них маскировочную грязь, заставили их задышаться в потоках обрушившейся с неба воды. Им пришлось привязать оружие к поясу и взяться за руки, чтобы, покачиваясь и сгорбив спины, все-таки идти вперед через эту бурю. Ярость падающей воды, тьма от облаков, несущих ее, не позволяли Кейду понять, стоял ли еще на прежнем месте корабль, распластав свои стабилизаторы по стартовой площадке.

Он споткнулся и упал на колени, и, выпустив руку Докителя, оторвался от своего напарника. Его ладонь легла на сглаженную мокрую поверхность, ровную, но, местами покрытую рябью. То, обо что он споткнулся, было краем опаленного огнем пространства. И не было даже намека на ожидавший корабль.

Они не могли идти прямо через эту корку, на ней было мокро и скользко ногам, обутым или в сапоги, как у Кейда, или в шкуры зверей, как у иккинни. Упираясь руками и коленями, отряд переполз через остекленевшее пространство, отыскивая открыто выступавшие наверх подземные металлические конструкции.

Кейд отметил, что было очень трудно пытаться узнавать в очередной гладкой плите спекшейся земли и камня здание или постройку внутреннего двора, так хорошо известные ему. Он не мог даже сообразить, по какому курсу, если свериться с компасом, он приблизился к этому огромному шраму. Место, где, должно быть, теперь находилась цель их путешествия, могло обнаружиться от него в дюйме, в фута, через ярд или всю длину выжженной поверхности.

Но не терранец первым обнаружил пролом в этой блестящей корке. Кейд, предупрежденный сообщением, переданным по цепочке от двигавшихся впереди него иккинни, подобрался к углублению, которое должен был обследовать скорее на ощупь, чем зрительно. Один или два человека из отряда терранцев должны были обязательно укрыться внизу и быть освобождены экипажем корабля. А вот сохранился ли еще там командный пункт и не был ли он разрушен, ему предстояло узнать.

Вода стекала сквозь его пальцы и уходила в глубину. Такой поток мог разрушить все, что было внизу, за очень короткое время. Кейд изо всех сил старался, чтобы иккинни поняли, что именно требовалось сделать. Одну из охотничьих сетей спустили, как канат, через край, и Кейд воспользовался ей, как лестницей. Когда он начал спускаться, вода поднялась ему до колен. Затем его ноги нащупали твердую поверхность, и он обнаружил по обе стороны от себя стены, пространство же вверху казалось пустым.

Проход, если это был именно проход, продолжал тянуться. Стекавшая сверху вода прибывала. Если этот неизвестный ему

туннель по мере его продвижения вперед уходил вниз, вполне возможно, что поток воды уже полностью залил его.

Кейд вздрогнул. Если вода добралась до командного пункта, он пропал. Теперь время было явно не на его стороне. Он выпустил из рук сеть и пошел вперед, словно переходя вброд реку, волны накатывались на него, разбиваясь о бедра.

Дно было ровным, хотя поток воды мешал быстрому движению. Он держался одной рукой за стену, как за проводника. И когда он прошел таким образом около двадцати шагов, то понял, что вода больше не поднималась так быстро, как это было на входе.

На двадцать первом шаге темнота этого каменного мешка расступилась от короткой вспышки света. Над его мокрой головой возникло голубоватое свечение атомной лампы. Должно быть, он пересек какой-то автоматический сигнализатор, установленный на стене. Впереди было еще несколько таких ламп, их шаровидные баллоны отражались от вихрящихся волн, сквозь которые он пробирался вперед. Три лампы, а за ними плотно закрытая дверь с углублением для ручной блокировки в самом ее центре.

Мог ли этот запор быть открыт с помощью характерных признаков руки любого терранца, или это относилось только к отдельным членам отряда? Но как можно было заранее знать, кто именно выживет?

Кейд постарался вытереть досуха свою правую руку, повозив ею туда-сюда по груди, сунул ее на некоторое время под мышку, надеясь освободить от прохладной влаги. Затем аккуратно вложил пальцы и всю ладонь в углубление шаблона и стал ждать. Прибывавшая вода плескалась, и когда ее легкие волны ударили по его телу, то всякий раз это происходило на дюйм выше.

Никакого предупредительного шелчка не было слышно. Кейд убрал руку, как только дверная панель начала уходить в стену. Вокруг него началось бурное движение ринувшейся в комнату воды, ее потоки вихрем закружились вокруг немногих предметов мебелировки. Там были откидные койки, несколько открытых консервных банок из сухого пайка на откидном столе: признаки поспешного ухода.

Но то, что хотел найти Кейд, все еще находилось там: установка дальней связи. Он зашлепал по воде к ее стойке. Однако,

когда он дотянулся до пусковой кнопки, он заметил другой предмет, размещенный прямо перед передатчиком. Он прекрасно знал назначение этого состоящего из секций стержня, установленного на прочном основании.

Теперь он понял, что люди, ожидавшие в этой комнате, или члены экипажа корабля предполагали — или надеялись — на его спасение. Он понял и то, что не было бы никакого ответа на сигнал, переданный из этой комнаты. Возможно, что это теперь было ловушкой, предотвращавшей его проверку и обследование аборигенами или Стиором... но теперь в нем не было нужды.

Кейд подхватил найденную трубку. То, что находилось внутри, относилось к самой сложной аппаратуре и технологии, которые были недоступны его пониманию. Но она могла работать там и тогда, когда ему будет нужно. Прижимая ее к себе, терра-нец проделал обратный путь по затопленному переходу. Теперь ему оставалось только подыскать подходящее место, установить то, что он нес с собой, и там будет новая посадочная площадка, не контролируемая Стиором.

— Он нашел? — Кэгил подскочил прямо к нему, как только Кейд выбрался из углубления.

— Он нашел Звездный барабан! — Кейд отвел руку собеседника. — Но только он сам может заставить его говорить.

— Тогда заставь! — произнес подошедший с другой стороны Докител.

Кейд покачал головой.

— Не здесь. Не сейчас. В безопасном месте, в горах.

Теперь, имея то, что он имел, он хотел оказаться как можно дальше от форта, прежде чем утихнет буря, защищавшая их от угрозы воздушных стражей Стиора. И он постарался внушить необходимость этого окружавшим его аборигенам.

Дождь ослабел, когда они с трудом тащились назад, и шаг, начавшийся рысью, теперь стал чертовски медленным. Ближе к закату они соорудили пристанище в запутанном лабиринте предгорий, но, не осмелившись развести огонь, отдыхали, мокрые и замерзшие.

Спустя два дня они вновь оказались в долине, где была деревня Кэгила, и обнаружили, что она пуста. Только лошади, по-прежнему свободные, приветствовали Кейда. Он усадил в седло добровольцев из своего эскорта, одним из которых был Кэгил,

и они отправились в самый центр территории, куда большинство даже самых смелых охотников-рабов никогда не доходили.

Прошла почти неделя долгих дней, прежде чем их небольшой отряд встретился с боевым отрядом иккинни. Кэгил устроил беседу с разведчиками, из тех, кто хорошо знал эту землю, в то время как Кейд демонстрировал аборигенам свою сигнальную трубку, объясняя, что именно ему нужно и зачем. Охотники сравнивали условные знаки, горячо спорили, но в конце концов согласились, объявив свое решение через Искага, который ранее присоединился к этому отряду.

— Два солнца, два сна вон в ту сторону, и там есть место, где в давние времена Копьеносец глубоко ударил в землю. — Искаг изобразил руками чашу. — Он видел корабли со звезд. И если тот, кто ведет этот корабль умелый и ловкий, то он посадит корабль также и туда. — И он сунул палец в сложенные кольцом пальцы другой руки.

— Это место единственное? — Описание, сделанное Искагом, было слишком живописным, чтобы быть обнадеживающим. Все иккинни согласились, что описанный кратер был самым лучшим и безопасным местом для посадки, которое можно предложить.

Позже, когда Кейд, остановившись после изнурительного подъема, смотрел вниз на эту впадину, он не испытывал подобной уверенности. Площадка в ее основании имела достаточный размер, чтобы посадить разведчик, это так. И поверхность ее была такой же плоской, как на равнине. Но направить корабль в отверстие этой чаши требовало искусства, которым обладали только пилоты-ветераны. Хотя многие пилоты Торговой Базы были мастерами экстракласса.

Они спустились на дно кратера. Извержение, вызвавшее появление этой воронки, должно быть, было из рода катаклизмов. Кейд поднял устройство связи на уровне плеча, затем нажал выступающую кнопку и начал медленно вращать его, давая скрытым внутри устройства линзам всю панораму окружающего пространства, которая должна быть передана на базу. Затем он прошел в то место, что можно было считать центром выбранной для посадки площадки, и закрепил трубу на земле с помощью распорных шипов. После всех приготовлений он резко опустил руку вниз к заостренной конической вершине

трубы. Он не имел возможности узнать, сработал ли этот передатчик на самом деле, и ему оставалось только ждать ответа, который должен прийти из дальнего мира лишь со временем.

Кейд сидел снаружи возле стены грубой хижины, расположенной у края кратера. На камне, составлявшем часть стены этого ветхого сооружения, были нанесены царапины, его собственный календарь. По его подсчетам, он дежурил здесь уже больше месяца.

Теперь его мысли были заполнены лишь одними «если». Если система связи, одиноко стоявшая в кратере, была каким-то образом повреждена по дороге сюда, то спасительный сигнал просто не был передан к звездам.

Если иккинни потеряют терпенье, они могут изменить свое отношение к нему. Отряды Стиора беспрерывно прочесывали нижние равнины и согнали многие племена аборигенов с насиженных мест. Весенняя охота была нарушена. Беглецов преследовал голод. Допустим, что некоторые из вождей установят точное местопребывание звездного странника, и тогда он может быть передан Стиору в знак перемирия.

Если Стиор будет продолжать свое наступление, то он сам будет вынужден убираться отсюда.

Если... если... если...

Раздавшийся снизу свист оборвал его нерадостные мысли. Докител, чье темноволосое тело при движении едва выделялось на фоне скал, поднялся быстрым шагом, предполагавшим плохие известия.

— Рабы! — отрывисто сообщил он.

— Где?

— В Долине Воды. Там их лагерь.

Никогда еще ни один отряд из управляемых Стиором рабов не подходил так близко к кратеру. И если они решили разбить лагерь в такую рань, то это означало, что остановка их продлится явно не одну ночь.

— Кэгил... лошади?

— Они отправляются на север, по тропе квиту.

Это чуть облегчало ношу ответственности терранца. Кэгил уведет своих людей и «чужеземных» животных, которых они теперь охраняли и кормили, в места, отделенные труднопроходимой полосой земли от захватчиков.

— Он уходит? — Докител был очень обеспокоен. Уже поносив ошейник, он не испытывал желания быть пойманным второй раз.

— Он должен пробыть здесь еще немного. — В течение предзакатного часа, в любой момент, мог приземлиться корабль терранцев. Он должен остаться здесь. — Пусть Докител уходит.

— Не сейчас. — Иккинни сел на землю, положил свое копье на колено. — Отсюда можно видеть злых людей, они могут и не полезть наверх, если у них нет сетей, чтобы ловить масти.

Может быть, они и не захватили с собой сетей, мрачно подумал Кейд, но у их хозяев могут быть более эффективные способы, чтобы довести охоту до конечной цели. И он был уверен, что Стиор снабдил своих слуг таким оружием.

Через некоторое время он заметил группу рабов в ошейниках, которые собирали дерево для костра. Но не было никаких признаков, что их собственное укрытие вверху было под подозрением. В их лачуге была вода и двухдневный запас лепешек. И при необходимости они могли растянуть эти запасы.

— Идет.

— Где?

— За скалой в форме рога квиту.

Кейд направил свой взгляд туда, куда смотрело острие копья аборигена. Пришелец не был иккинни, в ошейнике или без него, но и не надчеловеком из отряда. Высвободившись из летающего стула, своеобразного символа божества, посланник Стиора с надменным видом поднимался вверх по неровному склону. Одна рука его была согнута на уровне груди, и он попеременно смотрел то себе под ноги, то на ленту, охватывавшую запястье согнутой руки. В другой руке он держал самое распространенное оружие инопланетников... игольник!

С отлетом все было кончено. Терранец быстро сделал вывод, что лента на запястье была своего рода следящим устройством, вполне возможно, настроенная на излучение его собственного мозга. Если он начнет спускаться вниз, в пространство кратера, и сорвется, разбившись вдребезги, свалившись вблизи устройства связи, то тогда Стиор может использовать этот аппарат в качестве приманки.

С другой стороны, предположим, что его убьют раньше, чем он попытается спуститься вниз. Останется ли аппарат не за-

меченным инопланетником? Ведь они достаточно сообразительны, чтобы выяснить, зачем звездный странник именно здесь разбил лагерь. Как ни верти, в любом случае хитрый гуманоид оставался в выигрыше. Кейд слишком переоценил праздность и лень местных избалованных правителей и недооценил их желание покончить с последним из терранцев.

На животе у пришельца был защитный пояс. Ни один повелитель не будет рисковать своей драгоценной шкурой при малейшем шансе контратаки. Копье в руках Кейда, сеть в руках любого иккинни, камень, брошенный отчаявшимся человеком, будут отброшены полем, создаваемым сейчас вокруг него, подобно стальной стене.

Если только... Кейд осмотрел землю вокруг себя в поисках чего-либо для нападения или защиты. Возможно, что преследователь мог обнаружить их, если они попытаются покинуть свое место. Кейд не знал дальности действия прибора, который носил на запястье пришелец. С другой стороны, он не собирался быть убитым без попытки сопротивления.

Не имея никакого плана, а скорее для того, чтобы выиграть время, терранец дал сигнал Докителю отходить от их убежища вдоль края кратера. Неровная земля может укрыть их от прямого взгляда преследователя, хотя его локатор и выведет его на их путь.

Двое, идущие цепочкой по узкой кромке обрыва. В голове у Кейда зрела идея. Это был шанс, которым в его отчаянном положении следовало бы воспользоваться.

Их преследователь добрался до лачуги, но даже не заглянул внутрь, а прошел дальше, придерживаясь того же курса, что и беглецы. И вновь Кейд сделал знак Докителю, отправляя иккинни подальше от себя. Затем он остановился, балансируя копьем, зажатым в одной руке. В нескольких футах от него древняя чаша имела трещину, достаточно широкую, подходящую для его стройного и тонкого тела. Он отметил ее.

Теперь он ждал, когда голова противника поднимется, оторвавшись от прибора на запястье, и его глаза обратятся к находившемуся перед ним человеку. И тогда Кейд, что есть силы, метнул свое копье.

Его расчет оказался верным, хотя острие ударилось в эту невидимую защиту на добрых шесть дюймов в сторону от сере-

дины груди. Непроизвольная реакция противника была именно такой, как и надеялся Кейд. Вздвогнув и попятившись назад, преследователь поставил обутую в сапог ногу на кусок скользящего камня. Последовал широкий взмах рук, и посланник Стиора полетел вниз, рассекая прозрачный воздух.

Пояс, конечно, спасет ему жизнь, но затем ему придется снова взбираться вверх по внутренней части склона кратера. Это нападение принесло им выигрыш во времени. Кейд быстро помчался к расселине, Докител вслед за ним. Их преследователь все еще несся вниз, к самому дну кратера. Они выиграли всего лишь несколько минут времени, но окончательно так и не избавились от преследования. Только...

Кейд обхватил рукой Докитела, увлекая его за собой в безумном беге, когда откуда-то с высоты донесся удар, громче любого громового раската. Камни ободрали кожу, когда они спешно втиснулись в расщелину скалы. Над ними вспыхнул ослепительный свет, так что Кейд прикрыл глаза ушибленной рукой. Рев пламени от двигателей корабля стал более приглушенным, как только он опустился в середину кратера.

Возможно, их преследователь и испытал один миг ужаса и страха, но второго ему пережить уже было не суждено, вместе с кораблем к нему опустилась смерть, а затем... пустота. Его конец был таким же, как и тот, что он или его собратья послали на головы тех людей, которые находились в торговом форте.

Когда терранец и иккинни выбрались из своего убежища, из чаши поднимался запах расплавленного песка. Почти в самом центре стоял звездный корабль. Кейд взобрался на гребень каменной стены, размахивая руками перед выросшим перед ними металлическим сооружением, покрытым оспинами, хотя на нем не было заметно ни одного открывавшегося люка. Но ответное действие было достаточно быстрым: с вершины металла протянулась наклонная плоскость, опустившаяся на землю в нескольких футах ниже Кейда. Он скользнул вниз и слышал лишь звук от собственных сапог, бряцавших по металлическому трапу, едва веря в столь своевременное прибытие.

Так или иначе, но он не удивился, встретив в кабине секции управления Эбу. И нельзя сказать, что был удивлен и тем,

что напарник командира имел пять золотых птичек на воротнике мундира.

— Вот почти и все, сэр. — Он, как только мог, сократил свой доклад лишь до самых существенных, имевших прямое отношение к делу фактов. Сдержанная реакция начинала разрушать ту восторженную самоуверенность, которая еще сопровождала его в этой тесной кабине. Существовал целый черный список оплошностей и проступков, которые могли быть указаны ему. Что там говорил Ристоф на Лоди? Если он не использует этот последний шанс... И вот теперь эти служители закона раздерут Уайтхока на мелкие кусочки.

— В высшей степени предосудительно! — Тот, кто носил пять золотых птичек, нажал кнопку, выключая устройство записи. — А теперь, — это важное должностное лицо отбросило в сторону аппарат, словно выпроваживая нежелательного свидетеля, — давайте обсудим наши текущие дела.

— Более чем удовлетворительно. — Тон, которым произнес это Эбу, явно имитировал тот же, что был использован минутой раньше, но слова были совсем другие.

Так или иначе, но официальность их встречи понемногу растаяла, как будто бы их собеседник сбросил с себя тесную форменную куртку. Он усмехнулся и бросил на крышку стола ключи от буфета.

— Прекрасное направление работы, одно из тех, что надо и дальше поддерживать, Уайтхок.

— Теперь оно пойдет должным образом. — Эбу тоже присоединился к одобрению. — Теперь этот процесс остановить гораздо труднее, чем метеор сетью для ловли масти.

Кейд достаточно осмелел, чтобы попытаться получить объяснения.

— Пришло время, сэр, — продолжил Эбу, — запустить еще одного оперившегося юнца в овчарню.

Кейд принял бокал, который протянул ему человек столь высокого ранга, и сделал глоток *Звездной Росы*, даже не подозревая, что именно он пробовал.

— Да, следует раскрыть загадку. — Обладатель пяти золотых птиц выпил. У него было, критически подумал Кейд, довольно близкое сходство с Че Ином, по тому, как в его поведении сочетались сдержанность и раздражительность. — Ответ на твой

главный вопрос, — вежливо продолжил их собеседник, — заключается в том, что ты проходил небольшой тест, как говорится, на полной скорости. Тебя специально отобрали для этой работы и отправили сюда, чтобы использовать твою сообразительность. И ты справился. Понимаешь, есть Политика... и есть План.

— Изредка они сходятся, как близнецы, — почти нараспев, с ханжеским лицемерием заметил Эбу.

Его начальник сдавленно фыркнул.

— Будь доволен, командир, что правая и левая рука сталкиваются не так часто. Вот так и делаются дела, молодой человек. У нас есть наши преданные и надежные работники Торговой Службы, кто живет и даже дышит, не отклоняясь от писанных правил, никогда, ни в коем случае, не совершает ошибок и является предметом гордости нашей Службы. Но при этом у нас есть несколько черных овечек, которые тоже служат, но своим, бунтарским методом. Мы называем их породой воинов. — Он помолчал, сделал глоток из шарообразного бокала. — Первым и важным испытанием для них является посещение планеты, где власть Стиора и на самом деле невыносима. Если они смогут удачно пройти сквозь «инцидент», избежав широкой гласности, то после этого их переводят в Отряд и отправляют на такую планету, как Клор.

Как ты знаешь, каждый торговый отряд набирается из самых разных основных рас Земли, с несколькими «нормальными» торговцами в целях прикрытия. Мы всегда надеемся, что кто-то из наших тайных «воинов» отыщет вдохновение в новой окружающей среде и, воодушевившись, сможет найти удачный ход, который даст очередной легкий толчок к падению власти Стиора. Толчок здесь, тычок там, мелкие раздражения, вспыхивающие по всей галактике, но не имеющие прямой связи ни с нами, ни с какой-то иной планетой. Вот *это* и есть План!

Кейд понял. Это было похоже на то, как при взгляде на знакомый ландшафт под иным углом он увидел его таким причудливым, словно рассматривал новый мир.

— Но ведь Стиор сжег форт. Почему?

— Есть такая вещь, как совпадение. Здесь ваш удар частично совпал с попыткой Пака обрести славу и удачу. Он пытался опробовать формулу, по которой хотел и избавиться от неже-

лательных терранцев, и создать репутацию строгого ревнителя закона в одно и то же время. Мы позволим ему думать, что его план удался... на некоторое время. Достаточно долгое для того, чтобы твои эксперименты получили хороший старт. Что ты там задумал с этими иккинни? Посадить их на коней и начать партизанскую войну?

Кейд кивнул. У него было чувство, что этот человек далеко опережал его мысли и что одно или два его ярких открытия были всего лишь детской забавой на темном заднем дворе.

— Его можно использовать, чтобы довести дело до конца, — заметил Эбу. — Это будет третий шаг в нашей реальной Службе, Уайтхок.

— Пять лошадей... и те, кто сейчас прячется в горах, будут как муравьи кишеть вокруг Стиора. Сколько, по-вашему, нужно лет, чтобы сделать Клор беспокойным и ненадежным? — Кейд был недоволен своим заявлением.

— О, разумеется, не следует понимать все это так прямо. — Собеседник открыл стенной отсек и достал оттуда пояс и вложенный в кобуру шокер. Он вытащил оружие и протянул его через стол прямо в руки Кейду. — А вот еще кое-что, что ты нашел очень полезным. Мы отправили запрос на базу, несмотря на всю эту суету, и ты можешь сейчас получить штук пятьдесят, а в дальнейшем можно сбросить и большее их число. Испытай их на системах управления ошейниками, и ты получишь ряд приятных результатов без всяких неприятных побочных эффектов. Лошади... ну, заброска еще одной партии потребует некоторых мероприятий. Но подготовь нам место на равнинах, и мы поможем тебе. Разумеется, в том случае, если ты остаешься здесь.

Кейд вертел в руках шокер. У него не было ни малейших сомнений в том, что он будет функционировать так, как было обещано. Пятьдесят вот таких... чтобы вручить их... ну, конечно, они могут освободить тех многочисленных рабов, которые сейчас охотятся за ними, и использовать знания свободных людей против их хозяев... Открыть, таким образом, одну из страниц плана... Да, это вполне можно сделать. Уйти к дальним границам, устроить посадочную площадку на достаточно большом расстоянии от Клора, так что они смогут удерживать ее откры-

той в течение двух, а может быть, и более дней. Тут он услышал, как рассмеялся Эбу.

— Реле уже зашелкало, сэр. Он уже движется походным порядком, чтобы сорвать маску с верховного правителя Пака.

Кейд широко улыбнулся.

— Не так быстро, как и все остальное, сэр.

Их собеседник кивнул.

— Начинать всегда лучше с малого и не делать резких движений. Для тебя это может быть большая война, но в масштабах общего Плана это всего лишь маленькая перестрелка.

Кейд застегнул пояс с шокером.

— Скажите мне, сэр, на какое время рассчитан этот План?

Первый раз с того момента, как этот человек выключил записывающее устройство, та окружавшая его добродушная атмосфера покоя и удовлетворенности улетучилась.

— Около двухсот лет.

Кейд уставился на него.

— А как долго...

— До тех пор, — тихо ответил Эбу, — пока тычок тут, толчок там не опрокинут звездную империю. Я сомневаюсь, что кто-то из нас доживет до тех времен, когда это произойдет. Но это не имеет значения.

Конечно же, Кейд тоже не увидит этого. Но при этом у него была возможность получить значительное удовлетворение от хорошего пинка в ту сторону, где сейчас находится Стиор.

ВРЕМЯ ЮРТОВ

Глава 1

Девушка-раски изобразила двумя пальцами левой руки «рога демона» и плюнула сквозь них. Капли слюны, смешавшись с пылью, упали на глинистую дорогу, едва не задев край дорожного плаща Элоссы. Элосса не взглянула на девушку, ее глаза были прикованы к далеким горам, ее цели.

Ненависть городка душила ее, как облако пыли. Ей следовало избегать поселка. Никто из рода юртов не входил в местные поселения, если мог избежать этого. Передающаяся ненависть глубоко вгрызалась в высшее сознание юрта, затемняла восприятие, путала мысли. Но Элоссе нужна была пища. Вчера вечером, перебираясь по камням через ручей, она поскользнулась и упала в воду; припасы в ее поясной сумке превратились в клейкую массу, а утром их пришлось выбросить.

Торговец, к которому она обратилась, был угрюмым и грубым, но у него не хватило храбрости отказать ей, когда она быстро выбрала из его товара нужное. Из всех волн ненависти... Теперь, отойдя достаточно далеко от девушки, которая приветствовала ее плевком, Элосса пошла быстрее.

Юрты, мужчины и женщины, с достоинством проходили мимо раски, потому что игнорировали местных жителей и смотрели сквозь них, будто не видели. Юрты и раски различались как свет и тень, как гора и равнина, жара и мороз. У них не было ничего общего.

Они жили в одном и том же мире, ели одинаковую пищу, дышали одним воздухом. У некоторых в роду Элоссы даже были черные волосы, как у раски, и кожа их не отличалась по цвету. Раски были смуглыми от рождения, а юрты, живущие под открытым небом, темнели под лучами солнца. Если бы Элоссу одеть в хлопающую по шиколоткам юбку той девушки, что так наглядно демонстрировала свою ненависть, и зачесать волосы

вверх, они почти не отличались бы друг от друга. Разница была только в сознании, в мысли.

Так было всегда. Высшее сознание юрт получал от рождения. Ребенка учили пользоваться им раньше, чем он начинал говорить, потому что высшее сознание было единственным, что хранило юртов от полного уничтожения.

Закар был нелегким миром. Страшные бури в холодный сезон загоняли кланы юртов в горные пещеры, разрушали города жителей равнины. Леденящие ветры, град, ливневые дожди — все живое искало от них убежища. Поэтому Паломничество было возможно только в два месяца ранней осени, и Элоссе нужно было торопиться, чтобы успеть добраться до цели.

Элосса воткнула посох в скользкую глину и свернула с дороги, которая шла к фермам. Впереди виднелись тускло-коричневые приземистые дома. Дорога углом поворачивала от гор, к которым шла Элосса. Ей хотелось бы уйти с равнины вверх, в родные для нее места, где можно было свободно дышать, где не было пыли и мысли неуязвимы для ненависти, исходящей от любого раски.

По обычаю своего народа она должна была совершить путешествие в одиночку. В тот день, когда собрались женщины клана, чтобы дать ей посох, плащ, сумку с запасами пищи, у нее замерло сердце, и не только от страха. Идти одной в неизвестное... Но таково было наследственное обязательство юртов, и каждая девушка и юноша выполняли это, когда их тела становились пригодными для служения Старейшим, а мозг мог воспринимать Знание. Некоторые не возвращались, а те, кто вернулся, — изменялись.

Они были способны, если хотели, поставить барьер между собой и своими товарищами, закрывая мысленную речь. И они становились серьезнее, озабоченнее, как если бы часть Знания, а может быть, и все целиком, давила на них тяжелым грузом. Но они были юртами, а значит, должны были вернуться в колыбель клана, принять Знание, каким бы горьким и тревожащим оно ни было.

Именно Знание и вело их к цели. Они должны были держать свое сознание открытым, пока в нем не появится путеводная мысль. Мысль эта была командой, и ей следовало повиноваться. Элосса шла уже четыре дня, и в ней все время работало

странное принуждение, указывающее ей кратчайшую дорогу через равнины к горам, к стране, которую теперь посещали только по Зову.

Она и ее сверстники часто размышляли о том, что там находится. Двое из их компании уже уходили и вернулись, однако спросить их, что они там видели, запрещалось обычаями. В них уже стоял барьер. Тайна так и оставалась тайной до тех пор, пока каждый сам не уходил открывать истину.

Элосса не понимала, за что раски так ненавидели их. Может быть, из-за высшего сознания? У равнинных жителей его не было. Но тут было что-то еще. Элосса отличалась от хузов, кенпов и прочих живых существ, которых юрты уважали и которым помогали: на ее стройном теле, сейчас сероватом от дорожной пыли, не было ни шерсти, ни чешуи, однако в сознании этих существ не было ненависти к ней. Настороженность — да, если животное только что появилось в местах обитания клана, но это было естественно. Но почему же те, кто имел такое же тело, как у нее, глядели на нее с черной ненавистью в мыслях, когда она сегодня утром проходила мимо?

Юрты не хотели командовать никем, даже существами со слабым низшим мозгом. У всех живых существ свои ограничения, даже у юртов. Некоторые из ее рода были энергичнее, быстрее других, крепче в мысленной речи, у них были новые, необычные мысли, так что можно было подумать, что они мнят о себе очень много. Но юрты не управляли никем, и ими никто не управлял. Были обычаи, как, например, Паломничество, и все ему следовали, когда наступало время. Но им никто не приказывал поступать так. Это повиновение обычаю рождалось изнутри, и все, что нужно, делалось без вопросов.

Еще до ее рождения, в давние годы по счету клана, верховный правитель раски дважды посылал войска, чтобы уничтожить юртов. Те, кто дошел до гор, попали в сеть иллюзий, которую умели плести Старейшие. Люди отбивались от своих, потерянно бродили до тех пор, пока неизвестно как не возвращались к своему следу. В мозг самого верховного правителя раски было послано предупреждение. Так что, когда его храбрые солдаты стали по одному возвращаться, измученные и усталые, он вернулся в свой укрепленный город, и третьей

экспедиции не было. После этого юртов и их горную страну оставили в покое.

Но среди раски были правящие и подчиненные, и поэтому, как сказала бы Элосса, они были достойны сожаления. Некоторые мужчины и женщины всю жизнь трудились для того, чтобы другие могли жить беззаботно, не утруждая рук, и, по всей видимости, трудящиеся слегка им завидовали. Но ненавидели ли они своих господ так, как ненавидели юртов? Может быть, ненависть к юртам коренилась в еще более горькой зависти к свободе и братству кланов? Но вряд ли раски могли что-нибудь знать о жизни кланов. Ведь у них не было мысленной речи, и они не могли выходить из своих тел, чтобы увидеть на расстоянии.

Элосса вновь пошла быстрым шагом. Скорей бы уйти отсюда! Она задумалась. Конечно, не о том черном, зловредном языке, что тянулся к ней, как когти саргона, и который она «видела» высшим сознанием. Подобные мысли годятся для детей, а не для тех, кто уже достаточно вырос, чтобы быть призванным к Паломничеству. Чем скорее она подойдет к подножию гор, тем для нее будет легче.

Итак, она шла ровным шагом по тропинкам вдоль ровных рядов пастбищ, отведенных для хузов. Эти терпеливые животные поднимали головы, когда она проходила мимо. Она молча здоровалась с ними, и это, казалось, так удивляло их, что они мотали головами и фыркали. Детеныш хуза потрусил параллельно тропе, по которой шла Элосса, и она чувствовала, как он тоскливо смотрит на нее. Она заметила в его мозгу смутную память о свободном беге без узды или поводьев.

Она остановилась и пожелала ему хорошей пищи и приятных дней. В ответ пришли удивление и радость. Те, кто управлял этими животными, не знали, в сущности, их образа жизни. Элосса хотела бы иметь возможность открыть ворота этих пастбищ и выпустить всех животных на свободу, о которой они только смутно вспоминали. Но у юртов было правило: не пытаться менять что-либо в жизни раски или их слуг — это было бы неправильным использованием талантов юртов. Только в особо кризисных обстоятельствах, для спасения собственной жизни юрты могли создавать иллюзии против нападавших.

Пастбища закончились, Элосса подошла к подножию гор. Путь был трудным, но привычным для нее. Она выбросила из своего сознания последние остатки того, что тревожило ее, пока шла через поселок. Она подняла голову и откинула капюшон, чтобы ветер перебирал ее красивые волосы и приносил свежесть ее легким.

Она замечала слабые следы тропинок. Возможно, жители городка ходили сюда охотиться или пускали скот пастись по холмам. Но, похоже, следы были давние. Поднявшись на вершину одной горы, Элосса увидела монолит выше человеческого роста. Явно не природного происхождения, потому что камень был не тускло-серый, как все вокруг, а темно-красный, как запекшаяся на солнце кровь.

Элосса вздрогнула, удивившись, откуда у нее взялись такие мрачные мысли. Она отогнала их, как ее учили, подошла ближе и увидела на камне резьбу. Время и непогода сильно разрушили изображение, оставив только намек на голову. Чем дольше Элосса смотрела на нее, тем сильнее в ней поднималась тревога, ускоряющая дыхание и вызывающая желание бежать, такая, какую она чувствовала в городке.

По очертаниям лицо принадлежало раски, но были в нем элементы чего-то чуждого, страшно чуждого — угрожающего, несмотря на печать древности, лежавшую на нем. Предупреждение, поставленное здесь в давние времена, чтобы путник вернулся обратно? Какая же опасность лежала впереди, если мастер сумел так отчетливо выразить зло?

Работа не выглядела законченной, но нарочито грубо вытесанные черты лица подчеркивали и усиливали ощущение опасности, производимое на зрителя. Да, это было совершенно явное предупреждение!

Элосса заставила себя повернуться спиной к изображению и посмотрела, что лежит вдаль. Благодаря долгой тренировке, ее глаза научились изучать и оценивать пейзаж, она заметила еще один остаток далекого прошлого: далее от этой точки шла только одна дорога.

Камни были сдвинуты оползнями, откинута упрямым ростом кустов и деревьев. Но насыпь, которая была сделана для этих камней, изменила природные контуры местности, так что нельзя было сомневаться в ее искусственном происхождении.

Каменная дорога? Такая бывала только возле городов верховного правителя. Построить такую дорогу было трудно, и в нормальных условиях тратить силы на прокладку ее по склону горы совсем ни к чему. Значит, эта дорога была очень и очень древней. Элосса подошла к ближайшему камню; край его торчал вверх, а сам он прятался в траве. Она опустилась на колени и положила руку на камень, пронизывая его читающей мыслью...

В ней возникло слабое ощущение. Оно шло из давних, диких времен, из такого далекого прошлого, что земля приняла камень и наложила на него свою печать. Элосса чувствовала след песчаной ящерицы, чьи лапки касались отрога; что лежало дальше во времени, она не могла почувствовать, Мостовая вела в гору, куда Элоссе предстояло подняться, и использование старого пути дало бы девушке некоторое облегчение, возможность сберечь силы для более трудного дела. И она свернула на дорогу. Но древний путь мог быть закрыт, им прекратили пользоваться, и монолит был поставлен, чтобы запретить вход. Кто сделал это и зачем? Ее охватило любопытство, и она искала любой намек на то, что могло быть в конце этой дороги.

Чем дальше она шла, тем больше восхищалась искусством и умением, с каким делалась дорога. Она была проложена не самым легким способом, не поворачивала и не изгибалась, подобно следу животного или горной тропе и покрытым глиной дорогам на равнинах, — а прорубалась через все препятствия, как будто упрямый мастер приручал страну, чтобы она служила ему.

Элосса дошла до места, где оползни отчасти скрыли дорогу, прорезавшую гору, и пошла по остаткам этих оползней, помогая себе посохом. Дорога все еще вела в нужном Элоссе направлении. В девушке росло любопытство, куда она ведет, хотя могло случиться, что придется свернуть в сторону раньше, чем это выяснится.

Здесь больше не было таких изношенных временем камней, как тот монолит внизу, но время от времени встречались небольшие камни, некоторые из которых стояли, и на них были следы резьбы, но от изображений остались только тени. Ни один не доставил ей неприятного ощущения, как тот первый камень. Возможно, они относились к другому времени и были поставлены с другой целью. Под тенью одного такого камня Элосса села и поела. Недалеко журчал горный ручей, и шум бе-

гушей воды был хорошо слышен. Элосса чувствовала себя спокойно в этом лежащем вокруг нее мире. Но затем... ее умиротворенность была разбита.

Ее мысль-поиск лениво вылетела, преодолевая покой и свободу, и столкнулась с мыслью! Кто-то из клана в таком же Паломничестве? По горам бродили и другие кланы, с которыми ее народ мало контактировал в течение зимних месяцев. Нет, в этом коротком прикосновении она не уловила ничего знакомого, указывающего, что то был юрт — даже если юрт путешествовал, закрыв свое сознание.

Значит, это раски, потому что животные опознаются иначе. Охотник? Она не решалась, конечно, зондировать этот мозг. Хотя ненависть раски была угнетена страхом, кто знает, что может случиться, если раски вдали от своих встретится с одиноким юртом? Она подумала о тех юртах, что не вернулись из Паломничества. Объяснений этому было немало: падение со скалы, болезнь при отсутствии всякой помощи, смерть от какой-то опасности, которую они не могли остановить вышшим сознанием. Ей надо быть осторожной.

Элосса туго завязала шнурки продуктовой сумки, взяла посох. Легкий путь по дороге закончился. Ей предстоит подвергнуть испытанию свое знание гор. У раски не было умения юртов подниматься в горы. Если ее действительно выслеживают, то она запросто сохранит расстояние между собой и преследователем.

Девушка не спеша начала подъем: кто знает, охота может быть долгой, и надо беречь силы. Она не могла послать свою энергию слишком далеко, но держала прикосновение к мозгу преследователя и все еще чувствовала что-то тревожное впереди. Легчайшее зондирование мозга можно делать только с интервалами, чтобы удостовериться, что за ней и в самом деле следят, а не просто кто-то идет по своим делам.

Глава 2

Высоко над забытой дорогой Элосса остановилась перевести дух и пустить мысль-поиск вниз. Да, он все еще шел за ней. Она нахмурилась. Хотя она и приняла предосторожности против этого, но по-настоящему не верила, что это может случиться.

Раски никогда не выслеживали юртов. Об этом никто из ее народа не слышал после серьезного поражения Великого Правителя Филага два поколения назад. Что же случилось теперь?

Она знала, что может остановить его. Иллюзия, прикосновение к мозгу... Да, конечно, если бы она захотела воспользоваться своим талантом, этого оружия было бы достаточно. Но оставалось то, что лежало впереди. Когда человек идет в Паломничество, никто из побывавших в нем не делает никаких намеков, на что можно тут рассчитывать. Однако некоторые предупреждения и сведения были в основном о том, что паломнику понадобится весь его талант при встрече с тем, что его ждет.

Сама природа высшего сознания такова, что оно не постоянно, не всегда одной силы, независимо от того, как им пользуются. Оно растет и убывает, чтобы накапливаться для какой-то неожиданной надобности. И Элосса боялась расходувать то, что может понадобиться ей позднее, только на то, чтобы заставить незнакомца повернуть обратно. К тому же он, может быть, просто случайно шел тем же путем, а вовсе не выслеживал ее.

Приближалась ночь, а ночи в горах холодные. Надо отыскать пещеру, чтобы провести в ней темные и холодные часы. Элосса огляделась. Этот подъем не так крут, чтобы утомить ее, но дальше шли более крутые. Их можно оставить на утро.

Сейчас она стояла на гребне, расширявшемся в одну сторону. Наносы земли позволили укорениться небольшим кустикам и траве. Следуя в этом направлении, она дошла до озера. Полет мысли-поиска коснулся птиц и нескольких горных грызунов, ничего более крупного.

Элосса смыла с лица пыль равнин и напилась. Затем достала из-за пазухи металлический диск, висевший на крученом шнурке. Положив диск на ладонь, она в последний раз оглядела глазами и сознанием свое непосредственное окружение, удостоверившись, что может на короткое время расслабиться.

Поблизости не было ничего, за чем нужно было следить и чего остерегаться. Она хотела узнать, кто идет за ней следом. Если это просто охотник — прекрасно. Но раски поступает вопреки традициям, значит, тут что-то еще.

Она всмотрелась в металлическую пластинку. Поверхность ее, как ни странно, не отражала ее лица. Диск оставался абсолютно пустым. Элосса сосредоточилась и сначала попыталась

увидеть то, что заведомо существовало, — это было бы доказательством, что в дальнейшем она увидит не просто порожденную ее воображением фантазию, а нечто реальное.

Предупреждающий монумент. По неотражающему зеркалу прошла рябь. Крошечный, неясно видный из-за расстояния камень с изображением злобного лица показался сейчас, ближе к вечеру, еще более темным.

Отлично, прием работает. Теперь более трудная задача — преследователь, которого она так и не видела, а лишь уловила мысль. Осторожно, очень медленно она послала вопрошающую мысль.

Мысль коснулась, задержалась. Элосса ждала. Если человек осознал зондирование, то ответ может прийти немедленно, и тогда она сразу же прервет нить связи. Но преследователь никак не реагировал. Она послала более сильный импульс, пристально глядя в зеркало.

В зеркале появилась маленькая фигурка, еще более неясная, чем камень, потому что Элосса категорически не хотела усиливать связь. Человек был одет в кожаную одежду раски. Конечно, охотник, поскольку у него были лук и колчан со стрелами, а кроме того, короткий меч. Лица его она не видела, но эманации мысленного прикосновения говорили, что он молод.

Элосса мигнула и тут же прервала контакт: пришел ответ. Этот человек понял, хотя и неясно, что за ним наблюдают. Он почувствовал беспокойство.

Она приняла этот факт с некоторым сомнением. По всем стандартам ее народа считалось, что раски не способны к такой осведомленности. Если бы у них было хоть в малейшей мере высшее сознание, их нельзя было бы обмануть иллюзиями. Однако Элосса была уверена в том, что прочитала за эти несколько мгновений связи. Он знал! Знал достаточно, чтобы почувствовать ее зондирование. Это делало его опасным. Конечно, она могла индуцировать иллюзию, правда, кратковременную — ни один юрт не мог долго удерживать иллюзию, так как для этого требовалась объединенная энергия многих людей.

Итак, она села и смотрела на заходящее солнце. Есть несколько полезных иллюзий, например, материализация саргона. Ни один человек не мог надеяться устоять против этих мохнатых убийц, которые выпивали кровь жертвы и логовища

которых располагались высоко в горах. Они были так безумны, что даже юрты не могли влиять на них, разве только заставляли свернуть с тропы, если встречались с ними. К ним нельзя было обращаться с мысленной речью, потому что у них, в сущности, не было мозга, а лишь хаос слепой ярости и всепоглощающей жажды крови. Отличный выбор и...

Элосса напряглась. Саргон? Но там был саргон! Не внизу, где она предполагала поместить свою иллюзию, а на горе. И он шел к ней! Вода... да, конечно, вода, необходимая всему живому. Озерцо, рядом с которым она сидела, могло быть единственным источником воды поблизости. Она видела отпечатки птичьих лап на глинистом берегу и более мелкие следы мону. Саргона привлекала вода.

Нельзя сказать, что он недавно ел. То слабое сознание, какое было у этого зверя, мутилось от голода, подавляющего даже жажду! Голод! Элосса должна была сыграть на этом.

Саргона нельзя отогнать иллюзией, и изменить его путь Элосса не могла, потому что голод зверя был слишком силен. Она быстро пустила мысль-поиск и почувствовала руга, опасного зверя, который тоже жил в горах. Далеко ли он? Элосса не могла определить. Сейчас все зависело от того, насколько голоден саргон.

Работая точно, Элосса ввела в этот крутящийся водоворот яростного желания впечатление руга... приближающегося... Это должно вызвать не только представление неистового охотника о пище и крови, но еще и ярость от вторжения чужака в его охотничьи угодья. Два крупных хищника не могут занимать одну территорию без сражения, даже если они одной породы.

И Элоссе это удалось! Вспыхнула искра гордости, которую она тут же подавила. Самоуверенность была самой худшей ошибкой, за которую любой юрт мог поплатиться. Но зверь на склоне горы принял ее внушение и свернул в сторону. Ветер с гор донес след мерзкого запаха.

«Там руг», — продолжала она излучать. И саргон окончательно изменил курс. Надо вести его, продолжать...

Все это пробудило в ней силу, о которой она и не подозревала. Она твердо держала мысль. Она не боялась, что саргон почует ее. Юрты издавна делали разные травяные настои как

для внутреннего, так и для наружного употребления, чтобы заглушить естественный запах, способный привлечь хищников.

Саргон бежал вниз по склону и был теперь много ниже того места, где сидела Элосса. Можно было прекратить посылать подгоняющую мысль. Руг был там, значит, рано или поздно... Она быстро пустила мысль-поиск и вдруг застыла.

Это не руг! Охота за человеком! Тот, кто шел за ней — случайно или с какой-то целью, — располагался так, что его запах оказался услышан. Саргон направился к нему.

Мороз пробрал Элоссу по коже. Она сделала невообразимое: пустила смерть по следу человека. Юрт мог подвергнуть раски воздействию иллюзий, но осудить его на смерть не мог. А она... Ее даже затошнило, какое-то время она не могла думать, охваченная ужасом, что развязала силы, которыми не умеет управлять.

Схватив посох и оставив сумку там, где сидела, Элосса направилась обратно по склону, на который недавно поднялась. Ее вина, и если она идет на смерть — что ж, это будет всего лишь расплата, которую она заслужила. У того человека были лук и меч, но против саргона это ничто. Она оскальзывалась и оступалась, обдирала руки, пытаясь удержаться.

Саргон закричал. Он был еще довольно далеко, но много ли времени в запасе у Элоссы? Ее тренированное сознание начало освобождаться от шока. Идти вниз этой дорогой — бесполезно. Посох — не оружие. Оставался только руг!..

Девушка призвала мысли к порядку, собрала силы. Она стояла на небольшом выступе спиной к горе и смотрела вниз. Густой кустарник внизу мешал ей видеть.

Руг! Ее мысли, призыв к сражению, метнулись в сознание животного. Руг был бойцом, яростным, но не безумным, как саргон. Теперь она с силой навязывала мысль, которую обычно внушала медленно и осторожно: «Саргон... здесь... охотится... убей... Убей!»

Второй огромный хищник ответил. Элосса играла на его ненависти, распаляя эту эмоцию до такой степени, что та могла сжечь человеческий мозг. И руг двинулся!

Из полутьмы донесся крик. Крик человека!

Она опоздала! Опоздала! Элосса всхлипнула и продолжала спуск. Руга уже не нужно было подгонять: он рвался в бой. Теперь надо было найти человека, вероятно, уже мертвого.

Ранен, но еще жив. И не только жив, но защищается! Он стоял на высоком месте, где саргон не мог его достать. Но ведь это ненадолго! Поскольку он ранен, мохнатое чудовище приложит все усилия, чтобы добить легкую добычу.

Руг... как бы в ответ на эту ее мысль раздался третий крик. Теперь Элосса увидела: огромная темная фигура, частично скрытая кустарником, огибала склон. Плотное тело, выше плеча человека, покрыто таким длинным и густым мехом, что коротких ног почти не было видно; он медленно пробирался, выпущенные когти раскидывали мелкие камни, землю, гравий.

Это был гигант даже среди ругов, достаточно взрослый, чтобы стать осторожным бойцом, потому что из выводка выживал сильнейший. Пожалуй, он был единственным возможным противником для саргона. Когда он заревел во второй раз, Элосса надеялась, что этот вопль вызовет отвлечет саргона от завершающей атаки на человека.

На вызов ответил пронзительный визг. Может, саргон хочет сначала покончить со своей жертвой, а уж потом кинуться в сражение? Элосса пыталась добраться до его разъяренного мозга. Она не была уверена, что ее мысленный толчок возымеет действие. Мозг саргона жаждал смерти и разрушения.

«Руг!» Настойчивость Элоссы, может быть, была пустяком для саргона, но ничего больше сделать она не могла. Она знала, что человек еще жив, потому что в исчезновении жизни невозможно ошибиться: она почувствовала бы это как уменьшение ее самой. Не такой взрыв, как от смерти юрта, но все равно ощущение было бы замечено.

Руг остановился, взметнув из-под ног тучу гравия. Теперь он стоял на задних лапах, размахивая передними. Голова, сидевшая прямо на широких плечах, повернулась к кустам, челюсти приоткрылись и показали двойной ряд зубов.

Из укрытия показалась узкая голова саргона. Животное еще раз завизжало, пуская пену изо рта. Длинное, узкое, змеиное тело саргона свернулось, как пружина, а затем метнулось в воздух, на ожидающего руга.

Глава 3

Звери столкнулись в схватке, о которой Элосса знала не только зрением и слухом, но и по взрыву яростных эмоций, прокатившихся в ее мозгу и чуть не лишивших ее сознания, прежде чем она успела поставить барьер. Руг и саргон катались, нанося друг другу страшные удары. Элосса отползла к месту, откуда можно было спуститься. Долг по-прежнему призывал ее к опасному пятну внизу. Она была уверена, что тот, на кого напал саргон, ранен. Толчок, полученный ее мысленным поиском, был достаточно силен, так что можно было предположить, что человек все еще находится в большой опасности.

Она осторожно спускалась, пока вокруг нее не сомкнулся кустарник. Если она и производила при спуске какой-то шум, он все равно заглушался звуками битвы. Скрываясь в растительности, она с помощью посоха расчищала себе путь.

Очень осторожно она послала тончайшую нить-мысль. Да, внизу! Закрыв сознание от излучений ярости, исходящих от сражающихся животных, она шла к тому месту, где, как она знала, был человек.

Кустарник поредел. Она вышла на открытое место, где теснились скалы под быстро надвигающимися сумерками. Хотя ее сознание было закрыто, а уши почти оглохли от рева чудовищ, она уловила болезненный стон.

На вершине самой высокой скалы кто-то чуть приподнялся и снова упал. Одна рука свесилась. Элосса взобралась наверх. Было еще достаточно светло, чтобы увидеть тело с расплывающимся пятном на левом боку и плече. Она осторожно опустилась перед ним на колени и осмотрела рану. От плеча к ребрам кожа была содрана, как со спелого плода. В поясе Элоссы был маленький мешочек с лекарствами. Хотя человек не двинулся при появлении Элоссы, он был в сознании, и она не могла работать. Она не только не могла избавить его от сильной боли — ведь раски не знали внутреннего контроля, — но не могла и лечить, если мозг раненого по неведению станет препятствовать ей. Глубоко вздохнув, девушка присела на пятки и положила голову раненого себе на колени. То, что ей следовало сделать (поскольку человек был ранен по ее вине), шло вразрез с обычаями и законами юртов. Но обязанность, лежавшая на ней,

диктовалась еще более высокими законами. Раз она причинила вред, она и должна исправить его.

Медленно, обдуманно, с большой осторожностью, как бы овладевая запретным, в котором ее не тренировали, Элосса включила мысль-поиск.

«Спать, — приказывала она, — отдыхать». Его голова дернулась на ее колене, глаза приоткрылись. Да, она чего-то коснулась. Он все еще был на краю сознания и в какой-то мере знал о ее вмешательстве. «Спать... Спать...»

Часть сознания угасала под настойчивой командой. Теперь девушка включила другой приказ, чтобы отвести боль... Боль, конечно, останется, но как бы отдалится. Элосса делала такое с ранеными животными, с детьми юртов, сломавшими руку или ногу при падении. Но животные доверяли ей, а дети знали, что она умеет делать, и были готовы отдаться в ее власть. Срабатывает ли ее умение так же и на раски, который с ненавистью и презрением смотрел на весь ее род? «Спать...»

Элосса была уверена, что раски за пределом сознания. Она послала очень осторожную мысль-поиск, и ее вторжение не вызвало более тревоги.

Своим поясным ножом она разрезала его куртку и пропитанную кровью рубашку и обнажила страшную рану. Из мешочка на поясе достала сложенную ткань: внутри складок был толстый слой смеси сухих трав и чистого жира. С бесконечной осторожностью она соединила края разорванной плоти и, придерживая их одной рукой, другой медленно накладывала ткань. Хотя кровь и текла при наложении повязки, но через нее уже больше не просачивалась. Наконец вся рана была закрыта.

Элоссе пришлось ослабить мысленное влияние, потому что вся ее энергия и талант сосредоточились на другом. Как медленно она входила в его мысли, так медленно и вышла. К счастью, он не пришел в себя ни тогда, ни теперь.

Она положила кончики пальцев на ткань и, сконцентрировавшись, нарисовала мысленный образ здорового тела. Она сделала допущение, что тело раски ничем не отличается от тела юрта. Она приказала крови перестать течь из раны, подгоняя клетки наращивать новую соединительную ткань. Она чувствовала, как ее энергия льется через пальцы на рану. Излечить! Ее пальцы двигались взад и вперед, слегка прикасаясь к тряпке,

и посылали силу высшего сознания, сосредоточенную на этой единственной цели.

Когда она завершила свои попытки, усталость навалилась на нее. Руки упали вдоль тела, плечи сгорбились. Наступила темнота, и Элосса не могла разглядеть лица спящего. Но он спал, и она больше ничего не могла для него сделать.

Она с усилием подняла голову. Шум битвы затих. Ее сосредоточенность ослабла. Она хотела поискать в ночи, но ее энергия сильно истощилась, все ее тело так устало, что она не могла даже двигаться, поэтому сгорбилась над спящим, ждала и слушала.

Ни звука, ни ощущения не взметнулось в ней. Она не могла проникнуть мыслью-поиском во тьму. Могут пройти сутки, а то и больше, прежде чем к ней вернется часть истраченного ею таланта.

В ночи послышался вздох. Голова спящего еще раз коснулась ее колена. Элосса напряглась. Она заплатила свой долг раски, но не думала, что ее забота о нем в какой-то мере смягчит врожденную ненависть его народа к ней. Хотя ей нечего было его бояться при его теперешнем состоянии, но его эмоции, если он полностью придет в себя, нарушат мир и покой, необходимые ей для восстановления силы. Она медленно отодвинулась от человека. Как ни велика была ее усталость, она знала, что должна уйти из его поля зрения.

Она встала и, опершись на посох, повернулась к склону. Из кустов до нее долетел запах крови и смешанная вонь руга и саргона. Там осталась масса изорванного меха и сломанных костей, а жизнь ушла. Два чудовища, равных по силе, сражались, пока не погибли оба.

Девушка обошла стороной это страшное поле боя. Послышался звук осыпающегося гравия, хриплый крик птицы, топанье лап: шли пожиратели падали. Никто из этой шумной компании не пугал Элоссу. Они найдут ожидающую их пищу.

Вверх и вверх. Она часто останавливалась, чтобы набраться сил и укрепить волю. Наконец она вышла к поросшему травой и кустарником месту, где бежал ручей. Она окунула в холодную воду лицо и руки и почувствовала голод. Элосса жевала, стараясь думать только о еде, но в конце концов не выдержала: повесила на шею шнуры и опять занялась едой. Она не знала, как и

почему работает диск, но он был настроен лично на нее и, повешенный таким образом, мог дать ей знать о любой опасности.

Защитившись таким образом, насколько возможно, в этой дикой местности, Элосса вытянулась на густой траве, положив рядом свой дорожный мешок. В эту ночь не было времени для ежедневного размышления обо всем происшедшем, чтобы получить ответ на какой-то вопрос или предложить вопрос для изучения в будущем. Элосса хорошо разбиралась в снах, иногда очень живых, иногда же столь незначительных, что они улетали и она не могла удержать их, несмотря на всю свою тренировку. Но...

Она стояла на дороге, сделанной из хорошо пригнанных каменных плит. Дорога была прочной и гладкой, вилась, поднималась вверх, и глаза Элоссы не видели ее конца. И она пошла по этой дороге. Кто-то шел за ней, но она не могла оглянуться, а только чувствовала чье-то присутствие. Ее ноги почти не касались поверхности камней. Она как бы скользила над дорогой. Дорога все поднималась, Элосса шла, и кто-то все время следовал за ней.

Она шла быстро, и ей казалось, что она уже прошла большой путь с тех пор, как вступила на эту дорогу. Теперь она шла среди гор. Туман обволакивал ее тело, но дорога вела ее, и она не могла заблудиться. Она неслась так быстро, что все вокруг сливалось. Нужно, отчаянно нужно было добраться до какой-то точки, хотя Элосса не знала, что там впереди и зачем необходимо было идти туда.

Никого другого на дороге не было, кроме того, кто шел позади, шел, похоже, медленно, поскольку не догнал Элоссу. Но он шел по той же причине, что гнала ее вперед, и она это знала.

Все выше и выше. Затем — проход между высокими и темными стенами гор. Когда она вошла в этот проход, сила, которая несла ее, вдруг исчезла. Внизу клубился туман, закрывая нижние склоны, куда шла дорога. Потом туман вдруг разошелся перед ней, как раздвинутый занавес. Она смотрела вниз, в такую глубину, что у нее закружилась голова, и девушка не могла двинуться ни вперед, ни назад.

Внизу были блески света, как будто там бросили горсть драгоценных камней. Они сверкали на башнях, на стенах высоких домов. Там был город, такой большой, величественный и им-

позантный, какого она никогда не видела. Башни взметнулись так высоко, что с земли, — подумала Элосса, — они, наверное, кажутся упирающимися в небо.

Там была жизнь, но город был таким далеким и в каком-то смысле призрачным, словно между ним и Элоссой легла граница другого измерения. А затем...

Она не слышала ничего, но в воздухе появилась вспышка пламени, яркая как солнце. Это пламя опустилось на город — не на центр, а далеко на краю. Вспышка дошла до городской стены, разлилась по ней и стала лизать ближайшие здания.

Над этим пламенем что-то висело. Огонь хлестал из низа и боков темной шарообразной массы. Шар опустился ниже. Между ним и землей металось пламя, распространявшееся все дальше.

Элосса была слишком далеко, чтобы видеть, что случилось с жителями города. Все горело. Рухнули три башни, когда изрыгавший огонь шар опустился поблизости, частично на город, частично вне его. Башни, стены, здания — все было раздавлено им.

Пламя поднялось выше, катилось все дальше по городу. Элосса качалась, борясь с силой, державшей ее здесь. Она чувствовала острое горе, но не могла сказать о своей великой печали, рвущей сердце. Это была катастрофа, а не преднамеренное действие, однако из нее возникло чувство вины, заставившее девушку опустить голову...

Элосса открыла глаза. Не было никакой дороги, не было никакого города, однако она не сразу пришла в себя и вернулась к реальности. Сон принес ей чувство вины, сходное с тем, какое она испытала, когда поняла, что невольно послала смерть подкрадываться к человеку.

Первая из двух лун стояла высоко в небе, а ее сестра оказалась на горизонте. Лунный свет посеребрил воду в ручье; птица, питающаяся падалью, закричала, медленно поднимаясь от своего пиршества.

Элосса приняла позу для ровного дыхания, чтобы успокоить нервы. Она не сомневалась, что этот сон имел важное значение. Он не расплылся, не ушел из ее сознания, как большинство снов. Она была свидетельницей разрушения части города. Но почему ей было дано такое видение, она не знала.

Она взяла в руки диск и послала поиск. Существовал ли когда-нибудь этот город? Не по этой ли дороге, теперь уже почти разрушенной, она недавно шла? Она жаждала узнать это, но осторожность не советовала вновь пользоваться своим талантом, пока Элосса не будет уверена, что обрела полный запас сил.

Она медленно откинулась назад, скрестив руки на груди под плащом и зажав в правой руке диск. Однако больше не заснула. Воспоминание о том сне походило на тупую зубную боль, проникало в мысли, в воображение.

Зачем, где, когда и как? Об этом ничего не говорилось в обучении, которым она была занята с раннего детства, не было никакого намека на существование подобного города в прошлом или настоящем — юрты не жили в городах. Их жизнь, с точки зрения других, была груба и примитивна, но их внутренняя жизнь была совсем иной. А раски жили в городах, но город короля-вождя, конечно, ничуть не походил на город, который она видела во сне.

Да, тут была тайна, а тайны Элоссу возбуждали и в то же время вызывали беспокойство. В горах было что-то важное — сам факт Паломничества подтверждал это. Что она найдет там? Она смотрела на восходящую луну и старалась внести ясность и порядок в свой ум, как было принято в ее роду.

Глава 4

Утром Элосса наполнила водой фляжку, немного поела и продолжила путь вверх. Свежесть горного воздуха прогнала часть теней, нависавших накануне. Оставалась только мысль о человеке внизу. Элосса сделала для него все, что могла, остальное зависело от его собственных сил. Попытка контакта с ним теперь могла повредить как ей самой, так и ее миссии.

Вверх и вверх. Подъем был тяжелым. Она не торопилась и искала места, по которым было легче идти. Дул холодный ветер, по вершинам уже протянулись белые снежные шарфы. Позднее лето, ранняя осень равнин стали здесь зимой.

Один раз, когда она остановилась отдохнуть и с любопытством оглядывалась вокруг, она вдруг вспомнила, что видела

уже такую каменную стену, поднимающуюся неподалеку. Пригнувшись, она пошла по узкому гребню, потому что по нему было удобнее подниматься по склону, как будто этот гребень был специально вырезан, хотя на самом деле он был естественного происхождения. Но дальше лежали остатки дороги, сделанной руками людей или других существ, равных по разуму человеку. Дорога эта, вероятно, была продолжением той, которую Элосса оставила у подножия горы, но в начале ее был проход, тот, что Элосса видела во сне.

Она заколебалась: не был ли этот сон вещим, не показывал ли он, куда она должна идти? А может, предупреждал, чтобы она не шла по этой тропе? Она стала вспоминать сон.

На той дороге камни не были разбитыми, она была целой и прочной и вела Элоссу, хотя та, в сущности, не шла по дороге. И сон, несмотря на страшное зрелище гибнущего города, вроде бы не пугал девушку. И она решила: этот сон был послан, хотя и не ее народом, потому что она тут же узнала бы технику. Значит... призраком прошлого? Теория и объяснение этого были знакомы ей, как собственное имя. События, сопровождаемые сильнейшими эмоциями, должны отпечататься на месте этих действий, как рисунок, воспроизводящий события. Эти эманации могут быть приняты долгое время спустя тем человеком, чья природа открыта подобному восприятию. В прошлом она видела тени трех людей из армии верховного правителя, принявших смерть от руга. Это произошло за много поколений до нее. Более великая смерть города вполне могла запечатлеть его агонию на местности.

Элосса опустила голову на руки, отгоняя воспоминания о сне, и вернулась к принуждению, которое привело ее в Паломничество. Оно было тут, оно указывало ей горное ущелье. Она подняла котомку, спустилась по древней дороге и пошла по проходу. Пройдя несколько шагов, она покачнулась и закусила губу.

Хотя она отступила за мысленный барьер, он не был надежным убежищем от эмоций. Она как бы вновь была поражена невидимыми ударами, заставившими ее вернуться назад. То, что лежало здесь, не было материальным, но приближаться к нему было так же трудно, как погрузиться по пояс в бурный поток и идти против течения, готового сбить с ног.

В этом проходе был не только ветер: здесь таилась злоба, глубокая и яростная, как бессмысленная ярость руга и саргона, крик мести. Элосса не сознавала, что шаг ее стал неровным, что она шатается из стороны в сторону.

Ее толкало то вперед, то назад, словно здесь противодействовали две почти равные силы и она стала игрушкой их обеих. Но она все-таки продвигалась вперед, на шаг, на полшага, но вперед. Дышать было трудно. Она думала только о разбитой дороге, о том, чтобы продвинуться хотя бы чуть-чуть дальше.

Элосса боролась. Она так запуталась в этих силах, что даже в мыслях не смела освободиться. Нет, она должна идти до конца.

Вперед. Она слышала свое шумное дыхание. Боль петель стягивала ребра. Она втыкала посох в щель перед собой и с усилием делала шаг, и потом опять искала такую же щелку.

Время для нее остановилось. То ли было утро, то ли вечер, а может, и следующий день. Жизнь и время остались позади. Каждый шаг приближал ее к полному истощению.

Наконец она вдруг оказалась в зоне абсолютного покоя. Две силы, использовавшие ее как арену, так неожиданно прекратили свои действия, что она в изнеможении прислонилась к скале, едва держась на ногах. Сердце ее сильно билось, дыхание вырывалось со свистом. Она чувствовала себя опустошенной, обессиленной, как была после того, как потратила свой талант на помощь охотнику-раски.

Элосса подняла голову, и ее дыхание сбилось: она была не одна!

Оказывается, она дошла до конца прохода. Как в ее сне, по склону клубился туман и не давал возможности видеть что-либо внизу и вдали. Но из тумана выделялся... Несмотря на все свое самообладание, Элосса вскрикнула от ужаса и крепче стиснула посох — единственное свое оружие. Но против... против чего?

По очертаниям это был человек. По крайней мере он стоял на двух конечностях, вытянув две другие перед собой. Одна рука наполовину скрывалась за овальным щитом, закрывшим тело почти от горла до бедер. Другая, худая, но с достаточно крепкими костями пальцев, держала рукоять меча. Почерневший от огня череп с уцелевшими кое-где прядями обгоревших волос был прикрыт шлемом.

Глаз у него не было... но он видел! Голова в шлеме повернулась к Элоссе. Никто, обгорев настолько, не мог бы остаться в живых! Однако это существо стояло прямо, зубы страшного черепа насмешливо скалились, как показалось Элоссе в ее страхе и отвращении.

Такое не может быть! Элосса сделала несколько коротких вздохов, чтобы успокоить нервы. А если не может быть, — сказал ей вернувшийся разум, — значит, это мысленная форма...

Существо двинулось. Оно имело три измерения, оно было столь же реальным, как ее рука, которую она подняла в жесте отказа верить. Мысленная форма... Но от кого и зачем? Щит поднялся в положение защиты, так что только глазные впадины были видны над его закопченным краем. Меч был наготове. Существо шло к ней...

Мысленная форма... если она сделана по обычному образцу, то ее питает и укрепляет страх самой Элоссы, ее отвращение. Это создание не было живым, его жизнь строилась из ее эмоций.

Элосса облизала пересохшие губы. Она всю жизнь имела дело с иллюзиями, но построенными ею самой или кем-то другим из ее рода. Это же было абсолютно чуждым, оно было порождено врагом, которого Элосса не могла понять. Как ей найти ключ к этому?

Всего лишь иллюзия! Элосса держалась за эту мысль. Однако иллюзия шла к ней и медленно заносила меч, готовясь разрубить ее. Все инстинкты девушки требовали, чтобы она защищалась посохом. Но поддаться этому требованию — это могло означать смерть.

Мысленная форма... под первоначальным страхом девушки зашевелились другие эмоции. Возможно, это родилось из ее сна. И теперь ужас вызвало не появление скелета, а воспоминание о виденном ею разрушенном городе.

Какой-нибудь страж или воин погиб здесь. Но в чьей памяти сохранилось это и зачем вышло теперь против Элоссы?

Проклятие стража, что умер на своем посту. Мысленная форма не обязательно рождается от живого мозга: боль и ярость умирающего были так сильны, что могли проецироваться спустя долгое время после смерти мозга, родившего этот образ.

— Это прошло, — сказала Элосса вслух. — Давно прошло. — Но что могут сделать слова? Они не дойдут до мертвого. Но ведь это только проекция, она не опасна Элоссе...

Собрав всю свою уверенность, словно складки плаща, она отошла от скалы. Страж был теперь на расстоянии длины меча от нее. Элосса не уклонилась, уверенная, что всякое колебание повредит ей. Она пошла вперед, прямо на мертвого. Это было самым страшным испытанием, какому она когда-либо подвергалась. Шаг, еще шаг... теперь она стояла прямо против фигуры. Еще шаг...

Она споткнулась, как будто ее захлестнула волна эмоций, съедающая ее уверенность, ее здравый смысл. Но она прошла, прижав руку к голове, потому что в ней был как бы взрыв ужаса, который заполнил все, захлестнул все мысли, оставив только ощущения.

Элосса прошла сквозь стража!

Она оглянулась назад, но там ничего не было, как она и предполагала. В ее ногах чувствовалась такая слабость, что девушка боялась упасть. Держа посох обеими руками и склонившись к нему, она с трудом пошла в сырой туман, закрывающий спуск из прохода.

Звуки. Первая атака была зрительной, вторая — звуковой. Вопль, как издадека, но не крик животного. Крик нестерпимой боли и безграничного страха, разрушающего мозг. Элосса хотела заткнуть уши, но это означало бы признание, что проекция взяла над ней верх.

Что-то двигалось в тумане почти у самой земли. Элосса остановилась. На свет выползла фигура, у нее не было ни меча, ни щита, не было и признаков ожогов. Она ползла медленно, с трудом, как раненое животное, но это был человек. Одна нога была раздроблена, из нее сочилась кровь. Голова была поднята кверху, как будто ползущий искал впереди какую-то цель, которая поможет ему выжить.

Это была женщина. Длинные волосы прилипли к вискам. Оборванная одежда, которая, однако, не походила на обгоревшие лохмотья стража. Это был рваный, залитый кровью зеленый костюм, плотно облегающий тело. Такой одежды Элосса ни разу не видела.

Женщина с трудом подползла ближе. Ее рот открылся в беззвучном крике, и она упала ничком, все еще пытаясь поднять голову. Она смотрела на Элоссу, и в ее глазах была такая мольба о помощи, что девушка едва не утратила контроль над собой, над решимостью не дать ввести себя в заблуждение.

Молчаливая просьба ударила в сознание Элоссы. В этой фигуре не было ничего страшного. Она вызывала жалость, в какой-то мере требующую действий, так же как страж вызывал страх. И у Элоссы было ощущение родства с женщиной, хотя та не была юртом и даже не от крови юртов, это Элосса знала.

«Помоги, помоги мне!» Невысказанные слабые слова звучали в голове Элоссы, и девушку заполнили эмоции. Помочь! Она бессознательно опустила на колени, протянула руку...

Нет! Она застыла, не двигаясь. Иллюзия едва не победила!

Самое страшное для юрта — поддаться иллюзии. Элосса закрыла глаза рукой. Она не поддастся! Это означало бы предать себя всю! Но закрыть глаза — не выход из положения. Нужно прямо смотреть на эту иллюзию, рожденную ее эмоциями, и считать ее тем, что она есть — тенью из прошлого. Как страж питался ее страхом — а может быть, и страхом тех, кто шел этим путем до нее, — так эта женщина питается ее состраданием и желанием помочь. Элосса должна овладеть своими эмоциями и не дать разжалобить себя.

Элосса встала. Женщина на земле слегка приподнялась на одной руке, упираясь другой в стену. Ее глаза умоляли, губы шевелились, как бы не в силах ни сказать, ни крикнуть.

Как и в случае со стражем, Элосса собрала всю свою волю и решимость и, сжав посох, шагнула вперед. Она не сводила глаз с женщины, потому что иллюзию надо встретить во всей полноте, не отклоняясь.

Шаг, еще шаг... Ее захлестнула волна эмоций — боли, страха, и превыше всего — мольба о помощи, о сочувствии...

Дрожащая, измученная, она прошла сквозь это. И снова вокруг нее сомкнулся туман, а она пробиравалась дальше, стряхивая с себя непереносимую тяжесть чувств, которые вторично пытались захватить ее и в этот раз были куда более опасными.

Элоссе повезло, что здесь была дорога, потому что туман оказался таким плотным, что легко можно было сбиться с пути. На разбитой дороге попадались камни, местами скольз-

кая земля, но даже обходя их, Элосса вновь находила дорогу. Затем туман поредел. Она вышла из него, остановилась и оглянулась на проход, которого уже не было видно.

А вот это уже не иллюзия! Она полубессознательно метнула мысль для уверенности, не скрывается ли рядом с иллюзиями что-то другое, коснулась сознания и тут же отпрянула. Кто это? Она должна узнать, даже если эта проверка выдаст ее.

С величайшей осторожностью Элосса встала на скользкий камень и послала мысль-поиск...

Это был он! Раски, который, как она думала, остался далеко позади. Зачем он шел за ней? Несмотря на лечение, которое она применила к его ране, он, конечно, не настолько поправился, чтобы легко проделать такое путешествие. Но ошибки не было: это был тот самый мозг, которого она уже касалась. И он был здесь... Она почувствовала волну его страха. Наверное, он встретился со стражем. Как он мог пройти так далеко без всякой защиты от иллюзий? По самой своей природе он не мог иметь защиты.

Элосса задумалась. Она частично была виновата в его ране и, следовательно, обязана была помочь ему. Но сейчас ситуация изменилась: он сам выбрал свой путь, без какого-либо влияния с ее стороны, так что она не несла ответственности за то, что может с ним случиться.

Глава 5

Вперед — приказывала ей логика, подкрепленная всей тренировкой с раннего детства. Однако Элосса замешкалась, не в силах порвать тонкий контакт со страхом другого человека. Вперед! Это не твое дело! Если он хочет идти тайком, пусть сам и отвечает за свою глупость!

Она принудила себя сделать шаг, потом второй и решительно закрыла свое сознание от каких-либо эманаций, хотя в глубине души протестовала против такого решения. Последние клочья тумана рассеялись, и теперь она видела местность внизу. Вопреки всякой логике, Элосса надеялась увидеть то, что показывал сон, — город и нечто с небес, разрушившее его. Там и в самом деле было плато, почти такое же широкое, как

равнина, по которой она прошла. Вдалеке смутно различались очертания других гор. Видимо, они окружали плато стеной с трех сторон, как защищающие барьеры.

Города как такового не было. Но когда она пригляделась к некоторым впадинам и выпуклостям на плато, заросшем травой, то поняла, что это давно оставленные руины. Там даже сохранились каменные столбы, видимо, последние остатки стен.

Она чуть повернула голову к северу, чтобы проследить за изгибом такой стены. Эти остатки не были городом, они находились значительно дальше того места, которое она видела во сне. Но на поверхности что-то возвышалось, и купол все еще был замечен. Это была та вещь, что спустилась с небес и все разрушила. Именно туда вело ее принуждение Паломничества. Это принуждение усиливалось и заставляло ее завершить путешествие как можно скорее.

Дорога сворачивала влево, вдоль горной стены, и была очень разбита, ее широкие участки снесли оползни или лавины, и оставшаяся тропа была не для неосторожного: один неверный шаг мог стать причиной падения в пропасть.

Элосса сосредоточила все внимание на этом спуске и шла очень осторожно, цепляясь посохом, переходя через трещины. Путешествие было более долгим, чем она предполагала, когда смотрела на свою цель с высоты.

Только к полудню она спустилась на уровень плато и остановилась отдохнуть и перекусить, а потом повернулась от запутавшихся в траве камней к куполу.

Как путь оказался более долгим, так и купол теперь вырисовывался гораздо дальше. Во многих местах поднимались могильные холмы, и от них дул холодный ветер, так что Элосса плотнее завернулась в плащ.

Чем выше становились развалины, тем круче становился изгиб полузасыпанного шара. В ее сне шар был достаточно велик, чтобы стереть большую часть города, и теперь она могла оценить его истинный размер. Над землей осталась едва ли четверть его объема, и она поднималась на высоту трех раски, если бы они встали один на другого.

Шар был однотонно-серый, но не цвета природного камня, а светлее, похожий на цвет неба перед летним дождем. Когда Элосса пошла к куполу, порыв ветра, проходя через развалины,

испустил странную плачущую ноту, как будто откуда-то изда-лека доносились жалобные голоса мертвых.

Нет, хватит с нее иллюзий. Элосса остановилась и с силой ударила посохом по камню. Камень был достаточно прочен, он не иллюзорен. А у ветра часто бывает свой голос, когда он проходит через каменные формации, природные или созданные человеком.

Развалины стали еще выше и отбрасывали изломанные тени. Элосса подумала, что надо изменить путь и идти мимо курганов, но каждый нерв протестовал против этого решения. Это была дорога смерти.

Воздух закрутился, стал занавесом, который вскоре раздвинулся. Элосса увидела образы, более плотные, чем горный туман, хотя, вероятно, родившиеся из него. Одна такая фигура бежала, другие гнались за ней, протягивая тонкие руки. Бегущий увертывался, и девушка чувствовала его страх.

Нет! Она вновь поставила мысленный барьер. Фигуры исчезли, но Элосса ничуть не сомневалась, что такое опять появится на тропе, по которой она должна идти. Она потеряла больше сил, чем полагалось бы, даже учитывая ее опасный спуск с горы. Она обнаружила, что все сильнее опирается на посох, даже когда осянавливается передохнуть, и ей тяжело дышать, словно она тоже отчаянно бежала, спасаясь от порождений тумана.

Голова ее дернулась. Ощущение неожиданного удара, толкающего ее влево. Она увидела тропу, идущую на запад, между могильными холмами. Несмотря на все ее усилия, контроль над собственным телом ускользал от нее. Она повернулась, но не по своей собственной воле, а под принуждением, достаточно сильным, чтобы взять верх над тем, что вело ее сюда.

Элосса боролась всем оружием высшего сознания, какое могла собрать, но в этом сражении не ей было дано победить. И она пошла по чуть заметной тропе, ведомая за ниточку, которую не могла оборвать. И она хорошо знала, что эта нить не имеет ничего общего с притяжением юртов — это был совершенно чуждый контакт.

И она шла, не пытаясь больше освободиться. Осторожность, которой ее учили, говорила, что ее воля и сила в самом ближай-

шем будущем могут подвергнуться более сильному испытанию, так что сейчас лучше их приберечь.

Могильники стали выше и скрыли от нее купол, иной раз она видела только полоску неба над головой. Тропа неожиданно закончилась темным отверстием в одном из курганов. Увидев его перед собой, Элосса догадалась, что сила, притянувшая ее, намерена заставить ее войти в эту страшную дверь. Она решилась на последнюю борьбу и так была занята, собирая свои силы, что не заметила того, кто крался за ней.

От удара в спину она выронила посох. Прежде чем она могла повернуться или высвободить мысленную силу для защиты, в ее голове пронеслась яркая вспышка, а затем Элосса погрузилась в ничто.

Из этого состояния ее вывел глубокий низкий звук, от которого вибрировал воздух, звук приходил через интервалы. Ее тело отвечало дрожью на медленное умирание звука и сжималось перед приходом следующего. Думать было очень трудно.

Элосса открыла глаза. Ни неба, ни дневного света. Темнота, прорезаемая слабым мерцанием огня, который она видела уголком глаза. Вибрация звука по-прежнему окутывала ее, путала мысли и не давала ей послать мысль-поиск, чтобы узнать, где она и кто принес ее сюда.

Девушка хотела подняться, но не смогла. И держал ее не мысле-плен, а вполне реальные оковы. Кольца обхватили ее запястья и лодыжки, более широкое кольцо шло на уровне колен, и еще одно — по груди. Она была прикована к твердой поверхности. Проведя по ней кончиками пальцев, она поняла, что лежит на камне.

Давление звука прекратилось. Элосса повернулась головой к свету. Он исходил от металлической лампы в форме чудовища, свет шел из его глаз и открытого рта.

Круг света был так мал, что Элосса не видела ничего за лампой. Там лежала непроглядная тьма, столь же плотная, как туман в горах. Теперь, когда сверхмощное биение наконец утихло, она смогла собрать силы и послать мысль-поиск. Раски!

Теперь было ясно, что она должна делать. Те, кто идет в Паломничество, дают обещание, что ничто не помешает их поискам. Успешность выполнения была необходима как всем юртам, так и каждому в отдельности: тот, кто сделал это и вер-

нулся, добавлял мощи и силы всему клану. Она сама чувствовала прилив разделенной силы в тех случаях, когда после возвращения паломника устраивался пир.

Она должна выполнить то, за чем была послана. Если ее успех зависит от того, возьмет ли она верх над этим низшим «слепым» мозгом, значит, именно это она и должна сделать.

Определив добычу, Элосса послала вслед имеющемуся слабому контакту более сильное зондирование и... задохнулась от удивления. Сдвоенное сознание! Двойная жизнь. Одна охраняет другую. Охраняет или держит в плену? Последнее было всего лишь догадкой, но что-то говорило Элоссе, что это сушая правда.

Но ведь у раски нет ни мысленного контроля, ни высшего сознания! Какой же более сильный мозг может быть здесь? Сначала она ошибочно предположила, что здесь присутствует другой юрт. Но, во-первых, это было бы вопреки всем обычаям, за исключением особо важных случаев (вроде того, по которому она сейчас здесь находилась), во-вторых, то, что она быстро прозондировала, прежде чем резко отключить связь, не было юртом, но и не было раски, человеком, который следовал за ней. Это был другой... другой породы?

Она собрала свою защиту, рассчитывая на резкое ответное зондирование, которое было бы естественным при таких обстоятельствах. Раски больше всего боялись не видимого, материального, оружия юртов, а их мысленного посыла, который народ равнин считал сверхъестественной злой магией. Но ответного удара не последовало. И раски не двигался и не говорил.

Элосса еще раз послала тонкий усик мысли-поиска, как посылают разведчика оценить силы врага. Тело раски было спокойно, но в его сознании она коснулась кипящей силы. Ненависть и месть, как у иллюзорного стража в горном проходе. Ненависть слепая, нерассуждающая. Все намерения раски были теперь безумными, или, вернее сказать, их крепко держали мысли безумца.

Среди юртов были такие, кто мог бы войти в хаос, крутящийся теперь в этом мозгу, дать мозгу мир бессознательного состояния, пока не будет устранена причина, вызвавшая хаос.

Но то были старые мудрецы, куда более могущественные, чем Элосса.

Она не решилась задерживать контакт более чем на секунду, чтобы не быть захваченной этим сумасшедшим вихрем ненависти и отсутствия логики и, в свою очередь, не заразиться этим. Все это не походило на обычное нарушение умственного равновесия, и Элосса была убеждена, что тут присутствуют две различные личности. Ей нужно осторожно искать путь к тому, кого она встретила раньше на горной тропе, минувя вселившуюся в него другую личность. Дать силу человеку, которого она зондировала раньше, — это могло быть способом подавления безумного существа, поселившегося в его мозг.

Ненависть огнем полыхнула ей в лицо, обожгла ее мозг, как настоящее пламя, способное превратить ее в обугленный скелет вроде стража в проходе.

НЕТ!!! Нельзя думать о страже! Такие воспоминания усиливают безумное существо, оно так же питается подобными воспоминаниями, как и иллюзорные фигуры. Не случилось ли подобного и с раски? Может, он вошел в контакт с мысленной формой и был поглощен ею?

Элосса смотрела в темноту, но не могла увидеть раски. Не рассуждать! Сейчас не время для этого. Нужно собрать всю волю против вторжения ненависти и страха, сфокусироваться на нем. Она осторожно отвела назад мысленное прикосновение, чтобы другой не воспользовался этим для контратаки.

В том месте, где она лежала, сгустились эмоции и давили на нее, как давил звук, пробудивший ее от беспамятства.

Она не сделала ничего, чтобы вызвать такую ненависть. Нет, это шло из прошлого и издавна питалось страхом. Теперь оно кормилось от раски и может кормиться и от нее, если она не удержит свою защиту хотя бы на время.

В темноте над ней появилась голова — обугленный череп стража с разинутыми челюстями. В ее сознании послышался крик: «Смерть небесным дьяволам! Смерть!»

Элосса пристально смотрела на иллюзию, и та начала таять, но челюсти все еще двигались, беззвучно выговаривая слова. У Элоссы была связь с раски, который, вольно или невольно, давал свою силу для этого Проявления. Ее лечение прошло в его тело, она касалась его, посылая в него силу, которую могла дать.

Она сознательно закрыла глаза. Одной частью высшего сознания она следила за возможной атакой на уровне мысленного прикосновения, а все остальное пустила на создание собственной иллюзии, концентрируя на ней большую часть своей силы. Она никогда еще этого не делала, но когда человек встречается с новой формой опасности, он должен менять свою защиту.

Глаза ее медленно открылись. В воздухе, где раньше висел череп, что-то двигалось, но это уже было создано ею. Как художник рисует цветным мелком на стене изображение того, что находится только в его мозгу, так Элосса строила в воздухе свою иллюзию.

Это был камень, на котором лежало тело раски, каким она нашла его, израненное, истекающее кровью. Изобразив это, она тут же ввела в картину и себя и воспроизвела минуты, когда она боролась за спасение его жизни, используя все свои знания и способности. Картина была очень ясной.

Пока иллюзорная женщина работала, девушка собирала в себе эмоции, которыми пользовалась при лечении: сочувствие, жалость, желание помочь, чем может. Все эти эмоции, естественно, противоположны ненависти. В видении она спасала жизнь, а не уничтожала ее.

Как всегда, эмоции питают эмоции. Женщина старалась помочь мужчине, как это сделала сама Элосса. Теперь Элосса повернула голову к углу, где притаился раски. Женщина в видении поднялась, положила руки на грудь, а потом вытянула их, как бы отдавая какой-то дар свободно и радостно. И из вытянутых рук иллюзии Элосса посылала сочувствие и добрую волю тому, кто скорчился в темноте.

Глава 6

Девушка продолжала со всей силой направлять чувство облегчения и добра. В ответ пришло лишь пламя дикой ярости, разгоревшееся еще сильнее. Элосса уже не могла более удерживать свою иллюзию, та угасала, как лампа, задутая ветром, но эмоции, содержащиеся в ней, все еще выходили.

«Друг... помощь... мир... освобождение от ран и боли...» Все существо Элоссы было поглощено посылом этих слов.

В тускло освещенном пространстве над ней возникла голова, возникла сразу, а не по частям, как иллюзорный череп. Лицо было искажено гримасой, похожей на предсмертную. Это не было видением. Это был раски, который подобрался к ней и теперь стоял и смотрел на нее. Рот его двигался, глаза были тусклыми, тупыми.

«Мир... Мир...» К ней протянулась рука с согнутыми, как когти, пальцами.

«Мир... Мир между нами...»

Рука опустилась. Ногти слабо царапнули тунику Элоссы. В лице раски было мало человеческого. Элосса попыталась воспользоваться зондированием. Тот, кто держал этого человека, был наготове, и борьба на его уровне была бесполезной. Надо скорее придумать свой, пусть малоэффективный, способ контратаки.

— Мир... Мир между нами, человек раски. От меня нет вреда, я вылечила твои раны, возможно, спасла тебе жизнь. Теперь между тобой и мной мир... мир...

Его рука ослабла и безвольно упала на ее грудь. Вторая форма контакта! Такое может дать больше, чем одна лишь мысль. Его голова наклонилась. Страшная ухмылка, кривившая рот, стала сходить. В тусклом взгляде проглянул разум.

Элосса собрала все силы на последнюю атаку на того, кто сидел в сознании раски.

«Мир...» Слово было только мыслью, но имело силу крика.

Его голова дернулась, как бы от удара по лицу, глаза закрылись, лицо полностью расслабилось; раски упал на девушку, больно прижав ее тело к камню.

Элосса прозондировала. Ярость ушла из раски или, по крайней мере, спряталась так глубоко, что Элосса не могла добраться до нее, не вызвав снова на поверхность безумие. Раски лежал без сознания — открытый, так что она могла разыграть свою последнюю карту.

Она послала команду в открытое сознание. Тело раски стало подниматься, но с трудом, как будто он и в беспамятстве противился команде. Она дала единственный приказ, вложив в него оставшуюся силу.

Покачиваясь, он исчез из ее поля зрения, но по слабым звукам она поняла, что он стоит на коленях возле плиты, к которой

она прикована. Раздался металлический щелчок, поворот неохотно отпирающегося механизма. Оковы, державшие Элоссу, спали, и она села.

Раски съезжился у стола (может, это был жертвенник? — Элосса подозревала, что последнее было более вероятно). Он не шевелился и не препятствовал ей, когда она сошла с другой стороны камня. Тело ее одеревенело и болело, но она была невредима и свободна! Но надолго ли? Если она опять пустится в путь и оставит раски позади, можно ли надеяться, что дух не овладеет им и не потребует вернуть ее обратно? Такое вполне вероятно, подумала Элосса. Следовательно, уйти без него нельзя, но и брать его с собой... Это было против обычаев и Закона клана, но выбора у нее не было — разве что убить беззащитного человека. Это и в самом деле взвалило бы на нее такой груз, что она неминуемо и непоправимо стала бы изгнанницей, осужденной на вечные странствия.

Обойдя жертвенник, она взяла руками голову раски и повернула лицом к тусклому свету. Глаза его были открыты, но смотрели безо всякого выражения. Черты лица сморщились, как будто часть жизненных сил была из него вытянута.

Элосса собрала остаток воли. Это был действительно остаток, потому что мучительная борьба с безумным существом истощила ее. Держа его голову и глядя в невидящие глаза, она вложила все, что осталось от ее тренированной воли, во вторую команду.

Он зашевелился. Она отступила. Он впился в край алтаря руками и с трудом встал. Затем опустил руки, бессмысленно глядя на Элоссу. Через некоторое время он повернулся и заковылял в темный угол за лампой. Девушка последовала за ним.

Глубокая темнота, казалось, не мешала ему. Элосса схватила болтающийся лоскут его куртки и таким образом не теряла контакт. Она решила, что они пересекают проход в подземелье, потому что ее ноздри наполнил запах сырости. Потом соединяющий их лоскут дернулся вверх, в сторону, и ее ноги тут же споткнулись о ступеньку. Раски поднимался, она за ним. Темнота давила почти ощутимо. Что, если захват сознания раски ослабеет, пока они идут по этому пути, и безумие снова овладеет им? Нет, об этом даже думать нельзя, потому что такие мысли могут высвободить как раз то, чего она опасалась.

Она поднялись на следующий уровень подземелья. Впереди Элосса увидела сероватый проблеск и обрадовалась: наверное, это дверь во внешний мир!

Раски шел все медленнее. Она читала в нем нежелание, однако не решалась пока на мысленный контакт. Даже самое осторожное зондирование может разрушить ее власть над ним.

Неожиданно они вышли из вонючего сырого мрака в серый утренний свет. Вокруг них горбились темные угрожающие курганы, ожидающие, подобно ругу и саргону, возможности броситься на тех, кто вторгся на их ревниво охраняемую территорию. Они были так высоки, что Элосса не могла сообразить, в каком направлении лежит притягивающий ее купол. На минуту она растерялась. Раски, покачиваясь, шел вперед, освободившись от ее силы, которая держала его в темных переходах. Он не повернул головы и ничем не дал понять, что знает об Элоссе. Не имея лучшего гида, Элосса шла позади.

Могильных холмов больше не было. Вместо них был участок, где только полосы на земле указывали, что когда-то здесь был город. Затем и эти признаки исчезли. Они вышли в открытое пространство.

Перед ними поднимался купол. Поверхность его казалась тусклой в приглушенном свете пасмурного дня. Раски резко остановился и быстро закрыл руками глаза. Видимо, он не хотел видеть купол, который заключал в себе непонятную раски угрозу.

Элосса взяла его за локоть. Он не опустил руку, не взглянул на нее, но когда она потянула его вперед, он слабо сопротивлялся. Он так и не открывал глаз, и Элосса вела его. Они дошли до подножия купола, и девушка выпустила локоть своего спутника. Пора... Ей не сказали, что она найдет здесь, но один помощник в поисках у нее все-таки был. Ей назвали единственное слово и сказали, что, когда наступит время, она должна вспомнить это слово.

И время настало.

Подняв голову, девушка уставилась на купол и громко выкрикнула это слово. В нем не было смысла — по крайней мере Элосса его не знала. Звук прокатился в воздухе, и пришел ответ. Сначала резкий скрежет, словно металл преодолевал наложенные временем оковы. В поверхности купола, прямо над

Элоссой, появилось отверстие. Оно расширялось до тех пор, пока не стало достаточным для прохода человека. Опять донесся жалобный скрежет металла, и из двери выдвинулась изогнутая полоса, как язык, готовый слизнуть их.

Элосса осторожно отступила, потянув за собой раски. Металлический язык, вышедший с таким трудом, спустился вниз и коснулся земли рядом с Элоссой. Она увидела на нем ступеньки. Ее приглашали войти.

Она вновь задумалась: как быть с раски? Взять с собой? То, что было в куполе, наверное, являлось великой тайной юртов. Но оставить его здесь, где он опять может стать жертвой безумия, было все равно что приставить себе нож к горлу.

Она положила руки на раски и встретила сильное сопротивление. Он чуть слышно произнес:

— Нет!

Она толкнула его к подножию лестницы, не зная, сможет ли заставить его подняться, если он будет сопротивляться. Он закричал:

— Небесный дьявол! Нет!

Тем не менее он все еще находился под ее мысленным контролем, так что не мог убежать и волей-неволей начал подниматься по ступенькам. Все линии его напряженного тела показывали, что он борется за освобождение, но он медленно поднимался. Элосса ничего не видела в глубине отверстия, но мысль-поиск сказала ей, что их ждут.

Теперь она заметила еще кое-что: вокруг них собиралась и росла та безумная ненависть, с которой она уже дважды встречалась. Теперь это был третий приступ. Раски вдруг откинул голову, поднял лицо к небу и зарычал. В этом вопле не было ничего человеческого.

Она испугалась, что он разрушит мысленные оковы, повернется и кинется на нее с бессмысленной злобой саргона. Но, хотя он зарычал еще раз и его страх и ярость окутали ее, ее воля довлекла над ним, и он продолжал подниматься.

Они подошли к двери. Раски схватился руками за обе стороны входа, удерживая себя как бы в последнем приступе безмерного страха и отчаяния.

— Нет! — закричал он.

Боясь, чтобы он не повернулся и не столкнул ее с лестницы, Элосса ударила его по спине обеими руками. Может быть, быстрота этой физической атаки принесла успех: раски споткнулся, голова его упала на грудь, он покачнулся еще раз и упал. Элосса протиснулась мимо его неподвижного тела, повернулась, схватила его за пояс и из последних сил потащила в холл.

Затем... Она инстинктивно выпрямилась, готовая защищаться. Откуда-то послышался голос — не в сознании, а громкий, она поняла слова, хотя они по акценту несколько отличались от речи юртов:

— Добро пожаловать, кровь юртов. Возьми бремя своего греха и стыда, научись носить его. Иди вперед, к месту познания.

— Кто ты? — спросила она тонким дрожащим голосом. Ответа не было. Что-то сказало ей, что его и не должно быть.

Раски покатился по полу, пристально глядя на Элоссу. Глаза его не были больше затуманены, в них светился разум. Он сел и огляделся вокруг, как пойманное животное ищет выход из клетки. Со стороны двери снова послышался скрежет металла. Раски повернулся, но не успел вскочить, как дверь закрылась. Они были заперты.

— Где мы? — спросил он на общем языке, принятом между раски и юртами.

— Не знаю, — искренне созналась она. — Снаружи город... развалины... ты это знаешь... — Она осторожно следила за раски. Иногда какая-то внутренняя защита может вычеркнуть из памяти все следы недавнего прошлого, если эти воспоминания угрожают благополучию мозга. Растерянность раски вроде бы показывала, что именно это и случилось с ним.

Он не сразу ответил, а внимательно посмотрел вокруг на гладкие стены, образующие узкий зал, а потом его хмурый взгляд обратился к Элоссе.

— Город? — повторил он. — Не уверяй меня, что мы в Королевском Калдате.

— Другой город, старше, гораздо старше. — Она не думала, что столица верховного правителя, которую он назвал, могла погибнуть в этом месте, когда оно служило домом для людей.

Он поднес руку к голове.

— Я — Стэнс из Дома Филбура, — сказал он скорее себе, чем ей. — Я охотился и... — Он поднял голову. — Я видел, как ты прошла мимо. Меня предупреждали, что если какой-нибудь юрт идет в горы, я должен идти за ним...

— Зачем? — спросила она, удивленная и потрясенная, поскольку это было нарушением всех традиций и звучало зловеще.

— Открыть, откуда идет ваша дьявольская сила, — без колебаний ответил он. — И там... ну да, там был саргон... — Он ощупал бок, где все еще оставался наложенный ею пластырь. — Значит, это был не сон!

— Да, там был саргон, — сказала Элосса.

— И ты залечила, — он продолжал ощупывать бок. — Почему? Наши народы никогда не дружили!

— Мы не такие уж недруги, чтобы смотреть, как человек умирает, и не помочь ему. — Она не стала объяснять, что сама в какой-то мере виновата в его ранении.

— Нет, вы убийцы! — Его слова были как плевок в лицо.

Глава 7

— Убийцы? — повторила она. — Почему ты называешь нас так, Стэнс из Дома Филбура? Когда было, чтобы кто-то из юртов принес смерть твоим людям? Когда ваш верховный правитель стал охотиться на нас, поклявшись убить всех мужчин, женщин и детей, мы защищались не сталью, а только иллюзиями, которые на время затуманивают мозг, но не убивают.

— Вы небесные дьяволы. — Он встал и прислонился к стене, глядя на Элоссу, как безоружный смотрит на великую опасность.

— Я не знаю ваших небесных дьяволов, — ответила она, — и не собираюсь причинять тебе никакого вреда, Стэнс. Я пошла в горы по обычаю юртов, а не для того, чтобы делать зло тебе и твоему народу. — Она жаждала идти, повиноваться голосу, который приветствовал ее здесь. Принуждение, что вело ее по горам в купол, стало непреодолимым, оно тянуло ее куда-то во внутреннее помещение, где ей будет показано то, что она должна узнать.

— Обычай юртов! — Его рот скривился, будто он хотел плюнуть на Элоссу, как та девушка в городке. В нем кипела злорада, но естественная, а не навязанная тем безумием, что завладело им в развалинах.

— Да, обычай юртов, — быстро ответила она. — Я должна совершить свое Паломничество. Могу я уйти спокойно или должна наложить оковы на твой разум?

Она знала, что вряд ли сможет это сделать, поскольку потратила слишком много энергии на свое освобождение, но не хотела, чтобы он это понял. К тому же она знала, что раски по каким-то причинам боятся мысленного прикосновения. Однако сейчас она не читала в нем никакого страха. Неужели он понимает, что ее угроза пустой звук?

— Иди. — Он отошел от стены. — И я тоже пойду.

Отказать ему означало конфронтацию либо на мысленном уровне, где она сомневалась в успехе, либо на физическом. Хотя ее худощавое тело было достаточно крепким, одна мысль о подобном контакте возмутила бы любого юрта. Юрт не мог долго вытерпеть прикосновение к чужому, кроме как по особым причинам и к существу, полностью расслабленному.

Элосса не знала, что ждет ее впереди, но не сомневалась, что это испытание для представителей ее расы. Как это подействует на вторгшегося раски? Она представила себе ловушки, защиту против человека другой расы, которые могут убить либо мозг, либо тело, либо и то, и другое. Но она могла только предупредить:

— Это священное место моего народа. — Она употребила выражение, которое он должен был понять. Хотя у юртов не было храмов, где поклонялись богам, они признавали силы добра и зла и считали их слишком далекими от человеческого рода, чтобы их можно было призывать. А у раски были гробницы, но каких богов и богинь — этого юрты не знали. — В ваших храмах нет мест, закрытых для неверующих?

Он покачал головой.

— Залы Рендэма открыты для всех, даже для юртов, если они захотят прийти.

Она вздохнула.

— Я не знаю, есть ли тут барьер для раски. Я только предупреждаю.

Он гордо поднял голову.

— Не предупреждай меня, женщина-юрт! Не думай, что я побоясь пойти с тобой. Мои предки жили в Кал-Хат-Тане. — Он махнул рукой в сторону двери, через которую они вошли. — В Кал-Хат-Тане, который небесные дьяволы сожгли своим огнем и ветром смерти. В Главном Зале дома моего клана рассказывали, что мы когда-то сидели на тронах этого города, и каждый человек поднимал щит и меч, когда называлось наше имя. Возможно, что я попал в самое сердце места небесных дьяволов по воле самого Рендэма. Другие люди клана искали это место. Да, мы тайно следовали за юртами. Одного человека из каждого поколения специально тренировали для этого. — Он выпрямился, гордость за свой род покрывала его, как плащ верховного правителя. — Этот долг возложен на меня кровью, что течет в моих жилах. Галдор правит на равнинах. Он сидит в грязной деревне из скверного камня, и его Дом Мтайтера даже не указан в гробнице Кал-Хат-Тана. Я не шитоносец Галдора. Мы, из рода Филбура, не поднимаем голоса в его зале. Но в книге Ка-Нат, нашем бесценном наследии, сказано, что в будущем появится новый народ и заново отстроит город. Поэтому мы и посылаем сына Филбура из каждого поколения проверить справедливость этого пророчества.

Странно, но раски как бы вырос в глазах Элоссы — не телом, а той эманацией духа, к которой были восприимчивы юрты. Это не охотник, обычный житель равнины. Она распознала в нем качество, которым, как ей говорили, не обладает ни один раски. Он был уверен, что говорит правду, — в этом она не сомневалась. Но правда ли это? Вполне возможно. И то, что его так крепко захватили ненависть и жажда мести, висевшие здесь, как болотный туман, могло произойти от какой-то древней кровной связи с давно умершими.

— Я не сомневаюсь в твоей храбрости и в том, что в тебе кровь тех, кто жил когда-то здесь, но это место юртов, — она обвела рукой вокруг, — и юрты могли поставить защиту...

— Которая может действовать против меня, — быстро закончил он ее фразу. — Это правильно. Однако на меня возложен долг, как я уже сказал, и я обязан идти туда, куда приходят юрты. Никому из нас еще не удавалось проникнуть сюда. Юрты умирали, люди из Дома Филбура тоже, но никто из мо-

его клана не зашел так далеко, как я. И ты не можешь запретить мне идти дальше.

Могу, подумала Элосса. Раски просто не знает силы и глубины мысленного контроля юртов. Но в ней сейчас не было достаточно силы, чтобы сделать его бессильным против ее воли. Она запретила себе всякое беспокойство о нем. Он поклялся, что пойдет; прекрасно, в таком случае дурные последствия его глупости падут на его голову. Ей не за что порицать себя.

Она повернулась и пошла, не оглядываясь, зная, что он идет за ней. Сейчас не время думать о нем. Надо сконцентрировать все, что осталось от ее почти истощенного высшего сознания, на том, что ждет впереди.

Она полностью открыла свое сознание, ожидая знака от голоса и твердо надеясь получить его, но ничто не приходило. Может, купол бесплоден и мертв, как развалины Кал-Хат-Тана? Зал кончился, похоже, гладкой стеной. Однако другого пути не было, и она пойдет до конца. Когда ей осталось пройти еще шаг или два, часть стены вдруг отошла в сторону и открыла проход.

Внутри был свет, но не от ламп или факелов, а как бы от самих стен. Элосса стояла у винтовой лестницы, идущей вокруг центральной колонны. Часть ее уходила вниз, другая исчезала в отверстии наверху. Куда идти? Элосса поколебалась и выбрала путь наверх.

Подъем был недолгим и привел ее в комнату. Элосса огляделась, и сердце ее забилось сильнее. Это помещение совершенно не походило на голые пещеры юртов или их летние хижины, сплетенные из ветвей, и столь же резко отличалось от унылых, приземистых жилищ раски. Вдоль круглых стен шли полки, закрытые непрозрачными пластинами. Перед ними кое-где стояли стулья. Одна часть стены тоже была закрыта пластиной, высокой и много шире других, перед ней стояли рядом два стула, и позади них одно высокое кресло, приковавшее к себе внимание Элоссы.

Почти не осознавая своих действий, Элосса подошла и положила руку на спинку этого кресла. Это прикосновение вызвало к жизни то, что она искала, — гида. Вновь зазвучал глубокий голос, тот, что приветствовал их при входе:

— Ты юрт, ты пришла за знанием. Садись и смотри. Никогда более, ни один из вас не увидит звезд, которые были некогда

вашим наследием. Сейчас ты увидишь то, что произошло в этом мире, то, что совершил твой род. Ибо все тогда было записано, а ныне извлечено из банков памяти, чтобы ты узнала...

Элосса села в похожее на трон кресло. Перед ней был широкий экран. Она собралась с мыслями.

— Я готова.

На самом-то деле она не была готова: в ней поднялось что-то куда более сильное, чем беспокойство, — это было начало страха.

В центре экрана вспыхнул свет, распространился по поверхности, а потом исчез. Элосса смотрела в темноту, где светились несколько гроздьев крошечных блестящих точек.

— Звездный корабль «Далекая родина» колониальной службы Империи; 7052 год после Полета, — произнес безликий голос, в котором не было ничего человеческого. — Возвращение из места расположения колониальной группы на третьей планете системы Хагнаптур; третий месяц после вылета с базы.

Звездный корабль! Да, здесь были видны звезды, — Элосса знала, что они выглядят в ночном небе маленькими, потому что очень далеко, а на самом деле это солнца, возможно, все с планетами, такими же, как и та, на которой она находилась, кружащимися по орбите вокруг этих солнц. Но ей никогда не говорили, даже намеками, что человек мог действительно пересечь огромное пространство и побывать на этих планетах.

— Во время пятого временного цикла, — продолжал голос, — радаром обнаружен неизвестный объект. Объект был опознан как искусственный, неизвестного происхождения.

На поверхности перед Элоссой появился небольшой предмет, который быстро увеличивался, как бы надвигаясь из экрана, так что девушка невольно отклонилась в сторону.

— Выбранный маневр уклонения был безуспешен. Произошло столкновение. В результате четверть команды «Далёкой родины» была убита или ранена. Возникла необходимость приземления на ближайшей планете; передатчик материи полностью вышел из строя. Подходящая планета была обнаружена на достижимом расстоянии.

На экране появился шар, он рос, пока не заполнил весь экран. Тогда начала расширяться часть шара, и Элосса увидела на ней горы и равнины.

— Было принято решение выбрать место посадки вне обитаемых зон. К несчастью, при вводе информации в компьютер управления произошла ошибка, связанная с человеческим фактором. Данные о месте посадки были введены неверно.

Появилось другое изображение: перед глазами Элоссы стремительно пронеслись горы, окружающие ровное пространство, на котором располагался город! Конечно, это был город, хотя странно было видеть его сверху и не в фокусе. Этот город она видела во сне.

На экране мелькали детали, их становилось все больше. Корабль спускался на город.

Элосса громко вскрикнула. Широким веером вырвался огонь и упал на город. Загорелось все, и в это мгновение экран погас.

— Большая часть экипажа погибла при неудачной посадке, — продолжил голос. — Корабль был разрушен. Город...

Экран снова ожил. Элосса смотрела с ужасом, но не могла заставить себя закрыть глаза. Огонь — взрыв самого корабля — и смерть, исходящая от того места, где упал корабль.

— Город, — продолжал голос, — погиб. Выжившие жители были в состоянии шока. Все, что им оставалось — ненавидеть виновников случившегося. Люди были искалечены, сведены с ума взрывом, заражены.

Элосса смотрела на другие ужасы, не в силах отвернуться. Команда выходила из корабля, пытаясь оказать помощь местным жителям, но те, обезумев, убивали их.

Затем наступило вырождение туземцев, порожденное тем, что исходило из умершего города и заражало все, с чем соприкасались его бывшие жители. Цивилизация погибла.

Горстка уцелевшей команды корабля приняла на себя тяжесть совершенной ими ошибки. Хотя виноват был один, ответственность легла на всех.

Девушка смотрела, как они с помощью некоторых машин с корабля вызывали на себя непонятную силу, чтобы наказать себя. Обработанные таким образом, они навсегда теряли надежду подняться к звездам, они привязывали себя к миру, который они испортили, к народу, который они погубили. Однако воздействие машин, кроме запрета полетов, дало им еще

кое-что. В них пробудилось высшее сознание, которое как бы милосердно осветило тяжесть изгнания.

— В этом причина всего, — продолжал голос. — И пока потомки юртов не нашли последней тропы, они должны идти, никогда не останавливаясь. Может быть, тебе, совершившей Паломничество, суждено найти эту тропу, вывести на свет тех, кто бродит в темноте. Ищи — и когда-нибудь найдешь.

Голос умолк. Элосса каким-то образом знала, что он больше не заговорит. И на нее нахлынуло такое ощущение утраты и одиночества, что она зарыдала, склонив голову и спрятав лицо в ладонях. Это была такая утрата, с которой не могла сравниться даже смерть родственника, потому что у юртов не было близких связей, каждый замыкался в себе. Раньше Элосса не понимала этого, а теперь ясно видела. До сих пор она принимала такое одиночество, не сознавая этого. Машины, пробудившие высшее сознание, оставили им это одиночество, как суровое наказание.

Теперь она чувствовала глубоко в себе проблеск какой-то потребности. В чем? Почему наказание должно накладываться на поколения? Что должны они найти для полного освобождения? Если не звезды, с которых они были изгнаны, значит, что-то здесь, и они не должны держаться от этого в стороне, не должны разобщаться среди своих? Элосса опустила руки и уставилась на темный безжизненный экран.

— Что же мы должны делать? — спросила она вслух, и ее голос громко прозвучал в мертвой тишине комнаты.

Глава 8

На ответ она не надеялась. Она была уверена, что никогда больше не услышит этого голоса. Решение должно было прийти из ее возросшего знания или, может быть, родиться от ее мыслей и действий. Она медленно поднялась с кресла. Как ее высшее сознание было в изнеможении от упорных поисков конца путешествия, так теперь в ней угасала надежда и вера в будущее.

Что же осталось юртам? Те, чьи предки когда-то летали к звездам, теперь навечно прикованы к миру, ненавидящему

их, — отверженных бродяг. Есть ли у них какая-то цель? Не лучше ли им вообще перестать существовать?..

Черные горькие мысли затопили ее сознание, делали мир серым и холодным.

— Небесный дьявол!

Элосса повернулась и встретила взглядом с раски. Она совсем забыла о нем. Видел ли он то, чему она вынужденно была свидетельницей, — картину уничтожения мира его предков? Она протянула руку ладонью вверх.

— Ты видел?

Может быть, изображение на экране было только для нее и вызвано мысленной силой, недоступной раски?

Он шагнул вперед. Безумия в его глазах не было, он был обычным человеком. Никакие эманации мертвых не держали его в плену, но лицо его было суровым и застывшим, и Элосса не могла больше пользоваться мысленным поиском, чтобы прочесть его мысли, словно в нем был барьер, какой ставили себе юрты.

— Видел... — помолчав, ответил он. — Этот... — он крепко ухватился за спинку кресла. — Этот ваш корабль... принес смерть городу. — Он сделал паузу, как бы подыскивая точные слова. — Мы были великим народом, ты же видела? Мы не жили в дрянных хижинах! Кем мы стали бы, если бы не вы?

Девушка не ответила. Да, город, который она видела во сне и на экране, был более великим, чем какой-либо из существующих сейчас в этом мире. И так же — теперь она видела это — Стэнс отличался от других раски. В нем осталось что-то от способностей тех, кто строил Кал-Хат-Тан.

— Вы были великим народом, — согласилась она. — Город погиб, народ остался в шоке и отчаянии. Но... Что произошло потом? — Ее мозг начал сбрасывать тяжкое бремя печали и отчаяния, туманившее ее мысли. — То, что случилось здесь, было очень и очень давно. За несколько лет природа не закрыла бы так развалины, и звездный корабль не погрузился бы так глубоко в землю. Почему твой народ не нашел сил опять подняться? Вы живете в грязных хижинах, боитесь всего, что отличается от вас, и не пытаетесь стать другими.

Лицо его потемнело, губы раскрылись, как будто он хотел обругать ее, и она чувствовала поднимающуюся в нем злобу. Затем его рука, сжимавшая спинку кресла, слегка расслабилась.

— Почему? — повторил он, как бы спрашивая самого себя.

Последовало долгое молчание. Его напряженный взгляд переходил от Элоссы к мертвому теперь экрану за ее спиной.

— Я никогда не задумывался, — тихо заговорил он уже без злобы. — Почему? — теперь он спрашивал экран. — Почему мы погрузились в грязь и остались в ней? Почему наш народ преклонил колени перед таким верховным правителем, как Галдор, который только и умеет, что набивать брюхо да бегать за женщинами? Почему? — Его глаза вновь обратились к Элоссе. В них загорелся неистовый жар, как будто он хотел силой своей воли вырвать у нее ответ.

— Спроси раски, а не юртов, — ответила Элосса.

— Нет! Юртов!

Она сделала ошибку, сфокусировав его внимание на себе. В нем еще была злоба, но уже не такая сильная.

— Что имеете вы, юрты? — Он внимательно следил за ней, как бы предполагая, что она в любой момент может воспользоваться каким-то оружием. — Что вы имеете, чего нет у нас? Вы живете в пещерах и в шалашах и устроены не лучше, чем руг и саргон. Вы носите грубые одежды, в каких ходят наши полевые рабочие. У вас нет решительно ничего! Однако вы можете ходить среди нас, и никто, даже переполненный ненавистью, не поднимет на вас руки. Вы умеете плести чары. Значит, вы живете среди этих чар, юрт?

— Могли бы, но мы этого не делаем. Если кто-то один обманет себя, он погубит все. — Элосса еще никогда не разговаривала с раски, если не считать самых необходимых слов, например, при покупке пищи на каком-нибудь рынке, и теперь его слова смутили ее. Она оглянулась вокруг.

Здесь все было сделано юртами, теми юртами, что жили, как сказал Стэнс, в пещерах и хижинах гораздо более примитивных, чем жилища раски. Одежда на ней была выткана ею самой, грубая, почти бесцветная. Элосса, в сущности, никогда не глядела на себя и других, она принимала все, как часть жизни. Теперь же, увидев это как бы со стороны, она впервые задумалась. Их жизнь была нарочито суровой и унылой. Часть наказания?

Те же годы прошли и для юртов, и для раски. Как раски не вернули себе то, что потеряли, так и юрты пальцем не шевельнули, чтобы облегчить кару, наложенную на них. И обе расы будут так жить всегда?

— Обманывать себя? — Стэнс прервал ее мысли. — Что это за обман, юрт? Если мы, раски, говорим про себя о великих вещах, отнятых у нас, и о том, что нам нечего и думать снова подняться на такую высоту, — разве мы обманываем себя? Мы видим правду и не отмахиваемся от нее. А вы, юрты, пришедшие со звезд, из-за ошибки, сделанной давным-давно человеком вашей крови, так и будете вечно наказаны?

Элосса глубоко вздохнула. Он бросал ей вызов. Возможно, юрты выиграли больше, получив высшее сознание. Но возможно также, что они приняли это как неожиданное благо. Теперь она, в свою очередь, задала вопрос:

— Задавался ли ты таким вопросом, Стэнс из Дома Филбура?

Он все еще хмурился, но уже не по поводу нее, как она догадывалась. Его захватила какая-то мысль, которой раньше у него не было.

— Нет, юрт.

Странно раздраженная формой его обращения, девушка перебила его:

— Меня зовут Элосса. А роды у нас ничего не значат.

Он изумленно посмотрел на нее.

— Я думал... у нас всегда считали... что юрты никогда не называют своих имен.

Настал ее черед удивляться. Ведь он сказал правду! Она не знала случая, чтобы юрт так свободно разговаривал с раски и они называли себя друг другу. Впрочем, раски всегда были готовы назвать себя и основателя их рода. Но сейчас ей казалось необходимым, чтобы он перестал называть ее «юрт», она знала, что у раски это слово почти ругательство.

— Да, — ответила она, — они не говорят своего имени постороннему.

— Но ведь я не из ваших кланов, — настаивал Стэнс.

— Я знаю. — Она прижала пальцы к вискам. — Я сбита с толку. Ты — нечто необычное.

Он кивнул.

— Да. По правилам юрт и раски должны враждовать... Я... раньше так и думал. А теперь — нет. — Его удивление было очень искренним. — В Кал-Хат-Тане был ужас, он вошел в меня, и я делал то, что он заставлял. Это был не я, однако какая-то часть меня приветствовала это. Теперь я могу только удивляться и смотреть на это как на часть тьмы, которая всегда лежала здесь. Я не прошу у тебя прощения, Элосса, — он чуть запнулся, произнося ее имя, — потому что мужчина, воспитанный для определенной цели, должен представлять его себе как можно лучше. Я частично не выполнил его, но я стоял там, где никто из моего рода не был. Я видел там, — он указал на экран, — истоки нашей ненависти, а также впервые увидел то, чего еще не могу понять, — наш недостаток, заставляющий нас оставаться теми, что мы есть, — грязными корчевщиками, не имеющими мечты. А есть иллюзорные блага, Элосса? Ваш народ выдумывает их в помощь себе. Но мне кажется, мечта может служить человеку лучше. Он должен иметь что-то кроме тупых мыслей, сконцентрированных только на нем самом и земле под его ногами... Вы, юрты, завоевали звезды. Вы не небесные дьяволы, как мы думали. Теперь я это знаю. Вы такие же люди, как и мы. Но вы видели сны о дальних путешествиях и жили, чтобы сделать их правдой? Где же теперь эта ваша мечта, Элосса? Неужели убита из-за вашего чувства греха и вины? А ты думала о чем-то, кроме себя и земли под собой?

— Мало, — быстро ответила она. — Правда, мы ищем цели во всех снах и мечтаниях, но не пользуемся ими, чтобы изменить нашу жизнь. На нас такие же цепи древнего страха и рока, как и на вас. Мы пользуемся нашим мозгом для накопления знаний, но в очень многом раски для нас чужие. А почему? Почему так должно быть? Сначала — потому что вы гнали и убивали нас, обезумев от катастрофы. Позднее, когда ваша мысленная сила изменилась, вы думали о нас не больше, чем о лесных зверях. Мы оба сейчас говорим правду. Разве это не так?

— Мы были и совсем беспомощными, как дети. Мы подчинялись любому вашему приказу, когда пересекали вашу тропу или каким-нибудь образом привлекали ваше внимание. Разве вы не видели, что, так обращаясь с нами, вы оживляли тени, рожденные в Кал-Хат-Тане?

Элосса признала логичность его слов. Боль за разрушенный город, появление из космоса такой расы, как юрты, разрушило их мышление и воссоздало его по новому образцу. Каким образом юрты стали надменными? Они замкнулись в своем высокомерии и свою добровольную ссылку считали искуплением. Но дела их были бесплодными, не приносили пользы.

Допустим, что сначала они не могли жить в мире с раски, допустим, что действия машин совершенно изменили их, но с течением времени они могли завязать контакты, повернуть свои таланты на пользу раски, вместо того чтобы ревниво охранять их и пользоваться высшим сознанием для ненужного учения. Их гордое мученичество было ошибкой. Элосса впервые увидела жизнь юртов такой, какой она была, и скорбела, что жизнь эта не пошла по-другому пути.

— Все это так, — печально сказала она. — Мы осуждали вас, и вы вправе были осуждать нас. Наказание необходимо, но есть другие формы исправления ошибок. Выбрав такую эгоистичную форму, мы этим лишь утверждали происходящее. Как мы не видели это? — закончила она.

— А почему мы тоже не видели, что лежим в пыли из-за того, что позволили прошлому похоронить нас? — подхватил он. — Мы не нуждались в юртах, чтобы построить все заново. Однако не нашлось человека, который заложил бы первый камень в основание. Мы тоже замкнулись в своей гордости, мы, из Дома Филбура, все время оглядывались в прошлое и думали лишь о мести тем, кто скинул нас с нашего трона. Мы были слепы и шли ощупью.

— А мы были слепы и даже не шли ощупью, — поддержала Элосса. — Да, у нас есть таланты, но мы мало пользуемся ими. Что могло бы вырасти здесь, если бы мы свободно пустили их ради дела жизни? — Она как бы проснулась от наркотического сна, в котором находилась все время, и стала понимать, какие возможности лежат впереди. Но она была одна, а против нее стояла сила традиций и обычаев, и эту стену она и надеяться не могла сломать. И она растерялась, видя, что прозрение ляжет на них еще большим грузом.

— Куда мы пойдем и что будем делать?

— Это вопрос для нас обоих, — сказал он. Напряжение ушло из его тела. — Слепой не всегда приветствует зрячего, столкнув-

шись с ним. Они должны и будут бояться друг друга. А страх рождает злобу и недоверие. Пропасть между нами слишком велика.

— И через нее никогда не будет моста? — У нее возникло ощущение, похожее на то, какое было, когда она видела прощание со звездами. Неужели она всегда останется в плену своей неправильно понятой ответственности?

— Я думаю, будет, когда юрт и раски встретятся и поговорят, выбросив из сердца и разума прошлое.

— Как мы здесь?

Стэнс кивнул.

— Как мы здесь.

— Если я вернусь в свой клан, — медленно произнесла она, — и расскажу, что случилось, я не уверена, что меня выслушают с открытым сознанием. Здесь есть иллюзии. Мы оба имели с ними дело, оба пострадали от них. Те, кто выполнял Паломничество до меня, наверняка тоже встречались с ними и теперь скажут, что я пострадала от более искусной и опасной иллюзии, — она была честна не только по отношению к Стэнсу, но и к себе. — И думаю, что именно так и скажут, по крайней мере те, кто совершал Паломничество и знает природу этого места.

— А если я вернусь к своему народу и предложу объединиться с юртами — меня убьют, — он говорил правду, Элосса в этом не сомневалась.

— Но если я вернусь и не поделюсь тем, что узнала, — продолжала Элосса, — я изменю самой себе, своей лучшей части, потому что стану лгать, боясь правды. Мы не можем лгать и оставаться юртами — это вторая часть бремени, наложенная на нас высшим сознанием.

— А если я вернусь и буду убит за то, что скажу правду, — он слабо улыбнулся, — какая от этого польза моему народу? Итак, похоже, что мы должны стать лжецами помимо своей воли, леди Элосса. А если ты и в самом деле не можешь лгать, то тебе предстоит даже худшее.

— Здесь есть горы, — сказала Элосса, — и я могу жить одна. Я ведь юрт, мы не приучены спать на мягком и есть много. Кто знает будущее? Еще кто-нибудь придет сюда в Паломничество

и увидит так же ясно, как я. Пусть таких будет горсточка — из маленького семечка вырастают большие деревья.

— Тебе вовсе не обязательно быть одной. Наше просветление еще слишком юное. Может быть, стоит подумать о путях и средствах, которые покажут нам, что мы можем делать? Это лучше, чем оставаться в постоянном изгнании. Я знаю, что юрты предпочитают жить в стороне от всего. И ты все еще держишься за это, леди Элосса?

Он обратился к ней, как высокородный раски обращается к ровне. Она удивленно посмотрела на него, когда он протянул ей руку. Этим он предлагал ей перечеркнуть все, чему ее учили всю жизнь. Но не это ли учение наложило оковы на нее и на весь ее род? Не лучше ли разрушить их?

— Я не держусь за то, что может направить мой мозг по фальшивому пути, — ответила она и медленно протянула свою руку, борясь с отвращением, потому что ее плоть должна была коснуться чуждой плоти. Но ей предстояло со многим бороться и многое узнать. Наступало новое время.

Глава 9

Ветер выл и стонал вокруг последних остатков Кал-Хат-Тана, поднимал песок и наращивал холмы, которые и так уже почти скрыли от неба мертвый корабль. Хотя Элосса, живя в суровых высотах, хорошо была знакома с дыханием зимы, она вздрогнула, спустившись по трапу вниз. Ее тревожил не только этот холодный ветер, но и холод внутренний. Она пришла сюда по обычаю своего народа, чтобы открыть тайну юртов, и твердо сделала выбор. Узнав о сущности бремени, наложенного смертью на ее род, она сознательно решила не следовать установленному веками правилу — вернуться в свой клан, — а попытаться думать по-новому, найти золотую середину, где юрты и раски будут когда-нибудь жить в мире и согласии, а прошлое будет похоронено с Кал-Хат-Таном и кораблем.

— Наступает дурная погода. — Ноздри раски шевельнулись, словно он, как дикие обитатели горных высот, мог почувствовать какое-то изменение ветра, служившее предупреждением. — Нам понадобится укрытие.

Элосса все еще не могла поверить, что она и раски могут беседовать как люди одной крови и клана. Она держала в тугой узде свой мысленный посыл, понимая, что она бессознательно станет общаться или пытаться общаться без слов, а для раски такое общение было страшным отвратительным вторжением. Ей следует быть осторожной в этой еще непрочной дружбе. Стэнс уверял, что его Дом некогда правил в Кал-Хат-Тане, и он был рожден и воспитан для мести юртам. Но он первый из своего рода вошел в полусасыпанный корабль и узнал правду о том, что произошло в давние времена. Узнав это, он откинул свою давно возникшую ненависть, поскольку был достаточно разумен, чтобы понять, что город оказался разрушен из-за прискорбной ошибки и что на его народе тоже лежит какая-то часть вины, заключающаяся в том, что он позволил себе отбросить цивилизацию и стать ниже, чем мог быть.

Юрт и раски... Все нутро Элоссы протестовало против какого-либо близкого контакта с ним, и он тоже, наверное, находил в ней много неестественного, а может, и отталкивающего.

Сейчас он не смотрел на нее, а оглядывал развалины города и далекие холмы за долиной, в которой располагался Кал-Хат-Тан. Он был одного роста с Элоссой, его более темная кожа и коротко остриженные волосы казались ей странными. Он носил кожаную с мехом одежду охотника и в качестве оружия — лук. Привыкшая к стандартам юртов, Элосса не могла правильно судить о нем и не могла решить, можно ли назвать его красивым. Но его решительность, силу разума и смелость она приняла как факт.

— Еще не поздно... — медленно начала она, и Стэнс ответил прежде, чем она облекла в слова свою мысль:

— ...забыть то, что мы видели и слышали, леди? Идти обратно к тем, кто не хочет прозревать, кто противится всему, чему их могли бы научить? — Он покачал головой. — Для меня такого пути нет. Там, — он махнул рукой в сторону холмов, — мы найдем кров, и это лучшее, что мы сможем сделать. В этих местах зима приходит рано и бури налетают иной раз без предупреждения.

Стэнс не предложил укрыться в корабле или в подземелье, где он связал Элоссу, и она считала, что он прав. Они оба

должны освободиться от прошлого. Только уйдя от него, они смогут по-настоящему встретить будущее.

Они поспешно пошли прочь от развалин и корабля, вход в который закрылся за ними, скрыв тайну до следующего появления какого-нибудь юрта. Может быть, другой паломник тоже поймет истину, что не нужно держаться за прошлое, а надо стремиться в будущее.

Над ними собирались тучи, ветер усилился и подгонял в спину, когда они шли по долине, как бы отгоняя их от развалин и корабля. Стэнс шел настороженно, все время оглядывая пространство впереди, как будто ожидал нападения. Элосса позволила себе немного мысленного поиска. Здесь не было ничего живого. Но она чувствовала, что лучше не привлекать внимание ее спутника к особенностям ее дара, которого так страшился весь его род.

Она легко подстроилась под шаг Стэнса, потому что юрты были скитальцами. Он молчал, и у нее не было причин прерывать это хрупкое молчание. Их сотрудничество было таким новым, таким непроверенным, но устраивать проверку у нее не было желания.

Сумерки опустились на них прежде, чем они дошли до холмов, но холмы были теперь отчетливо видны, они казались такими же суровыми и голыми, как и равнина. Наконец Стэнс остановился и указал влево, где стояло несколько высоких камней, как бы растущих из-под земли.

— Они могут укрыть от ветра, если он не переменит направления, — заговорил он впервые с тех пор, как они оставили руины. — Это лучшее убежище, которое можно найти поблизости.

Элосса с сомнением смотрела на камни. У нее были основания предполагать, что это не естественные признаки образования, а тоже развалины. В таком месте могли зацепиться иллюзии. Хотя подобные проявления были всего лишь галлюцинациями и тренированный юрт мог контролировать их, но облик, который они принимали, мог напугать, а страх действовал на стабильность даже очень дисциплинированного мозга. Но Стэнс был совершенно прав: нельзя было идти дальше, поскольку приближалась ночь. Даже небольшая защита от ветра была желательной. Если эти камни содержат какие-то эмоции, отпечаток которых достаточно силен, чтобы вызвать иллюзии,

она должна низвести эти видения до того, что они есть на самом деле.

Как говорил раски, камни укрывали от ветра. Элосса открыла свою дорожную котомку. Теперь перед ними должна была встать проблема пищи и воды. Запасы Элоссы были весьма скудны. Она разделила со Стэнсом лепешки из грубой муки, и во фляжке была вода, но ее следовало экономить, пока они не найдут в горах какой-нибудь источник.

Стэнс не отказался от угощения и ел неторопливо и аккуратно, чтобы ни одна крошка не пропала даром. К воде он едва прикоснулся. Затем он кивнул в сторону холмов.

— Там есть вода и дичь... — Он сделал паузу и нахмурился, как будто мысли его путались. Он стукнул себя по лбу и продолжал: — Там пещера — Рот Атторна...

— Рот Атторна? — повторила она, когда он вновь замолчал. — Ты знаешь эти места?

Традиции Дома делали Стэнса в этом поколении стражем Кал-Хат-Тана. Значит, он знает также и о том, что находится вокруг города?

Он нахмурился еще сильнее.

— Знаю, — сказал он с резкостью, исключавшей дальнейшие расспросы.

Завернувшись в плащи, они легли за камни. Внезапно Элосса была разбужена каким-то внутренним предупреждением, свойственным юртам. Над ней склонился раски, едва видимый в ночной темноте. Что-то слабо блеснуло в его руке... Обнаженный нож.

Элосса откатилась в сторону, и нож вонзился в землю, там, где она только что лежала. Стэнс потерял равновесие. Элосса опять откатилась за камень. Встав на ноги и схватив посох, она ждала, и сердце ее билось так сильно, что тело вздрагивало. Она послала мысленное прикосновение и нашла дикие мысли, почти столь же беспорядочные, как и только что случившееся нападение. Ужас крепко держал мозг раски. Она увидела в его сознании образ чудовища: он принимал ее за чудовище!

— Стэнс! — громко выкрикнула она, пытаясь разбудить его, потому что ей казалось, человек может быть так дезориентирован только в кошмарном сне.

Она услышала ответный крик, дикий, звериный, и увидела, что Стэнс бежит от камней в темноту ночи, бежит, как преследуемый чем-то совершенно ужасным.

Элосса, дрожа, ухватилась за камень... Что произошло? Наверное, то, чего она опасалась: в этих камнях скопились эмоции и оказали воздействие только на раски из-за его происхождения.

Бежать за ним не имело смысла. Если источником его ужаса были камни, он придет в себя, как только выйдет из-под их влияния. Она широко раскрыла сознание, чтобы не привлечь никакого внимания — послала очень недолгий поиск.

Стэнс все еще продолжал бежать. Элосса не пыталась вернуть его. Такая попытка могла только повysить искажение его сознания. Она снова устроилась под защитой камней. Все ее осторожные пробы показывали, что это просто камни. Похоже, если они излучали какие-то иллюзии, то эти последние угрожали только раски. Она хотела оставаться настороже, но все-таки погрузилась в сон и вновь проснулась с ощущением страшной опасности. Открыв глаза, она одну-две секунды думала, что все еще спит и видит какой-то особенно живой сон.

Она не лежала на равнине у камней, а стояла, опираясь на посох, в узком ущелье между двумя высокими холмами. Вокруг был высохший кустарник, а прямо перед ней сидел саргон, его рычание, эхом отраженное от холмов, несло в себе страшную угрозу.

Животное было молодым, возможно, родившимся в этом сезоне, но даже с таким детенышем саргона ни один человек не мог справиться, а зверь каким-то образом знал, что она совершенно беззащитна.

Элосса отчаянно призывала мысленный контроль, но ее тренированная мысль действовала как-то вяло и не могла удержать рычащего зверя. Сейчас он разорвет ее когтями...

В воздухе послышался пронзительный поющий звук. Бока саргона вздрогнули, словно он собирал силы для прыжка, но не прыгнул, а взвыл: из его горла торчал конец стрелы.

Элосса пришла в себя и применила к животному всю силу своего таланта, одновременно метнувшись в сторону.

Саргон визжал, царапая лапой рану в горле, откуда лилась темная кровь. Элосса плотно прижималась к каменной стене

ущелья. Между ней и раненым зверем был только хилый кустарник, через который животное легко могло пробиться. Она, как могла, мысленно давила на зверя. Саргон тяжело двинулся вперед, ломая кусты. Кровь его теперь лилась еще сильнее. В воздухе опять раздался звук, и в тело разъяренного зверя впиалась вторая стрела. Саргон завертелся и еще раз посмотрел на Элоссу. Он все еще готовился напасть, и она не могла повлиять на объятый злобой чужой мозг. Ничто не могло заставить саргона отказаться от его намерений, кроме...

Видимо, близость смерти ускорила мышление Элоссы. Она отбросила тщетные попытки отвлечь внимание зверя и со взрывом энергии, собравшейся только под хлыстом страха, создала иллюзию. Вторая Элосса, изображенная, может быть, не слишком тщательно, но все равно достаточно похожая на намеченную зверем жертву, стояла теперь рядом с ним. Иллюзорная девушка повернулась и побежала. Саргон, громко воя от боли и потери крови, повернул свое тяжелое тело для преследования. Видимо, теперь он представлял собой удобную цель для невидимого стрелка, потому что запела третья стрела. Саргон поднял голову, разинул пасть для рева, но ни одного звука не вышло из его горла, только фонтаном хлынула кровь. Животное сделало шаг, второй — и упало.

Элосса едва держалась на ногах. Последние усилия истощили ее так, как не случалось со времени первых дней ее ученичества. Нужен был основательный отдых, прежде чем ей удастся собрать даже самую малую часть мысленной силы. Она подняла голову; посыпались мелкие камни и земля, спускался Стэнс. В своем теперешнем состоянии она не могла определить его настроения. Впрочем, если бы он желал ей вреда, ему стоило только оставить в покое саргона. Но, может быть, какая-то часть врожденной жажды мести все еще оставалась в нем, и он хотел взять жизнь юрта своими руками? Она стояла спокойно. Все равно она не могла убежать, потому что из нее вышла вся энергия. Стэнс остановился над телом саргона и посмотрел на Элоссу. Потом опустил на колени и принялся вытаскивать стрелы из туши саргона. Он тщательно очистил их о землю и сложил в колчан. На Элоссу он больше не смотрел, как будто ее тут и не было, и ничего не говорил. Что же теперь будет? В ней снова проснулось отвращение ко всем раски. Видимо, слишком

велика была бездна между двумя расами, чтобы можно было перекинуть мост.

Стэнс встал, и на его темном лице было выражение, которого она не понимала.

— Жизнь за жизнь, — сказал он как бы против воли. Что это означало? Расплата за помощь, которую она ему оказала, когда он был ранен таким же зверем? Или он спас ее теперь из-за своей неудачной попытки убить ее ночью? Она чувствовала себя слепой, так как не могла выяснить правду с помощью мысли-поиска.

— Ну, — сказала она наконец, — зачем ты поднял на меня нож? Неужели древняя ненависть все еще так сильна в тебе, Стэнс из Дома Филбура?

Он открыл рот для ответа, но тут же закрыл. Вокруг него была аура осторожности, словно он стоял перед возможным врагом.

— Почему ты хотел взять мою жизнь, Стэнс? — вновь спросила она.

Он медленно покачал головой.

— Я не хотел убивать... — начал он, поднял голову и взглянул ей в глаза. — Это не я. Здесь такое место. Такие тайны, о которых мы, раски, давно забыли, а вы, юрты, при всей вашей власти, никогда не знали. Здесь на мое тело воздействует чужая воля. Если ее желание не срабатывает, она оставляет меня. Я... — он нахмурился, — я подумал, это другое, не от раски и не от юртов... и это очень опасное, может быть, для нас обоих. Этот мир мог иметь свои тайны — в этом нет ничего невозможного.

Элосса повернула голову и взглянула на холмы, возвышавшиеся над ними. Можно уйти обратно, замуровать в дальнем уголке мозга все, что случилось с ними, все, что они узнали насчет себя и своих народов. Но она не думала, что это возможно. Идти наверх — риск встретить абсолютно неведомое. И все-таки в ней росла уверенность, что это единственный ее путь.

— Мы должны подняться, — сказал Стэнс. — Меня притягивает туда, как в Кал-Хат-Тане. Это притяжение не коснулось тебя, леди? Я знаю, что ты не можешь теперь доверять мне, но в какой-то мере мы связаны.

Элосса решительно отошла от стены, служившей ей поддержкой.

— Я нашел воду и тропу ко Рту, — сказал он. — Это недалеко. Пошли.

Так она во второй раз выбрала новый путь.

Глава 10

Итак, это Рот. Элосса смотрела на отверстие. Без сомнения, сначала это был естественный вход в пещеру, но затем над ним поработал человек. Поверхность скалы над отверстием была сглажена и в ней глубоко вырезаны странные маскоподобные лица. Разные? Нет, похоже, это было одно и то же лицо, но с разными выражениями, в основном, как показалось Элоссе, злыми. Теперь она нарушила молчание, которое царило между ней и ее спутником во все время подъема.

— Ты назвал это «Рот Атторна». Кто такой Атторн?

Стэнс не взглянул на нее. Он зачарованно смотрел на темное отверстие Рта, куда дневной свет проникал как бы с неохотой, и ответил не сразу, словно ее слова доносились до него так слабо, что он их почти не слышал.

— Атторн? — он медленно, неохотно повернул голову. — Не знаю, леди. Но это было местом Силы для правящего Дома Кал-Хат-Тана. — Он провел рукой по лбу.

— Одна из ваших легенд? Но здесь, пожалуй, нечто большее.

Прежде чем идти в такое место, она хотела узнать о нем побольше. Ее опыт со Стэнсом в подземелье не очень вдохновлял на новый риск в темноте и неизвестности.

— Я... я ничего не слышал об этом месте. Но как это могло быть? — спросил Стэнс не Элоссу, а себя. — Я знал путь в это место, знал, что оно здесь, что это убежище. Откуда же я это узнал? — последний вопрос относился уже к Элоссе.

— Иногда услышанное так глубоко погружается в память, что только случай может вызвать его на поверхность. Поскольку Дом Филбура, как ты говорил, был назначен хранителем Кал-Хат-Тана, вполне могло быть, что те или иные обрывки знаний ты воспринял и забыл.

— Возможно. — Судя по выражению его лица, он не был в этом убежден. — Я знал только, что мне необходимо прийти сюда. — И он, будто поневоле, шагнул вперед и вошел в Рот под полосой с изображениями лица.

Но Элосса решила сделать последнее испытание. Хотя ее запасы энергии были почти истощены, она все же собрала, что могла, и послала мысль-поиск в пещеру. Мимоходом она задела Стэнса, но не собиралась контактировать с ним — он просто был зарегистрирован сознанием. Но там была вспышка света жизни, далеко, ниже отверстия, возможно, насекомые или другие существа, для которых Рот был охотничьей территорией. Но не было ничего, равного по значимости животному или человеку. Успокоившись, она пошла за Стэнсом в темноту — не в пещеру вовсе, а в туннель.

— Стэнс! — окликнула она, не собираясь идти вслепую. На этих высотах должны быть и другие пещеры, которыми с древности не пользовались. Элосса так мало знала о верованиях раски. Все юрты признавали, что были места, предназначенные для эмоциональных опытов, — храмы и древние поселения. В них годами собиралась аура и притягивала тех юртов, которые обладали достаточным талантом, и могла даже влиять на них. Вспомнив об этом, Элосса тут же закрыла сознание. До тех пор, пока она не удостоверится, что здесь такого влияния нет, она может рассчитывать только на свои телесные чувства.

— Стэнс! — крикнула она снова.

— Хоооо! — Звук был так искажен, что Элосса даже не была уверена, что это голос раски. — Иди-и-и!

Элосса медленно и осторожно пошла. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела впереди бледные проблески. Один из них зашевелился, и Элосса испуганно остановилась. Мотылек, или похожее на него крылатое создание, билось в паутине. Нити этой паутины как раз и давали слабый свет. Затем прямо на мотылька свалился черный шар. Элосса вздрогнула. Теперь она видела и другие пятна бледного света: все это была паутина. Возможно, ее свет и привлекал жертву.

Элосса медленно шла, стараясь держаться подальше от затянутых паутиной стен. Помощником ей служил посох, которым она ощупывала путь впереди и по сторонам. Воображение

рисовало ей, как такая же паутина, только в тысячу раз более прочная и толстая, перегораживает туннель.

«Стэнс ушел», — говорила она себе, однако разум отгонял страх. Каким образом он оказался так далеко впереди? Видимо, он шел много быстрее, когда остался один. Элоссе хотелось услышать его голос, но что-то удерживало ее от повторного оклика. Она пошла чуть быстрее... Светящаяся паутина теперь исчезла. Может, она висела только там, где из внешнего мира могли появиться летающие создания.

Мрак был полным. Элоссе казалось, что его можно потрогать рукой, собрать в складки, как занавес. Но воздух был достаточно чист, и она чувствовала по временам легкое дуновение.

И вдруг — внезапная вспышка оранжевого пламени. После полной темноты оно казалось ярким солнечным светом, так что Элосса зажмурилась, оберегая глаза.

Стэнс держал пылающий факел. Затем он укрепил его в выходящее из стен кольцо, как будто делал это не впервые. Его недавнее отрицание какого-либо знания этого места вызывало у Элоссы неприятные сомнения.

Свет факела освещал комнату, которая раньше, наверное, была пещерой, но человеческие руки сгладили и обработали ее. Сильнее всего свет озарял гигантское лицо, почти во всю переднюю стену. Рот был широко раскрыт, но свет факела глубоко в него не проникал. Глаза, изображенные на уровне плеча Элоссы, тоже были широко раскрыты и не были слепыми, как у статуй; они были сделаны из чего-то, что давало им блеск жизни, так что изображение не только видело ее, но и злобно радовалось ее присутствию. Стэнс зажег второй факел, взяв его из высокого кувшина, стоявшего слева от лица. Когда он воткнул факел в кольцо на противоположной стене, света стало достаточно, чтобы видеть все помещение. Две другие стены были голыми, так что все внимание сосредотачивалось целиком на злобном, презрительном лице.

Такие вещи сами по себе почти не имеют собственного зла, оно идет извне. Сказать, что резьба на стене была злом, — значит приписывать камню не принадлежащие ему свойства, но сказать, что изображение было сделано теми, кто желал впустить в мир зло, — это не противоречило бы истине.

Кто бы ни вырезал лицо на стене, он имел искаженные мозг и душу. Элосса сделала всего один шаг в комнату и сразу остановилась. Иллюзии на дороге в Кал-Хат-Тан были ужасны, они родились от человека, старавшегося оставить след на самой земле. Это было сделано хитро и тщательно, и не от великой боли тела и души, а от глубокого желания собрать весь мрак, от которого человек естественно сжимается.

Стэнс стоял перед этим лицом и с явной сосредоточенностью вглядывался в зияющие глаза. Похоже, подумала Элосса, он и в самом деле общался с какой-то силой, так грубо выраженной в резьбе. Она крепко держала свой талант, потому что чувствовала: если она выпустит его хоть немного, пошлет самую незначительную пробу — ей могут ответить.

Элосса покачала головой. Нет, нельзя позволить своему воображению внушать ужасы, которые не могут существовать. Вероятно, это был бог какой-нибудь страшной и злобной религии, вытягивающий энергию от верующих, а может быть, даже для ужасов жертвоприношений, и такое было вполне возможно. Но сам по себе он был никто, просто искусно обработанный камень.

— Это Атторн? — спросила она, чувствуя необходимость прервать молчание, отвлечь Стэнса от его сосредоточенности. Он не ответил. Она рискнула шагнуть вперед и, преодолевая отвращение юрта к физическому контакту, положила руку на плечо Стэнса. — Это Атторн? — повторила она громче.

— Что? — Стэнс повернул голову и взглянул на Элоссу, но она чувствовала, что он, в сущности, не видит ее. Но потом в его лице мелькнула искра перемены. Глубокая сосредоточенность нарушилась. Он вернулся к жизни — вот единственное объяснение, которое Элосса могла дать этой перемене.

— Что? — он вновь повернулся к лицу на стене, ярко освещенному факелами. — В чем дело?

— Я спросила... это — Атторн? — Она указала на лицо. — Рот у него явно есть.

Стэнс прикрыл рукой глаза.

— Не знаю... Не могу вспомнить.

Элосса глубоко вздохнула. Прошлой ночью раски хотел убить ее, пока она спала. Утром, после того, как она, в свою очередь, была околдована (что же, кроме колдовства, послало

ее, спящую, на тропу саргона?), этот же самый раски спас ей жизнь. Он привел ее сюда через темный туннель, будто знал, что здесь находится, и зажег факелы, точно зная, где их найти.

— Ты и в самом деле хорошо знаешь это место, — продолжала Элосса, решив слегка уколоть раски, — иначе ты не нашел бы этого, — она указала на факелы. — Тайный храм вашей древней мести, и ты привел меня в него, чтобы убить.

Она и сама не знала, почему высказала это обвинение, но оно могло быть и правдой.

— Нет. — Он вытянул руки вперед, как бы отталкивая это лицо с разинутым ртом, отгоняя все, что оно могло означать. — Я же сказал тебе: я не знаю! — Его голос дрожал от злости. — Это не мое... Это... что-то другое, и оно делает меня своим слугой. А я... я не хочу служить ему! — сказал он медленно и с паузами. И он верил в то, что говорил, в этом Элосса не сомневалась. Но мог ли он как-то защищаться против принуждения, уже дважды овладевавшего им, — в этом она отнюдь не была уверена.

Раски повернулся к лицу спиной. Его собственное лицо выражало уверенность и решимость.

— Поскольку я не могу управлять тем, что движет мной, нам лучше уйти. Я пойду один, пока не удостоверюсь, что я не просто орудие...

Это было разумно — с небольшими поправками. В прошлую ночь на нее тоже действовало неизвестное, пославшее ее на встречу смерти. Но ведь ее раса имела врожденный мысленный барьер против такого вмешательства. Юрт не мог овладеть сознанием своего товарища, не мог контролировать даже раски, у которых не было такой защиты, он мог только создавать недолговечные иллюзии. Но тут дело не в галлюцинациях, а в мысленной власти на том уровне, который был совершенно чужд Элоссе. Талант юртов всегда считался высшим, и, может быть, поэтому в них росла бессознательная надменность. Возможно даже, подумала она, бремя старого греха вызывало необходимость сохранять правила, где нельзя пользоваться талантом, а где можно. Может, из-за того, что она скинула бремя юрта, она и попала под власть незнакомого фактора, о котором раски знал и в существование которого она должна поверить? Если это ее вина, тогда она, как и раски, приняла на себя но-

вое бремя — или проклятие — и должна научиться либо скинуть, либо нести его.

— Это движет и мной тоже, — сказала она. — Я чуть не попала в зубы саргона, даже не зная, что делаю.

— Это не от юртов, — он покачал головой. — Это что-то от раски... от этого мира. Но я клянусь тебе Кровью и Честью своего Дома, что ничего не знаю, даже легенд, об этом месте, не знаю, что привело меня сюда и зачем. Я не поклоняюсь злу, а это — вещь Зла. Ты, наверное, чувствуешь, как в воздухе пахнет злом. Я не знаю Атторна, если это Атторн.

Она опять должна была признать, что он говорит правду. Цивилизация раски закончилась травмой от разрушения Кал-Хат-Тана, как она сама видела на экране. Хотя народ выжил, какой-то источник храбрости, гордости и честолюбия иссяк. Многое из того, что они знали в прошлые времена, теперь пропало.

Однако сейчас они стояли в месте Власти. Элосса не могла определить ее силу, как бы водящую пальцем по ее мысленному щиту и осторожно пытающуюся проникнуть внутрь, чтобы уяснить, что представляет собой Элосса. Надо уходить отсюда как можно скорее.

Девушка покачнулась: сквозь мысленный щит и как бы сквозь все ее тело пронесся крик. Где-то неподалеку юрт в смертельной опасности — такую последнюю мольбу бросают лишь в том случае, когда видят перед собой неминуемую смерть. Не раздумывая, она тут же опустила барьер и послала поисковый зов. Пришел другой, значительно менее сильный.

Откуда? Она повернулась к отверстию туннеля. Куда идти? Она послала незнакомцу настоятельную просьбу вести ее. В третий раз прозвучал зов, но не с той стороны, куда она смотрела, а позади. Элосса вновь обернулась к лицу на стене. Его глаза светились злобой. А зов шел из-за лица! Может, в каком-то древнем жертвоприношении здесь пролилась кровь юрта и остались сильные эмоции, которые мог уловить другой юрт? Нет, первый зов был слишком живым. Не могла же она не почувствовать разницы между напоминанием о мертвом и мольбой, исходящей от живого? Где-то здесь был юрт, и ему грозила опасность. Позади стены со злобно открытым ртом Атторна.

Глава 11

Стэнс схватил ее за руку.

— Что это?

— Юрт, — рассеянно ответила Элосса; она так сосредоточилась на попытке проследить источник зла, что даже не стала освобождаться от нежелательного прикосновения раски. — Где-то здесь юрт в опасности.

Девушка опустила на колени перед раскрытым ртом в стене, безрассудно посылая мысль-поиск.

Юрт! Но... что-то еще... худшее... раски? Трудно сказать. Она ткнула концом посоха в отверстие рта. Посох не встретил препятствия, рот был как бы вторым входом — но куда? Возможно, к другому пути через страшные пещеры. Надо узнать... Она закрыла глаза, собирая вернувшуюся к ней энергию. Где юрт?

Мысль ее не нашла сознания, но Элосса все еще была уверена, что тот самый первый крик не был ошибкой. Но где же тогда юрт?

Ее сосредоточенность была нарушена каким-то звуком. Она в испуге оглянулась. Стэнс покачивался, его руки вцепились в куртку на груди, а его лицо выражало такую смесь ярости и страха, что Элосса вскочила и выдернула посох из отверстия, готовая защищаться.

Стэнс качался из стороны в сторону, и у Элоссы было странное впечатление, что он сражается с кем-то, кого она не видит, с кем-то, кто, может быть, находится в нем самом. В уголках его искривленного рта показалась пена. Сначала Стэнс издавал хриплые звуки, потом сказал:

— Он убьет меня! Смерть небесным дьяволам! Смерть!

Он упал на колени, его руки со скрюченными пальцами, как бы не поддаваясь его контролю, тянулись к горлу Элоссы.

— Нет, — почти взвизгнул он, страшным усилием воли повернулся и ударил кулаком по верхней губе каменного рта. Раздался треск. На пальцах Стэнса выступила кровь, а лицо на стене осыпалось, как высохшая на солнце глина. Упала не только часть губы, на которую обрушился удар Стэнса, — из этой точки пошли вверх и вниз трещины. То, что казалось массивным камнем, крошками посыпалось на пол. Даже глаза разлетелись со звоном разбитого стекла и упали на пол блестящей

пылью. Лица больше не было, лишь темное отверстие, куда не проникал свет факелов, отмечало место, где был рот бога — или дьявола.

С исчезновением этой маски изменилась и комната. Элосса выпрямилась с ощущением, что с плеч упал тяжелый груз, о существовании которого она до сих пор не подозревала. Это ушло зло, исчезло вместе с разрушенным лицом.

Стэнс, все еще стоя на коленях, дрожал всем телом. Но он поднял голову. Причина, исказившая его лицо, исчезла. По лицу раски прошла тень замешательства, а затем пришло самообладание.

— Оно хотело заставить меня убивать, — тихо сказал он. — Оно хотело пить кровь.

Элосса подняла осколок камня. Как странно, что единственный удар Стэнса вызвал такое полное разрушение. Осколок имел крепость камня; она попыталась, но не смогла раздавить его.

Она не понимала, что случилось, но все было явно к лучшему: отвечая на зов юрта, она должна была войти в Рот Аторна, а все ее инстинкты восставали против такого действия.

— Но ты не убил. Оно не управляло тобой, как ни старалось.

Она не представляла, что такое это «оно». В этом месте она готова была признать какую-то силу, вероятно, нематериальную, связанную с изображением лица, но не могла понять, почему хватило одного удара, чтобы все обратилось в прах. Может, это освобождение временное?

Стэнс смотрел на нее и хмурился.

— Я этого не понимаю. Но я — Стэнс из Дома Филбура, и я не отвечаю на приказы призраков — злых призраков! — В его словах слышались гордость и вызов.

— Прекрасно, — охотно согласилась она, — но здесь дорога, по которой мы теперь пойдём.

У Элоссы не было ни малейшего желания ползти в это отверстие, но на ее расе лежало древнее принуждение — ни один крик о помощи, посланный от сознания к сознанию, не может остаться без внимания, — и она не могла отказаться.

Стэнс взял один из факелов и полез с ним в отверстие. Элосса, поколебавшись, взяла один из запасных, стоявших в углу, и последовала за Стэнсом.

Здесь факел светил более тускло, чем в пещере, потому что проход был узким и низким, они пробирались по нему ползком, и Стэнс загораживал свет своим телом. Но и видеть тут было нечего — гладкие закругленные стены и чистый, даже без пыли, каменный пол.

Элосса боролась с нарастающим беспокойством. Оно не было вроде бы беспричинным, как в пещере, ее со всех сторон окружал камень, и вес его пугал ее. Из памяти не выходило случившееся с каменным лицом: что, если какой-нибудь неловкий толчок вызовет то же самое здесь и на них обрушится потолок или стены? Затем темная фигура Стэнса исчезла, но свет его факела, скрывшись на миг, тут же вернулся и вывел Элоссу из этого червячного прохода в более широкое пространство.

Здесь уже не было ни ровных стен, ни гладкого пола: это была природная пещера. Девушка стояла рядом с раски. Под их ногами лежали наносы песка и гравия. Видимо, когда-то здесь протекал подземный поток. Стэнс покачал факелом, но свет не дошел до потолка. Возможно, они находились на дне глубокой пропасти, стены которой были сильно повреждены, и в них не было никаких следов выхода.

Элосса еще раз закрыла глаза и послала мысль-поиск. Ответа не было. Но вряд ли кричащий юрт умер: его конец она ощутила бы как шок, поскольку держала свое сознание открытым в ожидании даже самого слабого ответа.

Стэнс медленно обошел вокруг стен, освещая факелом каждую трещину. А Элосса кое-что заметила: песок на полу лежал неровно и не во всех местах. Хотя он был слишком мягким, чтобы удержать отпечаток, она заметила явные следы чьих-то ног.

— Посмотри, — сказала она раски, — куда ведут эти следы?

Он поднес к следам факел и пошел вдоль них. Они вели прямо к трещине, с виду ничем не отличавшейся от остальных.

— Она глубже, — сказал он, — и, кажется, может быть путем вверх или наружу.

Тут, по крайней мере, не пришлось ползти на коленях, но путь был очень узким. В некоторых местах они с трудом протискивались, обдирая тело о грубый камень. И тропа шла не

прямо, как те две, по которым они прошли. Несколько раз они поднимались вверх по ступенькам или скользили вниз, как по трубе. Наконец они дошли до резкого поворота вправо и влево. Он вывел их в другую пещеру.

Пещера была маленькой и перегорожена стеной, как барьером. Камни, составлявшие ее, не были скреплены раствором, но были плотно подогнаны, так что стена казалась несокрушимой.

Стэнс воткнул факел в нишу возле стены и провел руками по грубой поверхности.

— Прочно, — прокомментировал он. — Но... — он достал охотничий нож и осторожно воткнул его в трещину между двумя камнями. Он долго раскачивал его, а потом резко толкнул камни, и те с грохотом выпали. — Выглядело крепче, чем на самом деле, — сказал он. — Думаю, мы расчистим ход.

Пещера была тесной, так что они работали по очереди: один выламывал камни, другой выбрасывал их назад, в проход. У Элоссы болели руки и спина, и она была голодна, как в полузимний пост. Но ей не хотелось даже намекнуть на перерыв в работе: самое главное выйти отсюда.

Когда они расчистили пространство, достаточно широкое, чтобы протиснуться, Стэнс взял факел, просунул его в отверстие и удивленно вскрикнул.

— Что там? — спросила Элосса, но он не ответил и влез туда сам, и она быстро последовала за ним. Они снова оказались в проходе, сделанном людьми. Стены были не просто гладкие, а облицованные чем-то вроде полированного металла. При свете факела был виден узор, сияющий, как драгоценные камни самых разных цветов. Определенного рисунка не было, просто переплетение полос и линий, и цвет их все время менялся: желтый становился зеленым, голубой переходил в красный. Сначала Элосса радовалась этой перемене после унылого серого камня, но потом стала щуриться. Что-то чуждое, пугающее было в этих полосах. Как цвет может пугать? Она вспомнила цветные башни, дворцы, стены Кал-Хат-Тана. Город казался гигантской сокровищницей. Эти полосы блестели так же, но разница все-таки была.

Стэнс провел факелом рядом со стеной. Узор вспыхнул сначала зеленым, потом ярко-алым, перешел в оранжевый, затем

желтый. Стэнс коснулся ногтем цветной полосы. В тишине коридора слышалось слабое пощелкивание.

— Это из Кал-Хат-Тана? — спросила она и прикрыла глаза рукой. Ей показалось, что цвет удерживает свет факела и усиливает его. И, конечно, это было не только ее воображение, потому что глаза болели, словно она долго смотрела на источник света куда более яркий, чем факел.

— Не знаю. Я никогда такого не видел. Похоже, это должно иметь важное значение, однако не имеет. Только ощущение...

Она не знала, как может повлиять на восприимчивого человека его расы изображенное его же собственным народом. Но сама она испытывала здесь все больше и больше неудобства. Скорее бы уйти отсюда!

Коридор был достаточно широк, они шли без затруднений. И шли молча. Элосса старалась смотреть только перед собой, чтобы не видеть цветных полос. Здесь было какое-то притяжение, похожее на начало иллюзии.

Чем дальше они шли, тем шире становились цветные полосы. Те, что в начале их пути были шириной в палец, теперь стали шире ладони. Цвета не могли стать ярче, но смена их стала происходить более резко и все сильнее слепила глаза. Элосса закрыла лицо руками. Видимо, это производило такое же впечатление и на Стэнса: он ничего не говорил, но ускорил шаг, так что они почти бежали. Но в стенах не было никаких проходов, и путь казался бесконечным.

Элосса слабо вскрикнула и качнулась к стене, раздался зов юрта, громкий и ясный, будто юрт стоял прямо перед ними. Но здесь не было никого.

— Кто это? — с ноткой нетерпения спросил Стэнс.

— Юрт. Где-то близко. В опасности! — Элосса позвала, на этот раз не мысленно, по полным зовом, каким ее народ пользовался в горах. Каждый имел свой сигнал.

Впереди возникло какое-то движение. Стэнс поднял факел повыше, чтобы лучше видеть.

Да, к ним шел человек. Элосса подняла руку в приветствии юртов.

Глава 12

По виду это был юрт, но одежда была другая: вместо длинного грубого тускло-коричневого дорожного плаща, какой носили все юрты, на незнакомце была плотно прилегающая темно-зеленая одежда, оставляющая открытыми только кисти рук и голову. Элосса видела такую одежду на экране в небесном корабле. На этом юрте была одежда людей корабля, словно он шагнул сюда через поколения.

— Привет, брат, — сказала она на языке своего народа, а не на общем с раски.

На лице пришельца не отразилось ничего, никакого признака, что он увидел в ней что-то общее с собой. Блеск его широко раскрытых глаз, неподвижный рот пробудили в Элоссе какую-то тревогу. Она послала мысленную речь.

Ничего! Барьера не было, но она не коснулась ничего вообще. Ее изумление было так велико, что она на миг застыла, а в это время рука юрта, державшая черную трубку, поднялась на уровень груди Элоссы.

Стэнс всем телом навалился на Элоссу, отталкивая ее в сторону, и оба покатались по каменному полу. Там, где она только что стояла, пронесся яркий световой луч. Элосса даже в стороне и через одежду почувствовала палящий жар.

Ее ошеломила не столько эта неожиданная атака, сколько сознание, что против нее никто не стоял. Никакого юрта здесь не было, мысль-поиск ясно подтвердила это. А как же оружие? Ведь оно не было частью галлюцинации?!

Юрта не было, не могло быть! Она огляделась вокруг. Коридор был пуст. Но на полу чуть подальше от того места, где они упали, лежало оружие — черная трубка.

— Он... он исчез! — сказал Стэнс, поднимаясь на ноги. — Что это?

— Галлюцинация, — сказала она. — Страж...

Стэнс наклонился над трубкой, не прикасаясь к ней.

— Но ведь он был вооружен, он стрелял огнем из этой штуки! Разве галлюцинация может делать такое?

— Может, если те, кто видит иллюзию, верят в ее реальность.

— И у иллюзии настоящее оружие? — допытывался Стэнс.

Элосса покачала головой.

— Я не знаю. И мой народ не знает, чтобы иллюзия могла так действовать.

Она смотрела на трубку, которая не исчезла со своим хозяином, а все еще лежала тут, свидетельствуя, что в Элоссу и Стэнса действительно стреляли.

Взять ее? Прекрасная защита для Элоссы. Однако она не могла заставить себя прикоснуться к трубке. Стэнс потянулся к оружию.

— Нет! — резко крикнула Элосса. — Мы не знаем природы этой вещи. Может, она и вообще не из нашего мира!

Стэнс слегка нахмурился.

— Не понимаю я этой истории с галлюцинациями. И не могу поверить, что человек стоял здесь, стрелял в нас, а затем исчез. Как юрт прошел через Рот Атторна и что он здесь делал, кроме того, что пытался убить нас?

Элосса опять покачала головой.

— Не могу тебе ответить. Скажу только, что нам лучше не связываться с этим, — она указала концом посоха на трубку. — И... — тут она бросила случайный взгляд на стену. Рисунок изменился. Там было пятно, и на противоположной стене тоже. Элосса вытянула посох и, не касаясь самих стен, очертила на обеих сторонах четырехугольник высотой по грудь и шириной в две ладони. — Смотри!

Стэнс повернулся и посмотрел на стены.

— Юрт стоял здесь? — спросила она.

— Да, пожалуй. Но что это?

— Возможно, что он не галлюцинация. — Она попыталась вспомнить обрывки старых сказаний ее народа.

Хотя те, кто совершил Паломничество, наложившее на них печать ответственности и зрелости, никогда не говорили о Кал-Хат-Тане и Бремении юртов, у них были рассказы о старых временах. Элосса всегда знала, что между ними и миром, в котором они оказались пленниками, очень мало общего. У них было славное прошлое, которого они не надеялись достичь снова. На захороненном небесном корабле она узнала, каким образом маги юртов получили свою необычную власть. И вполне могло быть, что юрт, которого они видели сейчас, был не иллюзорным, а реальным, перенесенным сюда непонятным способом

для защиты тайного места от вторжения раски. Если юрт, находящийся в таком тайном укрытии, не имел контакта с остальными, он мог видеть врага как в Стэнсе, так и в ней. Могла ли она общаться с таким затаившимся юртом?

Но почему же мысленное прикосновение отметило пустоту? Можно ли представить, что люди с корабля имели в свое время знание, а те, кто нес тяжкое бремя греха, утратили его?

— Если это не галлюцинация, — прервал Стэнс ее мысли, — то кого же мы видели? Призрак мертвого? Призрак, носящий оружие и умеющий им пользоваться? Этот огонь едва не зажег нас!

— Не знаю я! — ответила Элосса, раздраженная своим неведением. — Я ничего не понимаю, кроме этих плит на стенах, — она вновь указала на них концом посоха. — И он стоял между ними.

Теперь она рискнула повернуть трубку на полу. Они увидели, что второй раз трубка уже не может послать смертельный луч: на нижней стороне цилиндра виднелось оплавленное отверстие.

— Наверное, очень старое, — сделал заключение Стэнс, — слишком старое, чтобы им пользоваться. Такое же древнее, как и небесный корабль.

— Возможно.

Но важным было не бесполезное оружие, а появление юрта и крик о помощи, который привел сюда Элоссу. Уж в этом-то она не ошиблась. Где-то был юрт, живой и все еще в опасности.

— Ты должен знать больше, — повернулась она к Стэнсу. — Из вашей истории понятно, что представители твоего Дома следили за Кал-Хат-Таном и искали приходивших сюда юртов, чтобы потребовать с них удовлетворения за гибель города. Мы остановились, как ты сказал, у Рта Атторна. Кто такой Атторн? Что делать юрту в таком месте? Если это был храм... — она глубоко вздохнула, вспоминая что-то, проносящееся, как призрак, по курганам Кал-Хат-Тана, — страшная, смертельная охота за людьми с корабля, пытавшимися помочь случайно разрушенному ими городу. Возможно, юрта привели сюда, чтобы принести в жертву какому-нибудь богу раски. И, может быть, зов умирающего, прозвучавший много лет назад, теперь послан,

чтобы завлечь в ловушку и ее, Элоссу. — Проливалась ли здесь кровь юрта? — резко закончила она.

Стэнс держался от плит на некотором расстоянии, явно не имея желания проходить между ними.

— Не знаю, — ответил он. — Возможно, и такое было. Люди из Кал-Хат-Тана сошли с ума и внесли в свое безумие ненависть. Я ничего не могу вспомнить об Атторне и о том, как я очутился у его Рта. Я говорю тебе истинную правду. Войди в мое сознание, юрт, если хочешь, и увидишь сама.

Она отметила, что он назвал ее «юрт»: видимо, их скороспелое товарищество долго не просуществует. Но она не собиралась воспользоваться его предложением исследовать его: он не предложил бы это, если ему было что скрывать. Раски ненавидели и боялись эту силу юртов.

Коридор все еще уходил вдаль. Может, безопаснее было вернуться, но зов юрта, все еще оставшийся в сознании Элоссы, не давал ей сделать первый шаг к отступлению. Слишком давно люди ее крови условились поддерживать друг друга, отвечать на подобные просьбы и помогать, чем могут.

— Я должна идти вперед, — сказала она скорее для себя, чем для Стэнса, и тут же добавила: — Ты не обязан отвечать на этот зов. Ты спас меня от огненной смерти, которая оказалась направлена на меня каким-то проявлением моего же народа. Если ты поразмыслишь, Стэнс из Дома Филбура, то согласишься, что этот поиск не для тебя.

— Нет! — перебил он. — Я, как и ты, не могу свернуть с этой тропы. Во мне все еще действует то, что притянуло меня ко Рту. — Он помолчал и продолжал с гневным жаром: — Я попал во что-то, что не из моего времени. Я не знаю, какая сила держит меня, но я больший пленник, чем если бы находился в цепях!

— Наверное, лучше не проходить непосредственно между этими плитами, — посоветовала она и, опустившись на колени, согнулась пополам и поползла ниже уровня четырехугольников. Стэнс без колебаний последовал за ней.

Дальше они шли более осторожно, и Элосса не спускала глаз со стен, боясь появления таких же четырехугольников. Она сдерживала сознание, чтобы укрыть его от эмоций, которыми кто-то мог ударить ее с помощью брошенной мысли-поиска.

Судя по сообщению, оставленному в корабле, развитие таланта юртов произошло после великой катастрофы. Возможно, некоторые юрты ушли до того, как этот план воздействия был приведен в исполнение, и таким образом остались без таланта. Однако зов шел на мысленном уровне.

Даже если бы группа с корабля скрывалась здесь, сколько поколений прошло с тех пор? Человек, которого они видели, был в корабельной одежде, не тронутой временем... Нет, это наверняка была иллюзия.

Они шли настороженно, все время вглядываясь вдаль. Коридор шел прямо, цветные линии на стенах становились все шире, пока наконец их краски не слились. У Элоссы болели глаза, потому что она считала необходимым следить за этими переливами цветов. Время от времени она останавливалась и закрывала глаза, чтобы дать им отдых. Стэнс вдруг прервал молчание:

— Здесь что-то... — Он не успел закончить: в воздухе возник крутящийся туман, середина его расширилась, пока не заполнила весь коридор от стены до стены и от пола до потолка. Затем туман сгустился, окреп и превратился в чудовищную маску с громадным ртом — проходом. Глаза маски сверкали злобой, даже более осязаемой, чем у вырезанных в камне. Через разинутый рот не было видно продолжения коридора, только непроницаемый мрак.

— Атторн! — сказал Стэнс. — Рот хочет проглотить нас!

— Иллюзия! — твердо ответила Элосса, хотя не вполне была уверена.

В отверстии что-то зашевелилось. Лицо теперь казалось очень прочным, и туман, создавший его, больше не двигался. Из рта выползло черное щупальце, как ищущий язык.

Элосса, не раздумывая, реагировала на физическом уровне — ударила по языку посохом и тут же поняла свою ошибку: с таким надо бороться не руками, а силой разума. Посох прошел сквозь язык безо всякого видимого эффекта. Черная плоть протянулась к Стэнсу и туго оплела его. Несмотря на все усилия раски освободиться, она тащила его к дрожащим, ждущим его губам маски. В глазах вспыхнуло жадное возбуждение: Атторн хотел есть, и пища была теперь в его власти.

Элосса крепко схватила Стэнса за плечо. Это не было противодействием той силе, что тащила его, — даже их объединенная

сила не могла сравняться с ней, — просто девушка нуждалась в этом контакте, чтобы ответить.

«Тебя нет! — мысленно прокричала она. — Ты не существуешь! Нет тебя!» Она бросала эти слова, как стрелы из охотничьего лука, в страшное лицо маски. Ах, если бы Стэнс мог помочь ей! Ведь это явление было от раски, как предыдущее — от юртов.

— Этого здесь нет! — закричала она вслух. — Это всего лишь иллюзия, думай об этом, Стэнс! Отрицай его! — И она снова стала яростно отрицать силой мысли.

Сила языка казалась безграничной. Стэнс был уже у самых губ, и Элоссу тащило тоже, поскольку она не выпускала Стэнса.

— Тебя нет! — кричала она и голосом, и мыслью изо всех сил.

Показалось ли ей, или действительно сознание в этих громадных глазах потускнело?

— Тебя нет! — тихо, полузадушенно вскрикнул Стэнс. Он перестал бороться с охватывающей его петлей, поднял голову и вызывающе взглянул в глаза маске. — Тебя нет! — повторил он.

Лицо, язык, державший Стэнса, вообще вся иллюзия мигом исчезли, так что они оба упали, из-за собственных усилий, как только не стало той силы, против которой они боролись.

Глава 13

Исчезло не только лицо, преграждавшее им путь, но и сам коридор. Гладкие стены с цветными полосами скрылись в глубокой тьме. Следуя по освещенному цветными полосами коридору, они забыли про факел и теперь не могли определить, как далеко тянется этот мрак.

У Элоссы было впечатление, что они уже не в коридоре, что вокруг них широкое пространство, возможно, скрывающее смертоносные ловушки. Инстинктивный страх неизвестной темноты чуть не вызвал в ней панику, и ей понадобились все силы разума, чтобы овладеть собой и положиться на слух и обоняние там, где отказывает зрение.

— Элосса, — окликнул ее спутник, и она испугалась, потому что голос шел как бы издалека.

— Я здесь, — ответила она. — Где мы? — И чуть не вскрикнула: в темноте на ее плечо легла рука, скользнула вниз и крепко сжала ее запястье.

— Подожди, у меня осталось огниво.

Пальцы, сжимавшие ее руку, как бы для ободрения, разжались. Она услышала шелканье и увидела огонек. Она с облегчением заметила, что Стэнс не бросил факела, хотя она вроде бы не видела, чтобы он нес его по коридору. И вот теперь факел опять горел, освещая их лица, и в какой-то мере защищал от давящей темноты. Стэнс покачал им на уровне плеча. Пламя замигало и отклонилось. Элосса снова почувствовала на щеке дуновение ветра, которое быстро исчезло. Но факел не осветил никаких стен — видимо, они в открытом месте. Под ногами была скалистая поверхность, единственная стабильная вещь. Может, светящийся коридор тоже был иллюзией? При всем своем умении манипулировать сознанием, Элосса с трудом могла принять такое предположение. Если же коридор не был полностью иллюзорным, как они попали в этот участок вечной ночи?

— Здесь поток воздуха, — сказал Стэнс. — Посмотри на факел.

И пламя сильно отклонилось.

Они медленно пошли. Время от времени Стэнс останавливался и водил факелом по сторонам. Стен по-прежнему не было видно.

Наконец факел осветил край провала. Раски лег на живот и осторожно пополз по этому краю, опустив факел вниз. Но внизу ничего не было видно — видимо, пропасть была слишком глубока. Но поток воздуха шел как раз с той стороны.

Стэнс встал. В его лице не было и намека на усталость или нерешительность, когда он поворачивал голову, оглядывая края бездны.

— Будь у нас веревка, — сказал он как бы самому себе, — мы могли бы спуститься. А без нее не выйдет.

— Значит, идти по краю? — спросила Элосса, хотя очень сомневалась, что они найдут какую-либо возможность перебраться через расщелину, но, с другой стороны, расщелина могла где-то сужаться, и можно будет перескочить.

— Направо или налево? — спросил Стэнс. Это уже зависело от удачи. Пока они стояли тут, она послала быстрый мыслен-

ный поиск — нет ли какой-нибудь жизни, у которой есть свои тропы на поверхность земли.

Ее мысленный поиск ничего не обнаружил, и она отвернулась от пустоты.

— Мне все равно.

— Пошли влево. — Раски повернулся и пошел близко к краю, так, чтобы держать его все время в свете факела.

Оба они устали. Элосса вдруг обнаружила, что считает шаги, причин к этому не было, разве что такой счет успокаивал ее непрекращающийся страх, что они не выйдут отсюда.

Вдруг Стэнс издал резкое восклицание и метнулся вперед: свет факела выхватил из темноты выступ у края бездны, такой же скалистый, как и поверхность, по которой они шли. Это не обработанный камень моста, подумала Элосса, но...

Стэнс наклонил факел поближе к этому выступающему языку. Его явно никто не обрабатывал инструментами, но зато было кое-что другое: в полу было глубоко вырезано изображение того же лица, и высунутый язык как раз и составлял выступ. Элосса остановилась, не имея желания наступить на широкие губы изображения, но у Стэнса, видимо, не было такого отвращения: он шагнул на язык, опустился на колени и пополз по этому мосту — если это был мост.

Элоссе очень не хотелось следовать его примеру: постоянные появления Атторна тревожили ее. Он был полностью от раски, хотя Стэнс и уверял, что ничего не знает о нем. Но было ясно: кто бы ни делал эти изображения — в них всегда подчеркивалось коварство, зло. Атторн — бог, правитель или сила — не сулил ничего хорошего ее роду. Она смотрела, как Стэнс ползет через пропасть, и хотела бы позвать его обратно, но понимала, что нельзя нарушать его сосредоточенность, которая была отчетливо видна во всей напряженной фигуре. А язык-мост, хоть и сужался вдали, казался достаточно прочным.

Стэнс остановился и в первый раз оглянулся.

— Я думаю, мы пройдем, — крикнул он, и эхо усилило его слова до звериного рева. — Мост, похоже, продолжается. Подожди, пока я доберусь до другого конца.

— Ладно. — Элосса села за краем резного лица и смотрела, как Стэнс медленно, но непреклонно движется вперед. Факел уходил все дальше, и вокруг Элоссы сгущались тени. Ей каза-

лось, что мост сильно сужается, и неизвестно, хватит ли Стэнсу места, чтобы поставить оба колена сразу.

Раски полз очень медленно, в одной руке он держал перед собой факел, а другой держался за край моста. Наконец, он сел верхом: видимо, теперь его тело было шире моста.

Злоба в резном лице явно обещала бедствие тому, кто ему поверит. Элосса жаждала позвать раски, но боялась, что ее крик может нарушить его равновесие и он упадет. Стэнс передвигался толчками, ноги его болтались в пустоте. Свет факела не выявлял еще никаких признаков другого конца пропасти. Что если язык кончается раньше и Стэнс соскользнет в пропасть?

Она встала и напряженно вглядывалась в слабое мерцание огня, который был уже так далеко.

Стэнс сделал конвульсивное движение. Упал?! У нее перехватило дух. Нет! Он стоял на ногах и размахивал факелом, как победным флагом.

Он опять вернулся на каменную нить, держа факел перед собой. Тело Элоссы болело от напряжения, когда она следила за его медленным возвращением. Она в первый раз глубоко вздохнула, когда он сделал последние несколько шагов и встал на губы вырезанного лица, из которых выходил этот невероятный мост.

— В конце он очень узок... — Стэнс часто дышал, и лицо его блестело от пота. Это путешествие нелегко ему далось. — И самую малость не доходит до края пропасти. Можно перешагнуть.

— И ты доказал это. — Она старалась выглядеть спокойной. Другого пути, кроме этого опасного места, не было. Она с детства была знакома с узкими горными тропами, по которым надо было идти с величайшей осторожностью, где все зависело от ловкости и способности сохранять равновесие. Однако самая худшая из них — ничто по сравнению с тем испытанием, что стояло перед ней сейчас. Ей приходилось отгонять страх и отвращение к форме этого единственного пути. Лицо на камне источало такое зло, что ступить на этот язык было почти выше ее сил. Это камень, который может погубить того, кто боится... И в ней росло глубокое отвращение. Ее преследовало видение языка, обвившего раски. Каменный язык может схватить ее и бросить в зияющий рот...

Элосса затрясла головой. Дать этому видению хоть какое-то место в сознании — значит позволить осуществиться целям Атторна, кто бы он ни был. Она высоко подняла голову и спросила ровным голосом:

— Как пойдём?

Стэнс поглядел на только что пройденный путь.

— Пожалуй, я пойду первым. Эх, если бы у нас была веревка!

Элосса невесело усмехнулась. Связаться? В случае несчастья это означало бы гибель обоих.

— Не думаю, что у каждого из нас хватит сил удержать другого, если тот упадет. Но раз уж надо идти — пошли!

Этими последними словами она, возможно, выдала свою тревогу, но он ничем не показал, что знает о грызущем ее страхе. Стэнс поднял факел, чтобы свет падал над его плечом, и уверенно шагнул на язык. Запахнув плащ и крепче сжав посох, Элосса пошла следом.

Очень скоро им пришлось встать на колени и ползти. Элосса не сводила глаз с камня, боясь глядеть по сторонам. Но скоро эти стороны так сблизились, что нельзя было не видеть их, и это было пыткой. К счастью, пропасть была закрыта мраком. По крайней мере, только воображение могло рисовать то, чего не видели глаза.

— Далее только вверх, — слышался его голос.

Элосса подобрала платье. Грубый холодный камень царапал внутреннюю поверхность ее бедер, она передвигалась медленно, а мост становился все уже. Болтающиеся ноги отяжелели. Она боялась потерять равновесие.

Затем Стэнс сделал прыжок, если можно так назвать его быстрое движение вперед, из сидячего положения. Он положил факел на край пропасти, так что пламя освещало мост, и, стоя на коленях, протянул руки Элоссе. Девушка выпустила камень, за который крепко держалась, взяла посох, завернутый в подол платья, и протянула его Стэнсу. Стэнс взял за посох и стал подтягивать Элоссу через треснувший конец арки. Она с трудом проволокалась вперед и упала прямо на Стэнса, оттолкнув его назад. Несколько минут она вообще не могла двигаться, будто ее силы и мужество истощились разом.

Руки Стэнса обвилились вокруг нее. Она почти забыла о безразличной неприязни к чужому прикосновению, унаследованной

ею. Она сознавала только, что тепло его тела отогнало в темноту бездны весь ее страх. Они перешли пропасть. Под ними был обычный камень, Раски выпустил ее и занялся готовым погаснуть факелом. Он помахал им, раздувая огонь. Элосса встала, опираясь на посох, но чувствовала себя вне времени и пространства, по щекам ее катились слезы, а крепкий камень под ней качался.

Стэнс поднял факел. Пламя явно отклонялось назад. Поток воздуха, свежий, как ветер с гор, шел откуда-то спереди. Значит, тут был какой-то путь для них. Элосса была голодна, все ее тело болело от усталости, но она не хотела отдыхать здесь. Был шанс вырваться отсюда в ближайшее время, а это самое главное.

Перед ними было отверстие в стене — естественный, необработанный камень, из этого прохода шел поток воздуха. Стэнс просунул туда голову и глубоко вздохнул.

— Мы, наверное, близко к выходу, — прокомментировал он. — Этот ветер не пахнет подземельем.

Наверное, он чувствовал, что его слова подбодрили девушку, потому что быстро пошел вперед, и она поспешила вдогонку.

Глава 14

Они вышли в ночь, почти такую же темную, как проход, по которому только что шли. Небо заволокло тучами, которые закрыли луну и звезды. Ветер обещал приближение зимы. Они нашли дверь в мир, но сначала надо было кое-что узнать о нем. По молчаливому согласию они снова вошли в проход, нашли нишу, укрывшую их от ветра, и сели там, решив переждать ночь.

Элосса достала последнюю лепешку. И у них была вода во фляжке. Поев, они решили спать по очереди. Стэнс вызвался первым нести вахту, и Элосса не возражала. Она так была измучена переходом по мосту, что рада была завернуться в плащ и отдохнуть. Уснула она мгновенно.

Она проснулась от прикосновения руки Стэнса к ее плечу. Он проворчал что-то неразборчивое и улегся в темноте, оставив ее смотреть на необычную высокогорную местность.

Сначала она попыталась сосредоточить свой затуманенный сном разум на определении места, где они сейчас находились. Они шли через равнину, в основном с востока на запад. Но когда Стэнс нашел Рот, он шел явно на север. А куда они шли подземельем? Тоже на север? Она была в этом уверена. Когда ее глаза привыкли к темноте, она заметила, что горные пики значительно выше холмов, по которым они шли раньше. Она всю жизнь прожила в горах и безошибочно чувствовала высоту.

Теперь, когда ощущение, что их преследуют, исчезло, она старалась разобраться в том немногом, что знала, выстроить логическую последовательность, чтобы представить себе, что может ожидать их в будущем.

На пути Рта им встретились два враждебных наследия: раски и юртов — Атторн и таинственная фигура, пытавшаяся убить их древним оружием ее народа. Но такая согласованная угроза именно из-за их наследия была невозможной. Насколько Элосса знала, мирных встреч между раски и юртами никогда не происходило.

Она порылась в складках одежды и извлекла зеркальце. Лунного света не было, чтобы дать ему жизнь; она видела только диск, и он был тусклым. Пользоваться им в таких условиях означало возможность остаться беззащитной перед чьим-нибудь мысленным зондом. Она долго вертела в руках зеркальце, мечтая привести его в действие, но делала это осторожно, притормаживая свои желания.

Зов юрта, который она ощутила, без сомнения существовал. Но если то была только мысленная иллюзия, тогда Элосса действительно пропала. Холод страха пробежал по ее коже. Сознание должно контролировать иллюзию, но если оно захвачено тем, чему не может противостоять даже самый сильный юрт, что тогда? А ведь она не обладает полной властью, как старшие.

Элосса поднесла зеркало к губам, подула на него и потом, держа его на уровне глаз, сосредоточилась. Если здесь был юрт, зов достигнет его.

Она никогда еще не пользовалась диском в отсутствии света. Но теперь... Нет, она не ошиблась: диск стал нагреваться. Он сработал!

Она настоятельно звала. Ответа не было. Если юрт и был здесь, то теперь уже исчез. Попытаться рискнуть с раски?

Элосса заколебалась. Воспоминание о Рте было очень свежо. Лучше не играть с силами, которых не понимаешь. Тот темный язык, что обвился вокруг Стэнса, был за пределами ее знания. Она с сожалением жала зеркальце в ладонях, рассредоточилась и спрятала диск.

Небо стало светлеть. Похоже, они действительно шли на север. Скоро ли начнутся зимние бури? Зима всегда была нелегка для юртов, а у нее со Стэнсом не было ни припасов, ни крова, и об этом им следует позаботиться в первую очередь.

Занялась заря, и Элосса увидела внизу новую страну. Проход, в котором они провели ночь, выходил на склон, под которым лежала долина. По сравнению с обширным пространством разрушенного города эта долина была относительно узкой, но шла на восток и запад. И Элосса была уверена, что видит блеск водного потока. Внизу на склонах была растительность, поднимались низкорослые деревья. Но во всем этом виднелось что-то нездоровое.

Тем не менее источник воды был важен, хотя вблизи потока можно наткнуться на жизнь. Там может быть саргон и родственные ему хищники. У Стэнса было охотничье оружие, а у нее только посох. Даже защищаться нечем.

— Мрачно... — сказал Стэнс, подойдя к ней. — Эта местность не располагает к путешествию. Но там есть вода и, вероятно, хорошая охотничья территория.

Они пошли вниз по склону. Не сговариваясь, они пользовались по пути всеми возможными укрытиями, а Элосса открыла сознание, улавливая намек на жизнь.

— Двурогие... — прошептала она. Стэнс бросил на нее удивленный взгляд. — На западе, — указала она движением подбородка. — Их четверо. Пасутся.

Он быстро кивнул и повернулся в указанном направлении, уже держа лук наготове. Элосса почувствовала легкую тошноту. Правда, она не заманивала беззащитное животное подойти ближе, но от этого ее предательство было немногим меньше. Справедливо ли это — убивать, чтобы жить? Если бы она защищалась от нападения... но двурогие не нападают. Да, она стоит перед необходимостью нарушить собственное кредо. Голодать, потому что нельзя убивать... Сильный человек может принять

это, а у нее не было такой силы. А раз так, она должна принудить себя смотреть.

Животных было почти не видно в высокой траве. Их было четверо. Элосса правильно уловила концентрацию жизненных сил. Там была самка с полувзрослым детенышем и два самца.

Стэнс выстрелил. Младший самец конвульсивно подскочил, из его горла хлынула кровь. Другой самец громко закричал и погнал самку с детенышем перед собой, спасаясь бегством. Стэнс бросился вперед с ножом в руке и быстро прикончил раненого второго.

Элоссу снова затошнило, когда она подошла к месту убийства. Она окунула палец в лужу крови и сделала на своем лбу алый знак своего греха. Она должна носить его, пока не сможет каким-нибудь образом искупить этот грех. Раски поглядел на нее с явным изумлением.

— По моей вине погибло невинное существо, — сказала она. Ей не хотелось объяснять свой позор, но она должна была это сделать. — Теперь я должна носить кровавый знак убийцы.

Его удивление не уменьшилось.

— Это же мясо, без него мы умрем. Здесь нет полей, чтобы собрать урожай, нет спелых фруктов, которые можно сорвать. Разве юрты не едят мяса? Как же они живут?

— Мы живем, — мрачно ответила она, — и мы убиваем, но никогда не забываем, что, убивая, берем бремя смерти на себя, будь то человек или животное.

— Но ты не мазалась кровью саргона, — заметил он.

— Нет, потому что там была борьба на равных — обе жизни рисковали, и это остается на весах Первого Принципа.

Стэнс в замешательстве покачал головой.

— Ладно, пусть обычаи юртов остаются, — он пожал плечами, — а нам нужно есть.

— Мы рискнем развести костер? — Девушка смотрела на конец луга, где протекал поток. Течение было быстрым и несло массу водорослей, ветки, как будто где-то наверху была буря и вода захватывала по пути обломки.

На берегу был песок и высокие скалы, и никакой растительности.

— А что говорит твой талант юрта? — спросил он. — Если ты могла найти животное для нашего пропитания, не тратя времени на долгие поиски, то можешь также сказать, одни ли мы здесь.

Элосса не была убеждена, что вопрос задан без скрытой враждебности. У них такое разное наследие — как знать, нет ли за его словами какого-либо другого мотива? Она замялась. Выдать свою слабость, когда она не уверена в этом раски, — не будет ли это страшной глупостью? С другой стороны, нечего хвалиться своей силой, если она не может призвать ее в нужное время. Это может оказаться худшим, чем признание, что для ее способностей тоже есть границы.

— Если я пошлю мысль-поиск, — тихо сказала она, — а здесь есть равно тренированный мозг, он тут же узнает о нашем присутствии.

— Но ведь это может быть только мозг юрта, — сказал он. — Разве ты боишься собственного народа?

— Я путешествую с раски. У нас нет ненависти или страха к твоему народу, но я покажусь странной.

— Ну да, как и я в компании юрта! — согласился он. — Большинство моих родственников содрало бы с меня эту повязку, — он показал на свою забинтованную рану, — не спрашивая моего мнения.

Она приняла решение, в основном из-за мучившего ее голода: она не имела желания есть сырое мясо. Есть причина, по которой тело пересиливает все остальное — тело должно питаться, иначе погибнет и мозг.

Когда Стэнс опять занялся своим мясницким делом, она встала на колени и достала зеркальце. Поверхность диска засияла на солнце. Она посмотрела на диск и послала в него резкую мысль: «Покажи мне юрта!»

Поверхность диска покрылась рябью. Затем там появилась туманная, еле различимая фигура — возможно, та, что стояла против них в коридоре. Ее мысль-поиск достигла фигуры. Жизнь... далеко... но юрт ли это? Она не уловила ответной вспышки сознания. Это сознание больше походило на сознание раски — закрытое, несведущее...

— Поблизости нет никого, — сказала она, пряча зеркальце.

— Прекрасно. По реке плывет много топлива для костра, и дыма будет мало.

Элосса пошла собирать топливо.

Они насадили куски мяса на прутья и поджарили над огнем. Элосса ела, борясь с отвращением, а Стэнс облизывал пальцы с удовольствием. Потом он сказал:

— Зажарим, сколько можно, и возьмем с собой.

Не успел он это сказать, как Элосса вскочила на ноги и уставилась через поток на другой берег. Там вдруг возникла фигура. Элосса чуть не задохнулась. Это был не юрт, а темнокожий, темноволосый мужчина, похожий на Стэнса, но лицо... Это было лицо Атторна, только во плоти. Человек не носил ни меховой одежды охотника, ни грубого плаща горожанина, ни примитивной брони солдата раски, его тело плотно обтягивал черный комбинезон вроде того, что носили юрты в своем корабле, только этот комбинезон был расписан красными узорами, как будто сквозь него проступала свежая кровь. Узор вспыхивал, угасал и вновь загорался. На плечах висел короткий кроваво-красный плащ с черным узором. Голова увенчивалась гребнем абсолютно черных волос, то ли чем-то связанных, то ли просто растущих прямо вверх. Более варварской фигуры Элосса еще не видела. Она инстинктивно послала мысль-поиск, но ничего не встретила.

Незнакомец вытянул руку вперед. Его губы — толстые, презрительно улыбающиеся губы Рта Атторна — кинули слово, тяжело пролетавшее в воздухе, как будто оно вылетело из какого-то оружия, чтобы сбить двоих на этом берегу.

— Раски!

Стэнс вскрикнул. Появление человека застало его на коленях, но теперь он уже стоял на ногах, пригнувшись и крепко сжимая рукоятку ножа.

— Филбур! — выкрикнул он родовое имя, как боевой клич.

Не раздумывая, Элосса выхватила зеркальце, сорвала с шеи шнурок, на котором оно держалось, и раскрутила в воздухе.

Была ли то случайность или вмешательство сил, которые она вызвала неожиданно для себя самой? Из вытянутого пальца фигуры с лицом Атторна вылетел огненный луч и ударил прямо в зеркальце. Многократно усилившееся отражение луча вернулось обратно. Черно-красная фигура исчезла.

Глава 15

— Кто это был? — спросила Элосса, в то время как Стэнс растерянно смотрел на то место, где только что стояла фигура незнакомца.

— Его не было! — Стэнс махнул рукой жестом отрицания. — Этого не может быть. — Он чуть повернул голову и взглянул на девушку. Его лицо все еще выражало полное ошеломление. — Время не стоит на месте... Человек, умерший полтысячи лет назад, не может ходить!

— Ходит. — Она бросила взгляд на зеркальце. Так случайно, почти невероятно, отразило оно то, чем незнакомец хотел уничтожить Стэнса. Диск треснул, потемнел. Элосса тщетно терла его о плащ, хотя и так была уверена, что отныне зеркальце действовать уже не будет. — Ходит, — повторила она со вспышкой гнева, — чтобы убивать!

— Это был Карн из Дома Филбура. Он правил в Кал-Хат-Тане. Он... он моей крови... вернее, я его крови. Но он же погиб вместе с городом! Это точно — все об этом знают! Однако ты видела его, правда? Скажи, видела?

— Я видела мужчину, похожего на раски, в черном и красном, но у него лицо Атторна, а ты говорил, что не знаешь его.

Стэнс провел рукой по лбу. Он, видимо, был более потрясен, чем ей показалось.

— Я знаю... Что я знаю — или не знаю? — выкрикнул он, не ей, а окружающему миру. — Я уже ни в чем не уверен! — Он прыгнул к ней, схватил ее за плечо и сильно потряс. — Не твоих ли рук это дело, юрт? Всем известно, что вы можете играть чужими мозгами, как человек камешками. Ты запутала мои мысли, навела чары на мои глаза, чтобы я видел то, чего нет?

Девушка яростно, гневно вырвалась и отступила, подняв к его глазам почерневшее и почти разбитое зеркальце видения.

— Это сделал он — лучом, который послал. Подумай сам, раски, что сделал бы с тобой этот луч, если бы эта сила не отразила его!

Стэнс, по-прежнему хмурый, быстро взглянул на диск.

— Я не знаю, что он хотел сделать, — угрюмо сказал он, — но здесь злая страна и... — Он не договорил: через реку перебились, перепрыгивая с камня на камень, не юрты и не раски...

Элосса в страхе закричала, так чужды были эти создания всякой нормальной жизни. Искривленные тела, слишком длинные или слишком короткие руки и ноги, страшно деформированные лица... кошмарные существа, отдаленно напоминающие людей, но совершенно чудовищные. Они волной хлынули на берег и без звука напали.

Элосса схватила за посох. У Стэнса все еще был в руках нож, но они не имели никакого шанса на спасение. Вонючие тела окружили их со всех сторон. Четырех- и шестипалые руки, бескостные щупальца тянулись к ним и валили наземь. Страшное отвращение, с которым Элосса смотрела на изуродованные тела и лица, ослабляло ее, убивало силу мысли.

Чудовища повалили их на землю. Элосса содрогалась от прикосновения этих ужасающих рук. Ей трудно было дышать от зловония, она с трудом сохраняла сознание. Ей крепко стянули руки и ноги, пока одно из созданий прижимало ее к земле. Хуже всего, что держала ее женщина. Нападавшие были голы, если не считать грязных обрывков ткани вокруг бедер. И женщины были так же агрессивны, как и мужчины.

Молчание, с которым они напали, теперь нарушилось: раздался хор хрюканья, свиста, еще какие-то звериные звуки.

Элосса, лежавшая в центре круга захватчиков, не видела раски. Окружавшие ее начали развлекаться: дергали ее за волосы, царапали ногтями — у кого они были, оставляя на ее теле кровавые полосы.

Она стала понимать, что между ними идет какой-то спор. Дважды часть их оттаскивала ее от воды, а другая с бормотанием и визгом отнимала и приносила обратно. Она ожидала появления Карна, поскольку была уверена, что именно он выпустил на них эту ужасную свору. Но никого, кроме этих существ, не было.

Один сунул в костер прут, покрутил его в воздухе, чтобы конец загорелся, и подковылял к Элоссе с явным намерением выжечь ей глаза, но более рослый и крепкий мужчина схватил пальцами-щупальцами своего собрата за горло и швырнул на землю. Стоявшие у самого края воды пронзительно закричали. Гигант бросился на тех, кто окружал Элоссу, разогнал их кулаками и пинками беспалых ног, схватил Элоссу за волосы и

поташил к самому берегу. Там он взял ее поперек тела, поднял и бросил в воду.

Она упала, но не в воду, а в подобие лодки, которая угрожающе накренилась, но не перевернулась. В следующую минуту в лодку свалился Стэнс, брошенный тем же мужчиной.

Раски лежал неподвижно, и Элосса испугалась, что он мертв. Его тело упало на Элоссу и придавило ее ко дну лодки, где плескалась грязная вода. Она старалась поднять голову, чтобы не захлебнуться.

Лодка дернулась и поплыла, однако никто из кошмарных существ не присоединился к ним, пленников просто пустили по течению, связанных и беспомощных. Подхваченная быстрым потоком, лодка, крутясь, понеслась. Поле зрения Элоссы было ограничено телом Стэнса, так что она видела только небо. Но затем с каждой стороны поднялись стены и закрыли большую часть неба. Скоро Элосса могла видеть только узкий просвет между двумя отвесными темными скалами.

Время от времени лодка билась о какие-то препятствия, и девушка напряженно ожидала, что их суденышко перевернется или разобьется о скалы. Все это время она старалась освободить руки. Они были в воде, и Элосса надеялась, что это ослабит узлы, но боялась делать резкие движения, чтобы не нарушить равновесие утлой лодки. Она обрадовалась, услышав стон Стэнса. Может, он придет в себя, и тогда у них будет чуть больше шансов. Затем она увидела на его плече кровь: почти зажившая рана, видимо, была опять растревожена.

— Стэнс! — окликнула она. Он снова застонал и что-то слабо пробормотал, но грохот воды заглушил эти звуки. Воображение Элоссы понемногу расслабляло путы, в которых она держала свои эмоции. Что ждет их впереди? При такой скорости течения нельзя надеяться выплыть в протекающей лодке, а возможно, их ждет падение с водопадом в бездну.

— Стэнс! — Впрочем, может быть, она не права, пытаясь привести его в чувство? Неосторожным движением он может перевернуть лодку. Вода в лодке прибывала и плескалась уже у подбородка Элоссы. Если бы можно было сдвинуть Стэнса, она подняла бы голову повыше.

Его тело дернулось, и вода плеснула в лицо Элоссе.

— Осторожнее! — почти крикнула она.

— Где?.. — слабо, но осознанно произнес он.

— Мы в лодке. Я частично под тобой. Здесь вода, и я стараюсь удерживать голову над ней.

Понял ли он? Ответил Стэнс не сразу. Она старалась вывернуться из-под него, поднимая голову. Шея ее болела, и двигать ею становилось все труднее.

— Я постараюсь сползти вниз, — сказал он вполне отчетливо. — Будь готова!

Она глубоко вздохнула. Он немного сдвинулся в сторону кормы. Лодка бешено завертелась. Вода прокатилась по лицу Элоссы, но каким-то чудом они не перевернулись. Он еще раз шевельнулся, и Элосса наконец освободилась от его тяжести. Настала ее очередь.

— Приготовься, — предупредила она. — Я постараюсь подняться повыше.

Теперь ее подбородок упирался в грудь, но зато лицо было над водой. Она увидела, что Стэнс повернулся и лег поперек лодки. Течение было по-прежнему быстрым, но лодка, казалось, стала более устойчивой. Элосса почти ничего не знала о лодках — юрты не пользовались ими, — но поняла, что смена их положения каким-то образом улучшила ее ход. Теперь она видела, что поток мчится по узкому ущелью между очень высокими берегами. Даже если бы им удалось выбраться из воды, вряд ли они смогли бы влезть на эти крутые стены.

Она опять стала осторожно дергать связанные руки, и, к ее величайшему удивлению, узлы чуть-чуть поддались. Видимо, вода помогла. Элосса поделилась своим открытием со Стэнсом. Он кивнул, но, кажется, не слишком заинтересовался. Глаза его были закрыты, он лежал неподвижно. Похоже, вся его энергия ушла на то, чтобы сдвинуться и освободить Элоссу.

Но ее решимость и воля росли. Эффект, произведенный нападшими чудовищами, потускнел. Брошенная на произвол судьбы, связанная, она все-таки на что-то надеялась. В первую очередь — надо освободить руки. Несмотря на боль в запястьях, она тянула узлы, напрягаясь и расслабляясь.

Стэнс по-прежнему не открывал глаз, и девушка подумала, что он вновь потерял сознание. Сколько времени еще продлится их бег по воде? Она еще немного приподняла голову и увидела, что стены становятся ниже.

Последнее усилие — и руки свободны. Затекшие пальцы ничего не чувствовали, и когда циркуляция крови начала восстанавливаться, девушка чуть не закричала от боли, но заставила себя сгибать и разгибать пальцы. Наконец она смогла ухватиться за узлы на лодыжках. Ремни глубоко врезались в тело. Тогда она вспомнила, что создания, захватившие их, не обыскивали ее. Она пошарила за пазухой и достала из потайного кармана небольшой нож. Он чуть не выпал из ее онемевших пальцев, но она сумела разрезать ремни. Затем она осторожно повернулась посмотреть, что она может сделать для Стэнса. Поток воды еще больше сузился, и течение стало быстрее. Лодка была тупоносая, с высокими бортами. Похоже, у нее деревянный каркас, обтянутый такой толстой кожей, что непонятно, какому животному она принадлежала. Кожа была чешуйчатой снаружи и гладкой внутри и, похоже, крепче всякого дерева. Лодка была очень старая, как будто она вообще не из этого времени.

Элосса подвинулась чуть ближе к Стэнсу и увидела, как глубоко врезались ремни в его руки. Ноги пострадали меньше, поскольку он был в охотничьих сапогах. Она освободила его от пут и устроила поудобнее, насколько это было возможно.

Но что они могли сделать без руля, без весел, без каких-либо средств управления лодкой? Элосса глубоко вздохнула и перенесла свое внимание на воду.

Глава 16

Ей не пришлось долго размышлять, потому что конец их путешествия был близок. Высота стен быстро снижалась, и вот они выплыли из каньона в долину — если это была долина, а не равнинная страна за горами. Во всяком случае ровная местность, одетая пожухлой осенней травой, тянулась, как море, насколько хватало глаз.

Поток, несший их, бежал уже не так быстро, и путь его был отмечен прибрежными кустарниками и мелкими деревцами — единственная растительность, возвышавшаяся над густой травой. В остальном местность выглядела пустынной. Близился вечер, и здесь не было ни птиц, ни пасущихся животных. Тусклый

цвет травы и по-осеннему окрашенные листья деревьев создали впечатление заброшенной страны, будто вся жизнь вытекла из нее. Оглядевшись, Элосса вздрогнула от внутреннего холода.

Стон Стэнса снова привлек внимание Элоссы к спутнику. Раски открыл глаза и посмотрел на Элоссу вполне сознательным взглядом. Он дотронулся до раненого плеча и вздрогнул, а потом оглядел равнину.

— Мы за горами, — сказал он.

— Да, — ответила Элосса, — но где — не имею понятия.

Он нахмурился и потер лоб.

— Это был сон, или мы действительно видели там Карна?

— Мы видели человека... с лицом Атторна, — осторожно ответила Элосса, — и ты назвал его Карном.

— Значит, это не сон, — тяжело произнес Стэнс. — Но Карн давно умер. Хотя... он был и королем, и жрецом, и в его время люди шептались... я слышал только обрывки этой легенды. Карн имел дело с силами, о существовании которых большинство людей не подозревает — по крайней мере, так говорили. Я плохо помню. — Он вновь покачал головой. — Чувствую, что мог бы вспомнить, но между мной и правдой стоит какая-то стена. Карн... — его голос упал.

— Если это был ваш давно умерший король, — резко сказала Элосса, — он создал себе злых последователей. Чудовища, которые схватили нас, не человеческого рода.

Элосса, глядевшая вдаль, вдруг вскрикнула: то, что казалось стеной кустарника, перегораживало впереди поток, и вода беспрепятственно проходила под ним. Совершенно очевидно, что это барьер, и лодка должна столкнуться с ним.

Осторожно балансируя, Элосса встала на колени, но поняла, что, даже встав на ноги, не достанет до вершины барьера. Лодка опять завертелась, когда встал Стэнс.

— Доплывем? — спросил он.

Хотя Элосса плавала в горных озерах, но здесь ее пугало быстрое течение. Может быть, лучше взобраться на барьер, когда они столкнутся с ним? Однако само присутствие барьера таило в себе угрозу. Это не было каким-то капризом природы, в этом Элосса была уверена, барьер был искусственно создан — но кем и с какой целью?

Однако оказалось, что выбора у них нет вообще: как только лодка подошла к барьеру, откуда-то прямо из воздуха упала сеть и накрыла лодку и ее обитателей. Элосса и Стэнс пытались освободиться от сети, но из-за кустов и деревьев с обеих сторон потока появились люди.

Они не были чудовищами: у них были нормальные, красивые тела. И... это были юрты! Элосса позвала на помощь. Ведь они были одной с ней крови! На некоторых была грубая одежда горных кланов, такая же, как на ней, на других — плотно облегающие комбинезоны, как на изображениях в корабле и как на юрте, встреченном ими в коридоре в горах.

Элосса послала настоящий мысленный зов и вскрикнула от испуга: они были закрыты от ее прикосновения. Они были юртами только по виду, но не по мозгу.

Теперь она отчетливо видела их лица, пустые, безо всякого выражения глаза. И они не разговаривали друг с другом, как и те, что находились на другом берегу и подтаскивали сеть к себе.

— Это юрты, — сказал Стэнс, — твой народ. Что они хотят с нами делать?

Элосса покачала головой. Она чувствовала себя чужой и потерянной — встретить закрытое сознание, пустые лица, когда она имела право надеяться на совершенно противоположное... Ей казалось, что эти люди захвачены каким-то кошмаром или столь сильной галлюцинацией, что все попытки Элоссы разрушить ее бесплодны.

— Они выглядят как юрты, — сказала она растерянно, — но это не юрты, не такие, каких я знаю.

Кто бы они ни были, они прекрасно сумели воспользоваться водой и своей странной сетью, чтобы захватить пленников. И их было слишком много, чтобы Элосса и Стэнс, обессиленный откровшейся раной, могли защищаться. Хотя ее первая попытка общения провалилась, девушка вторично послала мысль своим пленителям, но, похоже, никто из них ее не воспринял.

Им связали руки за спиной и повели прочь от потока по пустой равнине. После захода солнца они остановились там, где, как видно, было место для лагеря: на это указывали остатки костров.

Юрты шли молча, не разговаривая ни с пленниками, ни между собой. Элоссу бросало в дрожь от контакта с ними. Они

казались пустыми оболочками, повинующимися чьей-то воле и не имеющими собственного разума. Но эти тела нуждались в пище и воде. Они достали свои припасы и разделили их с пленниками. Пленников развязали, но внимательно следили за ними, пока те жевали полоски сушеного мяса, твердого, как дерево, и пили из фляжек. Даже вода была какая-то странная, с металлическим привкусом, как будто долго находилась в контейнере.

— Куда вы нас ведете? — спросил Стэнс, и его голос прозвучал неожиданно громко в полной тишине. Он обратился к юрту, который вновь связывал ему руки.

Видимо, человек был глух, потому что даже не взглянул на Стэнса, а проверил последний узел и с довольной усмешкой отошел. Раски посмотрел на Элоссу.

— Они твои сородичи, тебе-то они должны ответить, — сказал он со странной нотой в голосе. Элоссе даже показалось, что он полностью объединил ее со своими врагами, несмотря на то, что ее тоже взяли в плен.

Она облизнула губы и бросила призыв, о котором думала во время их путешествия в этот лагерь. Делать это перед раски значило идти против всего, что внушалось ей с рождения: дела юртов касались их одних. Но она должна была пробиться. Это было сейчас самым важным.

Рот ее так пересох от волнения, что она, казалось, не сможет произнести ни одного слова. Но она должна была это сделать — она знала. И она запела. Слова песни были такими древними, что даже значение их забылось. Они шли из туманного прошлого и, вероятно, когда-то были исключительно важными, и каждый юрт заучивал их наизусть.

— Вначале... — начала она на забытом ныне языке, — были созданы Небо и Юрт (последнее слово было единственным понятным) — и вот человек получил жизнь и...

Слова слетали теперь быстрее, отчетливее, произносились с большей энергией и силой. И... да, один из юртов, одетый как она, повернулся к ней. Легкое замешательство мелькнуло на его пустом лице, губы дрогнули, и его голос присоединился к песне, слабый, тихий, прерывистый. Но когда она замолчала, он увидел ее, по-настоящему увидел! Как будто она разбудила если не всех, то этого одного. Его глаза перешли от ее лица к

связанным рукам, к концу веревки, захлестнутой вокруг руки другого стражника. Внимание в его лице сменилось беспомощностью.

— На юртах бремя греха, — сказал он хрипло, словно очень давно не пользовался своим голосом. — Мы платим, юрт, мы платим!

Никто, видимо, не обращал внимания на этого вдруг заговорившего юрта.

Элосса шагнула вперед.

— Кому юрты должны платить? — как можно спокойнее спросила она.

— Атторну. — Последние следы интереса сбежали с его лица, он повернулся и отошел.

Она послала мысль-поиск со всей силой, на какую была способна, решив сломать обнаруженный ею барьер, отыскать в пустой скорлупе человека. Видимо, она нашла брешь, потому что стражник снова повернул голову, но затем впал в прежнее бессознательное состояние.

— Итак, юрты платят, — прокомментировал Стэнс.

— Атторну, — резко ответила Элосса, обескураженная неудачей, она надеялась узнать побольше. — Может быть, твоему Карну. — И добавила, сама не веря своим словам: — Но если здесь правит Атторн, почему раски идет связанный?

— Вероятно, нам скоро представится случай узнать это, — столь же раздраженно сказал Стэнс.

С наступлением темноты юрты улеглись спать, заботливо положив каждого пленника между двумя стражниками. Концы веревок были обмотаны вокруг стражников, так что при малейшем движении пленников стражник, а то и оба просыпались. Тот, что говорил с Элоссой, сел с другой стороны костра и закрыл глаза, явно не желая видеть ее.

Наконец она уснула. Проснувшись, Элосса увидела, как один из юртов подкладывает в костер хворост, сложенный здесь в ожидании их появления. Стэнса едва можно было разглядеть в темноте, и девушка не знала, спит ли он или нет. Ее беспокоила неудача мысленного поиска. Единственное объяснение — эти юрты скованы чужой волей. «Бремя», от которого корабль освободил ее, и в самом деле висело на многих поколениях ее народа. Но юрты оставались нормальными людьми. Не были

ли те, кто был одет подобно Элоссе, не вернувшимися из Паломничества? Они не погибли в горах, а оказались здесь, не живые и не мертвые. Однако здесь были и другие, в космической одежде. Слишком много лет прошло с падения корабля и гибели Кал-Хат-Тана, чтобы кто-нибудь из экипажа мог жить сейчас, — разве что нашли способ продления жизни свыше того летосчисления, которое знала Элосса. Или сюда позднее пришел другой корабль?

Эта мысль привела ее в такое возбуждение, что она с трудом заставила себя лежать спокойно. Такое же состояние было у нее, когда она видела в полузасыпанном корабле сцены, происходившие до падения.

Другой корабль мог быть послан за юртами, чтобы увести их домой. Домой? А где их дом? Может, одна из звезд, рассыпанных сейчас по небу, — солнце, согревающее поля и холмы родины юртов?

Она глубоко вздохнула, и ее внимание перекинулось на другое.

Она знала, что люди, окружающие ее сейчас, несвободны. Если они и в самом деле пришли спасать, то вместо этого сами попали в западню и стали пленниками. Но эти люди не были физически улучшены машинами корабля, как те, от которых она произошла. Ей страстно хотелось доползти до Стэнса, разбудить его и заставить рассказать об Атторне, о Карне, имевшем лицо Атторна. Слишком многого она не знала и не могла узнать, поскольку мысль-поиск отказалась служить ей.

Перед зарей они поели и опять пошли по равнине. Стэнс шел довольно далеко впереди Элоссы. Он, казалось, нетвердо держался на ногах, и время от времени стражник протягивал руку и поддерживал его с безразличием машины, выполняющей свою работу.

Иногда они останавливались на отдых. На каждой остановке пленникам предлагались пища и вода. Сухая трава была здесь высокой по колено, и Элосса не видела никакой тропы. Но отряд шел уверенно, как по хорошо знакомому пути, и явно не боялся сбиться с дороги.

Впереди на горизонте смутно что-то виднелось. Незадолго до полудня Элосса поняла: равнина резко заканчивалась утесом. Видимо, эта ровная местность была широким плато, и им

придется спускаться ниже, в совсем другую область. Несмотря на предстоящий скорый приход зимы, растительность, которую они видели внизу, была пышной, с густой листвой, как в середине лета. Сверху видны были только вершины деревьев.

Ведущий стражник взял чуть влево и шагнул на ступени лестницы, начинавшейся прямо от утеса. Все стали гуськом спускаться в ожидавшую их низину.

Глава 17

Такой роскошной растительности, как в этой низинной стране, Элосса никогда еще не видела. Долины и равнины на востоке, которые раски обрабатывали со всем своим умением, казались пустыней в сравнении с этой местностью. Лестница привела на широкую дорогу, где стражники вновь окружили пленников. Элосса продолжала удивляться, насколько же эта страна отличается от знакомых ей гор и долин.

Кроны деревьев смыкались и укрывали дорогу, как поломом. Да и сами деревья были совсем другими. По их стволам и нижним ветвям вились толстые виноградные лозы, едва не обламывающиеся под тяжестью ярко-алых плодов.

Вокруг плодов летало и ползало множество пирующих — и пернатых, и покрытых мехом. Их крики сливались в один неприятный гул. Однако ни один из стражей ни разу не взглянул вверх и, кажется, вообще не замечал ничего, что находилось по обеим сторонам дороги. Воздух был влажный, опьяняющий, тяжелый приторный аромат забивал ноздри, учащал дыхание.

Дорога была очень хорошей. Элосса обратила внимание, что густой подлесок тоже нависал над дорогой. Возможно, сами плиты дороги каким-то образом не позволяли лесу вторгаться в работу строителей, так изменивших природу.

Но дорога шла не прямо. Попадались деревья такой толщины, что их кроны просто не могли согнуться, так что дорога обходила их, искривляясь то на восток, то на запад. Если оглянуться назад, то дорога как бы исчезала с каждым поворотом.

Пот катился по лицу Элоссы. Жар проникал сквозь ее толстую одежду, а грубая ткань натирала и царапала кожу. Юрты не останавливались и не сбавляли шаг.

Но все дороги когда-нибудь кончаются, кончилась и эта, когда они обогнули пространство, занятое тремя гигантскими деревьями, так густо обросшими лианами и папоротником, что всё вместе выглядело крепкой, как камень, стеной.

Поворот дороги закончился открытым местом, тоже вымощенным каменными плитами. В центре находилось квадратное отверстие. Теперь они опять стали спускаться по лестнице, на этот раз под землю. Лестница шла по спирали вокруг колодца. Чем ниже они опускались, тем слабее становился приторный запах леса, и откуда-то шел поток свежего воздуха.

Элосса пыталась считать ступени, чтобы иметь представление, на какую глубину они спускаются, но сбилась со счета. И ей все больше и больше не нравилась атмосфера этого места. Юрты жили, как правило, под открытым небом и свежим ветром. Подножие лестницы упиралось в широкий коридор. Вдоль него были расставлены в стенных кольцах факелы, резко пахло дымом и копотью.

Коридор закончился аркой, и Элосса чуть не упала: они опять оказались перед каменным лицом Атторна. Его широко раскрытый рот ждал их.

Двое юртов опустили на колени и проползли через него. Нажим на плечи заставил Элоссу принять такую же унижительную позу и последовать за ними. Она со злостью повиновалась, вздрагивая всякий раз, когда касалась стенок этого рта.

За ним была большая комната с каменными стенами и полом. В дальнем ее конце находилось возвышение, а на нем кресло с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Но как ни велик был этот трон, он не преуменьшал человека, сидевшего на нем.

В черном и красном, с высоко зачесанным гребнем волос... это был тот, кого они видели перед нападением уродов. Он улыбнулся, когда стражи вытащили Элоссу вперед, и следил за ней, как следил бы саргон, имея он чуть больше разума, за беспомощной добычей, идущей к нему.

Девушка высоко подняла голову. Что-то в ней тут же бросило вызов этой улыбке высокомерного господина, хотя Элосса ничего не могла сделать, кроме как помериться с ним взглядом.

Юрт, тащивший ее, имел такое же пустое лицо, как и остальные. Видимо, они были целиком во власти Карна, были его вещами, поистине проглоченными Аттормом.

— Лорд... — прервал молчание Стэнс. Он прошел мимо Элоссы, как бы не видя ее, и встал на нижнюю ступеньку постола. — Великий король...

Темные глаза Карна повернулись от Элоссы к раски, так похожему на него телом. Улыбка его погасла.

— Ты был вместе с юртом... — последовало оскорбительно-унизительное слово.

— Я Стэнс из Дома Филбура, — он не встал на колени и говорил как с равным, — из Дома Филбура, — повторил он эти три слова, как талисман, в какой-то мере равняющий его с Карном. — Так ли правитель Кал-Хат-Тана встречает своего родственника? — Он дернул плечами, как бы указывая, что пришел связанным.

— Ты запятнал себя общением с юртом.

— Я привел тебе юрта, делай с ним что хочешь. Твои слуги не потрудились спросить.

Значит, вот как! Смутное недоверие Элоссы к раски оказалось правильным. Ложь шла за ним с той минуты на борту корабля, когда Стэнс внешне признал, что у них общее дело.

Карн взглянул резко, испытующе. Элосса почувствовала мысленное прикосновение — не чистый и ясный контакт юрта — другой. Это было беглое пощипывание внешней защиты ее сознания, оно желало проникнуть внутрь, но не имело для этого силы.

— Интересно, — заметил Карн. — А как ты узнал о Кал-Хат-Тане, раски?

— Это... это было возложено на Дом Филбура. Мы брали цену крови за Кал-Хат-Тан. Мы брали ее с каждого поколения.

— Цена крови за Кал-Хат-Тан может быть и другого сорта, раски. — Карн слегка махнул рукой в сторону стоявшего рядом пустовзглядного юрта. — Грязный юрт здесь раб. Это хуже смерти, не так ли, юрт? — обратился он к Элоссе.

Она не ответила. Карн, или какая-то чуждая сила в этом месте, все еще искал путь через ее щит разума. Попытки были очень слабыми, но это вовсе не значило, что они не могут усиливаться, и без предупреждения.

Губы Карна, так похожие на рот Атторна, сложились в легкую усмешку. Его взгляд, устремленный на нее, был хуже любого физического удара.

— Юрт сломлен, да, сломлен. И очень хорошо, родственник, что ты привел мне в дар самку. Наши рабы плохо размножаются — у нас большой недостаток в самках. Да, я нахожу, что твой дар хорош. — Он поднял руку, и юрт, стоявший рядом со Стэнсом, быстро шагнул вперед и освободил руки Стэнса. — Ты уверяешь, что ты от крови Филбура, родич. Это мне тоже интересно. Я думал, наша кровь исчезла. А что касается юрта — увести в загон!

Элоссу не надо было дергать за веревку, чтобы увести. Скрытое зло этого места поднималось вокруг ее ног, как зловонная грязь, и старалось затянуть ее. У нее вызывало отвращение смотреть на Карна и его «родственника».

Ее вывели из зала для приемов через другую дверь, повели по лабиринту узких коридоров и наконец втолкнули в комнату, где находились женщины. Никто не взглянул на нее, когда она едва не упала, поскольку рук ей не развязали. Полдюжины женщин ее собственной расы тупо смотрели перед собой. Элосса увидела двух беременных и с ужасом вспомнила угрозу Карна. У всех были пустые лица и, вероятно, пустой мозг. Ни на ком из этих женщин не было космических комбинезонов, их платья походили на дорожную одежду паломников. Но Элосса не нашла среди них пропавших членов ее клана и не могла спросить, давно ли они здесь. Затем одна женщина медленно повернула голову к Элоссе. Ее взгляд был таким пустым и бессмысленным, что девушка отступила. Женщина лениво встала, обошла Элоссу и подергала веревку, связывающую руки девушки. Веревка упала на пол. Женщина вернулась на свое отвратительное ложе из грязных подушек и снова застыла в прежней позе. Элосса, растирая руки, отступила назад, пока не уперлась в стену, и села там, скрестив ноги. Ее взгляд вновь вернулся к освободившей ее женщине. Та ничем не отличалась от остальных пленниц, но что-то заставило ее помочь Элоссе. Откинув голову к стене, Элосса закрыла глаза. Ощущение давления на края щита разума исчезло. Она очень осторожно направила тонкую нить мысленного поиска — недалеко, на расстояние вытянутой руки. Если юрты, одетые как она, были захвачены

во время паломничества, их сила равна ее силе. Но, похоже, эту силу вытянули из них, оставив лишь пустую бесполезную скорлупу.

Но раски не имеют такой силы, по крайней мере там, во внешнем мире. На них можно воздействовать галлюцинациями юртов, чтобы привести в состояние отупения. Кто же такой Карн, если он сумел обратить в рабство людей с талантом, какого не было ни у кого из его расы?

«Карн — это Атторн...»

Только дисциплина ума заставила Элоссу остаться спокойной. Кто послал эту мысль?

«Где ты?» — спросила она.

«Здесь. Но имей в виду, у Карна есть способы...»

«Откуда?»

«Атторн был богом. Карн — это Атторн, — пришел неясный ответ. — У него есть способы ломать защиту сознания... но не всем. Кое-кто из нас был вовремя предупрежден... отступили...»

«Спасибо. Но что мы можем сделать?»

Элосса открыла глаза и осторожно посмотрела на женщину, освободившую ее. Возможно...

«Я не Дэнна, — быстро поправили ее. — Она сломлена, но все-таки немного реагирует. Мы — те, кто еще остался настоящими юртами, работаем на исправление нашей защиты. Но нас очень мало. Нет, не ищи меня глазами, мы ведем мысленный разговор, но не знаем друг друга, потому что иначе может случиться, что из нас вырвут правду. Смерть, постигшая Кал-Хат-Тан, имела страшные, злые последствия. Ты видела деформированных существ, повинующиеся Карну? Они ловят всех, кто появляется во внутренних землях. Так вот, они от крови Кал-Хат-Тана, но последствия взрыва наложили на них свой отпечаток. Время от времени они рожают детей, таких же чудовищных, как они сами. Карн обработан иначе: он знал тайны, известные только верховным жрецам и правителям. Несколько этих жрецов было в тайном месте, когда городу пришел конец. Карн стал бессмертным, воплощенным — как считает он и его народ — Атторном, который никогда не знал ни добра, ни милосердия. Карн пережил тех, кто остался тогда в живых вместе с ним. Они уже знали, что сила юрта в сознании, но сами

искали эту силу своими средствами — убивая разум других. За долгие годы они узнали многое. Теперь...»

Между говорившей и Элоссой как бы захлопнулась дверь: вдруг наступило молчание. Девушка закрыла глаза, но больше не посылала мысль. Перерыв был достаточным предупреждением.

Затем прямо в нее, как брошенное в ярости копье, влетела мысль-прикосновение.

«Сестра». — Это прозвучало резко, как и внутренний толчок, принесший это слово. В нем не было ни уклончивости, ни предупреждения.

Рискнуть ответить? Полученные ею крохи информации намекали, что у Карна есть способы отбирать силу юртов. Может, он умеет имитировать зов?

«Войди».

Любезное приглашение или ловушка? Элосса все еще колебалась. Кто знает, насколько глубоко проникла гниль в поработанных Карном юртов? Может, кто-то из них служит ему, выдавая новичка для настоящего захвата? Элосса чувствовала, что не может полагаться на собственное суждение. Взять хотя бы Стэнса: она была почти уверена, что он хочет отойти от предрассудков своего народа, как хотела сделать и она. А оказалось, что Стэнс привел ее сюда, к Карну. Возможно, он с самого начала знал, где их схватят и зачем. Может, он так же предавал и других паломников до нее.

«Войди», — потребовал другой мозг, открывая дверь к тому пути, которым и юрты редко пользовались, разве только с теми, кому верили больше всего. Это была такая интимность, такое вторжение во внутренний мир, что им пользовались лишь во время великой опасности или желая честно разделить эмоции.

«Войди», — в третий раз сказал мозг требовательно, даже раздраженно.

Элосса собрала всю свою энергию. Может, это будет величайшей ошибкой в ее жизни, а может быть, окажется защитой от самого худшего, того, на что гнусно намекал Карн. Она оформила мысль-поиск, надеясь, что сумеет вовремя отпрянуть, если ее доверие будет обмануто, и с этим зондом вошла, как приказывали.

Глава 18

Соприкоснувшись с чуждым разумом, она была так ошеломлена, что чуть не нарушила контакт: с ней требовал связи не один мозг, а объединение нескольких личностей! Элосса никогда не участвовала в такого рода союзах. Ее клан действовал таким образом сообщая только для создания особо сильной и продолжительной иллюзии. Но и то Элоссу, как не совершившую Паломничества, никогда не приглашали вложить свою силу в общее дело.

Ее минутное сопротивление исчезло, она стала частью этого союза, и в ней росла экзальтация, ощущение такого доверия, какого, пожалуй, никогда не бывало.

«Мы вместе! — сказал кто-то, кого, по-видимому, тоже захватила волна ощущения непобедимости. — Ну, сестренка, теперь мы достаточно сильны для дела!»

«Что вы хотите делать?» — спросила она всех, поскольку не могла разделить их на отдельные личности.

«Действовать! — твердо ответили ей. — Мы уже давно начали объединяться. Мы прячемся под личиной рабов, которую надел на нас Карн. Но нам нужно больше силы, чтобы выступить против него. Его контроль чужд нам: он сотворил такой барьер, который мы не можем пробить. Но теперь, сестра, с добавлением твоей силы, мы можем начать решающую битву. Скоро за тобой придут, чтобы Карн сделал тебя такой, какими, он думает, стали мы. Иди с ними, но жди. В нужный момент мы будем готовы».

У юртов в крови осторожность, недоверие к своему «я», потому что страх за свою силу может соблазнить человека на падение. И все это недоверие поднялось в Элоссе. Однако на нее подействовала полная уверенность этих голосов. И в их аргументах чувствовалась логика. Если юрты, захваченные в Паломничестве или еще где-то, и в самом деле объединили свои силы, постепенно подсоединяя новые, то кто знает, что может сделать такое накопление. И это, конечно, ее единственная надежда избежать ужасной судьбы. Глядя на сломленных женщин, она на секунду задумалась, кто же из них входит в этот общий голос.

«Мы не будем действовать до тех пор, пока Карн не попытается воспользоваться своей властью, — продолжал голос. — Мы

не знаем, есть ли у него методы узнать, что мы хотим сделать. Следовательно, не пользуйся мысленным прикосновением, сестра, пока мы не придем к тебе».

Голос замолк. Элосса вздрогнула от его исчезновения. Пока он был с ней, ей было тепло и спокойно, а теперь ею опять овладела печаль, сознание, что все пути ведут к гибели. Она вновь закрыла глаза и занялась техникой накопления и усиления энергии, какой долго и тщательно училась.

Но ей не дали возможности вооружиться таким образом: дверь открылась, но вошел не стражник, а Стэнс. Он закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, как бы ставя дополнительный барьер. Никто из женщин не взглянул на него. Лица их оставались пустыми. Он смотрел прямо на Элоссу. Губы его преувеличенно двигались, как будто он послал ей какое-то сообщение, которое нельзя передать вслух. Она поняла только с третьего раза, когда он послал мысль:

«Войди!»

Такое же приглашение. Но ведь он — орудие Карна! Если она станет повиноваться приказу раски, не означает ли это рабство? Мультимозг не предупреждал ее против раски, но это не значит, что тут не таится великая опасность, беда, какая постигла ее сестер здесь. И каким образом раски мог послать мысль? Ведь это против всех обычаев его расы? Она просто не могла поверить. Но он в четвертый раз повторил то же и выглядел напряженным. Он чуть повернул голову к двери, как бы прислушиваясь к возможной опасности снаружи.

Он требовал. Элосса взвесила свое теперешнее отношение к раски и факты их совместного путешествия. Они спасли жизнь друг другу, это да. Но что могло бы опровергнуть его слова, сказанные Карну? Ее врожденная настороженность воевала с другим чувством, которое она не была готова принять, которое хотела бы выдать из мозга, но не могла.

В конце концов она сделала то, что он хотел: послала мысленный поиск. Как она пыталась избежать встречи с множественным сознанием, так и в нем на миг шевельнулось отвращение к ее вторжению. Но он тут же взял себя в руки, как будто это касалось его чести, бывшей для него дороже жизни. И она прочитала...

Да, ее странный инстинкт оказался правильным. То, что он сказал Карну, — было единственным, за что он мог ухватиться в ту минуту. Она читала и узнавала.

Карн, как она уже слышала, продолжал жить после разрушения города столетия спустя, потому что был глубоко погружен в чуждую технику управления мозгом и телом, научившись этому у темных жрецов. Они работали над такими изменениями, но не собственными внутренними усилиями, а с помощью наркотиков и необычной техники контроля, которые держали галлюцинации до тех пор, пока нереальное не становилось постоянной реальностью.

Спасшаяся от разрушения в Кал-Хат-Тане кучка жрецов с Карном добралась до своего другого святилища, которое они считали очень древним и куда время от времени удалялись и раньше с жертвами для своих бесчеловечных исследований. Карн жил, или это была галлюцинация жизни? Как бы то ни было, здесь он правил. Несколько юртов из команды корабля были пленены, привезены сюда и подвергнуты процессу подчинения Карну. Они тоже остались живы, но это были лишь пустые оболочки прежних людей, поскольку они не получили внешних изменений, которые произошли с остальными юртами.

Когда новые поколения совершали Паломничество, некоторые попали в сети Карна благодаря тому же методу, что был применен к Элоссе, — настоящий зов, посланный юртом. Таким образом тайный мастер из-за гор пополнял свою колонию рабов.

Он ни разу не терпел поражений — по крайней мере, заметных — и стал в собственных глазах бессмертным, всемогущим, самым Атторном — именно это и было главной целью его изысканий. Жрецы один за другим умерли — может, Карн помог им в этом, — и он остался у власти один. Теперь он задумал собрать армию и расширить свое владычество. Он допрашивал Стэнса, желая узнать, что можно легко захватить на равнинных землях востока.

— Он читал твой мозг? — спросила Элосса. Ведь если Стэнс открыл сознание Карну, как сейчас ей, то разве мог кто-нибудь теперь из них надеяться на сопротивление?

— Он не смог, — ответил Стэнс. — Он был зол и — я надеюсь — встревожен. Но я не объединился с ним в Атторне. Однако факт нашего родства не помешал ему попытаться сломить меня. У него есть многое, что долгие годы работало на него, — наркотики и прочее, но все это требует времени, а я недостаточно долго был в его руках.

Элосса приняла решение:

— Продолжай в том же духе, разыгрывай его вассала.

— Но он скоро возьмется за тебя, чтобы ты стала такой же, как они. — Стэнс указал на женщин вокруг, которые, казалось, даже не заметили его присутствия.

Она верила ему, поскольку читала его мысли, но не решилась дать ему какую-либо другую информацию, разве что намекнуть, что у нее есть кое-какая защита, которой она еще не пользовалась.

— Возможно, мне удастся устоять. Если он держит в рабстве всех других юртов, то он в какой-то мере истощает свою силу. А я приду со свежими силами и...

Стэнс напрягся и повернулся к ней, сжимая кулаки.

— Идут!

— Они не должны увидеть тебя здесь. — Элосса быстро поняла дополнительную опасность. — Лезь туда! — Она указала на низкое ложе, где сидела одна из женщин.

Между ложем и стеной было небольшое пространство — ненадежный, конечно, тайник, но если они заберут ее быстро, а она отвлечет их внимание — тайник сослужит службу.

Он покачал головой, но она поспешно подошла к нему и схватила его за рукав.

— Если люди Карна найдут тебя здесь, что хорошего для нас обоих? — резко спросила она. — Спрячься, а потом решай, что будешь делать. Раз ты человек Карна, он, возможно, позовет тебя посмотреть, как обращает меня в рабыню. Тогда у нас будет шанс действовать сообща.

Стэнс не выглядел убежденным, но полез за ложе. Неподвижно сидящая женщина не подняла глаз, когда он протиснулся и спрятался как мог. Элосса вздернула подбородок, изобразила самоуверенность и встала недалеко от двери, будто ходила взад и вперед по комнате, как обычный пленник.

За ней пришли не юрты, а два высоких волочащих ноги чудовища. Из их ртов текла слюна. От полуголых немых и больных тел исходило зловоние. Они взяли Элоссу за руки и потащили. По сторонам они не смотрели, так что Стэнс, по-видимому, был в безопасности.

Чудовищные стражи, крепко держа Элоссу, прошли бесчисленными коридорами и вошли в зал, немногим уступавший по величине залу Карна для приемов. Здесь его трон стоял сбоку и выглядел не так внушительно. Середину комнаты занимало огромное изображение лица Атторна. Из открытого рта временами вырывались клубы дыма, но не поднимались вверх, а обвивались вокруг маски-лица. Элосса уловила странный запах. Может, этот дым был сковывающим мозг наркотиком, о котором упоминал Стэнс. В таком случае у нее нет никакой возможности избежать дьявольской хитрости Карна.

Перед хозяином подземелья стояла курительница из блестящего металла, по краю которой бежали световые полосы, как на стенах коридора за первым Ртом. В курительнице тоже горело что-то, дающее дым, и Карн, наклонившись, вдыхал его, как некий жизненный флюид.

И вдруг лицо его изменилось. Элосса была уверена, что видит какую-то галлюцинацию, созданную методами жрецов раски. Когда она вошла в зал, лицо Карна не было лицом Атторна, а теперь на ее глазах плоть растягивалась, изменялась, он снова становился внешне похожим на своего бога.

Он выпрямился, не открывая глаз. Дым в курительнице исчез — видимо, все выгорело. Его рот раскрылся в злобной усмешке Атторна. Кончик языка показался на нижней губе. Карн стал точной копией лица, перед которым стражники поставили Элоссу.

Карн заговорил, по-прежнему не открывая глаз. Незнакомые ей слова поднимались и опускались в ритме заклинания. Она хорошо знала, что слова и ритм служат для создания галлюцинации. Она включила свою защиту. Она не хотела смотреть ни на Карна, ни на лицо перед собой, поэтому закрыла глаза и удерживала их так всей силой воли, хотя ее терзало желание взглянуть на лицо Атторна.

Оно двигалось, она знала это! Язык вытягивался, чтобы схватить ее. Нет! Это неправда, это только то, что Карн ста-

рается внушить ей. Она подумала о Стэнсе и построила в сознании его изображение поверх изображения Атторна. Стэнс позволил ей читать его мысли, несмотря на ужас, какой испытывал к такому действию его народ... Стэнс...

К ее великому изумлению, его лицо стало оживать, оно уже не было частью щита против магии Карна: его губы зашевелились, и в ее мысли вошел слабый звук, совершенно не похожий на мысленное прикосновение юрта.

«Я... иду...»

Фокус Карна? Нет, она чувствовала, что если бы хозяин этого логова сумел проскользнуть за ее барьер, его вторжение было бы более ощутимым. Но ведь раски не имел таланта юртов, да еще был, возможно, под влиянием наркотиков и галлюцинаций. Как же он сумел добраться до нее? Она чувствовала прикосновение произносимых Карном слов и сжимала пальцы, изменяя ритм дыхания, делала все, чтобы не попасть в коварную ловушку, которая заставила бы ее собственное тело предать ее.

Ритм неожиданно прекратился. Элосса открыла глаза. Стэнс и в самом деле был здесь, рядом с Карном. Человек с лицом Атторна не смотрел на него, лицо его вновь начало изменяться. Холодная злоба сменилась растущей яростью. Глаза его открылись.

Стэнс покачнулся, как будто эти глаза были оружием, поразившим его. И в это время в сознании Элоссы раздалось громкое: «Пора!»

Элосса тоже покачнулась, шагнула к лицу и снова восстановила равновесие. Но теперь она уже вообще не ощущала своего тела — все ее внимание было обращено на лицо Атторна, все еще окутанное вонючим дымом.

Ее воля, ее талант соединились с волей и талантами других, она не была больше личностью, живым существом, ее тело стало только вместилищем для растущего могущества нового существа. Ей хотелось кричать, бороться, выгнать это страшное создание, что захватило ее, но вместо этого она стала частью его и уже не препятствовала его вхождению. Ей казалось, что она взорвется, что человеческая плоть и кровь не в силах вместить то, что собралось там, усиливалось, готовилось. Ее рот бессознательно открылся в беззвучном крике. Она не могла больше выдержать. Но ЭТО собралось, достигло вершины величайшей силы и ударило!

Глава 19

Элоссе казалось, что она действительно видела острие луча чистой энергии, вылетевшего из нее. Видели ли этот свет ее глаза или только сознание юрта?

Копье полетело прямо в Карна. Его руки поднялись так быстро, что Элосса едва заметила этот жест, и закрыли от нее лицо Аторна. Она покачнулась на своем месте, потому что все ее тело тряслось от силы юртов, собравшейся в ней, укрепившейся там и затем вырвавшейся наружу.

Карна не было. Но на месте человека крутилось черно-красное пламя, вытягивая огненные языки. Волосы Элоссы трещали от жара, тело чувствовало ожоги. Пламя поглощало луч энергии, пытаясь полностью уничтожить его.

Однако Элосса не сгорела. Только ее сознание отступало все дальше и дальше. Оно уже почти исчезло, то, что дрожало и качалось здесь, было всего лишь сосудом для сбора и распространения энергии.

Пламя Карна взметнулось над ней. Из него исходили звуки, они били ее, как физические удары. То, что собралось в ней, двинулось вперед, но оно уже ослабело, волна больше не была полной сил, тогда как у нее не осталось сил выносить сжигающий огонь Карна.

Углом глаза она увидела движение. Она не могла повернуть голову и посмотреть, что изменилось: она должна держаться, пока может.

— Ахххх...

Звук удара, каким топор срубает молодое деревце. Элосса выпрямилась, бросила призыв и в какой-то мере освободилась. В ней поднялась сила — она знала, что в последний раз. Она держала ее, держала до тех пор, пока не почувствовала, что ее изнеможенный мозг не в силах больше удерживать энергию. Тогда, как воин, бросающий отчаянный вызов, она выпустила этот последний поток — талант юртов, бросила его вперед...

Пламя яростно полыхнуло и взвилось вверх, но теперь она увидела, как световой луч пронзил его, сковал руки, показавшиеся в центре пламени.

— Ахххх...

Был ли тот крик частью галлюцинации или вызван реальной болью и страхом? У Элоссы подогнулись колени. Она была опустошена. Энергия вышла из нее так стремительно, что как бы унесла с собой и кости, поддерживающие плоть. Девушка вытянула руки и уперлась ими в пол.

Пламя погасло. Но Карн все еще стоял, прямой, невредимый. Позади него пригнулся Стэнс. Лицо его застыло в гримасе, он задыхался. Но он бросился к Карну, вытянув руки с согнутыми, как когти, пальцами. Он двигался рывками, будто был калекой и только волей заставлял тело повиноваться ему в этой последней атаке. Король не обращал внимания на своего родственника и стоял, как статуя, в той же позе, закрыв руками лицо. Но вот руки его упали, как будто у него не было больше сил держать их. Они были мертвенно-бледные, дрожащие. Он шагнул вперед, споткнулся, упал на колени со ступенек помоста. Теперь он был почти рядом с Элоссой.

Увидев его лицо, она испугалась. Глаза его были открыты, но видны были только белки. Лицо ужасно, отвратительно изменялось, становилось поочередно то лицом Карна, то Атторна, словно эти две личности сошлись в последней схватке за преобладание в нем.

Карн полз вперед, а Элосса отступала, не сводя с него глаз. Он хоть и выглядел слепым, но полз прямо ко Рту Атторна.

— Нет! — Стэнс упал и пополз за королем, казалось, из последних сил. — Он не должен... войти... в Атторна! — задыхаясь, кричал он, повернув искаженное лицо к ожидающему Рту. — Не должен...

Элосса пыталась собрать хоть какую-нибудь энергию. Она открыла сознание и послала мольбу к тем, кто был с ней, но ответа не было. Неужели множественное сознание навеки раскололось?

Карн слепо продвигался вперед. И раски еще раз бросился в атаку: он пополз наперерез, упал перед Карном и загородил ему дорогу. Они схватились, и Элосса видела, что Стэнс крепко держит короля, а тот не сражается, а лишь пытается освободиться.

Невидящие глаза Карна были обращены к каменному изображению. Он вытягивал шею, пока голова его не согнулась под странным углом. Стэнс не выпускал отбивающееся тело короля, но Карн все-таки продвигался, выигрывая по два-три дюйма.

Стэнс поднял кулак и с силой впечатал его в лицо Карна. Элосса услышала звук удара, видела, как дернулась голова Карна, но пустое выражение лица не изменилось, глаза по-прежнему оставались открытыми, слепыми.

— Нет! — пронзительно закричал Стэнс. — Не пойдешь... ко Рту!

Элосса подползла к ним. Видимо, у Стэнса были основательные причины не подпускать Карна к богу, если богом был Рот. Она схватила Карна за локоть. Ей показалось, что под черно-красной тканью рукава — металл, таким негибачаемым было напряженное тело. Ее усилия, пусть незначительные, помогли Стэнсу на миг остановить продвижение Карна. И тут король как бы сошел с ума: он дико завертел головой и вцепился зубами в руку Элоссы. Девушка выпустила его, и он рванулся вперед в последнем мощном усилии, отбросив Стэнса. Рука его тянулась вперед, к высунутому языку Атторна, чтобы с его помощью войти в Рот. Стэнс встал на колени, сжал кулаки и опустил их, как молот, на шею Карна, когда тот уже ухватился за язык и собирался подняться ко Рту.

Карн упал, ударился лбом об язык. Раздался звук, заглушивший тяжелое дыхание Стэнса. Тело короля, только что бывшее твердым и напряженным, обмякло, расслабилось, пальцы выпустились край языка.

Стэнс отшатнулся. В глазах его стоял тупой ужас.

— Если бы... он прошел... через... — сказал он дрожащим голосом, — он... продолжал бы жить. — Голос его сорвался, тело тряслось, так что он не мог управлять своими руками, только вытянул их перед собой и смотрел на них, как на что-то незнакомое.

Раздался треск. Элосса подняла глаза, вскрикнула и, вцепившись в Стэнса, оттащила его ото Рта. Изображение Атторна разваливалось. Большие куски камня разлетались по полу, падая на голову и плечи Карна, почти наполовину засыпали его тело.

Элосса прижала руку к губам, чтобы удержать вопль: за изображением Атторна не было ничего!

Занавес темноты, поглощающий всякий нормальный свет. Он не доходил до стен комнаты и казался секцией абсолютного мрака, имеющего собственную внутреннюю структуру.

Лицо и Рот исчезли. Тьма треснула поперек. Смутно виднелись какие-то предметы, по мере того как рвалась и исчезала темнота, они исчезали тоже. Теперь впереди была только голая стена.

Тени уменьшались, уходили в камень, на котором скорчились Элосса и Стэнс. Осталось только полуистлевшее тело Карна. Элосса не сводила с него взгляда.

Стэнс близко придвинул лицо, потянул Элоссу.

— Пошли отсюда! — прошептал он и толкнул ее к двери, через которую ее ввели сюда. Приказ его прозвучал как-то очень весомо, и она поползла на коленях. Его рука нетерпеливо тащила ее, если она замедляла движение.

Наконец они оказались вне тошнотворных запахов, смерти и таких иллюзий, с какими она не могла больше бороться.

«Свободны...» — раздался голос в ее сознании, но не громкий, а как шепот почти полного истощения.

Стэнс повернул голову. Он прислонился к стене и только потому не падал.

— Свободны, — сказал он вслух. Значит, другой голос был множественным голосом.

Да, они свободны. Но юрты не могли освободиться без раски. Победу принесли именно действия раски в комнате Карна.

— Юрт и раски... — тихо сказала Элосса. Он вздохнул.

— Это... — Он смотрел мимо нее вдаль, словно глядел на все подземные ходы. — Это было зло раски, мы тоже в конце концов не невиновные. Раски и юрты... Теперь, наверное, удастся достичь той цели, что пришла к нам в Кал-Хат-Тане.

Она так устала, что ей трудно было поднять руку, бессильно лежащую на коленях, но она приподняла ее и протянула к нему ладонью вверх — жестом союза. И уже не содрогнулась, даже мысленно, когда он крепко сжал ее пальцы.

— Раски и юрты — должны быть свободны!

«Именно так!» — сказал голос в ее сознании. Теперь он прозвучал сильнее и радостнее, сила возвращалась к нему.

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

Когда разумная раса одной из девяти планет, вращающихся вокруг желтой звезды, известной под названием Сол и находящейся вблизи края Галактики, приобрела знания о космических полетах и появилась на наших трассах, возникла проблема, которую предстояло решить Главному Управлению, и решить быстро. Для этих «людей», как они себя называют, характерны любопытство, отвага, техническое искусство, соединенные с недоверием к остальным расам и видам и врожденной склонностью к конфликтам. Их реакция на любую проблему — агрессия. Если бы это их свойство не было сразу понято и направлено в нужное русло, возможно, их появление уничтожило бы мир на межзвездных линиях и вовлекло бы весь сектор в войну.

Но немедленно были приняты соответствующие меры и терранцам была предоставлена роль, которая не только соответствовала их природе, но давала благополучный выход для воинственных представителей системы, образующих нашу великую конфедерацию. После тщательного изучения и оценки психотехнерами Главного Управления терранцам была отведена роль наемников Галактики, пока эти слишком независимые и агрессивные существа не станут менее опасными.

Так появились «орды» и «легионы», которые мы снова и снова встречаем в истории различных планет этого периода. Орды, состоящие из «арчей», и легионы «мехов» были к услугам любого правителя планеты, который с их помощью мог усилить свое влияние.

Арчи, составляющие орды, предназначались для несения службы на примитивных планетах. Они вооружены ручным оружием и сами сражаются в единоборствах. Мехи вооружены боевой техникой, но относятся к войне как к игре, задача ко-

торой вынуждать противника признать себя побежденным без сражения.

Едва родившись, «люди» с помощью специальных тестов делятся на арчей и мехов. После усиленного обучения они получают назначение к одному из полевых командиров. Часть платы, получаемой командиром от нанимателя, переводится в их родной мир, Терру. Иными словами, Терра стала экспортером солдат и военных материалов. Через несколько поколений терранцы признали за собой эту обязанность без каких-либо возражений.

Триста лет назад (прошу всех студентов обратиться к тому 6, колонка 2 — дата «3956 год н. э.» дана по терранскому летосчислению, мы используем именно его, поскольку изложение основано, главным образом, на записях самих терранцев) небольшая орда, нанятая восставшим местным правителем на Фронне, изменила историю своей расы, а может, и всей Галактики. Пока еще неясно, приведет ли это изменение к добру для всех нас.

Из лекции «Галактическая история XX» ист-технера Зорзи, Заканский Галактический университет. —

*Тема лекции: «Влияние второстепенных систем на историю Галактики». —
впервые представлена в Зол-День, 4130 г. н. э.
по терранскому летосчислению.*

Глава 1

МЕЧНИК. ТРЕТИЙ КЛАСС

Поскольку Кана Карр, мечник третьего класса, арч, никогда не был в Прайме, он больше всего хотел встать со своего места и смотреть в иллюминатор на башне, возносившейся в бледно-голубое утреннее небо. Но сделать это — значит проявить себя зеленым новичком, и ему пришлось удовлетвориться беглыми взглядами на привлекавшие его картины. Больше чем когда-либо негодовал он на судьбу: он явился в штаб-квартиру на месяц позже своего класса и был, вероятно, единственным новичком среди ожидавших назначения в Зале Найма.

Само пребывание в Прайме действовало возбуждающе. Это была цель, к которой их направляли упорными тренировками целых десять лет. Кана Карр опустил походный мешок и вытер влажные руки о ткань брюк; хотя стоял прохладный день ранней весны, он потел. Жесткий воротник новой зелено-серой куртки резал горло, края шлема терли, а личное снаряжение, казалось, весило больше, чем когда-либо раньше.

Он остро ощущал грубую кожу ремней, скрещивающихся у него на плечах, и то, что шлем его был еще без верхушки. Его окружали ветераны, на куртках которых блистали многочисленные знаки отличия за успешно выполненные операции.

«Что ж, — в который раз повторял он про себя, — достичь такого положения — лишь вопрос времени. Каждая из этих ныне сверкающих наградами ветеранских фигур когда-то тоже была неуверенным новичком и без всяких отличий...»

Внимание Каны привлек неожиданный цвет, ослепительно-яркий среди волн серо-зеленого и серебряного. Губы его сжались, голубые глаза, поразительно выделяющиеся на смуглом лице, приобрели холодное выражение. У входа в здание приземлился мобиль. Из него выбрался приземистый человек, закутанный в ярко-алый плащ. За ним — еще двое патрульных

в черном и белом одеянии. Их прибытие словно послужило сигналом: солдаты-терранцы расступились, образуя широкий проход к двери.

«Но это не почетный караул», — подумал Кана Карр. Терранцы на своей планете не оказывали почестей галактическим агентам, разве что в такой форме, которая подчеркивала неприязнь к ним. Обязательно наступит время, когда...

Сжимая кулаки, он следил, как красный плащ и сопровождавшие его патрульные исчезли в Зале Найма. Кана прежде не общался непосредственно с агентом. Негуманоиды, которые были его инструкторами, после того как выяснилось, что он способен усвоить чуждые знания, принадлежали совсем к другим классам. Может, потому, что они были негуманоидами, он никогда не думал о них как о представителях Главного Управления, которые несколько поколений назад так жизнерадостно называли обитателей Солнечной системы «варварами», не пригодными для галактического гражданства, а только для предоставленных им узких обязанностей. Он сознавал, что вовсе не все его товарищи так же негодуют из-за этого, как он. Большинство из них, напротив, были вполне довольны уготованной им судьбой. Открытое неповиновение означало рабочие лагеря и никаких шансов на выход в космос. Только солдат, обученный военному делу, имел возможность отправиться к звездам. И как только Кана уяснил себе это, он решил стать образцовым арчем и даже находил в обучении утешение, которое смягчало его жгучую ненависть к тем, кто мешал ему занять достойное место среди звезд.

Резкий звук военного свистка вернул его к насущным проблемам. Кана надел на плечи мешок и поднялся по ступеням, по которым только что прошел агент. Оставив мешок на полке у двери, он занял место в ряду ожидающих.

В этой части зала мехи в своих серо-синих комбинезонах и пузырчатых шлемах превосходили по численности арчей. И немногие арчи поблизости от Каны были ветеранами. Поэтому, даже окруженный своими, Кана чувствовал себя здесь таким же одиноким, как и на улице.

— Они пытались прикрыть крышку, но Фальфа отказался от назначения для своего легиона, — говорил слева от него мех, человек лет тридцати, с десятью почетными нашивками, не заботясь о том, чтобы приглушить свой громкий голос.

— Его занесут в черный список за отказ, — с сомнением ответил его собеседник. — В конце концов, не всегда ему будет везти.

— Везти? Два легиона не вернулись с этого задания, а ты говоришь о везении! Я слышал, что начато расследование. Знаешь ли ты, сколько легионов вычеркнуты за последние пять лет из состава? Двадцать! И похоже ли это на простое невезение?

Кана чуть не повторил изумленное восклицание слушателя. Двадцать легионов, пропавших за последние пять лет, — это уже слишком много. Если современные, вооруженные новейшими средствами легионы, действующие только на цивилизованных планетах, так уничтожаются, то что сказать об ордах, которые служат лишь на варварских мирах? Неужели и их «удача» столь же перспективна? Неудивительно, что в последнее время велись разговоры о том, что плата, которую Терра отдает Главному Управлению, слишком уж велика.

Человек перед ним неожиданно подвинулся, и Кана торопливо закрыл образовавшийся пробел. Они стояли у самого барьера. Кана подготовил свой браслет, чтобы показать его ожидавшему дежурному. Эта полоска гибкого металла, вставленная в щель рекордера, автоматически сообщит всю необходимую информацию относительно Кана Карра, австрало-малайско-гавайского происхождения, 18 лет и 4 месяца, основная специализация — инопланетники, предыдущая служба — «нет». И когда полоска окажется в рекордере, пути назад не будет. Дежурный взял браслет, взглянул на него с выражением тусклой скуки и пропустил Кана.

Внутри было множество пустых сидений — для мехов слева, для арчей справа. Он занял ближайшее и решил оглядеться. Прямо перед ним располагалось информационное табло, на котором все время загорались номера, и хотя Кана знал, что его номер не может появиться так быстро, он с напряжением всматривался в бегающие огоньки. Вызванные вставали и уходили в дальний конец зала.

Арчи... Кана наклонился вперед, чтобы сосчитать людей на своей стороне. По меньшей мере двадцать мечников первого класса, среди них даже два мастера. И пятьдесят или больше солдат второго класса. Но — его глаза тщетно выискивали другие шлемы без крестов — он был один представитель третьего

класса. Новобранцы, которые вместе с ним заканчивали обучение, должно быть, уже получили свои назначения. Минуточку... красный цвет.

Двое солдат второго класса встали, одергивая мундиры и подтягивая пояса. Но прежде, чем они успели пройти в проход, произошло непредвиденное. Табло вспыхнуло белым цветом и совсем выключилось, когда на платформе в центре зала появилась небольшая группа людей. Вперед выступил офицер без скрещенных плечевых поясов полевого образца, но с четырьмя звездами на груди. Рядом с ним стоял галактический агент в красном плаще и патрульные. Кана опознал всех троих. Агент был с Веги-3, патрульные с Капеллы-2. Об этом безошибочно свидетельствовала длина их ног.

— Солдаты! — прозвучал натренированный на парадах голос офицера. Наступила тишина. — Недавние события делают необходимым это объявление. Мы провели расследование с помощью средств Главного Управления происшествий на Неверзе. Установлено, что наше поражение там — результат местных обстоятельств. Слухи об этом происшествии не должны повторяться никем в корпусе под угрозой применения основного кодекса.

Во имя неба! Удивление Кана, возможно, и не отразилось открыто на маскоподобном лице, унаследованном от малайских предков, но мозг его напряженно работал. Сделать подобное объявление — значит, просто напрашиваться на неприятности! Неужели офицер не понимает этого? Хмурое выражение лица галактического агента свидетельствовало о его неудовольствии. Происшествие на Неверзе — он впервые слышал об этом. Но он был готов заложить половину своей первой зарплаты, если через десять минут все в этом зале не будут усиленно выяснять, что это за слухи, которые так яростно опровергаются. Слухи будут распространяться, как масло по реке. Похоже, что агент не соглашался с офицером. Но он мог лишь советовать, а не отдавать прямые приказы. Да и поздно уже что-нибудь предпринимать. Если офицер хотел уменьшить напряжение, то он, наоборот, усилил его.

С решительным жестом офицер двинулся по проходу, остальные последовали за ним. Снова на табло вспыхнули огни.

Но как только двери за патрульными закрылись, в зале поднялся настоящий гвалт.

Кана вовремя успел взглянуть на табло. На его стороне зала встали еще три человека, и следом за их номерами появилась знакомая комбинация, на которую он отзывался последние десять лет, ставшая для него более привычной, чем имя, данное ему родителями.

За дверью он пошел медленно, скромно держась за солдатами, ответившими на тот же вызов. Третий класс есть третий класс, ниже его разве что кадет, еще не закончивший обучения. Он самый младший из всех. Кана, не торопясь, вошел в лифт вслед за одним из ветеранов.

Ветеран, судя по чертам лица, был афро-арабом, может быть, с небольшой примесью европейской крови от той горстки беглецов, что спаслись на юге от атомных войн. Он был очень высок, а на его безбородом темном лице виднелись старые шрамы. Множество наград сверкало на его шлеме и поясе, и среди них — Кана прищурился, чтобы разглядеть, — не менее шести высшего ранга. А ведь ему не может быть больше тридцати лет.

Арчи, ответившие на вызов, выстроились в линию в верхнем зале. Ветераны являли собой блестящее зрелище. Арчи и мехи привыкли носить все награды. Успешно выполненное задание означало еще одну драгоценность, прикрепленную на пояс или вделанную в шлем. В плохие времена эти драгоценности можно было продать или заложить. Такова была форма сбережений на всех планетах Галактики.

В 12 часов 2 минуты Кана Карр вступил в кабинет офицера, ведающего назначением. Это был мастер-мечник с пластиковой рукой, объяснявшей его нынешнее занятие. Кана доложил:

— Кана Карр, мечник, третий класс, первое назначение, сэр.

— Нет опыта... — пластиковые пальцы отбивали нетерпеливую дробь на столе, — но вы обучались по курсу инопланетников. Далеко ли вы продвинулись?

— Четвертый уровень, контакты с чужими культурами, сэр. — Кана гордился этим. Он единственный в своей группе достиг этого уровня.

— Четвертый уровень, — повторил мастер. Тон его свидетельствовал, что на него сей факт не произвел впечатления. —

Что ж, это уже кое-что. Мы набираем людей для орды Йорка. Полицейская акция на планете Фронн. Обычные условия. Сегодня вечером вылетите на базу Секундус, оттуда на Фронн. В пути около месяца. Условия найма сохраняются на протяжении всей акции. Можете отказаться — это первый выбор, — он произнес официальную формулу усталым голосом, как человек, произносивший ее уже много раз.

Кана знал, что ему позволено отказаться дважды, но делать это без достаточно веской причины — значило заработать черную отметку. И полицейская акция — хотя эти слова могли означать что угодно — была отличным способом приобрести опыт.

— Я принимаю назначение, сэр! — Он вторично снял браслет и смотрел, как мастер вложил его в блок перед собой и нажал клавишу. Когда он получит его обратно, на нем появится звездочка, означавшая успешное выполнение задания.

— Корабль стартует в пятом блоке в семнадцать часов. Свободны!

Кана отсалютовал и вышел. Он хотел есть. Столовая была открыта, и так как он теперь находился на службе, то мог позволить себе больше, чем обычный рацион. Но нежелание тратить еще не заработанные деньги заставило его заказать обычную для арча пищу. Он склонился над едой, вслушиваясь в обрывки разговоров. Как он и ожидал, объявление в Зале Найма породило немало невероятных историй.

— Потеряно пятьдесят легионов за пять лет! — провозглашал мастер-мех. — Нам больше не говорят правды. Я слышал, что Лонгмид и Грот отказались от назначения.

— Шишки суетятся, — подхватил мастер-мечник. — Видели, как разговаривал с нами старый Поалкен? Он с радостью вызвал бы Патруль и прикончил бы всех. Говорю вам, что нам нужно делать: заняться планетой, которую я мог бы назвать. Это помогло бы... — Наступило мгновение тишины. Говорящему не нужно было называть свою цель. Вся ненависть человечества к Главному Управлению лежала за этой вспышкой.

Кана не мог оставаться дольше. Он покинул гудящую столовую. Орда Йорка была небольшой воинской частью. Фитч Йорк, мастер клинка, был молод и командиром стал всего четыре года назад. Но при молодом командире легче выдвинуться.

Фронн — этот мир Кану не известен. Но это легко исправить. Кана проделал через множество коридоров путь к тихой комнате с рядами будок у стены. В конце комнаты находился контрольный щит с рядами кнопок. Он набрал нужную комбинацию и дождался записи. Катушка оказалась небольшой. Немного известно о Фронне. Кана прошел в ближайшую будку, вложил катушку в ожидающую машину и снял шлем, чтобы приладить к вискам ленту передачи образов. Секунду спустя он погрузился в сон, а информация из катушки стала поступать в клетки его памяти.

Четверть часа спустя он очнулся. Так вот каков Фронн — не особенно гостеприимный мир. В катушке были только основные данные. Но он теперь обладал всеми знаниями, которые хранились в архиве.

Кана вздохнул — предстоит провести месяц пути в камере давления. Офицер, нанявший его, не упоминал об этом. Камера давления и водная акклиматизация. Впрочем, какая разница? Кана надеялся лишь, что выдержит все и не заболит.

Возвращая катушку, Кана встретил стоящего у селектора меха — тот нетерпеливо насвистывал что-то сквозь зубы, поигрывая рукоятью своего бластера. Он был ненамного старше Кана, но держал себя с надменным высокомерием человека, выполнившего не менее двух заданий — у настоящих ветеранов такого высокомерия не было.

Кана оглянулся на будки. Он был единственным посетителем. Чего же ждал мех? Кана положил катушку и пошел, но, выходя, увидел в полированной двери странное зрелище: мех схватил катушку с информацией о Фронне, прежде чем она исчезла в щели.

Фронн — примитивный мир, планета пятого класса. Согласно правилам Главного Управления, здесь могут применяться только орды арчей, обученных для так называемой рукопашной: самое сильное их оружие — обычное ружье. На Фронне механизированный отряд с бластерами, краулерами, скутерами — вне закона. Зачем же меху сведения об этой планете? Пустое любопытство относительно планет, на которых никогда не придется служить, не было распространено среди наемников. Требовалась лишь та информация, которую действительно можно было использовать.

Теперь Кана жалел, что не бросил более пристального взгляда на тонкое лицо, затененное пузырчатым шлемом. Удивленный и слегка встревоженный, он отправился добывать предметы личного снаряжения, какие подсказывали ему новые сведения о Фронне. Он задумчиво осмотрел спальный мешок из шелка узакианского паука, выложенный особым мехом, и отказался от него. А также от перчаток из кожи караба, которые пытался всучить ему торговец. Такая роскошь для ветеранов, у которых на поясе достаточно драгоценностей, чтобы позволить себе шикарные покупки. Кана расчетливо отобрал второсортный камбирийский спальный мешок, короткую куртку из шерсти састи, отороченную мехом, с капюшоном и прикрепленными перчатками — все очень скромное и легкое и без труда поместится в его тощем походном ранце. И, когда заплатил за все это, у него оставалось еще четыре кредита.

Торговец небрежно завернул его покупки.

— Похоже, парень, ты направляешься в холодные края, — заметил он.

— На Фронн.

— Никогда не слышал о таком месте. Для меня все равно что никуда. Смотри, чтобы в тебя не метнули копье из-за куста. Парни в таких далеких местах неласковы. Но и вы тоже, не так ли? — Он задумчиво взглянул на мундир Кана. — Да уж, я предпочитаю бластер и форму меха.

— Но тогда вам будет противостоять противник, тоже вооруженный бластером. — Кана взялся за пакет.

— Пусть будет по-твоему, приятель, — торговец утратил к Кане всякий интерес, приближался сверкающий драгоценностями ветеран.

Кана узнал в нем человека, который перед ним вошел в кабинет офицера по найму. Неужели он тоже получил назначение в орду Йорка на Фронн? Когда на прилавке распростерся спальный мешок, сверкая паучьим шелком, и другие вещи, аналогичные выбранным Кана, но более роскошные, он понял, что его догадка верна.

В 16.30 новобранец стоял со своим багажом в секции ожидания пятого дока. Пока он был один, если не считать какого-то капрала в центре и двух космонавтов в дальнем конце, занятых работой. Прийти так рано — значит проявить себя зеленым но-

вичком, но он был слишком возбужден, чтобы ждать где-то в другом месте. Без двадцати пяти начали появляться его будущие товарищи по отряду. Десять минут спустя они заполнили подвижные платформы, которые доставили их на грузовой корабль. Сверившись со списком, судовой офицер пропустил Кана. Через пять минут он уже был в двухместной каюте, раздумывая, которая же койка принадлежит ему. За ним глухо прозвучало:

— Эй! Полезай вверх или оставайся внизу! Не время спать на часах, рекрут! Никогда не летал прежде?

Кана прижался к стене, торопливо убирая свой вещевой мешок с дороги входящего.

— Тогда вверх! — С нетерпеливым фырканием его сосед по каюте забросил вещмешок Кана на верхнюю койку. — Убери свои вещи в шкаф! Вон туда! — И коричневый палец указал на стену каюты.

Кана всмотрелся в стену. Конечно, вот маленькая кнопка. Кана нажал ее: отодвинулась секция стены, а за ней оказалось углубление. Здесь будут лежать его вещи. Глубокий звук гонга прервал его исследования. По этому сигналу ветеран снял шлем и пояс, отложив их в сторону. Кана торопливо последовал его примеру. Гонг — первое предупреждение...

Он растянулся на койке и занялся пряжками крепления. Под его весом матрас поддался. Он знал, как переносить ускорение, — это было первой проверкой, которой подвергались рекруты на тренировках. И он был на полевых маневрах на Марсе и на Луне. Но это его первый выход в глубокий космос. Он разгладил мундир и стал ждать третьего гонга, за которым следует взлет.

Терранцы уже давно вышли в космос. Триста лет назад состоялся первый зарегистрированный галактический полет. Но существовали легенды о кораблях, задолго до этого улетевших от атомной войны и последовавших за ней веков политического и социального смятения. Они были либо очень отчаянными, либо очень смелыми, эти первые исследователи, посылая корабли в неведомое, сами спали, замороженные, и у них был, вероятно, один шанс из тысячи проснуться, когда корабль приблизится к другой планете. С использованием овердрайва такой риск перестал быть необходимым. Но не слишком ли высокую цену заплатили люди за быстрые перелеты от звезды к звезде?..

Хотя солдат не обсуждает открыто действий властей или существующего положения, Кана знал, что не он один недоволен ролью, отведенной терранцам. Что было бы с его расой, если бы ее представители в первом историческом полете не встретились с могучей высшей силой Главного Управления? В соответствии с решением хозяев Галактики, мозг, тело и темперамент терранцев соответствовали лишь одной роли в тщательно организованной структуре мира. Появляющиеся на свет с врожденным стремлением к борьбе, люди должны были поставлять наемников на другие планеты. Психотехнеры Главного Управления считали, что терранцы наилучшим образом подходят для схватки, и поэтому Терра была обречена на войны. И терранцы приняли эту роль из-за обещания ГУ — исполнение которого отодвигалось с каждым годом — что когда терранцы будут готовы к вступлению в галактическое сообщество, то оно будет им предоставлено.

Но что если бы Главное Управление не существовало? Неужели повторяющиеся утверждения агентов оказались бы справедливыми? Неужели терранцы, никем не остановленные, захватывали бы планету за планетой в своей ожесточенной борьбе за власть? Кана был уверен, что это ложь. Но сейчас, если терранец хотел увидеть звезды, если в нем горело стремление к новому и неизведанному, у него был только один путь — меч солдата.

Вдруг словно огромная рука прижала его грудную клетку к сопротивляющимся легким. Кана забыл все в отчаянной борьбе за глоток воздуха. Они стартовали.

Глава 2

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Должно быть, Кана потерял сознание, потому что, когда он вновь осознал свое положение, спутник по каюте уже прикреплял «космические ноги», приспособленные к низкому тяготению жилых секций корабля. Без шлема, в полураспахнутой тунике, обнажавшей широкую грудь, ветеран утратил часть своего пугающего ореола. Теперь он мог бы быть одним из тех жестколицых инструкторов, которых Кана знал большую половину своей короткой жизни.

Космический загар на естественно смуглой коже делал его почти черным. Короткие волосы были пострижены кружком, как предпочитало большинство терранцев. Он двигался с кошачьей легкостью, и Кана решил, что не стоит скрещивать с ним мечи в схватке. Вдруг ветеран повернулся, как будто почувствовал на себе взгляд Кана.

— Ваше первое назначение? — спросил он.

Кана с трудом выбрался из ремней, удерживающих его на койке, и перебросил ноги через край, прежде чем ответил:

— Да, сэр. Я только что закончил обучение...

— Боже, каких молодых теперь посылают, — заметил ветеран. — Имя и ранг...

— Кана Карр, сэр, мечник, третий класс.

— А я Триг Хансу, — объявлять свой ранг ему не было нужды: двойная звезда мастера-мечника сверкала на тунике. — Назначены к Йорку?

— Да, сэр.

— Верите в трудное начало, а? — Хансу извлек из стенового углубления пружинное сиденье и сел. — Фронн — не райский сад.

— Это начало, сэр, — коротко ответил Кана и встал на пол, не отпуская край койки.

Хансу сардонически улыбнулся.

— Ну, мы все герои, когда заканчиваем обучение. Пришлось позубрить, чтобы попасть к Йорку, а?

У Кана был наготове ответ.

— Офицер по найму искал добровольцев, сэр.

— Это может означать несколько вещей, юноша, и ни одна из них не в вашу пользу. Ну, например, мечник третьего класса обходится гораздо дешевле первого или второго. Впрочем, не следует разрушать иллюзии молодых. Звонок на обед. Пошли?

Кана был рад, что ветеран пригласил его, потому что маленькая столовая была буквально заполнена сверкающими знаками отличия высших рангов. Тяготения было вполне достаточно для того, чтобы сидеть и есть цивилизованно, но желудок Кана совсем не радовался пище. «А скоро это ощущение станет еще хуже, — подумал он угрюмо, — когда придется проходить адаптацию к условиям Фронна перед посадкой». С растущим отчаянием он рассматривал собравшихся.

Орда делилась на отряды, а отряды — на пары. Если человек не сам находил себе пару, а ему назначал напарника командир, — немногие удовольствия и удобства полевой службы становились сомнительными и даже опасными. Твой напарник играет, сражается и живет рядом с тобой. Часто твоя жизнь зависит от его искусства и храбрости — и точно так же, как его — от твоей. Пары служили совместно годами, переходя из одной орды в другую. А кто в этой сверкающей толпе выберет себе в напарники зеленого новичка? Очевидно, дело кончится тем, что его придадут ветерану, который будет недоволен его неопытностью и неумелостью, и начало у него будет действительно трудным. Уф, да у него появилась космическая хандра! Надо подумать о чем-нибудь другом.

Но неуверенность и беспокойство, преследовавшие его весь день, долгий и полный событиями, сохранились и дошли до предела в странном пугающем сне: он бежал изо всех сил по сумеречной местности, стараясь спастись от красного луча бластера меха. Кана проснулся со сжимающимся сердцем и, вспоминая, лежал в темной каюте.

Его преследовал мех — хотя мехи не воюют с арчами. Но все же... прошло немало времени, прежде чем он снова сумел заснуть.

Свет искусственного корабельного дня разбудил его поздно. Хансу не было, содержимое его полевого мешка валялось на пустой койке. Внимание Каны привлек игольный нож в ножнах, гладко отполированный от многолетних прикосновений к гладкой коже владельца. Его простая ручка была удобна в работе. А присутствие его среди вещей означало, что Кана делит каюту с человеком, владеющим самой смертоносной формой рукопашной схватки. Кана хотел взять оружие, взвесить его в руках, примерить к себе. Но он знал, что нельзя прикасаться к личному оружию без разрешения владельца. Это прямое оскорбление, ведущее к «встрече», с которой один из них не вернется. Кана слышал достаточно рассказов инструкторов, чтобы быть знакомым с неписанным кодексом.

Он опоздал в столовую и с виноватой поспешностью ел под нетерпеливыми взглядами стюардов. Потом прошел на прогулочную палубу, где проводили время солдаты. Здесь играли в карты, и обычная толпа нетерпеливых игроков окружала доску.

Но Триг Хансу не включился ни в одну из групп. Он сидел на матрасе, скрестив ноги и держа портативный аппарат для чтения, внимательно всматривался в проекцию.

Заинтересованный Кана миновал игроков, чтобы взглянуть на маленький экран. Он успел разглядеть какую-то местность, угрюмую, темную: поперек экрана двигались выючные животные. Хансу, не поворачивая головы, сказал:

— Если интересно, садись, новичок.

Покраснев, Кана хотел смешаться с толпой, но Хансу на самом деле подвинулся и дал ему место.

— Видишь, наше будущее, — он ткнул пальцем в экран, когда Кана опустился рядом с ним. — Это — Фронн.

Выючные животные фроннианских равнин были четвероногими, их длинные ноги, казалось, состояли из обтянутых кожей костей. С обеих сторон их чешуйчатых спин свисали тюки, костистая растительность покрывала все их тело, из черепа торчали рога.

— Караван гуенов, — узнал Кана. — Должно быть, западные береговые равнины.

Хансу нажал кнопку, и экран погас...

— Вы специально изучали Фронн?

— В архиве, сэр.

— Молодость полна энтузиазма. Вы ведь только что из обучения? Специализация — нож, ружье?

— Всего понемногу, сэр. Но специализация — инопланетники. В основном связь с чужими культурами...

— Гм. Это объясняет ваше присутствие здесь, — Хансу говорил не очень ясно. — Инопланетники... Интересно, чем они теперь вас начинают... — И он быстро разразился целой серией вопросов, очень похожих на те, что слышал Кана, прежде чем получил знак своей специальности. Когда он ответил на них, стараясь изо всех сил — откровенно говоря, ему не раз приходилось отвечать: «Не знаю, сэр», — Хансу кивнул.

— Неплохо. Как только большая часть теории вылетит из вашей головы, а опыт научит тому, что действительно необходимо знать об этой игре, вы оправдаете, по крайней мере, половину своего жалованья...

— Вы сказали, что специализация объясняет мое назначение, сэр?..

Но ветеран, по-видимому, потерял интерес к разговору. Игра явно кончилась шумным и не очень добродушным спором, и Хансу хлопнул по плечу другой ветеран такого же ранга и увел в группу, образовавшуюся для нового кона. Не получив ответа на свой вопрос, Кана начал внимательно всматриваться в окружающих его людей. Здесь были не только ветераны, но и старослужащие, с большим количеством звезд. В разговорах упоминались знаменитые командиры орд.

Но Фитч Йорк был сравнительно новичком, не обладающим достаточной известностью, чтобы привлечь этих людей. Не естественнее было бы, если бы они отказались от назначения? К чему такая концентрация опыта и искусства в небольшой орде на неизвестной планете? Кана, например, был уверен, что Хансу сам выдающийся специалист по инопланетникам.

Но в течение следующих дней он редко видел ветерана, и посадка на Секундус после скуки путешествия наступила не скоро.

В качестве временного помещения орде Йорка назначили длинный зал, в одном конце которого размещалась столовая, а в другом расставили койки. И сотня мужчин, перетаскивающих свои пожитки и личное вооружение, приветствующих старых друзей, делящихся солдатскими слухами и новостями, превратили зал в ураган шума и смятения. Кана, не зная куда идти, пошел за Хансу вдоль зала. Но когда мастер-мечник подошел к сверкающему кругу своих товарищей, новичок был представлен себе и отправился в темный угол, соответствующий его неопытности и общей зелености.

Особого выбора у него не было. Третий класс располагался в самом неудобном месте у двери. Но с чувством облегчения Кана заметил несколько мундиров, так же лишенных украшения, как и его собственный.

Бросив мешок на койку, он показал, что занимает ее.

— Видал, кто нанялся? — спросил один из его соседей.

— Триг Хансу.

Низкий удивленный свист был ответом на его слова.

— Но он ведь высший класс. Что он делает в этой части?

Он вполне мог бы наняться к Загрену Осмину или Франлану. Йорк из сил должен был выбиться, чтобы заполучить его хотя бы на один день!

— Да? Но я кое-что о нем слышал. Он готов отказаться от самого выгодного назначения, чтобы уйти с регулярных линий и попасть в новый мир. Давно мог иметь и собственную орду, если бы не выкидывал свои штучки. А не заметил ли ты, братец, кое-что странное в этой толпе? Здесь не только Хансу! — Тут говорящий заметил мешок Кана и быстро повернулся, чтобы осмотреть его владельца. — Ага, кое-что новое на ракетном хвосте. Хорошенький новичок готов поймать удачу или умереть на поле славы. Как тебя зовут, новичок? — В его словах не было сарказма, да и сам говоривший немного превосходил Кана возрастом и службой.

— Кана Карр, третий класс...

— Мик Хамет, третий класс... а этот разиня, что там раскинул ноги, Рей Каласси, тоже нашего низшего ранга. Первое назначение?

Кана кивнул. Темно-рыжие волосы Мика Хамета были коротко подстрижены, а его кожа скорее покраснела, чем потемнела от загара, а вокруг плоского носа разбегалась паутина веснушек. Его друг расправил свои длинные ноги и оказался ростом не менее шести футов и двух дюймов. Лицо у него было сонное, но в маленьких серых глазках светился юмор и интерес.

— Нам не повезло. Пришлось отказаться от назначения в орду Остерберга четыре месяца назад. Так что мы с радостью согласились, хотя офицер, ведающий назначениями, смотрел на нас так, будто мы мучные черви.

— У вас есть пара, Карр? — хриплым голосом спросил Каласси.

— Нет, я задержался с окончанием обучения. А все, кто летел со мной с Прайма, были ветераны...

— Это плохо, — Мик перестал улыбаться. — Большинство из нас, третий класс, уже имеют пары, а тебе не захочется иметь парой Крософа или кого-либо еще.

— Я слышал, если приедешь в одиночку, то Йорк даст в пару ветерана, — вмешался Рей. — У него теория, что новичков надо перемежать с ветеранами...

— А это очень плохо, — продолжал его товарищ. — Не следует вступать в пару с кем-нибудь, пока не узнаешь его. На твоём месте, Карр, я как можно дольше оставался бы один.

Если повезет, найдешь себе хорошего парня в партнеры. Держись с нами, пока не отыщешь себе пару...

— Хорошая возможность держаться подальше от этих разукрашенных... — Рей кивнул в сторону ветеранов. Он надел шлем и застегнул ремень. — До утра ничего не произойдет, можем провести ночь в городе. Ты не видел, парень, настоящего веселья, если не побывал в Секундусе.

Кана радовался, пока не вспомнил о своем тощем кошельке. Четырех кредитов даже не хватит на хороший обед... он был в этом уверен. Но когда он покачал головой, пальцы Мика сомкнулись на его руке.

— Не волнуйся, парень. Мы долго пробыли в захолустье и совсем не хотим улететь, зажав кредиты в пальцах. Заплатим за тебя, а когда получишь первую звезду, ответишь нам тем же. А теперь быстрее, пока кому-нибудь не пришло в голову засадить молодое поколение за работу для блага его души.

За пределами казарм начинался типичный портовый город. Таверны, кафе, игорные дома, рассчитанные на все ранги и цены, от мастеров клинка и мастеров-мечников до новобранцев. Жмуря глаза от яркого света рекламы, Кана еще раз подумал, что сюда нечего соваться с четырьмя кредитами.

К его смущению, намерения его проводников были отнюдь не скромными. Они миновали кафе, которое бы выбрал Кана, и втащили его в широкую дверь. Башмаки их погрузились в толстый четырехдюймовый ковер, который мог быть соткан только на Саке. Стены были покрыты гобеленами с Сансифара. Кана замешкался.

— Слишком роскошно, — запротестовал он. Но хватка Мика не ослабла, а Рей захихикал.

— Вне поля не существует рангов, — сардонически напомнил Мик. — Третий класс и мастер клинка — все мы в одной шкуре. Только штатские заботятся об искусственных различиях.

— Конечно. Солдат имеет право идти куда ему угодно. А нам угодно идти сюда. — Рей принялся к ароматному ветерку, шевелившему и словно дающему жизнь странным нарисованным фигурам на занавесях. — Клянусь раздвоенным хвостом Бламанда, я бы все отдал, чтобы оказаться за одной из этих занавесок. А вот и официант.

К ним приближалась скелетоподобная большеголовая фигура туземца с Вульфа-2. Он приветствовал их профессиональной улыбкой, обнажив двойной ряд клыков, отчего терранцы слегка занервничали.

— Ничего чрезвычайного, — сказал Мик. — Мы завтра улетаем. Обойдемся сами, Фрихпальт. Не беспокойся...

Волчий оскал стал еще шире, официант отошел. Когда они прошли в следующее помещение, Кана заметил:

— Вы здесь не впервые?

— Да. Знакомы с Фрихпальтом. Он вовсе неплохой, старина-волк. Давайте поедим.

Они провели Кана через анфиладу роскошных помещений с экзотической обстановкой, чрезвычайно отличающейся друг от друга, и, наконец, пришли в комнату, вид которой вызвал у него удивленное восклицание. Они как будто вошли в джунгли. Огромные папоротники возвышались по сторонам, опуская у них над головами длинные листья, но не закрывая золотистое освещение, которое окутывало мягкие сиденья и резные столики. Среди зелени порхали разноцветные огненные пятна, которые могли быть только легендарными кротандами с острова внутреннего мира Цефаса. Кана, встретив ожившие рассказы путешественников, ошеломленно уселся рядом с товарищами на скамью.

— Кротанды? Но как?..

Костяшки пальцев Мика ударились о ствол ближайшего папоротника, и в ответ послышался металлический звук. Кана протянул руку, она, вместо грубой коры, встретила гладкую металлическую поверхность. Все это было искусной иллюзией.

— Все делается при помощи зеркал, — пояснил Мик. — Но это одна из лучших выдумок Слонала. За всем присматривает Фрихпальт, но придумал все его хозяин. А вот и еда.

На столе появились тарелки. Кана осторожно попробовал и принялся есть.

— Не скоро мы еще раз отведаем такую еду, — заметил Рей. — Я слышал, Фронн не очень приятная планета.

— Климат для нас холодный, а местная культура на феодальном уровне, — пояснил Кана.

— «Полицейская акция», — протянул Мик. — Полицейские акции не вяжутся с феодальным правительством. Кто там наверху — короли? Императоры?

— Короли — они называют их гатанусы — правят небольшими нациями. Но право наследства передается по женской линии. Наследником гатануса является сын его старшей сестры, а не собственный. Родственные связи с матерью и сестрами гораздо ближе, чем с отцом и братьями.

— Ты, должно быть, изучал все это...

— Я воспользовался записью на Прайме.

Рей казался довольным.

— Похоже, ты неплохая находка. Мик, нам нужно держать его в лапах.

Мик проглотил огромный кусок.

— Конечно. Мне почему-то кажется, что этот перелет будет нелегким, и чем больше мы знаем, тем лучше для нас.

Кана перевел взгляд с одного на другого, уловив тень беспокойства.

— Что случилось?

Мик покачал головой, а Рей пожал плечами.

— Пусть меня сожжет бластер, если я знаю. Но если побродить по свету и познакомиться поближе с «человеком», каким бы странным он ни был, начинаешь чувствовать. И мы чувствуем...

— Йорк?

Моральный дух любой орды зависит от характера ее мастера клинка. Если Йорк не сумел внушить уверенность своим последователям...

Мик нахмурился.

— Нет, дело не во Фитче Йорке. По всем меркам он командир что надо. Много блестящих парней, кроме Хансу, подписали назначение — уже это говорит о том, как ценится мастер клинка. Какое-то чувство... что-то неопределенное... внутри... — большой рот Мика изогнулся в улыбке, нацеленной в самого себя. — Неплохие мы гадальщики, а? Читайте наше будущее — гадание в кредит! Фронн не хуже многих планет, которые мне известны. Покончим с этим? И покажем новичку тайну Фрихпальта. Единственный случай, когда старый волк

проявил воображение. И, клянусь космическими летучими мышами, дело этого стоит!

Полет воображения Фрихпальта оказался игорным механизмом, который собрал вокруг себя большую группу солдат. В полу комнаты находился бассейн, разделенный на секции, окружающие центральную арену. В каждом из небольших, заполненных водой участков находилась рыба около пяти дюймов длиной, две трети ее тела занимала пасть, усаженная острыми зубами. К хвостовому плавнику каждой рыбы был прикреплен ярлычок. Рыбы были разного цвета. Они яростно кружили в клетках. Игроки собирались вокруг бассейна, изучая пленников. Когда двое или трое избирали своих бойцов и опускали кредитные фишки в щель у борта, открывались дверцы клеток, выпуская рыб на арену. Далее следовала жестокая схватка, прекращавшаяся лишь тогда, когда только один боец оставался в живых. И ставивший на победителя собирал плату с тех, кто ставил на побежденного. Невозможно было придумать более привлекательную игру, чтобы вытягивать у солдат кредиты.

Кана внимательно разглядывал плавающих бойцов, пока не выбрал дуэлянта с мощными челюстями и зеленым хвостом. Он купил у держателя банка кредитную фишку и наклонился, чтобы опустить ее в щель.

Мощная волосатая лапа опустилась на его плечо, и он с трудом удержался от падения в бассейн.

— Вон отсюда, мальчишка! Это мужская забава...

— Что та... — Кана захлебнулся кашлем, и Мик кулаком ударил его в спину, а кто-то еще легко оттащил его от бассейна и от человека, занявшего его место. Тот злобно усмехнулся. Затем, утратив всякий интерес к новичку, повернулся к бассейну. Боец, освобожденный фишкой Кана, выплыл на арену.

Хорошее настроение Кана улетучилось. Рей старательно отводил взгляд, в то же время держа Кана хваткой, известной в борьбе без оружия. Кана знал, что против нее лучше не бороться.

— Уходим... немедленно... — сказал Мик.

— Что такое? — снова начал Кана. — Почему...

— Парень, ты чуть не выкопал себе здесь могилу. Это Богат, Запан Богат. У него на мече двадцать дуэльных зарубок...

он ест новичков на завтрак, когда ему удастся заловить их. — Мик говорил шутя, но голос его звучал серьезно.

— Думаете, я испугался? — вспыхнул Кана.

— Слушай парень, можно быть гордым и все же знать марсианскую песчаную крысу и не пинать ее в зубы. После этого героического поступка ты проживешь недолго. Ты слишком умен, чтобы связаться с Богатом. Когда-нибудь кто-то из больших — Хансу, Дик Миллз или еще кто-то — рассердится на Богата. И тогда — о, парни! — тогда вы сможете продать свое место возле схватки и будете миллионерами! Богат — это внезапная и болезненная смерть на двух согнутых ногах.

— Кроме того, он лучший разведчик, когда-либо вынюхивающий след, — вмешался Рей. — Богат в игре и Богат на поле — это два разных человека. Мастера клинка терпят одного ради другого.

Кана понял, что они правы. Было бы глупо возвращаться и задевать Богата. Но он еще протестовал, пока его не прервал Хансу. Ветеран в сопровождении двух полицейских подошел к ним.

— Люди Йорка? — спросил он.

— Да, сэр.

— Возвращайтесь в казармы, и побыстрее. Получен приказ о взлете... — И он прошел мимо, направляясь к следующей группе.

Троица быстрым шагом устремила к казармам.

— Что теперь? — хотел знать Трот. — Я же слышал, что мы отправимся завтра в полдень. Из-за чего эта спешка?

— Я тебе говорил, — заявил Мик, — что все это пахнет... не очень приятно. Мы только что пообедали... а тут взлет и камера повышенного давления! Мы очень пожалеем, что ели, очень!

Все еще слыша это ужасное пророчество, Кана взял с койки, которую он так и не успел испытать, свой мешок и вместе с Миком и Реем занял место на платформе, которая должна была отвезти их к транспорту. Когда их разделили на четверки, Кана обнаружил, что делит камеру давления со своими новыми знакомыми и солдатом, которому было явно скучно в компании новичков. Они разделись до трусов и получили целый набор уколов. После этого не оставалось ничего иного, как лечь на койки и терпеливо переносить неприятные ощущения.

Следующие несколько дней были чем угодно, только не приятным времяпрепровождением. Их тела заставляли медленно привыкать к условиям Фронна, так как планета не собиралась привыкать к ним. Это был болезненный процесс. Но когда они высадились в холодном мире, то были готовы к действиям.

Кана по-прежнему не имел пары. Он держался Мика и Рея, как они и советовали, но знал, что рано или поздно их троика будет разбита и он должен будет назвать своего партнера. Он сторонился ветеранов, а три или четыре солдата третьего класса, еще не имевшие пар, совсем ему не нравились. Это в большинстве были старослужащие с огромным опытом, но чье неисправимое поведение держало их в низшем ранге. Умелые в поле, они были источниками беспокойства в казармах и переходили из одной орды в другую и в конце каждого назначения их отпускали со вздохом облегчения. Кана продолжал надеяться, то ему не придется быть парой одного из них.

Вид Фронна оказался для терранцев обескураживающим. Они высадились в сумерках и, поскольку Фронн не имел спутников, в темноте прошли к приземистому каменному зданию, которое должно было служить им временной казармой. В длинном помещении совсем не было мебели, и троика уселась на свои мешки, раздумывая, доставать ли им спальные принадлежности или подождать указаний.

Длинный нос Рея сморщился в отвращении, когда он передвинул башмаки с подозрительного пятна на грязном полу.

— Я бы сказал, что нас поместили во второсортные условия.

— Второй сорт? — переспросил Мик. — Скорее, пятый. А раньше обитателями этого дома были животные. Это фроннианский коровник, если нос меня не обманывает.

И вот прозвучал приказ, которого Кана боялся больше всего: у стола мастера-мечника в дальнем конце помещения началась регистрация пар. Рей и Мик, сказав ему что-то одобрительное, встали в очередь. Кана колебался, не зная, что делать, когда услышал звук нового голоса. От него поблизости стоял Богат и еще один солдат того же типа. А третий их партнер улыбался рядом с Богатом.

— Вот и новичок не знает, что ему делать. Бедный маленький новичок. Иди, Сим, и возьми его за руку. Ему нужна нянька...

Кана ошетинился. Подбадриваемый Богатом, Сим двинулся к нему, его грубое лицо было искажено подобием улыбки.

— Бедный маленький новичок, — повторил Богат, и половина очереди обернулась, чтобы посмотреть, что происходит. — Сим присмотрит за ним, верно?

— Конечно, Зап. Пошли, новичок, — и его волосатая рукахватила Кана за рукав.

Последующее было чисто рефлекторным действием со стороны Кана. Отвращение, которое он ощутил при этом прикосновении, заставило его отодвинуться. Кана резко выдернул руку, и Сим пошатнулся. Богат вышел из очереди, его маленькие глазки сверкали садистской яростью.

— Похоже, ты не понравился новичку, Сим. Что мы делаем с новичками, которые не понимают своего счастья?

Кана считал, что он настороже, но Сим все же застал его врасплох. Кана не думал, что Сим станет следовать казарменному кодексу. Удар по лицу был так силен, что Кана чуть не упал, а в глазах его появились слезы боли. Стараясь восстановить положение, Кана размышлял. Казарменная дуэль — именно этого хотят забияки — вещь настолько законная, что остальные не вмешивались.

У него было единственное преимущество. Они ожидали, что он изберет обычное оружие — мечи с закрытыми остриями. Но благодаря особенностям своего терранского обучения, у него была возможность избежать отвратительного избиения.

Теперь их с Симом окружала толпа ожидающих зрителей. Кана ощутил вкус крови на губах.

— Встреча? — он автоматически задал соответствующий ситуации вопрос.

— Встреча.

— Дай мне твой меч, Сим. Я прикрою его кончик, — громко сказал Богат.

— Не так быстро, — Кана обрадовался, что его голос звучит спокойно. — Я не говорил о мечах.

— Ружья запрещены, мы не в поле, новичок. — Глаза Богата сузились.

— Я выбираю дубину, — ответил Кана.

Наступило молчание.

Глава 3

МАРШ ВПЕРЕД

Те арчи, которые прибыли на Фронн предыдущим рейсом и пробыли здесь дольше, начали понимать, хотя Сим, очевидно, еще не сообразил. Когда он оглянулся на Богата в поисках указаний, в центр круга пробился Хансу. За ним шел другой человек, более молодой, но державшийся властно и уверенно.

— Ты слышал его слова, — сказал Хансу Симу. — Он выбрал дубины. И вы встретитесь здесь, и немедленно. Все должно закончиться до начала марша.

Сим по-прежнему недоумевал, и, видя это, Кана начал надеяться. Мечи с прикрытыми концами — одно дело: человек может быть ранен или даже убит в такой схватке, если встретится с искусным противником. Но вооруженный дубинкой, сделанной из ядовитого дерева — его прикосновение к человеческому телу оставляет жгучий ожог, местные жители использовали их, чтобы подгонять своих упрямых животных, — он имеет шанс и, может, даже неплохой, остаться в живых.

Кана расстегнул ремень шлема, Мик тут же протянул руку, чтобы взять у него шлем. Рей помог ему снять перекрещивающиеся пояса.

— Ты знаешь, что делаешь, парень? — спросил он полушепотом, когда Кана снимал тунику.

— Надеюсь, лучше, чем Сим, — ответил Кана, стягивая рубашку.

Искра надежды постепенно перерастала в спокойную уверенность. Сим по-прежнему казался смущенным, а с мерзкого лица Богата исчезла наглая улыбка. Молодой человек, шедший за Хансу, исчез. Но прежде, чем Кана успел ощутить холод неотопливаемого здания, он вернулся, неся в перчатках две дубины алого цвета. Те, кто лучше знал Фронн, быстро расступились.

Кана надел перчатки и взял одну из дубинок. Они были одинаковы по длине и по весу. И, когда круг зрителей расступился, давая им место, Кана с радостью убедился, что на лице Сима явно отразилась неуверенность. Они одновременно встали в позу, держа дубинки как более привычный им меч. Но если дуэлянт должен опасаться лишь заостренного конца меча, то тут

малейшее прикосновение причиняло жгучую боль. Они кружили, нападая и парируя удары.

После третьей стычки Кана понял, что имеет дело с первоклассным мечником, но он также предположил, что относительная легкость нового оружия беспокоит Сима и что его противник не вполне уверен в себе и опасается неизвестных приемов в обращении с этим оружием.

Достаточно одного удара, чтобы закончить дуэль. Кана гадал, понимал ли это Сим. Режущий удар по мышцам руки, и она на несколько минут станет бесполезной из-за мучительной боли. Он решил добиться этого, и весь мир для него сузился до дубинки, которой он сражался, и раскачивающегося, прыгающего тела противника. Сим не стал нападать, а ограничился защитой, очевидно, предоставив экспериментировать Кану и тем самым проявив больше ума, чем ожидал Кана.

Не потеряв уверенности, но более осторожно, Кана кружил, пользуясь традиционными выпадами и приемами парирования. Сим должен действовать открыто, поверив, что перед ним новичок.

Что-то коснулось его груди. Боль была почти такая же сильная, как ожог бластера. Кана стиснул зубы, а Сим, обрадованный этим успехом, перешел от защиты к нападению. И его атаку отразить было трудно. Кана был вынужден пятиться, уступать, но в мозгу у него была единственная цель — добраться вот до этого нужного места на мускулистой руке.

Дубинка Сима вновь достигла цели, задев челюсть Кана. Молодой человек ошеломленно крутил головой, но успел все же отскочить в сторону и уйти от второго удара. Резкое отступление, должно быть, показалось Симу признаком того, что у противника сдали нервы, и он разразился водопадом ударов. И тут наступил момент, которого и ожидал Кана: его дубинка попала в руку противника как раз ниже плеча. Менее подготовленный, чем Кана думал, его противник закричал, схватился за красный ожог на руке, дубинка его покатилась по полу к ногам Кана. Кана поднял свое оружие в формальном приветствии.

— Удовлетворены? — задал он традиционный вопрос.

От боли Сим лишился дара речи, он лишь кивнул, но в его глазах ненависть боролась с болью. Но так как он не мог дер-

жать оружие, то вынужден был сдаться, хотя, конечно, далеко не был удовлетворен.

Кана услышал гул голосов. Обрывки разговоров дали ему понять, что это знатоки обсуждали со всех сторон и возможных точек зрения его победу. Он уронил дубинку на пол и поднял руку к горящей челюсти.

— Не трогайте, юный глупец! — услышал он властный голос. Молодой человек, принесший дубины, отвел руку Кана и начал смазывать его ожог желтой мазью. Кана почувствовал, как огненная боль сменяется прохладой. Он терпеливо ждал, пока смазали и саднящий бок, а затем накинул протянутую Миком куртку.

— Ладно, ладно! — послышался сквозь гул густой бас Хансу. — Представление окончено.

Но, когда остальные вернулись в очередь, мастер-мечник остался стоять между Каном и Симом, глядя на них обоих со стальным блеском в глазах.

— За ссору в казарме, — объявил он, — будет штраф в размере трехдневной полевой платы! А если у кого-нибудь из вас появится мысль продолжить ссору, будете иметь дело со мной!

Кана, не способный надеть шлем из-за больной челюсти, с готовностью согласился на мир, и Сим тоже пробормотал что-то в знак согласия.

— Вы, Лоту, отправляйтесь к Дау, — Хансу ткнул пальцем в конец очереди. Сим, поддерживая больную руку, послушно прошел мимо Богата и занял место рядом со смуглым и жилистым ветераном. Кана остался на месте.

— Я зачисляю его к себе, — проговорил молодой ветеран, и Кана понял, что это уже было решено между ним и Хансу. Все еще не зная, кто его партнер, Кана пошел за ним.

— Миллз и Карр, — Хансу занес их в список отряда, которым сам будет командовать.

Миллз... в этом имени было что-то знакомое. Сворачивая спальный мешок, Кана пытался вспомнить, где слышал это имя раньше. Но тут на него налетели удивленные и возбужденные Мик и Рей.

— Позволь дотронуться до тебя, — приветствовал его Мик. — Может, и ко мне перейдет немного удачи. Мне она не помешала бы!

— Ты, должно быть, родился с мечом в руке и звездой во рту! — воскликнул Рей. — Как тебе нравится Дик Миллз в качестве пары, новичок?

Дик Миллз! Снова его имя прогремело, как гонг, но он по-прежнему не мог вспомнить.

— Великие лезвия! — глаза и рот Мика стали круглыми от изумления. — Мне кажется, он не понимает, что с ним произошло. Кто-то должен учить новичков, прежде чем они вступят в этот жестокий холодный мир. Дик Миллз, парень, это двойная звезда. Великий Космос, он мог бы выбрать себе в пару любого из отряда, из всей орды! Он был бы партнером Хансу, если бы Йорк не настоял, что Триг будет командовать отрядом.

Кана проглотил комок.

— Но почему... — Во рту у него пересохло.

— Не из-за твоих красивых глаз, — ответил Мик. — У него не было пары, а тут вдруг подвернулся ты. Правило Йорка — делать пару из ветерана и новичка, если они до последней минуты сами не сделали выбор. Тебе повезло, что ты оказался на нужном месте в нужное время.

— Я бы лучше остался с вами, — Кана говорил правду. Быть парой такого известного бойца, как Дик Миллз, — этого он меньше всего хотел. Он все будет делать не так, и его ошибки будут казаться еще больше в такой великолепной компании. В этот момент он даже предпочел бы идти в паре с Симом.

— Веселей, — улыбнулся Мик. — Мы в том же отряде. А Миллз действует как помощник Хансу. Ты не очень часто будешь его видеть.

— Давайте кончим болтать, — предупредил Рей. — Вон там, у двери, Миллз. Не следует заставлять ждать.

Кана схватил мешок и посмотрел в указанном направлении. Да, молодой ветеран стоял у двери, разговаривая с несколькими солдатами высших рангов. Кана заторопился, начиная жалеть, что не воспользовался своим правом и не отказался от этого назначения.

Кана присоединился к Миллзу около полуночи по корабельному времени. Снаружи виднелись тускло-голубоватые лучи, слабые и бледные для терранского глаза. Кана понял, что вместо того, чтобы оставаться на ночь в вонючем коровнике, они

выступают в полевой лагерь, разбитый первыми прибывшими на Фронн вблизи города.

Улица была грубо вымощена, посередине ее двигалась вереница легких двухколесных тележек. Каждую ташил гуен, животные злобно поглядывали на чужаков. Когда Кана, следуя примеру Миллза, бросил свой мешок на одну из телег, он впервые увидел фроннианца во плоти.

Это был ллор, представитель господствующей на континенте расы. Гуманоидный по внешности туземец достигал добрых семи футов росту. В климате, где терранцы кутались в зимнюю одежду, ллор был обнажен по пояс. Но природа снабдила его покровом густых вьющихся волос, похожих на овечью шерсть: от них исходил острый маслянистый запах. Волосы на лице были тоньше — странное лицо для неллорских глаз: нос был представлен лишь двумя носовыми отверстиями, зато глаза выпучивались из круглых глазниц, создавая впечатление пристального немигающего взгляда. Рот был маленький и круглый, и если ллор и обладал какими-то зубами, то они не были видны. Единственной одеждой туземца, если не считать ремней, поддерживающих меч и ружье, была набедренная повязка из кошачьей шкуры. Голенища сапог доходили до колен, носки их увенчивались металлическими остриями.

Пока солдаты складывали свой багаж на телегу, ллор стоял, жуя конец своей дубинки и время от времени шумно сплевывая. Когда на телеге оказалось шесть мешков, он распрямился, ударил фыркающего гуена дубинкой, телега со скрипом покати́лась, солдаты пошли за ней.

Синие лампы, укрепленные на стенах без окон, мимо которых они проходили, давали достаточно света, чтобы идти по улице, но поверхность дороги была неровной, и идти было нелегко.

— Это Тарк, главный город провинции Скоры, — голос Миллза перекрыл грохот металлических колес телеги. — Скора — правитель западных земель. А хочет быть гатанусом. Вот почему мы здесь.

— Офицер по найму сказал, что это будет полицейская акция, — заметил Кана.

Может, в этом и заключалось нечто тревожное, которое почувствовал Мик на Секундусе.

Существует большая разница между успокоением беспорядков ради законного правителя и поддержкой мятежного вождя, который претендует на трон.

— Поскольку Скора заявляет, что он законный наследник, это можно назвать полицейской акцией.

Но Кане показалось, что он уловил сухую нотку в голосе Миллза. Неужели он допустил глупость и его слова могут быть восприняты как критика по адресу Йорка и высших офицеров?

— Сестры гатануса Плоты были близнецами. Идет спор, кто из них старше. И у каждой из них есть сын. Следовательно, сейчас нет согласия в том, кто законный наследник. Плоты умирает от трясучки, он не проживет больше трех месяцев. Партия Скоры не пользуется влиянием при дворе, и в последний спокойный сезон Скора был отослан отсюда. Он больше изгнанник, чем правитель — «хорта». Но он заключил договор с «Интергалактик Трейдинг» относительно прав на разработку недр и собрал достаточно денег, чтобы иметь дело с Йорком. «ИТ» давно пытается проникнуть сюда: торговля с местными племенами — монополия центральной власти. Поэтому они были очень рады поддержать Скору. Конечно, это надувательство, но, если Скора станет гатанусом, он заплатит вдвое больше, чем Йорк смог бы получить за это время в другом месте.

— Против кого мы боремся?

— Против С'Торка, второго племянника. Он не так расточителен, как Скора, и все консервативные дворяне и жрецы ветра на его стороне. Но он не боец, и у него нет собственных войск. Здесь армия строится на основе отрядов из дворян. И если лорд недостаточно популярен, чтобы привлечь войско, у него не будет армии. Вот так просто. Скора считает, что при поддержке орды дело даже не дойдет до битвы, просто противник сбежит с поля.

За стенами Тарка мостовая внезапно оборвалась, и телега погрузилась в глубокую пыль на дороге, которая была, по сути, караванной тропой. Из-под клыков спускной решетки они вышли из столицы на открытую местность. Торговцы со своими гуенами ждали прохода в Тарк. Кана заметил, что эти путешественники меньше ростом, чем гигант-ллор. К тому же они были тщательно укутаны в плащи с капюшонами и стояли в стороне, молчаливые и лишённые индивидуальных черт, как привидения, пропуская терранцев.

Лагерь орды располагался в миле от города, желтые лагерные огни приветливо манили к себе во тьме безлунной ночи. При их свете Кана отыскал свою палатку, развернул спальный мешок и заполз в него, чтобы поспать несколько часов.

Последовала неделя утомительной муштры, чтобы сплотить вновь прибывшую орду в боевой отряд. За это время Кана был либо слишком занят, либо слишком уставшим, чтобы размышлять о своем будущем. Но вот дней через десять они выстроились в походный порядок в предрассветных сумерках, которые на Фронне кажутся холоднее и мрачнее, чем на Терре. Орда должна была двигаться на восток, к отдаленному горному хребту, отделявшему западную провинцию от богатых центральных равнин, которые честолюбивый Скора тоже считал своими.

Кана должен был согласиться, что мятежный хорта представлял собой прекрасный образчик полуварварского военного вождя. В сопровождении кавалерийского отряда на упрямых самцах-гуенах он не раз проезжал через лагерь терранцев. Популярность его была велика, о чем свидетельствовали все новые и новые дворяне, ежедневно приезжавшие со своими отрядами, увеличивая туземную армию, расположенную рядом с лагерем терранцев. Ежедневно также подходили караваны выючных гуенов с различными грузами.

В это утро Кана вместе с Роем шел боковым на марше. И вот появилась группа закутанных в плащи с капюшонами всадников, поднимая густую пыль. Встретившись с торговым караваном, орда свернула в поле, так что только боковые оставались на дороге, рядом с торговцами.

Кана закутал подбородок мягкой оторочкой воротника, радуясь, что выбрал подбитый мехом плащ с капюшоном, закрывающим голову и уши. Утренний мороз на Фронне крепок.

— Вот и последний... — Рей поднял пистолет и выпустил в темноту красную ракету.

Положив ружья на сгиб руки, двое терранцев гибкой походкой солдат на марше двинулись по обочине дороги. Через несколько секунд они догнали последнего гуена и быстро настигли голову каравана, когда внимание Кана привлек один из закутанных всадников. Они никогда не видели этих торговцев без скрывающего фигуру одеяния, но знали, что они принадлежат к другой расе, чем волосатые ллоры, правившие континентом.

Ллоры, возделывающие землю, жили в городах, подчиняясь феодальным правителям, и были бойцами. Но эти торговцы, державшие монополию как на доставку товаров, так и на продажу их, принадлежали к другому племени. Родом с далеких морских островов, замечательные моряки и путешественники, они все время проводили в пути, нигде не селясь на постоянно. Вентури — так здесь их называли — держались на материке обособленно и все дела совершали через одного из своих представителей, который, очевидно, мирился с неизбежной ролью посредника. Что касается терранцев, то для них вентури оставались анонимными и загадочными существами в своих капюшонах, неотличимые друг от друга ни по росту, ни по скользящей походке. Но вот этот — он отличался от остальных. Все торговцы скользили, этот же шел большими шагами. Он также не вел гуена, а шел в стороне от остальных с пустыми руками.

Глаза Кана сузились, и он замедлил шаг, держась за незнакомцем. Похоже, что это вовсе не вентури. Тут подошел Рей, и внезапно походка незнакомца изменилась и стала такой же, как и у остальных вентури. Кана заторопился, догоняя Рея. Они достигли вершины. Внизу тянулись заросли. Терранцы должны были либо идти по дороге, либо сделать большой крюк. Кана еле слышно пробормотал:

— На север.

Рей удивленно взглянул на него, но ни о чем не спросил. Он послушно свернул в сторону, и вскоре заросли отделяли их от каравана.

— Среди вентури незнакомец, — объяснил Кана. Рей повесил ружье и, присев на влажный дерн, снял с пояса передатчик.

— Доложу.

Кана пошел быстрым шагом, намереваясь догнать караван и следить за подозрительным туземцем. Он пересчитал закутанные фигуры, чтобы убедиться, что незнакомец по-прежнему среди них, когда его догнал Рей.

— Сюда приближается кавалерия ллоров. И если что-нибудь не так, они сами займутся этим. Нам нужно держаться в стороне от вентури.

Они продолжали идти рядом с караваном. Наступил день, и солнце окрасило небо в желтый цвет. Впереди всадники толпились у какого-то препятствия на дороге.

Кана и Рей пошли быстрее, чтобы посмотреть, что происходит. В пыли лежал гуен, лягаясь и лязгая клыками на солдат ллоров, которые совещались над ним.

Караван приблизился, и предводитель вентури один подошел к всадникам. На полпути его встретил командир отряда, и после недолгих переговоров торговец вернулся к своим, а другой вентури отделился от каравана и подошел к лежащему животному. Ллоры разошлись, оставив у животного только своих офицеров. Некоторые, как заметил Кана, заняли такую позицию, чтобы находиться на одной линии с караваном. Должно быть, это была какая-то военная хитрость: открыто обыскивать караван и вентури они не решались.

Неожиданно послышался крик одного из солдат. Он спешился, и его гуен, размахивая головой, вырвался и, брызгая слюной и зеленой пеной изо рта и ноздрей, понесся прямо к каравану. Всадник бежал следом, тщетно пытаясь схватить поводья.

Испугавшись ярости обезумевшего кавалерийского гуена, тяжело груженные гуены каравана тоже начали вырываться, таща за собой вентури. Одна из закутанных фигур без всякого гуена побежала прямо к тому месту, где стояли Кана и Рей. Кана испытывал искушение схватить беглеца, но приказ был ясен: это работа ллоров.

Всадники по обе стороны дороги поскакали, окружая бегущего торговца. Один из них взмахнул над головой блестящей петлей и набросил ее на беглеца. Несколько ллоров спешили и уверенно направились к беглецу, очевидно, не ожидая сопротивления. Торговец сел, и в следующее мгновение огненно-красная линия перерезала ближайшего солдата. Тот с криком агонии упал.

— Бластер! — закричал Рей.

Терранцы сдернули ружья, два выстрела прозвучали одновременно. Сидящий дернулся и упал снова на землю, тяжело ударившись: больше стрелять не понадобилось.

Ллор с офицерским полукругом на плаще дубиной пододвинул к себе оружие беглеца — тускло блестящий металл, которому не было места на Фронне. После этого два солдата сняли с мертвеца плащ. Это был ллор, вьющаяся шерсть и выступающие глаза свидетельствовали об этом.

— Это... — Офицер дубинкой снова коснулся оружия. — Вы знаете, что это такое? — медленно проговорил он на торговом космическом языке.

— Огнестрельное оружие... очень плохое, — ответил Кана. — Мы таким не пользуемся.

— Тогда откуда же оно? — вполне резонно задал вопрос офицер.

— Этот... он не из ваших? — пожал плечами Кана.

Командир отряда пробился сквозь кольцо своих солдат и наклонился, всматриваясь в безжизненное лицо туземца. Потом сорвал с него пояс. На обратной стороне пояса был оранжево-красный знак.

— Разведчик С'Торка, — сказал он. И, перейдя на туземный язык, отдал серию приказов. Солдаты завернули тело в плащ и взвалили на спину протестующего гуена.

К удивлению терранцев, вентури ничего не было сказано. Дорогу расчистили, и караван двинулся дальше. Ни один из торговцев даже не взглянул на группу около шпиона... Бластер оставался в пыли, пока командир не подошел к терранцам и не указал на него носком сапога.

— Возьмите...

Это был скорее приказ, чем просьба. Но он вполне устраивал Кана. Этой проблемой должен был заняться Йорк. Что делает новейшее и самое смертоносное оружие галактического Патруля на Фронне в руках туземца-шпиона?

Глава 4

ОБРАЗЦОВЫЙ ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ

На перевернутом ящике от провизии, служившем мастеру клинка столом, лежало вещественное доказательство. Фитч Йорк сидел на скатанном спальном мешке, упираясь головой и плечами в узловатый ствол дерева. Его светлые волосы ярким пятном выделялись на фоне темной коры ствола. Он задумчиво жевал прутик и рассматривал бластер. Но Скоря не намерен был так же спокойно воспринимать это происшествие.

Он ходил взад и вперед по голубой глинистой почве, разбивая сапогами бороздки, как будто затаил злобу против самой земли.

— Что ты сейчас скажешь? — требовательно спросил он. — Это не ваше. Но и не наше. Откуда же оно тогда?

— Я тоже хотел бы это знать, ваше высочество. Это против наших законов. Но ведь оружие нашли не в наших руках — его принес шпион врага.

— Д-а-а-а! — вырвалось из волосатой пасти и скорее напоминало рев голодного хищника, чем согласие. — Зло исходит от С'Торка — что еще можно было от него ожидать? Против этого меч не оружие, друзья? Что могут сделать ваши хваленые мечники против огня, который обжигает и убивает? Мы не сражаемся с огнем. Когда я со своими сокровищами прилетел на Секундус и спросил, кто может помочь мне в битве, мне сказали: обратитесь к такому и такому лорду-воину, но не к такому и такому: на Фронне могут сражаться лишь некоторые из них. Я отдал сокровища, и вы пришли. И что же? У С'Торка оказываются среди воинов и такие, кто владеет огненным оружием! Это нечестная сделка, терранцы. Мы, ллоры, не любим двойной службы... — он остановился перед бластером и самим Йорком. — К тому же, когда шпион был уже в наших руках, и его можно было допросить, что происходит. Пули терранцев лишают его речи и отправляют в страну теней. Ты не хотел, чтобы он отвечал на вопросы, мастер клинка?

Йорк не принял вызова.

— Это, — он указал на бластер, — смертоносное оружие, ваше высочество. Если бы мои люди не убили шпиона, никто из ваших не выжил бы. Я сожалею, что мы не сможем допросить шпиона. Теперь ответ мы получим только в лагере С'Торка...

— Я уже принял меры. Если у этого труса действительно есть такое оружие, мы это узнаем. — И, не добавив ни слова, Скорасел на гуена и поехал из лагеря терранцев. Его личная охрана, как обычно, пустилась за ним вслед, прищипывая животных острыми сапог.

Как только Скорасел исчез в облаке голубоватой пыли, из ниоткуда материализовались Хансу и Миллз, а Йорк забыл свою вялую позу.

— Ну? — Йорк вопросительно поднял бровь.

— Лучше выяснить это сейчас, чем позже, — ответил Хансу. — Кто-то действовал здесь не менее сезона и пользовался сильной поддержкой. Эта штука галактического Патруля...

— Кто? — Йорк выплюнул кусочек прутика.

— Какой-нибудь неудачник-мех или... — предположил Миллз.

— Или кто-нибудь, решивший соорудить собственную маленькую империю, — закончил за него Хансу. — Мы не узнаем, пока не вернутся шпионы Скоры.

— Оружие и люди — или только оружие? И это очень важно, — Йорк встал. — Но и то, и другое — плохо.

Хансу пожал плечами.

— Для нас лучше, если только оружие.

— Вы думаете, это демонстрация? Что ж, может быть, может быть. Но если они думают испугать нас, им лучше пересмотреть свои планы. Возможно, что мы даже получим ответ на старый вопрос: что будет, если арчи столкнутся с мехами? В таком мире, как этот, природа будет на нашей стороне. Легкое мобильное соединение против механизированного дивизиона... Ударить и уйти, прежде чем они сдвинутся, — он был как будто даже рад.

— Ну, ладно, — Хансу подобрал бластер, и тревожное выражение его лица контрастировало с вспышкой энтузиазма его командира. — Может, у нас и будет возможность проверить, насколько мы хороши. Но никто не может читать будущее.

Йорк отошел, и Хансу начал собственное расследование. Рей и Кана должны были в мельчайших подробностях пересказать события последних нескольких часов с того момента, как Кана заметил шпиона в плаще.

— В следующий раз продемонстрируйте, что умеете попадать в менее смертельное место, — заметил он, когда они закончили. — Я отдал бы месячную плату за то, чтобы получить несколько слов от этого шпиона. Вы свободны.

Орда находилась у подножия гор, двигаясь по извилистым тропам, пробитым копытами гуенов. Гигантские черно-белые скалы еще более усиливали сумрак прохода, воздух здесь становился более разреженным, чем на равнинах. И хотя солдаты во время перелета проходили усиленную подготовку к условиям

Фронна, каждый крутой подъем заставлял их долго отдыхать, отдуваясь. Небо днем приобретало желтоватый оттенок, а со снеговых полей на вершинах дул ледяной ветер.

Переход в семь фроннианских дней позволил им перевалить через вершину хребта. А впереди лежали склоны, ведущие к богатым восточным областям континента. Между вершинами гор и морем лежали только эти области — если повернешь к северу, то встретишь только другой рукав хребта гор.

Было несколько стычек с королевскими постами. Но три крепости, господствовавшие над дорогой, были оставлены, прежде чем мятежники подошли к ним — это обстоятельство не способствовало успокоению терранцев. Долгие годы военной подготовки приучили их подозревать все и всех. И вдобавок шли бесконечные толки, что они могут попасть в западню. Случай со шпионом превратился в этих слухах в столкновение с целым отрядом мехов. А в ночных лагерях начали распространяться и более дикие слухи. Йорк и офицеры делали вид, что ничего не замечают, а солдаты держались в стороне от своих туземных союзников. Назначение приобретало такие черты, что все они рады были бы скорее от него избавиться.

Однажды в полдень Кана сопровождал Дика Миллза в опасном подъеме на вершину утеса, откуда они могли бы рассмотреть дорогу впереди. Пока Миллз регулировал полевой бинокль, Кана сложил руки в перчатках, защищая глаза и пытаясь рассмотреть что-нибудь невооруженным глазом. Впереди что-то блестело. Так может блестеть только металл. И это что-то двигалось.

— Они ждут нас там, внизу, — согласился с ним Миллз. — Два-три королевских штандарта. А вон там движутся всадники Скора. погоди, они размахивают флагом! Переговоры?!

Кана видел лишь, как черные точки движутся вдали по склону, сливаясь в черное пятно.

— Йорк должен знать о переговорах. Расскажи ему о попытках переговоров. Похоже, Скора должен сдаться...

Кана соскочил с утеса и обнаружил у его подножия Йорка. Тот изучал туземную карту, консультируясь с мастерами-мечниками. Услышав новость о переговорах, он сел на подаренного ему Скорой гуена и поехал к туземному авангарду, а Кана снова полез на скалу.

— Смотри! — Миллз сунул бинокль Кану. — Вон туда, налево. Как, по-твоему, что это?

Кана взглянул. Небольшой отряд мятежников ллоров двигался навстречу пригоршне роялистов. Другая группа спешила и тайно продвигалась вперед, обходя место переговоров.

— Засада? Но они встречаются под знаком перемирия!

— Именно так, — голос Миллза звучал сухо.

Долгое время внизу не происходило никаких действий. Совещающиеся предводители, сидя на гуенах, оставались под развевающимся флагом перемирия. И тут ударили скрытые мятежники. Они стаскивали сломленных роялистов с гуенов, оставляя одних неподвижно лежать на дороге, а других уводили за собой в скалы. А когда враг попытался преследовать, находившиеся в засаде прикрыли похитителей огнем из своих воздушных ружей, так что роялисты вынуждены были в беспорядке отступить. И вот флаг перемирия развевался в воздухе лишь над одними мертвецами.

Двое терранцев, ошеломленных вопиющим нарушением кодекса, который они впитали в кровь с самого начала обучения, спустились со скалы.

— Что-то случилось? — спросил Мик, ощутивший их беспокойство.

Кана кивнул, но Миллз не остановился, чтобы объяснить. Никто не мог догадаться, что принесет терранцам эта вспышка насилия. Может, последует даже полный разрыв со Скорой и быстрое возвращение на Секундус.

Они вернулись на командный пункт спустя несколько минут после возвращения Йорка. Его лицо представляло собой бесчувственную маску, но сжатые губы и блестящие глаза выдавали тревогу. Миллз доложил, а когда он кончил, Йорк рассмеялся, хотя в его смехе не было веселья.

— Да, — голос его прорезал молчание собравшихся, — это правда. Хансу, Блур, — он поманил двух старших офицеров. — Идемте. Время поговорить. Вы, — глаза его обежали круг мечников, — вы, вы и вы... — Когда же Миллз толкнул Кана в бок, тот неожиданно понял, что он был среди избранных мастеров клинка вместе с Диком и Богатом. И вслед за офицерами они спустились с холма.

Дик снял ружье с плеча, остальные повторили его жест. Хотя и у ллоров были хорошие воздушные ружья, они не могли сравниться в искусстве стрельбы с терранцами. И если Йорку во время встречи со Скорой понадобится помощь и демонстрация военной силы, он сможет сделать это.

Они нашли предводителя мятежников в скалистом дефиле, где караванная тропа превращалась в настоящую дорогу. Верховые и пешие ллоры окружили сцену на пыльной дороге. Три офицера-роялиста, окровавленные, со связанными руками, стояли перед Скорой, который что-то говорил им на туземном языке. Увидев терранцев, он замолчал. Для терранского глаза было невозможно уловить выражение его волосатого лица, но было ясно, что его не обрадовало их появление.

Три мечника остановились, держа оружие на виду. Вполне возможно, что его придется использовать.

Йорк остановил своего гуена рядом со Скорой. Ллоры расступились. Они достаточно часто видели, как стреляют терранцы, и не хотели быть целью.

— Ваше высочество, что я вижу... так же нельзя вести войну... — У Йорка не было ораторского голоса, но слышно его было хорошо.

— Я гатанус, а гатанус ведет войну, как хочет. Они служили предателю С'Торку, — возразил Скора. — Они убили моих людей, поэтому... — Рукой он сделал быстрый рубящий жест. Сверкнула сталь, и три роялиста упали, забрызгав кровью сапоги Скора.

Йорк сквозь стиснутые зубы бросил:

— Это плохой поступок, ваше высочество. Зло порождает зло.

— Да? В своем мире можете поступать по своим обычаям. Здесь другие обычаи, чужеземец!

Предводитель ллоров был по-своему прав. И Йорк не мог возразить. Одно из правил службы гласило: не вмешиваться в споры туземцев между собой, ведущиеся по их обычаям. Возможно, на Фронне нарушения перемирия были обычными во время войны. Но Кана слышал, как Богат пробормотал:

— Нет нам здесь счастья, не будет счастья там, где флаг перемирия запачкан кровью.

Йорк повернул и поехал назад. Группа терранцев вернулась в свой лагерь. Но к постоянным подозрениям добавились но-

вые тревожные мысли. Война, какой они ее знали, подчинялась определенным обязательным правилам. Если ее законы, которые они считали обязательными, нарушаются, то к чему это приведет?

Состоялся военный совет, на котором присутствовали представители всех отрядов, а остальные солдаты приготовили оружие, теперь уже ожидая нападения не только со стороны роялистов, но и со стороны так называемых союзников. К рассвету было принято решение. Поскольку Скоря сослался на обычай, их контракт остается в силе, и они должны участвовать в сражении на стороне мятежников. Роялистов выбили из предгорий, и силы мятежников разошлись длинными клещами. У Скоры была и пехота, но он предпочитал кавалерию, и немногие пехотные отряды образовывали фланги более сильно вооруженной терранской орды.

Им противостояла небольшая армия роялистов. Большинство знатных лордов равнин еще не сделали выбора. Быстрая победа над этой армией — по существу, это были лишь домашние отряды С'Торка — заставила бы большинство дворян перейти на сторону мятежников. Это означало, что все равнины могут попасть под власть Скоры, и придется лишь посылать экспедиции для подавления отдельных ллоров, поддерживающих его двоюродного брата.

Резкие звуки боевых труб звучали над холмистой местностью. Мятежники казались уверенными в своей победе. Небольшие пехотные отряды сближались с ордой, а кавалерия выехала навстречу врагу. Орда начала действовать. Исчезли все украшения. Солдаты надели серо-зеленые полевые мундиры, сливающиеся с землей. Кана вытянул ноги вдоль небольшого пригорка и удобно устроил ружье на изогнутой ветке куста, который давал ему укрытие. Стая летающих существ металась в воздухе, криками выражая свой страх и негодование против вторжения в их мир.

План битвы был простой, но классический для ллорианских условий. Клещи кавалерии пытаются окружить врага и погнать его в центр, под опустошительный огонь арчей. И поскольку армия С'Торка была настолько глупа, что принимала сражение, то мятежники не видели, почему бы их маневру не увен-

чаться успехом. Единственным выходом для роялистов было отступление.

Кана оглянулся, когда к нему подполз Миллз. Ветеран критически оглядел выбранную новобранцем позицию, а потом одобрительно кивнул и начал сам устраиваться в листве. Сквозь трубы слышался глубокий и низкий звук: ллоры выкрикивали свой боевой клич. Миллз улыбнулся Кану.

— Флаг поднят — начинаем!

Их поле зрения было ограничено. И довольно долго лишь отдаленные крики свидетельствовали о том, что идет сражение. Потом из небольшой рощи появилась группа всадников. Они неуверенно топтались на месте. Но цвет их обмундирования невозможно было спутать: роялисты попали в ловушку-челюсть, в которой зубами были терранцы.

Появилась еще одна группа, и в ней несколько животных бежало без всадников, дико отбиваясь от туземцев, пытавшихся схватить их. Пеший ллор выбежал из леса, за ним ковылял другой, используя в качестве костыля копье. Колебавшиеся всадники разбились на две группы. Одна, меньшая, построилась и с обнаженными мечами двинулась назад в лес. Другая в беспорядке устремилась по равнине. Кана выбрал цель до того, как всадники приблизились к зоне досягаемости. Не звучали трубы, не слышались боевые кличи, но линия укрывшихся стрелков напряглась. И когда всадники перевалили через пригорок, смертоносный шквал огня обрушился на них. Обезумевшие от страха гуены понесли. Несколько аборигенов упало на землю. Ни один всадник не приблизился к терранцам.

Кана не мог закрыть глаза, хотя внутренности у него выворачивало наизнанку. Действительность сильно отличалась от стрельбы по гуманоидным роботам, тщательно выстроенным на огневом рубеже. А ведь раньше ему не приходилось стрелять по живым существам. Секунду назад он стрелял по избранной цели. Ллор, на котором сосредоточился его взгляд, не напоминал ему живое существо. Но... Кана усиленно боролся с тошнотой. Ему было дано слишком мало времени, чтобы размышлять над своими эмоциями, потому что из леса выкатилась вторая волна роялистов. На этот раз они смешались со своими преследователями. В стремительном танце смерти неслись они

вперед, падая на землю, но дорого отдавая свои жизни: в рядах мятежников тоже виднелось немало животных без всадников.

— Скора!

Кану не нужно было это указание Миллза. Он безошибочно узнал мятежного вождя, пробивавшего себе дорогу к предводителю роялистов. Этот офицер, такой же представительный внешне, как и будущий гатанус, воспринял схватку с такой же готовностью. И пока их подчиненные сражались вокруг, предводители обменивались сабельными ударами. У роялиста шла кровь из раны на плече, но это не уменьшало его фехтовальное искусство. А Скора был невредим.

Кольцо врагов, звеневшее металлом о металл, приближалось к терранцам, но они не стреляли. Слишком велика была вероятность попасть в своего. Гуен роялиста пытался укунить животное Скоры. И в одной из попыток едва не выбил из седла своего всадника. Лезвие Скоры глубоко вонзилось в руку противника, из которой выпал бесполезный теперь меч. Скора уже поднял свое оружие, чтобы нанести смертельный удар, когда сам пошатнулся и, перевалившись через голову гуена, упал в пыль.

Вероятно, только терранцы увидели огненную полосу, вырвавшуюся из леса и поразившую вождя мятежников в момент его торжества.

Ллоры, только что отчаянно сражавшиеся, застыли, глядя на Скуру. Затем с диким воплем ужаса и отчаяния последователи Скоры набросились на своих противников, безжалостно убивая их. Два роялиста спаслись в лесу, а остальные были мертвы.

— Это бластер! — Голос Кана был едва слышен в криках ллоров.

Ллоры подняли тело Скоры и положили в седло. Затем двинулись на север. Миллз, встав на колени, следил за ними.

— Это конец войны, — заметил он.

И как будто его слова послужили сигналом: послышался резкий свист, отзывающий солдат назад.

В тревожном ожидании терранцы ждали до полудня. Но слова Миллза оказались справедливыми. Смерть вождя деморализовала мятежников. Война подходила к концу, и ллоры избегали чужеземцев. Солдаты подозревали, что теперь мятежники попытаются вступить в переговоры с бывшими врагами.

Будущее орды выглядело довольно мрачно. Но когда подобные происшествия случались в прошлом, ордам или легионам, поддерживающим побежденного, всегда давали свободный проход к транспортным кораблям и позволяли улететь с планеты.

Солдаты консервативны, ими правит обычай, и поскольку обычай был на их стороне, рискованное назначение окончилось, в лагере орды вечером царило чувство облегчения. «Худшее позади». Патрули обходили окрестности и количество патрулей не уменьшалось. Но смерть Скоры, не оставившего наследника, освобождала терранцев от обязательств. И вот в отпускном настроении они ждали скорого возвращения в Тарк, где стояли их транспорты.

Единственное, что омрачало их настроение, было сознание того, что кратковременность кампании отразится и на плате. Но Кана и некоторые другие чувствовали, что будущее может оказаться не таким светлым.

Кана заметил, что Йорк, три мастера-мечника и некоторые ветераны, включая Миллза, не разворачивали на ночь спальные мешки. А когда рано утром его разбудили на дежурство, он заметил, что в палатке, где собрались офицеры, все еще горел свет.

Скора был убит из бластера. Это означало, что по меньшей мере еще один экземпляр незаконного оружия находился в руках врага. Кто принес это оружие на Фронн и зачем? Заняв пост, Кана принялся размышлять над этим. Тьма фроннианской ночи была наполнена звуками, которые могли означать что угодно, в том числе и опасность. Но кольцо сторожевых фонарей, установленных вокруг лагеря, создавало световой барьер.

Летающие существа, привлеченные и ослепленные светом, бились вокруг ламп, образуя воронку крылатых тел у самых линз. На охоту за этими обезволенными существами явились большие создания, некоторые на четырех лапах, некоторые на двух, а третьи и вовсе на крыльях. Начался пир, и вопли не прекращались.

Неожиданно раздвинулись низко нависшие ветки кустов, на свет вышел человек и остановился, как бы желая, чтобы его узнали. Он не был фроннианцем.

Мгновенно ружье Кана взлетело на уровень груди незнакомца. Мех — и в полной форме! Кана свистнул, вызывая караул, и выпалил:

— Не двигаться!

Незнакомец рассмеялся.

— Буду рад выполнить такой приказ. У меня сообщение для Йорка.

Глава 5

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

Несколько часов спустя Кану разбудил толчок в плечо. Над ним возвышался Миллз.

— Быстрее! — резко сказал он. — Мы выступаем.

Они действительно выступили, и с необычайной поспешностью. Кана едва успел бросить свой мешок на телегу. На ходу он еще протирал глаза, прогоняя сон. Приказ гласил: «Марш по вражеской территории». С обеих сторон двигались разведчики. И гуенами, везущими багаж, правили не туземцы, а терранцы. По существу, во всей извивающейся колонне не было видно ни одного аборигена. И двигалась колонна не к Тарку, а под прямым углом к их прежнему пути. На север вдоль гор.

Новая дорога через милю превратилась в едва заметную тропу. Из разговора окружающих Кана понял, что никто из солдат низших рангов не знает, куда они направляются и зачем. И снова до него доносились толки о неожиданных и загадочных происшествиях с другими ордами и легионами. Если так будет продолжаться и дальше, моральное состояние наемников, несмотря на их обычный фатализм, может быть сильно подорвано.

Возможно, их новый поход был результатом неожиданного появления меха ранним утром. Но уверенность, которую чувствовали терранцы после смерти Скоры, быстро сменилась растущим беспокойством.

Тропа стала такой узкой, что приходилось бросать повозки. Появились два разведчика и с ними туземец, ллор младшего офицерского ранга, с окровавленной повязкой на голове и с рукой на перевязи. По колонне пошли слухи.

— Впереди большая река... а моста нет...

Прежде чем эти слухи достигли хвоста колонны, послышался сигнал общего сбора. Из передатчиков раздался резкий торопливый голос Йорка.

— Солдаты! Ситуация угрожающая! Нам сообщили, что на службе С'Торка находятся предатели-мехи. Сколько, мы пока не знаем. Разрешение на свободный проход нам не дали, а без него мы не можем двигаться к Тарку. Нужно выждать. Мы должны послать сообщение на Секундус...

— У кого же из вас вырастет ракетный хвост? Кто полетит в космос? — услышал Кана чей-то угрожающий голос.

— У нас имеется информация, — продолжал Йорк, — что к северу находится еще один проход в горах. Мы можем пройти через него, если не придем к соглашению. Сейчас мы пытаемся договориться. Тем временем нельзя возбуждать вражду роялистов, давать им повод заявить, что мы продолжаем сражаться и после смерти Скоры. Ни при каких провокациях ни один солдат не должен применять оружие против ллора, пока не получит приказа. До дальнейших указаний продолжается положение: на вражеской территории, план три. Груз снять с телег и навьючить на гуенов. С этого пункта мы можем использовать три легкие повозки. На ночь лагерь будет разбит у реки...

Использовать сопротивляющихся гуенов в качестве выючных животных было нелегко. И лишь в сумерках отряд, в котором шел Кана, таща и подгоняя огрызающихся животных, увидел освещенный лагерь, разбитый авангардом на берегу реки. Лагерь терранцев расположился на крутом берегу над темной маслянистой водой. Берег почти вертикально опускался в мощное течение. Можно было не опасаться нападения отсюда.

Кана пошел вдоль берега, глядя на поток. По белым воротничкам пены вокруг торчавших из воды скал он понял, что переправа будет нелегка. Провожая взглядом пузыри, плывущие вниз по течению, он увидел в черноте ночи какие-то огоньки на берегу дальше к востоку. Еще один лагерь? Значит, параллельно орде шли отряды ллоров.

К счастью, орда несла с собой запас продовольствия. Туземцы, зависящие от природных продуктов своей земли, не могут сравниться в подвижности с армией, для которой проблема

продовольствия решается небольшим количеством пищевых таблеток и других концентратов, недельный запас которых солдат легко носил в своем вещмешке. Древняя тактика выжженной земли не оправдалась бы против терранцев — разве что их удалось бы отрезать от баз на несколько месяцев.

— Тупоголовые придурки! — услышал Кана голос Сима, опускаясь на землю рядом с Миллзом и Миком. — Неужели они думают, что могут...

— Это не волосатые морды, — отвечал Богат. — Не волосатая морда убила Скуру. Я там был. Говорю вам, парни, его пронзило насквозь — точно и аккуратно! Я уже десять лет мечник и знаю — не стоит плевать в лицо бластеру!

— Бластер? — переспросил кто-то. — Но если у них есть бластеры, они могли бы перебить нас на месте. А ведь мы побеждали, пока Скура был жив.

— Послушай, — голос Богата прозвучал громче. — Я видел то, что видел! Простой ночью к нам в лагерь приходил мех. И он не просто наблюдатель. А что, если у С'Торка целый легион изменников?

— Ерунда! — отозвался один из его собеседников. — Целый спятивший легион — да они не могли бы сесть в корабль без того, чтобы об этом не узнал Прайм!

Послышался сардонический хохот Богата:

— Существует миллион уловок, чтобы обмануть шишек на базе — вы сами это знаете. Раньше такого никогда не было, но это не значит, что какой-нибудь хитрый парень не может проделать это. Мастер-мех вполне может захотеть отхватить этот мир для себя. Верно я говорю, Миллз?

Миллз отмахнулся от насекомого, привлеченного светом лампы.

— Совершенно верно, Богат! И ты прав и в том, что нас ожидает сейчас. И если это так... — он помолчал, а потом продолжил: — Если это так, мы должны быть готовы с боем уходить с планеты.

Раздалось несколько протестующих голосов, но их перекрыл бас Богата:

— У вас в головах, видно, не хватает мозгов. Поймите: если парень нарушил закон, он сделает все, чтобы никто не болтал об этом. Мы возвращаемся на Секундус, начинаем рассказы-

вать о мехах и бластерах, и тут же патрульный корабль отправляется напрямик на Фронн посмотреть, что же тут происходит. Думайте сами. У кого могут быть бластеры, какую поддержку имеют эти изменники мехи?

Напряженная тишина свидетельствовала о том, что люди кое о чем начали размышлять, и результат им не понравился. Так как Хансу использовал Миллза как своего помощника, Кана все еще не очень хорошо знал своего напарника. Он держался Мика с Реем и встречался с Миллзом только, когда их сводили обязанности. Но сейчас он решился задать вопрос своему напарнику.

— А можно что-нибудь выяснить на Прайме?

Миллз не повернул головы. Секундой позже он спросил:

— Объясни свой вопрос.

Кана описал свою встречу с мехом в информационной библиотеке, подчеркнув, что, как ему кажется, мех ждал информационной катушки с Фронна.

— У него на шлеме не было значка легиона?

— Нет, сэр. Я думал, что он только что подписал назначение. Но почему... — Он замолчал, пораженный одной мыслью.

Как может мех наняться для незаконной службы на Прайме? С'Торка, должно быть, поддерживает не только горстка изменников.

— Да — почему и как, — шепот Миллза сделал опасения Кана более четкими. — Вот что значит идти в бой слепо. — Миллз встал, и Кана пошел за ним.

Вскоре Кана понял, что они обходят местность вокруг лагеря. Когда привыкли глаза, Кана разглядел, что, вопреки обычаем, ллоры жгли факелы. Но они не делали попыток приблизиться к терранцам.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы удовлетворить Миллза. Он пошел на юг, время от времени останавливаясь и вслушиваясь в темноту. Вскоре они увидели огни точно на дороге. Ллоры отрезали им путь к отступлению.

К западу начиналась горная стена. И ни одного пятнышка света не виднелось на ее высотах. Значит, лагерь терранцев еще не окружен — или ллоры считают, что зажали войско терранцев между горами, рекой и двумя своими лагерями.

Миллз достиг последнего поста, но не повернул к лагерю.

— Хансу говорит, — внезапно начал он, — что у тебя подготовка к контактам с другими культурами. Что ты думаешь о ллорах и о всей ситуации? Они должны знать, что не зажали нас. Если мы захотим применить силу, мы пробьемся. Что-то у них есть в резерве, должно быть?

— Ничего нельзя заранее сказать о туземных феодальных цивилизациях. Скоря склонен был переоценивать свою силу. Наши силы появились на Фронне впервые. — Кана пожал плечами. — Знаете, иногда этот наш инопланетный контакт — контакт с туземцами — основан на сплошных догадках. Невозможно проникнуть в череп существа, у которого мысли развиваются совсем по иным законам. Мне кажется, что ллоры действительно то, чем кажутся, — просто варвары, либо...

— Либо, — подхватил Миллз, — что-то настолько сложное, что мы никогда не сможем понять их. Или же они пользуются советами и помощью...

— От легиона мехов?

— Не понимаю, как это могло произойти! Чего стоит одна только проблема их доставки на Фронн! Ни один корабль во всей Галактике не может уйти без запечатанной ленты с указанием цели и маршрута. И все же мех на Прайме собирал сведения об этой планете, там, где малейший слух погубит операцию с самого начала. Но какая им выгода в этом?

— А какими правами на разработку заплатил Скоря за орду Йорка, сэр?

Миллз удивленно взглянул на Кана, будто обычный гуен обратился к нему на чистом космоязыке.

— Устами младенца... Права на разработку полезных ископаемых, на торговлю и, может быть, хороший шанс с помощью терранцев захватить все окрестности!.. Боже космический! Это, возможно, ответ на многие вопросы. Мехов можно было погрузить на торговые корабли, доставить бластеры, вообще всё! — он задумчиво посмотрел на Кана. — Никогда не говори об этом, понятно? И так ходит достаточно слухов, нечего добавлять еще один, да к тому же настолько логичный, что в него можно верить.

— Значит, вы думаете, сэр, что против нас не просто изменники?

— Поведение чужаков — откуда нам знать, как работает их мозг? ГУ не понимает и не хочет понимать этого. Они там даже не хотят задуматься над нашей судьбой. Мы же для них комические слегка ребячливые наемники с сознанием, которое не соответствует установленным ими образцам. Они нас поместили в соответствующее место и постарались тут же о нас забыть. Мы уместились в уготованной для нас нише, и они перестали о нас думать. Они видят нас не такими, каковы мы на самом деле, а какими им хочется нас видеть, а это совершенно разные вещи. Знаешь... — Миллз помолчал, вдумываясь в пришедшую ему в голову мысль, — а ведь ситуация позволяет нам маскироваться. Мы знаем такое, что удивило бы галактических агентов. Эти парни-торговцы — не терранцы, конечно, терранцы не торгуют — выпадают из аккуратной схемы, а ведь мы тоже принимаем в этом участие. Но о нашей роли никто и не думает. Мы лишь фигуры, которые можно передвигать по доске. Но что произойдет, если мы начнем ходить сами по себе? Можно попробовать...

Кана застыл. Неужели Миллз располагает какой-то реальной информацией? Неужели у терранцев есть способ борьбы с унижительным покровительством ГУ, который, если захочет, может навсегда привязать их к Терре? Странное шестое чувство, которое вырабатывалось у каждого специалиста по контактам, ожило внезапно. Кана хотел задать вопрос, десять, двадцать вопросов. Но времени на это не было. В лагере меж палаток двигались мечники, седлая гуенов на том самом месте, где располагался штаб Йорка.

— Мы выступаем? — Кана спешил вслед за Миллзом.

Перед палаткой Йорка стояли три мастера-мечника и несколько других офицеров. Они горячо спорили. Наконец, Йорк нетерпеливым движением отвернулся от Хансу и натянул поводья своего гуена:

— До моего возвращения старшим остаетесь вы.

Невдалеке ждали три ллора, судя по одежде, дворяне высоких рангов. Свет лампы бросал на их мохнатые лица злобующие тени. Еще два мастера-мечника сели верхом, но ллорский вождь не торопился. Он указал на Хансу и задал какой-то вопрос. Йорк ответил. Ллор по-прежнему не двигался. Взгляд Йорка устремился к Миллзу. Он поманил его к себе.

Хансу кивнул и, отцепив свой значок мастера-мечника, протянул его Дику.

— Ты мой представитель. Ллор требует, чтобы присутствовали все старшие офицеры. А тебя он видел на совете раньше, так что ты вполне сойдешь за офицера. — Но, вероятно, лишь Кана заметил, как рука, передававшая Миллзу значок, крепко сжала его пальцы. — Будь осторожен.

Миллз взобрался на гуена, и маленькая кавалькада двинулась в путь. Ее продвижение по местности было обозначено голубыми огнями фроннианских факелов. Всадники приближались к лагерю роялистов ниже по реке.

После отъезда Йорка Хансу не тратил времени. Приказы негромко передавались от одного к другому, и вскоре все солдаты пришли в движение. Палатки остались стоять, но остальное снаряжение рассортировали, оставив каждому солдату лишь одну смену белья, одеяло и одежду на случай холода. Раздали продовольствие и аптечки, затем по очереди отряды стали располагаться на недолгий сон. Когда Кана проснулся рано утром, лагерь как будто был разграблен, всюду валялись солдатские мешки, их менее ценное содержимое было беспорядочно разбросано. По-видимому, Хансу ожидал осложнений.

При свете солнца терранцы смогли разглядеть палатки роялистов на речном берегу к востоку, а также штандарты отрядов, следовавших за ними по предгорьям. Лампы выключили, но снимать не стали. И если орде придется уходить налегке, их тоже придется оставить.

Хансу расставил вдоль реки людей. Заняв восточный пост, Кана заметил, что эти люди бросали в реку кусочки дерева, изучая течение. После часа исследований они отправились с докладом. Но Кана знал, что пытаться преодолеть здесь реку, особенно если это делать под огнем, равно самоубийству.

До этого не должно дойти. Ллоры просили о переговорах. Йорк вернется, и орда направится в Тарк. Если ллоры соблюдают правила войны, так оно и будет. Если...

По горным дорогам разъезжали ллоры. У всех были значки роялистов, но не один Кана подозревал, что большинство из них три дня назад участвовали в конфликте на противоположной стороне. Они были вооружены, но оружие находилось в чехлах и ножнах. Медленно проезжая мимо лагеря, они что-то

выкрикивали. Ни один солдат не находил в их выкриках дружелюбия.

— Этот волосатый в голубом шарфе... — Мик присел рядом с Кана на передовом посту. — Я мог бы заставить его уважать терранцев...

Ллор с голубым шарфом жестикулировал, и жесты его были бы приняты за оскорбление на любой планете. Его сопровождала компания друзей. Своими одобрительными выкриками они побуждали его изощряться еще больше. Мик со вздохом рассматривал этого шутника, сожалея, что не может выстрелить.

— Разве сейчас твое время? — спросил Кана.

— Приказ Хансу удвоить посты. Пахнет отвратительно, и не только от волосатых. Йорк ушел уже десять часов назад. Для переговоров столько времени не требуется. Ты принес с собой свой багаж?

— Конечно, — Кана пнул сверток у ноги. — Но Хансу не станет выступать, пока не получит приказ Йорка.

— Я так не думаю. Погоди! Что это?

Солнце Фронна, бледное и слабое в сравнении с Солнцем, согревающим Терру, но все же оно дает достаточно света. За кривляющимися ллорами, с края небольшого леса на берегу реки, его бледные лучи отразились от какой-то яркой поверхности. Вспышки долетали до терранцев через правильные интервалы: SOS, SOS...

Три буквы их языка! Крик о помощи, настолько древний, что его происхождение терялось в тумане терранского прошлого, сигнал, который мог послать только терранец. Кана положил ружье.

— Займи мое место! — И он пополз, прежде чем Мик смог остановить его. Долгие часы дежурства на этом посту не прошли напрасно. Существовала возможность, правда нелегкая, подобраться к рощице незаметно для разъезжавших ллоров.

Кана свесился с крутого берега, нащупывая опору носками сапог. С трудом он смог сползти. У основания утеса рядом с бегущей водой лежала узкая, шириной в фут, полоска песка и гравия. Прижимаясь спиной к стене утеса, закрытой от наблюдения сверху, — разве что кому-нибудь придет в голову наклониться, — Кана продвигался вдоль потока.

Раз или два его ноги погружались в кипящую воду, и он цеплялся пальцами в поисках опоры. Хуже всего была потеря чувства расстояния. Каждые несколько футов он останавливался и смотрел вверх, ожидая увидеть ветви деревьев.

Ему показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем нависшая над берегом зеленая листва позволила повернуться ему лицом к утесу. В пределах досягаемости находились корни, и Кана начал подъем. Глиняная пыль покрывала лицо. Держась одной рукой, другой он протирал глаза. Ногти у него были сорваны, мундир покрылся пылью и грязью, но он, наконец, добрался до колючего кустарника.

— Терра? — негромко произнес он. Услышав ответ, он быстро пополз вперед. Такой стон могло вызвать только настоящее страдание.

Продвижение вперед привело его на западный край рощи. Под упавшим деревом, закрытый от ллорских всадников лишь тонким покровом листвы, лежал человек.

Увидев страшные ожоги, покрывавшие тело человека, Кана едва решился дотронуться до него. Раны от бластера! Кана знал, что прикосновение принесет раненому мучительную боль. Почерневшее, обгоревшее тело дрогнуло, раздался стон. Сжав губы, Кана притронулся второй раз, преодолевая слабое сопротивление раненого. Наконец, ему удалось повернуть его лицом к свету. Бластер не затронул лицо, и, хотя оно было искажено, Кана узнал раненого.

— Дик! Что... что они сделали?

Глава 6

ЕСЛИ СЛОВО НАРУШЕНО...

Темные глаза, затуманенные болью, остановились на Кане, словно Дик Миллз, притягиваемый всеподчиняющим чувством долга, возвращался из бесконечного удаления.

— Все мертвы... Харт Дейвис... скажи Хансу... Харт Дейвис... Кана кивнул:

— Я должен сказать Хансу, что виноват Харт Дейвис?

Темные глаза согласно прикрылись ресницами: да, так...

— Не... не один... Галактический агент, скрытый... сжег нас, — остатки былой силы вернулись в голос Дика. — Пытался... пытался добиться... чтобы Йорк присоединился к изменникам. Когда Йорк отказался, сжег нас сзади. Все мертвы... меня тоже сочли мертвым. Агент подошел... посмотрел. Я видел его ясно... агент... скажи Хансу: за Дейвисом стоит ГУ. Полз... полз... часы и часы полз, у них только бластеры... тяжелого оружия нет. Скажи Хансу... бластеры...

— С ними галактический агент, и у них оружие ГУ, — повторил Кана с холодным ожесточением.

Несколько мгновений Миллз лежал неподвижно, собираясь с силами.

— Скажи Хансу... за всем этим ГУ... нас уничтожат, если смогут... Не должны застигнуть вас здесь. Назад к кораблям... доложить командованию... доложить... — Одна из обгоревших рук вцепилась в рукав Кана. Тот торопливо пообещал:

— Я ему скажу, Дик.

— Сзади... ни одного шанса... Харт Дейвис... — шепот Миллза затих. Затем он произнес ясно и отчетливо: — Милосердия, друг!

Кана с трудом глотнул, во рту у него сразу пересохло. На мгновение он снова оказался в церкви на Терре, за полгалактики от Фронна. Его обучили ритуалу, он знал, что должен сделать. Но, вопреки всем инструкциям, он не верил, что ему придется когда-нибудь оказывать Последнее Милосердие.

Полные боли глаза Дика настойчиво смотрели на него. Выполнив свой долг, Миллз ждал, когда его отпустят из мира боли. Кана знал, что означают эти раны. Даже медики на Секундусе ничего бы не смогли сделать для него. Да и переправить его туда невозможно. Медленно, стараясь не причинять Дику лишней боли, он опустил его на землю и достал свой нож, который все солдаты носят на груди. Это был нож Милосердия, с ним не расстаются ни наяву, ни во сне, его носят с собой всю жизнь и применяют только для одной цели.

Кана прижал крестообразную рукоятку к губам Миллза и произнес соответствующие слова. Собственный голос казался ему незнакомым. Искаженные болью губы Миллза пытались вторить ему.

— ...и вот я посылаю тебя домой, брат по оружию, — закончил Кана и не мог тянуть дальше. Нож опустился точно в то место, куда указывала инструкция. Кана был один. Он сунул окровавленное оружие в ножны. Очистить его можно было только в терранской почве. Оставалось еще одно: тело Дика Миллза нельзя оставлять ллорам, а нести его с собой в лагерь у Кана не было сил. Кана снял с пояса патрон. Осторожно сорвал с него крышку и положил патрон на тело. Потом бросился к утесу. Он еще не успел спуститься, как раздался взрыв, и когда земля улеглась, найти Дика Миллза было невозможно.

Обратный путь Кана проделал как можно быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме сообщения Дика Миллза. После смерти Йорка и остальных мастеров-мечников ордой командовал Триг Хансу.

В районе его поста с утеса свешивалась веревка. С ее помощью Кана поднялся в лагерь. Наверху его ждал не только Мик, но и сам Хансу. Ниже по реке поднимался столб черного дыма, и на опушке леса собирались ллоры. Кана сжато доложил.

— Йорк и остальные предательски сожжены после того, как отказались присоединиться к ним. Агент ГУ тайно следил за ходом переговоров. Меха́ми командует Харт Дейвис. Дик был смертельно ранен, но уполз... до леса. Он сказал, что видел бластеры ГУ, но тяжелого оружия нет... Он считает, что они постараются уничтожить нас.

Выражение лица Хансу не изменилось при упоминании о командире изменников-мехов и об агенте. Не успел Кана закончить, как Хансу уже отдавал приказы стоявшим поблизости ветеранам.

— Дольф, примешь командование первым отрядом; Хорват — вторым. Приготовиться к маршу. И пришлите сюда Богата.

Хансу задал Кане лишь один вопрос тихим голосом:

— Миллз?

У Кана не нашлось слов для ответа. Он обнажил окровавленный нож Милосердия. А позади слышалось тяжелое дыхание Мика. Но Хансу ничего не сказал. И ничего больше не спрашивал.

Мик помог Кану надеть ружье, взял его мешок и отвел товарища в лагерь. Имущество, оставленное прошлой ночью, теперь под руководством Богата складывалось в баррикаду от од-

ной линии ламп до другой. Все солдаты, кроме тех, что были заняты на постройке этой стены, выстраивались в линию лицом к горам.

— Готово, сэр! — доложил Богат Хансу.

Пятеро терранцев через равные промежутки выстроились у брошенных вещей, каждый держал в руках взрывной патрон. Хансу спросил:

— Готовы с этими животными?

Взвод, гнавший выючных животных в дальний угол лагеря, доложил о готовности.

— Солдаты! — Хансу повернулся лицом к отрядам. — Все вы знаете, что случилось. И если слово нарушено, конец и связывающему нас контракту. Йорк и остальные убиты, сожжены из бластера. Миллз прожил лишь столько, чтобы предупредить нас. Вы знаете, что не превосходящая сила оружия и не численность выигрывает войны. Та сторона, у которой есть воля к победе, имеет преимущество. Нам придется пересечь враждебную планету. Любой туземец может оказаться враждебен нам. Но если мы не сумеем достичь Тарка, шансы очень невелики. Помните это: ставка — наши жизни. Но солдат, думающий только о сохранении жизни, обычно погибает в первой же схватке. Смерть — наш общий удел, ни один человек не избежит его. Но если мы погибнем в традициях орд — это будет прекрасный конец для всех нас. Они считают, что поймали нас, что мы не можем вырваться из клетки гор, реки и войск. Но мы покажем им, как опасно недооценивать мечников. Огонь прикроет наш отход. Мы двинемся на запад, в горы. До смерти Скоры туземцы говорили нам, что гор следует опасаться, что местные жители здесь никогда не подчинялись гатанусам и очень опасны. В таком случае мы можем найти союзников. По крайней мере, мы уходим в правильном направлении. Каждый, кто хочет выжить, должен стремиться к победе. Выигравший — убивает, проигравший бывает убит.

Орда встретила последнее утверждение одобрительным гулом, и Хансу дал сигнал солдатам у баррикады. Испуганные гуены понеслись к ллорам, неторопливо прогуливающимся по окраинам лагеря. Фроннианские воины были вынуждены разбежаться перед взбешенными животными, стараясь в то же время направлять их в сторону от своего лагеря. Но гуены с их дья-

вольским характером, где только могли, нападали на животных со всадниками.

Орда в порядке «продвижения по враждебной территории» двинулась в путь. Столбы огня взметнулись вдоль стены оставленных припасов, и дым скрыл отступление терранцев. Огонь некоторое время будет держать ллоров на расстоянии.

Маршрут терранцев пролегал вдоль реки, где было много укрытий. Спустя полмили река ушла глубже, выступы черных скал стали попадаться чаще. Кана по очереди с другими тащил небольшую телегу, на которой лежали самые необходимые припасы. У них было две такие тележки, и от их содержимого, возможно, зависела жизнь всех солдат в недалеком будущем. Уже наступили сумерки, когда Кана со вздохом облегчения отошел от телеги и, растирая уставшие руки, занял свое место в линии. До сих пор Хансу не отдавал приказа на разбивку лагеря. Они поели на ходу и запили водой из фляжек. Никаких признаков преследования не было. Но, по-видимому, Хансу считал, что чем больше миль их отделит от прежнего лагеря, тем лучше. Их вторично остановила река. Ее глубокое ущелье пересекало тропу. Теперь нужно было пересечь реку, либо повернуть назад. В последнем свете дня они разбили лагерь. Хансу вызвал к себе Кана.

— Вы спускались к самой воде, сильно ли течение?

— Очень, сэр. И я думаю, река очень глубокая. А здесь она даже глубже.

— Гм... — Хансу опустился на колени и свесился над обрывом. Достав карманный фонарик, он начал спускать его вниз на веревке. В кружке света показалась поверхность утеса.

Река пробилась это ущелье. Должно быть, раньше она была шире и мощнее: утес представлял собой несколько уступов — гигантскую лестницу, обозначающую ступенями опускание уровня реки. Не очень широкие и далеко стоящие друг от друга, это были все же уступы, и они давали возможность добраться до поверхности воды. Из нее торчали зловещие острые камни, вокруг которых клубилась пена. Оползни оставили свои следы — слишком тяжелые камни, которые не могла унести река. Пытаться плыть здесь значило разбиться насмерть. И свет был слишком слаб, чтобы показать, что ждет на противоположном берегу. Хансу, сворачивая веревку, поднял фонарик.

— Придется ждать рассвета. Галактический агент — вы уверены, что Миллз так сказал?

Кана смог лишь повторить то, что говорил раньше, а потом добавил:

— Ллоры уверены, сэр, чуть-чуть слишком уверены. Они, должно быть, чувствуют мощную поддержку.

Хансу издал звук, в котором было мало общего со смехом.

— О да, у нас есть репутация. Значит, у них есть советчики, для которых наша репутация звучит забавно. Ллоры — воинственный народ, и, когда преимущество на их стороне, они поступают как угодно. Скоря перебил своих врагов даже под знаком перемирия. Может, таков фроннианский обычай. Однако... — и губы Хансу разошлись, обнажая львиный оскал, — им не стоит строить слишком радужные планы на будущее, даже действуя по советам ГУ. Что вы знаете о косах? — мгновение спустя спросил он, оторвав Кана от мрачных мыслей.

— Это местные жители гор. В катушке о них было очень мало. У меня создалось впечатление, что они не той расы, что ллоры, и что они смертельные враги жителей равнин.

— Они пигмеи. По крайней мере, ллоры считают их пигмеями. И, действительно, смертельные враги по отношению ко всем, кто вторгается на их территорию. Используют отравленные стрелы и ловушки. Но я не знаю, вступаем ли мы сейчас на их территорию. Во всяком случае, у нас нет выбора, нужно идти вперед. Нам предстоит работа, Карр.

— Есть, сэр.

— Отныне вы назначаетесь офицером по контактам. Подумайте, что нужно собрать в «тюк первого контакта», и соберите его сейчас же. Утром все должно быть готово к использованию. Богат!

Темным пятном на ночном фоне появился ветеран.

— Завтра пойдете в разведку. В вашем отряде пойдет Карр — специалист по контактам.

— Да, сэр. — Ни малейшего намека, что Запан Богат когда-нибудь раньше видел Карра. — Сколько человек?

— Не больше десяти. Широкая разведка на вражеской территории. Разведайте все пути. Потом будете проводниками.

— Есть, сэр.

Лагерь освещался лишь вспышками карманных фонариков, но и этого слабого света Кану хватало, чтобы добраться до своего места рядом с Миком и Реем. Он свернулся в клубок, завернувшись в единственное одеяло, и постарался думать свободно и связно. Как специалист по контактам и участник передового разведотряда, он должен иметь с собой торговый набор: торговля, обычно, наиболее легкий способ достижения контакта с неизвестным племенем. Но он так мало знает о косах-пигмеях, постоянных врагах ллоров, использующих отравленные стрелы и ловушки, чтобы сохранить неприкосновенной свою территорию в горах. Наиболее обычные предложения — пища, украшения... Следовало подумать об этом раньше, до уничтожения лишнего багажа. Впрочем, солдаты по его требованию снимут с себя последнее, если они повинуются приказам.

Пища — почти для всех чужаков характерно врожденное любопытство к иноземной пище, особенно если они живут в суровой стране, постоянно на грани голодной смерти. Из всей терранской пищи была одна, которую солдаты всегда берут с собой, еда, производимая только на их планете, но излюбленная всеми чуждыми цивилизациями. Торговцы много лет пытаются экспортировать его. Но терранцы заправляют военным снабжением, контролируют его производство и хранят только для войск и немногих избранных союзников. Они слишком ценят его. Он не мог быть уничтожен с багажом. Должно быть, он находится в одной из телег, которые он помогал тащить. Надо спросить об этом у медиков.

Украшения — ветераны сняли их с мундиров. Теперь они размещены у каждого в специальном поясе. Нужно будет взять самые яркие. Ну, не будем терять времени. Ни у Мика, ни у Рея нет ничего достойного внимания. Но к его услугам весь лагерь.

Кана устало откинул одеяло и отправился выполнять задание. Первой его жертвой был Кроуфор, врач орды. Услышав просьбу, он достал с ближайшей телеги небольшой ящичек. Кана получил пакет размером с ладонь. Содержимое этого пакета равнялось полугодовому офицерскому жалованью на полудюжине планет. Услышав вторую просьбу, Кроуфор расстегнул один из карманов пояса и достал сирианский «солнечный камень», в руке доктора засветилось мягкое пламя.

— Можете взять это. Собственная шея стоит дороже. Просите, не задумываясь: мы все знаем, чем рискуем. Тол, Канкон, Пейноу! — он созвал своих помощников и объяснил суть дела.

Когда Кана уходил от них, он нес пакет с сахаром, солнечный камень, золотую цепь около фута длиной, кольцо в форме закатанной водяной змеи и небольшой кристалл, в котором был заключен фантастический по внешности потоманский омар. Полчаса спустя Кана вернулся на свое место. Карманы его мундира раздувались от сверкающих драгоценностей, пальцы были унизаны кольцами, а руки — браслетами. При свете лампы он рассортировывал добычу. Вот это, это и это, очень яркое внешне, нужно использовать в качестве приманки. А вот это сохранить в качестве даров для вождей или военачальников. Он подготовил три свертка в соответствии с их будущим использованием и отложил в сторону, а потом попытался уснуть. Лагерь окружала темнота ночи. Они находились будто в огромном ящике-ловушке, и крышка его вот-вот захлопнется.

Кана видел крошечные светлые точки — звезды, обогревающие незнакомые миры. Где-то среди них и солнце, вокруг которого вращается его родная планета. Зеленая Терра. Есть и другие зеленые планеты среди голубых, красных, белых, фиолетовых — но ни у одной нет такого оттенка зелени, какая покрывает зеленые холмы. Терра — родина человечества... Человек поздно вышел в космос и оказался в стороне от главных дел. Всем заправляло ГУ. Но существовало множество миров, на которых местная жизнь не достигла уровня разума. Что если бы человеку позволили поселиться там, колонизировать эти миры?! Что если справедливы древние легенды, и существовали полеты к звездам, из которых не возвращались? Где эти миры, на которых могли основать свои колонии терранцы? Где мог бы он найти своих отдаленных родичей, свободных от ярма ГУ, людей, собственными силами завоевавших звезды?

Думая об этом, он уснул. И снова он сидел в фроннианском лесу, сжимая в руке окровавленный нож...

— ...вставать!

Кана перевернулся. В сером рассвете над ним возвышался Богат. Первые лучи отражались в его шлеме.

Кана торопливо свернул спальный мешок. Потом пристроил свертки так, чтобы их было легко достать.

- Выступаем немедленно?
- Скоро. Захвати свой рацион.

Хансу и группа солдат, вооруженных веревками, собрались у края каньона. Три человека спускались по уступам к серебряному берегу далеко внизу. Они, перевязавшись веревками, по очереди вступали в воду и, где вброд, где вплавь, добрались до булыжников и стали воздвигать между ними частокол из туземных копий и обломков дерева. Если человека собьет с ног, то этот частокол удержит, не позволит течению унести его вниз. Было ясно, что Хансу собирается переправляться через реку.

Когда Кана и разведчики Богата начали спуск, передовые уже прошли половину реки. Ружья, свертки и другие запасы были завернуты в водонепроницаемую ткань. Все это спустили на наспех сколоченной платформе. Кана висел на веревке между двумя уступами, когда резкий крик ударил по его ушам и нервам. Он не повернул головы — не посмел. Мгновение спустя туго натянутая под тяжестью разведчика, спускавшегося с обрыва рядом с ним, свободно скользнула по скале. Воин исчез в пучине. Даже коснувшись подошвами следующего уступа, Кана не посмотрел вниз. Он прижался к стене, цепляясь за нее пальцами, истекая потом.

Еще три уступа, и он добрался до полоски щебня. Люди на берегу все еще смотрели вниз по течению, в их глазах застыл ужас. Но печалиться не было времени, а спасти некого. Богат последним спустился с обрыва и выкрикнул распоряжения.

— Разберите груз, вы, лотурианские едоки листьев! Мы переправляемся через реку и поднимемся на противоположный берег. И побыстрей!

И они сделали это, потеряв еще одного человека. Его унесло течением и ударило о скалы, а потом по какому-то капризу потока снова вынесло обезображенное, изуродованное тело. Но, перевязавшись веревками, иногда сбиваясь с ног, с трудом перемещаясь от одного камня к другому, они все же перебрались. На берегу остался один солдат, его сломанная рука висела плетью. Он должен был следить за состоянием веревки.

Вверх по утесу они поднимались с одного уступа на другой, дрожа от усилий, их пальцы скользили от пота, сердца и легкие работали, словно в лихорадке. Соль жгла глаза и порезы

на руках, но они продолжали взбираться наверх. Кана концентрировал внимание на участке земли непосредственно перед глазами, потом на более высоком, на следующем и так далее. Так продолжалось часами — и будет продолжаться бесконечно.

Но вот он вытянул руку в поисках очередной опоры, кто-то схватил его за запястье и потащил: его рывком подняли, и, скользя лицом по скале, он лежал, тяжело дыша, усталый до мозга костей, не в силах протянуть руку к фляжке, хотя в горле у него пересохло и он ощущал страшную жажду.

Он сел, когда подошел Богат. Вокруг его талии была обвязана веревка. Она послужит частью моста для всей орды.

Кана напился и был способен встать на ноги, когда подняли ружья и свертки. Богат дал сигнал, и они двинулись в темное будущее, в горы.

Глава 7

ЗЛЫЕ ЗЕМЛИ

Оставив реку, разведчики разошлись веером. Только Кана остался с Богатом. В этой операции он был на особом положении, его обязанности начнутся, когда будут найдены следы разумной жизни. К его удивлению, Богат, вместо того, чтобы полностью игнорировать его присутствие, подождал его и спросил:

— Кого мы ищем?

— Хансу считает, что мы можем найти косов — это раса пигмеев, предположительно, обитающих в горах. Они ненавидят ллоров и чрезвычайно опасны, используют отравленные стрелы и ловушки.

Богат ответил на эту скудную информацию ворчанием.

Поднялся ветер, его порывы дико выли в горах, неся с собой большие перекатывающиеся шары — круглые массы колючих растений — так они путешествуют, пока не найдут места с водой, где могли бы укорениться на сезон. Болезненного, бледного, желто-зеленого цвета, эти шары были вооружены шестидюймовыми шипами, и терранцы почтительно уступали им дорогу. Так начиналась фроннианская зима. И переходить в этот сезон горы означало встретиться с такими трудностями, от которых отшатнулся бы любой ллор.

Ветер пронесся сквозь ущелье и трещины, а над головами терранцев раздавался дикий воющий стон. Но разведчики большую часть пути были защищены от ветра. Почва представляла собой смесь гравия и глины. Стены ущелий приходилось освещать пылающей ветвью, чтобы разведчики могли держаться главной тропы. Они проходили мимо камней, выше человеческого роста, и Кана начал удивляться, откуда в этом ущелье такое количество оползней. Неожиданно он увидел перед собой ответ, и ответ был суров.

Блеснуло солнце, отразившись от предмета, полупогребенного в почве. Кана наклонился, очищая землю. Из-под камня торчал ллорский меч. Его рукоять все еще сжимала рука мертвеца!

— Раздавлен, как таракан! — заметил Богат. Глаза ветерана сузились, когда он взглянул сначала вперед, на ущелье, по которому им предстояло идти, а потом уже вверх на склоны. Он был слишком хорошо знаком со способами ведения войн на пяти десятках планет, чтобы не понять, что тут произошло.

— Скатили камни и поймали их. Работа косов?

— Возможно, — согласился Кана. — Но это было давно... — его прервал крик, от которого Богат прыгнул вперед.

Узкий каньон, по которому они шли, расширился, превратившись в арену — арену, где когда-то велась смертоносная игра. Все дно ее устлали кости. Среди них виднелось множество черепов ллоров, очень похожих на человеческие, и длинные клыкастые черепа гуенов. Ни один скелет не был цел. Кана поднял ребро. Кость оказалась очень легкой. Он был прав: эти глубокие впадины могли появиться лишь в результате действий коренных зубов. Сначала убийство, а затем пир! Он отбросил эту кость.

Держась в стороне от останков, терранцы двинулись вдоль стены ущелья. Среди обломков не было ни оружия, ни остатков ллорского обмундирования. Исчезла также упряжь гуенов. Мертвых раздели совершенно. И поскольку они лежали непогребенные, убийство оставалось неотомщенным.

— Как вы думаете, давно это было? — хриплый голос Богата звучал угнетенно.

— Может, десять лет назад, а может, сто — ответил Кана. — Нужно знать климат, чтобы быть уверенным...

— Их застали сбившимися в кучу, — заметил Богат. — Ларсен! — обратился он к ближайшему разведчику. — Поднимись вверх и используй бинокль. Отныне будешь прикрывать нас сверху. Остальным продвигаться медленнее. Сунг, свяжитесь с нашими и доложите. Пока не видим ничего живого. Но я не хочу, чтобы наших товарищей захватили так же!

Они медленно двинулись к концу долины смерти, опасаясь каждую секунду услышать грохот лавины. Но Кана, глядя на суровую местность, подумал, что косы вряд ли обычно обитают в ней. Сцена гибели могла быть следом какой-то войны, конечно, если ее причиной были косы. Его не оставляла мысль о следах зубов на кости. Некоторые примитивные племена поедали мертвецов, веря, что таким образом добродетели храброго врага переходят к его убийце. Но эти следы зубов вряд ли принадлежали гуманоидам.

На Фронне достаточно других пожирателей мяса. Тсор, огромное кошачье; хорк — птица или высокоразвитое насекомое (в информационной катушке не было уверенного утверждения), мелкие животные, которых приручили и использовали на охоте, точно так же, как древние лорды его собственной планеты использовали для забавы соколов. Были еще дитеры, о природе которых трудно было сказать что-то определенное: они были ночными животными и выкапывали ямы, чтобы поймать добычу. Но эти загадочные существа обитали в болотистых джунглях южного континента. Оставался билл!! Но Кана считал, что эти смертельно опасные нелетающие птицы водятся только на равнинах, где скорость бега позволяет им уверенно настигать добычу. Более опасные, чем тсор, который редко нападает сам, биллы достигали двенадцати футов в высоту, у них был злобный характер и чудовищный аппетит.

Эта горная страна была почти лишена растительности, но колючек было очень много. Разведчики делали часовой привал, ели таблетки из своего рациона, отпивали немного воды и шли дальше. Неровная местность вокруг могла быть лунным ландшафтом их собственной системы, лишенным всякой жизни. Когда сухое русло ручья, по которому они шли, разделилось надвое, Богат приказал остановиться. Оба новых каньона выглядели одинаковыми, хотя один поворачивал на юг, а другой — на север. Терранцы, вздрагивая от ударов резкого

ветра со снежных вершин, остановились в нерешительности. Богат посмотрел на часы и сравнил их показания с длиной тени за скалами.

— Четверть часа. Мы разделимся и вернемся назад к концу этого времени. Вы, — он указал на четырех разведчиков, — пойдете со мной, Ларсен, вы с остальными пойдете на юг.

Кана с биноклем на шее карабкался на стену северной развилки. Запан Богат ушел вперед и опередил своих товарищей. Человек, идущий перед Каной, поднимался с трудом. Он часто соскальзывал, и ему приходилось начинать сначала.

По чистой случайности Кана уловил движение за Сунгом. Тень от скалы странно дернулась. Кана поднял ружье и выкрикнул предупреждение. Сунг прижался к стене и тем спас себе жизнь. Смерть, подстерегавшая его, ударила в пустое место. Кана выстрелил, надеясь попасть в какое-нибудь жизненно важное место этого стремительного рыжего существа. Но оно двигалось невероятно быстро, его длинная чешуйчатая шея извивалась, как змея. Кана был уверен, что по меньшей мере дважды попал, но существо продолжало нестись к тому месту, где Сунг прижимался к скале. И оно больше не молчало. Дикий и гневный рев разрывал им перепонки. Вспышка белого пламени окружила билла. Когда оно утихло, гигантская птица лежала на земле, безголовая, ее длинные ноги все еще угрожающе дергались.

— Богат! — закричал Кана. — Эти существа обычно охотятся стаями.

— Да? Гарн, сигнальте отход, — приказал Богат одному из оцепеневших солдат. — Надо отозвать Ларсена. Двинемся вместе. Если здесь нас поджидают еще такие звери, мы будем готовы. И следует с наступлением темноты держаться поближе друг к другу.

Сунг осторожно обогнул тело билла, присоединяясь к остальным. Богат отдал приказ Кане:

— Следите за этим ответвлением.

Отныне они проверяли каждую тень, каждую щель в стене ущелья. Встретив на развилке группу Ларсена, Богат приказал строить бруствер из камней.

— Они охотятся по ночам? — спросил Богат.

— Не знаю. В сущности, они не должны находиться здесь, в горах. Это хищники, и обычная их территория — центральные равнины.

— Значит, если они оказались здесь, у них есть, на кого охотиться?

Кана лишь кивнул в знак согласия. Хотя местность казалась пустынной, в ней скрывалась жизнь. И эта жизнь вполне могла привлечь внимание билла.

Поскольку огонь был под запретом — они не смели показывать свет — разведчики сгрудились у стены своего временного укрепления. Горы заслонили свет садящегося солнца, и Кана обнаружил, что прислушивается к полутьме, но к чему, он не смог бы объяснить. Снова с воем поднялся ветер. Но за долгие часы блужданий терранцы так привыкли к нему, что уже не обращали на него внимания. В один из немногих перерывов, когда горы замерли, Кана снова прислушался. Слышал ли он? Но за стеной ничего не двигалось. Они спали урывками, по двое карауля лагерь. Кана дремал, когда его ткнули в бок локтем и Сунг прошептал на ухо:

— Смотри!

Далеко вверху мигнул свет. Это не звезда. А слева еще одна вспышка. Кана схватил бинокль. Это огонь костров. Сигнал! Он насчитал их пять. А сигнальные огни в этих высотах означали лишь, что кто-то следит за передвижениями терранцев. Не роялисты — это не голубое пламя ллорских факелов. Вот один огонь мигнул и исчез, снова загорелся и погас — определенная последовательность. Ошибки не может быть — это сигнал. Приведет ли этот обмен информацией к такой же односторонней битве, следы которой они видели в долине?

— Сигналы!

Богат проснулся и тоже смотрел. Кана скорее слышал, чем видел, как ветеран вскарабкался на стену. Высоко над стеной утесов, ограждавших ущелье, тоже мелькнул огонь. Но тут же исчез и больше не появлялся. Ответ на те сигналы? Богат прокашлялся.

— Возможно, это значит «приказ получен», — он пародировал официальную фразеологию. — Сунг, включи передатчик. Расскажи Хансу об этих сигналах. Ну, — добавил он спустя неко-

торое время, — на сегодня, должно быть, представление окончено.

Он был прав. Три из пяти огоньков впереди исчезли, а два медленно угасали. Кана вздрогнул от ледяного ветра. Что ожидает их дальше?

— Лагерь ответил, — доложил из темноты Сунг. — Они видели огонь немного впереди от себя, но лишь один. Я им рассказал и о билле. Они на том конце долины с костями.

— Хорошо, выключаю. Продолжим утром.

Утром Богат избрал для исследования южную развилку. Поскольку Тарк находился на юге, было логично двигаться в этом направлении. Повлияло ли на его решение появление билла в северной развилке, или то, что все огни размещались к северу, он не стал обсуждать это с подчиненными. Новая тропа оказалась шире, и спустя полмили Кана заметил, что они поднимаются. Прошел еще час, и им встретились первые следы горных жителей. К счастью, эпизод с биллом научил их осторожности, и теперь они были крайне внимательны к любым необыностям. Ларсен, шедший впереди, резко остановился на краю широкой и гладкой полосы песка. Когда подошел Богат, он указал на странное углубление в центре полосы. Кана, вспомнив предупреждение Хансу о косах, заговорил первым:

— Возможно, ловушка...

Богат перевел взгляд от Кана к углублению. Потом отошел, подобрал камень, и, пошатываясь от его тяжести, бросил на ровную поверхность.

Послышался шум. Песок и камень обрушились в открывшееся отверстие. Кана заглянул внутрь. Все у него внутри перевернулось, когда начало действовать воображение. Это была ловушка, коварная, смертоносная ловушка. И пленник, попавший в нее, умер бы от мучительной долгой смерти на искусно размещенных внизу кольях.

Терранцы осторожно пробрались по краям ямы. На другой стороне Сунг сообщил о ловушке в орду.

С этого места их продвижение еще больше замедлилось. Приходилось не только опасаться биллов. Теперь каждая ровная площадка становилась подозрительной. Они испытали еще три полосы по методу Богата, и последняя открылась уже в

темноту, оттуда поднимался такой отвратительный запах, что никто не захотел рассматривать содержимое ловушки.

— Не идем ли мы прямо к чьему-то парадному входу? — Сунг переместил передатчик с одного бедра на другое.

— Если так, то этот кто-то не очень любит посетителей, — внимание Кана разделилось между стенами ущелья и его дном: смерть могла неожиданно появиться отовсюду. А он ведь специалист по контактам, единственный, кто может надеяться вступить в переговоры. Однако ничто во всей его подготовке не готовило его к нынешней ситуации. Невозможно вступить в контакт с врагом, который отсутствует... Косы, если, конечно, это были косы, явно полагались на свои ловушки, которые убивали задолго до того, как неприятель мог приблизиться. Если бы он только мог добиться встречи, если бы он только сумел передать горцам мысль о том, что орда, идущая по этой местности, ревностно охраняемой, не враждебна им. Напротив, она враждует с исконными противниками косов — с ллорами. Он был уверен, что если косы и подглядывают за ними, то только с высоты. И когда разведчики расположились на очередной часовой отдых, Кана направился к Богату со своим планом. Ветеран с беспокойством оглядел верхушки утесов, колеблясь.

— Не знаю... если они шпионят за нами, то оттуда. Но они могут быть за многие мили, а мы не можем ждать, пока вы будете искать кого-то, кого, может быть, вовсе и нет. Посмотрим позже...

Кана был вынужден удовлетвориться этим обещанием. Но несколько минут спустя его план получил подкрепление. Они обогнули поворот и обнаружили перед собой стену. Видимо, когда-то исчезнувшая река образовала здесь водопад. Богат поманил Кана.

— Ну, здесь кто-то должен подниматься. Попробуйте и посмотрите, что вы найдете. Возьмите с собой Сунга.

Они сняли мешки, взяли ружья и начали подъем — не вверх, по сглаженному водой руслу водопада, а по относительно неровному утесу слева. Когда это назначение окончится, подумал Кана, распластавшись по поверхности скалы от одной неровности к другой, ему можно будет служить в специализированной горной орде.

Добравшись до вершины, они увидели западный срез. Здесь снова было дно ручья, но гораздо более узкое. Недалеко впереди природная мрачность скалы нарушалась пятнами желто-зеленой растительности, которая обещала воду.

— Там что-то... — Сунг медленно поворачивался, изучая местность.

Кана понял, что беспокоило его товарища. Он тоже чувствовал, что за ним наблюдают. Вместе они осмотрели каждый фут скалистой местности. Ничего не двигалось, лишь ветер нес пыль со склонов ущелий. И они были одни в мертвом мире... и все же за ними наблюдали! Кана знал это по мурашкам на коже спины, по холодному напряжению кончиков нервов. За ним наблюдали... со злобным нечеловеческим любопытством.

— Где это? — голос Сунга с трудом пробился сквозь вой ветра.

Кана наклонился и достал свой набор для обмена и торговли. Он выбрал плоский камень и разложил на нем предметы, которые, как он считал, способны привлечь внимание любого туземца. Потом потащил Сунга налево, выбрав там укрытие.

Время шло, и Кана начал думать, что нервы подвели его.

— Все дьяволы космоса! — со свистом выругался Сунг.

Что-то, наконец, шевельнулось. С кошачьей грацией поплыла тень меж двумя скалами и остановилась над камнем с образцами. Кана затаил дыхание. Тсор! Зеленоватая шерсть, так ценимая ллорами, безошибочно указывала на него. Круглый череп с большим мозгом, острые уши, хвост, способный схватить и удержать, шевельнулся, ухватил золотую цепь и поднес к большому желтым глазам. Тсор обнюхал остальные предметы, лапой перевернул их и уронил цепь. То, что нельзя съесть, его не интересовало.

Кана перехватил ствол ружья Сунга.

— Он не нападет, не стреляй!

Тсор застыл, тело его напряглось, и он повернул голову вверх по ручью. И исчез в мгновение ока. Они увидели, как зверь большими прыжками поднимается вверх.

Сквозь вой ветра до них донесся какой-то звук, смутный рев, который Кана не мог опознать. Он посмотрел вверх по ручью. Потом повернулся и потащил Сунга от дна долины, прервавшегося в смертельную ловушку. Они вместе подбежали

к краю утеса. Кана увидел обращенные к нему лица товарищей. Сунг выстрелил три раза — сигнал тревоги, — а Кана взмахами призвал всех бежать. Его поняли. Стоявшие внизу рассыпались и побежали, некоторые в одну сторону, остальные в другую.

Потом черная стена воды обрушилась водопадом и закрыла площадку внизу сплошным месивом брызг.

Вода дошла до сапога Кана, обрызгав его пеной. Плечом к плечу с Сунгом они цеплялись за скалы. Снова невидимые горцы использовали природу для защиты своей страны, высвободив воду, чтобы избавиться от вторжения. Сунг торопливо предупреждал орду, идущую навстречу гибели.

Глава 8

СМЕРТЬ В ВОДЕ, СМЕРТЬ В ОГНЕ

Из пены внизу показалась голова и плечи человека, пробивающегося в безопасное место. Он тянул кого-то за собой. Они глотнули воздуха и вцепились в булыжники, пережидая вал покрывающей их воды. Кану показалось, что он увидел на другом берегу каньона еще одну темную фигурку. Неужели выжили только трое?

Вместе с Сунгом они спустились со стены и помогли выбраться Богату и почти потерявшему сознание Ларсену. Дрожа, четверо расположились на выступе утеса в футах над потоком, который не проявлял никаких признаков отступления. Богат покачал головой, как бы разгоняя туман.

— Кто-то вытащил пробку, — между приступами кашля проговорил Ларсен.

— Кого-нибудь видели сверху? — спросил Богат.

— Только тсора. Он нас предупредил о наводнении. Если бы не это, нас бы захватило...

— Нас тоже, — Ларсен выжимал куртку. — Как остальные парни внизу по течению?

— Сообщили им, — ответил Сунг. — Но получили ли они предупреждение вовремя...

Слабый крик послышался над каньоном, и они увидели машущую руку. Богат осторожно встал.

— Э-ге-гей! — раздался его бычий рев.

В ответ они слышали три крика. Но пересечь бурное течение и объединиться не было возможности. И вот они начали обратный путь к развилке по двум сторонам каньона. Кана и Сунг сберегли ружья, но их мешки пропали. Холодный ветер леденил мокрую одежду на дрожащих солдатах. Когда зашло солнце, они забились в узкую щель между двумя скалами, куда не проникал ветер, и так провели ночь. Однажды с вершины раздался печальный низкий рев. Кана решил, что это охотничий рев тсора.

Присутствие этого похожего на льва существа говорило, что, несмотря на внешнюю пустынность, здесь есть жизнь. Тсоры питаются не только мясом, но и фруктами, и зерном — возможно, они совершают набеги на горные поселки косов.

Если солдаты и спали этой ночью, то только от крайнего истощения. И когда Кана проснулся, руки и ноги у него так затекли, что ему пришлось шипать и бить их, чтобы возобновить кровообращение. С другой стороны каньона махали уцелевшие. И снова началось нелегкое продвижение по вершинам. Внизу текла река, журча по старым оползням. Пока Кана смотрел, часть утеса пошатнулась и обрушилась в поток. Получив это предупреждение, солдаты держались подальше от края. Все время приходилось делать обходы, огибать трещины и пики. Это было медленное и мучительное продвижение, и на камнях оставались капли крови от израненных ладоней. Даже невероятно прочная кожа сирийских рептилий, из которых были изготовлены солдатские сапоги, поддалась и начала рваться.

И все время с ними был страх, о котором никто не упоминал. Когда наутро Сунг попытался связаться с ордой, он не получил ответа. Каждый привал, пока остальные тяжело отдувались, он склонялся над проклятой машиной и с неустанной энергией нажимал на ключ, но ни разу не получил ответа. Кану казалось, что он знает, что произошло. Воображение рисовало ему яркую картину. Орда двигалась по руслу реки, а навстречу ей — поток, набравший силу на пологом склоне. Отряд терранцев был пойман в ловушку и нашел тот же конец, что и ллоры в долине костей.

Когда они приближались к равнине, эта картина так ярко стояла перед глазами Кана, что он тащился последним, боясь

увидеть следы катастрофы. Но тут его внимание привлек крик Сунга.

Как раз под ними между скалами была зажата одна из телег, изломанная и почти потерявшая форму. Богат опасно свесился над краем, разглядывая обломки. Они смотрели на доказательства катастрофы, убившие в них всякую надежду. И тут с другой стороны потока донесся громкий крик. Богат распрямился, уверенность вернулась к нему.

— Может, кто-нибудь спасся?

Два разведчика на другой стороне исчезли, но третий продолжал махать руками.

— Остается проблема перехода, — заметил Ларсен, — тут нельзя плыть...

— Но мы уже раз переплывались через реку, — сказал Сунг. — То, что сделали один раз, мы сможем повторить.

Теперь они могли сделать все, что угодно!

Сознание того, что кто-то в орде мог выжить, послужило стимулом, который заставил их вскарабкаться на камни как раз над водой. Богат рукоятью ружья ощупывал дно: тут же ружье вырвало течением у него из рук.

На том берегу появилась группа людей, среди них был Хансу. Они были нагружены кольцами веревок и разделились на две части. Одна осталась прямо против разведчиков. Хансу с другой частью пошел вверх по течению, разворачивая по мере удаления веревку.

Здесь ущелье, через которое вода проходила в более широкую часть, было глубже и уже, чем в любом другом месте от самого водопада. Люди Хансу смотали веревку в громоздкий сверток и бросили его в воду. Сунг и Богат с ружьями наготове лежали на скале. Сверток мелькнул в воде, и ружья окунулись, чтобы перехватить его. На какое-то мгновение показалось, что он пройдет мимо — но вот веревка поймана, и в крепких руках она поможет перебраться через реку.

Преодоление этих нескольких футов потока потребовало кошмарных усилий. Кана ударило о торчащий из воды камень с такой силой, что его голова закружилась от боли. Но тут же чьи-то руки схватили его. Выплывывая воду, он лежал на плоскости гравия, не в силах подняться на ноги. Остальная часть пути к другой долине была для него механическим исполне-

нием приказов: он шел туда, куда его вели. И пришел в себя по-настоящему лишь лежа на спине, с мешком под головой, а Мик и Рей медленно снимали с него мокрую одежду и кутали одеялом. Мик спросил:

— Что вы там сделали наверху? Взорвали дамбу?

— Попали в ловушку... я думал, — Кана говорил, глотая горячую жидкость, протянутую ему Реем. Поблизости горел костер, и чувство теплоты в дрожащем теле было необыкновенной роскошью.

— Ну, у нас есть один из тех, кто готовил эту ловушку.

Кана взглянул туда, куда показывал Мик. У огня скорчилась фигура — не ллора и не терранца. Около четырех футов ростом, это существо почти полностью было покрыто густой серо-белой шерстью. На пояснице у него был широкий пояс из шерсти тсора, на шее надето ожерелье, с которого свешивались когти того же животного. Еще более лишенный выражения, чем менее волосатые ллоры, пленник не мигая смотрел в огонь и не обращал внимания на окружающее.

— Кос?

— Мы так думаем. Его поймали в предыдущую ночь. Он зажигал сигнальный огонь в скалах. Но пока ничего от него не получили. Не отвечает ни на какие вопросы, ничего не берет, не ест. Даже Хансу от него ничего не добился. Когда мы оставались, садится... — разговаривая, Мик открыл свой мешок и достал запасную одежду. Рей тоже добавил кое-что. Кана с благодарностью принял их дар. Его собственная одежда выпаривалась у костра.

— Хорошо, что вы вовремя предупредили нас... — Мик поднял голову. — Поток захватил пятерых... телега наскочила на камень, и они ее освобождали. Потом мы потеряли троих, когда пересекали первую реку... и еще нескольких, когда «меховые лица» напали на нас позже...

— Ллоры последовали за вами?

— Часть пути. Они перешли реку, когда мы достигли долины костей. Я думаю, что они знали, чего следует ожидать. Во всяком случае, они закрыли нам отход... разве что пришлось бы сражаться с целой нацией. Повстанцы все превратились в роялистов и готовы в любое мгновение атаковать проклятых захватчиков-терранцев... — в его словах звучала горечь.

— Что там впереди? — спросил Рей.

Кана коротко описал виденное. По мере его рассказа их лица мрачнели. Не успел он кончить, как появился Хансу.

— Видели ли какие-нибудь следы косов у водопада до прихода воды? — хотел знать Хансу.

— Нет, сэр. Мы видели только тсора, и он предупредил нас. Я разложил товары на камне, чувствуя, что за нами наблюдают. Тсор вышел посмотреть на них, и тогда...

Но Хансу смотрел на пленного коса.

— Все, что нам нужно знать, заключено в этом круглом чепе... если бы мы только добрались до этого. Но он не ест нашу пищу и не разговаривает. А мы не можем держать его, пока он не умрет с голоду. И тогда у них будет хорошая причина напасть на нас. — Хансу обошел костер и встал рядом с пленником. Но волосатый пигмей не шевельнулся и ничем не показал, что заметил присутствие командира терранцев. Хансу опустил на колено, медленно повторяя слова на языке ллоров.

Кос даже не моргнул. Кана порывлся в мешке с торговыми образцами, которые так долго носил, сделал торопливый выбор и протянул маленький пакет сахара и усыпанный камнями браслет.

Хансу повертел сверкающий при свете костра браслет перед угрюмым пленником. Кос никогда, должно быть, ничего подобного не видел. Но ни в этом случае, ни тогда, когда к нему поднесли сахар, он не сделал попытки получше рассмотреть подношение. Для него терранцы и их дары как бы не существовали. Хансу сказал:

— Он как каменная стена. Мы можем только...

— Отпустить, сэр, и надеяться на лучшее? — уроки в контактах предсказали Кане это предположение.

— Да, — Хансу встал и поднял коса. Используя свою превосходящую силу, он подтащил пигмея к краю лагеря терранцев и за сто ярдов от него, а потом отпустил и отошел от коса.

Довольно долго кос оставался в таком положении, в каком его оставил Хансу, он даже не повернул головы, чтобы проверить, следят ли за ним. Но вдруг неуловимым движением, с ошеломившей солдат скоростью, исчез в дальней стороне каньона. Где-то стукнул камень, но терранцы ничего не видели. Орда провела на этом месте ночь, и, хотя велось внимательное наблюдение за скалами, сигнальных огней больше не было.

— Может, река была их самым сильным оружием? — с надеждой предположил Мик. — И, увидев, что оно не сработало, они укроются и позволят нам пройти.

— Мы не знаем образа их мышления, — заметил Кана. — Для некоторых рас — для нас, например, неудача — лишь повод для повторения попытки с новыми силами. А для других неудача означала бы, что боги, в которых они верят, или судьба, или любые другие силы, против них, и они тут же забыли бы обо всем деле. Наше будущее может зависеть от освобожденного нами коса и от того, что он им расскажет. Нужно быть готовыми ко всему.

На следующее утро, вскоре после выступления, они увидели место, где был убит билл. Тело его было разорвано и почти съедено за ночь невидимыми пожирателями падали. Но свирепая голова с оскаленной пастью все еще служила грозным предупреждением. В обязанности фланговых входило внимательно следить за возможным нападением хищных птиц.

Около полудня они заметили бассейн. В него, по-видимому, вода просачивалась через скалы из соседнего ущелья. Очистив воду, они наполнили фляжки и смыли пыль и грязь с лиц и рук. Песок, приносимый ветром, скрипел на зубах, когда они ели, от него воспалялись глаза, он забивался под одежду, причиняя беспокойство.

Бдительные к опасности, ожидавшей их сверху, разведчики сумели предупредить и второе нападение. Косы, используя метод, хорошо сослуживший им в прошлом, сбрасывали со склонов булыжники. Но ни один из камней не задел растянувшуюся змеей орду: сидевших в засаде косов заметили разведчики на флангах, и несколько волосатых тел осталось среди скал, остальные горцы побежали. Впереди, на столбообразной горе, виднелась грубая крепость. Она так перекрывала путь, что терранцы не решились приблизиться. На этот раз косы не пытались скрыть свое присутствие. С наступлением вечера в крепости вспыхнули огни. Они создали почти такой же огненный барьер, как лампы терранских лагерей на равнине. Нападать снизу было невозможно. Подъем к крепости был крут, а сверху лежали готовые к использованию камни. Свисток Хансу созвал всех.

— Надо взять форт, — спокойно сказал он. — И для этого есть лишь одна возможность — сверху, — он снял шлем и бросил в него черные и белые камушки, — жребий...

Кана вместе с остальными взял камешек и держал его в руке до команды, потом разжал руку. У него, как у Рея, был черный камень. У Мика — белый.

Хансу внимательно осмотрел отряд, которому предстояло подниматься. Добровольцы сняли с себя все обмундирование, кроме поясов. Ружья они укрепили за плечами, у каждого был нож и по пять гранат.

Для отхода от главных сил они использовали глубокую тень на дне каньона и вернулись к тому месту, где, по сообщениям разведчиков, можно было начать подъем. И здесь, используя последние мгновения сумерек перед наступлением ночи, они его начали. Наверху лишь огни крепости давали немного света и указывали цель. Продвижение было медленным. Встреча с часовыми косов могла оказаться роковой, но терранцев выручало обоняние. К счастью, ветер дул им навстречу. Маслянистый запах тел ллоров различался терранцами за несколько футов, а запах косов был несравненно сильнее. Горцев можно было буквально вынюхивать в засаде. А они сами об этом не подозревали. Зловоние наполнило ноздри Кана. Он подобрал ноги и, вытянувшись, слегка хлопнул Рея по плечу, зная, что это молчаливое предупреждение будет передано по всей линии терранцев. Впереди, чуть левее, кос. Кана повернул голову, отыскивая источник запаха. Пальцы Рея сжали его руку. Коса нужно обнаружить и устранить совершенно бесшумно.

Соседний выступ едва освещался огнями крепости. Запах сигнализировал Кану, что кос должен быть здесь, к тому же с этой позиции удобно было следить и за утесом, и за ордой внизу.

И тут Кана увидел то, что искал — черную фигуру на фоне крепостных огней, согнутые голову и плечи горца. Кана застыл, потом осторожно снял петлю, удерживающую ружье за спиной. С точностью и аккуратностью, выработанными многолетней тренировкой, он опустил петлю на волосатую шею. Рывок, и кос безжизненно повис. Трясущимися руками Кана опустил тело на землю. Прием сработал — точно так, как учили его инструкторы. Но одно дело попробовать на манекене и совсем другое — на живом, дышащем существе. Он с отвраще-

нием снял петлю и оттер ладони, стараясь стереть ощущение жира с них.

— Все в порядке? — спросил его Рей.

— Да, — Кана взял протянутое ружье.

Больше часовых не было. И, наконец, терранцы добрались до нужного им места над крепостью с запада от нее. Крепость напоминала по форме огромное гнездо. Косы, захватив крепость, использовали сооружения ллоров. Пригоршня каменных хижин окружала полуразрушенную сторожевую башню, вокруг шла стена из нескрепленных камней. Все вместе свидетельствовало о плохих инженерных знаниях.

Снизу доносились резкие звуки боевых свистков терранцев. Сверху были видны фигуры косов на стенах. Они готовились встретить атаку снизу. Кана выдернул чеку и бросил гранату в ближайшую хижину.

К желтому огню косов добавились огненные шары терранцев, и вся поверхность крепости превратилась в огненный ад. Ошеломленные косы, захваченные врасплох, бегали взад и вперед. Мгновение нерешительности и погубило их. Но конец пришел не от нападавших терранцев, а изнутри самой крепости.

Среди огней ожила темная тень, взметнувшись в ночь. Она повисла над крепостью, и с нее обрушилась красная смерть. Косы, охваченные пламенем, с криком бежали навстречу смерти. Странное летающее существо поднялось выше и полетело над долиной, обрушив на орду бомбы.

Терранцы старались попасть из ружей в крылья. Поднялась стрельба. Под сосредоточенным огнем существо пыталось вырваться, но упало, оставляя за собой алую полосу разрушений не только в крепости косов, но и в рядах орды.

Глава 9

ПОКАЗЫВАЙ ЗУБЫ И НАДЕЙСЯ

На рассвете терранцы взяли крепость, но цена оказалась слишком высокой. Четверть орды либо сразу умерла под градом бомб, либо получила «милосердие» в последующие часы из-за ужасных ран. Поэтому победа весьма походила на поражение.

— Откуда у косов эта крылатая штука? — Мик, у которого левая рука была перевязана, не был единственным, кто хотел это узнать.

Незнакомая машина свидетельствовала: в крепости косов чужаки, либо подбивающие их против терранцев, либо просто наблюдатели. Солдаты обыскиали руины, частично еще пылавшие, в поисках летчиков, но ничего не нашли.

— Эта машина не могла уйти далеко, — говорил Рей каждому, кто согласен был его слушать. — Она разбилась — когда ее видели в последний раз, она летела наклонно.

— Там, где есть одна, — возразил Мик, — вероятно, есть и другие. Космические демоны! С этими машинами они могут уничтожить нас в любую минуту! Но почему они не сделали этого раньше?

Кана подложил Мику под спину мешок, устраивая его поудобнее.

— Возможно, недостаток запасов. Наверное, у них не так много машин. Мы заставили их открыть одну, напав на крепость. И я думаю, Рей прав: она разбилась где-то поблизости. Зато теперь нам не придется идти по середине каньона, давая им возможность отлично попасть в цель.

В этом заключалось главное открытие терранцев — прекрасная дорога, уходящая точно на запад от крепости. И Хансу собирался вести свое искалеченное войско по ней, может быть, в ловушку. Солдаты залечивали раны и исследовали крепость, отправив разведчиков вдоль дороги. Число мертвых косов оказалось меньше, чем они ожидали. И никаких признаков чужаков. В конце концов тела врагов сложили на маленькой центральной площади крепости и сожгли. В подземном помещении в скале обнаружили цистерну с водой и множество кувшинов с зерном и сухофруктами. Доктор Кроуфор заявил, что зерно для терранцев несъедобное, а фрукты безвредны, и солдаты принялись жевать жесткие комочки, радуясь разнообразию в своем рационе.

На третий день они реорганизовали сократившиеся отряды и в полном порядке двинулись по дороге. Но разговоров о быстром возвращении на Секундус больше не было. По молчаливому соглашению все споры о будущем ограничивались следующим днем.

— Показывай зубы и надейся... — так выразил Мик общее настроение, ковыляя между Каном и Реем. — Если бы только мы могли выбраться из этих скал!

Но конца скалам не было, и дорога от крепости поднималась все выше и выше. Кана в свою очередь стал одним из идущих впереди разведчиков. Они поднимались по склону горы, некогда бывшей вулканом. Появились полосы снега. Кана подозрительно осматривал пролом в вулканическом конусе — здесь их могла ожидать засада. Но дорога не охранялась. В сопровождении Сунга Кана остановился, глядя вниз, в долину, расположенную глубоко внизу. До нее было не менее мили. Видно было озеро и желто-зеленую фроннианскую растительность на маленьких прямоугольных полях. У воды теснилось несколько каменных домов. На полях ничего не двигалось, над деревней не виднелось ни одного столба дыма. Может, ее покинули час назад, а может, сто лет.

Разведчики, настроенные и готовые к неожиданностям, начали спуск. Но им встретился в густой траве только кхат — грызун, главное мясное блюдо фроннианцев. Миновав небольшие поля с неубранным зерном, они подошли к озеру. Сунг указал на береговую линию с вмятинами в грязи.

— Лодки... и совсем недавно.

— Не вижу ни одной. Может, они ушли туда...

Длинный залив изгибался к югу, уходя за стену кратера. Разведчики не знали, омывает ли он внешнюю стену. Но лодок не было видно. Дальнейшее исследование показало, что кроме четырех небольших гуенов, запертых в загоне, в деревне никого не было. Орда спускалась мирно. Залив озера, уходящий на юг, проходил сквозь конус вулкана, и терранцы считали, что жители деревни ушли именно этим путем. Но самое интересное открытие было сделано сразу за деревней. Груда обломков — летающая машина! Никаких следов пилота. Но машина не принадлежала мехам, как они в тайне подозревали.

Эл Кости, наилучший из них «специалист по машинам», провел в сопровождении добровольцев много часов, разбираясь в путанице проводов и металла.

— Машина с Цирана, — доложил он Хансу. — Но в ней имеется модификация, которую я не смог определить. Первона-

чально это мог быть торговый разведчик, хотя окончательно я не уверен. Но он не терранского происхождения.

И снова та же мысль: что-то за этим кроется, каким-то образом против терранцев действует ГУ. Почему? Потому что они наемники с Терры? Кана задумался. Неужели орда Йорка с ее обилием ветеранов получила в чьей-то книге пометку: «подлежит уничтожению»? А большие потери вызовут беспорядки дома. Неужели человечество пытаются совсем вытеснить из космоса? Кана следил, как Хансу внимательно осматривает обломки, а Кости указывает ему места, выдающие происхождение машины. Хансу собирает доказательства — но позволено ли ему будет предъявить их властям? И верит ли он сам, что кому-нибудь из них удастся достигнуть Секундус, хоть одному стоять в зале справедливости Прайма и свидетельствовать о предательстве?

Дом за домом они обыскали деревню. В хижинах оставался лишь один хлам да такая громоздкая мебель, которую беглецам трудно было унести с собой. Было найдено три полевых исследовательских ранца. Следовательно, по меньшей мере один посетитель из другого мира был здесь недавно. Но ранцы были стандартные и ничего не говорили о том, кто ими пользовался — хозяин их мог происходить с любой из двадцати планет.

Без лодок или материалов для изготовления плота терранцы не могли воспользоваться выходом из долины кратера. Но еще одна дорога вела на юго-запад, и они двинулись по ней. С этого дня их марш превратился в кошмар. Начался сезон ветров, и бури принесли гору снега, закрывавшего дорогу. В первую же бурю потерялось несколько человек. Они отошли от основной массы, и больше их никто не видел, хотя был предпринят поиск. Некоторые сломались. Никакими усилиями невозможно было поставить их на ноги после короткого отдыха. Они погрузились в странный сон, напоминавший смерть. Если бы не их подготовка наемников, если бы не привычка с детства переносить жестокие физические испытания, ни один из них не выжил бы. И так они потеряли около пятидесяти человек, прежде чем добрались до западных склонов холма. Но теперь уже сам факт, что они спускаются и перед ними лежат равнины Тарка, давал им силу и заставлял передвигать спотыкающиеся ноги. Теперь им, во всяком случае, предстоит сражаться лишь с одним противником за раз. После сражения за крепость они

не видели косов. Горцы, должно быть, ушли в укрытия на период бурь.

На пятый день после того, как они вышли из долины кратера, Кана, слегка пошатываясь, спускался с гор, довольный, что снег остался позади. Склоны небольшой долины защищали от ветра, и он прислонился к стене, чтобы перевести дыхание. Небольшой ручеек тек рядом в юго-западном направлении.

— Вниз! — Он произнес это вслух, наслаждаясь, радуясь значению этого слова. Горы теперь позади, перед ними открывается дорога на равнины.

Но они еще не окончательно покинули эти «злые земли», которые тянулись до самых оконечностей горных склонов. Среди путаницы гор и глубоких ущелий виднелись полосы разноцветной растительности. Не было видно ни дорог, ни других следов цивилизации. Солдаты могли лишь двигаться дальше на юг, направляясь к долинам Тарка. Кана шел вдоль ручья, так как у него не было сил выбраться из углубления. Растения разворачивали листья навстречу солнцу.

— И-их!..

Кана, полупригнувшись и приготовив ружье, двинулся вперед. Из ручья выбирался Сунг. При виде Кана его широкое лицо озарилось улыбкой!

— Мы ушли от зимы. Теперь, думаю, будем живы.

— Некоторое время, — задумчиво поправил Кана. Он устал, так устал, что готов был упасть на землю там, где стоял.

— Да, мы будем живы. И, возможно, это кое-кого разочарует. Теперь к реке, настоящей реке!

Сунг был прав: ручей впадал в реку. Поток был чист, и терранцы ясно видели лежащие на дне камни. Да и течение было спокойное, а не такое бурное, как в горных реках.

— Неглубоко, вполне можно перейти вброд. Фортуна начинает нам улыбаться! — Сунг присел на корточки, пальцем попробовал температуру воды и быстро отдернул руку. — Холодная...

Некоторое время они шли по берегу. Из прошлогодней высохшей травы выскочил кхат и метнулся к реке, поскользнулся на глинистом берегу и упал в воду. От противоположного берега по воде потянулась какая-то рябь. Кхат дернулся, до людей донесся крик боли и ужаса. Вода окрасилась кровью.

Солдаты стояли ошеломленные. Но борьба длилась всего лишь несколько секунд. На камнях дна лежали чисто обглоданные кости.

Лениво, пресыщенно проплыли три маленьких существа. Шестиногие, с головами лягушки, но с челюстями хищников, с четырьмя глазами, посаженными двумя рядами над хищными пастьми: в этих глазах-бусинках светился яростный голодный разум.

— Тифы! — Кана облизнул губы.

— Что? — Сунг бросил в маленьких чудовищ камень. Они отплыли на фунт от берега, но не возвращались к противоположному берегу. Оставаясь вне пределов досягаемости, они сосредоточили свое внимание на терранцах... смотрели... ждали...

— Плохие новости, — ответил Кана на невысказанный вопрос Сунга. — Вы видели, что случилось с кхатом. То же самое произойдет с любым живым существом, которое попытается перейти реку, где живут тифы.

Да, не время было исследовать, сколько лягушкоподобных дьяволов скрывается в реке. И не было возможности переправиться через реку, которую они охраняли. Если бы только катушка на Прайме не была так ограничена по информации! Или найти бы среди туземцев друзей, которые служили бы проводниками.

Вода казалась такой мирной, но, когда солдаты двинулись по берегу, тифы без усилий поплыли параллельно. Время от времени к маленьким чудовищам присоединялись родичи, выплывая из тени своих укрытий.

— Нужно сообщить об этом, — сказал Кана.

Но вот маленькая река стала шире, и в ней показались каменные островки, образующие подобие тропы... Переход? Может, сбрасывается какая-то сеть, мешающая тифам? Мало кто из терранцев мог бы сделать это. Проблему придется решать Хансу с группой экспертов по выживанию — ветеранов, собравших свои знания на сотне различных миров. Может, эти знания помогут им выжить и теперь. Неожиданно ветер донес знакомый запах, и они спрятались в кусты.

Прямо против них на другой берег выехал высокий ллор. У него не было копья, зато он держал духовое ружье, что означало его ранг: это был солдат королевской гвардии, а не какой-то приверженец провинциального дворянина. Он спе-

шился, осторожно приблизился к воде и сунул туда рукоять ружья. Он явно знал о тифах.

Скрестив ноги, он сел на песке и стал что-то ждать, жуя какую-то палочку. Терранцы переставали дышать всякий раз, когда на их слишком тонкое укрытие падал его взгляд. Отойти незаметно было невозможно.

Ллор сплевывал кусочки палочки в воду и один или два раза швырнул камнем в собравшихся тифов. Все больше и больше рябила вода: у берега собрались маленькие хозяева реки. Ллор поглядывал на них и время от времени издавал фыркающий звук, который заменял его расе смех. Но Кана заметил, что он благоразумно не приближается к воде.

Мяукающий крик заставил ллора вскочить. Из леса выехала группа всадников. Впереди скакал туземец в коротком плаще, отороченном мехом тсора, у него на седле, на специальном насесте, сидела прирученная птица, похожая на терранского ястреба. Это были признаки приближенного самого гатануса. Среди всадников виднелась закутанная в плащ с капюшоном фигура вентури.

Дворянин остался верхом, остальные спешили и стащили с седла торговца. К удивлению терранцев, вентури оказался пленником, и руки у него были связаны сзади. Ллоры посовещались, их предводитель осторожно подъехал к самому краю воды и с любопытством заглянул в нее, а солдаты подтащили пленника к берегу.

Потом, к ужасу наблюдавших терранцев, они спокойно подняли маленького торговца и бросили его в поток, где вода уже пенилась от множества собравшихся тифов.

Первый же выстрел Кана выбил из седла дворянина, тот головой упал в реку. Терранцы принялись стрелять в убийц на том берегу. Пятеро из них упали, прежде чем оставшиеся побежали под укрытие деревьев. Но ни один из них не добрался до роши.

Вода так и кипела: тифы приветствовали редкое изобилие мяса. Кана не смел взглянуть туда, где упал беспомощный вентури. Смерть в бою — обычное дело, он привык верить, что и его собственный конец будет таким же. Но бессердечная жестокость, свидетелем которой он только что был, приводила его в ужас.

— Да будут благословенны Клемм и Кол за их помощь! — Сунг дернул его за рукав и указал на реку.

Кто-то там бился, отягощенный намокшим плащом, со связанными руками. А по расширяющемуся кругу вокруг вентури плавали животом вверх тифы. Кана прыгнул на ближайший камень, оттуда на следующий. Из щели между камнями на него глядел голый ллорский череп. Вентури уже встал на ноги и брел к песчаному берегу. Мгновение спустя к нему присоединились Кана и Сунг. Кана достал нож.

— Перережу... — сказал он на торговом языке, указывая на ремень, связывающий руки пленника.

Вентури отступил на шаг. В попытках выбраться на берег, он не сбросил маскирующий капюшон. Не способный прочесть выражение его лица, Кана не последовал за ним.

— Друг... — Кана произнес это слово с чувством. Он указал на то, что осталось от ллорского дворянина. — Наш враг — твой враг...

Должно быть, вентури понял. Неожиданно он повернулся к терранцам спиной и протянул связанные руки. Кана перерезал влажный ремень... Свободными руками вентури схватил поводья гуена офицера. Отлично тренированное и поэтому высокоценное животное не убежало с остальными. Вентури неуклюже вскарабкался в седло. Его голова в капюшоне повернулась к реке.

Одну руку вентури сунул под плащ и вытащил маленький влажный мешочек. Палец, похожий на серо-зеленый коготь, указал на лениво плавающую смерть, а затем на инертные тела тифов. Когда Кана кивнул, вентури бросил ему мешочек, и через мгновение его гуен галопом умчался в лес.

— Это средство от тифов? — спросил Сунг. — Как ты думаешь, они знали о нем, когда бросили его в воду.

— Не думаю, иначе они отобрали бы у него мешочек. Может, эффект у этого средства длительный, они все еще не пришли в себя?

Тифы, нападавшие на вентури, по-прежнему плавали вверх животами, и с раскрытыми злобными пастьми. И Кана заметил, что другие тифы их избегали. Мешочек в его руке мог обеспечить орде безопасный проход. Так и получилось. Белый порошок, брошенный в воду выше по течению, держал тифов в стороне, пока не прошла вся орда. Солдаты так и не узнали, как

именно действует этот порошок: пока они переходили реку, поток бил о камни неподвижные тела тифов.

Хансу узнал на мундирах мертвых ллоров знаки королевской гвардии. Но его больше заинтересовала ссора между вентури и гвардейцами. То уважение, которое войска Скоры оказывали торговцам, подчеркивало желание ллоров не вызывать вражду у своих поставщиков. А теперь один из ллорских дворян хладнокровно обрек вентури на ужасную смерть. По-видимому, пока терранцы пробивались через горы, соотношение сил изменилось настолько, что ллоры начали проявлять высокомерное презрение к тем, кого уважали в течение многих поколений. События свидетельствовали о том, что ллоры пользуются настолько сильной поддержкой, что считают себя полноправными правителями Фронна. Неужели их поддержка гораздо мощнее, чем один изменнический легион мехов?

По мере продвижения по заречным равнинам беспокойство терранцев усиливалось. И здесь тяжеловооруженные движущиеся крепости мехов получали большое преимущество. Разведка проводила многие часы, наблюдая за небом и местностью в поисках вражеских самолетов. Но после встречи с отрядом ллоров у реки не было ни следа врага. Земля, казалось, была предоставлена тсорам, биллам и кхатам, за которыми первые два вида хищников охотились.

На второй день после перехода через реку разведчики терранцев обнаружили деревню... Этот маленький поселок-полукрепость был окружен загонами, куда загонялись дикие гуены с равнин, сортировались, и двухлетки, после небольшого обучения, отсылались дальше. Загоны были полны, а верхом продвигаться было быстрее. Хансу решил превратить пехоту в кавалерию, и солдаты, изменив направление движения, направились к поселку.

Глава 10

К МОРЮ

Когда орда, развернувшись полукругом, приблизилась к восточной окраине поселка, помимо волнующихся в загонах гуенов, показались первые признаки жизни. Появилась первая группа ллоров, один верхом, другие пешие, и направились к

линии терранцев. Передний всадник держал в руке флаг переговоров.

Помня о судьбе Йорка и его офицеров, ни Хансу, ни его солдаты не выходили из укрытий, которые заняли при виде приближающихся ллоров. Очевидно, разочаровавшись этой встречей, предводитель ллоров остановился и начал размахивать флагом, а сопровождающие робко сгруппировались за ним, поглядывая во все стороны.

— Ллоры... военные люди с Терры... — крикнул, словно в пустоту, предводитель ллоров.

Не показываясь, Хансу ответил:

— Что тебе нужно, корбан? — назвав собеседника почетным титулом главы города.

— Что нужно вам, лорды с Терры? — спросил ллор. Он передал флаг одному из своих людей, сел и скрестил руки, глядя в направлении Хансу. — Вы принесли нам войну?

— Мы воюем, только когда нам навязывают войну. Тем, кто не держит в руках меча, мы в ответ показываем открытые ладони. Мы хотим только свободного возвращения домой.

Ллор слез с седла и направился к линии терранцев. Один из его спутников пытался последовать за ним, но предводитель ллоров оттолкнул его назад и приближался, держа перед собой вытянутые руки.

— Мои руки открыты, лорд. Я не закрываю вам пути.

Хансу встал ему навстречу, тоже показывая открытые ладони.

— Что тогда тебе нужно, корбан?

— Слова, что моя деревня не будет разрушена.

— Разве военное знамя не поднято против нас? — возразил Хансу.

— Лорд, какое дело нам, маленьким людям, до красивых слов гатануса и дворян? Сидящий на крылатом троне мало что значит для нас — его именем с нас лишь собирают налоги. Мы хотим лишь жить и не удаляться преждевременно в Темные Туманы. Страшные вещи рассказывали о вас, чужеземцы. Будто вы сжигаете всех, кто препятствует вам брать то, что вам нужно. Поэтому я пришел на переговоры с вами во имя жизни своей деревни. Зерно ваше и плоды наших полей, и все остальное, что вам нужно. И гуены — если вам нужны те молодые гуены, что находятся в наших загонах. Берите все, что вам нужно, и уходите!

— Но ведь придут люди гатануса и скажут вам: «Вы кормили врага и дали ему гуенов. Значит, вы заодно с врагом?»

— Как они могут говорить так? — Корбан покачал головой. — У вас армия, обученная незнакомым и ужасным способам войны. Нет, на Фронне все знают, что никто не может устоять против мощи ваших мечей. Ведь вы сражаетесь не только меч к мечу, как принято у нас, но и огнем с большого расстояния, вы несете смерть с воздуха. Некоторые из вас передвигаются в мощных металлических крепостях, которые давят врага своим весом. Все это хорошо известно. Поэтому люди гатануса не поверят, что жители поселка посмели вам в чем-то отказать. Я говорю тебе, лорд: бери все, что угодно, оставь нам только жизни!

— Ты видел ползающие крепости и летающие машины терранцев?

— Мои глаза их не видели, лорд. Я не местный житель, хотя и корбан этих людей. Но на юге все видели эти чудеса, и известие о них достигло нас.

— Значит, их можно увидеть под Тарком?

— Да, лорд, там теперь много ваших удивительных машин. Вы хотите присоединиться к ним? Хорошо. Но умоляю тебя: берите все, что вам нужно, и уходите.

Хансу опустил пустые руки.

— Хорошо. Мы не войдем в вашу деревню, корбан. Пришли нам продукты и сто гуенов, пригодных под седло. Мы поделимся с вами добычей и поблагодарим за помощь.

Отряд ллоров отправился назад, а Хансу обратился к потрясенной орде:

— Такова картина. По описанию этого парня, у Тарка полный легион мехов. У них тяжелое оружие и летательные аппараты.

— А как же насчет Закона Перемирия? — слышался чей-то голос из толпы.

— Давайте смотреть в лицо фактам. Закон Перемирия был нарушен, когда сожгли Йорка и остальных. И тут дело не только в изменниках-мехах. Они не смогли бы без посторонней помощи доставить сюда тяжелое оружие. И теперь они считают, что могут легко справиться с нами. Кто бы их ни поддерживал, они не смеют позволить нам уйти с Фронна. Поэтому самое первое их действие — отрезать нас от кораблей в Тарке.

Отрезать от Тарка, зажать на Фронне, не дать возможности уйти. Кана видел, как нерешительность на лицах окружающих сменялась другим выражением — угрюмой решительностью. В течение поколений слабые и нерешительные отстранялись от солдатской службы. Наемники по самой природе своей службы были фаталистами. Мало кто доживал до пенсии или даже до вспомогательных служб на базе. Они бывали во многих переделках и выходили из них благополучно. Но это было нечто новое. Кодекс, считавшийся ими нерушимым, внедренный в их мышление, нарушен. И за это кому-то придется заплатить!

— Мы доберемся до них... — эти слова потонули в общем гуле согласия.

Но Хансу жестом заставил всех замолчать.

— Мы не одни, — напомнил он. — Закон нарушен. Что дальше? Другие начнут натравливать мехов на арчей. Это нужно остановить теперь и навсегда! А для этого нужно доставить сообщение в Центр.

— Мы не можем противостоять тяжелому вооружению на поле! — крикнул кто-то.

— Мы не будем и пытаться. Но нам необходимо передать сообщение на Секундус или Прайм. А остальные должны держаться и ждать помощи.

— Оставаться в горах? — в вопросе не было энтузиазма. — Хватит с нас уже фроннианских гор.

— Перед нами альтернатива, — Хансу покачал головой. — Вначале мы должны больше узнать о происходящем. Ну, а теперь разбить лагерь в условиях враждебной территории. Мастера-мечники и разведчики, ко мне!

И все занялись своими обязанностями. Кана присоединился к остальным у телеги, где их ждал Хансу. Командир расстелил изношенную грязную шкуру и рассматривал голубые линии, пересекавшие ее поверхность. Он повернул голову к командиру разведчиков.

— Богат! Корбан вернется с припасами, приведите его сюда. Эти охотники за гуенами должны хорошо знать местность. Нужно извлечь из них всю информацию. Мехи не могут действовать на пересеченной местности, поэтому нам придется держаться именно в таких местах.

— Но вокруг Тарка всюду равнины, — возразил один из мастеров-мечников.

— Мы и не собираемся идти в Тарк. От нас именно это и ожидают.

— Но единственный космопорт...

— Единственный военный космопорт находится в Тарке. Но вы забыли о вентури!

Кана беззвучно свистнул. Хансу был прав. Вентури! Как наследственные торговцы Фронна, они имели на материке собственные торговые центры. И недалеко от западного моря находился небольшой космопорт, использовавшийся несколькими чужеземными торговцами, пытавшимися наладить торговлю с вентури. Добраться до этого космопорта, завладеть торговым кораблем — это самая лучшая возможность.

— Поблизости от вентурианской крепости Поулт есть космопорт, — объяснил Хансу. — Регулярного расписания рейсов там нет, но инопланетные торговцы прилетают. И если нам повезет, мы сможем найти убежище у вентури. Двинувшись прямо на запад, мы достигнем моря вблизи Поулта.

Корбан, полный желания оказать любую помощь, чтобы отвести опасность со стороны терранцев со своей территории, склонился с двумя лучшими охотниками за гуенами над картой Хансу. Он задал вопрос, на который Хансу пришлось искусно отвечать.

— Но почему, лорд, вы ищете дороги по этим диким местам? На юг ведет широкая и ровная дорога, и там вас ждут братья?

— Мы хотим навестить вентури на берегу, причем пройти не по известным им дорогам.

Маленький круглый рот ллора шевельнулся в подобии фроннианской улыбки.

— Ха! Значит, правда то, что передавалось шепотом. Наступает день мести! Не будут больше эти закутанные в капюшоны бродить по нашим землям, не будут они единственными торговцами между поселками. Хорошая новость, лорд. Уничтожьте крепости вентури на побережье — и все ллоры будут восхвалять вас перед лицом Правителя Ветров. К тому же вас там ждет богатая добыча. Вот эта тропа, она проходит по западной части гор. Тут могут встретиться косы. Но что вам косы? Вы раздавите их так же, как мы давим жуков фас-фас на дороге. И эта

тропа приведет вас прямо к морю у Поулта. Да будет удачной ваша охота, военный лорд!

— Да будет так! — торжественно ответил Хансу. И начертал знак огня, воды и воздуха — с этими духами на Фронне полагось советоваться перед началом любого важного дела.

Корбан еще больше подобрел и стал придирчиво осматривать гуенов, которых жители деревни прогоняли перед ним. Он забрал десять животных, к удивлению соплеменников, которые собирались в полной мере воспользоваться невежеством иноземцев: Хансу настоял на том, чтобы заплатить за гуенов. Вечером корбан задал пир. Он ни в чем не мог отказать будущим победителям вентури. Отряд наиболее сильных охотников за гуенами должен был сопровождать терранцев до самого начала западных гор.

Чтобы добраться туда, потребовалось полтора дня — верхом. Хансу подгонял всех, желая выбраться из опасной равнинной местности, пока их не выследил какой-нибудь мехский патруль. Наутро третьего дня, когда орда уже основательно углубилась в горы, они обнаружили, что ллорские проводники исчезли. Далеко сзади поднялся дым. Охотники подожгли траву на равнине, чтобы загнать диких гуенов в ловушку.

Хансу с удовлетворением следил за этим. Огонь прекрасно скроет их следы. И снова начался кошмар карабканья и непрерывного тревожного ожидания нападения. Хотя охотники утверждали, что тропа проходит по самому краю территории косов и горцы редко тревожат здесь караваны, уверенности в мирном переходе не было. И ллоры не смогли ответить на вопрос, существует ли у торговцев-вентури какой-нибудь договор с горцами-косами о свободном проезде. Но у терранцев не было выбора.

Тропа была помечена воздвигнутыми вентури тонкими каменными столбами с непонятными пиктограммами. И она была вполне пригодна для гуенов.

Ночь терранцы провели без костров, разбившись на небольшие группы и расставив всюду часовых. Но ночь не была нарушена тревогой, и на вершинах не было видно сигнальных огней.

Кана весь день находился рядом с Хансу и теперь, завернувшись в одеяло, пытался уснуть. Хансу сидел в яре от него и слушал доклады разведчиков.

— ...никаких дел с мехами?

— Ни разу, — голос Хансу окончательно разбудил Кана. — И Миллз утверждал, что ими командует Харт Дейвис.

— Дейвис! Я все же думаю, Дик ошибался. Дейвис не станет нарушать приказ.

— В том-то и дело, Богат. Если Дейвис командует Тарком — а у меня нет оснований не доверять сообщению Миллза, который, умирая, добрался до нас, — если там Дейвис, то дело не в одном мехском легионе... Харт Дейвис — молодой командир. Таким же был и Йорк. Его легион мал, но крепок, хорошо вооружен, и у Дейвиса отличная репутация. Готов заложить годовую плату, если у него нет в легионе большого количества ветеранов. Как и у нас. Я вот думаю... — он замолчал.

Но Кана, хоть и уставший, понял смысл его слов. Легион и орда, состоящие из хорошо обученных людей, сталкиваются в смертельной схватке. Неважно, кто победит. Потери с обеих сторон будут огромные. И много ветеранов навсегда заснут. Все это приобретало зловещий смысл.

— Если кодекс нарушен, — хриплый шепот Богата звучал задумчиво. — К дьяволу плату! Но... у арчей нет ни малейших шансов!

— В старой игре, конечно. Но почему бы нам не начать новую?

— Но... мы солдаты, Хансу...

— Конечно. Но здесь не действуют правила, каким оружием и против кого нам сражаться, — голос Хансу звучал отсутствующе, как будто он размышлял вслух.

— Ну, по крайней мере, сейчас у нас только одна задача. — Богат встал. — Выбраться из этих проклятых холмов и увидеть вентури. Мы справимся с ними, сэр.

— Постараемся этого избежать. Они могут встретить нас с открытыми руками, если корбан говорил правду и ллоры обратились против них. Их территория слишком сложна для мехов. Этот Поулт построен на острове у побережья — голая скала, выступающая из моря. У них свои способы добираться до берега.

— Хорошее место для нас, если они нас впустят. Там можно удержаться.

— Этого нам и нужно добиться, Богат. Если мы покажем им, что у нас общий враг, то, может, сумеем и воевать вместе. Пошли, как обычно, разведчиков в горы.

— Есть, сэр.

На рассвете снова в путь. Снег вдоль тропы лежал полосами, полосы становились все шире, покрывая тропу. Людям приходилось пробивать в сугробах дорогу для гуенов. Животные гибли: дикие, недавно пойманные, они были недостаточно крепки, чтобы вынести такие условия. Вторая телега стала жертвой несчастного случая, и с ней — один из медиков, который не успел отскочить и упал в пропасть.

— Тревога! — военный свисток передал это сообщение, и солдаты немеющими пальцами взводили курки, доставали ножи. Но на сей раз им пришлось иметь дело не с косами, а с бегущими ллорами, отчаянно пытавшимися пробиться к равнинам и безопасности. Из-за отчаяния они безрассудно бросились вперед, пытаясь пробиться сквозь орду.

Схватка была короткой, арьергарду орды не пришлось проигнорировать и выстрела. Но она оказалась кровопролитной. Ллоры сражались отчаянно.

Терранцы, истощенные борьбой со снегом, на высотах за ночь зализали раны. Они, больные от усталости, разбили лагерь на краю поля битвы. Нанесенный ветром снег укрыл павших, и солдатам приходилось все время следить, чтобы раненые не замерзли насмерть.

— Грабительский отряд, отогнанный от дома... — ветер срывал слова с губ Мика. — Может, и мы идем прямо в пекло, приготовленное для других. Надеюсь, вентури не подумают, что мы заодно с теми.

Рей растирал щеку снегом.

— В следующий раз, когда меня будут предупреждать о трудностях назначения, я прислушаюсь, — он чихнул, а потом закашлялся так, что все его тело затряслось. — Ну, каким раем были казармы! И зачем я только покинул Секундус?

Кана растирал руки. Секундус казался далеким и давно прошедшим. Неужели он ел когда-то в комнате, где пламенные птицы пели на стенах? Или то был сон, а этот кошмар — жестокая реальность?

— Мы будем пробиваться сквозь это, — Мик пнул снег, — пока он не станет таким глубоким, что погребет нас. На следующий год нас найдут в прекрасной сохранности и выставят как произведение туземного искусства...

— Неужели ллоры бежали после стычки с вентури? — удивлялся Рей. — Они их всегда опасались. Вспомните тот случай со шпионом в Тарке. Мы не тронули торговцев, даже когда среди них обнаружился ллор, и каравану не сказали ни слова.

— Ллоры теперь считают, что они самые сильные на Фронне, — сказал Кана. — Они, должно быть, давно ненавидят вентури, и искали случай ударить по ним. Ты завтра в разведку, Рей?

— Да, за мои грехи. А ты?

— Тоже.

Мик покачивал пораненную руку.

— Они хотят свести нас на нет, эти горы, каждый раз нас в горах преследуют неудачи. Пятьдесят потеряны там, двадцать здесь, и столько раненых...

— Не так плохо, как во время бомбардировки, — напомнил ему Рей. — Пока мы можем ответить...

— Да, я знаю. Но посмотрим, каким ты вернешься из разведки, длинноногий билл!

— Знаете... — Рей перестал растирать снегом лицо. — Это мысль. Если бы поймать десять-двадцать таких птичек и приручить их, как ллоры приручают своих ястребов... Они ведь прыгают бесшумно. — Он обернулся к Кану, как к авторитету. — Так ведь? И выпустить их по следу врага. Лучше, чем мехский танк в такой местности.

— А кто же будет ловить и приручать их? — начал было Мик, когда в темноте показался арч.

— Карр?

— Здесь.

— К мастеру клинка.

Кана направился к тому месту, где между выступающих скал устроился Хансу. Слабый голубой ллорский факел бросал причудливые блики на лица собравшихся. И у одного из них вообще не было лица, только капюшон вентури.

— Карр, садитесь, — Хансу тут же повернулся к незнакомцу в капюшоне. — Этот подойдет?

Круглая голова повернулась, но не было сказано ни слова, и Кана поежился под взглядом этих глаз за круглыми отверстиями. Затем торговец сделал утверждающий знак, более быстрый, чем кивок терранцев.

— Этот вентури был пленником ллоров, — объяснил Хансу. — Он возвращается к своему народу, а вы пойдете с ним и попытаетесь наладить контакт. Нам нужна база — возможность скрыться, пока мы не сумеем известить Секундус. Используйте все свое умение, Карр. Вы у нас единственный специалист по контактам. Внушите им, что мы тоже противники ллоров, как и они. Передайте их предводителю, что сказал вам корбан.

— Есть, сэр.

Хансу взглянул на часы.

— Возьмите припасы и запасное снаряжение. Мы понятия не имеем, далеко ли Поулт — карта очень не точна, — он помолчал, буравя взглядом Кана. — И помните: нам необходима база!

— Есть, сэр.

Глава 11

ПЕРЕМИРИЕ ВЕТРА

Тропа пролежала по широкому выступу, с которого снег был сдут ночным ветром. Внизу лежала тусклая темная зелень изогнутых деревьев и серое пространство с белым пятном, где гонимые ветром волны бились о скалы западного берега.

Кана пошел медленнее, вглядываясь в эту колеблющуюся водную поверхность. Крылатые существа кружили, ныряли и кричали над узкой полоской песка, разыскивая выброшенных морским прибоем обитателей моря.

Сегодня не светило солнце, и под оловянными облаками земля казалась угрюмой и зловещей.

— Идем...

Кана удивился. За все пять часов совместного пути это были первые слова, произнесенные вентури. Торговец нетерпеливо ждал. На тропе виднелись следы поспешного отступления ллоров более двадцати часов назад. Но других вентури не было видно. Пройдя много мест, самой природой предназначенных для защиты, они не видели ни одного вентури. Можно было подумать, что торговцы и не хотят защищать свою территорию.

И вот, спускаясь по склону, Кана увидел широкую дорогу с ровной поверхностью, шедшую вдоль берега. И через несколько метров заметил часового-вентури.

Проводник посовещался с ним, а Кана не подходил, так как, по-видимому, эти двое желали поговорить наедине. Он не приближался, пока не увидел взмах руки в перчатке. После этого он подошел к небольшому строению. Около него двое вентури управляли первым механическим средством передвижения, которые арчи видели на Фронне. Это была металлическая платформа на трех колесах и без всякого двигателя, по крайней мере, видимого. Проводник-вентури уселся на узком сиденье и показал Кану занять место рядом. Тот едва успел поджать ноги, как они тронулись — не очень быстро, но все же быстрее пешехода.

По пути не виднелось никаких признаков военных патрулей. Как будто вентури, отогнав ллоров в горы, больше не беспокоились о нападении. Это свидетельствовало об их исключительной уверенности в своих силах.

Дорога изгибалась и кружила, следуя естественным поворотам береговой линии. Обогнув один из выступов, они оказались рядом с вентурианским портом. Здесь море вдавалось в берег большим и круглым заливом — естественной гаванью, в которой торговцы построили ряд причалов. На берегу теснились строения, без окон, с высокими стенами, похожими на склады. Приближаясь, Кана заметил следы недавней битвы. Но все вентури, которых он видел, занимались своими делами спокойно и неторопливо. Из странных кораблей у причала — полностью сплошная поверхность придавала им вид черепах — на берег стремился непрерывный поток товаров... но так ли это?

Механизм остановился, Кана слез. Нет, эти корабли не разгружались, а нагружались! Флот торговцев увозил товары в море, а не наоборот. Похоже, что торговцы эвакуируют порт... Теперь Кана повсюду видел признаки организованной эвакуации.

— Идем...

Снова проводник-вентури торопил его. Они пошли по лабиринту проходов между зданиями, время от времени прижимаясь к стенам, чтобы избежать быстро движущихся механизмов, нагруженных связками и корзинами. И, наконец, оказались у небольшого сооружения на самом берегу моря: волны бились о его стены.

День был тусклый и мрачный, но внутри здания было еще темнее. Кана моргал, но тут его схватили за руку и потащили по коридору. Вентури остановился перед сплошной стеной, которая вдруг разошлась. За ней виднелось зеленоватое сияние.

Кана оглядывался с любопытством, которое и не пытался скрывать. Стены комнаты сходились наверху аркой. Толстые подушки служили сиденьями для трех вентури. Перед ними стоял низкий стол. Одна стена, слева от Кана, была покрыта сложной аппаратурой, которую несколько вентури методично снимали и укладывали в ящики. При появлении терранца они прекратили работу и выскользнули из помещения, и Кана остался перед тремя сидящими вентури.

Те тоже работали, разбирая стопки тонких листов из какого-то прозрачного материала. Некоторые листочки они укладывали в металлический ящик, другие в беспорядке бросали на пол. Кана решил, что это записи.

Торговец, который привел Кана с гор, сделал доклад. Это был почти беззвучный процесс, как будто вентури общались не только при помощи голоса. Когда он закончил, все головы в капюшонах повернулись в сторону Кана. Он колебался, не зная, должен ли начать первым. Очень многое зависело от того, сумеет ли он произвести хорошее впечатление. Если бы только взглянуть на их лица...

— Вы из чужого мира?

Потребовалась секунда, чтобы решить, кто обратился к нему. По-видимому, средний. Кана ответил соответственно:

— Я с Терры. Солдат с Терры.

— Почему ты здесь?

— Нас призвал ллор Скора. Его убили. Мы хотим вернуться в свой мир.

— Война ллоров... — показалось ли ему или, действительно, голос вентури звучал недружелюбно.

— Мы больше не сражаемся за ллоров. Мы воюем против них. Они предали нас.

— Что вам здесь нужно?

— Место, где бы мы могли подождать корабль.

— Такие корабли есть в Тарке.

— Но в Тарке наши враги. Они не позволят нам приблизиться к кораблям.

— Но те, что в Тарке, тоже терранцы. Вы воюете со своими?

— Это нарушители наших законов. И они хотят сохранить свои злые дела в тайне от наших хозяев Торговли. Если мы вернемся и расскажем о них, то они будут наказаны.

— Только в Тарке есть такие корабли, — упрямо повторил вентури.

— Мы слышали, что около Поулта есть место, где приземляются корабли звездных торговцев, — с растущим отчаянием возразил Кана. Хансу сам должен был прийти сюда. Он, Кана, не производит никакого впечатления.

— Торговцы не перевозят солдат, торговцы не сражаются.

— Но мы встретили в горах ллоров, бежавших после сражения с торговцами. Этих торговцев больше не приветствуют на равнине. Нет, хозяева Торговли, наступает время, когда даже вам придется обнажить меч и расчехлить ружья для самозащиты. Мы говорили с ллорским корбаном, который предсказывал падение крепостей вентури на побережье. «Наступает новый день, — сказал он, — когда вентури не будут править торговыми караванами». Те, кто хочет изменить положение, вооружены мечами. И они также и наши враги. Мы солдаты, нас с раннего детства готовили к сражениям. Те, кому служат наши мечи, спокойно спят по ночам. И, похоже, вам понадобятся союзники, если эти слухи правдивы.

Фигура в капюшоне слегка изменила позу. Впечатление было такое, будто вентури пожал плечами.

— Мы в море. А ллоры не в море. Если мы будем в море, зачем нам мечи? И скоро жители материка поймут свою ошибку.

— Если бы вы имели дело только с ллорами, возможно, это бы так и было. Но им помогают другие. Изменники-терранцы сражаются не так, как мы. У них есть могучие машины, повиновующиеся их воле, они охотятся с неба. Скажите мне, хозяева, разве нет среди чужеземцев таких, кто хотел бы положить конец вашему влиянию в торговле Фронна? Такие люди поддержат в войне тех, кто лучше служит им.

Не получив сразу ответа, Кана почувствовал, как в нем вновь зарождается надежда. Если вентури покидают береговые базы, орда на морском берегу окажется в новой ловушке. Его шанс — единственный шанс — добиться поддержки торговцев до того, как они отступят.

— То, о чем ты говоришь, нам известно. Нам сообщили о небесных машинах. Значит, ты считаешь, что они последуют за нами — даже если ллоры не посмеют выйти в океан?

— Я думаю, хозяева Торговли, что мир ушел, и настало время, когда все должны выбирать, за кого они. В нарушение закона сюда привезли небесные машины и движущиеся крепости. А когда люди нарушают закон, который может ответить им страшным наказанием, они подсчитывают вероятность успеха, как вы взвешиваете риск и прибыль. Они собираются править этим миром. И если они победят, что им дело до вентури? Нас уничтожат, а ваше торговое королевство исчезнет.

Средний вентури встал. Его одежда, сделанная из более тонкого материала, чем у проводника, слегка шуршала при движении.

— Мы сами не можем заключать договоры, но твои слова будут переданы старейшим в Поулт. Но мы можем дать согласие; приведи сюда своих людей, они смогут переждать здесь большие бури. Мы должны уйти сегодня же. Так сказал Фалтух, да будут его слова записаны.

Бормотание других означало согласие. Кана в знак приветствия поднял руку, предводитель вентури кивнул. Вентури не отличались гостеприимством. Кана тут же проводили к механизму. Когда трехколесная телега поднималась по склону, Кана заметил, что один из кораблей-черепах отошел от причала. Дойдя до середины залива, он стал медленно погружаться, пока над водой не осталась одна коническая башня. Разрезая ею воду, корабль отправился в море.

Кана и вентури уже в сумерках достигли сторожевого пункта, и терранец с благодарностью заметил, что торговец собирается провести здесь ночь. Кана провели в помещение без окон: лишь одна его стена зеленовато светилась. Ему дали матрас, который мог служить и для сидения и для лежания, и оставили одного. Он съел свой рацион и остался лежать на матрасе. Все его тело ныло от усталости.

На следующее утро стало ясно, что вентури считают этот пост концом своих владений и что отсюда он пойдет один. Но бледное солнце разогнало мглу предыдущего дня, и Кана пошел быстрым шагом, бодро напевая марш арчей. Его уверенность в будущем росла. В конце концов, если даже торговцы не

впустят людей в Поулт, им позволено остаться в порту на берегу. А этот порт находится недалеко от того места, где, по словам Хансу, приземляются космические корабли. Нужно будет только немного подождать.

Надежды Кана все росли и окрасили его доклад Хансу в радужные тона.

— Они не сказали, когда сообщат свое решение?

— Нет, сэр. Они эвакуировали причалы перед отступлением в свои морские крепости, им кажется, что они смогут переждать там неприятности...

— Не слышал, чтобы хоть однажды нейтральный что-нибудь выигрывал, особенно если обладает тем, чего добиваются враждующие. Но мы не можем спорить с ними. Придется использовать их порт.

Когда авангард орды достиг сторожевого поста, тот оказался покинутым. Часовые и колесная тележка исчезли. И когда терранцы спустились к причалу, в порту ничего не двигалось. Исчезли корабли-черепахи. Последняя башня виднелась в море, в самом конце залива. Ни одного вентури не оставалось в молчаливом и пустом порту.

Хансу расставил часовых, хотя согласился с тем, что толстые стены защитят даже от оружия мехов. Хансу разместился в том доме, где Кана встретился с предводителем вентури. Вся аппаратура со стен была убрана, остались дыры и пустые скобы, но маленькие столики по-прежнему были привинчены к полу, а за ними виднелись подушечки для сидения. Впервые после выхода из Тарка солдаты оказались под крышей. И вовремя, потому что к вечеру поднялся ветер, перешедший в бурю.

Толстые стены приглушали вой ветра. Но если положить руку к их поверхности, то ощущалась дрожь порывов урагана, каких терранцы не знали раньше. Пока продолжалась буря, можно было не опасаться нападения.

Повинуясь любопытству, они обследовали свои новые помещения и нашли несколько разобранных механизмов. Для чего использовалась половина из них, они не могли и догадаться. Кана, в сопровождении Мика и Рея, вооружившись терранскими фонариками, осмелились исследовать обнаруженный ими потайной ход в дальнем зале. Они спустились по крутой лестнице, не предназначенной для терранских

ног. Лестница оканчивалась в подвале в естественной пещере. Берег круто спускался в воду, подернутую рябью. Ей передалось волнение моря снаружи.

Осветив поверхность воды, Кана заметил трос, прикрепленный к крюку в полу. Трос был туго натянут. Что-то явно тяжелое удерживало его в воде.

Кана попробовал натянуть трос. Да, к противоположному концу что-то привязано. Они попробовали втроем, упираясь ногами в пол и дергая рывками. Несколько секунд спустя на берегу оказался странный предмет. Он был круглый и походил на корабль-черепаху, только у него не было конической башни.

— Бомба? — предположил Мик.

— Нет, ее не стали бы так прикреплять, — Кана обошел предмет. — Вероятно, одноместный корабль.

— Ушли и забыли его?

— Нет. Он был спрятан. Значит, у нас посетитель...

— Оставлен, чтобы следить за нами... — глаза Мика бежали грубые стены. — Может, готовят какую-нибудь ловушку?

— Не думаю, чтобы торговцы были на это способны, — вступился за вентури Кана. — Но, скорее, они оставили наблюдателя. Может, установили связь с Поултом. Но, конечно же, лучше присматривать за этим, — он пнул корабль носком сапога. — Путешествующий в нем должен скорчиться в три погибели. Терранцу в нем вообще не поместиться.

Они сообщили о находке Хансу, и корабль переместили в верхний зал. Все здания порта обыскали, но без результата.

К утру буря не прекратилась. Наоборот, она усилилась, и из-за ветра и брызг стало почти невозможно передвигаться от здания к зданию. Но шторм продолжал препятствовать нападению, и это почти уравнивало недовольство арчей от вынужденной задержки поисков космопорта. А Хансу был уверен, что этот космопорт где-то поблизости.

Кости внимательно осмотрел найденный корабль и сумел его открыть. Столпившиеся солдаты увидели узкое, обшитое матами помещение, где должен был находиться пилот. Сим недоумевал:

— Какой человек здесь уместится?

— Может, совсем и не «человек», — ответил Кости.

— Что?..

— Ну, ни один из нас не видел вентури без этих плащей. Откуда нам знать, похожи ли они на ллоров? Или на нас?

Кана задумчиво разглядывал помещение корабля. Для гуманоида оно было слишком узко. Тут могло поместиться очень тонкое, змееподобное существо. Он не чувствовал никакого древнего предубеждения против рептилий, никаких пережитков, когда-то существовавшего барьера между теплокровной и холоднокровной жизнью. Смещение рас, рождение мутантов после атомных конфликтов изменили прежнее неприятие «чужого».

А в космосе тысячи разумных рас во всевозможных формах и телах нанесли предубеждениям последний удар. Косматые ллоры и косы были «людьми», но, возможно, они делили Фронн с другой расой, происходящей от чешуйчатых. А почему бы не змея и не ящерица? Существуют расы, чьи давние предки были кошачьими, и другие, многие эпохи назад отказавшиеся от крыльев, чтобы развить разум и цивилизацию, и все же юбаны и тристиане были равными партнерами на космических линиях. А что касается рептилий, то можно вспомнить ящеров-закатан, чьи научные достижения известны всей вселенной и которые, тем не менее, являются самыми миролюбивыми и законопослушными учеными.

Кана вспомнил знакомых закатан, которыми он восхищался, и пощупал обивку не с отвращением, а с простым любопытством. Но какая разница, чем покрыто тело: шерстью, чешуей или мягкой кожей, нуждающейся в одежде? Вентури, которых он встречал, ни в какой мере не были ужасными или отталкивающими существами. Нужно было лишь привыкнуть к тому, что они постоянно скрывали свои тела и лица. Но все же ему хотелось узнать, кто же они на самом деле и почему так тщательно маскируются.

Но хозяин этого корабля, если он находится в пределах порта, никак не открывал своего присутствия. А буря продолжалась. На следующее утро Хансу с трудом добрался до соседнего здания, и на обратном пути его с такой силой ударило о стену, что он чуть не упал. Поджидавший его Кана схватил за плащ и втянул вовнутрь. Командир с трудом отдышался и сказал:

— Мы не можем противиться этому. Это время Западного Ветра.

Кана вспомнил информационную катушку. Время Западного Ветра, ужасный зимний сезон, парализующий весь Фронн, когда вся жизнь уходит в укрытия, а порывы ветра несут смерть.

Всякий, кого буря застала бы за пределами порта, оказался бы унесен ветром и убит. Солдатам повезло, они вышли из гор к прочным стенам крепости как раз вовремя.

— Ни один космический корабль не сможет сейчас приземлиться, — заметил Кана.

Хансу кивнул. Но было ясно, что невозможность что-то предпринять его раздражала.

— Хотел бы я встретиться с вентури, — он посмотрел вдаль, как бы вызывая собеседников силой воли. — Как только прояснится, мы должны быть готовы к выступлению.

Будущее по-прежнему оставалось неясным. Если Хансу сумеет доставить вестника на борт космического корабля раньше, чем Харт Дейвис установит их местонахождение и обрушит свои крылатые машины, они победили. Неужели у вентури решающие карты в этой игре?

Глава 12

В ПОУЛТ

Бездействие, вызванное бурей, породило у солдат скуку. Вначале они большую часть времени спали, восстанавливая силы, готовясь к новому походу в горы. Но теперь они бесцельно бродили по зданиям, время от времени устраивая ненужные вылазки, когда им казалось, что наступает затишье. Раздражение выливалось во внезапные беспричинные ссоры. Но Хансу был готов к этому. Начались тренировки в борьбе без оружия, разведке, охоте-преследовании, когда горстка ветеранов пряталась, а младшие члены отряда должны были отслеживать их.

Во время бури установился постоянный мрак, и поэтому стало невозможно отличить день от ночи. Мог быть и полдень, и вечер, когда Кана вскарабкался по опасно крутому пролету узкой лестницы под самую крышу склада. Глаза его привыкли к мягкому зеленому свечению стен, и он тихо двигался, собираясь добраться до небольшой платформы под самой куполообразной

крышей. Отсюда он мог бы рассмотреть весь склад. Сегодня Кана был псом, а Сим — оленем. Для новобранца стало вопросом престижа найти ветерана, даже если этому придется посвятить все время до сна.

По мере того, как Кана поднимался, свет тускнел. Пришлось идти, касаясь рукой ступенек. Но до верха оставалось еще не менее трех ступенек, когда он замер и прижался к стене. Он почувствовал, что он не один.

Снизу он оценил площадь платформы в пять квадратных футов. Над ней находилась дверь, ведущая, должно быть, на крышу. При таком ветре никто не может находиться снаружи. Крыша!

Прижимаясь к стене, Кана пытался вспомнить внешние очертания склада, который он рассматривал из штаб-квартиры два часа назад. Он был похож на все остальные здания, с овальным куполом, представляющим минимум сопротивления для ветра. Крыша...

Он осторожно продолжил подъем. Потом вытянулся во весь рост, подняв руки над головой, пока пальцами не коснулся поверхности над собой. Но он не нашел того, что ожидал.

Дважды во время таких охотничьих игр он поднимался к этим наблюдательным пунктам в складах и оба раза обнаруживал, что крыша слабо вибрирует, дрожит от ударов ветра. Но здесь она была неподвижна, как бы изолирована от внешнего мира. И, по-прежнему, он ощущал, что он не один.

Кончиками пальцев он ощупал потолок и обнаружил небольшую дверь, ведущую на крышу. Но в этой двери было какое-то отличие от других. Трогая петли, он понял, в чем это отличие. На этой стороне не было запора. Дверь закрывалась с противоположной стороны. Он достал фонарик, отрегулировал его на минимальное освещение и включил, больше не заботясь о том, что Сим может его заметить. Платформа была покрыта песчаной пылью, которая просачивалась сквозь щели во время бури. Подошвы его сапог оставили в этой пыли ясные следы. Но были здесь и другие следы. Такие следы не мог оставить терранец. Кана снова осветил дверь. Она была плотно пригнана: он почти не видел линий соединений. Блеснули две петли. Кана осторожно обследовал их. Жир — какой-то жир недавно нанесли на петли, он еще не застыл, и его странный

запах чувствовался остро, когда Кана поднес смазанный жиром палец к носу. Кто-то пользовался этой дверью. Но выходить наружу — это невозможно!

Кана направил луч на потолок, собираясь обследовать его дальше. Постепенно он убедился, что над головой между потолком и куполом имеется пространство. Угол между куполом и крышей острее, чем должен быть. Какое великолепное укрытие! Ни один терранец не посмеет осматривать крыши в бую. Кана был готов поклясться, что нашел укрытие шпиона-вентури! Хансу нужно лишь оставить здесь часового и... Потому что теперь он услышал и запах.

Ниже, там, где раньше лежали груды товаров, запахи перемешивались друг с другом, и общий аромат действовал на терранцев одуряюще. На мгновение Кана вспомнил игорное заведение на Секундусе. В запахе не было ничего неприятного, и он становился сильнее. Потом послышался легкий шлепающий звук, и Кана застыл, не осмеливаясь дышать. Слух сказал ему, что из двери что-то упало на платформу. Кана протянул фонарик вперед, как будто это был бластер.

Послышались другие звуки. Он не мог определить, какое движение обозначают эти звуки.

Кана включил фонарь на всю мощность. Луч света упал на существо, которое делало последний шаг с веревочной лестницы на пол. Существо ухватилось за веревку и застыло, выпрямившись, неподвижно, поняв, что бегство невозможно.

Помещение в корабле-малютке действительно давало ключ, но реальность превосходила всякое воображение. Если это вентури — а у Кана не было оснований сомневаться в этом, — то вторая господствующая раса Фронна физически не имела ничего общего с ллорами.

Необыкновенная хрупкость создавала впечатление большего роста, чем в действительности. Руки походили на ветви дерева, отходя от тела без всяких плеч. Мешковатая шея едва намечалась. Ноги были длинные и тонкие, кончались плоскими перепончатыми ступнями. Верхние же конечности, две пары, оканчивались шестипалыми ладонями. Но голова была наименее похожа на человеческую: по обе стороны носа усажены парами четыре глаза, широкий рот, раскрытый от удивления, никакого подбородка... Кана в ужасе смотрел, сознавая, что

уже видел это существо. Это был тиф, превратившийся в наземного жителя, и лишь больший размер мозга отличал его от яростного морского охотника.

Вспомнив о тифе, Кана почувствовал, как его обьял холодный страх. Но тут он увидел глаза существа, мучительно мигавшие в луче света. Это не были черные бусинки ненависти, обещавшие только зло, которые смотрели на него из ручья. Большие золотистые зрачки, в которых светился разум, говорили о мире. Арч понял, что, хотя вентури внешне похожи на тифа, по характеру они совсем не тифы.

Ни одна из четырех рук не потянулась к ножу, висевшему в ножнах на шее вентури. Серо-зеленая кожа, прикрытая лишь короткой туникой, дрожала. Кана резко выключил фонарь. И тут настала его очередь ослепнуть, когда зеленый луч, гораздо более мощный, ударил в него, осветив с головы до ног.

— Только один? — вопрос не мог исходить из этого широкого рта, и все же...

— Да.

Свет перешел на руки Кана, а затем на его нож на поясе, будто вентури изучал оружие.

— Пойдешь? — зеленый луч указал на свисавшую лестницу.

Кана не колебался. Повесив собственный фонарь на петлю, он сделал шаг вперед. Взобравшись по короткой лестнице, он протиснулся в дверь. Это едва удалось ему. Наверху оказалось маленькое помещение, и губчатый мат покрывал треть пола. Кана сел с краю, а хозяин помещения появился вслед за ним и сделал какое-то движение, отчего свечение стен усилилось. В помещении, помимо мата, находился плоский ящик и аккуратная груда контейнеров. Стояла только небольшая жаровня, от которой поднимался остро пахнущий дым. Помещение, хоть и тесное, все же было достаточно удобно для вентури. Он сел на другой край мата, отбросив в сторону скомканный плащ.

— Ты следил за нами? — спросил Кана.

— Следил, — невероятная голова с четырьмя золотистыми глазами дернулась, подтверждая.

— Для хозяев Торговли?

— Для народа, — негромко поправил вентури. — Вы торгуете смертью. Такие сделки могут привести к злу.

— Ты говоришь от имени многих?

— Я учусь говорить от имени многих. Но мне еще мало лет, и разум мой ограничен... А ты лорд многих мечей?

Настала очередь Кана отказаться от чести.

— Я тоже лишь учусь нашему делу. Это мое первое боевое путешествие.

— Скажи мне, почему вы крадетесь по зданиям, выслеживая друг друга? — В голосе вентури звучала нотка подлинного недоумения.

— Мы учимся, чтобы впоследствии тайно подбираться к врагу. Это тренировка в нашем искусстве.

Четыре глаза продолжали, не мигая, рассматривать его.

— И теперь враг, к которому вы должны подбираться незаметно, — ллоры. Но почему?

— Нас призвал служить Скоря. Он заключил договор с нашими хозяевами Торговли. Но в первой же битве он был убит. В соответствии с обычаями, мы прекратили войну и попросили разрешения вернуться домой. Но ллоры пригласили наших командиров на переговоры об этом, а потом предательски убили их. Тут мы обнаружили, что с ллорами действуют преступники из нашей расы. Они не хотят, чтобы мы вернулись и рассказали нашим хозяевам Торговли всю правду. Наши враги заняли Тарк, где приземляются космические корабли. Мы пришли к Поулту, надеясь отыскать торговый космический корабль, который передаст наше сообщение.

— Но здесь не приземляются военные корабли.

— Это неважно. Они не настолько малы, чтобы не захватить одного-двух человек, помимо экипажа. А как только наши хозяева Торговли узнают о случившемся, они пошлют за нами корабли.

— Значит, вы не хотите оставаться на Фронне? С вашим военным искусством вы могли бы захватить весь наш мир.

— Мы с Терры. Только Терра — наш дом. Мы лишь хотим мирно покинуть Фронн.

Наклонившись вперед, вентури глубоко вдохнул поднимающийся с жаровни дым. Затем, ни слова не говоря, раскрыл круглый ящик и извлек две маленькие чашки без ручек. По форме чашки напоминали раковины. В их сине-зеленой глубине двигались аметистовые тени. Из маленького флакончика, такого же красивого, он налил в чашки золотистую жидкость. Потом

он протянул одну чашку Кане, а сам поднял другую, произнося слова на своем языке.

Кана, не раздумывая, взял чашку. Он не мог отказаться от напитка — так радушно он был предложен. Кана, конечно, опасался напитка, действия его на свой организм, хотя, глотнув, не почувствовал никакого неприятного ощущения. Наоборот, его охватило тепло, постепенно распространявшееся по телу. Он опустил пустую чашку. Он испытывал чувство очень странное, как будто вкус напитка смешался с запахом от жаровни и мягким свечением стен, как будто вкус, осязание, нюх и зрение внезапно слились и стали гораздо резче и острее.

Вентури закутался в свой плащ.

— Идем к твоему хозяину Мечей...

Слышал ли он эти слова ушами, размышлял Кана, или они прозвучали прямо в мозгу? Он встал, наслаждаясь необычной остротой и ясностью чувств. Человек-лягушка уже спускался по веревочной лестнице во тьму. На платформе вентури опустил капюшон.

— Он в другом здании, — предупредил Кана, вспомнив о буре.

— Да... — Тень в плаще беззвучно скользнула, почти мгновенно исчезнув из виду. Кана понял теперь, как мог вентури подглядывать за солдатами.

Цепляясь друг за друга, они преодолели несколько метров, отделявших склад от штаб-квартиры. Одежда Кана и плащ вентури мгновенно промокли от брызг.

Кана обнаружил, что не только чувства его обострились, но и реакция стала быстрее. Он одновременно подмечал очень многое, в чем раньше не отдавал себе отчета. Крыши зданий больше не казались ему одинакового зеленого цвета, они различались оттенками; звуки, раньше заглушавшиеся ревом ветра, теперь были вполне различимы.

— Кто это? — мечник в зале остановился, увидев вентури.

— Посланец к Хансу.

Хансу и два мастера-мечника сердито обернулись на помеху. Но тут же увидели торговца.

— Где вы... — начал было Хансу и обратился непосредственно к молчавшему вентури. — Что тебе нужно?

— Скорее, что нужно тебе, хозяин Мечей. Ты хочешь встретиться с нашими хозяевами Торговли. Но у меня нет права от-

вечать от их имени. Вот он, — закутанная голова кивком указала на Кана, — объяснил мне, почему вы здесь и что вам нужно. Дайте мне... — он указал промежуток времени в фроннианских мерах, — и я принесу вам ответ.

— Согласен, — Хансу не колебался. — Но как ты свяжешься со своими? В эту бурю...

Кана почувствовал сильное удивление вентури.

— Разве у вас нет способов общаться на расстоянии? Мы встречались с чужеземцами с других планет, но не раскрывали перед ними всех наших знаний и возможностей. Идем со мной, если хочешь, и увидишь. В том, что я делаю, нет колдовства, только разум, используемый для безопасности и удобства.

И вот Кана с Хансу вернулись в тайник, где вентури открыл маленький ящик и достал оттуда серебряный зеркальный диск с рядом небольших рычажков. Поднимая или опуская эти рычажки, он набрал нужную комбинацию. Зеркало затуманилось, и вентури заостренным концом небольшого стержня начертил на нем несколько волнистых линий. Они исчезли с диска, и его снова затянуло туманом, а после некоторого ожидания на диске появились другие линии. Так происходило четыре раза, и, наконец, вентури отложил свое перо.

— Теперь весь вопрос во времени, — сообщил он терранцам. — Нужно подождать, пока Хозяева ответят. Я лишь доложил, а уж они отдадут приказ.

Хансу согласился. Вокруг его рта пролегли жесткие морщины, глаза затянулись усталостью. Силы его были на исходе. И его угнетало не только будущее орды, но и нечто большее. Он сражался больше, чем за бегство с Фронна. Его цель могла оказаться важнее жизни всех арчей в мире.

Вентури вдохнул дым от жаровни. Его золотые глаза не отрывались от терранцев.

— Хозяин Мечей, — обратился он к Хансу, — я могу сказать тебе, что уже десять раз по десять тенев у нас не приземлялись иноземные корабли...

Кана попытался перевести меры времени. Около четырех месяцев. Он сжал губы.

— Так бывало и в прошлом?

— Нет, — это был ответ на вопрос Хансу. — Нас не заботит инопланетная торговля, поэтому ее отсутствие не может беспокоить нас. Но теперь... Возможно, за этим что-то скрывается. Что же вы будете делать, если корабль не придет? Ваши враги заняли порт в Тарке.

— Сначала сделаем одно дело. Пока мне нужно поговорить с вашими хозяевами, а потом посмотрим...

Из ящика послышался слабый звук. Вентури посмотрел в зеркало. Хотя терранцы ничего не видели, но вентури спустя несколько мгновений проговорил:

— Хозяева приглашают вас в Поулт для переговоров. И поскольку вы встретились с предательством на Фронне, сюда придут наши заложники. Вы согласны?

— Да. Когда я отправлюсь?

— Сегодня к вечеру буря ослабнет. Из Поулта вышлют корабль, но нужно быть готовым к немедленному возвращению, потому что затишье продлится недолго.

— Я отправлюсь один?

— Возьми с собой одного человека по твоему выбору. Я бы предложил этого, — палец с когтем указал на Кана. — Он хорошо говорит на торговом языке.

Хансу не возражал.

— Да будет так.

Как и предсказал вентури, наступило затишье. Терранцы с торговцем спустились к воде. Кана видел пенную линию, свидетельствующую о приближении вентурианского корабля. Он появился из волн и остановился у причала с удивительной точностью. В конической башне открылся люк, и появились четыре фигуры в плащах. Трое спустились с корабля на землю, а четвертый остался на корабле.

— Это хозяин Расуф, подхозяин Рсад и подхозяин Ерол — они останутся здесь.

Хансу назвал своих мастеров-мечников, а потом в сопровождении Кана поднялся по трапу, ведущему к люку. Трап опустили в зеленоватую полутьму, и двое спустились, окруженные странными запахами и шумами. Вентурианский шпион взял Кана за рукав и потащил в сторону.

— Командир корабля думает, что тебе будет интересно взглянуть в окно... Сюда.

Они прошли по коридору, настолько узкому, что терранец проходил с трудом, и оказались в круглом помещении. Вдоль стен шла широкая подушка для сидения, прерываясь только у двери. Прямо перед ними была стена из сплошного стекла, а за стеклом виднелось здание порта.

Вентури без плаща сидел на подушке, внимательно наблюдая за происходящим снаружи. Он сделал приветственный знак рукой, и тут же сооружения порта отступили и повернулись направо. Путешествие к Поулту началось.

Глава 13

ТОРГ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Поулт появился из воды внезапно: зубчатые скальные стены острова резко поднимались из воды без всякой полоски песка. И не виднелось ни одного здания.

Позволив пассажирам бросить взгляд на остров, корабль погрузился так, что даже коническая башня оказалась под водой. Терранцев провели вниз и посадили в меньшее судно, где находились двое вентури. Стены маленького корабля задрожали, но больше никаких признаков движения не было.

Кана испытывал беспокойство. Его угнетало, что темная каюта где-то глубоко под водой. Но путь был недолог, и, когда люк снова открыли, они находились в подземном порту — большей копии того подвала-пещеры, который они обнаружили на континенте. Когда их вели по узким коридорам, высеченным в скале, они почти не видели город. Наконец они оказались в помещении на самой вершине утеса. Одна стена помещения была прозрачной. Проводник ушел, а Кана подошел к окну, наслаждаясь открывшимся перед ним видом.

— Кратер вулкана, — заметил Хансу.

Центр острова напоминал чашу, стены которой представляли собой террасы. В глубине на террасах виднелись рощицы деревьев. Но нигде и следа зданий.

— Но где же они...

Мастер клинка осмотрел мирный ковер растительности на внутренних стенах кратера, объясняя:

— Все их помещения в скалах.

И тут же Кана увидел доказательство — множество правильных круглых отверстий в скалах, которые соответствовали окнам, и перед одним из которых он стоял. Он удивился:

— Какое чудо! Даже бомбардировщик здесь бесполезен. Разве что пустить в ход горячую штучку...

Хансу ответил жестко:

— Когда закон нарушен один раз, второе нарушение уже дается легче.

— Использовать горячее оружие? — изумление и ужас Кана были искренними. Он мог признать измену мехов, мог даже согласиться с борьбой за власть, в которой каким-то загадочным образом участвуют агенты ГУ, но подумать о применении атомного оружия! Терра получила слишком хороший урок во время Большого Ожога и последовавших за этим войн... Это произошло тысячу лет назад, но в памяти людей ничего не могло заглаживать рубцы воспоминаний. Невозможно представить себе терранцев, использующих атомное оружие — это неестественно, от одного такого предположения начинала кружиться голова.

— У нас достаточно доказательств, что это не просто заговор мехов, — безжалостно продолжал Хансу. — Мы же знаем, что такое атомное оружие, знаем по собственной истории, но другие не знают. Поэтому нельзя исключать такую возможность...

Он вспомнил военную аксиому: никогда не исключать никаких возможностей, быть готовым к любым изменениям в будущем...

— Военный лорд, — один из вентури молча появился за ними. — Хозяева будут говорить с тобой.

Кана с беспокойством заметил, что не было проявлено никакого гостеприимства, не сделано никакого жеста, который можно было бы назвать дружеским. Вслед за Хансу он вошел в комнату, где их ждали четверо вентури без плащей.

Они были одеты в короткие туники из мягкой ткани синеземрудного цвета, на поясах укреплено оружие, все четыре верхние конечности украшены браслетами. На некотором расстоянии сидел пятый вентури, держа в одной руке пишущий стержень, а в другой — туманный зеркальный диск.

Перед вентури было установлено одно сиденье. Хансу сел, а Кана остался стоять за ним.

— Нам сообщили о том, что вам нужно, — один из вентури, с вышитым на груди символом, без церемоний начал переговоры. — Вам нужно убежище для ваших людей, пока вы не установите контакт с вашими повелителями в другом мире. Почему мы должны интересоваться судьбой пришельцев, которых мы не звали на Фронн? А поскольку вас преследуют ллоры и их новые союзники, то может стать так, что, предоставляя вам убежище, мы навлечем на себя гнев хозяев Тарка.

— Разве между вами и Тарком не существует состояния войны? — возразил Хансу. — Пересекая горы, мы встретились с отрядом ллоров, бежавших после нападения на порт. Мы освободили там одного вашего.

Широкое лицо вентури не выразило никаких чувств.

— Вентури не воюют, они торгуют. А когда нет торговли, когда мир раздирается войнами, мы отступаем в свои крепости и ждем, когда положение восстановится. Так было всегда в прошлом, и такая система давала нам преимущества.

— Но разве ллоры заключали раньше союз с теми, кто может приносить войну по воздуху? Возможно, Поулт и нельзя захватить с моря. Но что если на вас нападут с воздуха, хозяин многих кораблей?

— У вас нет машин, летающих по воздуху, значит, ваши враги сильнее вас?

— Их обучали другим способам ведения войн. И не по нашему обычаю использовать их на такой планете, как Фронн. С их оружием они, если пожелают, могут захватить всю планету. Неужели вы считаете, что ваше отступление может помешать им в осуществлении их плана? Одну за другой они отыщут ваши островные крепости и обрушат на них с воздуха смерть и разрушение. Они могут принести вам даже огненную смерть — это оружие, запрещенное для всех других живых существ, оружие такое ужасное, что чуть не уничтожило мою родную планету и на столетия отбросило мою расу в варварство, — и Хансу повторил предупреждение, уже слышанное Кана: — Если закон нарушен один раз, вторично его нарушать легче. Эти изменники нарушили наш закон, придя на Фронн, и могут дойти до гораздо более плохих вещей...

— Но если вы не умеете сражаться, как те, чем же вы можете быть полезны нам?

— Вот чем, — Хансу сидел прямо и неподвижно, как будто отвечал на вражеский вызов. — Сообщение о происшедшем должно быть передано главным хозяевам. Только у них достаточно сил, чтобы справиться с преступниками. И сообщение должен передать тот, кого они станут слушать. Дайте моим людям убежище, и я сам отвезу сообщение. И я обещаю вам, что после того, как меня выслушают, на Фронне будет наведен порядок. Здесь будет запрещено появляться чужакам с других планет, а вас предоставят самим себе, чтобы вы сами справлялись со своими делами. Разве вы не знаете, что существуют такие, кто не хочет, чтобы торговля на Фронне велась только вентури? Они позволят ллорам погубить вас, потому что ллоры невежественны в вашем искусстве, и торговцы с чужих миров быстро все захватят в свои руки. И навсегда! Вы никогда не принимали чужеземных торговцев, и они будут рады от вас избавиться...

Произвел ли Хансу нужное впечатление на них? Кана не мог этого определить. И надежды его ослабли, когда вентури ответил:

— Ты сказал очень много. Мы должны это обсудить на совете. Будьте спокойны в наших водах сегодня ночью...

Последние слова напоминали традиционную формулу гостеприимства. И терранцы обнаружили, что они обозначают комнату с видом на долину. В комнате две курящиеся жаровни наполняли воздух острым запахом. Вошел один из хозяев в сопровождении вентури, несшего поднос. На подносе стояли три высокие чашки и кувшин. Хозяин налил себе немного той жидкости, которую Кана уже пробовал в тайнике, а потом налил собственными руками в чашки терранцев. И снова Кана ощутил, как обостряются его чувства, как оживают мозг и тело. Церемониальный напиток унесли и расставили маленькие столики со множеством подносов, на которых были маленькие порции еды.

— Эту пищу вывозили в чужие миры, — заверил их хозяин, — поэтому вы можете ее есть безбоязненно.

Терранцы начали есть, благодарные за перемену в своем рационе. Незнакомый вкус показался интригующим. Вентури были искусными поварами и стремились к неожиданным эффектам, некоторые блюда были горячими и холодными одно-

временно, за резким острым соусом следовало сладкое, и все это вместе давало такое гастрономическое наслаждение, которого Кана никогда раньше не знал.

— Ваш город хорошо укрыт, — сказал Хансу и жестом указал на буколическую картину в кратере.

— Мы не собирались скрываться, — поправил его хозяин. — Когда наши отдаленные предки впервые выбрались из воды, то они жили в пещерах островов этого моря. Поэтому, вместо того, чтобы строить снаружи, наша раса привыкла жить в земле. В нашей природе стремиться к закрытым помещениям, близким к воде. По мере того как росли наш разум и цивилизация, наши города становились такими, как Поулт. Нам плохо на сухих равнинах континентов: каждому из нас приходится выполнять там свои обязанности, но мы радуемся, когда можем вернуться домой. А ваша раса живет открыто, как и ллоры?

Хансу кивнул и начал описывать Терру, ее голубое небо, зеленые холмы и открытые изменчивые моря.

— Скажи мне, почему вы продаете свое искусство войне? А ваша раса, вероятно, старше моей. Вы не варвары, как ллоры. И ллоры молодая раса. Неужели вы не понимаете, что ваше занятие — напрасная трата сил, отрицание роста и добра?

— Мы рождаемся с волей к борьбе, с желанием сравнить наши силы с силами противника. Когда племя или нация утрачивает это свойство, она впадает в упадок. Мы вырвались в космос — к этой цели мы стремились в течение веков, мы рвались к звездам. И обнаружили, что космос не для нас, что нас считают такими же дикими варварами, как и ллоров. В космос до нас вышло множество рас и племен, и они создали особый кодекс, чтобы контролировать новичков. Те, кто правит космосом, считают, что наш темперамент для него непригоден, что он за пределами установленных границ. Поскольку мы стремились к борьбе, нам предназначено быть наемниками на других планетах. Мы обречены на эту службу, только так мы укладываемся в их схему. Такую плату мы вносим за космос — служим стражами на звездных линиях.

— Мне это не кажется равной сделкой, — заметил хозяин. — А если сделка неравная, наступает день, когда она нарушается, и тот, кто обманул, вынужден искать другое место для торговли. Не так ли будет с вашей сделкой?

— Возможно. А что произойдет здесь, на Фронне, должны решать вы.

— Пусть ваша торговля будет хорошей, а прибыль большой.

— Пусть ваши корабли всегда возвращаются в гавань, — в той же манере ответил Хансу, и хозяин покинул их.

В тот день терранцев больше не приглашали к хозяевам. Вскоре буря снова усилилась, и окно их помещения большей частью было закрыто пеной, гонимой ветром...

— Как вы думаете, у нас есть шанс? — осмелился Кана прервать молчание, в то время как Хансу с отсутствующим видом смотрел в окно.

— Сейчас, по крайней мере, они обращаются с нами, как с почетными гостями. Предлагая нам еду, они признают наше равенство. А когда завоевываешь один пункт, то можно продвигаться дальше. Но у них не наша логика. Мы не смогли догадаться, что они будут делать, поставив себя на их место. Вам, как специалисту по контактам, следовало бы знать это. Это ваше первое назначение?

— Да, сэр.

— Почему вы готовились к этой специальности?

— Мне понравился основной курс, сэр. У нас был закатанский инструктор, он заставил меня о многом подумать. И меня очаровал способ, каким работает его мозг. И благодаря ему я встретился с другими специалистами-инопланетниками. Поэтому я прошел испытание по специальности и был допущен к обучению. Этот курс не слишком популярен: много лишних часов. Но, сэр, мне это обучение никогда не казалось работой. А занятия в кабинетах интереснее, чем увольнительные в город. Встречи со специалистами-инопланетянами мне очень нравились, хотя у нас не одобряли...

— Дружеские связи с чужаками? Я это знаю. Лишь бы изучить минимум, необходимый для установления связи на других планетах. Конечно, для ГУ мы самые странные из всех разумов.

— Дик однажды говорил что-то подобное, сэр. Что у ГУ сложилось неправильное представление о терранцах и что они настоящих терранцев не видят...

— Миллз знал, о чем говорил. Мы нарушаем закон и обычай, пытаюсь на свой риск и страх вести переговоры с этими вентури. Но мы пойдем и дальше...

Когда Кана, поправив подушку, собрался спать, Хансу все еще о чем-то размышлял у окна. Снаружи ревел ураган, но за стенами его почти не было слышно. Утром им показали место, где можно умыться. Там был бассейн с морской водой, достаточный по размерам для плавания. Потом они снова роскошно поели. Но свидание с членами совета состоялось только в полдень.

— Мы обдумали проблему, — начал тот же самый хозяин, когда Хансу занял свое место, — и согласны с большинством из ваших доводов. Однако будущее полно случайностей. Мы не можем переместить ваших людей сюда: экономика наша и так напряжена, а место ограничено. Приютить на неопределенный период такое количество людей мы также не можем. К тому же корабли можно использовать лишь во время затишья.

Но и ваш враг сейчас не может действовать. Поэтому у вас есть около десяти дней, в которые вы можете изучить ситуацию и принять решение. К концу этого периода, если предоставится возможность отправить сообщение вашим командирам, мы согласны переправить ваших людей на Поулт и на большой остров дальше в море, на котором мы пасем наших гуенов во время сезона бурь. Вдобавок мы снабдим ваших людей продовольствием и научим сетями ловить морских созданий, пригодных для пищи.

— А что вы возьмете с нас за это?

— Слово, чтобы вы добивались у своих хозяев запрета на появление на Фронне чужеземцев, ведущих войны. Чтобы чужеземцы могли появляться только с ведома вентури и чтоб вентури знали о цели их появления. Мы не хотим, чтобы Фронн стал вассалом другого мира или служил разменной монетой в сделках хозяев звезд.

— Согласен, и не только потому, что это ваши условия. Я и сам того же мнения, — заявил Хансу. — Сейчас мы возвращаемся в порт?

— Через два легких периода этого дитила снова наступит затишье. Тогда вы сможете вернуться. С вами пойдет член совета, который будет связывать вас на расстоянии. Попутного ветра и хорошей прибыли тебе, лорд многих мечей.

— А тебе, хозяин Кораблей, гладкого моря.

Наконец наступило затишье, дававшее им возможность вернуться. Оно так долго длилось после их возвращения на континент,

что, если бы не совет вентури, терранцы бы совершили ошибку, попытавшись добраться до космопорта. Но его предупреждение держало их вблизи зданий. Вечером вновь грянула буря...

— Мы не получили сигналов от космических кораблей, — вентури отхлебнул напиток, изготовленный из растворенных в воде таблеток терранского рациона. — Наши хозяева считают, что здесь больше не будут приземляться корабли. Зачем? Ведь Тарк открыт для них, а ллоры уверяют, что в будущем с нами не придется вести дело.

— Верно, — Хансу проглотил горячий напиток.

— Но в таком случае вам придется изменить планы?

— Возможно, мы пойдем в Тарк.

У вентури не было бровей, но он весь излучал вежливое недоверие. Только вежливость удержала его от вопроса, как это будет сделано. А Хансу не стал ничего объяснять.

Буря продолжалась меньше предыдущего срока, и Кана знал, что теперь такие штормы пойдут на убыль. В полдень на следующий день вентури объявил, что можно выходить. Солдаты с радостью высыпали на открытый воздух, глубоко вдыхая прохладу зимнего дня и разглядывая груды предметов, принесенных ветром и волнами. Крик ушедшего дальше всех арча заставил подойти к нему. Между отдаленными зданиями, которые никто не занимал, лежали обломки машины. Как будто какой-то гигант схватил ее и скрутил, как женщина выжимает белье.

— Краулер! Это краулер! — повторял возбужденный испуганный голос. И хотя никто не спорил, всем трудно было поверить своим глазам.

Краулер — небольшая движущаяся наземная крепость, но все же несомненно мощная военная машина, брошенная и разбитая, будто была сделана из соломы.

Внешний люк был раскрыт, очевидно, от удара. Кости вскарабкался на обломки, чтобы взглянуть внутрь. Когда он выглянул из дыры, лицо его было зеленым, несмотря на загар. Он конвульсивно вздохнул.

— Тут... Тут полный экипаж на борту... — доложил он. Никто не торопился следовать за ним.

— Сколько? — Внизу появился Хансу и начал подниматься на борт.

Кости неохотно еще раз заглянул в разбитый краулер. Губы его двигались при счете.

— ...Четыре... Пять... Шесть. Шесть, сэр.

— Ларсен, Богат, Ведин, займитесь. Их нужно вынести, — бросил Хансу через плечо.

— Они... — снова сглотнул Кости, — все мертвы.

— Тем не менее их нужно извлечь.

Вызванные им люди неохотно начали подниматься, а сам Хансу уже скрылся в краулере. Даже когда грязная работа была закончена и шесть тел были унесены в ближайшее убежище, Хансу все еще не был удовлетворен. Пятеро оказались мехами, и он тщательно изучал их нашивки. Но шестой, хотя и одетый в мундир мастера-меха, оказался чужаком. Внимательно осмотрев разорванный и окровавленный мундир, Хансу долго в задумчивости стоял над телом.

— Сарм! — сказал он так негромко, что если бы Кана не стоял поблизости, то ничего бы не услышал. — Сарм!

Любой бы терранец разделил его недоумение при виде тела. Из всех галактических рас сармов с Сармата меньше всего можно было ожидать здесь, среди союзников терранцев. Ведь сармы считают их варварами. Они не только были открыто грубы с терранцами, как агератанцы или дзаранеане, они просто игнорировали терранцев. И все же здесь был сарм в мундире меха, возможно, командовавший мехским краулером.

— Сэр! — Кости наполовину высунулся из краулера, вывел из задумчивости Хансу. — Груз, сэр. Похоже на оружие...

Мертвый сарм был оставлен: не только Хансу, но и все терранцы заторопились к разбитой машине. Ларсен показался из люка, протягивая ящик. Кости вынес его наружу. Все окружили Хансу, который, присев на корточки, ножом поднял крышку. Внутри лежали какие-то предметы, завернутые в промасленную ткань. Хансу не нужно было много времени, чтобы определить, что же это такое. Когда он развернул тряпку, в его руках оказался лучемет галактического образца.

— Сколько там таких ящиков?

— Три, сэр.

— Есть возможность определить, где находилось это корыто, когда началась буря? — спросил он у Кости. — Записывается ли их маршрут, как на корабле?

— Не думаю, сэр. Тут ручное управление. Но могу проверить... — И он снова направился в краулер.

— Очень далеко от Тарка, сэр, — нарушил молчание Ларсен. — И разведчик не стал бы брать с собой груз.

— Верно, — Хансу внезапно повернулся к вентури, который с любопытством смотрел на всю эту сцену из дверей склада. — Вы уверены, что никакой космический корабль не приземлялся поблизости?

— Но не на контролируемой нами территории. Видящие зеркала сказали бы нам...

— И на расстоянии дня пути нет иной посадочной площадки? Этот краулер вез груз. Он не стал бы перевозить груз из Тарка в сезон бурь. Он не мог пытаться добраться туда из корабля, приземлившегося где-нибудь поблизости, как вы думаете?

Вентури кивнул в знак согласия.

— Тяжелая и крепкая машина. Те, внутри, могли считать себя в безопасности. Но они не знают силы наших бурь. И если это верно, то они могли попытаться добраться до Тарка. Верно и то, что люди в Тарке — ведь ллоры предупредят их — не осмелятся уходить далеко. Я свяжусь с хозяевами. Возможно, корабль все же приземлился, — он исчез в здании.

А несколько мгновений спустя Кости принес обескураживающее известие из машины.

— Они шли на ручном управлении, сэр. И никаких записей. Но не думаю, что это разведчик. Тяжелое оружие в чехлах.

— Почему же они не приземлились в Тарке? — размышлял вслух Хансу. Он опустил кулак на разбитую гусеницу краулера. — Все детали груза, все обмундирование и оборудование, все, до последнего кусочка, принести в штаб! Может, найдем ключ. И побыстрее.

Глава 14

СПРЯТАННЫЙ КОРАБЛЬ

Хотя было доказано, что краулер недавно выгрузили из корабля и он отправился в первую поездку — может, и в Тарк, — не было никаких указаний, где приземлился этот корабль. И именно вентури сумел указать ключ к разгадке.

Вентури пробрался сквозь толпу к Хансу и, не тратя времени, изложил полученное известие.

— Чужеземный корабль приземлился в шести гормелах к югу...

Пока Кана пытался перевести гормелы в терранские мили, вентури продолжал:

— Он сел среди прибрежных скал и в безопасности от бурь.

— Большой корабль? — спросил Хансу.

Вентури сделал странный жест верхней парой конечностей, что у его расы соответствовало пожатию плечами.

— Мы не умеем определять размеры ваших кораблей... и если бы поблизости у нас не оказался бы пост... — Он поколебался, и Кана заподозрил, что этот пост — не торговая станция, а, скорее, шпионский наблюдательный пункт. — Но этот корабль меньше тех, что приземлялись раньше, и он спустился тайно во время первого затишья.

— Сорок миль... — Хансу оказался быстрее в пересчете. — Что за местность между нами?

Снова вентури «пожал плечами».

— Пустыня. И будут еще сильные бури.

— Но небольшой отряд сможет пробраться? Или, может, твой народ доставит нас по морю?

На последний вопрос последовало категорическое «нет». Береговые течения вдоль побережья не дают возможности пристать. Разве лишь в спокойный сезон. По поводу похода по суше вентури не стал высказывать мнения. Однако он согласился указать последовательность бурь и периодов затишья на три-четыре дня вперед. И Хансу отправил еще одно послание хозяевам в Пулт.

В ответ сообщалось, что в следующий период затишья корабль возьмут на борт большую часть орды, а маленький отряд останется и попытается по суше добраться до спрятанного корабля. Это был отчаянный план, но все-таки перспектива возвращения в Тарк выглядела еще хуже.

Связник вентури сверил свою карту с грубо нарисованной картой Хансу и указал место, где находился корабль.

— Хозяева желают вам успеха, — закончил вентури, — вы отправляетесь сегодня вечером?

— Только после ухода орды, — с отсутствующим видом ответил Хансу. Взгляд его блуждал по солдатам, собравшимся в

помещении. Не все солдаты подошли на этот прощальный сбор: были больные и раненые. Но кто же из них пойдет на юг? Кана знал, что все собравшиеся думают об этом.

Сам он уже сделал выбор. Кости, маленький, стройный, должен пойти. Он почти единственный в орде обладал познаниями в технике, знал, как поднять корабль, если им удастся в него проникнуть, в космос. И Хансу — Кана был уверен, что тот сам поведет отряд. Но сколько человек будет в отряде? И кто именно? В конце концов, это зависело от неприятной целесообразности. С мертвых мехов сняли мундиры, очистили их и стали подбирать людей, которым они бы подошли. И когда один из мундиров пришелся Кана по плечу, он понял, что будет в числе участников. И не успел он решить, радоваться этому или нет, пришли корабли, переждали непродолжительную бурю и на следующий день увезли орду, оставив на пристани Хансу и пятерых солдат. Когда последняя коническая башня исчезла в воде, мастер клинка натянул поводья ожидавшего гуена.

— Нужно найти убежище до начала следующей бури. Выступаем!

Круглый купол сторожевого поста вблизи порта они увидели до начала очередного приступа бури. Но защита, которую давало это маленькое здание, совсем не то, что безопасность за толстыми стенами.

Скорчившись на полу, оглушенные ревом ветра, шестеро людей думали, выдержит ли купол следующей натиск бури. Гуены, тесно прижавшись к земле костлявыми телами, подняли монотонный воющий крик, который резал терранцам уши.

Прошло несколько часов — оглушенным людям они показались вечностью — прежде чем ветер стих.

— Вперед! — Хансу вскочил на ноги и начал поднимать своего гуена, который скалил клыки и сердито огрызался.

Через пять минут они были на дороге. От быстрой рыси гуенов у солдат болели тела. Но они стремительно продвигались вперед. Им везло до сих пор и продолжало везти. Но когда собравшиеся вновь тучи показали, что им пора отыскивать убежище, поблизости не оказалось никакого здания.

Единственной надеждой была роща, на краю которой виднелись расщепленные пни: там особенно свирепствовала буря. Туда и направился Хансу. Пришлось извлечь прочную веревку,

данную вентури как раз на такой случай. Они привязали гуенов и самих себя к самым прочным деревьям.

Если короткая остановка в маленьком куполе казалась страшным адом, то эта была вообще неопишима. Приходилось бороться за каждый вдох. Кана утратил всякое представление о времени, он забыл обо всем, отчаянно борясь за жизнь. Потом его куда-то потащило, и он безжизненно перевернулся на спину. Его хлопали ладонью по щекам, голова его перекатывалась по земле.

— Вставай! Поднимайся! — торопили его.

Он с трудом привел свое ноющее тело в сидячее положение. Над ним стояло трое солдат, один поддерживал его окровавленную голову. Шестеро терранцев въехали в рошу, а выехали всего лишь четверо, ведя на поводу гуена без всадника. Из двоих погибших одного они больше никогда не видели, а второго похоронили под избранным им деревом — деревом, которое не пережило этой бури.

Выдержит ли кто-нибудь из них до конца пути, размышлял Кана, взбираясь на спину гуена только силой воли. Выдержат ли они темп, принятый Хансу? Но, прежде чем пришло время снова заботиться об убежище, скалистую береговую линию перерезала река. И им посчастливилось наткнуться на ллорскую деревню. В соответствии с обычаями Фронна, они постучали в ближайшую дверь и попросили защиты в гостевой комнате. Растянувшись на тонких матрацах, солдаты погрузились в тяжелый сон, даже не поев из своего скудного рациона. Когда они проснулись, буря кончилась, и туземное население ожидало. Хансу поговорил с хозяином, и его лицо несколько прояснилось.

— Это последняя сильная буря. Дальше будет просто очень сильный ветер, какой можно встретить и на Терре. И мы движемся в правильном направлении! Здесь проходили два краулера, они направлялись в Тарк.

— А что они думают о нас? — Ларсен с трудом надевал на раненую голову мехский шлем. — Вас расспрашивали, сэр.

— Они считают, что мы с корабля. Я сказал, что нас застигла буря и что наш краулер разбит. Для них все терранцы на одно лицо, так что они поверили. Нам нужно беспокоиться лишь при встрече с мехами, если таковая состоится.

Через час они уже ехали по полям, через нанесенные бурей обломки. Дальше простирались скалы, дочиста обглоданные бурей. Приходилось идти, руководствуясь лишь показаниями компаса в руке Хансу. Глубокие пропасти они обходили стороной, одну ночь провели в ущелье, в голых скалах. Ветер выл в ушах. Все было, как в горах. И лишь не было угрозы нападения косов.

Дважды на протяжении следующего пасмурного дня они были вынуждены укрываться, спасаясь от жестоких порывов ветра, который мог их убить среди каменных башен. Длинный обход привел их на морской берег, где они с трудом брели по толстому слою водорослей, принесенных ветром.

Вдруг гуен Хансу попятился и резко закричал, а потом принялся рвать какое-то тело среди водорослей. Хансу от неожиданности чуть не выпал из седла. Разинулась пасть, достаточно большая, чтобы проглотить гуена и всадника. Кана инстинктивным движением мгновенно сорвал свое ружье и выстрелил в раскрытую пасть.

Челюсти шелкнули раз, другой, закипела вода вокруг огромного тела. Чудовищная помесь крокодила, змеи и кита — вот все, что успел подметить Кана. Хансу тоже выстрелил в извивающегося монстра.

Неведомое животное скрылось в воде, а терранцы двинулись дальше, держась как можно дальше от воды и успокаивая нервничающих гуенов.

Вскоре Ларсен обнаружил проход между скалами, и они выбрались из бухточки. Перед ними тянулось обширное песчаное пространство, усеянное водорослями и многочисленными принесенными водой обломками, включая и странный вентурианский предмет, напоминающий крохотный вентурианский корабль. Над ним кружили пожиратели падали, и терранцы не стали осматривать его. Вслед за командиром они двигались на юг, где начиналась впервые после речной дельты удобная для езды верхом местность.

Следующий порыв бури застал их в узком ущелье. Пригнанная ветром морская вода пенилась у ног гуенов, но Хансу упрямо держался прежнего маршрута, и его настойчивость была вознаграждена: вскоре они обнаружили раздавленный краулером камень. Подбодренный этим открытием, Хансу позволил

отряду отдохнуть. Большую часть дня над терранцами нависало серо-стальное небо, и наступление ночи означало лишь общее потемнение. Но на сей раз тьма сослужила им хорошую службу. Как будто специально кто-то зажег маяк, чтобы указать арчам путь. И огонь был не голубоватый, как свет ллорских факелов. Ярко-желтым огнем горели лампы терранского лагеря.

Оставив гуенов на попечение Ларсена, они осторожно двинулись вперед, временами передвигаясь ползком, вслушиваясь в малейшие звуки. И вот они втроем лежат за небольшим возвышением, глядя на море огней, в котором с трудом различается хвостовое оперение небольшого космического корабля. Ничего не двигалось, не было видно никаких признаков жизни. У Хансу уже был готов приказ:

— Оставайтесь здесь! — И прежде, чем кто-либо успел сообразить, он скользнул во тьму.

Они дрожали на ледяном ночном ветру, от долгого пребывания в пропитанном солью воздухе саднило кожу. Вдали отчетливо слышался шум прибоя. Но вокруг корабля ничего не двигалось. Прошло, казалось, очень много времени, прежде чем вернулся Хансу. И вернулся лишь, чтобы приказать им двигаться назад, туда, где они оставили Ларсена с гуенами. Только здесь, когда они укрылись за скалами, он рассказал о только что сделанном открытии.

— Корабль небольшой... общие очертания крейсера Ратруля. Есть охрана, в темноте было трудно разобрать... Придется подождать рассвета.

Кана спал урывками, остальные тоже лишь дремали. Лежать было неудобно, но они за долгие годы полевой службы привыкли ко всяким неудобствам. На рассвете снова началась буря.

Гуенов привязали в глубоком ущелье, но Хансу велел, чтобы не привязывали слишком туго. Ему не нужно было объяснять причину этого. Из этого похода терранцы не вернутся. Либо они улетят на корабле, либо... им больше уже ни о чем беспокоиться не придется.

Они направились прежним путем к небольшому возвышению, чтобы снова взглянуть на лагерь. Дневной свет сделал более бледным освещение ламп, и корабль стал различим на фоне скал. Искусный пилот посадил его в самом центре небольшого каньона с плоским дном. Как и сказал Хансу, корабль был по-

хож на легкий крейсер. Такие корабли строились для галактического Патруля.

И солдаты не очень удивились, когда увидели на борту отечественные знаки Патруля. Узкий, как игла, корабль мог вмещать не более дюжины членов экипажа. А если он нес еще груз и краулеры, то жилые помещения становились еще ограниченнее.

— Это нам и нужно, — еле слышным шепотом произнес Хансу. — Но как попасть в него?

Под слегка нависшей стеной каньона виднелась пластиковая палатка временного лагеря. Вот из нее вышел человек и потянулся. На нем был мундир меха, и, насколько мог судить Кана, это был терранец. Мгновение спустя к нему присоединился второй. Тоже в сине-сером мундире, но по внешности явно чужак. Длинные тонкие ноги, гибкие, будто обладающие лишними суставами, руки... Тренированный глаз Кана сразу уловил признаки неземного происхождения, хотя без более внимательного рассмотрения нельзя было сказать, откуда именно происходит этот незнакомец.

Мех почтительно посторонился, и чужак прошел на открытое место и стал смотреть в устье каньона, будто ожидая появления чего-то важного. И он не ошибся, до солдат донесся резкий крик гуена.

Показался отряд всадников. Гуены шли очень медленно, свесив костлявые головы до колен. Видно было, что они очень устали. Но Кана решил, что эти аборигены не солдаты. Скорее, они похожи на захолустных охотников за гуенами, какие встречались терранцам после горного перехода. У предводителя за плечами торчало ружье, а остальные были вооружены лишь копьями и мечами. Вокруг талии каждого из них была обмотана веревка — обычная принадлежность охотника за гуенами. Предводитель ллор слез с седла и тут же упал, а чужак сел на небольшой табурет, торопливо принесенный из палатки вторым мехом. Пока спешили остальные ллоры, падая и пошатываясь, из палатки появились еще три меха и стали на некотором расстоянии. Было ясно, что сейчас начнутся переговоры.

Началось обсуждение, временами переходящее в горячий спор. Однажды ллор даже встал и дернул за узду своего гуена. Но быстрый жест и слова чужака, очевидно, успокоили туземца, и он снова уселся. Наконец, встреча подошла к концу. Ллор-

ский вождь отдал какой-то приказ ожидавшим членам своего отряда. Четверо из них встали без всякой готовности.

Мастеру клинка необходимо было не только видеть, но и слышать. Он нетерпеливо шевельнулся, будто лежал на гнезде огненных муравьев. Но приблизиться к переговаривающимся скрытно было невозможно.

Пока предводитель ллоров и чужак стояли в ожидании, ллоры подошли к палатке. Меха вошли внутрь и тут же вернулись с двумя большими и узкими ящиками. И каждый ящик несли двое мехов.

Хансу даже привстал на колени, и Кана подумал, не дернуть ли его за полу. Но те, что находились внизу, были так заняты своим делом, что даже не поднимали головы.

Ящики передали ллорам, которые приняли их с нескрываемым отвращением и отнесли их к началу лестницы, ведущей к люку корабля. Точно так же была принесена вторая пара ящиков. Кана старался представить себе то, что в них лежит. Какое-то оружие? Но зачем грузить оружие в корабль? Логичнее было ожидать, что оружие составляет груз корабля. Когда у лестницы лежали шесть ящиков, чужак и двое мехов начали что-то делать с крышкой одного из них.

— Это! — Лицо Хансу странно побледнело под густым загаром. Он хрипло дышал, как будто взобрался по склону. Глаза его, стальные, смертоносные, оценивающие, были направлены на группу внизу. Он понял, каково содержимое этих ящиков.

Ящики... по коже Кана поползли мурашки: он с опозданием, но также понял, что это гробы. Когда меха сняли крышку, стало видно тело человека — человека в черно-белом мундире Патруля.

— Но почему?... — Неоконченный вопрос не получил ответа, только два его товарища пожали плечами, а Хансу издал нечленораздельное мычание.

Ящики, лишенные содержимого — оно везде было одинаковым, — были отнесены к дальней стене каньона. Чужак приказал уложить тела неровной линией. Хансу зашипел... иначе нельзя было определить звук, изданный им сквозь стиснутые зубы. Для Кана действия внизу не имели смысла, но Хансу происходящее с каждым мгновением становилось все яснее. Теперь чужак отошел, поманив за собой мехов. У корабля остались лишь ллоры, как бы осматривая мертвецов.

— Он делает запись! — Это произнес Ларсен, и Кана убедился, что тот прав. Чужак с видеозаписывающим аппаратом в руках снимал сцену: корабль, лежащие тела, ллоров вокруг них. Запись... кому ее показывать?

— Так вот что они задумали! — сказал Хансу. Чужак еще несколько раз провел камерой, а затем что-то сказал предводителю ллоров, который тут же отдал приказ. Ллоры с готовностью рассыпались вокруг. Дальнейшее было для арчей загадкой.

Два меха свернули палатку. Ее и несколько тюков унесли. Вскоре из-за скалы появился краулер, но не приблизился к кораблю. Он остановился в отдалении, а чужак и меха направились к нему. Когда они поднялись в машину, она тут же двинулась по каньону на восток. Ллоры подождали, а потом сели на гуенов и поехали в противоположную сторону.

Корабль и тела вокруг него остались. И едва последний ллор скрылся, как Хансу спустился по склону, а Кана и остальные торопливо последовали за ним. Но Хансу опередил всех и уже осматривал тела. Лицо его было мрачно.

— Их застрелили, — медленно сказал он, — застрелили из ружья арчей.

Глава 15

ЕСЛИ ХОТЬ ОДИН ИЗ НАС ВЫЖИВЕТ...

— Но ведь это патрульные, — сказал Ларсен.

Трудно было поверить, несмотря на очевидность, что возможно такое убийство. Уж слишком велик был престиж Патруля.

Эти люди были, несомненно, застрелены и не из легких воздушных ружей ллоров, не из бластеров мехов или мощных лучеметов галактических агентов, а из того особого оружия, которым располагают только мечники с Терры.

— Этот агент снимал фильм не для развлечения, — с горечью заметил Кости. — И можно представить себе, какое впечатление он произведет в некоторых кабинетах... убийство патрульных восставшими арчами...

— Я не понимаю. Зачем все это? — Ларсен пнул камень.

— Алиби для выступления против нас, — впервые нарушил молчание Кана. — Разве не так, сэр? С правдоподобным рассказом агента и этим фильмом нас не станут слушать... даже на Прайме...

Он хотел, чтобы Хансу возразил, сказал, что у него слишком разыгралось воображение. Но Хансу лишь кивнул.

— В этом больше смысла, чем в пятидесяти других возможных объяснениях, — Хансу встал, разглядывая корабль. — Да, они разыграли здесь эту сцену для чего-то отвратительного. И, вероятно, сработало бы, если бы мы не оказались здесь...

— Значит, они хотят уничтожить нас? — голос Кости звучал разъяренно. — Что же мы можем сделать?

— Нарушить их планы! — решительно ответил Хансу. — Кости, поднимитесь на борт и проверьте, можно ли поднять этот крейсер...

Кости заторопился к лестнице, а Хансу повернулся к остальным.

— Похоронный обряд... — он указал на тела.

Они выполнили печальный обряд, как выполняли его много раз для своих товарищей за последние тяжелые недели. Как только подействуют их зажигательные патроны, то не останется никаких следов. Как только они занялись сортировкой личных вещей погибших, чтобы позже опознать их, над их головами в люке появился Кости.

— Первая удача, сэр! Корабль готов к старту!

Хансу лишь кивнул, как будто, приняв решение, он был уверен, что теперь судьба благоволит им. Сложив вещи патрульных в ранец, он поднялся по лестнице в маленький корабль. Двое арчей последовали за ним.

До сих пор Кана знал лишь солдатские транспортные корабли. И хотя они были тесными и узкими, этот крейсер оказался еще меньше... Вереочная лестница, свисавшая с верхних уровней, казалась слишком узкой для безопасного подъема. Но они поднялись. Кости уже исчез на первом уровне, Хансу шел за ним по пятам.

Им в нос ударил запах машинного масла и спертго воздуха, запахи жизни в тесноте... Они прошли в контрольную кабину. Хансу указал на ремни кресла пилота перед приборным пультом.

— Сумеете поднять его, Кости?

Тот лишь оскалил зубы в широкой улыбке.

— Постараюсь, сэр.

Кости сел в кресло, Кана и Ларсен опробовали противоперегрузочные сиденья, а Хансу направился к месту капитана.

— Если хотите, сможете осмотреться в течении пяти минут, сэр, — предложил Кости, может быть, потому, что сам хотел получить несколько минут на то, чтобы освоиться с приборами. Потом ему придется оторвать корабль от сравнительно безопасного Фронна.

Они быстро осмотрели маленькие каюты экипажа. Каюты находились в состоянии полного беспорядка. Вещи и одежда выброшены из шкафов. Кана подобрал трехмерный портрет, на который наступил один из грабителей. На него смотрели странно скошенные глаза и рот женщины с Лидии.

— Прекрасно сделано, — Хансу профессионально осмотрел разгром. — Пункт В или С... ограбление помещений... произведенное бессовестными арчами.

— Вы думаете, что это настоящий патрульный корабль? Они действительно убили патрульных, чтобы обвинить нас в этом, сэр? — спросил Ларсен.

— Возможно. Хотя слишком уж весомый аргумент против такой маленькой орды, как наша. Не настолько мы важны... — Нахмурившись, он вернулся в контрольную кабину. — Есть ли здесь запись маршрута на Терру? — спросил он у Кости.

— Отправимся на Прайм, сэр? Я думал, мы полетим на Секундус... — возразил новый пилот.

— Возможно, это настоящий патрульный крейсер. Если его принесли в жертву ради нас, я хочу знать, почему? И я хочу начать задавать вопросы!

— Настоящий патрульный крейсер! — Кости повернулся и нажал три кнопки на панели слева. Послышался щелчок, и ему в руки выпал маленький диск.

— Да, сэр, вот координаты Терры.

Он извлек из аппарата перед собой другой диск и вложил полученный.

— Пристегнитесь, — приказал он.

Хансу закрепил ремни командирского кресла, а Кана и Ларсен устроились в противоперегрузочных креслах. Пальцы Ко-

сти пробежались по кнопкам и рычагам, и на щите вспыхнул красный свет.

— Надеюсь, мы полетим вверх, а не вниз, — было его последнее замечание, прежде чем он нажал на кнопку старта.

Гигантская рука сжала грудь Кана, выдавливая из нее воздух. Волны красной боли перешли в черноту. Перед тем, как потерять сознание, он успел подумать, что они все-таки поднимаются. Они не взорвались. Кости не был опытным пилотом и придал кораблю гораздо большее ускорение, чем было нужно для подъема с Фронна. Приходя в себя и с трудом раскрывая ремни, Кана ощупал лицо: оно было в крови.

— Спящий просыпается! — Кости через плечо обернулся к Кана. — Я думал, что ты решил проспять всю дорогу, парень. Ты напрасно так стараешься: времени у нас более чем достаточно.

Кораблем управлял автопилот по программе, введенной Кости. Им ничего не оставалось делать, как есть, спать и жить в неудобных условиях, привыкая к терранскому тяготению и климату. После путешествия они смогут жить в собственном мире без специального периода адаптации.

— Долго ли мы будем лететь? — спросил Ларсен.

Все трое выжидающе посмотрели на Кости, но тот только пожал плечами.

— Наверное, дней 14—15. Эти малютки просто пожирают пространство... Патрульные крейсера созданы для скорости.

Пятнадцать дней. Кана, растянувшись в гамаке одной из кают, имел время подумать, без необходимости принимать немедленное решение. Грязная история... и зловещая. По каким-то неизвестным причинам чужак в мундире меха подготовил сцену. Лишь удача позволила им расстроить его планы. Кана был уверен, что корабль и его мертвый экипаж оставлены сознательно... чтобы быть обнаруженными драматически, с какой-то целью. Патрульные застрелены из ружей арчей... на планете, где преследовали орду арчей. Но зачем все эти сложности? Зачем пытаться дискредитировать силы терранцев, если их так легко можно было уничтожить?

Такая сложная подготовка означала, что изменники не только мехи, но и агенты в их мундирах имели основания опасаться людей Йорка. Рассказ об убийстве Йорка и его офице-

ров? Вряд ли. Никаких доказательств не было. Да и если бы был свидетель, его вряд ли стали бы слушать. Почему... почему такой сложный изошренный план, чтобы очернить их?

Возможно ли — рука Кана инстинктивно потянулась к рукояти меча — возможно ли, что нет тупика во взаимоотношениях между Террой и ГУ? Неужели ГУ пытается не только физически уничтожить силы Терры, но и дискредитировать их как изменников и убийц? Возможно, это их единственный шанс для открытой борьбы — противостоять условиям, навязанным ГУ, доказать, что терранцы не меньше других рас и видов имеют право на свободу среди звезд! Это была надежда, пусть весьма скользкая, но в этот час Кана почувствовал, что она есть, и он поклялся себе, что, когда в следующий раз поднимется в космос, на нем не будет навязанного ему серо-зеленого мундира.

Корабль вышел из искаженного пространства, но из-за неопытности Кости и неточности вычислений им оставалось еще целых два дня пути до Прайма. Слабое «би-ип» привлекло внимание Кана и Ларсена к экрану над контрольной панелью. Хансу и Кости спали, и некому было объяснить значение крошечной точки света, движущейся по темной поверхности. Кана пошел поднимать Кости.

— Мы больше не одни, кто-то хочет посмотреть, как мы перенесли полет. — Пилот поневоле протер глаза. Но взгляд на экран полностью разбудил его.

— Поднимите Хансу! — резко приказал он.

Когда Кана вернулся с Хансу, слабое «би-ип» превратилось в настойчивое гудение.

— Можете установить связь? — спросил Хансу.

— Если хотите. Но здесь не может быть торговых кораблей. Мы на крейсерском курсе. Должно быть, это другой крейсер.

На планете, вооруженные, они знали, что им делать перед лицом потенциального врага. Но в космосе они были беспомощны.

— Установить контакт? — спросил Кости.

Хансу задумчиво смотрел на экран, будто надеясь прочесть там «имя, ранг и условия назначения».

— Может, этот экран, — он ткнул пальцем в прибор, — используется только для приема или мы автоматически и передаем, когда включаем его?

— Может быть односторонний прием, но это покажется подозрительным.

— Пусть думают, что хотят. Нам нужно немного времени, несколько быстрых ответов, прежде чем они увидят наши лица. Включите телеизображение.

Кости нажал несколько кнопок. Яркая световая волна пробежала по экрану, и они увидели скуластое лицо гуманоида с Рассама. Фуражка патрульного офицера покрывала его безволосую голову. Виднелся знак «звезда и комета», означавший ранг командера.

— Что за корабль? — спросил он с бессознательным высокомерием чиновника из ГУ. Он не видел их, но, должно быть, понял, что обращается к терранцам. От негодования Кана почувствовал, как у него дыбом встали волосы. По лицу Хансу он видел, что не одинок в своей реакции. Хансу взял микрофон у Кости.

— Это патрульный крейсер, имя и регистрационный номер неизвестны, — он говорил медленно, без выражения, произнося каждое слово на базовом торговом языке, стараясь сделать неразличимым свой родной акцент. — Мы нашли его покинутым и возвращаем соответствующим властям.

Патрульный командир не назвал его открыто лжецом, но на его лице ясно читалось недоверие.

— Вы направляетесь не на базу Патруля, — резко заявил он. — Какова ваша цель?

— Как будто он не знает... или не подозревает, — прошептал Кости.

— Мы доложим нашим старшим командирам в соответствии с законом, — продолжал Хансу.

Узкое лицо начало зловеще удлиняться.

— Терранцы! — слово было произнесено, словно грязное ругательство. — Приготовьтесь к принятию отряда на борт... — его лицо исчезло с экрана.

— Ну, вот и получили, — уныло заметил Кости. — Если мы попытаемся уйти, то они нас сожгут из своих мощных пушек.

— За мной! — Хансу уже был на полпути к двери.

Остальные последовали за ним. Вне поля искусственной гравитации они добрались до переборок. Хансу открыл аварийный люк к шлюпкам. Кана с недоумением смотрел на шлюпки, борясь со страхом оказаться в закрытом пространстве.

Хансу остановился у ближайшей шлюпки.

— Кости, возьмите вторую. Это удваивает наши шансы донести рапорт. Если хоть один из нас выживет, он обязан добраться до Прайма. Наша неудача может означать... в определенном смысле... гибель всей Терры. Дело важнее всех нас. Ларсен, полетите с Кости. Введите маршрут на Терру. Приземлившись, двигайтесь к Прайму. Если сумеете, выпросите, займите, украдите транспорт. Спросите Маттиаса, доберитесь до него, даже если по пути придется убивать. Понятно?

Ни один из ветеранов не проявил удивления при этом необычном приказе. Хансу втиснулся в шлюпку, и Кана неохотно последовал за ним. Им обоим пришлось приложить всю силу, чтобы закрыться изнутри. Затем Хансу пробрался на сиденье пилота, а Кана занял второе место.

Хансу выставил указатель на небольшой шкале перед ним, трижды проверил показания всех приборов и включил двигатель, который должен был выбросить их из корабля. Сила удара была почти такой же, как при взлете с Фронна. Ребра Кана, еще не отошедшие от прошлого старта, заставили его испустить полусдавленный крик. Когда он смог повернуть голову, то увидел, что Хансу лежит, обхватив ладонями подбородок, глаза его были устремлены на приборы.

— Мы свободны? Нам удалось уйти? — ошеломленно спросил Кана.

— Пока мы живы, — иронически ответил Хансу. — Если бы они заметили наш уход, от нас бы уже остались угольки. Будем надеяться, что еще некоторое время их внимание будет сосредоточено на судне.

— Но почему, сэр? Патруль обычно не стреляет сразу. Офицер произнес «терранцы» так, будто мы ломбросские мучные черви...

— Вас не должно удивлять, Карр, что некоторые «высшие» расы, те, что правят в совете ГУ, именно так нас и расценивают — неофициально, конечно.

— Но закатане не такие... и Рей, и Мик дружили с лупаном на Секундусе.

— Конечно. Я могу назвать тысячу разновидностей и рас, которые принимают терранцев как равные, если мы отвечаем им тем же. Но заметьте два обстоятельства, Карр, и оба очень важные. Системы, для которых мы персона нон грата, населены гуманоидными расами, и эти расы давно вышли в космос, они пионеры галактики. В них глубоко скрывается чувство, в котором они не признаются даже себе, — страх.

В древности на Terre, до атомных войн, мы были разделены на расы. Разница отчасти определялась цветом кожи, чертами лица и т.д. В свою очередь, эти расы делились на нации, которые возвышались и удерживали под своей властью целые континенты, иногда на столетия. Но когда проходило время, каждая из них теряла свою власть. Узда выскальзывала из ее рук. Почему?

Потому что сильные энергичные бойцы, создавшие эти империи, умерли, а их сыновья и сыновья их сыновей были уже другой породы. Некоторое время после ухода сильных бойцов империя еще существует, как хорошо отлаженная машина может работать по инерции. Затем детали машины начинают изнашиваться, необходима смазка, а нет никого, кто имел бы желание и силы произвести ремонт и снова отрегулировать механизм. И вот побеждает новая, более молодая нация, часто после войны. История движется вперед серией таких империй — старые империи уступают место молодым.

Теперь возьмем галактические расы, с которыми у нас наиболее близкие отношения. Все они не нашего вида. Вам нравятся закатане, пресмыкающиеся по происхождению, у нас хорошие отношения с тристианцами, далекие предки которых были птицами. Юбаны — они потомки кошачьих. И все они новички на галактической сцене.

Но — и это очень важно — у них разные цели, желания и вкусы. Зачем закатанину беспокоиться из-за того, что проходит время, торопиться что-нибудь сделать, как это делаем мы? Продолжительность его жизни близка к тысяче лет, он может позволить себе посидеть и подумать. А мы чувствуем, что не можем. Но мы не угроза для него и его образа жизни.

— Но, сэр, вы считаете, что мы похожи на тех гуманоидов с Агерата и Рассама? Их цивилизации стары, но в целом такие же, как и наша.

— И они обнаруживают признаки упадка... Да, мы им угрожаем нашей молодой бьющей через край энергией, нашей волей к борьбе — всем тем, что они открыто порицают в нас. Потому что, хотя нам Терра кажется очень старой, в масштабах Галактики она молода. Поэтому они встречают нас с неприязнью. Их цель — огородить нас стеной, но не открыто: на законном основании заставить нас держаться определенных рамок, подчинясь решениям ГУ. Они стараются ослабить наши силы в бесконечных ненужных войнах, ослабить расу, которая в будущем может бросить им вызов. И поскольку мы боролись за звезды, видели их во сне, мы вынуждены были принять их условия — на время.

— На время, сэр? — страстно взорвался Кана. — Три столетия мы играем по их правилам...

— Что такое три столетия на галактической шахматной доске? — спокойно возразил Хансу. — Да, триста лет мы подчиняемся их приказам. Но только сейчас они начинают понимать, что их замысел не удался. Я не уверен, что мотивы их действий ясны даже им самим. Они так долго играли во всемогущих богов, что сами в это поверили. Они считают, что не могут ошибаться. И они до сих пор действовали против нас под прикрытием — до сих пор...

С самого начала у нас появились друзья, и их становилось все больше и больше. И эти друзья начнут задавать вопросы, если Терра будет осуждена и приговорена к заключению в собственных границах. Возможно, их сверхцивилизованный разум отшатывается от такого решения или отшатывался раньше. Но если бы они смогли, они отрезали бы нас от мира. Терранцев не принимают в Патруль — это служба для «высших» рас. Торговцы не позволяют нам вступать в их компании. Даже войны, в которых мы участвуем, тщательно отобраны так, что лишены ответственности — хотя мы и умираем в них. Самое совершенное вооружение мехов намного устарело по сравнению с оружием, скажем... жителей Гармира.

— Но, сэр, зачем этот ход с крейсером?

— Либо какие-то горячие головы в Совете начинают действовать на свой страх и риск, либо они начали понимать, что терранцы не совсем то, чем их считали, — Хансу повернул голову и оценивающе посмотрел на Кана. — Как вы думаете, зачем нам обучение по специализации инопланетники, почему специалист по контактам — обязательный член любой орды или легиона?

— Ну... ведь и на других мирах нужны офицеры по связям с чужаками, сэр.

— Это официальное объяснение... ни один агент контроля не сможет его оспаривать... Но каждый терранец со склонностью и соответствующим темпераментом для работы с инопланетниками отмечается и подвергается классификации с того момента, если успешно прошел тесты. Ему создают все условия для обучения. Его побуждают вступать в дружбу с представителями других рас — скрытно. И когда он подписывает назначение, ему предоставляются командирами возможности для изучения других планет.

— Так вот почему вы хотели, чтобы я вступил в контакт с вентури, сэр?

— Да. И именно поэтому вы побывали в Поулте. Мы давно знаем, что должны располагать как можно большим количеством специалистов по контактам. И чем шире знакомство с другими формами жизни, тем лучше для нас. Если нам придется бросить вызов ГУ, мы не должны быть одиноки. И чем больше рас будет дружески относиться к нам, тем лучше нас узнают, тем для нас лучше. Мы должны готовиться к другой роли. Что, если в будущем Терра будет поставлять не солдат, а исследователей?

— Исследователей?

— Группы тренированных специалистов по освоению вновь открытых планет, чтобы подготовить эти планеты к заселению, если на них нет собственной разумной жизни. Группы, члены которых подбираются по индивидуальным данным. Люди не будут служить в Патруле, не станут торговцами или полицейскими, они будут открывать, что лежит за следующим солнцем. Группы, включающие не только представителей нашей расы. В них объединятся разные расы, склонные к взаимодействиям с инопланетниками, — телепаты, техники, может, даже совсем не гуманоиды.

— Вы думаете, что это возможно, сэр? — спросил Кана, видя, как воплощаются его мечты.

— Почему бы и нет? И, возможно, это время не так уж далеко. Нам бы только добраться до Маттиаса с сообщением о событиях на Фронне, и у него будут весомые аргументы в разговорах с командирами. Предположим, все орды и легионы, рассеянные по всей галактике, получают приказ восстать. Такая ситуация обеспокоит ГУ и принесет конец его тщательно охраняемому миру. Дешевле будет позволить нам идти своим путем, чем бороться с восстанием сразу на сотнях планет.

— До меня доходили множество слухов, сэр, но ничего о восстании...

— Надеюсь, что и не дойдет, — заявил Хансу. — Большинство солдат консервативны. И мы, терранцы, в течение нескольких поколений ведем такую специализированную жизнь. Солдаты не очень интересуются тем, что происходит за пределами их орды или легиона. В Прайме пытаются расшевелить людей, так распределить среди них назначения, чтобы встревожить их. Но эта история с Фронном свидетельствует о грозящей нам опасности. Как только станет известно, что терранцев с одобрения ГУ можно повернуть против терранцев, что мех может охотиться за арчем... — И Хансу кулаком ударил по своей подушке. — Время! Нам нужно лишь время! Мы должны добраться до Маттиаса, а он подожжет шнур!

Глава 16

ДОРОГА НА ПРАЙМ

Но для двоих, заключенных в спасательную шлюпку, время двигалось гнетуще медленно. Они могли лишь спать, заняв единственную возможную позу, глотать таблетки рациона и разговаривать. И Хансу говорил, изливая бесконечный поток рассказов о далеких мирах, на которые человек еще не посмел вступить, и о жестоких битвах в труднейших условиях.

Кана заставлял себя сосредотачивать внимание на каждом слове, как будто ему предстояло сдавать экзамен по этим лекциям, потому что так ему было легче забыть настоящее, забыть, что они заключены в скорлупке, которая может и не достичь

Терры. К тому же он знал, что его товарищ щедро делится с ним знаниями, которые самому Кана предстояло бы добывать десятилетиями. Он учился у замечательного специалиста по инопланетникам, объяснявшего самую суть их дела.

— ...поэтому они принесли жертву в ночь двойной луны, а мы спрятались в холмах и следили за ними. Получилось не совсем так, как мы ожидали...

Резкий щелчок прервал Хансу. На приборном щитке вспыхнула красная лампа. Они входили в атмосферу.

Кана пытался расслабиться. Самое страшное — возможность миновать свою планету и вечно странствовать в пустоте — теперь позади. По-прежнему сделать ничего было нельзя. Спасательные шлюпки полностью автоматизированы. Те, кто в них передвигается, часто ранены или настолько подавлены, что не могут сами управлять полетом. Маленькие кораблики рассчитаны на безопасную посадку без участия своих пассажиров. Приходится верить в это. Где они приземлятся? Кана тупо смотрел в изгиб металлического потолка. Неудачная посадка, допустим, в море... Но ждать им осталось не так уж долго.

— Надеюсь, мы приземлимся не слишком далеко от Прайма, сэр. — Кана старался, чтобы его голос не дрожал.

— Я тоже.

Когда они сели, Кана обнаружил, что свисает головой вниз из своих креплений и, испуганный этим, попытался разъединить их на себе. На помощь к нему пришел Хансу и поставил его на ноги. Задняя стена узкой кабины превратилась в пол, а люк в крышке, через которую они вошли, теперь был в боковой стене. Хансу начал открывать его. Они прошли в выходное помещение, где их встретил блеск огня и столбы дыма. Хансу с угрюмым лицом захлопнул входную дверь.

— Тормозные ракеты... — пробормотал он. — Когда мы приземлились, они вызвали пожар.

Огонь... корабль, должно быть, окружен огнем. Но тут Кана вспомнил один из рассказов Хансу.

— Разве костюмы для высокой температуры не входят в обязательное оборудование спасательной шлюпки, сэр?

— Верно! — Хансу направился обратно в кабину.

Стены были сплошными, проверка показала им, что в них нет никаких углублений. Оставалась обивка сидений. Кана потянул ее, и губчатый матрас поддался. Он был прав! В основании каждого сиденья был запасной отсек, и в нем костюмы.

— Они нам тесноваты, — Хансу осматривал находку... — но некоторое время выдержать можно.

От обоих потребовалась акробатическая ловкость, чтобы в тесном помещении забраться в эти громоздкие сооружения. Но они сделали это, и Хансу отрегулировал температуру внутри.

— Будем надеяться, что огонь носит местный характер. Когда будете выходить, постарайтесь как можно дальше отпрыгнуть от корабля.

Кана кивнул и надел шлем.

Хансу пошел первым, лишь на мгновение задержавшись в наружном люке и затем исчезнув. Кана как можно быстрее последовал за ним. Он прыгнул в огонь и дым, упал на одно колено, встал и неуклюже побежал вперед, подальше от корабля.

Он бежал мимо деревьев, кроны которых были охвачены пламенем, стараясь не задеть за корни и упавшие стволы. Густой слой дыма закрывал окружающее. Сначала Кана страшно было входить в огонь, но ничего с ним не случилось, он стал увереннее и больше уже не избегал пламени, пересекавшего тропу, которую он для себя наметил.

Неожиданно деревья кончились, и он оказался на открытом месте на краю утеса. Внизу находилась дорога, а на ней стояла необычная неземная фигура, в которой Кана с трудом узнал Хансу.

Кана уже собирался начать спуск, но человек внизу взмахом руки привлек его внимание, а затем указал на пояс. Кана понял и поискал кнопку на собственном поясе. Потом он подошел к краю обрыва и опустился рядом с Хансу на дорогу. Жаль, подумал он, что эти костюмы не имеют, наряду с антигравитами, и ракетных двигателей. По окружающей местности похоже, что они находятся в Диких Землях, и им потребуется немало времени, чтобы добраться до цивилизации.

Облака дыма закрывали дорогу, и поэтому они остались в костюмах. Возможно, им еще раз придется пройти через огонь. Но дорога проходила по скалам, где было много пищи для огня. Судя по растительности, они находились где-то в северо-вос-

точной части древнего Северо-Американского континента — но по крайней мере Прайм находился на этом же континенте. Местность уже почти тысячу лет пустовала после атомных войн. Рассказывали о странных мутациях, развивавшихся здесь, и даже после того, как человечество вернулось с островов Тихого океана и из Африки, тут все еще оставались обширные неисследованные местности.

Кана надеялся, что Хансу больше, чем он сам, знает об этой местности и что они не просто идут дальше в пустыню. Может, лучше было оставаться у корабля и ждать появления пожарных, патрулирующих эту территорию?

Оказалось, что Хансу не знает, куда идет, просто удачно угадал направление. Дорога начала спускаться к широкой реке. И на другом берегу виднелись поля, желтые под солнцем. Беглецы перешли через мост и со вздохом облегчения стянули костюмы. С невысказанной благодарностью вдыхали они родной воздух Терры. Кана и не догадывался, какое это удовольствие, пока не пришлось ему попробовать разряженную атмосферу Фронна. Под воздействием теплого воздуха и солнца у него стало легко на сердце и даже слегка закружилась голова. Он снова дома, а это сейчас важнее всего.

— Где-то поблизости должна находиться уборочная станция, — сказал Хансу. — Там можно найти телепередатчик. И, если удастся, вызвать коптер из Прайма...

— Далеко ли мы от Прайма, сэр?

— Думаю, недалеко. Дикая местность находится к северу от центра.

Они шли по дороге мимо желто-коричневых полей, уходивших за горизонт. Кролик проскакал мимо них, остановился, подергивая от любопытства носом. Над головой пролетали стаи птиц. Кана пробормотал:

— Когда-то это была густонаселенная страна.

— Древние изобиловали всем — жизнью так же, как и смертью. Они размножались быстрее, чем убивали в своих войнах. Ага, вот и станция!

Здание впереди укрывалось среди деревьев, и поблизости блестело озеро — оазис прохлады среди тускло-желтого жара. Кана вспомнил давние летние перерывы в учебе для полевых работ. Может, они тоже здесь — сборщики урожая. Пшеница

уже созрела. Но в здании никого не оказалось. В комнатах и залах гулким эхом отдавались их шаги. Пока Хансу отыскивал передатчик, Кана пошел на склад продуктов. За задним входом полоса прохладной зелени тянулась к озеру. Вдоль тропы, ведущей к прохладе зеленоватых вод, рядами росли белые и желтые лилии, клумбы были полны роскошных цветов.

Повинуясь неожиданному импульсу, Кана пошел туда. Ветерок шевелил его одежду. Было тихо и мирно. Кана медленно расстегнул костюм и со вздохом облегчения сбросил одежду. Теперь он находился на самом краю воды. Длиннокрылые насекомые бегали по спокойной поверхности. В глубине виднелись быстрые черные тени рыб. Мир... дом... тишина и забвение. Он протянул руки.

В его руке лежал Нож Милосердия, все эти недели тусклый блеск его лезвия скрывался у самого сердца Кана. Его рука медленно повернулась. Нож выскользнул и ушел в темный сумрак, полоска взбудораженного ила обозначила место его падения. Но когда Кана вторично взглянул туда, он ничего не увидел: нож скрылся навсегда. Да покоится он в мире! Кана промыл в воде пальцы, все его тело дрожало не от холода, а от ощущения мира. Может, мечты Хансу о будущем человечества никогда не осуществляются, но он, Кана, принял решение. Если ему еще предстоит лететь к звездам, то уже не как солдату, не как мечнику любого ранга.

Кана резко встал и направился обратно к зданию станции. Открывая холодильник и перенося продукты в кухонный автомат, он беззаботно насвистывал что-то. Пока им везет. Они добрались до Терры, теперь осталось только связаться с Маттиасом в Прайме. Все остальное будет совсем просто. Он с улыбкой встретил входящего Хансу, но у того было серьезное лицо.

— Связались, сэр? — спросил Кана, раскладывая еду по тарелкам.

— Да. Легко... слишком легко...

— Слишком легко, сэр?

— Как будто кто-то ждал нашего вызова. Мы не станем дожидаться коптера...

— Почему? — Кана опустил кастрюлю.

— Почему я так решил? А что заставило нас насторожиться перед тем, как наводнение чуть не захлестнуло нас в горах Фронна? Как вы догадались, что укрытие вентури находится на крыше склада? Шестое чувство? Откуда мне знать? Но я знаю, что здесь нам оставаться нельзя.

— Но, сэр, на открытом месте нас легко обнаружат, — Кана со вздохом встал из-за стола.

— Здесь в гараже может быть хоппер. На таких станциях бывают один или два таких механизма. — И Хансу направился в гараж.

И снова он оказался прав. Две наземные машины, каплеобразные, с закругленными носами, стояли накрытые кожухами, но полностью готовые к использованию. Через несколько минут можно будет выезжать. Хансу снял со стены тускло-зеленый комбинезон и бросил его Кана. Себе он взял такой же. Теперь их мехские мундиры не видны, и они вполне сойдут за полевых рабочих.

Хоппер вывернул на дорогу и начал поглощать мили. Сверху, если за ними будет следить коптер, невозможно отличить их машину от других. Начался сезон уборки урожая, и движение на дороге увеличилось... Хансу сбросил скорость, довольный тем, что они затерялись в веренице машин, приближавшихся к Прайму. Кана заметил, что большинство грузовиков везут продукты — эти продукты отправят вскоре в космос многочисленным ордам и легионам. Терра так долго специализировалась на снабжении наемников всем необходимым... Что произойдет, если орды и легионы перестанут существовать? Сколько времени потребуется, чтобы перестроить всю экономику и направить бурлящую энергию Терры в другое русло?

Кана начал дремать. Ему было жаль еды, которую они так и не попробовали. Настоящая терранская пища, свежая, горячая... Никаких рационов!

— Что случилось?

Голова Кана дернулась, глаза открылись. Но Хансу обращался вовсе не к нему. Он спрашивал водителя соседнего грузовика. Они стояли в длинной линии грузовиков и пассажирских хопперов. Хансу выслушал ответ. Его лицо стало суровым.

— Впереди осматривают машины.

— Ищут нас?

— Возможно. Будем надеяться, что они ищут обычного беглеца, бегуна.

«Бегун» — подпольный делец, занимающийся изготовлением и сбытом наркотиков, тип преступника, на которого нацелена вся терранская полиция. Если полиция ищет бегуна, каждая машина в этой линии будет осмотрена, у каждого человека потребуют удостоверение личности. Один взгляд на их оружие, на мундиры под комбинезонами — их тут же задержат. К тому же, возможно, именно их и ищут.

— Может, свернуть куда-нибудь, сэр?

Хансу покачал головой.

— Если мы попытаемся это сделать, то тут же выдадим себя. Хотел бы я знать, кто командует заставой.

Если Маттиас входит в загадочную организацию, борющуюся за освобождение Терры, как намекал Хансу, тогда должны быть и другие члены этой организации, всюду рассеянные среди солдат. Хансу может попросить у одного из них помощи... если тот здесь окажется. Но какова вероятность этого?

По краям дороги вперед шли люди, желая знать, чем вызвана задержка. Хансу посмотрел на них и вышел из хоппера. Он шел тяжелой походкой, маскируя легкий шаг тренированного солдата. Кана отошел в поле, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди. Да, застава. Блестят серебром на солнце шлемы полицейских. Уже вторая половина дня. С наступлением темноты... если только они не дойдут до заставы засветло... Кана принялся осматривать поля, оценивая местность, обещавшую им свободу.

Впереди были установлены лагерные лампы. Они тянулись вдоль дороги, примерно на четверть мили. Но освещение не достигало того места, где стоял их хоппер. Тут до него донесся гул мощной машины с экипажем из трех человек. Он засек время. Да, похоже на регулярные объезды. Необыкновенно тщательная засада на бегуна. Ему не приходилось о таких слышать. Значит, бегун высшего класса. Но Кана не верил в это. Эти главари подпольной индустрии не путешествуют и стараются не рисковать. Полиция ищет другую добычу. Какую же? Их?

Некоторые путники, прошедшие вперед, уже вернулись, громко жалуясь. Очевидно, никто из них не получил объяснений от полиции. С ними был и Хансу.

— Патрульный коптер ходит вдоль дороги, — доложил Кана.

— Да, — Хансу знаком велел ему забраться в хоппер. — Нужно думать, и побыстрее.

— Они действительно ищут бегуна?

— Я считаю, они ищут нас.

Кана неожиданно почувствовал озноб.

— Но почему, сэр? Терранская полиция не стала бы разыскивать нас по приказу ГУ: нужно подтверждение нашего штаба. А на это потребовалось бы слишком много времени.

— Не спрашивайте, почему и как! — в этой реплике выплеснулось раздражение Хансу. — Нам хотят помешать увидеться с Маттиасом, готов поклясться!

— И тот, кто хочет этого, достаточно влиятелен, чтобы привести в действие полицию. Теперь поимка нас — только вопрос времени, сэр. Разве что в темноте...

— Да, темнеет. Это наше единственное преимущество. Там обыскивают всех.

А на них мехские мундиры и никакой возможности их спрятать или уничтожить.

Хансу открыл маленький ящик и достал карту района, которая входила в перечень обязательного оборудования любого хоппера. Он пальцем провел по дороге, а затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Между его бровями пролегла глубокая морщина. Солнце почти зашло, но линия машин перед ними так и не двигалась. Все больше и больше людей выходило на поля. Время от времени кто-то из них возвращался к своему хопперу или грузовику, наверное, чтобы позвонить хозяину и сообщить о задержке. Кана спросил Хансу:

— А мы сможем в темноте?

— Выбраться отсюда? Да, я в этом уверен. Но добраться до Прайма — это другое дело. Если нас ищут, Прайм закрыт так же надежно, как взлетающий крейсер. Карр, чему вы учились по истории о довоенных городах?

Хотя Кана не понимал, какое отношение имеет древняя история к их теперешнему положению, он послушно пересказал то, что помнил.

— Древние строили здания, башни... открытые непогоде... пузырчатых куполов не было. Я всегда удивлялся, как они выдерживают...

— А что под землей?

Под землей? Он запомнил башни, как нечто необычное. Но во время атомных войн большинство выживших людей жило под землей. Но уж в этом образе жизни не было ничего древнего. Во время обучения он прослушал однажды лекцию в жаркий полдень, когда ему так хотелось уйти с закатанином, который ему нравился больше, чем скучный инструктор-терранец. Под землей...

— Они иногда ездили под землей, сэр. По трубам, проходящим под их городами.

— Что делают эти водители?

Кана осмотрел сцену в поле.

— Разжигают костер, сэр. Я думаю, они собираются открывать неприкосновенные запасы продуктов.

Хансу вырвал карту из креплений.

— Мы присоединимся к ним, Карр. Держите рот закрытым, а уши открытыми. И следите за полицейским коптером. Нужно знать, когда его ожидать.

Хотя некоторые водители еще ворчали, большинство смотрело на вынужденную остановку как на неожиданный подарок. Связавшись с хозяевами, они больше не испытывали чувства ответственности. Поэтому вокруг костра чувствовалось общее облегчение.

— Да, я давно вожу машину, — громко говорил высокий рыжеволосый мужчина, — но если полиция велит останавливаться, я останавливаюсь. И хозяин ничего не сказал. Сказал только, чтобы я попытался наверстать время после задержки.

Один из его товарищей покачал головой.

— Не пытайся пересечь реку ночью, это опасно. После того, как построили эту новую дорогу, там появились выбоины.

Хансу смешался с группой, настолько усвоив манеры поведения и разговора, как будто всю жизнь только тем и занимался, что водил грузовик. Прекрасный пример работы специалиста по инопланетникам, решил Кана. На Фронне Хансу встречался с ллорами и вентури как равный, здесь он сразу адаптировался среди чужого племени, столь же чуждого ему.

— Дорога через реку, — обратился он к рыжему, — это прямой путь на Прайм?

— Да, — шофер оценивающе взглянул на него. — Ты новичок здесь, парень?

— Буду работать в Прайме. Сейчас перегоняю хоппер с запада, местность незнакомая...

— Речная дорога, если ее не знаешь, опасна. Старая, говорят, еще довоенная. Прошлым летом там копались парни из Прайма, что-то древнее откопали. Сберегает тридцать три мили, но опасна...

— Опасна! — подхватил другой. — Да это же просто ловушка! Что бы ни говорил хозяин, там лучше не ездить в темноте. Никогда не забуду эти провалы. Такие выбоины, что целиком проглотят колесо грузовика. Впрочем, если ехать медленно и освещать дорогу, все обойдется. Нужно свернуть налево в двух милях отсюда...

— Могут еще встретиться провалы?

— Конечно. Там вдоль дороги какие-то руины. Слушай, парень, как минуем заставу, держись рядом, и я покажу тебе.

Хансу поблагодарил и постарался незаметно исчезнуть, а разговор пошел о лесном пожаре, который шоферы видели днем.

Мгновение спустя Хансу сжал руку Кана.

Глава 17

ПЛЕННИКИ

— Коптер?

— Сейчас проходит с нерегулярными интервалами, сэр. Может оказаться в любую минуту.

— Плохо. Если бы мы знали местность, то могли бы разойтись и пробиться в одиночку.

— А вы знаете местность, сэр?

— Достаточно, чтобы добраться до Прайма незамеченным. Только бы выбраться отсюда.

— Нам нужно чем-то отвлечь внимание, сэр.

— Гм... — Их разговор был прерван окриком от заставы, водители бросились к своим машинам. Началось медленное движение.

Кана забрался в хоппер, не видя выхода из трудного положения. Хотя наступила темнота, костер в поле освещал местность, а если они еще немного продвинутся вперед, то окажутся на участке, залитом лагерными огнями.

— Эй! — Хансу высунулся на окрик. — Хопперам держаться справа, — сказал голос. — Это новый приказ. Подождите, пока впереди освободится место, и выбирайтесь к полю.

Неужели полиция установила, что беглецы движутся в хоппере? Кана не впервые за долгий день пожалел, что с ними нет мексского бластера. Они совершенно безоружны, даже Нож Милосердия...

Но Хансу уже действовал. Из-под комбинезона он извлек трехдюймовую трубку. Медленно и тщательно облизал ее и вставил под контрольную панель. Грузовик перед ним продвинулся на несколько ярдов. Хансу повернул хоппер вправо и тут же отдал приказ товарищу:

— Сними обшивку заднего сиденья и дай сюда!

Кана повиновался. Они съехали с дороги на поле. Перед ними и за ними появлялись другие хопперы.

— Готово! — Хансу установил ручку прибора и пинком отворил дверцу. — Прыгай!

Кана распахнул заднюю дверь и выпрыгнул, ударившись о землю. Он несколько раз перевернулся, царапая кожу. Еще не утратив инерции падения, он пополз вперед. И тут ночь раскололась, блеснул огонь, прогремел взрыв. Послышались крики. Кана закрыл лицо и замер, услышав гул полицейского коптера.

Когда тот прошел мимо, Кана пополз дальше, направляясь к ивовой рощице у ручья, которую он заметил раньше. И хотя он ожидал каждую минуту, что его окликнут, он благополучно добрался до ручья.

Повернувшись, он посмотрел на дорогу. Их хоппер, подожженный запалом Хансу, ярко пылал. Грузовики опять остановились, и вокруг горящей машины виднелась толпа. Очень удачно получилось. Только... удалось ли Хансу уйти так же легко?

Кана пополз вдоль ручья на восток. В том направлении находится Прайм, и если он сумеет отыскать Хансу, то только там. Кана показалось, что впереди что-то осторожно движется. Хансу? Или полицейский?

Кана расстегнул пояс комбинезона, собираясь использовать его, как пращу. Шорох прекратился, а потом послышался шепот:

- Карр?
- Да, сэр!
- Сюда...

Кана двинулся быстрее, догоняя командира. Здесь они находились ближе всего к заставе и ползли наполовину в воде, удаляясь от света лагерный ламп. Хансу держался у ручья, пока возвышенность не загрозила их от дороги.

— Куда мы направляемся? — наконец спросил Кана, когда они мокрые, покрытые грязью, выбрались из ручья на берег под покров деревьев.

— К речной дороге, о которой упоминал шофер, — Хансу пошел медленнее, осторожно поддерживая правую руку левой.

— Вы ранены, сэр?

— Немного обжегся. Перед прыжком прижимал обшивку к щитку.

Теперь Кана понял. Смутно видная снаружи обшивка могла напоминать двух людей, охваченных огнем.

— Можно взглянуть на ожог, сэр?

— Позже, — Хансу хотел уйти как можно дальше.

И это «позже» оказалось действительно много времени спустя. Чувство направления и изучения карты привело их на узкую дорогу, отходившую от главного шоссе. Поскольку движения на ней не было вовсе, они осмелились идти открыто. Взошла луна, когда Хансу остановился и начал осматриваться. Кана понял, что он отыскивает траншеи, вырытые рядом с дорогой. Хансу с усилием произнес:

— Фонарик...

Кана достал карманный фонарик, установил его на слабый режим работы и направил луч в ближайшую траншею. На дне раскопок виднелись остатки каменной кладки. Должно быть, эти развалины упоминал шофер. Хансу вслух считал траншеи.

— ...четвертая... пятая... шестая. Вот она, шестая слева...

Кана направил туда луч, и Хансу неуклюже слез по камням старой кирпичной кладки. Кана спрыгнул вслед за ним. Он не знал, что ищет Хансу, но понял, что лучше не задавать вопросов.

Эта траншея была длиннее остальных, уходила дальше от дороги, но в конце концов они подошли к груде щебня и обломков, обозначающей конец раскопок. Щебень порос колючим кустарником. Хансу левой рукой потянул за куст, и Кана заторопился ему помочь. Под их совместными усилиями куст поддался, обнаружив темное отверстие.

— Что?.. — начал было Кана.

— Подземные пути... прямо в Прайм... издавна сохранились... — речь Хансу звучала прерывисто, и Кана направил ему в лицо луч фонарика. Сквозь пот и грязь было видно, что Хансу держится на одной силе воли.

Но Кана чувствовал, что сейчас не время предлагать ему помощь. Он осветил отверстие и увидел туннель, явно искусственного происхождения. Под сапогами у него были две пыльные полосы, которые когда-то могли быть рельсами. Эти древние пути напоминали скорее смертоносную ловушку. Они проходили мимо осевших боковых коридоров, дважды им пришлось пробираться сквозь груды земли и гравия. Однако, к их удивлению, чем дальше они шли, тем лучше становились условия. Кана не мог поверить, что эти подземные пути заброшены со времен атомной войны. Его подозрения подтвердились, когда луч упал на какую-то металлическую деталь в боковом тупике. Металл блеснул, будто на него не действовали столетия сырости. Главный туннель все расширялся, и к нему присоединялось все больше и больше боковых коридоров. Когда-то, должно быть, это был главный вход в Прайм или в морской порт, на развалинах которого был построен Прайм.

— Долго еще?

— Не знаю, — Хансу шел механически. — Слышал об этих ходах. Мы должны связаться с достигающими — может, одна из их машин подберет нас.

Для Кана его слова не имели смысла, но он не стал расспрашивать. Он примерно догадался, кто такие эти «достигающие». Загадочное подполье среди солдат, главой которого, вероятно, был Маттиас. Но почему Хансу надеялся встретить их здесь, он не мог понять.

Они повернули и оказались в обширном пространстве, где проходило много рядов рельсов. Звук их шагов гулко отдавался в подземелье, луч фонарика уходил во тьму. Кана включил его

на полную мощность и направил на стены, переводя от одной темной арки к другой. Они находились в обширном кольце, в центре паутины, нити которой отходили во всех направлениях. В какую же из арок они должны войти? Насколько он мог видеть, они все были одинаковы.

Неуверенность и беспокойство, которые Кана всегда ощущал в замкнутом пространстве, начали действовать на него, хотя пространство пересекающихся путей было большим. Но за пределами досягаемости фонарика тьма сгушалась и становилась почти осязаемой, будто они действительно были погребены под землей без надежды выбраться на открытый воздух. Запах сырости нес в себе какие-то другие слабые запахи, напоминавшие о далеком прошлом. При остановке Кана расслышал журчанье воды.

— Куда дальше? — нелюбовь к темноте, боязнь закрытого пространства заставили его задать вопрос.

Хансу буркнул что-то, но не ответил, а Кана продолжал обводить лучом фонарика окрестности.

Их проблема была решена неожиданно и драматически. Из одной арки — Кана не был уверен, из какой именно, — послышалось гудение, которое началось как еле слышный шум, а потом превратилось в гул сирены. Он схватил Хансу за рукав, пытаясь увлечь его в один из проходов и укрыться там. Но было слишком поздно. Они пойманы и охвачены ярким лучом, ослепившим их. И от источника этого света последовал приказ, которого они не посмели послушаться:

— Руки вверх! И стоять на месте!

Кана с упавшим сердцем повиновался. Они были беспомощными, безоружными пленниками. Несколько позже Кана с горечью думал, что мог бы заранее предвидеть, чем кончится их пленение. Стена, против которой он сидел, была серая, монолитная, без единой трещины или щели. Ничего не отвлекало взгляда, не давало пищи воображению. Время, не разделенное больше на минуты, часы и дни, тянулось бесконечно.

Даже отраженный свет его камеры бледнел или разгорался с интервалами, у которых не было равных промежутков, и он не мог по ним измерять ход времени. Проголодавшись, он открывал дверь крошечного шкафчика, доставая капсулы и пластиковую бутылку с водой. Как они туда попадали, он не знал.

Хуже всего была постоянная тишина. Она окутывала Кана толстым отупляющим одеялом, и нервы его напряглись, он, расхаживая взад и вперед, пытался утомить себя физически, чтобы уснуть и хоть несколько часов провести в забытии. Он оказался в ловушке, из которой не было выхода. И он чувствовал, что однажды наступит момент, когда он не сможет противиться тишине, когда демон — его собственный страх — победит и овладеет его мозгом. Весь мир сузился до размеров этой камеры без окон и дверей где-то глубоко в основании Прайма. Аппаратура камеры функционировала автоматически. Кана могли забыть, оставить здесь на многие годы, а он по-прежнему продолжал бы получать питание, и свет продолжал бы загораться и гаснуть в соответствии с каким-то диким расписанием, вложенным в машину. И даже когда он умрет...

Кана пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Если бы только у него была информационная катушка или какой-нибудь писчий материал... Но с таким же успехом он мог мечтать о свободе! Он даже не знал, осужден ли он или еще только дожидается суда.

Хансу ошибался, считая подземные ходы Прайма неизвестными полиции. В арестовавшей их группе находился агент ГУ. Они сдались без сопротивления. С тех пор он не знал, что с Хансу. Их разделили перед допросом.

Специалисты по допросам не были грубы. Давным-давно исчезла необходимость в пытке, чтобы развязать языки упрямым пленникам. После того, как ему дали определенное средство, он ничего не мог скрыть. И Кана знал, что он выболтал все секреты своей жизни. Когда он пришел в себя, то находился в этой камере, раздетый до белья, и с тех пор он здесь и оставался.

Он стал сам себе назначать задания, вспоминая после каждой еды все детали курса по инопланетникам. Иногда в процессе этой работы он даже ненадолго забывался.

— Закан, — он произнес это слово медленно, стараясь придать ему соответствующий свистящий звук, — планета терранского типа. Суша представлена главным образом архипелагами. Самый большой остров Зародал. Крепость Зародала была основана во время полумифического правления пяти королей. Археологические находки подтвердили некоторые легенды и

доказали, что на одном и том же месте сменялось по меньшей мере десять цивилизаций, причем иногда между падением одной и подъемом следующей проходили тысячелетия. Закатане — раса рептилий, родственных терранским ящерицам. Протяженность их жизни во много раз превосходит человеческую. Они не агрессивны, чрезвычайно поглощены историческими исследованиями и дают много известных историков и философов.

Послышался шелчок. В стене перед Кана раскрылось отверстие. В нем лежал мундир. На мгновение Кана застыл. Потом схватил мундир, боясь, что это лишь мучительная иллюзия.

Полный новый комплект обмундирования... мечника третьего класса! Когда Кана начал одеваться, его руки все еще дрожали. Освобождение, по крайней мере, освобождение из камеры. Что его ожидает? Суд? Возвращение на службу? Или... Он, волнуясь, застегивал пряжки. Теперь он хоть был одет. Только меча не хватает, новые ножны на поясе пусты. И нет Ножа Милосердия.

Он застегивал ремешок шлема, когда стена сдвинулась. Он вышел в коридор. Его ожидало четверо конвоиров, двое впереди, двое сзади. Он пошел, понимая бесполезность распросов.

Скоростной лифт поднимал его этаж за этажом в сердце административного штаба. Когда лифт остановился, они оказались в широком коридоре. Фрески с изображениями других миров, где сражались орды и легионы, чередовались с окнами, через которые Кана бросил взгляд на Терру, первый с тех пор, как оказался в подземелье. Насколько он мог судить, было утро. Внизу лежал залив, переходящий в море. Предания утверждали, что древние руины, на которых был основан Прайм, некогда являлись предместьем огромного города, покрывавшего до атомных войн весь остров у залива. Меж зданий пролетали коптеры.

Все было так же, как и в тот день, когда он впервые прибыл в Прайм и получил назначение в орду Йорка. Но охранники не дали ему времени смотреть в окно или думать о прошлом. Его быстро провели в приемное помещение. Здесь его ждал трибунал. Высокие чины, возможно, самые высокие! Здесь сидели трое из четырех советников штаба, а четвертым и пятым чле-

нами суда были галактический агент и офицер галактического Патруля, командир подсектора, судя по знакам различия. Кана напрягся. Какое же право имеют эти чужаки судить его? Он был уверен, что сможет опротестовать это и будет поддержан кодексом службы. Но, желая выиграть время, он отдал салют и доложил согласно правилам:

— Кана Карр, мечник третьего класса, назначенный в орду Йорка, место службы — Фронн.

Хансу. Где Хансу? Неужели их будут судить порознь? Больше всего на свете Кана теперь хотелось поговорить с Хансу. Потому что он только что сделал ошеломляющее открытие: один из офицеров, смотревших на него, был Маттиас, тот самый Маттиас, который, по мнению Хансу, был их защитником, сражался бы на их стороне, если бы они сумели добраться до него...

Лица офицеров были бесстрастны, но агент ГУ, агератанец, ярко-алый и золотой плащ которого кричаще выделялся на фоне серо-зеленых мундиров терранцев, нетерпеливо ерзал в кресле, как бы желая ускорить процедуру и в то же время не решаясь указывать. Другой чужак, офицер Патруля, явно скучал.

Потом Кана увидел то, что лежало перед старшим офицером — меч арча. Это был ответ на один из его вопросов. Его привели для объявления приговора. Его приговорили, даже не дав возможности высказаться в свою защиту. Но... как они могли? Ведь он рассказал правду. Эти люди должны были знать об убийстве на Фронне, о страшной сцене у патрульного крейсера, обо всем, что случилось, знать так, как будто они сами были всему свидетелями. Как же они могли?

Как же они могли?

— За неразрешенный контакт с инопланетной расой, — начал старший офицер, — за дезертирство с места службы, за кражу крейсера, принадлежавшего галактическому Патрулю, вы, арч, Кана Карр, мечник третьего класса, отныне непригодны к службе в космосе. Вы лишаетесь всех званий и привилегий службы и на весь остаток жизни приговариваетесь к работе в одном из рабочих отрядов.

Врожденная дисциплина заставила его слушать. Рабочий отряд до конца жизни — это почти рабство. В нем нарастал хо-

лодный гнев. Он ответит этим дьяволам с замороженными лицами, он скажет им несколько слов правды, пока он еще не в рабочем отряде. Когда он заговорил, то обратился не к старшим офицерам, а непосредственно к агенту:

— Я узнал, кто вы и вам подобные. Пока вы еще можете заставить терранцев повиноваться вашей воле. Но когда-нибудь вы заплатите за это...

Белое лицо агератанца не изменило выражения, только сидел он теперь неподвижно, его длинные глаза сузились в щелки, как у хищника, следящего за добычей.

— Как долго, — внимание Кана снова переключилось на терранцев, — как долго вы сумеете скрывать такие происшествия? Вы знаете, что они сделали с нами там? Я... — он помолчал, дожидаясь, пока полностью овладеет своим голосом. — Я дал Милосердие Дику Миллзу, выслушав его рассказ. Вы знаете — вы все знаете, что он мне рассказал. Считается, что мы воины. Пусть мы лишь наемники, продающие свое искусство другим. Но теперь пришла пора сражаться против убийц, — он бросил слова прямо в лицо агератанцу и офицеру Патруля.

Затем настроение Кана изменилось. Зачем ему разговаривать с этими бесстрастными судьями, когда ему хочется броситься на агератанца, ощутить под кулаками его дряблую плоть? Что пользы говорить? Слова ничего не изменят, не нарушат спокойствия этого изменника Маттиаса.

Он отдал честь и повернулся к ожидавшим его стражникам. Неужели его снова отведут в подземную камеру? Или попытаться... у него будет такая возможность. Он намерен бежать на обратном пути.

Хансу... Если его приговорили к пожизненным работам, то Хансу должны были казнить. Как он ошибался в Маттиасе, в своей вере в новый день! С Маттиасом, готовым изменить, у повстанцев не было ни малейшего шанса.

Они прошли к лифту и спустились, но не в камеру. Его провели в маленькую комнатку, рядом со входом в здание: он был уверен в этом, так как мимо непрерывно шли в обоих направлениях солдаты. Его оставили одного, если не считать часового у двери. Оставили ждать. Ждать? Нет, действовать!

Глава 18

НЕ БУДЕТ ЗВЕЗДНОЙ СТРАЖИ!

Кана старался оценить ситуацию. Он в мундире, не хватает лишь оружия. Если бы не часовой, он мог бы просто выйти из комнаты, смешаться с толпой зевак и покинуть здание, прежде чем поднимется тревога. Потом он смог бы выбраться из Прайма. Оставалось решить проблему часового. Он принялся разглядывать его. Часовой старательно подавлял зевок. Ясно, что он не ожидал никаких беспокойств от пленника. И это было не помещение для содержания арестантов, а скорее комната ожидания для посетителей низшего ранга. Скамья, на которую было приказано сесть Кана, оказалась мягкой, слева от него, вне видимости часового, находился видеозэкран. Можно ли его как-то использовать? Немного импровизации. Он подождал, пока внимание часового опять не привлек кто-то в коридоре, и затем вскочил на ноги.

— Красный тревожный! — воскликнул он, как будто изумленно.

Часовой повернулся, сделал шаг, а затем бросил на Кана сердитый взгляд.

— Был красный тревожный! — настаивал Кана, указывая на экран.

Охранник пребывал в нерешительности. Если на экране был действительно красный тревожный сигнал, то его долг ясен, он немедленно должен обратиться за распоряжением. А он не был уверен, что сигнала не было.

— Держите меня под прицелом бластера, — сказал Кана. — Говорю вам: был красный тревожный!

Охранник вытащил бластер и нацелил его на Кана. Потом, прижимаясь спиной к стене, не отводя глаз от пленника, стал двигаться к экрану.

— Сидеть! — выпалил он Кана.

Кана опустил на скамью, но тело его было напряжено до предела, и все его мускулы были готовы к действиям...

У него будет лишь одна секунда, когда охранник, чтобы нажать переговорную кнопку над экраном, вынужден будет повернуться к нему спиной. И если только он сумеет двинуться...

Она наступила, эта секунда. Охранник повернул голову. В то же мгновение Кана бросился на пол. Плечи его ударились о колени охранника, голова того с глухим стуком ударилась о экран. Экран разбился. Кана быстро повернулся, готовый продолжить борьбу. Но тело под ним было вялым.

Несколько ошеломленный этой феноменальной удачей, Кана встал на колени, торопливо забрав себе меч охранника и его бластер. Только охранник на посту мог носить его. На улице Кана тут же задержат, если увидят бластер. Он сунул меч в ножны, надеясь, что удача будет сопутствовать ему.

Охранника, связанного собственным поясом, с кляпом во рту, он закатил под скамью так, чтобы от двери его нельзя было увидеть. Затем Кана поправил мундир, надел шлем, потерянный им в короткой схватке, и, глубоко вздохнув, вышел в коридор, закрыв за собой дверь. У него было пять минут, может, немного больше, прежде чем начнется преследование. Теперь, когда у него снова меч, никто не отличит его от сотен арчей на улицах Прайма.

Улицы Прайма — чем быстрее он уберется с этих улиц, тем лучше. Бегство было чистой импровизацией и поэтому сработало эффективно, но он хотел как можно быстрее уйти из Прайма. Четкой походкой солдата, отправленного с поручением, он миновал коридор и вышел из здания на площадку коптеров, примерно в двадцати этажах над уровнем земли. Из одной такой машины вышел ветеран, и она уже была готова взлететь, когда Кана махнул рукой. Пилот нетерпеливо ждал его.

— Куда?

Жаль, что он плохо знает географию города. Но он был уверен, что попытка приблизиться к космопорту или к одному из трансконтинентальных аэропортов ни к чему хорошему не приведет. Они хорошо охраняются, и сообщение о его побеге будет немедленно отправлено туда. Немного обеспокоенный вопросом пилота, он назвал единственное место, где бывал раньше.

— Дом Найма!

Они поднялись в воздух и полетели на восток. Кана пытался опознать объекты под собой. Можно ли бежать по воде? Из Прайма ведут лишь пять наземных дорог и каждая преграждена барьером. Все машины там останавливаются и досматриваются.

— Прилетели, — коптер опустился на стоянку Зала Найма. Кана поблагодарил и на лифте спустился вниз. Но не в сам зал и не на этаж, где офицеры по найму сидели в своих кабинетах. Он направился в единственное место, где не только надеялся укрыться, но и найти помощь в обдумывании следующего шага.

Комната записей была так же тиха, как и в тот раз, когда он впервые перешагнул порог. Одна кабина у входа была занята, а остальные свободны. Он быстро выбрал четыре катушки и направился в самую дальнюю кабину в ряду. Опустив катушки в машину, он сел в качающееся кресло.

Час спустя была прослушана последняя катушка. Итак, имеются два ответа. Он снял наушники, но с кресла не встал. Что ж, по крайней мере, у него есть выход. Кана стремительно встал и подошел к двери кабины, чтобы осмотреть помещение. Свет в первой кабине погас. Но теперь были заняты три другие. Подозрительно ли это? Он не видел возможности выследить его здесь. Самое логичное с его стороны было попытаться как можно быстрее выбраться из Прайма. Разумеется, никто не ожидает, что он станет изучать катушки в архивах Зала Найма.

Два пути... Он снова сел в кресло и, глядя невидящими глазами в потолок, принялся размышлять. Морской путь. Он умеет плавать, хотя в последнее время у него было мало практики. И подземный, построенный древними. Может, полиция считает, что, поскольку его там поймали, то второй раз он не захочет туда войти. Он был голоден. Тщательно подобранная тюремная диета не давала возможности накопить энергию. А он не осмеливался пойти в столовую. Пришлось бы показать браслет, который тут же выдал бы его. Но сначала нужно было выбраться из Прайма, а там уж можно будет подумать о еде.

И долго задерживаться здесь нельзя. Он впитал всю информацию, которая содержалась в катушках. Пора идти, и Кана принял решение.

Самым старым зданием современного Прайма был исторический музей. Поскольку история не пользуется популярностью у современного населения Терры, то здание всегда пустует. Но, как узнал Кана из катушек, оно сооружено на фундаменте доатомного здания. Возможно, там сохранился выход в подземелье. Говорят, во всех довоенных зданиях они были. Вероятность

успеха один к тысячи. Но его учили принимать во внимание и такие вероятности.

Кана собрал катушки и вышел из кабины. Три другие кабины были по-прежнему заняты, и он торопился пройти мимо. Вернув катушки, он вышел из комнаты, сосредоточившись на том, чтобы вести себя неторопливо и обычно. К счастью, нужное ему здание находилось в трех кварталах, а мундир сделает его неузнаваемым на улицах. Спускаясь по широкой лестнице к тротуару, он услышал за собой шаги. Кто-то торопился. Он ускорил шаг и положил руку на пояс, поблизости от рукоятки меча. Если его догнали, он будет сражаться. И лучше погибнуть в огне бластеров, чем провести всю жизнь в рабочих отрядах...

Кто-то крепко ухватил его за руку, отводя пальцы от оружия. Справа и слева от него шли мощные арчи с угрюмыми лицами.

— Продолжай идти...

Кана механически продолжал двигаться, глядя вперед. Его вели не к штабу. И не приземлялся коптер, чтобы подобрать пленника и тюремщиков. Они продолжали идти к музею. Не способный догадаться, что происходит, он молча шел между арчами. Для любого прохожего они были тремя друзьями, гуляющими по Прайму. Перед входом в музей солдат, который своим сжатием парализовал руку Кана, сказал:

— Сюда...

Совершенно сбитый с толку, Кана повернул в музей. В широком зале, уставленном витринами с реликтами довоенного периода, никого не было. И никто не появился, когда они спустились по узким ходам в подземелье. Неожиданный провал, когда он считал себя в безопасности, парализовала волю Кана, но сейчас он начал приходить в себя, собирая силы, чтобы при первой же возможности попытаться освободиться. Но почему его привели сюда? Неужели его считают членом подпольной организации и надеются, что он приведет полицию к своим товарищам? И любопытство сменило удивление, он решил ждать, пока что-либо прояснится.

Они миновали множество залов с витринами, коридоров, тускло освещенных комнат со шкафами и картотечными ящиками. Один или два раза им встречались занятые работой люди, но никто из них даже не поднял головы, чтобы взглянуть на

Кана и его компаньонов. Как будто они втроем были невидимы. Наконец, они дошли до конца этого лабиринта и оказались в большом помещении, занятом механизмами. Должно быть, системы отопления и кондиционирования воздуха. Один из арчей прошел вперед и открыл незаметную дверь. За ней оказалась лестница, ведущая в тускло освещенное помещение с рельсами. На рельсах стояли платформы. На платформы грузили какие-то громоздкие ящики, но никто из грузчиков также не обратил внимание на Кана и его спутников.

— Туда, — протянутый палец указал на небольшой вагон. Кана скорчился на тесном сиденье. Один из стражников сел перед ним, а другой сзади. Вагон двинулся, быстро набирая скорость, и погрузился во тьму туннеля. Неужели они направляются в штаб? Но почему под землей? Гораздо проще было бы впихнуть его в коптер и перевезти открыто... Проходили минуты, и Кана начал догадываться, что они не только миновали штаб, но, должно быть, приближаются к границам Прайма. Кана потерял всякое представление о направлении. Они могли находиться под дном залива или далеко в глубине острова, когда вагон остановился у платформы и ему приказали выходить.

На этот раз они не поднимались, а прошли по боковому коридору в какое-то место, где вовсю кипела жизнь. Здесь тоже были комнаты с картотеками и лаборатории с многочисленными работниками.

— Сюда...

Снова Кана подчинился приказу, вошел в комнату и остановился — ошеломленный.

— Три часа десять минут, — Хансу сверился с часами. Потом повернулся к рядом стоявшему человеку в мундире советника. — Вы мне должны полкредита, Матт. Я говорил вам, что он продержится. Чуть-чуть дольше, но все же продержался. Я знаю своих кандидатов!

Советник достал из кармана монету и торжественно протянул ее Хансу. Высокий чин, опустивший монету в протянутую руку Хансу, был именно тем самым Маттиасом, который совсем недавно с каменным лицом осудил Кана.

Теперь внимание Хансу снова вернулось к Кана. Хансу критически осмотрел его.

— Довольно живой для мертвеца, — таково было странное замечание Хансу. — Вы, — он протянул палец, — час назад были убиты при попытке выбраться с острова.

Вторично Кана открыл рот, но на этот раз сумел произнести несколько слов:

— Интересно... если это правда... сэр...

Такой открытой улыбки Кана никогда раньше не видел у Хансу.

— Как драматично, — по-прежнему Кана ничего не понимал. — Добро пожаловать в Прайм, в настоящий Прайм. Познакомьтесь с его губернатором — командующим Маттиасом.

— Ты хорошо держался, сынок, — советник одобрительно кивнул Кана. — Побег прошел так гладко, будто мы договорились заранее.

— Я вам говорил, — вмешался Хансу, — он готов к любому назначению.

Кана начал понимать, почему его оставили в той комнате и как ему удалось так легко справиться с охранником.

— Вы дали мне щель, — сказал он почти обвиняюще. — За мной следили?

— Нет. Твой побег должен был выглядеть естественно. Мы просто предоставили время, место и возможности. Все остальное зависело от тебя, — ответил Хансу.

— Но как же ваши люди нашли меня?

— По информационным катушкам, заказанным в архиве. Вы заказали «Историю Прайма», «Морской берег», «Остатки древних построек в Прайме» и «Карту Прайма». Все это было заказано в одно и то же время одним человеком. Поэтому мы просто послали за вами ребят.

Кана без приглашения опустился на скамью. События развивались слишком быстро. Логично... но все, о чем говорил Хансу, свидетельствовало о разветвленной и прекрасно функционирующей организации. Что это за организация? Он задал один из множества возникших у него вопросов:

— А рабочие лагеря?

— Они существуют и предназначены предположительно для преступников и недовольных разного рода, — весело ответил советник. — Агенты ГУ были бы удивлены, посетив какой-нибудь из них, кроме тех двух-трех, которые специально

для гостей. Сейчас вы находитесь в лагере номер один. И мы можем дать вам не менее ста должностей, и все они будут работой против существующего положения. Таким образом, вы и будете исполнять приговор. Не думаю, что вы пожалеете о своей судьбе. Хансу не жалеет. Или в глубине души все-таки что-то есть, а?

— Нисколько, Матт, — улыбка Хансу стала еще шире. — Я жалею, что раньше не был посвящен в эти дела. Так много нужно сделать...

— А как Кости и Ларсен, сэр? И вся орда на Фронне?

— Кости и Ларсен приземлились далеко на юге и были встречены нашими людьми. Агенты ГУ о них и не подозревают. А что касается орды — что ж, придется кое-что предпринять тут и там. Пока что они в безопасности у вентури... Я думаю, мы сумеем договориться с этими торговцами. Именно такие нам и нужны. Мы сумеем забрать орду раньше, чем эти изменники и агенты ГУ до нее доберутся. С другой стороны, мы не можем просто так покончить с Дейвисом и рассказать все, что мы узнали о нем и его покровителях. Но вентури будут знать, что мы свое слово сдержали. Здесь, в Прайме-2, у нас считается, что обещания нужно выполнять, если это в человеческих силах.

Кана чувствовал себя так, будто его выбросили в космос без корабля. Если бы ему только объяснили последовательно, с самого начала, в простых словах, чтобы прекратилось это головокружение, и ему стало бы легче.

— Хотите факты? — Маттиас будто читал его мысли. — Что ж, положение не настолько плохо и не настолько просто, чтобы можно было объяснить его в нескольких фразах. Весь проект уходит в наше прошлое — почти на три века назад. Вы знаете: если спросить агератанца или рассами, что он думает о терранцах, тот нарисует картину глубокого варвара. Мы это сознательно поддерживали. Враги вы это поверили, а нас это не беспокоило.

На самом деле Терра уже по меньшей мере 250 лет является двойным миром, хотя об этом знает относительно небольшое количество ее обитателей. Одна Терра и один Прайм точно и аккуратно подошли к заданному ГУ образцу. Теперь это один из низших членов конфедерации, довольный своей тре-

тьестепенной ролью. Но вот уже сто лет один из войсковых транспортов, взлетающих с этой планеты, является вовсе не военным транспортом. Один из двадцати. Он несет пионеров-исследователей. Мужчины и женщины, отобранные по определенному свойству мозга и тела, улетают в анабиозе, чтобы поселиться на планетах, найденных нашими наемниками. На одних планетах цивилизация деградировала и почти исчезла, другие лишены разумной жизни, на третьих господствующая раса молода, это гуманоиды, с которыми у нас могут быть общие дети. Можно даже полагать, что это потомки тех легендарных космонавтов, что покинули Терру задолго до атомных войн и теперь забыли о своем происхождении. Сейчас терранцы тайно расселились почти на тысяче планет. На тридцати наши колонии не выжили, помешали местные болезни, резкие изменения климата, местная хищная жизнь. На шести планетах все еще идет борьба за выживание. На остальных терранцы процветают. ГУ заметило сокращение населения Терры и решило, что наша раса, способная бросить вызов более древним расам, вымирает. ГУ считает, что сработал его план и только недавно до ГУ начали доходить сведения о том, что происходит на самом деле, и он начал действовать. Но он опоздал по меньшей мере на десять поколений. Невозможно предпринять действия против тысячи разных планет и сохранять видимость справедливости и тщательно поддерживаемое равновесие сил.

— Вы еще забыли о наших союзниках, — напомнил Хансу.

— Солдат в поле имеет право делать замечания представителю штаба, — согласился Маттиас. — Да, несколько молодых энергичных рас подпали под этот же запрет на колонизацию и исследования, что наложен на нас. Когда эти расы узнают о наших действиях, а мы специально посылаем к ним своих специалистов по контактам, они начнут копировать наши действия и методы. Теперь по нашим следам идет еще двадцать цивилизаций. Происшествие на Фронне — обвинение и убийство Йорка и его офицеров — это удар нам в спину, и он может обнаружить весь наш план. Но мы не боимся этого, мы подготовились. И если они собираются учинить суд, то мы слишком много знаем об их планах. Тем временем... — он кивнул Хансу, как бы приглашая его продолжить.

— Тем временем операции будут продолжаться, как обычно, и здесь и в космосе. И, как специалист по контактам, вы будете работать в соответствии с приговором...

Кана наконец понял.

— Я с радостью принимаю приговор, сэр. Но когда и где я начну?

Хансу развернул карту Галактики.

— Они пытались поставить стражу на пути к звездам — и не смогли. Ни одна раса не имеет права на это! У тебя большой выбор, сынок. Перед тобой весь космос!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

*Нэну Ханлину, который тоже
бродил среди звезд в фантастике,
если не в действительности.*

Пролог

Существует древняя легенда о римском императоре, который, чтобы показать свою власть, вызвал командира верного легиона и велел ему с его людьми идти по Азии до края света. И вот тысяча человек исчезла на огромном континенте, была проглочена им навсегда. На каком-нибудь неизвестном поле битвы последняя горстка выживших выстроилась в каре, защищаясь от нападения варваров. А их стяг, может быть, поколения спустя, стоял, одинокий и полинявший, в палатке вождя кочевников. Но тот, кто знал этих гордых людей, их службу и традиции, мог предположить, что они продолжали идти на восток, пока хоть один оставался на ногах.

В 8054 г. от Рождества Христова история повторилась, как это всегда бывает. Первая Галактическая империя разваливалась. Диктаторы, императоры, объединители вырывали из-под власти Главного Управления свои собственные и соседние солнечные системы. Космические императоры поднимали флаги и истребляли флоты, чтобы поглощать добычу — остатки крушения империи. В это время процветали только безжалостные.

Тут и там человек или группа людей тщетно пытались противостоять потоку разрушения и разобщения. И среди этих борцов, которые отказывались забыть веру в нерушимое правление Главного Управления, самыми заметными были остатки Звездного Патруля, вооруженного объединения, которое тысячи лет пользовалось непререкаемым авторитетом. Возможно, именно потому, что в своих рядах они больше не находили безопасности, эти люди еще крепче держались друг друга, еще строже придерживались своего древнего кодекса этики и морали. И их упрямая верность исчезнувшим идеалам раздражала новых правителей и вызывала у них жалость.

Джоркам Дестер, последний представитель Управления на Десте, вынашивавший собственные честолюбивые планы, решил избавить свой сектор от Патруля. Он вызвал с полдюжины офицеров, командовавших еще пригодными к полетам кораблями, и приказал им — именем Управления — вылететь в космос и нанести на карты (так он сказал) забытые системы на границе Галактики, системы, которые не посещались уже много поколений. Он дал неопределенное обещание основать новые базы, на которых Патруль укрепится и оживет и снова сможет бороться за идеалы Управления. И, верные своей древней присяге, они подняли свои корабли, с неполными экипажами, без надлежащего снаряжения, без настоящей надежды, но намеренные выполнять приказ до конца.

Одним из этих кораблей был разведчик «Звездное пламя».

Глава 1

ПОСЛЕДНЯЯ ПОСАДКА

Патрульный корабль «Звездное пламя», веганский регистр, совершил в то утро последнюю посадку. И посадка была трудной, потому что две изъеденные дюзы взорвались как раз в тот момент, когда пилот посадил корабль на стабилизаторы. Корабль подпрыгнул раз, другой, изогнулся и лег на израненный метеорами бок.

Рейнджер сержант Картр, поддерживая левое запястье правой рукой, облизнул кровь с разбитых губ. Стена пилотской рубки с иллюминатором превратилась в пол, защелка двери уперлась в одно из трясущихся колен Картра.

Латимир не пережил посадки. Один взгляд на неестественно выгнутую черную голову астрогатора сказал об этом Картру. Мирион, пилот, безжизненно свисал из паутины ремней у контрольного щита. Кровь текла по его щекам и капала с подбородка. Может ли течь кровь у мертвого? Картр решил, что нет.

Он сделал медленный пробный вздох и почувствовал облегчение от того, что вздох не сопровождался болью. Ребра целы, несмотря на удар, который отбросил его к стене. Он невесело улыбнулся, осторожно вытягивая руки и ноги. Иногда выгодно быть крепким нецивилизованным варваром с пограничной планеты.

Свет замигал и погас. Картр чуть не потерял контроля над собой, вопреки своему тщательно соблюдаемому спокойствию ветерана. Он ухватился за замок и потянул. Резкая боль в руке обострила его восприятие. Он не заперт, дверь сдвинулась примерно на дюйм. Он может выйти.

Нужно выйти и отыскать врача, чтобы помочь Мириону. Пилота нельзя двигать, пока не будет ясно, насколько серьезны его раны...

И тут Картр вспомнил. Врача нет. Уже три... или четыре... планеты. Рейнджер покачал болящей головой и нахмурился. Потеря памяти намного хуже боли в руке. Он не должен терять память.

Три посадки назад, вот когда это было! Они отбили нападение зеленых после того, как вышел из строя носовой бластер. Тогда врач Торк получил отравленную стрелу в горло.

Картр еще раз покачал головой и одной рукой начал терпеливо работать. Прошло немало времени, прежде чем он смог открыть дверь настолько, чтобы суметь протиснуться. Неожиданно в щель проник голубой луч.

— Картр! Латимир! Мирион! — послышался голос из темноты. Только у одного человека на борту был голубой фонарь.

— Рольтх! — узнал Картр. Его подбодрило, что ждал его не кто-нибудь, а член их собственного исследовательского отряда. — Латимир мертв, но Мирион, мне кажется, еще жив. Ты можешь войти? У меня, похоже, сломано запястье...

Он отодвинулся, давая возможность войти. Тонкое голубое световое копье прошло по телу Латимира и сконцентрировалось на пилоте. Потом трубка фонаря оказалась в здоровой руке Картра, а Рольтх пробрался к бессознательному Мириону.

— Каково положение? — Картру приходилось повышать голос, чтобы заглушить стоны пилота.

— Не знаю. Помещение рейнджеров не очень пострадало. Но дверь в двигательный отсек заклинена. Я постучал по ней, никто не ответил...

Картр пытался вспомнить, кто был на вахте у двигателей. У них осталось так мало людей, что каждый выполнял еще чью-нибудь работу. Даже рейнджеров допускали к прежде ревниво охраняемым обязанностям Патруля. Так стало после нападения зеленых.

— Каатах... — скорее свист, чем слово из коридора.

— Все в порядке, — почти автоматически ответил Картр. — Можно получить настоящий свет, Зинга? Рольтх здесь, но ты знаешь, что у него за фонарь...

— Филх пытается отыскать большой, — ответил новоприбывший. — Что у вас?

— Латимир мертв. Мирион еще дышит, но трудно судить, насколько серьезны его раны. Рольтх говорит, что из команды двигательного отсека никто не отвечает. Как ты?

— Хорошо. Фил, я и Смит из экипажа немного побиты, но ничего серьезного. Хаа...

Яркий желто-красный луч осветил говорившего.

— Филх принес большой прожектор...

Зинга стал помогать Рольтху. Они высвободили Мириона и положили его на пол, прежде чем Картр задал следующий вопрос.

— А как капитан?

Зинга медленно отвернулся, как будто не собираясь отвечать. Его возбуждение, как обычно, выдало дрожание широкой складки кожи у шеи: это своего рода жабо поднималось, когда он был обеспокоен или возбужден.

— Смит пошел искать его. Мы не знаем...

— Лишь в одном нам повезло во всей этой катастрофе. — Голос Рольтха, как всегда, был лишен эмоций. — Это планета типа зэмл. Поскольку мы не сможем улететь быстро, можно подумать, что дух Космоса улыбнулся нам.

Планета типа зэмл — на ней экипаж корабля может дышать без шлемов, не испытывать неприятностей неудобного тяготения, вероятно, есть и пить местные продукты без страха внезапной смерти. Картр осторожно положил раненую руку на колено. Чистая удача. «Звездное пламя» могло оказаться где угодно, корабль удерживали от развала лишь куски проволоки и надежда. Но наткнуться на планету типа зэмл — такой удачи они не могли ожидать после черных разочарований последних лет.

— Планета совсем не обгорела, — заметил он с почти отсутствующим видом.

— Почему же ей обгорать? — спросил Филх насмешливым голосом, в котором звучала и горечь. — Эта система далеко за пределами наших карт. Она вдали от благ цивилизации.

Да, блага цивилизации Главного Управления. Картр зажмурился. Его родная планета Илен была сожжена 5 лет назад — во время Восстания Двух Секторов. Но ему по-прежнему иногда снилось, как он садится в почтовый корабль и идет в своей форме, гордясь медалями пяти секторов и Далекой Звезды,

идет в лесистую местность, в маленькую деревушку у северного моря. Сгорела!.. Он никогда не мог представить себе обожженную скалу на том месте, где стояла эта деревушка, мертвый пепел, покрывающий нынешнюю Илен, ужасный монумент межпланетной войне.

Зинга обработал его запястье и подвесил руку на перевязь. Картр даже смог помочь, когда они протаскивали Мириона в дверь. К тому времени, как Мириона уложили в кают-компанию, там появился патрульный Смит, поддерживая человека, настолько закутанного в бинты, что его невозможно было узнать.

— Командор Выбор? — Картр вскочил, расправил плечи, автоматически свел пятки, так что кожа его сапог слегка скрипнула.

Завязанная голова качнулась.

— Рейнджер Картр?

— Да, сэр.

— Кто еще?.. — вначале голос, как обычно, звучал резко, но потом оборвался в обескураживающей тишине.

— Из Патруля — Латимир мертв, сэр. Мирион жив, ранен. Смит не пострадал. Рейнджеры Филх, Рольтх, Зинга и я в порядке. Рольтх докладывает, что дверь в двигательный отсек заклинена и оттуда никто не отвечает. Мы начинаем осмотр, сэр.

— Да... да... Действуйте, рейнджер.

Смит подскочил вовремя, чтобы поймать падающего командора и уложить на пол. Командор Выбор был не в состоянии продолжать командовать.

Картр снова почувствовал приступ паники, какая охватила его, когда погас свет. Командор Выбор — он считал этого человека скалой прочности и безопасности в хаотическом мире... Картр вдохнул душный воздух старого корабля и постарался принять ситуацию.

— Смит. — Он повернулся вначале к связисту-патрульному, который по всем правилам службы превосходил в звании простого сержанта рейнджеров. — Можете присмотреть за командором и Мирионом?

Смит получил некоторую медицинскую подготовку и один или два раза действовал как помощник Торка.

— Ладно. — Низкорослый связист даже не поднял головы. Он склонился к стонущему пилоту. — Отправляйтесь и осмотрите повреждения, летун...

Летун? Что ж, знатные и сильные патрульные должны радоваться, что с ними в этот трудный час летуны. Рейнджеры обучены пользоваться продуктами чужих миров. После катастрофы они более дома в чужом мире, чем любой патрульный.

Крепко прижимая раненую руку к груди, Картр прошел по коридору в сопровождении Рольтха, которому пришлось надеть очки. Луч света из обычного фонаря, зажатого в здоровой руке сержанта, казался Рольтху ослепительным. Зинга и Филх шли сзади. Как заметил Картр, они вооружились ручным лучеметом, чтобы вскрыть дверь.

Даже при помощи лучемета понадобилось не менее десяти минут, чтобы разрезать замок. И хотя эта работа сопровождалась грохотом, изнутри не слышалось ни звука. Картр, внутренне напрягшись, первым протиснулся в отсек. Достаточно было одного взгляда, и он попятился, чувствуя тошноту и головокружение. Остальные, увидев его лицо, ни о чем не спрашивали.

Когда он, борясь с тошнотой, прислонился к изуродованной двери, все услышали громохание из хвостового отсека.

— Кто?..

Ответил Филх:

— Вооружение и припасы — там должны быть Джексен, Котт, Спин и Дальтр. — Он пересчитал названных на своих костистых пальцах.

— Да. — Картр уже вел спасательный отряд по направлению к звуку.

Снова пришлось применить лучемет. Снова ждать, пока металл остынет. И вот появились трое людей, в синяках, в изорванной одежде.

Джексен... Да, Картр готов был заложить годовое жалованье за то, что этот крепкий, жилистый патрульный, офицер по вооружению, выживет. А также Спин и Дальтр.

Джексен заговорил, еще не подойдя к ним:

— Как положение?

— Смит цел. Командор ранен в голову. Мирион тяжело ранен. Остальные, — Картр развел руки жестом своего детства, одним из тех жестов, которые он тщательно подавлял за годы службы.

— Корабль...

— Я рейнджер, а не техник. Может, лучше ответит Смит.

Джексен почесал шетину на подбородке. Правый рукав у него был порван, на руке глубокая царапина. Вероятно, подсчитывал потери. Если «Звездное пламя» сможет снова функционировать, то только благодаря решительности и энергии Джексена.

— Планета?

— Тип зэмл. Когда взорвались дюзы, Мирион пытался сесть на открытую площадку. Перед посадкой не было обнаружено никаких следов цивилизации. — Эта информация относилась к специальности Картра, и он отвечал уверенно.

Если аэросани рейнджеров не очень повреждены, они смогут вывести один и начать разведку. Конечно, возникала проблема топлива. В баках аэросаней его может хватить на одну поездку, причем весьма вероятно, что разведывательному отряду придется возвращаться пешком. Конечно, если «Звездное пламя» повреждено окончательно, то они могут использовать основные запасы горючего... Но этим можно заняться позже. Пока нужно взглянуть на ближайшее окружение.

— Мы отправляемся на разведку. — Голос Картра звучал резко и уверенно, он не спрашивал разрешения Джексена. — Смит с командором и Мирион в кают-компании...

Патрульный офицер кивнул. Конечно, переход к обычной процедуре был правильным решением. Возвращаясь в помещение рейнджеров, Картр заметил, как все приободрились. Филх уже отыскал их рюкзаки в груде обломков, образовавшейся после посадки. Картр покачал головой:

— Не нужно полного снаряжения. Мы отойдем не более чем на четверть мили. Рольтх, — бросил он через плечо стоявшему в двери фальтхарианцу в очках, — ты останешься здесь. Солнце планеты типа зэмл не по твоим глазам. Твоя очередь наступит ночью.

Рольгх кивнул и направился к кают-компании. Картр пытался одной рукой надеть исследовательский пояс, но Зинга отобрал его.

— Я помогу. Стой спокойно. — Чешуйчатые пальцы застегнули пряжки ленты из влисовой кожи со всем набором разнообразных инструментов. Картр пошевелился, размещая привычный набор. Незачем брать дисраптер, стрелять одной рукой он все равно не сможет. Бластер будет его единственным оружием.

К счастью, корабль лежал люком наружу. Никто из них сейчас не справился бы с выжиганием надземного хода. Но люк пришлось открывать с большими усилиями. Картру помогли выбраться. Они соскользнули по тусклому обожженному металлу на все еще дымившуюся землю и побежали к краю выгоревшего круга. Здесь они остановились и оглянулись на корабль.

— Плохо, — выразил общую мысль Филх. — Пламя больше никогда не поднимется.

Картр не был механиком, но он тоже видел это. Даже если удастся доставить этот корабль в ремонтный док, он никогда больше не сможет летать. А Космос знает, сколько звезд до ближайшего дока!

— К чему нам об этом думать? — спокойно сказал Зинга. — С первого старта в этом последнем полете мы знаем, что возвращения не будет...

Да, в глубине души они все знали это. Но до сих пор никто не признавался в этом другому. А теперь...

Может, люди не примут этого, но бемми могут принять. Одиночество давно стало частью их жизни: часто они были единственными представителями своей расы на борту корабля. Если даже Картр был чужим для экипажа патрульного корабля, потому что он не только специалист-рейнджер, но и варвар с пограничной планеты, то что должны были чувствовать Филх и Зинга? Они даже не могли назвать себя людьми.

Картр отвернулся от разбитого корабля и стал изучать песчаную пустыню с отдельными скальными выступами. Время около полудня, солнце тяжело бьет своими лучами. Зинга расцветал в волне жара. Его жабо широко развернулось, образовав веер за безволосой головой, тонкий язык мелькал меж желтыми губами. Но Филх отошел в тень ближайшей скалы.

Пустыня. Ноздри Картра расширились, он вбирал и классифицировал запахи. Жизни нет. Но...

Он резко повернул голову влево. Жизнь! Однако Зинга опередил его, большие четырехпалые ступни легко несли его по песку, перепонка между пальцами не давала ящерицеобразному рейнджеру проваливаться. Когда Картр присоединился к нему, высокий закатанин сидел на корточках перед камнем, на котором свернулось чешуйчатое тело. Узкая голова раскачивалась, мелькал и исчезал язык. Картр остановился и прощупал мозг создания. Да, это местная жизнь. Чуждая, конечно. С млекопитающим он мог установить контакт. Но это рептилия. У Зинги нет тех способностей к мысленному контакту, как у сержанта, но ведь это существо родственно ему. Может, он подружится с ним? Картр пытался ухватить и истолковать странные впечатления, находившиеся на грани восприятия. Существо было встревожено их появлением, но сейчас заинтересовалось Зингой. Существо уверено в себе, такая уверенность свидетельствует об обладании мощным природным оружием.

— У него ядовитые клыки, — ответил на невысказанный вопрос Зинга. — И ему не нравится твой запах. Оно может стать врагом людей. Но я — другое дело. Оно не может рассказать многое, оно не мыслит...

Закатанин коснулся роговым пальцем головы существа. Существо спокойно позволило эту вольность. А когда Зинга встал, оно тоже подняло голову, развивая мотки своего тела.

— Для нас от него мало пользы, а для тебя оно смертоносно. Я отошлю его. — Зинга посмотрел на свернувшуюся змею. Голова змеи начала раскачиваться. Потом змея зашипела и исчезла, скользнув меж скал.

— Сюда, свинцовые ноги! — донесся сверху голос Филха.

Голова тристианца, с хохолком перьев, с огромными круглыми глазами без век, появилась на вершине самой высокой скалы. Картр вздохнул. Для человека-птицы с его легкими костями такой подъем нетруден, но Картр определенно боялся подъема, тем более с поврежденной рукой.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Там растительность... — золотистая рука над их головами указала на восток.

Зинга уже взбирался по обожженной солнцем скале.

— Далеко?

Филх прищурился:

— Около двух фалов...

— Пожалуйста, космические меры, — терпеливо попросил Картр. Голова у него болела, и он просто не мог перевести меры родной планеты Филха в человеческие меры.

Зинга ответил:

— Около мили. Растительность зеленая...

— Зеленая? — Что ж, в этом нет ничего удивительного. Желто-зеленая, сине-зеленая, тускло-пурпурная, красная, желтая, даже болезненно-белая — он видел множество разновидностей растительности с тех пор, как надел знак кометы.

— Но это совсем другая зелень... — Слова закатанина звучали медленно, как будто Зинга был изумлен открывшимся зрелищем.

Картр понял, что он тоже должен ее увидеть. Как рейнджер-исследователь, он побывал на бесчисленном количестве планет в мириаде систем. Сегодня ему было трудно припомнить, на скольких именно. Конечно, многие он помнил из-за их ужасов или из-за их странных обитателей. Но остальные в его памяти смешались в лабиринт цвета и странной жизни, и пришлось бы обратиться к старым отчетам или к корабельному журналу, чтобы вспомнить подробности. Давно исчез тот пыл, с каким он впервые пробирался через чужую растительность или пытался поймать ментальные волны местной жизни. Но сейчас, цепляясь здоровой рукой и погружая носки в расщелины скалы, Картр чувствовал слабый след прежних эмоций.

Пальцы-когти и чешуйчатые пальцы подхватили его за крюк на плече и за пояс и подняли на узкую вершину. Покачнувшись от жары на горячем камне, Картр закрыл глаза руками.

Легко было увидеть то, что обнаружил Филх. И Картр почувствовал волнение. Лента растительности была зеленой. Но какая зелень! Ни желтого оттенка, ни голубоватого, каким отличалась растительность на его родной Илен. Такой яркой зелени он никогда раньше не видел. Она уходила вдаль узкой лентой, как будто следовала за водой. Помигав, Картр достал бинокль. Трудно было настраивать его одной рукой, но наконец Картру удалось направить его на отдаленную ленту.

За опаленной скалой возникли деревья и кусты. Казалось, можно коснуться листьев, трепетавших на слабом ветерке. И за листвою Картр уловил серебряный блеск. Он был прав: это проточная вода.

Он медленно повернулся с биноклем у глаз, следя за лентой растительности. Зинга придерживал его за ноги. Через несколько миль узкая лента расширялась. Должно быть, они находятся на самом краю пустыни. И река может повести их на север, к жизни. Рядом шевельнулся Филх, и Картр, уловив его мысль, направил линзы в небо. Мелькнули широкие крылья. Картр увидел мощный клюв охотника и сильные когти, когда большая птица гордо проплыла над ними.

— Мне нравится этот мир, — нарушила молчание свистящая речь Зинги. — Я думаю, нам здесь будет хорошо. Здесь есть мои родичи, хоть и отдаленные, а в небе близкие к тебе, Филх. Ты же жалеешь иногда, что твои предки потеряли крылья на дороге к мудрости?

Филх пожал плечами:

— А как насчет хвоста и когтей, оставленных твоим народом, мой храбрый Зинга? А раса Картра ходила в шерсти, а может, и с хвостом. Нельзя иметь все сразу. — Но он продолжал следить за птицей, пока она не скрылась из виду.

— Попробуем вывести аэросани. Горючего должно хватить до этой ленты растительности на севере. Где трава, должна быть и пища...

Картр услышал негромкое фырканье Зинги.

— Неужели любитель бемми и животных превратился в охотника?

Может ли он убить, убить для еды? Но на корабле почти нет припасов. Рано или поздно придется жить плодами земли. А мясо — мясо необходимо для жизни. Сержант заставил себя думать об этом как о решенном. Но все же он не был уверен, что сумеет поднять бластер и выстрелить — для того, чтобы иметь мясо!

Нечего думать об этом раньше времени. Картр убрал бинокль.

— Назад с докладом? — Филх уже начал спускаться с вершины.

— Назад с докладом, — согласился Картр.

Глава 2

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ

— ...ручей с растительностью, признаки более плодородной местности к северу. Прошу разрешения вывести аэросани и произвести разведку в этом направлении.

Было трудно обращаться к сплошной массе бинтов. Картр, вытянувшись, ожидал ответа командора.

— А корабль?

Если бы этикет позволял, сержант Картр пожал бы плечами. Вместо этого он осторожно ответил:

— Я не техник, сэр. Похоже, корабль полностью выведен из строя.

Вот и сказано — достаточно прямо. Снова Картр пожалел, что не видит выражения лица под слоем пласто-кожи. Тишина в кают-компании нарушалась только свистящим тяжелым дыханием Мириона. Пилот все еще не приходил в сознание. Рука Картра нестерпимо болела, и после чистого воздуха снаружи корабельный смог казался невыносимым.

— Разрешаю. Возврат в течение 10 часов... — Ответ звучал механически, как будто Выбор был говорящей машиной, производящей давно записанные фразы. Таков был приказ, который следовало дать при посадке на планету, и он отдал его, как делал уже бесчисленное количество раз.

Картр отсалютовал и, огибая Мириона, направился к выходу. Он надеялся, что аэросани уже готовы к полету. Иначе придется идти пешком.

Снаружи ждал Зинга с рюкзаком за плечами. В руках он держал рюкзак Картра.

— Мы вывели вездеход. Заправили горючим из корабельных запасов...

Обычно они не имели права так поступать. Но теперь было бы глупо не пользоваться запасами: все равно «Звездное пламя» больше не взлетит. Картр выбрался из люка и направился к месту стоянки аэросаней. Филх уже сидел за управлением, нетерпеливо проверяя приборы.

— Он полетит?

Голова Филха с прижатым хохолком, или со странной гривой, повернулась, и его большие красноватые глаза встретились с глазами сержанта. В его ответе явно читалась насмешливость, с которой тристианцы относятся к жизни.

— Надеюсь. Конечно, есть некоторая вероятность, что через несколько секунд после взлета мы превратимся в облачко пыли. Пристегнитесь, дорогие друзья, пристегнитесь!

Картр сел рядом с Зингой, поджав длинные ноги, и закатинин закрепил ремни на них обоих. Когти Филха коснулись кнопки. Медленно и осторожно аэросани начали отходить от «Звездного пламени». Когда они достаточно удалились от корабля, Филх быстро поднял аэросани со своим обычным пренебрежением к необходимости приспособиться к скорости. Картр с трудом глотнул.

— К реке и вдоль нее на высоте в 20 футов...

Филх не нуждался в таком приказе. Подобные операции он не раз проводил и раньше. Картр сдвинулся на один-два дюйма вправо, к иллюминатору. Зинга сделал то же самое — в противоположную сторону.

Прошло несколько секунд, и они уже над водой, всматриваются в спутанную массу яркой зелени на берегах. Картр автоматически классифицировал и инвентаризировал. На этот раз не было необходимости делать подробные записи. Филх включил сканер, позже можно будет рассмотреть снимки. Движение аэросаней вызвало ветер, который охлаждал их разгоряченные тела. Ноздри Картра улавливали запахи, старые и новые. Жизнь внизу не достигла уровня разума: рептилии, птицы, насекомые. Не очень много. Но все же удача дважды сопутствовала им: во-первых, планета оказалась типа зэмл, во-вторых, они приземлились близко от края пустыни.

Зинга задумчиво почесал чешуйчатую щеку. Он любил жару, и его жабо распахнулось максимально. Картр знал, что закатинин предпочел бы пересечь обжигающий песок пешком. Он излучал веселую заинтересованность, как будто, с некоторым негодованием подумал сержант, офицер из Управления или базы сектора находится на тщательно организованной и совершенно безопасной экскурсии. Но Зинга всегда наслаждался жизнью, его долгоживущая раса имеет для этого достаточно времени.

Аэросани летели плавно, негромко жужжа; не зря был проведен последний профилактический ремонт. Правда, его делали без запчастей и опираясь на информационные ленты десятилетней давности. Поставили последние конденсаторы. Теперь запчастей практически не осталось...

— Зинга, — неожиданно обратился Картр к товарищу, — ты когда-нибудь бывал в настоящем ремонтно-восстановительном порту Управления?

— Нет, — жизнерадостно ответил Зинга. — Иногда мне кажется, что это лишь выдумка для развлечения новобранцев. С тех пор как я поступил на службу, мы всегда сами делали ремонт, пользуясь тем, что сумеем раздобыть или украсть. Однажды был настоящий капитальный ремонт, он занял целых три месяца, нам повезло: мы нашли два разбитых корабля и разобрали их на запчасти. Какое было богатство! Это было на Карбоне, четыре, нет, пять космических лет назад. Тогда в экипаже был еще главный инженер, и он руководил работой. Филх, как его звали?

— Ратан. Робот с Деста II. Мы его потеряли на следующий год в кислотном озере мира голубой звезды. Прекрасно знал машины. Он ведь и сам был машиной.

— Что случилось с Главным Управлением, с нами? — медленно спросил Картр. — Почему у нас нет нужного оборудования, припасов, новых людей?

— Распад, — резко ответил Филх. — Может быть, Главное Управление слишком велико, контролирует слишком много миров, власть его протягивается слишком далеко. Или, может быть, оно слишком состарилось. Вспомните секторные войны, борьбу за власть между вождями секторов. Разве Главное Управление не положило бы этому конец... если бы смогло?

— Но Патруль...

Филх рассмеялся:

— О да, Патруль! Мы выжившие упрямы, ненормальные. Мы считаем, что мы, Звездный Патруль, космонавты и рейнджеры, по-прежнему поддерживаем мир и галактическую законность. Мы летаем тут и там в кораблях, которые распадаются на куски, потому что уже нет специалистов, которые могли бы их отремонтировать. Мы сражаемся с пиратами, обыскиваем забытые небеса... Ради чего? Мы повинемся приказам, под-

писанным двумя буквами — ГУ. Мы быстро превращаемся в анахронизм, мы живые, но в то же время мертвые древности. И один за другим исчезаем в пространстве. Нас давно следует поместить в музей как объект, не имеющий практической ценности...

— Что случилось с Главным Управлением? — спросил Картр и тут же стиснул зубы: от резкого поворота аэросаней он ударился рукой о крепкие ребра Зинги и почувствовал жгучую боль.

— Галактическая империя распадается, — объявил закатин с улыбкой, говорившей о том, что его совершенно не интересует эта тема. — За пять лет мы утратили связь с большинством секторов. ГУ теперь лишь название, за которым нет никакой власти. В следующем поколении его могут даже забыть. За нами долгий путь — около трех тысяч лет, — и места соединений начали протекать. Сейчас секторные войны, и как результат — хаос. Мы быстро отступим назад, может быть, далеко назад, в варварство, космические полеты будут забыты. Потом все начнется сначала...

— Может быть, — прозвучал пессимистический ответ Филха. — Но ни я, ни ты, дорогой друг, не будем свидетелями нового восхода...

Зинга кивнул в знак согласия.

— Но это и не имеет значения. Мы нашли для себя мир и должны как можно лучше освоить его. Далеко ли мы на картах? — спросил он сержанта.

Они включили карты на экранах корабля, карты такие старые, что даты на них казались нелепыми, карты солнц и систем, которые не посещались никем два, три, пять поколений, с которыми Управление не имело контакта уже 500 лет. Картр неделями изучал эти карты. И ни на одной не видел эту систему. Они оказались слишком далеко, слишком близко к краю галактики. Катушка с записями и картами этого мира, если, конечно, она вообще когда-то существовала, давно проржавела в бездействии, забытая многие поколения назад в архивах Управления.

— Нас вообще нет на картах, — он чувствовал какое-то горькое удовольствие, отвечая так.

— Чистый лист, с которого можно начать, — прокомментировал Зинга. — Филх, эта река, она как будто расширяется?

Действительно, русло реки становилось шире. Уже некоторое время они летели над зеленью, вначале над кустами и полосками низкорослой растительности, потом появились группы настоящих деревьев. Животная жизнь... Картр напряг мозг, а аэросани поднялись, следуя за общим подъемом местности.

Теперь ветер доносил сильные приятные запахи — запахи земли, растительности, аромат воды. Они парили над водной поверхностью, внизу течение стало сильнее, пробиваясь между скалами. Затем река завернула у мыса, густо заросшего деревьями, и перед ними в полумиле открылся водопад. Вуаль брызг вздымалась над скалистым берегом плато.

Филх провел когтями по кнопкам приборов. Аэросани полетели медленнее и начали снижаться. Он направлялся к песчаной полоске, отходившей от скального берега. Они легко опустились. Великолепная посадка! Зинга наклонился и хлопнул Филха по плечу.

— Поздравляю, рейнджер! Прекрасная посадка, просто прекрасная... — Голос у него захрипел, он тщетно пытался имитировать возбужденную туристку.

Картр неуклюже выбрался из сиденья и стоял на песке, широко расставив ноги. Перед ним в заросших камнях журчала вода. Картр чувствовал под ее поверхностью присутствие маленьких живых существ, занятых своими делами. Он опустился на колени и погрузил руки в прохладную воду. Вода увлажнила края рукавов, смочила запястья. Она была чистой и прохладной, и он не мог справиться с искушением.

— Искушаемся? — спросил Зинга. — Я уже иду.

Картр расстегнул многочисленные пряжки мундира и осторожно вынул руку из перевязи. Филх, скрестив ноги, сидел на песке. На его тонкой шее было явно написано неодобрение. Ни за что на свете Филх добровольно не коснулся бы воды.

Сержант не смог сдержать восклицания удовольствия, ступив в воду. Она поднималась до лодыжки, до колена, до пояса, а он брел, осторожно нащупывая дно. Зинга храбро бросился в воду и, добравшись до глубокого места, поплыл поперек течения. Картр сожалел, что у него болит рука и он не может присоединиться к закатанину. Он мог лишь окунуться и позволить воде смыть с себя корабельную грязь, следы слишком долгого пути.

— Если вы кончили это безумие, — слышался голос Филха, — позвольте напомнить, что нам еще нужно заняться работой.

Картр был почти готов отрицать это. Ему никуда не хотелось идти. Но узы дисциплины привели его обратно на песчаный берег, где с помощью тристианца он оделся в ненавистный мундир. Зинга плыл против течения, и Картр время от времени видел желто-серое тело закатанина в тумане и водяных брызгах. Он послал призывную мысль.

Но тут его отвлекла птица, пролетевшая над головой вспышкой яркого света. Филх стоял с протянутой рукой, из горла его вылетал чистый свист. Птица изменила направление и повернула к ним. Потом села на коготь большого пальца тристианца и ответила на его свист чистым певучим звуком. Ее голубоватые перья отливали металлическим блеском. Долгое время отвечала она Филху, потом снова поднялась в воздух и полетела над водой. Гребешок тристианца вздымался гордо и высоко. Картр перевел дыхание.

— Какая красавица! — отдал он должное.

Филх кивнул, но в ответе его звучала нотка печали:

— Она абсолютно не поняла меня.

Из воды вышел Зинга, шипя, как после битвы. Он поднес предмет, который держал в руке, ко рту, пожевал с выражением восторга и проглотил.

— Водные существа великолепны! — заявил он. — Ничего лучшего я не пробовал с Вассора, когда ел жареный обед катнеров. Жаль, что они такие маленькие.

— Надеюсь, твои иммунологические прививки еще действуют, — едко заметил Картр. — Если ты...

— Позеленею и умру, то это будет только моя вина, — закончил за него закатанин. — Но ради свежей пищи можно и умереть. По-моему, формула А-О — не лучшая возможная еда. Ну, куда же мы теперь направимся?

Картр изучал плато, с которого падала река. Густая зелень выглядела многообещающе. Они не могут слишком углубляться в незнакомую местность с небольшим запасом горючего. Может, вершина утеса позволит лучше осмотреть окрестности. Он предложил лететь туда.

— Вверх так вверх. — Филх вернулся на сиденье. — Но не более полумили, если не хотите возвращаться пешком!

На этот раз аэросани поднялись медленно и экономно. Картр знал, что Филх выжмет последние капли энергии из машины, но ему совсем не хотелось тащиться к «Звездному пламени» пешком.

На вершине утеса, казалось, нет посадочной площадки. Деревья жались к самому берегу, создавая сплошной зеленый ковер. Но в четверти мили от водопада они нашли остров, в сущности, маленькую столовую гору с ровной вершиной. Филх посадил аэросани так, что с обеих сторон от края их отделяло не более четырех футов. Камень накалился на солнце. Картр вышел из аэросаней и достал бинокль.

По обоим берегам реки почти сплошной стеной стояли деревья и кусты. Но к северу виднелись холмы, а река пересекала равнину. Картр уже укладывал бинокль, когда почувствовал чужую жизнь.

Внизу на берегу реки из леса вышло коричневое мохнатое животное. Оно опустилось у реки на четвереньки и погрузило передние лапы в поток. В воздухе блеснуло серебро, и в челюстях зверя забилося водное существо.

— Великолепно! — отдал должное мастерству охотника Зинга. — Я бы не смог это сделать лучше. Ни одного лишнего движения...

Картр осторожно коснулся мозга за обросшим шерстью черепом. Как будто это разум особого типа. Картр решил, что может с ним контактировать, если захочет. Но животное не знает людей или похожих на них существ. Неужели на этой дикой планете нет господствующей формы жизни?

Он произнес это вслух, и Филх ответил ему:

— Неужели от угара при посадке у тебя свихнулись мозги? Дикие участки можно найти на многих планетах. И если существо внизу не знает более сильных созданий, чем оно само, это еще ничего не доказывает...

Зинга смотрел на отдаленную равнину и холмы.

— Зеленые холмы, — пробормотал он. — Зеленые холмы и река, полная великолепной добычи. Дух Космоса еще раз улыбнулся нам. Ты хочешь задать вопросы нашему другу рыболову?

— Нет. И он не один. Кто-то пасется за той группой остро-конечных деревьев. И есть еще другие. Они боятся друг друга, живут по закону когтя и клыка.

— Примитивная жизнь, — заключил Филх и великодушно добавил: — Может, ты и прав, Картр. Возможно, на этой планете не господствуют ни люди, ни бемми.

— Не верю. — Зинга поднял до предела внешние и внутренние веки. — Хочу сразиться с разумным чудовищем...

Картр улыбнулся. Почему-то ему всегда казалось, что мозг Зинги, унаследовавший особенности его предков-рептилий, ближе к человеческому по мыслительным процессам, чем холодная отчужденность Филха. Зинга погружался в жизнь с интересом и энергией, а тристианец, несмотря на физическое присутствие, все же оставался сторонним наблюдателем.

— Может, мы сумеем найти в тех холмах поселок твоих разумных чудовищ, — предположил Картр. — Как, Филх, попробуем добраться туда?

— Нет. — Филх указал на счетчик. — У нас ровно столько горючего, чтобы добраться до корабля.

— Если мы все задержим дыхание и будем толкать... — пробормотал закатанин. — Ладно. А если горючего не хватит, мы пойдем. Нет ничего лучше, чем чувствовать горячий песок меж пальцами ног... — он томно вздохнул.

Аэросани поднялись, испугав мохнатого рыболова. Животное сидело, подняв передние лапы, с которых капала вода, и смотрело им вслед. Картр уловил его изумление, но оно не было. У него мало врагов и совсем нет летающих по воздуху. Когда аэросани развернулись, Картр послал мысль с призывом доброй воли, обращенным к примитивному мозгу. Он оглянулся. Животное встало на задние лапы и стояло, как человек, опустив передние лапы и глядя им вслед.

Они так низко пролетели над водопадом, что брызги окатили их. Картр прикусил нижнюю губу. Характер Филха, или действительно машине не хватает мощности? У него не было желания задавать этот вопрос открыто.

— Возвращаться по реке значит сильно удлинить путь, — заметил Зинга. — Если мы полетим прямо над пустыней, то наткнемся на корабль...

Картр кивнул:

— Как, Филх? Будем держаться воды или нет?

Тристианец сгорбил плечи: это у него служило эквивалентом пожатия.

— Да, быстрее. — И он повернул нос аэросаней направо.

Они покинули нитку реки. Под ними лежал ковер деревьев, затем показалась поляна, поросшая кустарником. На ней паслись пять рыжевато-коричневых животных. Одно из них подняло голову, и солнце сверкнуло на мощных длинных рогах.

— Интересно, бывают ли у них ссоры с нашим другом у реки, — пробормотал Зинга. — У него были такие когти. А эти рога — вовсе не украшение. А может, у них договор о ненападении...

— Если так, то большую часть времени они проводят в смертельных схватках, — заметил Филх.

— Знаешь, ты очень полезный бемми, мой друг. — Зинга смотрел на затылок головы с гребешком. — С тобой не нужно ожидать худшего: ты уже все сформулировал. Что бы мы делали без твоих предсказаний будущего?

Деревья и кусты внизу становились реже. Все в больших и больших количествах появлялись скалы, участки голой обнаженной земли и странные изогнутые растения, характерные для пустыни.

— Подожди! — Картр схватил Филха за руку. — Направо, вот там!..

Аэросани послушно нырнули и опустились на ровную площадку. Картр выбрался и, раздвигая кустарник, вышел на край того, что увидел с воздуха. Остальные присоединились к нему. Зинга опустился на колено и коснулся белой поверхности. «Искусственное», — вынес он заключение.

Песок закрывал эту поверхность. Лишь по какой-то прихоти ветра часть ее обнажилась. Покрытие, искусственное покрытие.

Зинга пошел направо, Филх — налево. Пройдя примерно по 40 футов, они присели и начали копать почву. Через несколько секунд оба обнаружили твердую поверхность.

— Дорога! — заключил Картр. — Транспортировка по поверхности. Давно ли это было, как вы думаете?

Филх пропустил сквозь пальцы-когти песок.

— Тут сухо и жарко, а бури, я думаю, бывают не часто. К тому же растительность, как в дикой местности. Может быть, и 10 лет, и 100, и...

— ...и 10 тысяч! — заключил за него Картр. Но его внутреннее возбуждение все росло. Здесь была высшая форма жизни! Люди... или какие-то существа построили эту дорогу для передвижения. А дороги обычно ведут к...

Сержант повернулся к Филху.

— Как ты думаешь, на корабле хватит топлива, чтобы мы вернулись сюда с установленным следоискателем?

Филх задумался:

— Возможно... Если топливо не понадобится для чего-нибудь другого.

Возбуждение Картра спало. Конечно, горючее понадобится для другой работы. Если они оставят корабль, нужно будет перевезти командора и Мириона, припасы, все необходимое для лагеря в более пригодную для жизни холмистую местность. Он с сожалением пнул участок мостовой. Раньше его долгом и наслаждением было бы проследить за этой нитью к ее началу. Теперь его долг — забыть о ней. Картр тяжело пошел к аэросаням. Все молчали, когда машина поднялась в воздух.

Глава 3

МЯТЕЖ

Огибая разбитый корпус «Звездного пламени», они увидели у носа человека, машущего им рукой. Когда они приземлились, их ждал Джексен.

— Ну? — хрипло спросил он, не дожидаясь, пока опадет песок, поднятый посадкой.

— К северу плодородная открытая местность с изобилием воды, — доложил Картр. — Дикая животная жизнь...

— Съедобные водные существа! — прервал Зинга, облизывая губы при воспоминании.

— Признаки цивилизации?

— Погребенная в песке старая дорога, больше ничего. Животные не знают высшей формы жизни. Мы вели запись, я могу прокрутить ее для командора...

— Если он захочет...

— Что вы имеете в виду? — Тон Джексена насторожил Картра, он остановился с зажатой в руке катушкой записи.

Ответ Джексена звучал холодно и резко.

— Командор Выбор считает, что наш долг — оставаться на корабле...

— Но почему? — недоуменно спросил сержант.

Ничто больше не поднимет «Звездное пламя». Глупо не понимать этого и строить планы на другой основе. Картр сделал то, на что редко осмеливался раньше: постарался прочесть поверхностные мысли офицера. Беспокойство и еще что-то — удивительное и удивленное негодование, когда Джексен думал о нем, Картре, или о других рейнджерах. Почему? Неужели из-за того, что сержант не дитя Службы, воспитан не в одной из семей Патруля в тесных тисках традиций и обязанностей, как другие человеческие члены экипажа? Неужели потому, что он в дружеских отношениях с бемми? Он воспринял это исследование как факт, запомнил его и отложил в ячейки памяти, чтобы извлечь в будущем, когда нужно будет сотрудничать с Джексеном.

— Почему? — повторил офицер вопрос Картра. — Командир несет ответственность... даже рейнджер должен понимать это. Ответственность.

— Которая принуждает его умереть с голоду в разбитом корабле? — вмешался Зинга. — Бросьте, Джексен. Командор Выбор представляет разумную форму жизни...

Пальцы Картра сложились в старый предупредительный сигнал. Закатанин увидел его и замолчал, а сержант быстро продолжал, чтобы заглушить последние слова Зинги:

— Он, несомненно, захочет просмотреть катушку с записями, прежде чем строить планы на будущее.

— Командор ослеп!

Картр застыл:

— Вы уверены?

— Смит уверен. Может быть, Торк сумел бы помочь ему. У нас нет нужных знаний, его раны слишком серьезны для умеющих оказывать лишь первую помощь.

— Все равно я доложу. — Картр двинулся к кораблю, чувствуя, как будто свинцовая тяжесть навалилась ему на плечи.

Почему, спрашивал он себя в отчаянии, пробираясь через люк, он чувствует себя так угнетенно? На него не падает ответственность и руководство. И Джексен, и Смит превосходят его по званию. Как сержант рейнджеров, он находится на самой границе Службы. Но все эти соображения не уменьшали его беспокойства.

— Картр с докладом, сэр! — Он вытянулся перед человеком с забинтованным лицом, лежащим в кают-компании.

— Докладывайте... — это требование звучало механически. Картр даже подумал, действительно ли командир слышит его, а если слышит, то понимает ли.

— Мы разбились у края пустыни. На азросанях разведочная группа продвинулась к реке на север. Из-за ограниченного запаса горючего мы не смогли уйти далеко. Но район к северу выглядит пригодным для разбивки лагеря...

— Признаки жизни?

— Много животных разнообразных видов и форм на низком уровне развития разума. Единственный след цивилизации — участок дороги, занесенный песком, что указывает на его длительное бездействие. У животных не сохранилось воспоминаний о контактах с высшей формой жизни.

— Вы свободны.

Но Картр не уходил.

— Простите, сэр, но я прошу разрешения на использование запасов топлива для организации проверки...

— Корабельные запасы? Вы не в своем уме? Конечно, нет! Поступите в распоряжение Джексена для участия в ремонте...

Ремонт? Неужели Выбор искренне верит, что есть хоть малейшая возможность восстановить «Звездное пламя»? Сержант рейнджеров заколебался у выхода из кают-компании и наполовину обернулся, прежде чем выйти. Но, сообразив, что дальнейший разговор с Выбором бесполезен, он поспешил в помещение рейнджеров, где нашел остальных. Маленькая фигура у двери оказалась Смитом. При виде Картра Смит встал.

— Ну что, Картр?

— Велел участвовать в ремонте. Великие Крылья Космоса, что он имел в виду?

— Вы можете не поверить, — ответил связист, — но он имеет в виду то, что он сказал. Нам приказано подготовить корабль к старту...

— Но разве он не видит?.. — начал Картр и прикусил губу, вспомнив. Именно так — командир не видит, в каком состоянии находится разбитый корабль. Но разве не обязанность Джексона и Смита сказать ему об этом?

И, как будто подслушав его мысль, связист ответил:

— Он не слушает нас. Когда я попытался сказать ему, он велел мне уйти. А Джексон соглашается с каждым его приказом!

— Но почему он так делает? Джексон не дурак, он понимает, что мы не можем взлететь. «Звездное пламя» погибло.

Смит прислонился к стене. Это был маленький человек, худой, жилистый, почти черный от космического загара. Сейчас он как будто даже разделял зловещую отчужденность Филха. Смит любил только свои аппараты связи. Картр как-то видел, как он украдкой гладил пластиковую поверхность приборов. Из-за старого разделения экипажа корабля на патрульных и рейнджеров Картр не очень хорошо знал его.

— Вам легко принять мысль, что с кораблем покончено, — говорил связист. — Вы никогда не были так связаны с этой грудой металла, как мы. Ваши обязанности на планетах, не в космосе. «Звездное пламя» — часть Вибора. Он не может просто уйти и забыть о корабле. И Джексон тоже.

— Хорошо. Я могу поверить, что корабль означает для вас, его регулярного экипажа, больше, чем для нас, — устало согласился Картр. — Но корабль мертв, и ни вы, ни мы никогда не сможем заставить его взлететь. Лучше оставить его, разбить лагерь где-нибудь поблизости от воды и пищи...

— Отказаться от прошлого и начать все заново? Может быть. Я согласен с вами — с точки зрения разума. Но вам придется считаться и с эмоциями, мой юный друг. И очень считаться!

— А почему, — медленно спросил Картр, — вы говорите об этом мне?

— Процесс отбора привел к вам. Если мы оказались на планете без всякой надежды улететь с нее, кто лучше всего поймет наши задачи — тот, кто почти с детства находился в космосе, или рейнджер? Что вы собираетесь делать?

Но Картр отказался отвечать. Чем больше говорил Смит, тем большее беспокойство испытывал Картр. Никогда раньше корабельный офицер не разговаривал с ним с такой откровенностью.

— Решит командор, — начал он.

Смит резко и коротко рассмеялся, в его смехе не звучало веселья.

— Значит, вы боитесь взглянуть в лицо правде, летун? Я думал, рейнджеров не испугаешь; эти бесстрашные дикие исследователи...

Здоровой рукой Картр схватил за воротник Смита.

— К чему вы ведете, Смит? — спросил он, отказываясь от уставных форм обращения к офицеру.

Связист пытался высвободиться от хватки рейнджера. Он поднял глаза и встретился со взглядом Картра. Пальцы Картра разжались, и рука упала. Смит верил в свои слова, верил, хотя и пытался насмешничать. Смит обратился к нему за помощью. Впервые Картр был рад, что обладает этой странной способностью — способностью улавливать чувства товарищей.

— Говорите, — сказал он, садясь на спальный мешок. Он чувствовал, что напряжение, охватившее всех секунду-две назад, ослабло. Картр также знал, что рейнджеры пойдут за ним, они ждут его решения.

— Выбор больше не с нами... Он свихнулся... — Смит с трудом отыскивал слова. И Картр читал в нем поднимающиеся страх и отчаяние.

— Из-за потери зрения? Но тогда это временно. Привыкнув, он...

— Нет. Он уже давно приближался к безумию. Ответственность за команду в этих условиях... борьба с зелеными... Торк был его другом, помните? Корабль, распадавшийся на куски, без всякой надежды на починку... Все это накладывалось друг на друга. Сейчас он не осознает нашего положения, не желает поверить в него. Он отступил в свой собственный мир, где все идет как положено. И он хочет, чтоб мы пошли с ним туда.

Картр кивнул. В каждом слове Смита звучала правда. Конечно, у него самого никогда не было тесных личных контактов с Выбором. Рейнджеры не допускались во внутренний круг

Патруля, их всего лишь терпели. Он не закончил академии сектора. Отец его не служил в Патруле. Поэтому он всегда оказывался в стороне от экипажа. Дисциплина Службы, всегда строгая, стягивалась все туже, превращаясь в жесткую кастовую систему с того времени, как он надел знак кометы — может быть, потому, что сама Служба была отрезана от обычной жизни среднего гражданина. Но сейчас Картр смог по-новому взглянуть на странные происшествия последних месяцев, противоречия в приказах Вибора, в тех его словах, которые ему случалось услышать.

— Вы думаете, надежды на его выздоровление нет?

— Нет. Крушение было последней каплей. Приказы, которые он отдавал за последние часы... Говорю вам, он свихнулся!

— Ладно! — в напряженной тишине прозвучал голос Рольтха. — Что же нам делать? Вернее, что вы от нас хотите, Смит? Связист безнадежным жестом развел руки.

— Не знаю. Мы сели... навсегда... в неизвестном мире. Исследования — это ваша работа. Кто-то должен вывести нас отсюда. Джексен... Он пойдет за командиром, даже если Вибор велит взорвать корабль. Они вместе прошли через Битву Пяти Солнц, и Джексен... — голос Смита прервался.

— А Мирион?

— Без сознания. Не думаю, что он выкарабкается. Мы даже не знаем, насколько серьезно он ранен. Его можно не считать.

«Не считать в каком случае?» — подумал Картр, и его зеленые глаза сузились. Смит предполагал, что в будущем возможен какой-то конфликт.

— Дальтр и Спин? — спросил Зинга.

— Оба из взвода Джексена. Кто знает, как они поведут себя, когда Джексен начнет отдавать приказы?

— Меня удивляет одно обстоятельство, — впервые вступил в разговор Филх. — Почему вы пришли к нам, Смит? Мы не члены команды...

Вопрос, который беспокоил всех, наконец прозвучал открыто. Картр ждал ответа.

— Ну... я подумал, что вы лучше всего подготовлены к будущему. Это ваша работа. Я, во всяком случае, теперь бесполезен: при крушении вся связь вышла из строя. Весь экипаж

без корабля, способного взлететь, бесполезен. Поэтому... нам придется учиться у вас...

— Новобранец? — смех Зинги больше походил на свист. — Но очень зеленый. Ну, Картр, примем его? — гротескная голова закатанина повернулась к сержанту.

— Он говорит искренне, — серьезно ответил Картр. — Со зываю совет. — И он отдал приказ, после которого все настояжились. — Рольтх?

Белокожее лицо, более чем наполовину закрытое темными очками, было лишено всякого выражения.

— Местность хорошая?

— Многообещающая, — быстро ответил Зинга.

— Ясно, что мы не можем вечно сидеть здесь, — пробормотал рейнджер с туманного Фальтхара. — Я голосую за то, чтобы снять все необходимое с корабля и основать базу. Потом немного осмотреться...

— Филх?

Когти тристианца отбивали дробь на широком поясе.

— Полностью согласен. Но это предложение слишком разумно. — Насмешливое окончание было обращено к Смиуту. Филх не собирався быстро забывать старое разделение на рейнджеров и патрульных.

— Зинга?

— Основать базу, да. Я предложил бы место вблизи реки с этими вкусными существами. Сейчас бы похлебку из них... — Его веки опустились в насмешливом экстазе.

Картр посмотрел на Смиута.

— Я присоединяюсь к их голосам. У нас остались только одни аэросани. На них мы сможем перевезти командора, Мириона и припасы. Если опустошим главный бак, то горючего хватит на несколько поездок. Остальные пойдут пешком и еще понесут с собой груз. Земля хорошая, пищи и воды достаточно. Похоже, местность пустынная, ничего похожего на зеленых. Если бы я был командором!..

— Но ты не командор, ты грязный рейнджер-бемми!

Рука Картра опустилась на ручку бластера еще раньше, чем он увидел вошедшего. Волна угрозы была как физический удар по чувствительным рецепторам рейнджера.

Зная, что любой ответ лишь усилит гнев противника, Картр колебался, в этот момент тишину нарушил Смит.

— Заткнись, Спин!

В руке оружейника, повернувшегося к связисту, блеснул свет. Волна ненависти, основанной на страхе, была такой сильной, что Картр удивился, почему другие этого не чувствуют. Сержант мгновенно бросился в сторону, ударив плечом Смита. Сноп зеленого пламени вырвался из оружия: палец оружейника нажал курок. Спин двинулся вперед, и Картр тщетно пытался одной рукой сбить его.

Секунду или две спустя все было кончено. Спин еще катался и выкрикивал приглушенные проклятия под тяжестью Зинги, а Филх методично выкручивал ему руки так, чтобы можно было вставить «прут безопасности». Когда это было сделано, Спина не очень вежливыми толчками посадили.

— Он сошел с ума! — убежденно сказал Смит. — Так использовать ручной бластер! Во имя Черного неба...

— Нужно было сжечь вас всех! — кричал пленник. — Я всегда знал, что дьяволам-рейнджерам нельзя доверять. Вы все бемми!

Но черная ненависть более чем на три четверти состояла из страха. Картр сел на спальный мешок и пристально смотрел на извивающегося человека. Он знал, что рейнджеров не считали полноправными членами Патруля, знал также, что существует растущая неприязнь к негуманоидам-бемми, но этот пугающий гнев против товарищей по экипажу хуже всего, что он мог вообразить.

— Мы ничего не сделали вам, Спин...

Оружейник плюнул. И Картр понял, что на того не действуют разумные доводы. Оставалась единственная возможность. Но он давно поклялся себе, что никогда не будет делать этого, не будет применять это к людям. И позволят ли остальные? Он взглянул на Смита.

— Он опасен...

Смит посмотрел на рваную щель в стене, все еще раскаленную.

— Не нужно подчеркивать это! — Связист с беспокойством переступил с ноги на ногу. — Что вы собираетесь с ним делать?

Много времени спустя Картр понял, что именно этот момент служил поворотным пунктом. Вместо того чтобы обра-

титься за поддержкой к Смит и рейнджерам, он сам принял решение. С быстротой молнии обрушил он свою волю. Искажённое лицо Спина покраснело, на губах появилась пена. Но у него не было барьера против тренированного мозга сержанта. Глаза Спина остановились, остекленели. Он перестал биться, безвольно раскрыл рот. Смит наполовину извлек свой бластер.

— Что вы с ним сделали?

Спин лежал теперь неподвижно, устремив глаза в потолок. Смит схватил Картра за плечо.

— Что вы с ним сделали?

— Успокоил. Сейчас он спит.

Но Смит пятился к двери.

— Выпустите меня! — голос его дрожал. — Выпустите, вы... вы... проклятый бемми! — Он торопливо пытался выбраться, но Рольтх преградил ему выход. Смит повернулся и, тяжело дыша, как загнанное животное, посмотрел на Картра.

— Мы вас не тронем. — Картр не вставал и не повышал голоса. Рольтх увидел его сигнал. Фальтхарианец поколебался секунду, потом повиновался и отошел от двери. Но, даже видя свободный выход, Смит не двигался. Продолжая смотреть на Картра, он потрясенно спросил:

— Вы можете так... с любым из нас?

— Вероятно. Ни у одного из вас нет достаточного ментального барьера.

Смит сунул бластер в кобуру. Дрожащими руками вытер потное лицо.

— Тогда почему вы не... только сейчас?..

— Почему я не использовал свою силу на вас? Зачем? Вы ведь не собираетесь нас сжечь. Вы были вполне в своем уме...

Смит успокоился. Охватившая его паника почти совсем прошла. Разум подчинил эмоции. Он подошел и всмотрелся в спящего оружейника.

— Долго он будет так?

— Не знаю. Никогда раньше не пробовал на людях.

— И вы со всеми можете так?

— Человек с сильным самоконтролем или волей представил бы трудную задачу. Его нужно застать врасплох. Но Спин не отличался этими качествами.

— Но вам это ничего не даст, Смит, — спокойно сказал Зинга. — Если вы планируете, чтобы сержант походил по кораблю и уложил сопротивляющихся, можете об этом забыть. Либо мы договоримся с вами, либо...

Но продолжение Смиту было ясно.

— Сражаться? — угрюмо спросил он. — Но ведь это...

— Мятаж? Конечно, мой дорогой сэр. Однако, если бы вы еще раньше не подумали об этом, вы не пришли бы к нам. Не так ли? — спросил Филх.

Мятаж! Картр заставил себя рассуждать спокойно. В космосе и на планете Выбор — командор «Звездного пламени». Каждый человек на борту клялся выполнять его приказы и поддерживать власть Службы. Торк, понимая состояние командира, мог бы его сместить. Но Торк погиб, и больше никто на борту не имеет законного права отменять приказы командора. Сержант встал.

— Можно привести Джексена и Дальтра...

Он осмотрел помещение рейнджеров. Нет, разумнее организовать встречу где-нибудь в нейтральном месте. Снаружи, быстро решил Картр: психологический эффект зрелища разрушенного корабля может оказаться решающим доводом в споре.

— ...наружу... — закончил он.

— Хорошо, — согласился Смит. Но в голосе его звучало нежелание. Он вышел.

— Во что же мы впутались? — спросил Зинга, когда связист ушел достаточно далеко.

— Рано или поздно это все равно произошло бы. После крушения стычка неизбежна. — Это мягко говорил Рольтх. — В космосе у них был смысл жизни, они могли закрывать глаза и затыкать уши, занимаясь своими повседневными обязанностями. Теперь у них нет этого занятия. У нас есть — наша работа. И поскольку мы... другие, мы всегда были слегка подозрительны.

— Если мы не будем действовать, то можем стать объектом их страха и негодования. — Картр выразил мысль, возникшую у всех. — Я согласен.

— Мы можем освободиться, — предложил Филх. — Когда корабль разбит, наши связи с ним разорваны. Записи... кого сейчас интересуют записи? Мы можем прожить сами...

— Но они не могут, — заметил Картр. — И поэтому мы тоже не можем порвать с ними. Нужно попытаться помочь им...

Зинга рассмеялся.

— Ты всегда был идеалистом, Картр. Я бемми, Филх тоже бемми, Рольтх полубемми, а ты любитель бемми, и мы все рейнджеры, и все это не внушит любви ни одному патрульному. Ладно, попробуем помочь им увидеть свет. Но переговоры я буду вести с бластером в руке.

Картр не возражал. После того раздражения, с которым его встретил Джексен, после безумного нападения Спина он понял, что такая предосторожность не будет лишней.

— Можем ли мы рассчитывать на Смита? — пробормотал Зинга. — Раньше он не производил впечатления рекрута-новобранца.

— Нет, но у нас достаточно мозгов, — указал Рольтх. — Картр, — обернулся он к сержанту, — это твоя игра, мы предоставляем говорить тебе.

Остальные двое кивнули. Картр ощутил теплое чувство. Он и раньше знал: рейнджеры всегда стоят друг за друга. Что бы ни ожидало их впереди, они встретят опасность единым фронтом.

Глава 4

МАЯК

Четверо рейнджеров пересекли обгоревшую землю и остановились в тени высокого скального выступа. Солнце садилось, посылая красные и желтые копыя света с западного края света. Но песок и камень по-прежнему излучали жар.

Джексен, Дальтр и Смит ждали их, сузив глаза от блеска металлических бортов «Звездного пламени». Стояли они рядом, как бы ожидая... Чего? Нападения? На лице офицера-оружейника пролегли угрюмые морщины. Он был человеком средних лет, но раньше все его движения были пластичны. Картр заметил, что у Джексена поседели виски. И вдруг с некоторым удивлением понял, что в золотые дни Службы Джексен вообще не находился бы в космосе. Он давно уже занял бы администра-

тивный пост в одном из портов флота. Есть ли до сих пор у Патруля такие порты? Уже пять лет Картр не бывал ни в одном.

— Ну, чего вы хотите от нас? — взял на себя инициативу Джексен.

Но Картр не проявил ни малейшего смущения или испуга.

— Необходимо, — инстинктивно он обратился к формальной речи, которую слышал в детстве, — нам необходимо обсудить положение. Взгляните на корабль... — Ему не потребовалось указывать на разбитый корпус. Никто и так не мог оторвать от него взгляда. — Неужели вы искренне думаете, что его можно оживить? Последний полет мы начали недоукомплектованными. А те запасы, что мы растягивали на месяцы, кончились. Нам остается лишь одно: мы должны снять с корабля оборудование и разбить лагерь в местности...

— Именно такую болтовню мы и ожидали услышать! — выпалил Дальтр. — Вы все еще должны выполнять приказы, хотя и произошло крушение!

Этот горячий ответ произнес не Джексен. Джексен, волевой, резкий, поглощенный Патрулем, приказами, традициями — он не был ослеплен и оглушен всем этим.

— Чьи приказы? — спросил Картр. — Командор не в состоянии отдавать приказы. Вы приняли команду, сэр? — прямо спросил он у Джексена.

Покрытая загаром кожа офицера не могла побледнеть, но лицо его стало старым и несчастным. Губы его растянулись, зубы оскалились в зверином рычании гнева, боли или раздражения. Прежде чем ответить, он вновь взглянул на разбитый корабль.

— Это убьет Вибора... — говорил он с трудом.

Картр оградился от сложных эмоций, разрывавших его рецепторы. Он мог облегчить боль Джексена, присоединившись к остальным, отказавшись поверить, что старая жизнь кончена. Может, Служба искалечила их всех, рейнджеров, так же, как экипаж, возможно, им нужна уверенность приказов, обычных обязанностей, даже когда все это превращается в мертвый груз.

Сержант отсалютовал.

— Даете ли вы разрешение на подготовку к оставлению корабля, сэр?

На мгновение он напрягся: Джексен резко повернулся к нему. Но офицер не схватился за бластер. Напротив, плечи его обвисли, морщины на лице углубились.

— Делайте, что хотите! — Он пошел за скалу, и никто не последовал за ним.

Картр начал распоряжаться.

— Зинга, Рольтх, выведите аэросани, возьмите двухдневный запас. Топливо — в главном баке. Потом отправитесь к водопаду и разобьете там лагерь. Рольтх, вы приведете обратно аэросани, и мы перевезем командора и Мириона.

Они съели безвкусные продукты своего рациона и принялись за работу. Немного позже к ним присоединился Джексен. Он печально и молча принимал участие в их работе. Картр с благодарностью передал ему ответственность за сбор и подготовку оружия и боеприпасов. Рейнджеры держались в стороне от членов экипажа: им хватало работы в собственном помещении и при подготовке исследовательского оборудования. Пилотируемый Рольтхом, для которого во тьме было светло как днем, аэросани за ночь слетали к водопадам, перевезя раненых, все еще бессознательного Спина и различное оборудование.

Единственная луна повисла в ночном небе. Все обрадовались ей. Она восполняла слабый свет их переносных фонарей. Они работали с короткими перерывами, пока над пустыней не занялся яркий рассвет. Именно в последний час работы Джексен сделал самую важную находку. Он залез в разбитую рулевую рубку и громко позвал. Все собрались, отупевшие от усталости.

Горячее — целый запасной комплект обоев. Все округлившимися глазами смотрели, как офицер вытаскивает их в коридор.

— Нужно спрятать. — Джексен тяжело дышал. — Нам могут очень понадобиться аэросани.

Картр вспомнил высоту водопада, кивнул.

И вот, несмотря на эту находку, когда Рольтх вернулся в следующий раз, они погрузили комплект в аэросани и велели Рольтху не возвращаться более к кораблю. Они поедят, проспят самое жаркое время наступающего дня и пойдут пешком, неся на спине личное имущество.

Солнце встало, когда они собрались маленькой группой у скал. Сине-черная тень разбитого корабля упала на три мо-

гилы в песке. Джексен обветрившимися губами прочел традиционные слова прощания. Памятник они не стали возводить — много лет «Звездное пламя» будет служить памятником своему экипажу, пока не проржавеет и не превратится в пыль.

Потом они последний раз легли спать в опустошенном корабле. Когда Филх разбудил Картра, тому показалось, что он лег лишь несколько минут назад. Однако приближался закат. Сержант вместе с остальными проглотил сухой рацион. Потом без разговоров все надели рюкзаки и двинулись по пустыне, направляясь к скальным образованиям, которые Картр подметил накануне.

Скоро наступила ночь, освещаемая полной луной, и они не включали фонариков. Это хорошо, угрюмо подумал сержант: вряд ли есть надежда снова зарядить их. Поскольку они шли не вдоль реки, а прямо через пустыню, вскоре они вышли на гладкий участок дороги. Картр позвал Джексена.

— Дорога! — впервые депрессия оставила офицера. Он опустился на колени, провел рукой по древним блокам и включил фонарь, чтобы лучше видеть. — Не очень много видно. Должно быть, ею давно не пользовались. Вы можете проследить?..

— Со следоискателем на аэросанях — да. Но стоит ли? У нас мало горючего.

Джексен устало поднялся.

— Не знаю. Запомним на всякий случай. Возможно, это ниточка, но я не знаю... — Он погрузился в угрюмые размышления, но на следующей остановке заговорил со следами прежнего энтузиазма: — Дальтр, вы мне рассказывали о том, как приспособить заряды дисраптера к аэросаням.

Его помощник с готовностью поднял голову.

— Да, для этого нужно... — Через три слова он погрузился в такую путаницу терминов, как будто говорил на языке другой галактики. Джексен был специалистом в своей области и следил за тем, чтобы его помощники знали гораздо больше, чем необходимо для выполнения простых обязанностей. Дальтр все еще продолжал свои объяснения, когда они пошли, и офицер-оружейник шел с ним рядом, слушая, время от времени вставляя вопрос, после которого язык Дальтра начинал работать с удвоенной энергией.

Они не сразу углубились в холмистую местность. Три дня спустя умер Мирион и был похоронен на небольшой поляне между двумя высокими деревьями. Филх и Зинга прикатили с берега большой камень, а Рольтх ручным дисраптером нанес на камень имя, родной мир и ранг того, чье тело вечно будет лежать под камнем.

Выбор не разговаривал. Он ел механически, вернее, разжевывал и глотал то, что Джексен и Смит клали ему в рот. Большую часть времени он спал, не проявляя никакого интереса к происходящему. Старое разделение на рейнджеров и экипаж, пропасть между регулярными патрульными и менее дисциплинированными исследователями сокращалась по мере того, как они вместе работали, вместе охотились, ели незнакомое мясо, орехи и ягоды. Пока их прививки продолжали действовать. А может, они еще не съели ничего ядовитого.

На следующее утро после похорон Мириона Картр предложил, чтобы они перебрались в более гостеприимную местность за водопадом. Джексен не возражал. При помощи аэросаней они перевезли имущество к пункту на милю выше их первой базы. Оттуда Филх повел аэросани с Выбором и Джексеном на открытую местность, а остальные, разобрав имущество, двинулись пешком.

Первым шел по мелким бассейнам вдоль скалистого берега Зинга: у него действовали обе руки, а у Картра — лишь одна здоровая. Дальше шли сержант, Дальтр, Спин, Смит, замыкал колонну Рольтх. Утренний воздух был свеж. Прохладно, но это приятная прохлада. Картр поднял голову, ловя ветер, глубоко вздохнул. Смог «Звездного пламени» остался далеко в прошлом. Картр обнаружил, что нисколько не жалеет об этом. Если они обречены провести здесь всю оставшуюся жизнь, какая удача — найти такой мир!

Он попытался, отгородившись от окружающих, вступить в мысленный контакт с местной жизнью. Красноватый зверек с пышным хвостом некоторое время сопровождал их по ветвям деревьев, издавая трещащие звуки. Зверек был любопытен и совершенно не боялся.

Птица, а может, насекомое, пролетела в воздухе, взмахивая крыльями. Еще одно животное вышло из убежища примерно в ста футах прямо перед ними. Большое, почти такое же, как

коричневый рыболов на реке, которого они видели в первый день. Но это животное было желтовато-коричневатого цвета, двигалось неслышно, как тень, пробираясь среди скал уверенно и высокомерно. Оно присело, прижимаясь животом к камню, и следило за подходившими глазами с узкими вертикальными зрачками. Кончик его хвоста дергался. Зинга остановился, пропустив вперед Картра.

Высокомерие — высокомерие и любопытство — и еще слабый начинающийся голод, без страха или осторожности. Зверь начинал рассматривать их как пищу...

Картр видел, как шевельнулись мышцы под густой шерстью, когда животное медленно двинулось вперед. Оно было так прекрасно в своей удивительной дикой свободе, что Картр захотел побольше узнать о нем. Он установил контакт, нащупал путь в чужой мозг.

Голод забыт, любопытство оказалось сильнее. Животное село на задние лапы. Только дергающийся кончик хвоста выдавал его легкое беспокойство.

Не поворачивая головы, Картр отдал приказ:

— Сверните немного влево, обогните ту скалу. Оно не упадет на нас сейчас...

— Почему бы не подстрелить его? — ворчливо спросил Спин. — Все это глупости: «Не убий! Не убий!» В конце концов, это всего лишь животное...

— Заткнись! — Смит слегка подтолкнул товарища. — Не вмешивайся в дела рейнджеров. Вспомни, если бы они не вступили в контакт с пурпурной летающей медузой перед нападением зеленых, эти дьяволы уничтожили бы нас всех без предупреждения.

Спин проворчал что-то, но свернул влево. Смит, Дальтр и Рольтх последовали за ним, последним шел Зинга. Картр оставался, пока последний член отряда не миновал лесного зверя. Тот неожиданно зевнул, обнаружив грозные клыки. Потом остался сидеть неподвижно, полузакрыв глаза, глядя им вслед. Картр ушел последним. Животное колебалось, следовать ли за ними. Любопытство двигало его вслед за путниками, голод заставлял заняться охотой. Наконец голод победил, животное скользнуло в рошу за скалами, и контакт прервался.

Эта встреча удивила и слегка обеспокоила Картра. Он легко вступил в контакт, сумел убедить животное, что они не пища и не опасны. Но установить более тесные отношения не удалось. Ничего похожего на случай с пурпурной медузой. Рассчитывать на помощь здесь не приходится. Лесной зверь дик и независим, он совершенно не подчиняется чужой воле. Если вся местная жизнь такова, горстку выживших ждет еще большее одиночество.

Люди или по крайней мере представители высшей формы жизни — не зря они построили дорогу для транспортировки грузов — когда-то жили здесь. Они жили здесь долго, и их было много, иначе дорога не пролегала бы через пустыню. И все же ни у одного живого существа не сохранилось ни воспоминания, ни даже инстинктивного страха перед человеком. Давно ли исчезла раса, построившая дорогу? Куда она исчезла? Картр жаждал вернуться к дороге со следоискателем на аэросанях и пройти вдоль нее: как бы она ни была погребена, следоискатель все равно отыщет. И дорога приведет к городу, лежащему где-то в начале или в конце ее.

Города... Города обычно расположены по краям больших континентальных масс, где есть возможность передвижений по морю, или в стратегических точках речных долин. На этой планете есть моря. Картр снова пожалел о гибели записывающей аппаратуры: после крушения все наблюдения, сделанные с орбиты, стали недоступны. Может быть, если они свернут сейчас на восток... или на запад, то выйдут к морскому берегу. Только куда сворачивать — на восток или на запад? Он только раз бросил беглый взгляд на экран, и ему показалось, что они приземляются на большой континент. До ближайшего берега могут быть сотни миль. Сможет ли дорога служить проводником?

Картр обещал себе, что, как только закончится устройство базы, он выяснит, о каком источнике горючего говорили Джексен с Дальтром. На аэросанях можно исследовать гораздо большую площадь, чем пешком. И если начать с дороги...

Рольтх остановился и оглянулся.

— Ты счастлив?

Картр понял, что напевает.

— Я думал о дороге... о том, чтобы пойти вдоль нее...

— Да... меня она тоже занимает... дорога. Но что это нам даст? Ты искренне веришь, что мы сможем найти людей... или хотя бы отдаленных их родственников?

— Не знаю...

— И мой ответ таков же. — Рольтх передернул плечами, чтобы лучше разместить тяжесть рюкзака. — Если мы чего-то не знаем, то должны узнать. Желание узнать, что там, за холмами, привело нас в рейнджеры. Мы привыкли к таким поискам. Признаюсь, что такая экспедиция дала бы мне гораздо больше радости, чем ползание по этой дикой местности, согнувшись под грузом, как будто мы карликовые пф с высших островов Фальтхара!

Им потребовалось почти два дня, чтобы пешком добраться до лагеря, разбитого Филхом и Джексеном. Здесь их уже ждали шалаши из веток, горел костер, а запах жареного мяса превратил их усталую походку в бодрую ходьбу.

Ровная скальная поверхность опускалась в мелкий ручей — прекрасная посадочная площадка для аэросаней. В конце площадки лежали материалы, сплавленные по реке. Джексен нашел дикое зерно, уже созревшее, и набрал кисловатых плодов с деревьев на опушке леса. Картр решил, что человеку прожить здесь нетрудно. Он подумал о временах года. Существует ли между ними резкая разница? Неизвестно. Вообще почти ничего не известно! Времена года не имеют значения, когда посещаешь планету ненадолго... Но теперь... Им так много необходимо узнать... И придется узнавать на опыте и ошибках.

Картр вытянулся у огня, перечисляя в уме все, что необходимо будет сделать. Он так глубоко задумался, что вздрогнул, когда Рольтх коснулся его плеча. Ночной мир принадлежал Рольтху, он был бодр, как звери, которые сейчас бродят в лесу.

— Идем! — он прошептал это слово так настойчиво, что Картр вскочил на ноги. Он быстро оглянулся. Остальные лежали вокруг костра в спальных мешках, спали или дремали. Сержант тихо выбрался из освещенного круга.

— Что?.. — но он не закончил. Рольтх предупредительно сжал ему руку.

Руку Рольтх не убрал и повел Картра во тьму.

Они поднимались по склону, который становился все круче. Деревья стали тоньше и совсем исчезли. Они оказались на освещенной лунной площадке. На вершине холма фальтхарианец повернул сержанта лицом к северу.

— Подожди! — напряженно сказал он. — Следи за небом!

Картр устался в ночную тьму. Ночь была ясная, звезды образовывали знакомый и незнакомый рисунок. Картр подумал и о других солнцах и мириадах планет вокруг них.

На горизонте слева направо пронесся желто-белый луч. Он исходил из какого-то пункта на севере и устремлялся в небо. За три секунды он совершил полный оборот. Картр считал. Через 60 секунд луч снова вспыхнул и прошел тем же курсом. Маяк!

— Давно?..

— Я увидел его впервые час назад. Появляется очень регулярно.

— Это маяк, сигнал... но для кого? И кем он управляется?

— Ему не обязательно кем-то управляться, — задумчиво сказал Рольтх. — Вспомни Тантор...

Тантор, закрытый город. Двести лет назад его жители заболели странной болезнью. Да, Картр хорошо помнил Тантор. Однажды он пролетал над огромным куполом, внутри которого помещалась вечная тюрьма ради безопасности всей галактики. Картр видел древние машины, занимающиеся своими делами в городе, где не осталось ни одного живого существа. У Тантора тоже были маяки, и их крик о помощи автоматически устремлялся в небо и тогда, когда руки, установившие эти маяки, давно превратились в прах. За этими холмами может находиться другой Тантор. Это объяснило бы загадку прекрасной, но пустынной местности.

— Попроси прийти Джексона, — сказал наконец Картр. — Но не буди остальных.

Рольтх исчез, и сержант остался один, глядя на луч, возникающий через равные промежутки. Присматривает ли кто-нибудь за маяком? Может, это крик о помощи? Нужна ли она еще? А может, это сигнал звездным кораблям, которые никогда не придут?

Он услышал, как покатился сдвинутый ногой камешек. Приближался офицер.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил Джексен секунду спустя.

Картр не повернулся.

— Смотрите на север, — сказал он. — Увидите!

Луч описал дугу на горизонте. Картр услышал удивленный вздох, почти приглушенный вскрик.

— Это какой-то сигнал, — продолжал сержант. — Он автоматически посылается...

— Из города! — добавил Джексен.

— Или порта. Но... помните Тантор?

Ответом служило молчание.

— Что вы предлагаете делать? — спросил спустя несколько секунд Джексен.

— Вы обсуждали с Дальтром возможность использования зарядов дисраптера в аэросанях. Это возможно?

— Можем попробовать. Однажды это было сделано, и Дальтр знает как. Допустим, возможно. Что тогда?

— Я возьму аэросани и исследую это.

— Один?

Картр пожал плечами.

— Можно взять еще одного. Если это мертвый город, как Тантор, мы не посмеем исследовать его слишком тщательно. И чем меньше людей рискует, тем лучше.

Офицер подумал. Снова волна недовольства достигла Картра. Он догадался, о чем думает Джексен. Сигнал впереди может означать звездный порт, возможность найти пригодный к полету корабль, возвращение к знакомой жизни офицера Патруля. И, во всяком случае, это обещание цивилизации, пусть даже груды развалин, где человек сможет найти убежище.

Рейнджерам лучше быть терпеливыми с такими людьми, как Джексен. То, что для них означало свободную и правильную жизнь, для него лишь возможность возврата к привычному. Если Джексен даст волю своим эмоциям, он побежит к аэросаням и ринется к маяку. Но Джексен подавил это желание. Он не Спин.

— На рассвете займемся аэросанями, — пообещал офицер. Картр двинулся вниз по склону. — Я ненадолго останусь здесь.

Ну, что ж, Рольтх обходит окрестности лагеря всю ночь. Он проследит, чтобы с Джексоном ничего не случилось. Картр в одиночестве вернулся к костру. Забравшись в спальный мешок, он закрыл глаза и попытался уснуть. Но и во сне желто-белый луч маяка продолжал манить и вызывать беспокойство.

Джексен выполнял свои обещания. На следующее утро Дальтр, Спин и офицер-оружейник сняли самый большой дисраптер и осторожно извлекли из него блок питания. Сейчас в их руках была неожиданная и ужасная смерть, поэтому они работали медленно, снова и снова проверяли каждое реле и соединение. Потребовался целый день напряженной работы, и все же они не были уверены, что аэросани полетят.

Перед самым закатом Филх занял кресло пилота. Аэросани поднялись рывком. Потом выпрямились и полетели более ровно: Филх постепенно учился справляться с мощным потоком энергии. Машина долетела до реки, повернула, полетела назад. Учитывая, кто сидел за рулем, можно было сказать, что посадка была очень осторожной. Не вставая, Филх сказал Джексону:

— У него теперь мощность гораздо больше, чем раньше. Надолго ли ее хватит?

Джексен провел грязной рукой по лбу.

— Не знаю. Что говорилось об этом в отчете, Дальтр?

— Энергия большого дисраптера привела крейсер на базу за три световых года. Потом установку разобрали. Они не знали, на сколько ее еще хватило бы.

Филх кивнул и обернулся к Картру.

— Ну, мы готовы и ждем. Когда взлет, сержант?

Глава 5

ГОРОД

В конце концов рейнджеры бросили жребий, кому быть пилотом, и выбор пал не на Филха, а на Рольтха. В глубине души Картр был доволен. Лететь с Рольтхом в качестве пилота означало лететь ночью. Конечно, разумнее приближаться к чужому городу под покровом ночи. И в конце концов, именно Рольтх открыл этот маяк.

Они двинулись в сумерках. Рационы и спальные мешки сунули под сиденье. Взяли и единственный оставшийся дисраптер. На этом настоял Джексен.

Они летели в прохладной полутьме, Рольтх негромко напевал одну из заунывных песен своего сумеречного мира. Темные глаза без защитных очков живо блеснули на его бледном лице.

Картр откинулся на спинку сиденья и смотрел, как местность внизу из зеленой становится синеватой. На всякий случай он задействовал следоискатель. Теперь, если они пролетят над любым достаточно большим искусственным предметом, он будет знать об этом.

Холмы внизу были полны жизни: хищные звери бродили в поисках добычи. Однажды, когда до них долетел дикий рев, Картр прочел в нем гнев и раздражение охотника, который промахнулся в прыжке и должен снова выследивать добычу. Но людей внизу не было, ничего даже близкого к человеку.

Следоискатель щелкнул. Картр наклонился вперед и всмотрелся в шкалу. Только один пункт. Предмет небольшой. Но — сделанный человеком. Может быть, здание, давно погребенное. Во всяком случае, не маяк.

И тут же в темнеющее небо взметнулся луч. Но то, что лежало внизу, не имело к нему отношения.

Попадалось все больше холмов. Рольтх пролетал над ними, иногда едва не касаясь вершины. Потом холмы начали понижаться, как гигантская лестница, ведущая на равнину.

Теперь стало видно то, что находится в центре равнины. Яркий свет, и не только желто-белый, но и изумрудный, рубиновый, сапфировый! Горсть гигантских жемчужин пульсировала в ночи яркими красками.

Картр бывал в развалинах Калинна — игольчатые башни и радужные купола, человеческая цивилизация не могла понять сущности этой жизни. Он видел закрытый Тантор, видел знаменитый Город у Моря, построенный заключенными в камень живыми организмами под водами Парта. Но это... странно знакомое и в то же время чужое. Оно притягивало и отталкивало в одно и то же время.

Картр взял на себя управление, давая возможность Рольтху надеть очки. То, что для сержанта было ярким светом, совершенно ослепляло фальтхарианца.

— Полетим прямо или сначала разведаем? — спросил Рольтх.

Картр нахмурился, посылая вперед ищущую мысль — острая проба хирурга, прощупывающего болезненное место.

Он коснулся мозга и в тот же момент отпрянул, почувствовав, что этот мозг насторожился. То, что он обнаружил, было так удивительно, что Картр не смог сразу ответить на вопрос. Ответил он чуть позже:

— Разведаем...

Рольтх сбросил скорость. Аэросани пошли по дуге, огибая источник света.

— Не могу поверить! — Голос Картра наконец выдал его изумление.

— Там есть жители?

— По меньшей мере один. Я вступил в контакт с мозгом агератанца.

— Пираты?

— В открытом городе, со всем этим выдающим их светом? Хотя, может, ты и прав. Здесь они могут чувствовать себя в безопасности. Будь осторожен. Я не хочу нарваться на луч бластера. А пираты сначала стреляют, а потом спрашивают твоё имя и название планеты. Особенно если видят знак кометы!

— Он почувствовал твоё присутствие?

— Кто может сказать это об агератанце? Возможно.

— Их много?

— Я сразу прервал контакт. Поэтому не знаю.

Следоискатель затрещал. Нужно бы включить и запись. Но без расшифровывающей машины запись бесполезна. Отныне доклады разведчиков будут устными. Аэросани медленно скользнули к зданиям, окруженным густой растительностью.

— Смотри! — Рольтх указал налево. — Это посадочная площадка. Может, сядем и пойдем дальше пешком?

— Сначала подберемся ближе к главной части города. Иначе придется несколько миль идти пешком.

Вскоре они нашли то, что искали, — небольшую посадочную площадку на вершине башни. Башня казалась маленькой по сравнению с окружающими зданиями, хотя площадка находилась на высоте в 40 этажей над поверхностью земли. Но отсюда можно хорошо рассмотреть окружающую местность.

Они опустились. Картр тут же повернулся, нацелив бластер в середину черной фигуры, направившейся к ним. Он попробовал ментальный контакт и тут же отступил. Рольтх отразил его открытие в словах:

— Робот... может быть, охранник...

Рольтх поднял аэросани над головой фигуры.

Как только аэросани покинули площадку, робот-охранник или механик — остановился. Потом неуклюже повернул и отступил во тьму. Напряжение спало. Металлический слуга мог сжечь их раньше, чем они увидели его. Конечно, это мог быть и механик, но рисковать не следовало.

— Больше не садимся на посадочные площадки, — сказал Картр, и Рольтх с готовностью согласился.

— Эти создания могут быть настроены на голос или ключевые слова. Дай им неверный ответ, и они с тобой расправятся...

— Подожди. — Картр убрал бластер в кобуру. — Мы судим об этом городе по собственной цивилизации. — Он сощурился от ярко-зеленого света и посмотрел на шкалу. — Для ищущего всегда найдется что-нибудь новое, если он идет с открытым сознанием...

— И бластером наготове! — добавил Рольтх. — Да, я знаю все это. Но человеческая природа остается прежней, и я предпочитаю быть осторожным, но не мертвым. Погляди, видишь квадраты мостовой между зданиями? Может, сядем там? По крайней мере никаких сигналов тревоги не вызовем...

— Пожалуй. Можешь сесть за тем большим блоком? Мы скроемся в его тени...

Рольтх не извлекал из аэросаней такую скорость, как Филх, но его осторожность в таком деле была предпочтительней безудержного презрения тристианца к узам тяготения. Приземление потребовало добрых пяти минут сложных маневров, но сел он точно в центре той тени, на которую указал Картр.

Они не вставали с сидений, а ожидали появления роботов, любого движения, которое могло означать угрозу.

— Город — не место для игры в прятки, — наконец сказал Рольтх. — Я чувствую, что за нами наблюдают... может быть, оттуда... — Он ткнул пальцем в черные окна, выходящие на площадь.

Странное ощущение — как будто мириады глаз смотрят на тебя из тьмы. Картр тоже знал его. Но его способности говорили, что это ложь.

— Здесь никого живого, — заверил он фальтхарианца. — Даже роботов нет.

Они пошли от азросаней, огибая угол ближайшего здания, держась в тени и перебегая через освещенные участки. Рольтх провел пальцем по стене над своим плечом.

— Старая, очень старая. Следы обветривания.

— Но огни? Долго ли они могут гореть? — спросил Картр.

— Спроси своего друга агертанца. Может, он привел их в действие. Кто знает?

Здания, мимо которых они проходили, были лишены украшений, стены гладкие, все детали строго функциональны, но в целом создавалось впечатление гармонии. Такая гармония — результат высокоразвитой цивилизации, для которой город — единый организм, а не набор индивидуальных жилищ разных вкусов и периодов. Пока Картру не встретилось ни одной надписи.

Рольтх через равные промежутки на мгновение включал свой голубой фонарик, освещая стены. На обратном пути ему достаточно будет провести лучом, и голубые круги на стенах укажут путь к азросаням.

Рейнджеры обогнули здание, выходящее на площадь, и оказались на улице. Тут их ноги почти по щиколотку погрузились в растительность. Старая мостовая заросла густой травой. Впереди на расстоянии в полквартила сквозь щель между зданиями вырывался яркий свет. Они осторожно приблизились и увидели фонтан радужного блеска и воды. Вода падала в бассейн, край которого был проломлен. Маленький ручеек пробил себе дорогу в дерне и уходил в отверстие в древней мостовой.

— Никого нет, — прошептал Картр. Он не мог бы объяснить, почему шепчет. Но его не оставляло ощущение, что за ними следят. Он знал, что должен осторожно пробираться в тени зданий, иначе привлечет внимание... кого?

Они осмелились покинуть защитную тьму и подошли к краю бассейна. Теперь сквозь брызги воды и света можно было разглядеть центральную колонну. На ней стояла статуя — больше натурального размера, если, конечно, жители зданий не были

гигантами. Статуя сделана не из камня, а из какого-то белого материала, на котором время не оставило следов. При виде статуи и Картр, и Рольтх остановились на полушаге.

Это была девушка, с поднятыми над головой руками, с гривой волос, свободно падающих до тонкой талии. В поднятых руках она держала знакомый им обоим символ — пятиконечную звезду. Из концов звезды вырывались струи воды. Но девушка — она не бемми, она такой же гуманоид, как и они.

— Это Попата, дух весеннего дождя. — Картр вспомнил легенду своей сожженной планеты.

— Нет, это Ксити Морозная! — У Рольтха тоже были воспоминания, связанные с его тенистым холодным миром.

На секунду они почти гневно взглянули друг на друга, потом оба улыбнулись.

— Она и то, и другое... и ничего из этого... — сказал Рольтх. — У этих людей был свой идеал красоты. Но по глазам и волосам ясно, что она не с Фальтара. А по ушам — она не из ваших...

— Но почему?.. — Картр с изумлением смотрел на статую. — Почему кажется, что я всегда знал ее? И эта звезда...

— Обычный символ. Его можно видеть на сотнях планет. Нет, она идеал красоты и действует и на нас.

Они неохотно оставили фонтан и вышли на широкую улицу, шедшую прямо к центру города. Время от времени в воздухе перед зданиями появлялись непонятные световые знаки. Рейнджеры миновали помещения, которые могли служить магазинами, и видели паутину проводов, уходящую в окна. Вдруг Картр схватил Рольтха за руку и быстро втянул под укрытие двери.

— Робот! — Сержант почти прижался губами к уху товарища. — Я думаю, он патрулирует!

— Можем избежать его?

— Зависит от того, какого он типа.

Руководствоваться они могли только прошлым опытом. Они знали, что патрули роботов смертельно опасны. Те, с которыми им приходилось встречаться, могли быть ликвидированы только путем замыкания. А это трудная и опасная операция. В противном случае робот сжигает все, что неестественно для охраняемого им места и не может отзываться условным паролем. Именно этого опасались рейнджеры на посадочной пло-

шадке. Теперь же, без аэросаней, без возможности быстрого отступления встреча с таким роботом еще опасней.

— Либо робот местный, либо...

— Либо его привез агератанец, — подхватил Рольтх. — В последнем случае мы знаем, как с ним справиться. Местный же...

Он прекратил шептать, услышав слабый звон металла о камень. Картр выпрямился и посветил фонариком над головой. Дверь, в углублении которой они прятались, невысокая. Над ней карниз, а еще выше темное окно. У Картра начал складываться план.

— Внутрь... — сказал он Рольтху. — Постарайся добраться до второго этажа и через окно выбраться на карниз. Я отвлеку внимание робота, и ты сможешь сверху выжечь его мозг.

Рольтх скользнул во тьму, которая для него не была препятствием. Картр прислонился к двери. С неприятным ощущением в желудке он подумал, что начинается состязание в скорости. Если робот появится раньше, чем Рольтх доберется до карниза!.. Если он, Картр, сумеет уклониться от первого нападения патрульного!.. К счастью, ему не пришлось слишком долго размышлять над этими вариантами. Он увидел патрульного. Тот находился в конце квартала. Пляшущие огни отражались на его металлическом теле. Сержант был почти уверен, что такого робота в галактических городах он раньше не видел. Круглый купол головы, паучья тонкость рук и ног, грациозная легкость движений — все соответствовало архитектуре города.

Робот приближался спокойно и неторопливо. Перед каждой дверью он останавливался и освещал внутренности лучом, исходящим из головы. Очевидно, это был обычный обход.

Тут сержант вздохнул с облегчением. Рольтх добрался до карниза и теперь лежал вне поля зрения робота. Оставалось только надеяться, что робот устроен по общему образцу и его можно замкнуть через голову!

Добравшись до соседней двери, робот остановился. Картр замер. Дело могло обернуться хуже, чем он думал. Должно быть, робот обладал какими-то удивительными органами. Он заподозрил присутствие чужих. Свет не вспыхнул. Робот стоял неподвижно, как будто удивляясь или принимая решение.

Может, посылает в какой-то центр сигнал тревоги?

Но вот его рука двинулась...

— Картр!

И не обладая ночным зрением, Картр не нуждался в этом предупреждении Рольтха. Он уже понял, что собирается делать патрульный. Картр упал и рывком отлетел в сторону. За ним вспыхнуло обжигающее пламя, превратив вход в пылающий ад. Только тренированные мышцы и шестое чувство — чувство опасности — спасли его от участи сгореть в этом аду.

Потрясенный, он полз на животе подальше от этого всеож-жения. Будет ли робот его преследовать?

Звук шагов...

— Картр! Картр!

Он уже сидел, когда Рольтх вылетел из-за угла и чуть не упал на него.

— Ты ранен? Он задел тебя?

Картр криво улыбнулся. Хорошо быть живым. Он сморщился, когда руки Рольтха коснулись обожженной кожи.

— Что с?..

— С мешком железа? Я выжег дыру ему в голове, и он упал. Он не задел тебя?

— Нет. И он кое-что рассказал нам о цивилизации, создавшей его.

— Они использовали атомную энергию. — Картр с отвращением посмотрел на след взрыва. — Прожечь такую дыру в центре города, чтобы убрать кого-то! Интересно, что бы они подумали о парализаторах? — С помощью Рольтха Картр встал. Он надеялся, что не сломал снова запястье и боль в руке — лишь следствие удара при падении.

— У меня такое чувство, — начал Картр и обрадовался, что Рольтх не убрал руку. Сержант чуть не упал, но Рольтх удержал — ...такое чувство, что нам лучше побыстрее убраться отсюда...

Его преследовало воспоминание о паузе перед нападением робота. Картр был уверен, что патрульный послал сообщение... Куда? Если город управляется машинами, действующими поколение за поколением после гибели последнего жителя, тогда такое сообщение не представляет угрозы. Разве что придут в действие другие машины. С другой стороны, если робот контролировался загадочным агератанцем, тогда рейнджеры успешно

отразили первое нападение лишь с тем, чтобы встретиться с новым, гораздо более опасным.

Когда Картр высказал свои соображения вслух, Рольтх согласился с ним.

— Мы не можем вернуться прежним путем. — Фальтарианец указал на огненное пятно, бывшее прежде дверью. — К тому же нас на улице могут поджидать. Послушай, этот город чем-то напомнил мне Стилту...

Картр покачал головой.

— Слышал о нем, но никогда не был.

— Столица Ладияса I, — нетерпеливо сказал Рольтх. — Там население старомодное, все еще живет в больших городах. У них есть система подземных коммуникаций...

— Гм... — Картр легко сделал вывод. — Пойти вниз и попытаться найти выход? Ладно. Самое время уходить. Поищем спуск.

Но, к их замешательству, пути вниз, по-видимому, не было. Они шли комнатами и залами, проходили мимо обломков мебели и странных машин, над которыми в другое время смогли бы размышлять часами. Выхода не было. Встретились лишь две лестницы, ведущие вверх.

То, что им было нужно, они обнаружили в центре дома. Темный колодец, черная дыра, в которой фонарь Картра не нащупал дна. Но фонарь все же помог им. Картр неожиданно выронил его. Вскрикнув, он попытался поймать фонарик, но слишком поздно. Рольтх разразился длинной тирадой. В возбуждении он перешел на свой родной язык, и Картр резко потребовал, чтобы он перевел.

— Он не упал! Опускается вниз... опускается!

Сержант заглянул в колодец. «Антигравитационный спуск! И все еще работает!» Он не мог поверить своим глазам. Может, антигравитационные лучи еще удержат небольшой предмет, но человека...

Прежде чем он смог возразить, Рольтх перегнулся через край.

— Работает! Все в порядке!

И он исчез. Голос его донесся из шахты.

— Стою на воздухе. Присоединяйся! Это прекрасно.

Прекрасно, может быть, для Рольтха, который видит, что делает. Опуститься в эту черную пасть и надеяться, что механизм сработает!.. Не впервые в жизни Картр проклял свое слишком

живое воображение. Невольно закрыв глаза, он взмолился Духу Космоса и встал на воздух.

Действует! Воздух ощутимо сомкнулся вокруг тела. Картр опускался, как перышко на ветру. Далеко внизу он увидел голубой свет фонаря Рольтха. Тот достиг дна. Картр подобрал ноги и постарался миновать эту светящуюся точку.

— Со счастливой посадкой! — приветствовал Рольтх сержанта. — Смотри, что я нашел.

Рольтх обнаружил платформу, переходящую в туннель. Тонкой цепочкой к стене был прикреплен маленький экипаж, заостренный с обоих концов, с единственным сиденьем в центре. Руля не было. Машина не касалась пола, а висела над ним в футе.

Перед сиденьем располагалась доска с рычажками. Приборы управления? Как же им направить машину? Просто углубиться во тьму, рискуя столкнуться неизвестно с чем? Слишком опасно. Но встретиться с батальоном патрульных роботов не менее рискованно, чем оказаться в ловушке в подземной темноте.

— Сюда!

Картр чуть не подпрыгнул. Второй рейнджер дошел до конца платформы и освещал стену фонариком. Сержант едва видел в тусклом свете. Рольтх что-то обнаружил. Схема пересекающихся линий. Должно быть, план подземных туннелей. В прошлом им приходилось решать и более трудные задачи. Вскоре они знали, какой путь ведет к центру города!

Десять минут спустя они втиснулись в узкое сиденье. Рольтх нажал две кнопки, а Картр отвязал цепь. Послышалось слабое гудение. Они понеслись во тьму, и в лицо им ударил затхлый воздух туннеля.

Глава 6

ЖИТЕЛИ ГОРОДА

— Прибыли, — прошептал Рольтх.

Машина пошла медленней, приближаясь к правой стороне туннеля. Впереди забрезжил свет. Должно быть, другая платформа. Картр взглянул на часы. Им потребовалось ровно пять минут, чтобы добраться до этого места. Другое дело — то ли это

место, которое им нужно. Они стремились к пункту, который, по их мнению, находится прямо под большим общественным зданием в центре города.

— Есть кто-то впереди? — спросил Рольтх, как обычно, полагаясь на способности Картра.

Сержант послал вперед пробную мысль и покачал головой.

— Никого. Либо они не знают об этих путях, либо не интересуются ими.

— Я склонен надеяться, что не знают. — Фальтарианец ухватился за перила платформы.

Картр выбрался из машины и огляделся. Помещение было по меньшей мере втрое больше того, из какого они выехали. Туннели отходили от платформы в нескольких направлениях. Платформа освещена, но неярко, так что Рольтх не стал надевать очки.

— Как же нам отсюда выбраться? — Фальтарианец осматривал порт.

Существовали другие туннели, но первый осмотр не обнаружил никакого выхода. Картр, однако, был уверен, что выход есть. Об этом свидетельствовал воздух — легкий ветерок, чуть теплее и менее затхлый, касался их лиц. Рольтх, должно быть, тоже уловил его, потому что повернулся в направлении, откуда он шел.

Следуя за этим чуть заметным проводником, они пришли к плоской круглой плите на дне другой шахты. Картр выворачивал шею, пока не заболело в горле. Далеко вверху виднелся слабый свет. Но они не могут карабкаться... Разочарованный, он повернулся к Рольтху.

— Можно возвращаться...

Но фальтарианец углубился в изучение панели с кнопками на стене.

— Не думаю. Посмотрим, работает ли! — Он нажал верхнюю кнопку и тут же сжал руку товарища: плита начала подниматься, и они вместе с нею взмыли вверх.

Оба рейнджера инстинктивно присели. Картр глотнул, чтобы уменьшить давление в гудящих ушах. По крайней мере, подумал он с благодарностью, шахта не закрыта сверху. Их не разобьет о крышку.

Дважды пролетали они мимо других платформ, примыкающих к шахте. Картр закрыл глаза. Впечатление бесконечного подъема на лифте было не из приятных. Вряд ли он захочет повторить это снова. Он испытал однажды приступ паники: во время ремонта корпуса в полете потерял привязной трос и отплыл от корабля. В этот раз ощущение было аналогичное.

— Прибыли...

Картр открыл глаза, обрадовавшись дрожи в голосе Рольтха. Итак, фальтарианец наслаждался путешествием не больше его.

Где они? Сержант почти на четвереньках сполз с плиты и огляделся. Помещение, в котором они находились, было хорошо освещено. Над головой, поднимаясь на головокружительную высоту, громоздились этаж за этажом галереи, идущие от центра. Но тут Картра отвлек от наблюдений крик Рольтха:

— Она... она ушла. — Фальтарианец широко раскрытыми глазами смотрел на пол.

Плита-лифт, на которой они поднялись, исчезла, и пол, насколько мог видеть Картр, был сплошным, без единой щели.

— Она опустилась, — теперь Рольтх лучше владел своим голосом, — а сбоку выдвинулся блок и закрыл отверстие.

— Может, именно поэтому подземные пути и не были обнаружены, — предположил Картр. — Допустим, шахта открывается лишь тогда, когда снизу к платформе из туннеля прибывает машина.

— Пока мы не оставим это проклятое место, буду держаться подальше от середины помещений, — сказал Рольтх. — Вдруг окажешься на плите в тот момент, когда внизу кто-то прибыл. Настоящая ловушка! — И он осторожно, прошупывая каждый шаг, направился к ближайшей двери. Картр был склонен последовать его примеру. Как заметил фальтарианец, невозможно предсказать, когда начнут действовать древние механизмы. Ему пришла в голову мысль: а вдруг именно появление их аэросаней активизировало робота и вызвало весь эпизод с патрульным?

Но несколько секунд спустя он ощутил потенциальную угрозу, гораздо более серьезную, чем машины. Впереди какое-то неизвестное живое существо. Агератанец? Нет. Чужой мозг, которого он коснулся, не был так силен. Тот, кто находился впереди, не обладал способностью к прошупыванию мыслей. Пока их не увидят, Картр может не бояться, что их

присутствие будет обнаружено. Рольтх понял знак сержанта. Оба положили руки на рукоятки бластеров.

Но зал за первой дверью оказался пуст. Он был квадратный и уставлен скамьями из материала, похожего на молочное стекло. Неяркий свет исходил от стен, и в этом свете молочная поверхность искрилась. Должно быть, какая-то прихожая. Потому что в противоположной стене находились две двери, вдвое превышающие рост Картра. На них он впервые в городе увидел скульптурное изображение — символическая листва. Именно за этими дверями находился кто-то живой.

Сержант, блокируя все прочие впечатления, сосредоточился только на этой скрытой впереди искре жизни. Он радовался, что неизвестный — не сенситив, что можно касаться его мозга, не выдавая своего присутствия.

Человек. Сенситивность три с половиной, не больше. При четырех он бы смутно ощутил присутствие чужого, забеспокоился бы, при пяти немедленно обнаружил бы его присутствие. Но сержант ощущал лишь упадок духа, умственную усталость. И это не пират и не пленник пиратов. Впечатление насилия в прошлом или настоящем совершенно отсутствовало.

Но... Картр уже взялся рукой за широкую ручку двери. Кто-то только что присоединился к человеку за дверью. После первого же пробного контакта сержант мгновенно отступил. Агератанец! Он узнал этот мозг и понял, что обнаружен. Агератанец знал, что они здесь, знал так, будто его взгляд мог проникнуть сквозь камень. Картр закусил губу. Агератанец как будто поймал их на приманку, заставил обнаружить себя. Но если это так... В зеленых глазах рейнджера сверкнуло пламя. Он сделал знак Рольтху.

Тот неохотно убрал руку с бластера. Картр критически осматрел его, потом взглянул на свою одежду. Влисовая кожа сапог и поясов ничем не выдавала пребывания в густых джунглях. Значки со сверкающими кометами по-прежнему блестят на груди и шлемах. И хоть к ним добавлено изображение стрелы и листа, это все равно знак Патруля. Владелец такого знака имеет право появляться в любом месте Галактики без разрешения. И даже сам может требовать у других объяснения.

Картр потянул за ручку двери. Обе ее половины ушли в стены, образовав проход, достаточно широкий для шести человек.

За дверью свет, исходящий от стен, был гораздо ярче и сосредоточивался на овальном столе в самом центре помещения. За таким столом мог собраться весь экипаж крейсера. Стол из молочного камня, из того же материала и огибающие его скамьи.

За столом неподвижно сидели двое людей. Но Картр заметил, что рядом с более высоким — агератанцем — на столе лежит бластер. Увидев знаки Патруля, агератанец быстро вскочил, на лице у него появилось изумленное выражение. Второй, меньшего роста, облизал губы, и Картр знал, что его удивление тут же перешло в радость.

— Патруль! — Это произнес агератанец. В его голосе не звучала радость, но ментальный блок был на месте, и Картр не знал, что скрывается за этими черными загадочными глазами.

Эти двое не пираты. Оба одеты в разноцветные туники фантастического покроя, излюбленные упадочными цивилизациями внутренних систем. И бластер на столе был их единственным оружием. Картр двинулся вперед.

— Кто вы такие? — резко спросил он, подражая манерам и голосу Джексона. Он никогда раньше не выполнял обязанностей патрульного. Но пока у него знак кометы, ни один штатский не заподозрит этого.

— Джойд Кумми, лорд агератанского вице-сектора, — почти насмешливо ответил высокий. Он держался с обычным высокомерием своей расы. — Это мой секретарь Фортус Кан. Мы были пассажирами на Ниорай Х451. На нее напали пираты, и она ушла в овердрайв в поврежденном состоянии. Выйдя из гиперпрыжка, мы обнаружили, что корабельный компьютер вышел из строя и мы находимся в совершенно неизвестном районе Галактики. У нас хватило горючего на две недели полета, затем мы были вынуждены приземлиться здесь. С тех пор мы все время пытаемся связаться с кем-нибудь, но не знали, что нам это удалось. Вы с?..

Лорд вице-сектора? К тому же агератанец. Картр понял, что ступил на опасную почву. Но он решил: этот Джойд Кумми не должен узнать, что Патруль не прибыл спасать потерпевших

крушение. Что они в таком же положении. Что-то здесь неправильно. Картр был начеку. Если нельзя прочесть его мозг, то нужно скрыть собственные мысли.

— Рейнджер Рольтх и сержант Картр, приписанные к «Звездному пламени». Мы обязаны сообщить о вас своему командиру.

— Значит, вы явились не в ответ на наш сигнал? — Это вступил Фортус Кан. На лице его появилось выражение разочарования.

— Мы выполняем обычный разведочный полет, — холодно ответил Картр. С каждым моментом напряжение усиливалось. Блок агератанца был мощный, но не мог он скрыть все эмоции. И не пытался.

По шкале сенситивности агератанец достигал 5.9. Но если Кумми не встречал раньше кого-нибудь из расы Картра — а это маловероятно, они почти никогда не улетали со своей планеты, — он не мог догадаться, что перед ним 8.6.

Голос Фортуса Кана перешел в вопль:

— Значит, вы не сможете забрать нас отсюда. Но вы можете вызвать помощь...

Картр покачал головой.

— Я доложу о вашем присутствии командиру. Сколько вас?

— 150 пассажиров и 25 членов экипажа, — ответил Джойд Кумми. — Как вы добрались сюда незамеченными? Мы активизировали найденных здесь патрульных роботов...

Его прервал — Картр заметил, что это рассердило агератанца, — Фортус Кан:

— Вы уничтожили патрульного? На проспекте Кумми?

Проспект Кумми!

Картр понял значение этого. Итак, здесь правит лорд вице-сектора — в достаточной мере, чтобы дать свое имя главной улице города.

— Мы дезактивировали робота в городе, который считали покинутым, — ответил Картр. — Поскольку ваше присутствие здесь — очень важное открытие, мы прервем разведку и немедленно вернемся в лагерь.

— Конечно. — Кумми превратился в исполнительного чиновника. — Мы сумели привести в действие несколько наземных машин. Одна из них отвезет вас...

— Мы полетим, — быстро возразил Картр. — И вернемся к аэросаням прежним путем. Долгой жизни, лорд вице-сектора! — Он поднял руку в традиционном приветствии. Но уйти так просто не удалось.

— Вас доставят до ваших аэросаней, сержант. Есть и другие роботы-патрульные, и для вас же безопасней, если ваш провожатый будет знать пароль. Мы не можем рисковать членами Патруля...

Картр не решился отказаться от такого внешне разумного предложения. И все же... он знал, что за этим что-то кроется. Он чувствовал холодок страха в позвоночнике, это чувство много раз раньше спасало ему жизнь. Если бы только он мог прощупать мозг Фортуса Кана! Но он не решился и на это в присутствии агератанца.

— Я думаю, не стоит возбуждать наших людей сообщением о вашем прибытии, — продолжал лорд, провожая рейнджеров в прихожую. — Конечно, их подбодрит известие об установлении контакта с Патрулем. Особенно теперь, когда после пяти месяцев передач по слабенькому коммутатору мы уже считали, что обречены прожить здесь остаток жизни. Но я предпочитаю обсудить положение с вашим командиром, прежде чем вызывать у них надежду. Вы, очевидно, заметили, как реагировал на ваше появление Кан. Он увидел в этом обещание немедленного возврата к благам цивилизации. И поскольку патрульный корабль не сможет забрать всех, нужно провести кое-какую подготовку...

Дважды во время своей речи агератанец делал попытки проникнуть в мозг Картра... или захватить над ним контроль? Но сержант был начеку и знал, что Кумми получит лишь представление о патрульном корабле, севшем в отдаленном районе, кораблем руководит бдительный и умелый командир, с таким человеком трудно будет иметь дело штатскому администратору.

— Я считаю это мудрым решением, лорд вице-сектора, — вставил Картр в первую же паузу. — Значит, вы уже пять месяцев находитесь здесь, в городе?

— Не с самого начала. Аварийная посадка произошла в нескольких милях отсюда. Но при спуске мы зарегистрировали город и после посадки смогли отыскать его без труда. Его механизмы оказались в удивительно исправном состоянии. Похоже,

нам необыкновенно повезло. Конечно, наличие в экипаже Трестора Винка и двух его помощников оказалось дополнительной удачей. Он техник-механик с линии Капеллы. И здешние машины совершенно восхитили его. Он считает, что обитатели города в некоторых отношениях превосходили нас. Да, нам повезло.

Они пересекли помещение со скрытой шахтой лифта и вышли на просторный балкон, нависавший над таким огромным залом, что Картр почувствовал себя в нем песчинкой. С балкона в зал вела лестница — ступени такие широкие, что предназначались, казалось, для гигантов. А из зала через колоннаду в форме древесных стволов открывался выход на улицу.

— Кумбс.

Ожила фигура, прислонившаяся к одной из колонн.

— Отвези патрульных к их аэросаням. Я не прощаюсь. — Лорд повернулся к Картру с великодушием значительного лица, разговаривающего с подчиненным. — Мы скоро снова встретимся. Вы хорошо поработали, и мы вам благодарны. Передайте вашему командиру, что мы ждем от него сообщений.

Картр отсалютовал. Во всяком случае, агератанец не настаивает на том, чтобы сопровождать их до аэросаней. Но он ждал, пока они не уселись в маленький наземный экипаж и водитель двинул его с места.

Когда они отъехали от здания, Картр обратил внимание на водителя. Этот щетинистый еж черных волос с просветами коричневого, эти длинные челюсти. Так вот почему Кумми отпустил их одних. Неудивительно, что он не считал необходимым самому сопровождать их. Он все равно с ними, хотя и не телесно. Их водитель — кан-пес, совершенный слуга, чей мозг настроен только на действия в пользу хозяина.

Как будто что-то скользкое коснулось кожи Картра. У него было врожденное отвращение сенситива к таким созданиям. И теперь он должен... Самая мысль об этом переворачивала пустой желудок. Более неприятной задачи он никогда перед собой не ставил. Придется погрузиться в этот мозг так, чтобы не заподозрил хозяин, и поместить ложные воспоминания...

— Куда? — Даже этот голос болезненно отдавался в нервах.

— По этой широкой улице, — сквозь стиснутые зубы приказал Картр. Он сжал руку Рольтха. Фальтарианец не двинулся, но ответил легким пожатием.

Картр начал, рот его кривился от отвращения, мозг и тело равно сопротивлялись воле, принуждавшей их. Было даже хуже, чем он ожидал. Контакт иссушал, опустошал его. Но он продолжал. Неожиданно экипаж свернул в проезд и остановился во дворе. Они оставались в машине, пока Картр не довел тошнотворную схватку до конца. Голова кан-пса упала вперед, и он осел в сиденье водителя.

Рольтх вышел. Но Картру пришлось напрячь все силы, чтобы последовать за ним. Он вцепился в стену и повис. Его тошнило. Рольтх подхватил его трясущееся тело. С помощью фальтарианца Картр выбрался на улицу.

— Вперед... — Слово произнесено с трудом между приступами рвоты.

— Да, вижу.

Слабый блеск радиации чувствительные глаза Рольтха улавливали несравненно лучше. Они находились в четырех кварталах от того места, где робот выстрелил в дверь. А оттуда они легко найдут дорогу к азрасаням.

Рольтх не задавал вопросов. Он шел рядом, готовый поддерживать, излучая успокоительное тепло искренней чистой дружбы. Чистой!.. Картр подумал, почувствует ли он когда-нибудь себя чистым. Как может сенситив — пусть даже агератанец — иметь дело с таким существом? Но не нужно думать о кан-псе.

Когда они добрались до места атомной вспышки, Картр уже шел уверенно. Как только они обнаружили круги, оставленные фальтарианцем, ходьба сменилась бегом. Добравшись до азросаней, Картр сказал:

— Уходить ломаным курсом. Возможно, они все-таки следят за нами.

Рольтх хмыкнул в знак согласия. Аэросани взмыли в воздух. Им в лицо ударил холодный ветер, предвестник рассвета. Картру хотелось, чтобы этот ветер смыл все воспоминания о встрече с кан-псом.

— Ты не хочешь, чтобы они знали о нас? — Это был полувопрос-полуутверждение.

— Пусть решает Джексен, — ответил Картр, охваченный всепоглощающей усталостью. Ему хотелось лечь и уснуть. Но он не мог. И он заставил себя объяснить Рольтху, чего им следует опасаться в будущем.

— Этот водитель был кан-пес. И что-то здесь подозрительно, крайне подозрительно.

Рольтх не был сенситивом, но, как рейнджер, он знал достаточно. Он выпалил одно-два лающих слова на своем родном языке.

— Мне пришлось поместить ему в мозг ложные воспоминания. Он доложит, что довез нас до аэросаней, расскажет, о чем мы говорили в пути, укажет направление, в котором мы улетели...

— Так вот что ты делал! — Рольтх оторвал взгляд от индикаторов и посмотрел на товарища со смешанным выражением уважения и страха.

Картр расслабился, откинул голову на сиденье. Теперь, когда они удалились от огней города, на небе появились бледные звезды. Что сделает Джексен? И в любом случае — что с Кумми? Чем тот занимается сейчас?

— Ты не доверяешь агератанцу? — спросил Рольтх, когда они легли на правильный курс.

— Он агератанец, ты их знаешь. Он лорд вице-сектора и, несомненно, командует всем городом. И... и он не откажется от власти...

— Значит, он недоволен появлением Патруля?

— Возможно. Лорды секторов в наши дни своевольны, всюду борьба за власть. Хотел бы я знать, почему он летел на обычном пассажирском корабле. Если он...

— Если он убегал с какого-нибудь горячего места, то был бы только рад найти здесь новое королевство? Да, я могу это понять, — сказал Рольтх.

Аэросани плавно свернули направо. Рольтх выключил главный двигатель, оставив только экраны парения. Они медленно двигались новым курсом. Это увеличит на час время возвращения. Но так их не засекут из города.

Остальную часть пути они почти не разговаривали. Картр несколько раз начинал дремать и всякий раз просыпался в кошмаре. Мозг его требовал полного отдыха. С трудом пы-

тался он строить планы на будущее. Он доложит ситуацию Джексену. Офицер не доверяет впечатлениям сенситива, он может не поверить в беспокойство Картра. А у сержанта не было доказательств утверждения, что чем дальше они будут находиться от Кумми, тем лучше. Почему он боится Кумми? Потому что тот агератанец, тоже сенситив? Или из-за кан-пса? Почему он так уверен, что лорд вице-сектора — опасный враг?

Глава 7

РЕЙНДЖЕРЫ ДЕРЖАТСЯ ВМЕСТЕ

— Вы должны признать, что его объяснение достаточно правдоподобно...

Картр смотрел на Джексена через плоский обломок, служивший им столом.

— И город прекрасно сохранился, — безжалостно настаивал офицер. — К тому же в отряде с Х451 оказались техники-механики, которые смогли оживить его...

Сержант устало кивнул. Ему следовало явиться на это состязание воли с ясным умом и отдохнувшим телом. Он же, напротив, испытывал умственную и физическую усталость. С трудом выслушивал он неодобрительные замечания Джексена.

— Если все это правда, — Джексен в третий раз повторил то, что казалось ему логичным и разумным заключением, — я не понимаю вашего нежелания, Картр. Если только, — тут он начал излучать явную враждебность, но уставший Картр не прореагировал, — если только ваше отношение к агератанцу не вызвано личными причинами. — Он замолчал, и его враждебность сменилась чувством, близким к симпатии. — Разве не агератанцы сожгли Илен?

— Возможно, это тоже сыграло свою роль. Но не в этом причина моего недоверия к конкретно этому Джойду Кумми, — начал Картр, собрав все остатки терпения.

Не было смысла говорить о том, что Кумми использовал кан-пса. Только сенситив может понять весь ужас этого. Джексен нашел объяснение, которое кажется ему разумным, и теперь будет его придерживаться. Сержант давным-давно понял, что несенситивы относятся с глубоким недоверием к возмож-

ностям мысленного контакта, а некоторые даже не признают его существования. Джексен, по существу, относился к таким. Он поверил бы в способность Картра иметь дело с животным и чужаком-негуманоидом, но внутренне отвергал возможность чтения человеческого мозга. Картр сделал все, что мог, чтобы предотвратить следующий шаг Джексена. Теперь остается только ждать, пока обнаружится опасность, которую таит в себе город.

И вот они присоединились к выжившим с Х451 и признали, вопреки совету Картра, что их собственный корабль разбит. Джойд Кумми встретил их вежливо и гостеприимно. Выбором занялся корабельный врач. Роскошные помещения, соседние с апартаментами лорда вице-сектора, как подозрительно отметил Картр, были отведены для экипажа и офицеров.

Рейнджерам, однако, оказали гораздо более холодный прием. Картру и Рольтху дали понять, что как гуманоиды они считаются равными остальным подданным королевства Кумми. Но агератанец лишь слегка кивнул Зинге и Филху и ничего не сказал о помещении для них. Картр собрал свой маленький отряд в центре большой пустой комнаты, где, вероятно, их нельзя было подслушать.

Когда они, скрестив ноги, сели на пол, Зинга сказал:

— Если вы будете утверждать, что запах этих залов далек от аромата цветов, я с вами соглашусь. — Он повернулся к Картру. — И долго еще остатки лояльности будут заставлять тебя мириться с таким положением?

Когти Филха поскребли жесткие чешуйки рук.

— Рейнджеры должны говорить, только когда к ним обращаются. И рейнджеры-бемми должны позволить своим господам решать, что для них лучше. Они должны быть исполнительны, скромны и помнить свое место...

Картр сдерживался с тех самых пор, как его мнением пренебрегли и явились сюда, в место, которое он считал ловушкой. Но тут он не выдержал:

— Хватит! Я уже слышал подобное!

— Зинга прав. — Рольтх не обратил внимания на вспышку Картра. — Либо мы принимаем существующие здесь условия... либо уходим, если сможем. И, может быть, у нас совсем не осталось времени для размышлений.

— Если сможем, — повторил Зинга с улыбкой, проявившей не веселье, а множество острых зубов. — Чрезвычайно интересное предположение, Рольтх. Интересно, были ли... или есть... в составе экипажа и среди пассажиров Х451 бемми? Вы заметили, что применительно к ним я склонен использовать прошедшее время? Мне кажется, что так правильнее.

Картр рассматривал свои коричневые руки, одну выступающую из грязной перевязи, другую отдыхающую на колене. Руки исцарапаны, огрубели, ногти обломаны. И хотя он внимательно изучал каждую царапину, мысли его были заняты словами Зинги. Нет... он не собирается мириться с таким положением. Надо быть готовыми.

— Где наши мешки? — спросил он у Зинги.

Оба века шелкнули в медленном мигании.

— Эти сокровища перед нашими глазами. Если нужно будет уходить в спешке, мы сможем это сделать со всем походным оборудованием.

— Я предложу Джексону, чтобы рейнджеры жили отдельно в общем помещении... — медленно сказал Картр.

— В западном углу этого здания есть трехэтажная башня, — вмешался Филх. — Отступим к этому высокому насесту. Может быть, они будут настолько рады избавиться от нас, что разрешат это.

— Позволить, чтобы нас закрыли, как в бутылке? — спросил Зинга с ядом в свистящем голосе.

Филх раздраженно шелкнул когтями.

— Ничего подобного. Вспомните, мы имеем дело с горожанами, а не исследователями. Для них все возможные входы и выходы — это окна и двери.

— Значит, в твоей хваленой башне есть что-то, не вошедшее в этот каталог? И оно послужит для нас выходом? — Бледные губы Рольтха изогнулись в легкой улыбке.

— Естественно. Иначе я не предложил бы ее в качестве убежища. Во внешнюю стену вделан в виде украшения ряд колец. Это все равно что лестница для тех, кто знает, как пользоваться руками и ногами...

— И закрывает глаза, делая это, — простонал Зинга. — Иногда я хочу быть штатским и вести безопасную и мирную жизнь.

— Позволим этим людям считать, что они провели нас. — К Филху вернулось его обычное хорошее настроение. — Если захотят, они поставят охрану у единственной лестницы, ведущей в башню.

Картр кивнул.

— Повидаюсь с Джексеном. В конце концов, хоть мы и рейнджеры, но принадлежим к Патрулю. И если мы хотим жить вместе, ни один штатский не имеет права спрашивать нас... даже лорд вице-сектора! Сидите тихо.

Он встал, а трое рейнджеров кивнули. Они хоть и не сенситивы — впрочем, Картр подозревал, что Зинга обладает схожими с его собственными способностями, — но они знали, что их только четверо в потенциально опасном окружении. Нужно добраться до башни Филха!

Но ему пришлось долго дожидаться Джексена. Офицер сопровождал Вибора к врачу. А вернувшись и обнаружив ожидающего Картра, Джексен был далеко не сердечен.

— Что вам тут нужно? Вас спрашивал лорд вице-сектора. У него есть приказы...

— С каких это пор, — прервал Картр, — лорд вице-сектора имеет право отдавать приказы патрульным? Он может советовать и просить, но не приказывать любому носителю кометы — патрульному или рейнджеру!

Джексен подошел к окну и стоял, постукивая пальцами по подоконнику, повернувшись к сержанту спиной. Отвечая, он не обернулся.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете наше положение, сержант. У нас нет корабля. Мы...

— А разве корабль необходим? — Но, может, это правда. Может, для Джексена и экипажа корабль необходим. Без него они беззащитны. — Именно этого я опасался, когда возражал против прихода сюда, — более спокойно продолжал Картр. Он должен сказать это, не думая о вежливости.

— В подобных обстоятельствах у нас не было выбора. — Прежний Джексен на мгновение проглянул в этой вспышке. — Великий Космос, вы что же, хотели, чтобы мы жили в дикости, когда есть такая возможность? А командор? Он нуждается в медицинской помощи. Только... — Он замолчал, не закончив.

— Почему вы не заканчиваете, сэр? Только варвар-рейнджер может спорить с этим. Это вы хотели сказать? Что ж, я варвар и считаю, что лучше было оставаться свободным в джунглях, чем приходить сюда. Но давайте объяснимся. Правильно ли я понял, что вы передали власть Патруля Джойду Кумми?

— Плохо, когда власть разделена. — Джексен по-прежнему не поворачивался и не смотрел в лицо Картру. — Каждый человек должен сделать свой вклад, чтобы помочь общине. Джойд Кумми имеет доказательства, что приближается сезон жестоких холодов. Наш долг — помочь подготовиться к этому. Он хочет послать вас на охоту. Скоро пища станет проблемой. Здесь есть женщины и дети...

— Понимаю. И рейнджеры должны заняться охотой. Что ж, нужно подготовиться. А пока мы хотим занять отдельное помещение.

— Вам с Рольтхом отведены помещения здесь.

— Рейнджеры предпочитают держаться вместе. Как вы знаете, такова всегда была политика Патруля. Или Патруль теперь перестал существовать? — Если бы не усиливающееся беспокойство, Картр не стал бы добавлять этого.

— Послушайте, Картр, — Джексен повернулся от окна. — Не время ли посмотреть в лицо действительности? Нам придется провести здесь всю жизнь. Нас семь человек против почти двухсот... И эти двести хорошо организованы.

— Семь? — переспросил Картр. — Если считать и командира, нас девять.

— Людей, — Джексен подчеркнул это слово.

Вот оно — открыто. Картр уже давно боялся услышать это.

— Четыре рейнджера и пять членов экипажа, — упрямо ответил он. — И рейнджеры держатся вместе.

— Не будьте дураком!

— К чему мне это преимущество? — Картр был теперь холоден как лед. — Похоже, остальные довольны?

— Вы человек. Вы принадлежите своей расе. А эти чужаки... они...

— Джексен! — Картр раз и навсегда отбросил мысль о том, что офицер — его начальник. — Я знаю все эти заезженные шаблонные аргументы. Не нужно снова перечислять их. Я слышу их с тех пор, как вступил в Патруль и стал рейнджером...

— Вы юный идиот! С тех пор, как вступили в Патруль? И давно это было? Восемь лет? Десять? Вы еще щенок! С тех пор, как вступили в Патруль! Вы ничего не знаете... о проблеме бемми. Только варвар...

— Я уже согласился с этим. У меня странные вкусы в выборе друзей. Признаем это и прекратим разговор! — Картр снова овладел собой.

Ясно, что Джексен пытался оправдать свое нынешнее положение не только перед Картром, но и перед собой.

— Позвольте мне идти к смерти собственным путем. Или у Кумми правило: «Люди должны держаться друг друга, против бемми?»

Джексен отвел взгляд.

— У него сильные предрассудки. Не забудьте, он агератанец. У них были сложные проблемы в отношениях с негуманоидами в собственной системе...

— И они очень аккуратно решили эти проблемы, хладнокровно уничтожив всех чужаков!

— Я забыл, что вы настроены против агератанцев...

— Мои чувства к агератанцу, которые, должен признать, отличаются от ваших, не имеют отношения к данному случаю. Я просто отказываюсь разделять такие взгляды относительно бемми. Если лорд вице-сектора хочет, чтобы рейнджеры охотились для него, отлично. Но мы сохраняемся как единый отряд. И если нам попытаются помешать, что ж, мы готовы ко всему.

— Послушайте! — Джексен яростно пнул лежавший на полу спальный мешок. — Подумайте еще, Картр. Мы проведем здесь остаток жизни. Нам исключительно повезло: Кумми считает, что этот город может быть полностью восстановлен. Мы можем начать все снова. Я знаю, вам не нравится Кумми, но он способен превратить толпу истеричных пассажиров в организованное сообщество. Семь человек не могут сопротивляться ему. Все, о чем я вас прошу: не повторяйте Кумми то, что сказали мне. Сначала подумайте.

— Обязательно. Тем временем рейнджеры займут общее помещение.

— Ну, ладно, — Джексен пожал плечами. — Делайте то, что вам нравится.

«Может, следовало сказать: то, что нравится Кумми», — думал, выходя из комнаты, Картр.

Рейнджеры ждали его, и он начал отдавать распоряжения.

— Рольтх, ты с Филхом идешь в башню. Если кто-нибудь попытается вас остановить, укажите на право Патруля. Может, подчиненные Кумми еще сохранили какое-то уважение к Патрулю. Зинга, где ты оставил наши мешки?

Пять минут спустя Картр и закатанин подобрали четыре рейнджерских рюкзака.

— Подсунь под них антигравитационный диск, — сказал Картр, — и пошли.

Плывущие над полом рюкзаки легко было тащить. Картр и Зинга направились в глубь здания. Но когда они приближались к лестнице, ведущей к башне, им встретился Фортус Кан. Он прижался к стене, давая им пройти, так как Картр не остановился. Но когда они прошли, Кан спросил:

— Куда вы?

— Переселяемся в помещение рейнджеров, — коротко ответил сержант.

— Он следит за нами, — прошептал Зинга, когда они начали подниматься. — Он не очень смел. Стоит погромче гневно прикрикнуть на него, и он побежит...

— И не пытайся, — возразил Картр. — У нас и так достаточно неприятностей, незачем искать новых.

— Хо! Значит, ты понял это? Короткая, но веселая жизнь, как говорил мой брат. Интересно, где теперь Зифр. Одевается в шелк и три раза в день ест брофиды, или я не знаю этого грабителя! Но я был бы рад увидеть его гнусное лицо наверху лестницы. Он прекрасный боец, искусно управляется с силовым лезвием. Раз — и враг повержен, и половина его внутренних наружу...

«Мы и сейчас можем справиться с пятьюдесятью бойцами, — горько подумал Картр, — может, только с десятью».

— Добро пожаловать, путешественники! — Это Рольтх. Очки превращали его лицо в насекомоподобное, когда он смотрел на них сверху. — Наконец-то старая птица нашла себе подходящий насест. Входите и отдохните, мои храбрые друзья!

— Огненные вампиры и восьминоги! — Даже Зинга казался удивленным при виде помещения.

Стены его были тускло-прозрачными и зелеными. За ними двигались яркие причудливые фигуры — плавали водные существа! И тут Картр понял, что это иллюзия, рожденная лучом какого-то скрытого проектора. Зинга сел на мешки, прижав их своей тяжестью к полу.

— Великолепно! Роскошно! Насладит самый привередливый вкус. Существо, задумавшее эту комнату, было гурманом. Я был бы рад пожать его руку, плавник или щупальце. Замечательно! Вот этот красный, разве не напоминает он до последней чешуйки брофида? Что за удивительная комната!

— Как дела с продовольствием? — спросил Картр у Рольтха через голову Зинги.

Брови фальтарианца поднялись настолько, что стали видны над очками.

— Ты считаешь, что мы можем оказаться в осаде? Есть несколько нетронутых банок, примерно на пять дней нормального питания или вдвое дольше, если затянем пояса.

— Вы хотите сказать, — вмешался Зинга, — что мы пришли в эту возбуждающую аппетит комнату, чтобы питаться грибами и прочим мушиным дерьмом, которое ели, карабкаясь по скалам, когда не было никакой надежды на охоту? Я не выдержу такой пытки! Как свободно рожденный гражданин, я настаиваю на своих правах...

— Свободно рожденный гражданин? — переспросил Филх. — Скорее уж второй класс... или даже третий. А ты вообще не имеешь никаких прав...

Но Рольтх заметил выражение лица Картра и вмешался:

— Как обстоят дела? Честно.

— Примерно как сейчас было сказано. — Картр сел на единственный предмет мебелировки в комнате — скамью из молочного стекла. — Я был у Джексона. Он сказал, что у Кумми есть для меня приказы...

— Приказы? — Снова брови фальтарианца выдали его изумление. — Штатский, отдающий приказы Патрулю? Хотя мы и рейнджеры, но все же члены Патруля!

— Неужели? — спросил Филх. — У патрульных есть корабли, их поддерживает вся мощь Патруля. А мы — всего лишь выжившие после крушения и не можем рассчитывать на появление флота.

— Джексен тоже так считает. Я понял, что он более или менее уступил свою власть Кумми. Он считает, что тут всем должен распоряжаться лорд вице-сектора...

— И что, мы должны радоваться, что оказались здесь? Да, я понимаю эти аргументы, — сказал Рольтх. — Но Джексен — он патрульный до мозга костей. Что-то есть в его позиции странное, не укладывается в его характер!

Филх отмахнулся от подобной ерунды.

— Психологическая реакция Джексена не должна нас интересовать. Правильно ли я понял, что бемми признаются здесь гражданами второго сорта?

— Да. — Ответ был жесток, но Картр не хотел скрывать правду.

— И тебе предложили держаться подальше от... нечистых? — протянул Зинга, откидываясь назад и захватив руками колени.

— Да.

— Где пределы их глупости? — воскликнул Рольтх. — Если они хотят, чтобы мы для них охотились, значит, они нуждаются в пище. А эти мягкотелые горожане ничего не добудут, только кусты потопчут. Они должны были бы договориться с нами, а не настраивать против себя.

— Когда ты видел логичный предрассудок? И Джексен согласился с таким отношением к бемми? — В глазах Филха появился неприятный блеск.

— Не знаю, что случилось с Джексеном, — взорвался Картр. — И не интересуюсь! Гораздо важнее, что произойдет теперь с нами...

— Вам с Рольтхом не о чем беспокоиться, — заметил Филх.

Картр вскочил и сделал два больших шага. Его зеленые глаза оказались на уровне красных глаз тристианца.

— Чтобы я в последний раз это слышал! Я сказал Джексену — и скажу Кумми, если понадобится, — что рейнджеры останутся вместе.

Филх сжал тонкие губы. Глаза его сузились. Он успокаивающе развел руками, голос его зазвучал ровно.

— Как реагировал Джексен на твои слова?

— Многословием. Но это дало мне возможность настоять на том, чтобы мы поселились вместе.

Зинга встал и начал ходить по комнате.

— Что еще нового? — спросил он у Рольтха. — Что у нас за помещение?

— На этом этаже еще одна комната, с двумя окнами, выходящими наружу, на лестницу Филха. Над этой большая комната, а на третьем этаже помещение с ванной. Хотите верьте, хотите нет, но там идет вода!

Картр не обратил внимания на одобрительное восклицание Зинги.

— Вход только один? Вы уверены?

— Да. Конечно, если к нам не спустятся с неба. Но я считаю, что этого можно не бояться. А эту дверь можно закрыть. Смотрите...

Рольтх встал на темно-красный квадрат в полу. Из правой стены беззвучно выдвинулась дверь и закрыла вход. Дверь представляла собой металлическую плиту.

— Теперь попробуй открыть, — сказал фальтарианец сержанту.

Но даже с помощью Зинги и Филха Картр не смог сдвинуть дверь с места. Тогда Рольтх снова ступил на квадрат, и дверь легко открылась.

— Филх закрыл меня, когда мы осматривали помещение, и нам пришлось поломать себе голову. Хитрый парень это построил. Чтобы пробиться, понадобился бы мощный дисраптер.

— Кстати, есть ли он у них? — Зинга выразил мысль Картра.

Но тут же это беспокойство отошло на второй план. Картр почувствовал, что кто-то поднимается по лестнице. По знаку сержанта рейнджеры разошлись. Зинга прижался к стене у двери, чтобы оказаться за спиной вошедшего. Филх лег на живот за гору рюкзаков, а Рольтх извлек бластер и встал немного в стороне от сержанта.

— Картр!

Они узнали голос.

— Входите.

Смит повиновался. Он вздрогнул, когда за ним материализовался Зинга. Лицо Смита выражало беспокойство, и Картр понял, что он для них не опасен. Связист снова приходил к ним, но не как враг.

— Что случилось? — спросил сержант. Все же Смит на стороне Джексона.

— Всякие разговоры. Говорят, что рейнджерам нельзя доверять.

— Что ж, — губы Картра раздвинулись, но не в улыбке. — Я много раз и раньше слышал это, но от этого не становилось хуже.

— Раньше — может быть. Но этот агератанец... он... он безумен! — взорвался Смит. — Говорю вам, он сумасшедший!

— Может, вы сядете, — зашипел Зинга, — вот сюда, чтобы мы могли приглядывать за вами, и расскажете все по порядку.

Глава 8

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

— Да мне практически нечего рассказывать. Какое-то чувство. Кумми настаивает, чтобы мы держались в стороне от всех, кроме его собственных людей. У него есть охрана: этот кан-пес, несколько человек из экипажа Х451, один из них офицер, два фермера, специалисты по выращиванию интала и три профессиональных наемника. Все вооружены: бластеры, выпущенные Управлением, и силовые лезвия. Но я не видел и не слышал о других офицерах с Х451. И Кумми отдает приказы *нам!* Дальтру и Спину приказано присоединиться к техникам и помочь им в управлении городской техникой. А ведь они патрульные! И Джексен не возразил.

— А вы? Получили назначение? — спросил Рольтх.

— К счастью, меня не было, когда искали специалистов-техников. Послушайте, как он смеет отдавать приказы Патрулю? — В голосе Смита звучало искреннее недоумение.

Снова Картр был вынужден объяснять:

— Постарайтесь поскорее понять нас, что относительно вас, Кумми и всех остальных Патруль перестал существовать. Нам не на что опереться. У него есть опора. Вот почему...

— Вы возражали против нашего прихода сюда? — подхватил Смит. Картр ощутил его растущий гнев. — Вы были правы! Я знаю, вы, рейнджеры, иначе относитесь к Службе, чем мы. Вы всегда держались независимо. Но мой дед погиб на баррикадах у шлюзов Альтры. Он прикрывал отход остальных и дер-

жался, пока не взлетели корабли выживших. А мой отец был вторым помощником на дредноуте «Промикса», который пытался достичь Андромеды. Пять поколений нашей семьи служат в Патруле. И пусть сожжет меня Космос, если я когда-нибудь подчинюсь приказам Кумми, пока ношу это! — и он указал на значок кометы.

— Прекрасное заявление, но оно не поможет вам против частной полиции Кумми, — заметил Зинга. — Значит, простое нежелание получать приказы от штатского привело вас к нам?

— Не нахальничайте! — выпалил Смит. — Я слышал достаточно, чтобы понять, что Кумми — это смерть для бемми, да и для рейнджеров тоже, — он махнул в сторону Картра. — Ходят слухи — я услышал их от одного из фермеров, — что Кумми уже сжег кое-кого...

— Кого? — гребешок на голове Филха поднялся. — Бемми? Какого вида?

Смит покачал головой.

— Не знаю, фермер говорил неясно. Но не следует ожидать от Кумми честности. И я не собираюсь подчиняться его приказам. Может, раньше мы не всегда шли одним курсом, но теперь перед нами общая цель.

— Да? — Когти Филха пригладили гребешок. — Но в данных условиях от сделки выигрываете вы. Что вы предложите нам взамен?

— У него есть то, в чем мы нуждаемся, — вмешался Картр.

Просьба связиста была искренней. Он хотел быть с рейнджерами.

— Все зависит от вас, Смит. Если можете настолько подавить свою гордость, чтобы служить Кумми, сделайте это. Через вас мы многое можем узнать: каковы силы Кумми, есть ли недовольные среди пассажиров, каковы его планы. Мы не будем сражаться слепо. — Теперь он обращался к рейнджерам. — Вы двое, Филх и Зинга, будете держаться незаметно, пока мы не узнаем больше. Незачем привлекать излишнее внимание. Что касается меня, то после разговора с Джексоном я уже занесен в их черные списки. Рольтх непригоден для дневной работы. Итак, Смит, если вы действительно хотите присоединиться к нам, держите это желание за ментальным блоком, и блок должен быть крепкий. Агератанец — сенситив, и то, что он

не сможет извлечь из незащищенного мозга, сделает для него кан-пес. Это трудное задание, Смит. Вы должны стать сторонником Кумми, противником бемми. Небольшое начальное сопротивление не помешает, иного нельзя ожидать от патрульного с вашим прошлым. Но сможете ли вы вести двойную игру и захотите ли?

Связист спокойно выслушал, потом поднял голову и кивнул.

— Попытаюсь. Не знаю относительно ментального блока. — Он заколебался. — Я не сенситив. Что может со мной сделать Кумми?

— Он пять и девять десятых. Полностью овладеть вами не может, если вы боитесь этого. Вы с Лугана? Или кто-нибудь из родителей?

— Мой отец луганин. А мать с Дессарта.

— Луган, Дессарт. — Картр взглянул на Зингу.

— Высокая сопротивляемость, — тут же ответил закатынин. — Сильное воображение, но эффективный контроль. Способность к контакту ноль целых восемь сотых. Нет, агератанец не сможет взять над ним верх. И у вас есть ментальный блок, Смит, даже если вы его никогда не использовали. Просто думайте о какой-нибудь специальной проблеме, когда находитесь рядом с сенситивом. Сконцентрируйтесь на своей основной работе...

— Так? — живо спросил Смит.

Как будто он щелкнул переключателем. Вместо открытого мозга была мысленная пустота. Картр испустил восклицание, потом сказал:

— Так держать, Смит. Зинга...

Его мысль устремилась к мозгу связиста, и тут он почувствовал устремившийся туда же второй поток энергии, мощный, как мозг бластера. Итак, он был прав!

Зинга тоже сенситив, и мощностъ его он даже не может измерить. Вместе их воля ударила в мозг Смита, пытаясь пробить барьер, прочный, как корпус космического корабля.

Капли пота выступили на лбу Картра, собрались у края шлема и потекли ручейками по щекам и подбородку. Потом он шевельнул рукой в знак поражения и расслабился.

— Можете не беспокоиться о вторжении в ваш мозг, Смит. Если не будете неосторожны.

Связист встал.

— Значит, мы союзники? — Он спросил это так, будто опасался, что его прогонят.

— Да. Постарайтесь узнать побольше. Но, если возможно, не позволяйте отсылать себя далеко. Если понадобится, мы будем действовать быстро.

— Хорошо. — Смит подошел к двери. Потом повернулся и сделал рукой жест, обращенный ко всем: людям и бемми — приветствие патрульного товарищам.

— А теперь... на всякий случай... — Филх пролетел по комнате и встал на квадрат, управляющий дверью.

— Да, — согласился Зинга, — чувствуешь себя как-то спокойнее, когда не нужно думать о защите спины. Что будем делать?

Картр вынул левую руку из перевязи и задумчиво потер ее.

— Здесь есть врач. Я думаю...

Рольтх подошел к нему.

— Ты хочешь один спуститься в это логово?

— Хорошо оборудованный корабельный госпиталь должен иметь регенерационную установку. А я хочу идти в битву, если придется идти, с двумя здоровыми руками, а не с одной. К тому же это дает мне законное основание для того, чтобы походить внизу. Я могу задавать вопросы...

— Хорошо. Но ты не пойдешь один. Вообще я думаю, что нам разумно не ходить по одному в этом здании, — сказал Рольтх. — Вдвоем веселей, а два бластера расчистят дорогу лучше, чем один.

— Не беспокойтесь о нас, — Зинга улыбнулся, и его дюймовые клыки блеснули в зеленоватом свете. — Мы будем домовничать. Закройте за вами дверь?

— Да. И открой, когда уловишь наши мысли.

Зинга даже не сморгнул. Конечно, он обнаружил свою силу, когда помогал Картру преодолевать ментальный блок Смита. Но со своим обычным пренебрежением к человеческим эмоциям он, по-видимому, не видел причины для обсуждения своей скрытности.

Филх открыл дверь, и они начали спускаться по лестнице. Внизу было тихо, и они почти добрались до коридора, когда Картр почувствовал чье-то присутствие. Это оказался моло-

дой человек в пестром мундире офицера пассажирского корабля.

— Вы сержант Картр?

— Да.

— Лорд вице-сектора хочет вас видеть.

Картр остановился и с легким интересом взглянул на вновь прибывшего. Вероятно, сержант был даже немного моложе космонавта, но неожиданно он почувствовал себя чуть ли не дедом, разговаривающим с внуком.

— Я не получил от своего командира приказа о придании к штатской секции Главного Управления.

Удивительно, но этот помпезный ответ обескуражил офицера. Должно быть, Патруль еще сохранил свой авторитет. Картр и Рольтх миновали офицера и прошли несколько футов, прежде чем он догнал их.

— Послушайте! — Он старался, чтобы его голос звучал решительно, но смешался, когда рейнджеры обернулись к нему с серьезным и вежливым выражением. — Лорд Кумми... он здесь главный, вы знаете... — добавил он неуверенно.

— Раздел шестой, параграф восьмой, общие положения, — ответил Рольтх. — Патруль является защитником законов Главного Управления. Он может помогать любой штатской службе, если и когда его об этом попросят. Но никогда и никоим образом не передает он свою власть никакому планетарному или секторному правителю, за исключением прямых приказов с печатью Главного Управления.

Молодой офицер стоял с раскрытым ртом. Внутренне смеясь, Картр подумал, что меньше всего в такой момент он ожидал услышать цитату из устава. Зинге это понравилось бы. Картр надеялся, что закатанин мысленно следует за ними и сейчас наслаждается.

— Но... — Офицер хотел что-то возразить, но замолчал: выражение вежливого, но нетерпеливого внимания на лице рейнджеров не изменилось.

Подождав и не услышав продолжения этого одинокого «но», Картр сказал:

— Не покажете ли, в каком направлении находится ваш врач? Я нуждаюсь в его помощи. — И он указал на свое запястье.

Офицер с готовностью повиновался.

— Два пролета вниз в конце этого коридора и поворот направо. Доктор Тре занимает первые четыре комнаты.

Он продолжал смотреть им вслед, когда они пошли.

— И что же он доложит великому Кумми? — спросил Рольтх, когда они двигались в указанном направлении. — Не хотел бы я оказаться на его месте. Ты считаешь...

— Что я правильно поступил, отказавшись пойти с ним? Может, и нет, но они уже узнали от Джексона, что я настроен враждебно. И я должен был это сделать. — Лицо Картра ничего не выражало. — Он напустил на нас кан-пса!

И Рольтх, который видел это выражение раньше и догадывался о том, что оно скрывает, не решился больше ничего говорить.

Больше в коридоре и на лестнице они никого не встретили. Но когда они приближались к первой двери в помещении врача, их слух уловил негромкий шепот. Окна здесь помещались в глубоких прорезях, и из одной такой прорези и донесся призыв.

— Женщина...

Но Картр уже знал это, встретив ментальный блок, которым сенситив препятствует лицу другого пола вмешиваться в свои эмоции. Женщина выглянула и поманила одной рукой. Рольтх двинулся к ней, и Картр кивнул. Фальтарианец вступит в контакт с женщиной, пока сержант займется с врачом. Если кто-то, помимо Зинги, мысленно следит за ними, такое разделение может поставить его в тупик.

Рольтх ступил в амбразуру и приблизился к окну, увлекая за собой женщину. Здесь их можно было увидеть лишь прямо у прорези. Картр отошел на ярд и оглянулся. Рольтх правильно поступил: с нового места сержант ничего не увидел.

Картр вошел в открытую дверь. Судя по оборудованию, это было помещение медика. Почти в то же мгновение из внутренней двери появился высокий человек. Картр испробовал мысленный контакт и слегка расслабился. Это не агератанец и вообще не враг. В мозгу незнакомца он не прочел ничего, кроме доброй воли.

— У вас есть регенератор? — спросил Картр, доставая руку из перевязи.

— Есть. Другой вопрос, долго ли он будет здесь функционировать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Я доктор Ласило Тре. Перелом? — Пальцы его уже начали разматывать бинт, наложенный утром Зингой.

— Не знаю. Ух... — Картр затаил дыхание, когда Тре начал прощупывать воспаленное тело.

Врач усадил рейнджера рядом с установкой, велел вытянуть руку и направил на нее концентрированный луч. Картр почувствовал, как в руку впиваются невидимые жала. Дважды Тре выключал ток и осторожно ощупывал руку — и всякий раз недовольно качал головой. Лишь на третий раз он был удовлетворен. Картр осторожно поднял руку и согнул сначала пальцы, а потом кисть. Хотя ему приходилось уже однажды пользоваться регенератором — у него была сломана нога, — чудо восстановления не стало менее удивительным. Он снял перевязь и счастливо улыбнулся врачу.

— Лучше, чем новая, — заметил Тре. — Хотел бы я, чтобы вашего командира так же легко было вылечить, сержант...

Выбор! Картр почти забыл о командоре.

— Как он?

Тре нахмурился.

— Физические раны — их я могу вылечить. Но другие... Я не психосенситив. Он нуждается в лечении, которое здесь невозможно... разве что произойдет чудо и нас спасут...

— Вы не верите, что это может случиться?

— А разве нормальный человек может верить в это? — Но за этим ответом скрывалось что-то неясное. — Эта планета... эта солнечная система... ни на одной из карт в X451 ее не оказалось.

— Но строители этого города находились на высоком уровне, — указал Картр. — Разве не так?

— И да, и нет. В смысле технологии они продвинулись далеко. Но есть странные пробелы. Я знаю, что вы, рейнджеры, умеете исследовать другие цивилизации. Хотелось бы знать, что вы будете думать об этом городе, когда изучите его. Я заметил, что здесь нет космопорта и никогда не было. Может, жители этой планеты не знали космических полетов...

— Тогда что же случилось с ними?

Тре пожал плечами.

— Во всяком случае, это не второй Тантор. Мы удостоверились в этом, прежде чем войти в город. И мы не нашли останков людей. Как будто они однажды ушли, оставив город ждущим их возвращения. И город ждет. Конечно, есть следы времени. Эрозия. Но все механизмы укрыты, хорошо смазаны. Наши техники только и знают, что восхищаются качеством консервации.

— Значит, они собирались вернуться. — Картр задумался. — Может, на других континентах этого неизвестного мира сохранилась цивилизация?

— Если это и так, то им что-то помешало. Они ушли давно. Как рука, сержант?

Картр не удивился внезапному переходу. Он знал, что за ним у двери стоит Рольтх.

— Доктор Тре, рейнджер Рольтх. — Картр не забыл оглянуться перед представлением. Не нужно, чтобы Тре догадался, что он сенситив.

Врач принял салют фальтарианца.

— Рад познакомиться, рейнджер. Что-нибудь болит? Нужна помощь? Не нужна ли мазь от ожогов? Вы фальтарианец?

Губы Рольтха изогнулись в улыбке, которая стала еще шире от искреннего дружелюбия врача.

— Значит, вы понимаете мои затруднения, доктор?

— У меня был однажды пациент фальтарианец. Сильный ожог кожи. Я тогда поломал голову над мазями. Приготовил такую, которая помогла. Подождите минутку...

Он порылся в медицинском шкафчике в углу и начал разглядывать множество пластотюбиков.

— Попробуйте это. Смажьтесь перед выходом на прямой дневной свет. Это должно помешать раздражению.

— Спасибо, доктор. — Рольтх сунул тюбик в карман. — Пока серьезных проблем у меня нет. Вот у сержанта была для вас работа.

Картр помахал левой рукой.

— Как новая. Что я должен?

Тре рассмеялся.

— Кредитки не имеют здесь цены. Если наткнетесь на что-нибудь интересное по моей части, дайте мне знать. С меня будет достаточно. Рад в любое время служить Патрулю. Вы, парни, заслуживаете, чтобы штатские отдавали вам самое луч-

шее. Я слышал, вы будете охотиться. Есть возможность участвовать в одном из ваших походов?

Картр удивился. В вопросе звучала какая-то тревога. Тре смотрел так, будто пытался сообщить что-то... что-то жизненно важное для них обоих.

— Почему бы и нет? — ответил сержант. — Если мы пойдем. Я пока не получал приказа. Еще раз спасибо, доктор...

— Не за что. Рад был вам помочь. Мы еще увидимся...

Но что-то настоятельное необходимое оставалось несказанным. Глаза Картра расширились. Пальцы правой руки врача... они шевельнулись... еще раз... сложились в знак, который он хорошо знал. Но как... как и когда Тре узнал его? Автоматически Картр дал условный ответ, а вслух сказал:

— Если пойдем, мы дадим вам знать. Чистого неба...

— Чистого неба. — Врач ответил приветствием космонавтов.

За дверью Картр на мгновение сжал руку Рольтха. Фальтарианец немедленно начал говорить об охоте.

— Эти рогатые животные, которых мы видели на поляне, — говорил он, пока они поднимались по лестнице, — у них должно быть отличное мясо. Его можно засолить, если найдем запасы соли. И еще есть речные существа, о которых говорил Зинга. Его не нужно уговаривать идти за ними. — Фальтарианец рассмеялся так искренне, как будто не понял сигнала Картра и не говорил для чужих ушей. — Он больше съест, чем принесет с собой.

— Лучше не использовать бластеры, — вмешался Картр, как будто серьезно обдумывал этот вопрос. — Сжигают слишком много мяса. Силовые лезвия...

— Тогда придется подбираться ближе, — с сомнением заметил Рольтх.

Оба поднимались быстро. Кто-то шел за ними. Мозг Картра коснулся и тут же отпрянул. Их выслеживал кан-пес. Но они не побежали, хотя дышали тяжело, когда достигли вершины последнего пролета и увидели слегка приоткрытую дверь в башню. Как только они в нее протиснулись, Зинга с гневным рычанием захлопнул дверь.

— Значит, он за вами!

— Выслеживает. Пусть побродит вокруг. Ну, Рольтх, что сказала женщина? Чего она хотела?

— Она считала нас храбрыми героями, явившимися спасти их. Кумми скрыл наше прибытие, но пошли слухи, наша форма хорошо известна. Она пришла просить о помощи. Ситуация такова, как мы и думали. Кумми поставил себя в положение местного Главного Управления. Делай, что он велит, если хочешь есть. А если возражаешь слишком громко, исчезнешь...

— Много ли исчезло? — спросил Филх.

— Капитан X451 и еще трое или четверо. Исчезли и четверо пассажиров-бемми. Но по-другому. Я понял так, что они после посадки ушли в другую сторону, поняв, что их ожидает...

— Бемми! Какого вида? — Жабо Зинги поднялось за его головой. Он все еще стоял у двери, как бы прислушиваясь к чему-то по ту сторону.

— Я не мог добиться у нее. До посадки она их не видела. Это был лайнер с салонами двух классов. Сейчас существует партия Кумми, маленькая, но вооруженная и опасная, и партия анти-Кумми, плохо организованная и болтающая слишком много. Их вполне могут подслушать и лорд, и его слуга. Люди Кумми патрулируют. Специалистов: техников, медика — они держат рядом с собой. Одна из его главных угроз — кан-пес.

— Нас приглашали присоединиться к партии анти-Кумми? — спросил Филх.

— Не думаю, чтобы дошло до этого. Они считают, что Патруль возьмет верх. И знаете что... я думаю, именно это мы и должны были бы сделать, если бы послушались Картра... заставили бы их поверить, что у нас неповрежденный корабль и неповрежденный экипаж. Я вынужден был сказать женщине, что у нас нет власти. Но я сказал ей также, что рейнджеры держатся вместе.

— Возможно, они планируют дворцовый переворот, — пробормотал Картр. — Хорошо. Остаемся здесь, пока не узнаем больше.

— Откуда врачу известны знаки рейнджеров? — удивлялся Рольхт.

— Если будет возможность, я спрошу у него. Он тоже предложил нам ждать и держать глаза открытыми, а рот закрытым.

— И не только глаза... — Зинга прижал голову к поверхности двери. — Кан-пес подслушивает. А ну быстро думайте о чем-нибудь хорошем... для него!

Глава 9

КАРТЫ РАСКРЫВАЮТСЯ

— Нажимаешь эту маленькую кнопку... и... Прекрасно, не правда ли?

Картр согласился с закатанином. Вода, настоящая чистая свежая вода забила из крана, вмонтированного в голову чудовища, и потекла в бассейн. Он был достаточно велик, чтобы вместить Картра.

— Попробуй! — настаивал Зинга. — Я уже дважды выкупался. И хуже мне от этого не стало. — Он медленно повернулся, сгибая мышцы, и улыбнулся.

Рольтх прислонился к двери и подозрительно смотрел на воду.

— Могут ли наши друзья внизу прекратить доступ воды, если захотят?

— Трубы проходят в стенах. Если они их закроют, то, вероятно, лишат воды и себя. К тому же, если в их планы входит осада, мы будем дураками, если засидимся здесь больше, чем нужно, чтобы спуститься по внешней стене. Не портим удовольствие, — закончил он. — Или тебе нравится ходить грязным?

Картр разделся. В мешке у него была смена чистого белья, и он с наслаждением подумал, как наденет его.

— Интересно, на кого они были похожи... — Он пальцем почти коснулся воды. Гораздо приятнее, чем в горных ручьях.

— Кто? А, ты имеешь в виду создателей этого замечательного места? Ну, — Зинга указал на зеркальные стены, — они не стыдились посмотреть на себя. Интересно, отражались ли в этих зеркалах такие уродливые купальщики?..

Картр рассмеялся и плеснул водой в закатанина.

— Говори только о себе, Зинга. Мое лицо не испугает детей...

Правда ли это, вдруг подумал он и впервые критически взглянул на свое отображение в зеркале, расположенном вдоль всей стены вокруг бассейна.

Темно-коричневый космический загар выдавал его профессию. Конечно, волосы выглядели странно. Но чередование

светло-желтых и ярко-рыжих прядей было совершенно естественно для уроженца Илен. Два глаза, зеленых, слегка раскосых, прямой нос, уверенно очерченный рот — все нормально для человека.

— Слишком мелкие зубы...

Картр вспыхнул и увидел в зеркале, как краска ползет по щекам.

— Чтоб тебя разорвало, Зинга! Не можешь оставить в покое мысли человека?

— Восхищающегося собой? Но насчет зубов я не согласен... Большие зубы считаются у нас признаком красоты, ты знаешь...

Зинга, оскалив зубы, стоял перед зеркалом.

— А почему бы и нет? Красиво и полезно. Хотел бы я посмотреть, как хилые людишки участвуют в наших боевых дуэлях, без когтей, без настоящих клыков... ты не продержался бы и минутой!

— Красота в восприятии зрителя и обусловлена воспитанием, — объявил фальтарианец. — У народа Картра двуцветные волосы — и таков их идеал красоты. Моя раса, — он снимал шлем и тунику, продолжая говорить, — характеризуется белой кожей, белыми волосами, бледными глазами. Для нас эти качества необходимы, чтобы считаться красивыми.

— О, у вас всех есть чем ответить на вздохи девушек, — донесся из соседнего помещения голос Филха. — Почему бы не закончить это абсурдное плескание и не поесть? Такая глупая трата времени...

Но Картр отказался торопиться, и Рольтх так же искренне наслаждался открытием Зинги. Одевшись, они увидели в соседней комнате Филха. Он сидел на подоконнике открытого окна и обменивался криками с несколькими большими птицами.

— Опять сплетничает, — заметил Зинга. — А где же пища, которую нам так необходимо съесть? Ставлю два кредита, что он скормил ее своим друзьям!

— Вы этого заслуживаете. Но пища у вас перед носом.

Концентрированные рационы были вдвое безвкусней для тех, кто еще недавно наслаждался жареным мясом и свежими фруктами. Картр с трудом глотал, тоскуя о недавнем прошлом.

— Сейчас все пойдет обратно. — Зинга, естественно, рыгнул, проглотив последний кусок. — Филх не стал бы кидать это пернатым: он слишком любит птиц, а это убило бы их...

— Что мы здесь делаем? — Птицы с шумом улетели, а Филх спрыгнул на пол и закрыл окно. — Не следует здесь оставаться. Это мертвое место, и нечего стараться оживить его!

— Не беспокойся. Мы скоро покинем его. Давайте спустимся, согласимся поохотиться, как послушные рейнджеры, а потом уйдем — и не вернемся.

Картр посмотрел вверх. Он вполне понимал Зингу и хотел принять его предложение. И он разделял мнение Филха, что это мертвое место, возвращенное к неестественной жизни. Но... в городе женщины и дети, приближается холодное время года... если Кумми не солгал об этом. Может, фермеры и некоторые другие пассажиры смогут охотиться, но разве в состоянии они снабдить город всем необходимым? И эта женщина сегодня, она обратилась за помощью, она верила в них, потому что они носят значок кометы.

— Вот что, — сержант начал медленно, стараясь выразить в словах путаницу мыслей, рассмотреть вопрос всесторонне. — Имеем ли мы право уйти, когда в нас нуждаются? С другой стороны, выпады Кумми против бемми для вас опасны, и вы должны уйти...

— Почему?..

Зинга прервал Филха:

— Я понимаю тебя. Только позволь предупредить тебя, Картр, что бывают времена, когда человек... или бемми должен ожесточиться. Нам не нужно принимать решение немедленно. Хороший отдых...

— Несмотря на закрытую дверь, я предлагаю дежурить, — сказал Филх.

— Они попробуют добраться до нас по-другому. — Картр покачал головой.

— Мысленный контакт? — Рольх свистнул. — Тогда от меня и Филха мало толку.

— Верно. Придется нам с Зингой поделить ночь.

Последовали беспокойные часы. Трое спали в мешках, один, разувшись, ходил по комнатам, прислушиваясь и ушами, и мозгом. Ночь разбили на двухчасовые вахты, и Картр второй раз

отправился спать, когда Зинга окликнул его негромким шипением. Сержант увидел, что закатанин смотрит в открытое окно.

— Смит идет... по той крыше...

Закатанин был прав: ментальный рисунок связиста выдавал его. И только тренированный рейнджер мог его увидеть. Смит перебегал от тени к тени и использовал малейшее укрытие в лучших традициях Патруля.

— Я спущусь ему навстречу. — Прежде чем Зинга смог возразить, Картр перебрался через подоконник и начал спуск по кольцам. К счастью, ночь была обычная, и, если только за ними не наблюдают через специальный прибор, увидеть его невозможно, подумал Картр. Его мундир был почти такого же цвета, что и камень.

Пройдя один-два фута по крыше, сержант негромко свистнул условным патрульным свистом. После недолгого молчания послышался ответный свист, и связист подбежал к нему.

— Здесь Картр...

— Слава Духу Космоса! Я уже несколько часов пытаюсь связаться с вами!

— Что случилось?

— Люди... те, что против Кумми. Они восприняли наше появление как сигнал к борьбе. Идиоты! У него в каждом главном коридоре дисраптер, они не могут к нему подобраться. А этот кан-пес выбил двоих предводителей — уложил их спать, как вы Спина на корабле. Если они попытаются штурмовать штаб-квартиру Кумми, это будет настоящее убийство! Он закрыл Джексона с доктором... и техники под охраной. Он уничтожит оппозицию...

— Каковы его планы относительно нас?

— Под лестницей, ведущей к вашей башне, помещена силовая бомба. Если вы попытаетесь спуститься, конец! И они с кан-псом задумали что-то еще, чтобы выкурить вас отсюда...

Что-то еще! Если агератанец считает, что имеет дело с равным ему по силе сенситивом, он многое может придумать. Но против 8,6 да плюс Зинга нападение может обернуться ответным ударом.

— Я должен вернуться. — Смит поглаживал свой бластер. — Нужно удержать этих безумцев от нападения. Вы можете что-нибудь сделать?

— Не знаю. Попытаемся. Удерживайте своих людей, сколько можете. Может, мы сумеем изменить ход событий...

Смит слился с ночью. Если он будет на страже со своим ментальным блоком, это немалое подкрепление для восставших. Ни агератанец, ни кан-пес не смогут подобраться к нему. Картр вернулся в башню и обнаружил, что его ждут все рейнджеры.

— Это был Смит. — Как обычно, темнота не обманула Рольтха. — Чего он хотел?

— Против Кумми восстание. Заговорщики приняли наше прибытие за сигнал к восстанию.

— А Кумми, конечно, тем временем не спал спокойно. Что его весельчаки подготовили для нас?

— Да, — подхватил Рольтх вопрос Филха, — что нас поджидает?

— По словам Смита, силовая бомба под лестницей...

— Грубая игра. Знаете, мне кажется, пора внушить этим джентльменам здоровую почтительность к Патрулю...

— Где Зинга? — прервал Картр фальтарианца.

— Пошел, как он сказал, «слушать». — Филх прикрыл свой фонарик спальным мешком и начал считать дополнительные заряды для бластеров. К сожалению, эта работа не отняла у него много времени.

— Это все? — угрюмо спросил Картр.

— У вас заряжены бластеры, и по дополнительному заряду в поясах — если вы блюдете устав. Здесь все остальное.

— Хорошо. Получается по три на каждого и один лишний для Рольтха. Если предстоит ночная схватка, он к ней лучше всего подходит.

Фальтарианец тем временем занимался сбором рюкзаков. Если придется уходить быстро, все должно быть готово.

— Они расположили наши азросани в прихожей и, должно быть, охраняют их. Если мы выиграем...

— Если мы выиграем, — вмешался Филх, — можно просто пойти и взять его. Что там делает старая ящерица?

Картр тоже думал об этом. Он послал вопрос и немедленно получил ответ с сильным налетом опасности. Сержант схватил свои запасные заряды, сунул в карман и устремился вниз, в комнату с зелеными стенами. Зинга стоял, прижавшись к двери, как бы желая с ней слиться. Картр тоже стал «слушать».

Движение... недалеко... может быть, у основания лестницы. Два существа отступили, третье осталось. Это кан-пес. Почему они его оставили? Разве только...

Да, ответила вспышка мысли Зинги, они подозревают, что ты... или я не то, чем кажемся. Но всей правды они не знают, иначе не оставили бы кан-пса. После того, как ты с ним справился. Они об этом не знают...

Или он — приманка? Картр мысленно спросил об этом Зингу, наслаждаясь свободой обмена, о которой он всегда мечтал, но никогда не испытывал.

Посмотрим. На сей раз это моя задача — брат!

Картр мысленно отпрянул и сосредоточился лишь на том, чтобы обнаружить приближение других. Он чувствовал, как напруглось тело закатанина, и догадался, что испытывает Зинга.

Как будто они были вне времени. Картр не знал, долго ли продолжалась эта беззвучная битва, прежде чем дал предупреждение.

— Идет еще один. — Он сказал это вслух, не решаясь нарушить мысленный заслон.

Зинга со свистом вздохнул.

— Он был приманкой, — сказал он тоже вслух. — Его ментальная сила почти истощилась. Но не в том смысле, как мы боялись. Он все время был под наблюдением. Если бы вопреки приказу он отступил, они бы узнали, что мы достаточно сильны, чтобы контролировать его. Они подозревают это... но точно не знают.

— Ты говоришь «они». Значит, против нас не только Кумми и кан-пес?

— Кумми научился аккумулировать ментальную энергию других. Сколько именно, не знаю. Если 5 и 9 может делать это...

— На что же он способен с усилением? — Большая часть уверенности Картра исчезла. Сможет ли он дальше с помощью Зинги противиться Кумми?

— Я предлагаю, — сухо сказано Зинга, — чтобы мы использовали бластеры как наступательное оружие.

— Но чтобы применить их, нужно выбраться отсюда. А если мы уйдем, этот внизу тут же узнает.

— Остается лишь одна возможность — разделить. Вы с Рольтхом выберетесь наружу и посмотрите, что можно сделать

в суматохе. Мы с Филхом будем удерживать крепость и постараемся думать за четверых.

Картр понимал разумность этого предложения. У него с Рольтхом, как у людей, больше шансов добиться взаимопонимания с восставшими. В то же время рейнджеры бемми будут в безопасности от бессмысленной стрельбы.

Спуск на крышу, по которой приходил Смит, оказался удивительно легким. Они надели сапоги и стали пробираться, укрываясь в тени. Достигнув парапета, Рольтх выглянул. Потом опустил и прижался губами к уху Картра.

— Этажом ниже карниз. Он ведет к освещенному окну. Стена отвесная. Не думаю, чтобы в комнате ожидали появления кого-нибудь из окна.

— А как ты доберешься до карниза?

— Свяжем пояса и перебросим вот так... сюда. — И фальтарианец указал на заостренное украшение парапета.

Картр представил себе, каково висеть на отвесной стене, но ничего не сказал.

— Хорошо, что мы оба высокие. — Рольтх скрепил свой пояс с поясом, неохотно поданным сержантом. — Низкорослый человек не смог бы.

Фальтарианец закрепил один конец импровизированной веревки за выступ и забрался на парапет. Держась под углом к стене, он начал спуск. Картр вцепился в край и заставил себя смотреть, как он передвигается. Рольтх остановился, и ремень свободно скользнул в руке сержанта.

Не так искусно, как Рольтх, Картр проделал то же самое, не отрывая взгляда от стены и стараясь не думать о темноте внизу. Казалось, он спускается целую вечность. Но тут его подхватил Рольтх. Ноги Картра ступили на карниз. Он оказался гораздо шире, чем видно сверху.

— Есть кто-нибудь в комнате? — спросил Рольтх, когда они подползли к окну.

Картр послал мысль.

— Не в комнате... где-то поблизости...

Фальтарианец ответил смехом.

— Мы почти так же хороши, как пернатые друзья Филха. Готово! — Он ухватился за раму и потянул, упираясь в оконный переплет коленом. Окно со слабым скрипом подалось, и

Рольтх легко приземлился на обе ноги. Секунду спустя к нему присоединился Картр.

Они оказались в жилой комнате. Груда постельного белья лежала на кровати, очевидно, принесенной с корабля. Два дорожных валкунитских чемодана стояли у стены. Стол, тоже с корабля, был завален чьими-то вещами.

Рольтх сморщился:

— Что за вонь! — заявил он.

Картр старался вспомнить, где ему уже встречался этот слишком сладкий цветочный запах.

— Фортус Кан! — Когда утром они встретились с секретарем в коридоре, он тоже почувствовал этот аромат.

И тут же, как будто услышав призыв, секретарь лорда вице-сектора стал двигаться к ним. Картр прижался к стене у двери, и Рольтх, увидев его действия, проделал то же самое по другую сторону.

В мозгу человека, возившегося со сложным замком двери, царил страх. Фортус Кан боялся. Замок тоже подводил его. Раздражение взяло верх над страхом, и, когда дверь открылась, Фортус Кан пнул ее. С такими откровенными эмоциями Картру легко было...

Картр позволил Кану сделать четыре шага, потом захлопнул дверь. Фортус Кан повернулся — и увидел стволы двух смертоносных патрульных бластеров. Сопротивление его было немедленно сломано.

— Прошу вас! — Руки он поднес ко рту. Отступая, Кан не видел, куда идет. Койка ударила его под колени, и он опустился как бескостное существо с Лидии 5.

Когда Картр подошел к нему, маленький человечек съехался, как будто хотел зарыться в постель.

— Можно подумать, Картр, что у этого джентльмена нечистая совесть...

Слова Рольтха произвели на Фортуса Кана впечатление удара центурианского рабовладельческого хлыста. Кан перестал жаться к постели, застыл с дрожащими губами, глаза его остекленели. В них был только страх.

— Прошу вас... — Стоило вытолкнуть первые слова, как они полились из секретаря неудержимым потоком. — Я не имею к этому отношения... Я не виноват. Я советовал не враждовать с

Патрулем. Я знаю закон... У меня двоюродный брат работает в вашем штате на Сексти. Я никогда не пойду против Патруля... Никогда! Я не имею с этим ничего общего!

Страх его был так очевиден, что почти физически заполнил комнату. Но чего он боялся? Силовой бомбы? Был только один путь узнать правду. И второй раз в жизни Картр безжалостно вторгся в мозг человека, узнавая необходимое — отчасти. Кан всхлипнул, затих. Теперь он будет тих. Картр отвернулся. Нужно немало сделать. Жаль, что Кумми не доверил маленькому человечку многое, в его информации большие пробелы. Они могут оказаться смертельными для рейнджеров.

Сержант подошел к Рольтху.

— Под лестницей действительно лежит силовая бомба. И кан-пес должен выманить нас туда и взорвать. Прежде чем это произойдет, всех уведут с верхних этажей. Кан вернулся сюда за какими-то вещами. Лестница охраняется...

— Мы можем прорваться... только шумно будет.

— Да. Меня удивляет, зачем эти лестницы. Ведь у них были гравитационные лифты. Странно... и, может быть, очень важно.

— Это общественное здание, — напомнил ему Рольтх. — Лестницы могли использовать для церемоний. Ополти, например, летают всюду, кроме храма Аффида. Как будто других выходов вниз нет. А как наши парни? Если кан-псу надоеет их ждать, он может просто взорвать бомбу...

— Да...

Картр стоял неподвижно. Он отгораживался, сначала от коридора, потом от этой комнаты, от Рольтха, Фортуса Кана, от себя самого. Он сделал это! Его мозг коснулся мозга Зинги! Он предупредил. И вот он снова в неряшливой комнате, ошеломленно трясет головой, видит прислушивающегося у двери Рольтха. Люди... двое... трое... идут по залу, прямо к этой комнате!

Глава 10

БИТВА

От резкого стука в дверь оба рейнджера застыли.

— Кан! Уходим немедленно! Выходи!

Но Фортус Кан был погружен в собственный мир.

— Кан! Эй, придурок, выходи!

Картр вступил в контакт. Юный корабельный офицер, которого он встретил утром, и еще двое — люди, не сенситивы.

Их подгонял страх. И страх победил. Немного поспорив — их голоса доносились из-за двери как бормотание, — они ушли. Рольтх скользнул к окну и осмотрел то, что находится внизу.

— Нужно уходить быстро? — спросил он, не оборачиваясь.

— Они боятся, слишком боятся, чтобы мы могли задерживаться.

— Внизу еще одна крыша, но слишком далеко, чтобы добраться без присосок.

— Обойдемся без присосок. — Картр передвинул Фортуса Кана и начал разрывать простыни на полосы, которые Рольтх связывал друг с другом. Работая быстро, но тщательно проверяя каждый узел, они изготовили грубую веревку.

— Ты первый, — приказал сержант. — Потом этот. — Он коснулся Кана носком сапога. — Я пойду последним. Пошли. И быстрее. Они слишком торопились, чтобы мы могли задерживаться.

Не успел он кончить, как Рольтх уже исчез. Картр свесился из окна, но фальтарианец так быстро скрылся во тьме, что лишь движения веревки сообщили, что он благополучно приземлился. Картр втащил назад неуклюжую веревку. Его подгоняло беспокойство. Привязав веревку под мышками Кана, он взвалил вялое тело секретаря на подоконник и начал опускать как можно медленнее, пока резкий рывок не сказал ему, что Рольтх перехватил тяжесть. Картр не стал дожидаться, пока Рольтх отвяжет Кана, и начал спуск.

И как только ноги его коснулись крыши, внизу это произошло. Вначале не было звука. Но крыша под ними подпрыгнула. Он упал и закрыл лицо руками, не решаясь взглянуть наверх. Да, силовая бомба. Однажды он попал в воздушную волну такой бомбы. Успели ли Зинга и Филх? Он решительно изгнал из мозга страх. Кан негромко застонал. Рольтх?..

И тут же послышался голос фальтарианца:

— Ну и зрелище! Кумми любит грубую игру.

Сержант сел. Он дрожал — может быть, это реакция на лихорадочный спуск, — но, подумал он, главным образом из-за гнева, который охватывал его, когда он думал об агератанце.

Этот гнев необходимо подавить, иначе сенситив обратит его в оружие против самого Картра.

— Как нам выбраться отсюда? — Придется полагаться на способность Рольтха видеть в темноте. Потому что теперь их окружала настоящая тьма. Танцующие огни города погасли. Рейнджеры находились в центре абсолютной черноты.

— Над нами окно — можно дотянуться. А как наш пленник? Поташим с собой?

— Он проснется утром. Занесем в помещение и оставим. Вряд ли они взорвут другую бомбу.

— Нет, если не хотят обрушить себе на голову весь город. Пошли. Если ты возьмешь Кана за ноги, я подниму ему голову.

Картр брел, доверившись руководству Рольтха. Они добрались до окна, открыли его и втащили бесчувственную ношу.

— Разве мы в том же здании? — спросил сержант. — Мне казалось, что оно в другой стороне.

— Ты прав. Мы в другом здании. Но это самый легкий и быстрый путь. Как парни, успели выбраться?

Картр еще раз попытался связаться с Зингой, послав вспышку мысли. На какую-то радостную долю секунды ему показалось, что он вступил в контакт, потом все исчезло. Он не осмеливался пробовать дольше. Кан-пес, если это существо выжило, или даже сам Кумми могли уловить его сигнал.

— Бесполезно, — сказал он Рольтху. — Не могу связаться. Но это не означает, что нужно беспокоиться. Они могут быть слишком далеко. Мы ведь не знаем законов ментального восприятия и как далеко оно простирается. А может, они затаились, потому что агератанец близко. Но до взрыва я связался с Зингой, и у них было даже больше времени, чем у нас, чтобы спастись.

Конечно, Картр знал, что не очень следует надеяться на это. Но для таких ветеранов, как Филх и Зинга, этого вполне достаточно.

— Попытаемся найти Смита?

— Думаю, стоит. Или свяжемся с восставшими. — Картр вцепился в пояс Рольтха и позволил фальтарианцу вести себя сквозь темные комнаты и коридоры, пытаясь сохранить хоть какое-то чувство направления.

— Уровень улицы, — послышался долгожданный шепот.

— Я думаю, мы выходим на улицу, которая проходит перед фасадом штаб-квартиры Кумми...

Но прежде чем Рольтх смог ответить, яркий луч блеснул во тьме, и оба невольно пригнулись.

Выстрел из бластера! И еще один. А после третьего послышался приглушенный крик.

— Сражаются, — подтвердил очевидное Рольтх. — А которая сторона наша?

— Пока никакая. Я не хочу ошибиться и быть поджаренным, — угрюмо ответил Картр. — Один слева от нас... приближается. Я попытаюсь связаться с ним, когда он будет проходить. Посмотрим, кто это...

Вспышки продолжали с интервалами освещать улицу. Криков не было. Целились либо плохо, либо очень хорошо.

Показался снайпер.

— Мундира нет, — сообщил Рольтх. — Похож на штатского. Но умеет обращаться с бластером. Может быть, ветеран секторной войны...

— Это не человек Кумми, но... — у Картра не было времени для предупреждения.

Человек не был сторонником Кумми, но он уловил пробную мысль Картра немедленно. Такое с Картром не случалось. Бластер был направлен на рейнджеров.

— Патруль! — крикнул Рольтх.

Бластер дрогнул, но продолжал целиться.

— Выходите, руки вверх! — приказал хриплый голос. — Стреляю без предупреждения!

Картр и Рольтх повиновались, прижимаясь к земле, так как другие бластеры продолжали огонь.

— Кто вы, во имя Космоса?

— Рейнджеры Патруля. Пытаемся отыскать Смита, нашего связиста...

— Да? — в голосе звучало глубокое подозрение. — Что ж, вы его сейчас увидите. Идите в этом направлении. Я за вами, и если попробуете бежать...

Следуя приказу, они пришли к темной двери.

— Тут ступеньки, — предупредил Рольтх товарища.

— Точно, — добавил голос сзади. — Спускайтесь и помалкивайте!

Пять ступенек привели их к преграде.

— Постучите быстро четыре раза, подождите секунду и повторите! — послышался приказ.

Рольтх повиновался, и дверь отодвинулась в сторону. Они выбрались из плотной занавески и оказались в тускло освещенном зале. Два человека недружелюбно смотрели на них. Бластер был направлен на них. Но когда свет блеснул на кометах, напряжение разрядилось. Один из мужчин подошел ближе.

— Снимите шлемы, — приказал он.

Рейнджеры повиновались и замигали от направленного в лицо фонарика.

— Все в порядке. Они не от Кумми. Должно быть, действительно Патруль. Отведите их к Кровли. Как дела наверху?

— Лежим на животе и стреляем. Они тоже. Но нам удалось перерезать информационный кабель. Сейчас они не могут пустить против нас роботов. Пока равновесие, — ответил задержавший рейнджеров человек. — Ну, я пошел.

— Добудь мне игита, Грол!

— Сделаю. Поджаришь его на сковороде. Благополучной посадки!

— И чистого неба! — Один из стражников закрыл дверь и расправил складки импровизированного затемнения. Второй ткнул пальцем в рейнджеров.

— Сюда.

Они прошли по коридору в большую комнату, полную людей. Несколько человек доставали из ящиков металлические детали, двое сидели за столом из ящиков, а трое в дальнем углу ели. Рейнджеров подвели к двоим за столом. Один из сидящих поднял голову и вскочил. Это был Смит.

— Действительно равновесие. — Связист провел рукой по волосам.

Картр и Рольтх изучали лежавшую на столе грубую карту.

— Мы закрыли их в здании штаб-квартиры. Кстати, они взорвали башню? Мы чувствовали толчок...

Сержант кивнул.

— Если у Кумми есть дисраптеры, — сказал он, — не понимаю, почему он позволяет горстке снайперов удерживать себя. Он может прорваться в любое время.

— Но Кумми не хочет пробивать большие дыры в своем городе, если этого можно избежать, — отозвался стройный человек средних лет, сидевший со Смитом за столом, когда привели рейнджеров. Он потянулся и улыбнулся. — А снайперов трудно засечь.

— Не для сенситива, — возразил Картр. — Дайте мне пять минут, и я ткну пальцем в каждого вашего человека. Кумми нужно только выслать своего кан-пса и...

Улыбка Кровли исчезла, как стертая грубой рукой.

— Вы правы, сержант, — спокойно ответил он. Но за этим спокойствием чувствовалось напряжение.

— Может, у лорда Кумми мало зарядов для дисраптера? — вмешался Рольтх.

— Это нам тоже приходило в голову, — ответил Кровли. — Но проверить это затруднительно. Со второго дня после посадки Кумми контролировал все вооружение. У нас оставалось только личное оружие. У него не было повода его отбирать. Вся эта заваруха произошла из-за того, что Кумми соображает быстрее остальных. И он не упустил возможности завладеть оружием! Мы, конечно, можем напасть на штаб-квартиру Кумми, но если у него есть дисраптеры — это конец. К тому же у него два сенситива, а у нас...

— Тоже два, если я свяжусь с Зингой. А среди ваших людей? Кровли покачал головой.

— Мы были обычной толпой среди горожан, каких можно найти везде на территории Управления. Кумми вместе с оружием забрал всех наиболее полезных.

Рольтх изучал карту. Вдруг он поставил указательный палец в центр прямоугольника, обозначающего крепость Кумми.

— Я вижу, у вас не отмечен туннель...

— Какой туннель? — спросил Кровли.

Смит кулаком стукнул по столу и выругался от боли.

— Я трижды идиот! — крикнул он. Объяснение Картра превало его.

— Теперь все зависит от того, обнаружил ли Кумми эти подземные ходы, — закончил сержант.

— Он о них не знает, я почти уверен в этом! Никто из нас не слышал о них. Может, техники их и обнаружили, но держали в тайне.

Рольтх поднял голову.

— Если это так, мы можем проникнуть в самый центр осинового гнезда.

— И появимся среди них неожиданно, — возбужденно воскликнул Смит.

— Нужно подобрать подходящих людей, — предупредил Картр, не разделяя энтузиазма Смита. — Вы подходите, Смит. Ваш ментальный блок нельзя пробить. Но остальные... Нам нужны люди, с которыми не смогут справиться кан-пес и Кумми. Возьмем человека, который привел нас. Он не сенситив, но уловил мою мысль и тут же обнаружил нас.

— Должно быть, это Норгот. У него есть основания защищаться от вторжения в мозг. Он один из заложников Сатсати...

— Вот как! — Рольтх отдал должное. — Неудивительно, что он почувствовал, когда ты прощупывал его, Картр. Прекрасный кандидат для абордажной команды.

«Абордажная команда!» — вскользя подумал Картр. Странно, как космические термины вторгаются в их речь, даже когда они прикованы к поверхности.

— Да, — вслух сказал он. — Кто еще?

Кровли поманил одного из кончавших еду.

— Вы сенситив, сержант. Предоставляю выбор вам.

В конце концов они отобрали восьмерых с ментальным блоком разной мощности. Картру не хватало Зинги и Филха, но до сих пор о рейнджерах-бемми ничего не было слышно, хотя патрули восставших были предупреждены о них.

И вот десять человек один за другим спустились в гравитационный колодец, ранее обнаруженный рейнджерами. У платформы ждал единственный экипаж. В нем с трудом могли поместиться трое. Рольтх сел за руль, и экипаж несколько раз проделал путь туда и обратно. Наконец они стояли у плиты подъемника под штаб-квартирой Кумми. Картр не заметил следов пребывания других посетителей после них с фальшарианцем.

Его теперь интересовали две остановки лифта, подмеченные ранее. Если их поджидают сверху, разумнее остановиться раньше. И он нажал нижнюю кнопку на стене. На плите подъемника уместились пятеро. Они ухватились друг за друга, когда плита взмыла вверх.

Их опора остановилась во тьме; Картр проследил, чтобы все сошли, и отправил плиту вниз. Потом осмелился посветить фонариком.

Они стояли на карнизе, от которого во тьму уходила рампа. Поверхность карниза покрывал толстый слой пыли, которого, очевидно, никто не касался целые столетия. Да и мысленное проникновение говорило ему, что, кроме них, здесь поблизости никого нет. Кумми, очевидно, не подозревал об этой брешии в своей обороне.

Волна сжатого воздуха возвестила о прибытии плиты. С нее сошли Смит, Рольтх и остальные трое повстанцев. Рольтх выглянул в шахту и посмотрел вверх.

— Все в порядке. Шахта закрывается, когда подъемник касается дна. Если в этот момент никто не следил, они никогда не узнают.

Картр выключил фонарик, и Рольтх повел всех. Каждый держался за пояс предыдущего, образовав цепочку. Вначале рампа спускалась круто, но постепенно становилась все более полой, и наконец они оказались в большой комнате. Стена отделяла их от гула машин. В перегородке виднелся проход, совершенно незаметный с противоположной стороны. Картр был убежден, что ни рампа, ни шахта не были обнаружены людьми Кумми. В то же время он почувствовал присутствие человека и узнал его.

— Дальтр!

Сержант поманил Смита.

— Там Дальтр... еще с кем-то, может быть, с охранником, если только он не присоединился к Кумми. Вам легче заговорить с ним. А я вас прикрою...

Связист ответил быстрым кивком и сигналом велел остальным повстанцам оставаться на месте. Вместе с Картром они перебежали от одной гигантской машины к другой, пока не увидели освещенный участок. Тут перед контрольным щитом сидел

Дальтр, а в нескольких футах от него — человек в мятом мундире с лучевым ружьем в руке.

Картр тронул Смита за плечо, потом указал на себя и влево, на обходной путь, который в случае удачи приведет его к охраннику. Как тень скользнул он мимо машин, назначения которых не понимал, пока не оказался за охранником. Со своего места он видел верхушку шлема Смита.

Связист смело вышел вперед, и в то же мгновение Картр прыгнул, ударив рукоятью бластера по правой руке охранника. Тот вскрикнул и согнулся, выпустив ружье, которое отлетело на несколько футов. В ту же секунду Дальтр подхватил его и был готов к стрельбе. Но тут он увидел Смита и не нажал на курок.

— Прекрасно, — заметил Смит. — Можно подумать, что специально тренировались. Я так понимаю, что вы не приверженец Кумми, Дальтр.

Патрульный оскалил зубы.

— А что, похоже? Они нуждаются во мне, поэтому я еще жив. Но Спина и командора они сожгли из бластера... а может, и Джексена...

— Что? — воскликнули патрульные в один голос.

— С час назад. Я слышал, что Джексен и врач забаррикадировались в заднем крыле. Это сумасшедший дом. Но мы напомним этим идиотам об уважении к значку кометы! Если бы не кан-пес... Он знает все: где мы и что делаем.

Охранника привязали его собственным поясом к скамье у контрольного щита. Картр взглянул на множество циферблатов.

— Что-нибудь здесь можно сделать в нашу пользу?

Дальтр с сожалением улыбнулся.

— Боюсь что-либо менять. Я ведь не настоящий техник. И мне дали лишь полчаса на ознакомление. Если я поверну не тот рычаг, все может взлететь на воздух. Плохо. Если бы мы знали, как действуют эти машины, то без труда выкурили бы их из здания.

— Как мы отсюда выберемся? — спросил кто-то из повстанцев.

— Антигравитационный лифт. — Дальтр подвел их к нише за контрольным щитом. — Но вверху ждет охранник, и он за-

подозрит неладное, если мы поднимемся раньше, чем кончится моя вахта.

— А долго ли ждать?

Дальтр взглянул на наручные часы.

— Полчаса.

— Мы не можем столько ждать, — решил Картр. — Есть ли другие остановки у лифта?

— Нет.

— Но есть кое-что другое... — Рольтх осматривал внутренности шахты. — Тут опоры для рук и ног — вероятно, на случай аварии. Можем взобраться...

И они взобрались. Картр ощутил присутствие вверху незнакомца-стражника, о котором предупреждал Дальтр. Дальтр же и предложил выход.

— Я окликну его...

Сержант прижался к стене колодца, пропуская вперед патрульного. Чуть спустя они услышали, как Дальтр окликнул стоящего вверху.

— Дайте руку...

— Что случилось?

— Я не техник... пошлите одного из ваших... одна из этих проклятых машин сошла с ума. Может взорваться или еще что-нибудь!

Дальтр преодолел последние футы подъема и выбрался из шахты.

— Где Таленг? Почему он не явился с сообщением? — охранник явно что-то заподозрил.

— Потому что... — Картр слышал начало ответа Дальтра, потом — звуки борьбы.

Сержант проскочил последние опоры и вылетел из отверстия. Дальтр боролся с охранником за обладание лучевым оружием. Картр бросился вперед, уронив обоих сражающихся. Они упали на него, и он ударился с такой силой, что у него перехватило дыхание.

Несколько минут спустя туман вокруг начал расходиться. Охранник лежал у стены связанный, с кляпом во рту, а Рольтх, склонившись над сержантом, сдавливал его ребра, производя искусственное дыхание. Смит, Дальтр и повстанцы исчезли.

Рольтх ответил на вопрос, который не смог еще задать сержант.

— Я не мог удержать их.

— Но... — слова с трудом вырывались у Картра... — Кумми... кан-пес...

— Они не очень верят в силу сенситивов, — напомнил Рольтх. — Хотя и видели демонстрацию, но все равно отказываются верить в очевидное. Таково большинство людей...

— Это правда. К счастью для нас...

Картр застыл, не закончив фразы. Потом повернулся к фальтарианцу и указал на дверь за ним.

— Быстро туда и попробуй удержать этих глупцов, а то их всех перестреляют. Их ждет опасность...

Он смотрел, как уходит Рольтх. Картр надеялся, что фальтарианец не будет задавать вопросов. Конечно, опасность, но сзади, и ближе с каждой секундой.

Приближается Кумми... и Картр знал, что их ждет битва, решительная и беспощадная, невидимая битва, в которой невозможно рассказать о победе.

Глава 11

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Картр лежал на спине, глядя в свинцовое небо, иглы дождя били его по глазам и коже. Тело от холода онемело. Откуда-то поблизости доносилось всхлипывание. Потом, спустя долгие минуты, он понял, что всхлипывает он сам. Но не мог остановиться и не мог унять дрожь, которая сотрясала все тело. Он заставил свои руки двигаться, и они с трудом ощупали рваную одежду и ноющие ссадины на теле.

Потом он попытался сесть. Голова у него закружилась, яркий мир накренился. Но он увидел скалы, колючие кусты, окружающие его. Мозг начал осмысливать увиденное. Глаза остановились на крови, медленно сочащейся из пореза на боку. Он принял реальность боли, камня, на котором лежал, кустов... Все это было частью мира...

Какого мира?

Этот вопрос оживил жгучее пламя в мозгу. Он съежился и постарался не думать, а дождь смыл кровь с груди. Пока не думаешь, все хорошо. Что-то коснулось его мозга, и он осознал жизнь поблизости. Из кустов высунулась мохнатая морда, круглые глаза животного, не мигая, уставились на него, холодное любопытство коснулось мозга. Он послал молчаливую просьбу о помощи — голова исчезла.

Тут он застонал, и его непослушные руки обхватили кружащуюся голову. Он знал, что помощи не будет. Незримый барьер отделял его от прошлого. Воспоминание было мучительно, и он отшатнулся от него.

Но где-то в глубине памяти сохранилось жесткое ядро сопротивления. Оно заставляло напрягаться. Тяжело дыша, всхлипывая, он подтащил ноги и, цепляясь за камень, встал сначала на колени, а потом и на ноги.

Потеряв равновесие, он упал с крутого берега в ручей. Выбравшись из воды, скорчился у высокой скалы, борясь с воспоминаниями.

Они были отчетливыми и яркими, слишком отчетливыми, слишком яркими.

Он находился в незнакомом здании, окруженный высокими стенами, и ждал, ждал страшной опасности. Она приближалась, неторопливо, целеустремленно. Он чувствовал биение силы, окружавшей ее. Он должен сражаться. И в то же время он знал каждый ход будущего сражения, знал, что проиграл.

Это было столкновение воли, схватка ментальных сил. Неожиданно он почувствовал уверенность в своей мощи.

Другой мозг присоединился к мозгу противника, злобный мозг, оставлявший за собой нечистый след. Но и вдвоем они не смогли сломить его барьер. Он некоторое время защищался, потом ударил. Под этим ударом злой мозг дрогнул, отшатнулся. Но он не решился преследовать отступающего: второй мозг продолжал бороться. И тут первый мозг начал просить, обещать...

— Иди с нами. Мы похожи. Объединимся и будем вместе править этим глупым стадом. Никто не сможет противиться нам!

Он, казалось, прислушивался. На самом деле он готовился. Оставался еще один неиспробованный ход.

И вот он опустил барьер, только на мгновение. С криком триумфа злой борец устремился вперед, и он позволил это. Но когда противник зашел слишком далеко, чтобы отступить, он повернулся, окружил его и начал сокрушать. Послышался вопль, только мысленный. Зло было уничтожено, как будто никогда и не существовало.

Но второй, тот, что манил и обещал, ждал этого. И в момент победы он ударил, и не только своей силой, но и добавочной, сохраненной в резерве.

Он боролся, отчаянно, тщетно, зная, что обречен. И был сломлен, а противник, тоже истощенный, но торжествующий, овладел им. Воля его была зажата, связана, а тело повиновалось врагу.

Он, как машина, шел по темному коридору, шел целеустремленно, с бластером в руке, с пальцем на курке. Внутри у него все молча кричало: он знал, что ему предстоит сделать.

По широкому открытому пространству метались вспышки бластеров. Его послали сюда, по ту сторону этого пространства, к аэросаням рейнджеров. Против своей воли он двигался вперед, от одного укрытия к другому.

Он видел, как падают люди; тот, кто мысленно путешествовал вместе с ним, гневно рычал. Оппозиция побеждала, побеждали его друзья.

Еще одна перебежка приведет его к аэросаням. И, раздумывая, почему тот, кто управляет ими, так отчаянно этого хочет, он прыгнул. Но двое, скрывшиеся в тени, удивленно смотрели на него. Он знал их — но рука его поднялась, и он выстрелил. Изумленный выкрик резанул его слух, когда он взбирался на сиденье и хватался за управление.

Он резко поднял машину, и перегрузка прижала его к сиденью, лишила дыхания. А тот, другой в его мозгу определял курс, и аэросани по спирали устремились все выше и выше, пока не коснулись балкона высоко над головами сражающихся, и тот, кто управлял его волей, прыгнул с балкона в аэросани.

И чужая воля повела его на максимальной скорости из города, к горизонту, где проблески предвещали рассвет. Хотя он повиновался приказу, но продолжал бороться. Бесшумная, неподвижная схватка длилась над древним городом, воля против воли, сила против силы. И Картру показалось, что другой

уже не так уверен в себе, что он защищается, довольствуется достигнутым и не стремится усилить свой контроль.

Как это кончилось — эта борьба в небе? Картр опустил раскалывающуюся от боли голову на камень у ручья и тщетно пытался вспомнить. Но не смог. Он помнил только, что он... он сжег из бластера Зингу! Благополучно вывез Кумми из города! Предал тех, кто верил в него. Он закрыл глаза и постарался забыть все, все!

Измученный, он, должно быть, снова уснул. Потому что, когда открыл глаза, его ослепило отраженное в воде солнце! Он был голоден — и этот голод возродил тот же инстинкт самосохранения, который раньше привел его к воде. Руки по-прежнему плохо слушались его, но он умудрился поймать под перевернутым камнем какое-то животное. И там были еще.

К вечеру он встал и пошел вдоль воды. Потом упал и не пытался встать. Может быть, спал, но очнулся оттого, что его позвал Зинга. И тут же его охватило отчаяние. Зинга погиб. Он закрыл руками глаза, но не мог изгладить из памяти лицо закатанина в тот момент, когда он оказался под лучом бластера Картра.

Лучше не продолжать идти. Оставаться на месте, пока он не перейдет в мир, где его не сможет преследовать память... Он так устал!

Но тело отказывалось признавать это; оно поднималось и брело дальше. Ручей вывел его на широкую равнину, где высокая желтая трава путалась у ног и бесчисленные маленькие существа убегали с дороги. Потом ручей слился с рекой, широкой и мелкой, из которой торчали сухие верхушки скал.

У воды начали подниматься утесы. Он карабкался, падал, скользил. Он потерял представление о времени. Но не решался оставить реку — слишком хороший источник еды и питья.

Он лежал, вытянувшись, на скале у воды и пытался поймать одно из водных существ. И вдруг закричал. Кто-то коснулся его мозга! Руками он зажал рот, чтобы защититься от повторного зова.

Но зов пришел. Картр не мог избежать чужого прикосновения, оно впивалось в его мозг, задавало вопросы, требовало... Кумми! Кумми снова пытался захватить его, использовать...

Картр скатился со скалы, разорвал кожу на руке и побежал. Прочь! Подальше от Кумми... подальше!..

Но мозг следовал за ним, спастись от контакта было невозможно. Он нашел узкое ущелье, отходящее от воды, заросшее шиповником, занесенное паводковым мусором. Не обращая внимания на царапины, он втиснулся в ущелье.

Оно кончалось небольшой пещерой под нависающим утесом. Он заполз туда, ребенок, спасающийся от чудовища из темноты. Свернулся, зажав руками голову, стараясь ни о чем не думать, воздвигнуть барьер, через который не сможет прорваться охотник.

Вначале он слышал только отчаянное биение собственного сердца, потом послышался другой звук — свист воздуха, рассекаемого аэросанями. Контактирующий мозг приближался. Картр не мог объяснить, что так испугало его. Наверное, воспоминание о том, как власть другого заставляла его убивать своих. То, что Кумми сделал однажды, он может повторить.

И этот страх был верным союзником врага. Страх ослабляет контроль. Страх...

Зажав виски руками, чувствуя во рту вкус земли, Картр пытался подавить страх.

Он слышал крик, треск кустов. Кумми приближался к ущелью!

Рейнджер с рычанием выглянул из пещеры. В руках он сжимал обломок камня. Его выслеживают, как зверя, но зверь будет сражаться! И агератанец не ожидает физического нападения, он верит, что его добыча беспомощно ждет прихода хозяина.

Картр устроился удобнее, опираясь спиной о скалу. Хорошее оружие, подумал он, взвешивая камень в руке, подходящего размера и веса. И держать удобно.

— Картр!

Звук, который он испустил в ответ на этот призыв, был криком животного, увидевшего приманку.

Его имя... Кумми осмелился использовать его имя! И агератанец даже подделал голос. Хитрый дьявол! Иллюзии — как хорошо его искусный мозг умеет создавать их!

Две фигуры появились перед ним. Камень выпал из пальцев.

Неужели Кумми контролирует и его зрение? Неужели агератанец может заставить его видеть?..

— Картр!

Он снова потянулся за камнем. Бежать... но куда?

— Кумми?.. — Он почти хотел поверить, что это хитрость агератанца, что на самом деле он не видит эти две приближающиеся фигуры, этих улыбающихся людей в мундирах рейнджеров.

— Картр! Наконец мы тебя нашли!

Они нашли его. Почему же не стреляют? Чего ждут?

— Стреляйте! — Он думал, что выкрикнул это. Но лица их не менялись, они продолжали приближаться. И он знал, что, если они коснутся его, он этого не перенесет.

— Картр? — спросил другой голос с конца ущелья.

Он дернулся от этого звука, как будто силовое лезвие разрезало его тело.

Третья фигура в костюме рейнджера пробивалась сквозь заросли. И при виде этого лица сержант дико закричал. Что-то взорвалось в мозгу Картра, он падал во тьму, гостеприимную, безопасную тьму, где мертвые не ходят и не улыбаются дружелюбно. Он с благодарностью погрузился в эту тьму.

— Картр?

Мертвый звал его, но во тьме безопасно, и если он не отвечает, никто не вытащит его оттуда навстречу безумию.

— Что с ним случилось? — спросил кто-то.

Он лежал в темноте тихо и неподвижно.

— ...установим. Надо отвезти его в лагерь. Послушайте, Смит. Обязательно привяжите его к сиденью, иначе он может перевернуться через край...

— Картр! — Его трясли, ощупывали. Но огромными усилиями он сжимал губы, заставляя себя лежать неподвижно. И наконец упрямство защитило его. Его оставили в безопасной тьме.

Постепенно он ощутил тепло, успокаивающее тепло. Он лежал, не двигаясь, как и при первом пробуждении, и чувствовал, как оживляет тепло. Его трогали, прикасались к полузажившим ранам, оставляя ощущение свежей прохлады и легкости.

— Ты считаешь, он не в себе?

Слова звучали в темноте. У него не было желания видеть, кто их произносит.

— Нет. Тут что-то другое. Мы можем лишь догадываться, что сделал с ним этот дьявол — вероятно, снабдил ложной памятью. Видели, как он вел себя, когда мы его нашли? С мозгом, своим или чужим, можно проделать что угодно, если ты сенситив. В некоторых отношениях мы гораздо уязвимее, чем вы, не пытающиеся выйти за человеческие границы...

— Где Кумми? Хотел бы я... — В голосе звучало холодное смертоносное обещание. Картр был вполне согласен. И эта эмоция вытолкнула его из безопасности тьмы.

— Мы все хотим этого. И добьемся, раньше или позже.

К его губам прижали твердый край. Жидкость потекла в рот, и он вынужден был глотнуть. Ему обожгло горло, в животе растекалось приятное тепло.

— Итак, вы его нашли? — В окружающем тумане появился новый говорящий.

— Хага Зикти! Мы ждем вас, сэр! Может, вы найдете способ лечения?

— Да? А что с ним? Я не вижу ран...

— Болезнь здесь. — Пальцы коснулись лба Картра. Он отдернулся от этого прикосновения.

— Что ж, надо подумать. Ложная память или...

Он убежал, убежал сквозь тьму. Но другой бежал за ним, пытаясь догнать... С болезненным стоном Картр снова оказался в коридоре, а перед ним Кумми и кан-пес. В третий раз он переживал постыдное поражение и смертоносное нападение на своих товарищей.

— Значит, Кумми одолел его! Должно быть, использовал другие мозги, чтобы накопить силу...

Кумми! Горячий гнев вспыхнул в Картре, сжег стыд и отчаяние... Кумми... Агератанец должен быть побежден. Иначе он никогда не почувствует себя чистым. Да и с исчезновением Кумми очистится ли он? Всегда будет оставаться тот ужасный момент, когда он стрелял в изумленное лицо Зинги.

— Он одолел. — Действительно он произносил эти слова, или они звенели в его сердце? — Я убил... убил Зингу...

— Картр! Великий Космос, о чем он говорит? Ты убил!..

— Опиши убийство! — Он не мог послушаться этого резкого приказа.

Он начал медленно, с трудом подбирая слова, которые, казалось, приносили облегчение. Сражение, бегство к аэросаням, взлет, его пробуждение в дикой местности... он рассказал все.

— Но... это чистейшее безумие! Он не делал этого! — возразил чей-то голос. — Я видел его, да и вы тоже! Он шел так, будто никого из нас не видел, взял аэросани и улетел. Может, он подобрал Кумми, как говорит... но остальное... это безумие!

— Ложные воспоминания, — заявил уверенный голос. — Кумми хотел, чтобы он считал себя виновным и убегал от нас, даже если Кумми не сможет полностью контролировать его. Просто...

— Просто! Но Картр — сенситив, он сам может так сделать. Как он мог?..

— Именно потому, что он сенситив, он более уязвим. Во всяком случае, теперь мы знаем, что с ним.

— Вы можете его вылечить?

— Попробуем. Останутся шрамы. Все зависит от того, насколько глубоко проник Кумми.

— Кумми! — Он выплюнул это имя, как ругательство.

— Да, Кумми. Если Картр будет помогать нам... Посмотрим. Снова успокаивающая рука на лбу.

— Спи... Ты спишь... спишь...

И он уснул, довольный, как будто с него сняли какой-то груз. Он спал.

Пробуждение было внезапным. Над ним была крыша из переплетенных ветвей и листьев. Он лежит под навесом, какой рейнджеры делают во временном лагере. Он укрыт одеялом из шелка узакианского паука. Такие одеяла лежат в их рюкзаках. Повернув голову, он увидел огонь. Воздух влажный, туман закрывает деревья, окружающие поляну.

Кто-то вышел из тумана и опустил вязанку хвороста.

— Зинга!

— Живой и невредимый! — ответил закатанин и щелкнул челюстями, чтобы подтвердить свои слова.

— Значит, это было ложное воспоминание... — Картр облегченно вздохнул.

— Более нелепого сна тебе никогда не снилось, мой друг. Как ты себя теперь чувствуешь?

Картр блаженно потянулся:

— Чудесно. Но у меня множество вопросов...

— Это позже. — Зинга подошел к костру и взял чашку, стоявшую на камне рядом с огнем. — Сначала выпей.

Картр выпил. Горячий бульон, исключительно вкусный. Он с улыбкой, от которой заныли отвыкшие улыбаться мышцы, посмотрел вверх.

— Хорошо. Думаю, здесь проявил свои способности повара Филх...

— О, он мешал все время и добавлял какие-то листочки. Съешь все...

Картр еще прихлебывал бульон, когда на освещенном месте появился кто-то еще. Сержант вопросительно уставился на него. Зинга здесь рядом. Тогда кто же, во имя тарнусианских дьяволов, этот?

Зинга проследил направление взгляда Картра и улыбнулся.

— Нет, я не раздвоился... — заверил он сержанта. — Это Зикти — разумеется, закатанин — он историк, а не рейнджер.

Второй человек-рептилия направился к навесу.

— Значит, вы проснулись, мой юный друг?

— Проснулся и снова в себе. — Картр счастливо улыбнулся им обоим. — Но нужно время, чтобы я отделил ложные воспоминания от истинных... они смешиваются...

Зинга покачал головой:

— Не напрягайся, пока не окрепнешь.

— Но где?..

— О, я был пассажиром Х451 вместе со своей семьей. Мы вчера встретились с рейнджерами. Точнее, они отыскиали нас...

— Что было в городе после... моего ухода?

Когтистый палец Зинги со скрипом прошелся по челюсти.

— Мы решили уйти... после того, как борьба окончилась.

— Искать меня?

— Да, искать тебя и по другим причинам. Дальтр и Смит обнаружили воздушный корабль, построенный жителями города. Он принес нас сюда, но вышел из строя. Они все еще пытаются отремонтировать его.

— Смит и Дальтр?

— Да, Патруль действует как единое целое.

— Гм. — Картр размышлял. Произошли изменения. И ему вдруг отчаянно захотелось узнать, что изменилось.

Глава 12

КАРТР ВЫХОДИТ НА СЛЕД

Трое в костюмах рейнджеров сидели у костра. Картр поднялся, глядя на них.

— Вы так и не сказали... — нарушил он наконец молчание, — почему оставили город.

Никто из троих не хотел встретиться с ним взглядом. Наконец ответил Смит, в его усталом голосе звучал вызов.

— Они были рады избавиться от Кумми и его людей...

Картр продолжал ждать, но связист, по-видимому, не собирался продолжать.

— Большинство из них, — добавил после долгой паузы Дальтр, голос его звучал сухо.

— Они решили, — подхватил объяснение Зинга, — что они не хотят замены одного правителя другим... Им показалось, что Патруль собирается занять место Кумми. Поэтому мы не были желанными гостями, особенно рейнджеры.

— Да, они ясно дали нам это понять. — Смит говорил холодно. — Теперь, когда война кончилась, пусть войска уходят — обычное отношение штатских. Мы вносим элемент нестабильности. Поэтому мы взяли одну из городских машин и улетели...

— Джексен?

— Он гнался за охранником, убившим командора. Когда мы их нашли, оба были мертвы. Мы последние представители Патруля... кроме Рольтха и Филха, которые ушли в разведку.

Они не углублялись в подробности, и Картр понял их сдержанность. Может быть, для горожан, ощутивших хватку Кумми, Патруль был символом прошлого образа жизни. И после свержения правителя Патруль тоже должен был уйти. Но было еще одно следствие: они больше не были членами экипажа и рейнджерами, был только Патруль. Второе изгнание укрепило их связь друг с другом.

— Возвращаются наши рыбаки! — Зикти, дремавший у костра, встал, встречая троих, выходящих из-за деревьев. — Ну, и каков улов, мои дорогие?

— Мы положили у края воды синий фонарик Рольтха, его свет привлекал существа, поэтому улов у нас богатый, — от-

ветил тонкий голос закатанской женщины. — Какой богатый мир! Зор, покажи отцу, какого бронированного зверя ты поймал под скалой...

Самый маленький из троих подбежал к огню, держа в руке шевелящееся существо со множеством лап и мощными клешнями. Зикти взял пленника, избегая его клешней, и внимательно осмотрел.

— Как странно! Он мог бы быть отдаленным родственником полторианина. Но ни следа разума...

— И ни у кого из жителей воды, — согласилась его жена. — Мы, впрочем, рады этому, потому что они очень вкусны!

Картр видел мало закатанских женщин, но долгая дружба с Зингой приучила его к разнице между внешностью человека и закатанина, и он понимал, что и Зацита, и ее юная дочь Зора для представителей своей расы очень привлекательны. Что касается маленького Зора, такие мальчишки есть в любой расе. Он наслаждался каждой минутой этой дикой жизни.

Зацита грациозным жестом предложила всем садиться. Картр заметил, что Смит и Дальтр тоже поднялись, приветствуя закатанских женщин. Несомненно, их отношение к бемми сильно изменилось.

На следующее утро Картр проснулся рано и долго лежал неподвижно, глядя на наклонную крышу навеса. Что-то его беспокоило... Но вот рот его сложился в тонкую жесткую линию. Он знал, что должен сделать. Картр выполз из спального мешка. Сквозь сонное дыхание спящего лагеря слышалось близкое журчание реки.

Вначале несколько неуверенно, потом обретя равновесие, он легко добрался до берега. Вода была холодная. У него сперва захватило дыхание. Сделав несколько шагов по песчаному дну, он поплыл.

— О, в молодости силы восстанавливаются удивительно быстро!

Гулкий голос был заглушен всплеском. Картр поднял голову и тут же получил в лицо струю воды: это мимо на полной скорости пронесся Зор. Зикти осторожно скользнул с плоской скалы и поплыл по течению.

Почтенный закатанин доброжелательно смотрел на сержанта. Двумя гребками Картр присоединился к нему.

— Немного примитивно, сэр...

Профессор истории из Галактического Университета в Зованте спокойно ответил:

— Иногда неплохо прервать рутину комфортабельной цивилизованной жизни. К тому же мы, закатане, легче приспосабливаемся, чем вы, люди. Моя семья считает, что это замечательные каникулы. Зор, например, никогда не был так счастлив... — Он улыбнулся, глядя, как маленькое чешуйчатое тело борется с течением в погоне за водными существами.

— Но это не каникулы, сэр.

Большие серьезные глаза Зикти встретились с взглядом Картра.

— Да, мы понимаем это. Постоянное изгнание...

Он отвернулся, разглядывая скалы, утесы за рекой, густую зелень.

— Что ж, этот мир богат, а места в нем достаточно...

— Есть город, отчасти с действующими механизмами, — напомнил ему Картр.

И тут же уловил теплый уверенный ответ, ощутил удовлетворение, какого давно не испытывал. Зикти по-своему ответил ему.

— Я думаю, что жители города должны быть предоставлены самим себе, — сказал наконец историк. — По манере мышления их выбор — это отступление. Они хотят, чтобы жизнь оставалась такой же, как всегда. Но так в жизни не бывает. Жизнь идет вперед — это прогресс, или отступает — это регресс. А оставаться на месте — это тоже отступление. Они идут по тому же пути, что и вся империя. За последние столетия мы медленно отступали...

— Упадок?

— Да. Например, распространение этой неприязни к негуманоидам. Она усиливается. К счастью, мы, закатане, — сенситивы, мы готовы к встрече с такой ситуацией, какая сложилась после посадки Х451.

— Что же вы сделали? — спросил заинтересованный Картр. Зикти засмеялся.

— Мы тоже приземлились... на шлюпке. Поблизости виден лес. Прежде чем они опомнились, мы уже были там, вне пределов их досягаемости. Но... если бы мы не почувствовали

отношения Кумми... все могло бы кончиться по-другому... Мы пошли в этом направлении и разбили лагерь. И, должен сказать вам, сержант, никогда я не был так изумлен, как вступив в случайный контакт с Зингой. Еще один закатанин! Как будто я встретился лицом к лицу с сутаклом, а со мной нет бластера! После того, как мы соединились с вашим отрядом, все, конечно, прояснилось. Они искали вас... Ваши рейнджеры очень уважают вас, Картр.

Снова ощущение тепла и уверенности в мозгу сержанта. Он покраснел.

— И когда они нашли меня!..

— Да, они нашли вас, посадили в машину и привезли сюда. И ваш опыт дал нам очень важный урок — не недооценивать противника. Я никогда не поверил бы, что Кумми способен на такое нападение. Но, с другой стороны, он не так силен, иначе вы не сумели бы уйти из-под его контроля после бегства из города...

— Ушел ли я? — улыбка у Картра была хмурая. — Несмотря на ваше лечение, я не помню, что произошло между вылетом из города и тем моментом, когда я очнулся на скале...

— Я считаю, что вы освободились от него. Давайте рассмотрим факты. Вы, жители Илен, по шкале сенситивности достигаете 6 и 6 десятых. Верно?

— Да. Но у агератанца предполагается только 5 и 9 десятых...

— Верно. Однако всегда есть шанс встретиться с мутантом. И в определенные моменты истории мутации усиливаются. Жаль, что мы ничего не знаем о происхождении Кумми. Если он мутант, это объясняет многое.

— Не скажете ли, какое место на шкале занимают закатане? — осторожно поинтересовался Картр.

Большие глаза смотрели на него.

— Мы сознательно не подвергались классификации, молодой человек. Всегда разумнее кое-что сохранить в тайне... особенно когда имеешь дело с несенситивами. Но я поставил бы нас где-то между восемью и девятью. За последние поколения у нас появилось несколько тел — они объединяют в себе способности к телепатии и телекинезу, — и очень много закатан — на одну-две десятых ниже. Я уверен, что если у моего народа

наблюдается такая мутация, она должна происходить и в других расах.

— Мутанты! — повторил с дрожью Картр. — Я был на Кабло, когда Пертивар поднял восстание мутантов...

— Тогда вы знаете, что может принести такое увеличение рождений мутантов. Во всех изменениях есть плохие и хорошие последствия. Скажите мне, когда вы были ребенком, вы знали о своих способностях сенситива?

Картр покачал головой.

— Нет. В сущности, я не подозревал о своих способностях, пока не поступил в школу рейнджеров. Инструктор обнаружил мой дар, и я получил специальную подготовку.

— Вы были латентным сенситивом. Илен — пограничная планета, ее население было слишком близко к варварству, чтобы осознать свою силу. Уничтожить такой многообещающий мир! О, жестокости войны! Из-за таких вещей, как уничтожение Илен, я убежден, что наша цивилизация приближается к концу. А в лагере у нас теперь причудливая смесь. — Он вылез из воды и с силой начал растираться полотенцем. — Зор, пора выходить! — позвал он сына. — Да, мы странная смесь — собрание разных представителей империи. Вы и Рольтх, Смит и Дальтр — люди, но с разных планет и сильно отличается друг от друга. Филх, Зинга и моя семья негуманоиды. Те, что в городе, люди, и высокоцивилизованны. И кто знает, может, на планете есть и аборигены. Можно подумать, что Некто или Нечто собирается ставить здесь эксперимент. — Он хихикнул и принялся. — А, еда, а я голоден! Посмотрим, что там готовится!

Но прежде чем они подошли к костру, Зикти тронул Картра за руку.

— Я хочу поделиться с вами еще одной мыслью, мой мальчик. Я плохо знаю вашу расу — возможно, вы не мистичны, хотя большинство сенситивов стремится заглянуть за плоть и ищет душу. Вероятно, вы не религиозны. Но если мы отобраны здесь с какой-то целью, нужно оказаться достойными этого выбора!

— Согласен, — коротко ответил Картр, зная, что собеседник оценил его искренность.

Закатанин кивнул.

— Отлично, отлично. Остаток жизни должен пройти неплохо. И подумать только! Такое приключение, когда я уже считал, что жизнь слишком пресна. Моя дорогая, — громко обратился он к Заците, — аромат жаркого восхитителен. Мой голод увеличивается с каждым шагом!

Но Картр ел механически. Конечно, Зикти хорошо рассуждать в таких масштабах о будущем. Историк привык воспринимать всю ситуацию, а не только отдельные детали. А рейнджеры действуют в противоположном направлении, для них детали всего важнее, они тщательно изучают новые планеты, долгими часами следят за странными животными, по нескольким кирпичикам путем размышлений восстанавливают исчезнувшую цивилизацию. А тут перед ними деталь, с которой ему необходимо справиться.

Он должен обезвредить Кумми!

Именно эта мысль пришла ему в голову утром, когда он проснулся. Она была частью его снов и теперь превратилась в настоящую потребность. Живой или мертвый, он должен найти и найдет агератанца. Если Джойд Кумми еще жив, он для всех страшная угроза.

Странно — Картр покачал головой, как бы проясняя ее, — как его преследует эта мысль: Кумми опасен, и обезвредить его — дело Картра. К счастью, агератанец не опытный следопыт, он оставит ясный след. Пройти по нему для рейнджера — детская игра. Они вместе покинули город. Где-то ночью они разошлись. Может, Кумми вытолкнул его из азросаней, надеясь, что он разобьется насмерть? Если это так, найти агератанца будет сложнее: на облаках он не оставил следов. Значит, надо вернуться к скале, где Картр впервые пришел в себя.

— Она в десяти-пятнадцати милях к северу...

Сержант посмотрел на Зингу. Тот подхватил его мысль.

— И... Картр... ты не пойдешь один. Не по этому следу!

Картр напрягся. Но Зинга и без слов понял его.

— Это мое дело, — заявил сержант, сжав губы.

— Конечно. И все же тебе нельзя идти по следу одному. У нас есть летательный аппарат, на нем быстрее. И с него лучше видны следы.

Разумно, но от этого смириться не легче. Картр предпочел бы уйти из лагеря один и пешком. Он знал, что теперь агера-

танец один. Он не будет чувствовать себя здоровым и чистым, пока не сразится с Кумми и не победит.

— Отдохни еще день, — посоветовал Зинга, — и потом мы пойдем. Это дело с Кумми, оно очень важное.

— Другие могут так не думать. Он один в дикой местности, которую не знает. Может, звери уже сделали работу за нас.

— Но он Кумми, и над нами продолжает висеть угроза. Зикти говорил тебе, что считает его мутантом? Вспомни, на что был способен Пертивар. Кумми не должен победить, когда ты встретишься с ним в следующий раз.

Картр улыбнулся закатанину, но в улыбке его не было веселья.

— Ты знаешь, мой друг, я думаю, ты прав! И я больше не повторю своей ошибки. Я не буду слишком самоуверен. Но с ним нет ни кан-пса, ни других мозгов, которые он мог бы использовать.

— Хорошо. — Зинга встал. — Пойду порасспрашиваю Дальтра. Надо узнать, много ли энергии осталось в машине.

Они вылетели на следующее утро. Никто ни о чем не спрашивал, хотя Картр был уверен, что все знают о цели полета. Воздушная лодка не обладала скоростью аэросаней и их маневренностью. Зинга вел ее вдоль реки, пока они не увидели ручей, который послужил Картру проводником.

Время от времени закатанин с беспокойством поглядывал на тяжелые облака, собиравшиеся на горизонте. Приближалась буря, и им нужно было поискать убежище. Оказаться во власти бури в легкой лодке было нежелательно.

— Узнаешь что-нибудь внизу?

— Да. Я уверен, что проходил по этому полю. Помню, как пробивался через высокую траву. А вот эти деревья меня привлекают. Не сесть ли под их защиту?

Зинга снова посмотрел на тучи.

— Лучше бы добраться до твоей скалы. Огненные мыши! Темнеет. Хотел бы я иметь глаза Рольтха.

Быстро темнело, и поднявшийся ветер ударил по лодке, она закачалась, как на морских волнах. Картр вцепился в сиденье.

— Подожди! — Он произнес это слово с риском прикусить язык, так как лодка в этот момент нырнула. В полумгле он раз-

глядел знакомую скалу и склон в сторону ручья. — Похоже, я упал здесь.

Они уже миновали это место, но Зинга повернул назад. Картр, прищурившись, пытался вообразить, как выглядит это место с точки зрения человека, лежащего на вершине скалы.

Лодка неожиданно резко свернула вправо. Картр хотел возразить, но забыл об этом, заметив, что привлекло внимание Зинги. Вершина дерева была сбита, белел расколотый ствол. Закатанин искусно повернул лодку и опустил ее. В другое время этот маневр вызвал бы восторг Картра. Но сейчас он был слишком поглощен тем, что могло находиться за сломанным деревом.

Под грудой обломанных ветвей они нашли обломки аэросаней. Ни один техник не смог бы восстановить машину. Мятый корпус, зажатый меж стволов, был пуст.

Зинга принялся, осветив пустое сиденье.

— Ни следа крови. Вопрос: один он или оба вы были на борту в момент удара?

Картр покачал головой, пораженный размерами катастрофы.

— Не думаю, чтобы там вообще кто-то был. Может, он выбросил меня и...

— Да... И если ты боролся, он мог потерять управление, и это случилось. Но тогда где же Кумми... или его останки? Даже если бы здесь похозяйничали хищники, что-нибудь осталось бы...

— Он мог выпрыгнуть перед ударом, — предположил сержант. — Если у него был антиграв на поясе, он мог приземлиться невредимым.

— Значит, нужно поискать следы. — Зинга взглянул на небо, выставив вперед челюсть. — Дождь может все смыть...

Наконец облака облегчились от груза воды. Рейнджеры добежали до выступа скалы, послужившего подобием убежища. Может быть, деревья дали бы большую защиту от дождя, но, глядя на падающие ветви, Картр решил, что это небезопасно. Дождь заливал их, проникая во все отверстия одежды и обуви.

— Он не может продолжаться дольше, столько воды просто не существует! — прокричал Картр и понял, что его голос совершенно заглушен шумом дождя.

Он чихнул, вздрогнул и с горечью подумал, что Зинга может оказаться прав. Потоп уничтожит следы, оставленные Кумми.

Вдруг Картр выпрямился и почувствовал, как одновременно напрягся Зинга. Закатанин был так же изумлен, как и он.

Он уловил слабую, очень слабую мольбу о помощи. От Кумми? Картр почему-то решил: нет. Но просьба шла от человека — или вернее, от разумного существа. Кто-то живой и разумный находился в опасности. Сержант медленно повернулся, пытаясь определить направление. Они должны ответить на боль и страх этого существа!

Глава 13

КОРОЛЕВСТВО КУММИ

— С севера... — послышался гортанный голос Зинги. Закатанин с его совершенным ощущением направления был прав.

— Лодка выдержит?

Картр привык к патрульным аэросаням, которые предназначены для использования в сложных погодных условиях. Но лодка не внушала ему доверия.

Зинга пожал плечами.

— Что ж, это не аэросани. Но ветер стихает, а пешком мы все равно идти не сможем.

Они буквально протискивались сквозь стену падающей воды, добираясь до тесной кабины лодки. Какое облегчение — уйти от этого дождя! Но уже когда они селились, легкое суденышко кренилось под ними. Лететь на таком ветру — уподобиться листику, попавшему в водоворот.

Но, понимая это, они все же не колебались. Зинга сразу запустил двигатель, а Картр послал пробную мысль, пытаясь вступить в контакт с тем, кто просил о помощи.

В какой-то мере им повезло: тучи начали расходиться. И Зинга был прав, ветер стихал. Легкое суденышко подбрасывало, вертело, опускало, поднимало, и закатанин с трудом удерживался.

живал курс. Но они все же летели — летели высоко над вершинами деревьев, чтобы избежать участи аэросаней.

— Пойдем кругами? — мысленно задал вопрос Зинга.

— Горючего хватит? — в ответ спросил Картр, вглядываясь в шкалы приборов.

— Ты прав, мы не можем себе этого позволить, — согласился Зинга. — Еще четверть тола такого парения, и мы вообще никуда не полетим...

Картр даже не пытался перевести «тол» в знакомые меры длины. У него было предложение.

— Выбери хороший ориентир и посади лодку.

— Оттуда пойдем пешком? Возможно, ты прав. Если дождь станет слабее. А вот и ориентир — годится? Сядем в середине.

Ориентир находился примерно в миле от них — широкая площадка почерневшей почвы с пнями, между которыми начали пробиваться молодые ростки: недавно здесь горел лес.

Зинга очень аккуратно опустил лодку между пней.

И как только они вышли из лодки, просьба о помощи вновь достигла их. В ней уже гораздо яснее звучал ужас. Картр уловил кое-что еще. Они были не единственными живыми существами, откликнувшимися на призыв. Был еще охотник, четвероногий, голодный — не ел по меньшей мере сутки.

По выжженной земле проходила старая звериная тропа. Копыта и лапы за много лет так выбили ее, что по ней можно было идти без ориентиров. Картр быстро шел по тропе к голой скале. Скальная стена помешала огню распространиться дальше. В ней была узкая щель, сквозь которую проходила тропа. Потом она спускалась по склону и уходила в дикий лес.

Охотник был поблизости, рядом с добычей. Картр уловил мысль пойманного в ловушку. Это был человек, но не Кумми. Незнакомый, раненый, одинокий, очень испуганный.

Охотник теперь уже знал, на кого охотится. Он заколебался... и Картр услышал крик, более похожий на стон. Перед ним была стена кустов, он пробился через нее и сразу увидел упавшее дерево, а под ним маленькое, жалкое, тощее тело, прижатое к земле толстой ветвью. Искаженное страхом лицо было повернуто к нему. Картр увидел, что человек этот не из города.

Картр вжал ноги в мягкую почву, чтобы поднять ветвь. Но ему не удалось приподнять ее настолько, чтобы пленник смог освободиться. Охотник ждал за соседним кустом.

— Йахх! — этот рев был боевым кличем закатанского воина. Над головой Картра блеснул луч бластера.

Огненная нить встретила красновато-коричневое тело в середине прыжка. Удар отбросил зверя, уже мертвого, назад, в заросли, из которых он выскочил. Воздух наполнился запахом горелого мяса и жженой шерсти.

Картр снова принялся за дело. Он выкапывал мягкую землю из-под ветви, когда прозвучал крик, полный ужасного, беспричинного страха.

Лицо пленника еще больше исказилось ужасом и почти потеряло человеческое выражение.

Но бояться было нечего — огромная кошка мертва. Только Зинга стоял рядом, пряча бластер в кобуру.

Но именно закатанин и внушил этот ужас.

Картру не пришлось ничего говорить: рейнджер сам понял происходящее и исчез, как будто растаял в кустах. Картр видел, что пленник неподвижен, глаза его закрыты. Он без сознания! Что ж, это даже упростит его задачу.

Вернулся Зинга так же бесшумно, как и исчез. Вдвоем они быстро освободили хрупкое тело и положили его на траву. Картр быстро и ловко ощупал лежащего.

— Кости не сломаны. Хуже всего это...

На боку незнакомца виднелась глубокая царапина.

Тело было худое, ясно проступали ребра под обожженной солнцем кожей. Незнакомец был маленьким и слабым, слишком маленьким, чтобы счесть его взрослым. Картр решил, что это мальчик. Голову его покрывала масса спутанных желтых волос, забитых грязью и мелким мусором, челюсти и верхняя губа покрыты пушком. Рваная одежда состояла из безрукавки, сделанной из шкуры какого-то животного, и штанов того же материала, на ногах — странные мешкообразные покрытия.

— Очень примитивно... Туземец? — спросил Зинга.

— Или выживший после другого крушения.

Закатанин прикусил коготь.

— Возможно. Но тогда...

— Да. Если этот незнакомец с другого корабля, потерпевшего крушение, то почему он так испугался тебя?

Закатане были широко известны и не вызывали страха. Они никогда не становились пиратами. Но... Картр впервые взглянул на товарища со стороны. Допустим, кто-то никогда раньше не видел закатанина. Допустим, что планета заселена существами, более или менее похожими на него самого. Тогда достаточно одного взгляда на эти большие челюсти с мощными клыками, на эту чешуйчатую кожу, на жабо за безволосой головой... Да, этого вполне достаточно, чтобы испугать примитивный разум.

Зинга кивнул: он думал так же. И у него было готово предложение.

— Я возвращаюсь к лодке и не буду появляться в пределах видимости. А ты попытайся узнать, откуда он и все остальное. Если вы пойдете, я буду следовать за вами. Здесь есть туземцы! А что, если их нашел Кумми?

Но Картр не нуждался в этом предупреждении.

— Иди. Мне кажется, он приходит в себя.

Дрогнули веки. Глаза под ними были светло-голубые, почти белесые. Вначале в них отражался только ужас, но когда человек увидел, что перед ним только Картр, ужас исчез, сменившись опасливым любопытством. Сержант слегка коснулся мыслью чужого мозга и убедился, что был прав. Парень не был членом выжившего галактического экипажа. Если он и происходил от каких-то галактических бродяг, то они приземлились в этом забытом мире много поколений назад.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Картр задал первый вопрос на универсальном космическом языке:

— Кто ты?

Мальчик был удивлен, и удивление это сменилось новым страхом. Он не привык к звукам чужих языков, галактическая речь для него ничего не значила. Картр вздохнул и вернулся к самому легкому способу коммуникации. Он ткнул в свою грудь пальцем и произнес медленно и отчетливо:

— Картр.

Настороженность оставалась, но любопытство усилилось. После недолгого колебания мальчик повторил жест рейнджера и сказал:

— Орд.

Орд... Это могло быть местным обозначением человека вообще, но Картр подумал, что все же, вероятнее всего, это личное имя. Снова, и с предельной осторожностью, сержант попробовал испытать мысленный контакт. Он ожидал, что мальчик отшатнется, испугается... Но, к его удивлению, мальчик был явно знаком с общением путем обмена мыслями. Да, несомненно, хотя он и не сенситив.

Это могло означать только одно: в прошлом он имел дело с сенситивом и не боялся мысленного прикосновения. Кумми! Сержант известил Зингу. Закатанин ждал в лодке.

Картр снова обратился к Орду. Уложив мальчика под соседним деревом, где не так докучал дождь, он принялся за работу. Постепенно увеличивая запас слов, он узнал, что Орд принадлежит к племени, ведущему бродячую жизнь в дикой местности. Любое упоминание города вызывало боязливую уклончивость. По-видимому, это было какое-то табу. Эти «сверкающие места» когда-то были домом «небесных богов».

— А теперь боги вернулись... — продолжал Орд.

Картр насторожился.

— Боги вернулись?

— Да. К нам пришел один, он искал наш клан... чтобы мы смогли служить ему.

— Какова внешность небесного бога? — поинтересовался сержант, стараясь говорить обычным голосом.

— Он похож на тебя... — тут глаза Орда расширились. — Значит, ты тоже небесный бог? — и он скрещенными пальцами указал на рейнджера.

Картр сделал решительный шаг.

— С твоей точки зрения — да. Я пришел с неба. И я ищу бога, который сейчас среди твоего народа, Орд.

Мальчик беспокойно зашевелился, пытаясь отползти от сержанта. В его взгляде снова появился страх.

— Он сказал, что его будут искать... демоны ночи и творцы зла, — нотки ужаса звучали в его голосе. — И когда ты появился в первый раз, мне показалось, что рядом с тобой демон!.. — голос его почти перешел на крик.

— Разве сейчас ты видишь его, Орд? Я один с тобой. И ты сам сказал, что я похож на бога, который сейчас с твоим народом...

— Должно быть, ты и вправду бог... или демон. Ты убил огнем молчаливого охотника. Но если бог, который пришел к нам, твой друг, то почему он сказал, что его будут искать враги?

— Пути богов не похожи на пути людей, — уклончиво ответил Картр, — будь я демоном, Орд, разве я вытащил бы тебя из-под дерева, перевязал твою рану и обращался с тобой так хорошо? Не думаю, чтобы творец зла поступил бы таким образом.

Эта простая логика подействовала на мальчика.

— Верно! А когда мы придем в клан, у нас будет большой пир, а потом мы пойдем к месту встречи с богами, где ты будешь таким же, как в древности...

— Я очень хочу пойти с тобой в твой клан, Орд. Долго ли туда идти?

Мальчик коснулся раненого бока рукой и нахмурился.

— Один день пути. Но я не смогу идти быстро...

— Придумаем что-нибудь, Орд. А место встречи с богами — там живет твой народ?

— Нет, оно гораздо дальше, десять дней пути отсюда. А может, и больше. Раз в год там собираются все кланы, торгуют, посвящают в воины, и девушки выбирают себе пару. Песни, танец копий...

Мальчик замолчал. Картр убрал с его лба волосы.

— Теперь спи, — приказал он.

Бледно-голубые глаза закрылись, дыхание стало ровным и тихим. Картр подождал несколько минут и скользнул за деревья. Почти сразу же к нему присоединился Зинга.

— «Небесный бог», о котором он говорит, это, должно быть, Кумми... — начал сержант.

— Да, это Кумми, и нам сейчас нужно торопиться. Если Орд из примитивного суеверного народа... именно такое племя нужно Кумми...

— Он может разжечь пламя, которое легко распространится, — согласился Картр. — Нужно остановить его! — Он постучал пальцем по поясу. — Мальчика нужно взять с собой, —

продолжал он. — Но лагерь в дне пути. Я не смогу нести его столько...

— Полетим в лодке.

— Но, Зинга, он считает тебя демоном, и его не втащишь в лодку...

— Никаких затруднений не будет. Подумай, Картр. Ты — сенситив, но еще не представляешь, на что можешь быть способен. Орд увидит и услышит только то, что я захочу. Он проводит нас к нужному месту. Но мы не приземлимся в лагере... Я не смогу контролировать сразу несколько мозгов. Особенно когда поблизости Кумми. Ты отведешь мальчика в лагерь, и он не будет помнить ни о полете, ни о втором рейнджере.

Все получилось так, как сказал Зинга. Орд полуспал, лежа между ними. Он с готовностью отвечал на вопросы закатанина. Видимость улучшилась, они улетали от дождя.

— Дым! — Картр указал направо.

— Должно быть, их лагерь. Поищем место для посадки... Не очень далеко. Возьми его...

Десять минут спустя Картр, несший на руках мальчика, остановился. Он стоял на краю открытого пространства, перед ним были беспорядочно разбросаны кожаные шатры. В пределах умственного контакта находилось минимум двадцать индивидуумов. Но не Кумми.

— Орд!

К рейнджеру бежала девушка. И на ее плечи свисали пряди таких же желтых, как у мальчика, волос.

— Орд?

Она уставилась, с ужасом глядя на сержанта. К его облегчению, мальчик очнулся от ее крика и поднял голову.

— Квета!

Из палаток выходили остальные. Трое мужчин, которые были ненамного выше Орда, осторожно приближались, держа руки вблизи ножей на поясе. Виски и подбородки у них были покрыты густыми спутанными волосами. Мохнатые — совсем как животные.

— Что ты здесь делаешь?

Это спросил самый высокий из троих.

— Ваш мальчик... ранен... Я его принес... — Картр медленно подбирал слова.

— Отец... Это небесный бог... Он ищет своего брата, — добавил Орд.

— Небесный бог ушел на охоту.

Картр мысленно поблагодарил судьбу за возможность выяснить обстановку до возвращения Кумми.

— Я подожду...

Они не спорили. Орда уложили на грудь шкур в самой большой палатке. Рейнджеру дали место у огня и предложили миску с похлебкой. Он поел, хотя еда оказалась невкусной.

— Давно ли... давно ли ушел небесный бог? — спросил он наконец.

Вулф, волосатый вождь, отец Орда, затянулся дымом из плотно скрученных листьев, которые он поджег от лучины, и медленно выпустил из губ едкое облачко.

— С первым светом. Он мудр. Своей магией он удерживает зверей, а юные воины их убивают. С его приходом мы постоянно пируем. Он пойдет на место встречи с богами и созовет все кланы. Наши девушки выйдут замуж, мы снова станем великими и будем править этой землей...

— Ваш народ жил здесь всегда?

— Да. Это наша земля. Было время огней, и боги улетели в небо, а мы остались. Но мы знали, что они вернутся и принесут с собой хорошую жизнь. И вот это время пришло. Сначала вернулся *Коуми*... — он произнес это имя с трудом. — Теперь ты, будут и другие. Так обещали древние.

Некоторое время он молчал, пуская дым, потом добавил:

— У Коуми есть враги. Он сказал, что демоны не хотят, чтобы мы снова стали великими...

Картр кивнул, делая вид, что внимательно слушает вождя, но в то же время он слушал не только ушами. Они опытные охотники, эти туземцы. Уже пять минут они сзади подбираются к нему. Хотели напасть внезапно... Неплохая идея. И получилось бы, не будь он сенситивом. Но он точно знает положение каждого из них. Нужно что-то предпринять, прежде чем они нападут.

— Ты великий, мудрый вождь, Вулф. У тебя много сильных воинов. Но почему они прячутся в темноте, как испуганные

дети? Почему этот, с рассеченной губой, притаился там, — сержант указал налево, — а тот, что с двумя ножами, здесь?

Вулф приподнялся, и Картр шевельнул рукой. Язык зеленого пламени осветил лица людей, считавших себя спрятавшимися.

Послышался дикий вопль ужаса, и они бросились врассыпную, подальше от этого пламени. Впрочем, следует отдать должное храбрости вождя. Он не двинулся. Только пучок листьев выпал у него изо рта и опалил шкуру на правом колене.

— Если бы я был демоном, — спокойно продолжал Картр, — все они уже были бы мертвы. Я легко мог убить их. Но у моего сердца нет ненависти к тебе и к твоим людям, Вулф.

— Ты враг Коуми, — ответил тот.

— Так сказал Кумми? Или ты только догадываешься? Подожди его возвращения...

— Он вернулся.

Вождь не повернул головы, но голос его слегка изменился, в глазах вспыхнул ум, как будто другая личность вселилась в это приземистое тело.

Картр встал, но не достал бластер. Это оружие он сможет использовать лишь для последней защиты.

— Я поверю в это, когда увижу его. Боги не сражаются из-за спин других...

— Так говорит благородный Патруль! Бесстрашные рейнджеры! — губы Вулфа с трудом произносили чуждые для его языка слова. — Вы все еще связаны с этим старомодным кодексом? Тем хуже для вас. Но я рад, что вы вернулись ко мне, сержант Картр, вы лучшее орудие, чем эти безмозглые дикари.

И прежде чем Вулф кончил говорить, Картр ощутил внезапный мысленный удар. Если бы Кумми не выдал себя, возможно, у него было бы больше шансов. Но рейнджер успел подготовиться. И его поддерживал Зинга. Картр, слегка улыбнувшись, парировал удар, и началась беззвучная, невидимая дуэль.

Кумми не пытался ударить сильно. Он пользовался короткими выпадами, которых приходилось постоянно остерегаться. Но уверенность Картра росла. И с возрастающим возбуждением он понял, что справляется сам — Зинга лишь

наблюдал и подбадривал. Пусть Кумми мутант с неизвестной силой, но он встретил достойного противника в лице варвара с пограничной планеты. И рейнджер вдруг понял: Илен была сожжена потому, что агератанцы поняли, какую угрозу для них она представляет.

Глава 14

БОЛЕЗНЬ

Уверенность его росла. Возможно, Илен была препятствием на пути растущего честолюбия агератанец. Что же, человек с Илен отомстит за свой народ и свой мир!

Но эта уверенность внезапно исчезла. Давление Кумми прекратилось, как отсеченное силовым лезвием. Его место заняло кипение неотчетливых мыслей и впечатлений. Неужели Кумми скрылся за блоком, чтобы подготовиться к новой атаке? Картр готов был ее встретить — и она пришла с таким взрывом отчаяния, как будто была последней.

Нападение отхлынуло, а сержант оставался наготове. Он считал, что противник отступил, чтобы собрать силы для новой попытки. И чуть не погиб.

Нападение оказалось не мысленным, а физическим — выстрел из бластера.

С приглушенным криком боли Картр упал. Он лежал, бесильный, в блеске огней.

Вождь покачал головой и тупо посмотрел на неподвижное тело рейнджера. Он все еще вставал на ноги, когда из тени появился Кумми и подбежал к костру с бластером в руке.

— Взять... взять его! — В этих торжествующих словах звучала странная нерешительность. Кумми вдруг остановился и поднял руку к голове. Лицо его исказилось, он закричал. Бластер выпал, подскочил и откатился к телу жертвы. Секунду спустя агератанец тоже упал.

Картр с трудом встал. Рукой он зажал левое плечо. Влисовая кожа куртки приняла на себя луч, к тому же выстрел был плохо нацелен. Его сильно обожгло, но он остался жив. Наклонившись, он поднял бластер Кумми.

Этот бластер... почему Кумми хотел сжечь его? Сержант был уверен, что агератанец полагается на умственную мощь: Кумми слишком цивилизован, слишком уверен в себе. Такие действия совершенно не в его характере. И почему он вдруг так легко поддался? Кумми реагировал на его мысленный удар, как будто у него совсем не было блока.

Когда рейнджер склонился к Кумми, тот зашевелился и слегка застонал. Агератанец дышал с трудом, грудь его работала так, будто каждый вздох требовал чрезвычайных усилий. Что с ним?

— Коуми? Что?..

Вулф робко подошел. Картр покачал головой.

— Переверни его, — коротко приказал он.

Вождь повиновался со страхом, он боялся коснуться лежавшего. Картр опустился на колени, стиснув зубы от сильной боли, которую вызвало это движение. В свете костра ясно были видны резкие черты лица агератанца, рот его был открыт, он тяжело дышал. Вокруг носа и губ появились отчетливые темные пятна. Картр застыл.

— Имфайрская лихорадка! — воскликнул он, хотя Вулф не мог его понять.

Довольно обычная болезнь. У него самого был однажды приступ. Единственное средство — галдайн. Но до того, как медики открыли это средство, болезнь была неизлечима. Больной задыхается, у него парализовало дыхательные мышцы. Галдайн! Но где его найти? Есть ли он в рюкзаках? Картр старался вспомнить. Вряд ли. Им ведь делали прививки, которые избавляли от всех болезней.

Кумми умрет, если не сможет дышать. А он, Картр, со своей раненой рукой не сможет делать искусственное дыхание.

— Ты, — он повернулся к Вулфу, — положи руки сюда. Нажимай и отпускай, вот так, раз, два, раз, два...

С явным нежеланием вождь подчинился. Картр связался с Зингой.

— Понял, — донесся спокойный ответ. — Постараюсь отыскать галдайн в лагере, если ты продержишься. Дай мне два часа, может быть, три...

Картр прикусил нижнюю губу: ожог болел нестерпимо.

— Действуй! — передал он.

Вулф посмотрел на него из-под путаницы густых волос.

— Почему я должен делать это Коумми?

— Если ты не будешь делать, он умрет.

Вождь с открытым недоверием взглянул на рейнджера.

— Но он не ранен. И он небесный бог, он все знает. Ты заколдовал его, ты его враг?

— Тут нет колдовства. — Картр торопливо отверг два возможных объяснения и выбрал третье, которое вождь не только поймет, но и примет. — Кумми проглотил невидимых демонов. Они не хотят выходить, но их нужно выгнать, иначе они его убьют...

Вулф обдумал это и продолжал работать. Люди племени, мужчины и женщины, окружили их. Когда Вулф начал устывать, Картр выбрал самого сильного из мужчин и заменил им вождя. Сержант внимательно следил за лицом Кумми. Ему показалось, что приступ ослабевает.

Возможно, первый приступ кончится до возвращения Зинги. Картр вспомнил, что имфайр протекает циклами. Если первый приступ паралича не убьет, наступает период облегчения, а потом — второй приступ. Тут уже спасти может только галдайн. Без галдайна больной неминуемо задохнется. Болезнь, которая за четыре поколения превратилась в легкое недомогание, раньше опустошала целые планеты.

Да, Кумми явно легче дышал. По знаку рейнджера мужчина, делавший агератанцу искусственное дыхание, остановился, но лорд вице-сектора продолжал неглубоко дышать. Картр коснулся его влажного лица: на лбу и верхней губе больного выступил характерный холодный пот.

— Укройте его, — сказал он.

Вулф потянул его за рукав.

— Демоны ушли?

— Они отступили. Но могут вернуться.

Сквозь линию мужчин протиснулась женщина и бросила шкуру в сторону Кумми. Но не подошла ближе, чтобы укрыть потерявшего сознание. Картр неуклюже потянул шкуру. Аборигены разошлись. Вулф перешел на другую сторону от костра и находился в нерешительности, не последовать ли за ними.

Два часа, сказал Зинга, может быть, три. И, возможно, галдайна вообще не окажется. Картр не оглядывался на аборигенов, но слышал их свистящий шепот. Он будет знать, если они задумают что-то. Но он один, а их больше двадцати. У него два бластера, но их можно использовать лишь как крайнее средство.

— Вы...

Слабый голос слышался рядом. Кумми пришел в себя.

— Что? — задал вопрос агератанец.

Картр ответил одним словом: «Имфайр».

— Победен... вирусом! — В голосе звучало презрение. — Галдайн?

— Возможно. Я послал поискать его в нашем снаряжении.

— Да? Значит, вас было двое! — голос Кумми набирал силу. — Но сейчас вы один...

— Я один.

Агератанец устало закрыл глаза. Он прикрылся непроницаемым ментальным блоком. Возможно, он что-то задумал. Но имфайр поражает не только мышцы, но и мозг. Сейчас он мало на что способен.

— Вы знаете, у вас будут неприятности с кланом. — Кумми говорил обычным тоном, но едва скрывая злорадство. — Я успел их обработать. Они не воспримут мою гибель спокойно... они решат, что вы убили меня.

Картр не ответил, и его молчание, казалось, придало сил Кумми.

— Следующий приступ вам не удастся победить, как первый, рейнджер. Если я умру, вы тоже умрете под их ножами и копьями. Подходящий конец для варвара.

Сержант пожал плечами, хотя этот жест чуть не вызвал у него крика боли. Полуоткрытые глаза Кумми сузились, он оскалил зубы в улыбке.

— Значит, я все-таки задел вас! Что ж, тем легче будет добыча для Вулфа и его людей.

— Вы все это хорошо продумали, — Картр решился зевнуть. Он не знал, что происходит за блоком агератанца, но мог представить себе, как действовал бы сам, оказавшись в таком тупике. — Со мной нетрудно справиться, а потом устроить засаду и отобрать галдайн у того, кто его принесет.

Но глаза Кумми снова закрылись, и он не подавал ни знака, что Картр угадал верно. Сержант посмотрел на Вулфа. Вождь опять сидел, скрестив ноги, и смотрел в огонь. Неужели Кумми занят контактом с этой сгорбленной фигурой? Картр вздохнул. За последние несколько дней он обнаружил, что в его даре скрываются огромные возможности. Похоже, что инструктор в школе рейнджеров о них тоже мало что знал. Сам Картр узнал о них после встречи с Зикти и контактов с Зингой. Если бы у него были их способности, он смог бы узнать, какие приказы вкладывает агератанец в мозг Вулфа. Он не имел представления о пределах силы Кумми. Если он действительно мутант, все возможно.

Остальные аборигены собрались в темноте у палаток. Картр считал, что опасности немедленного нападения не было.

Время тянулось бесконечно. Иногда кто-нибудь подбрасывал в костер дров. Вулф задремал и проснулся, вздрогнув. Кумми, по всей видимости, тоже спал или был без сознания. Но Картр оставался настороже. К счастью, боль в плече не давала ему забыться.

Наконец послышался звук, который он так напряженно ждал, — гудение приближающейся воздушной лодки. Картр облегченно вздохнул и распрямился. Потом посмотрел вниз. Глаза агератанца были открыты, в них горела злоба. Что он задумал?

Вулф зашевелился, и рука Картра потянулась к бластеру. Кумми закрыл глаза. Вождь неуклюже встал на ноги. К нему присоединились еще трое мужчин.

— Картр! — мысленный зов звучал повелительно и исходил не от Зинги, а от Зикти. — Галдайна нет!

И в тот момент, когда это сообщение достигло рейнджера, Кумми распрямился, ноги его ударили Картра, и он сбил бы его, если бы сержант в то же мгновение не отпрыгнул. Агератанец сошел с ума, если решил, что сумеет захватить врасплох сенситива. Но Кумми сумел приподняться.

Вот оно что! Картр уклонился влево, так, чтобы костер находился между ним и аборигенами. Они вооружились ножами. А он не мог повернуть против них бластер, не мог!

Он пнул Кумми, который, ослабев от болезни, не сумел увернуться. Агератанец растянулся лицом вниз, рейнджер пе-

репрыгнул через его тело и начал пятиться к лесу, к спрятанной лодке.

Секунду спустя он услышал за собой знакомый голос.

— Я держу их под прицелом, Картр.

— Их контролирует Кумми...

— Знаю. И его тоже. Отходи к деревьям, там нас ждет Зикти. — Рольх спокойно вышел из тени и встал рядом с сержантом.

Кумми ухватился за Вулфа, когда вождь проходил мимо него. Используя его поддержку, он встал на ноги.

— Значит, галдайна нет! — выкрикнул он. Лицо его больше не было злобным. Страх исказил его. Кумми побледнел.

— Может, я и мертвец, — медленно проговорил он, — но у меня есть еще время, чтобы покончить с вами. — Неожиданно он отпустил Вулфа и толкнул его к рейнджерам. — Убей! — закричал он.

— Мы сделаем для вас, что сможем, — медленно сказал Картр.

Агератанец из последних сил держался на ногах.

— Все еще живешь по кодексу, глупец! Я доживу до вида твоей крови, варвар!

— Ахххх! — резкий крик ударил по нервам. Так могла кричать только женщина.

Вулф и его люди обернулись. Последовал быстрый обмен репликами, которого Картр не понял. Но Зикти мысленно перешел: «Девушка из племени заболела. Они считают, что в нее вошли демоны Кумми...»

Вулф убежал туда, откуда донесся крик. Теперь он тяжело возвращался к костру.

— Демоны, — он обращался прямо к агератанцу, — завладели Кветой. Если ты действительно небесный бог, убери их.

Кумми покачнулся, преодолевая слабость силой воли.

— Это их дело. — Он указал на рейнджеров. — Спроси у них. Но Вулф не повернулся.

— Коумми небесный бог, он так сказал. А эти не говорили. Коумми принес демонов в своем теле. Это демоны Коумми, а не моего народа. Пусть Коумми отзовет их из тела моей дочери!

Опустошенное лицо Кумми, похудевшее, осунувшееся, было маской боли. Черные глаза его были устремлены на рейнджеров.

— Галдайн. — Картр видел, как губы агератанца произнесли это слово. Тут силы оставили его, и он медленно опустился на утопанную землю.

Вулф наклонился и за волосы поднял голову Кумми. Тот был без сознания. И прежде чем ошеломленные рейнджеры успели шевельнуться, вождь быстрым ударом ножа подрезал горло лорду вице-сектора.

— Теперь дорога для демонов открыта, — заметил он, — и им хватит крови, чтобы напиться. Пусть быстрее выходят. — Он вытер нож об одежду Кумми. — Иногда нужно много крови, чтобы напоить демонов, — закончил он, посмотрев на рейнджеров.

Рольтх держал бластер наготове, но Картр покачал головой. Вдвоем они отошли в тень деревьев.

— Они будут нас преследовать, — предположил Рольтх.

— Пока нет, — заверил их Зикти. — Они еще не пришли в себя от действий вождя. Не каждый день видишь смерть бога — или даже экс-бога. Быстрее к лодке.

Снова было утро, и солнце светило ярко и горячо, но мысли Картра были тусклые и серые.

— Мы ничем не можем им помочь, — докладывал Смит. — Если бы у нас был галдайн, может быть, они подпустили бы нас. Но когда мы с Дальтром приблизились два часа назад, один из них бросил в нас нож. Большинство уже мертво. — Он развел руки жестом поражения. — Думаю, к ночи все будет кончено.

— Погибли двадцать человек, может быть, больше. Это убийство, — мрачно сказал Картр.

— Мы не могли остановить его, — отозвался Дальтр.

— У нас прививки... а закатане не болеют имфайром. Но раньше именно так все и было...

— Мы изобрели галдайн. И вспомните, мы знакомы с имфайром давно. Он появился сразу после киранской войны. — Это говорил Рольтх. — За много поколений у нас выработался естественный иммунитет. Человеку пришлось его выработать — путем отбора. Но сколько еще бактерий носим мы на

себе, безвредных для нас, но опустошительных для этого мира? Самое лучшее для нас теперь — держаться подальше от аборигенов.

— И такое поведение не будет чисто альтруистическим, — добавил Зинга. — У них ведь могут быть свои вирусы. Будем надеяться, что наши прививки смогут защитить нас.

— Это трагедия, но мы бессильны. — Зикти приспустил плащ и подставил плечи под солнечные лучи. — Отныне мы должны будем держаться подальше от этих людей. Я думаю, они не очень многочисленны...

— Я тоже, — ответил Картр. — Существует несколько семейных кланов. Раз в году они собираются...

— Да, в Месте Встречи С Богами. Это самое интересное. «Боги», улетевшие в небо. Кто они были? Галактические колонисты, покинувшие колонию? Как будто об этом говорит город, ждущий возвращения хозяев. Простите, я увлекся своими научными интересами. — Историк улыбнулся.

— Но около города нет космопорта, — возразил Дальтр.

— Это лишь один город. Могут быть и другие, — заметил Филх. — Допустим, на планете были лишь один-два космопорта.

— Место Встречи С Богами, — пробормотал Зикти. — Что бы это значило?

— Надо идти туда! — воскликнул Дальтр. — Механизмы города сохранились в превосходном состоянии. Может, мы найдем корабль, который сможем использовать!

Корабль, пригодный к полету. Картр нахмурился. А потом удивился вдруг вспыхнувшему у него чувству протеста. Неужели он не хочет покидать этот мир?

Из своей палатки вышли Зацита с дочерью и присоединились к сидевшим у костра. Картр, внутренне забавляясь, заметил, как быстро Зинга изготовил им место для сидения.

— У вас важные новости? — спросила Зацита.

— Тут поблизости может находиться древний космопорт. Местный мальчишка рассказал Картру о Месте Встречи С Богами. Здесь скрываются немалые возможности, — ответил ее муж.

— Вот как... — Зацита задумалась. Но Картр по выражению ее лица понял, что она не так уж довольна. Почему? За-

катанская леди высшего ранга. Золотая краска на лбу свидетельствовала о ее принадлежности к Исситти, одному из самых известных и богатых из числа Семи Семейств. Неужели она не радуется возможности вернуться к благам цивилизации?

— Техник Дальтр считает, что если мы найдем один из старых кораблей, то сумеем оживить его: ведь механизмы города сохранились прекрасно. Мы прилетели сюда на воздушном аппарате из города...

— Надеюсь, космический корабль, который мы найдем, продержится дольше, чем этот аппарат, — вмешался Дальтр. — Он, конечно, принес нас сюда, но тут же рассыпался на куски.

— Об этом нужно подумать. — Картр встретился взглядом с Зацитой и прочел в ее глазах поддержку. — У меня нет желания застрять в неподвижном корабле в глубоком космосе. Есть много более эффективных и менее мучительных способов самоубийства.

— Но нужно же осмотреть это Место Встречи С Богами, — почти умолял Дальтр.

— Конечно, если сумеем избежать встречи с аборигенами. Сейчас у них время ежегодного паломничества. А мы не можем смешиваться с ними. Кумми заразил и убил целый клан с таким же успехом, как если бы принес в их лагерь дисраптер! Мы не можем принести смерть целой расе!

— Совершенно верно, — согласился Зикти. — Сделаем так. Пошлем разведочный отряд, который установит мысленный контакт с каким-нибудь кланом, направляющимся на встречу. Но не попадаться им на глаза. Эти аборигены послужат нам проводниками. После установления контакта мы все пойдем за ними... Можем ли мы еще использовать лодку?

— Она пролетит еще 20–25 миль, — уверенно ответил Дальтр.

— Что ж, ходьба пешком полезна для здоровья, — с юмором отметил Зикти. — А вы как считаете, сержант Картр?

— Ваше решение наилучшее, — ответил Картр.

Зинга встал, указывая когтистым пальцем на Рольтха.

— Мы пойдем по ночам: его глаза смогут видеть, а я вступлю в контакт. А как только мы найдем то, что ищем, вы все сразу узнаете.

Глава 15

МЕСТО ВСТРЕЧИ С БОГАМИ

До полуночи они получили ожидаемое сообщение. Зинга и Рольтх обнаружили клан аборигенов, разместившийся на ночь, и убедились, что он направляется к Месту Встречи С Богами. На следующий день рейнджеры покинули собственный лагерь и выступили в поход по следам своих неизвестных проводников.

На восьмое утро Картр и закатанин одновременно уловили мысли множества людей. Они приблизились к своей цели. Выбрав густую уединенную заросль, они разбили лагерь и поспали по очереди до ночи. С наступлением темноты Зинга, Картр и Рольтх отправились на разведку.

Небо впереди освещалось не огнями города, а по меньшей мере сотней лагерных костров. Три рейнджера осторожно шли по краю широкой долины, на которой происходила встреча кланов, избегая контакта с продолжавшими подходить аборигенами.

— Это космопорт!

— Откуда ты знаешь? — спросил Картр, напрягая зрение, чтобы увидеть то, что заставило Рольтха говорить так категорично.

— Земля... по всему углублению... она выжжена огнем многих стартов! Но очень давних, новых следов нет.

— Ну, ладно. Мы нашли старый космопорт. — Голос Зинги звучал раздраженно, почти разочарованно. — Но порт — не корабль. Видишь хоть один, острые глаза?

— Нет, — спокойно ответил Рольтх. — Но на другой стороне — здание, вон там. Едва заметно в свете костров.

Картр в указанном направлении смутно разглядел массивное сооружение, едва заметное во тьме.

— Большое...

Рольтх прикрыл глаза ладонями, чтобы защититься от света.

— Достань бинокль, Картр. — В голосе его звучало сдерживаемое возбуждение. — Оно огромное, больше всех зданий в городе! И... ты бывал когда-нибудь в Главном Городе?

Картр горько рассмеялся.

— Я видел его визиографию. Ты думаешь, мы, варвары, имеем возможность приближаться так близко к центру всех знаний?

— А какое отношение имеет к этому Главный Город? — хотел знать Зинга. — Ты сам был там?

— Нет. Но можно хорошо изучить его по визиографиям. Это здание — точная копия Дворца Свободных Миров, либо я съем его камень за камнем!

— Что? — Картр выхватил бинокль из рук товарища. И хотя навстречу ему прыгнули огни костров и фигуры движущихся вокруг них аборигенов, здание оставалось смутной тенью, укрытой ночной тьмой.

— Но это невозможно! — воскликнул Зинга. — Даже только что вылупившийся знает, что Дворец Свободных Миров очень древен. Его архитекторы и строители жили так давно, что мы даже не знаем ни их имен, ни с каких они планет. И его никогда не копировали!

— За исключением вот этого, — упрямо возразил Рольтх. — Говорю вам, в этой планете что-то странное. Рассказы, которые ты слышал, Картр, об улетевших в небо «богах», город, ждущий возвращения своих жителей, место, где аборигены по традиции встречаются, и еще вот это...

— Да, — согласился Картр, — здесь какая-то загадка, может, бóльшая, чем те, что мы осмеливались решать раньше...

— Загадки! — воскликнул Зинга. — Друзья мои, нам лучше уходить, если мы не хотим столкнуться с отрядом аборигенов...

Но Картр уже получил мысленно это предупреждение и отползал от края космопорта.

— Если мы пойдем широким кругом на запад, — предложил Рольтх, — то сможем выйти за это здание и лучше рассмотреть его.

Значит, фальтарианец хочет лучше рассмотреть здание. Картр вздохнул от нетерпения. Единственное здание, которое напоминает священный Дворец Свободных Миров! Он должен разгадать эту тайну. Планета, отсутствующая даже на самых древних картах, в системе, настолько близкой к краю галактики, что ее проглядели... или забыли за столетие до его рождения. И все же здесь, за древним космопортом, стоит копия

самого старого и самого почитаемого общественного здания, когда-либо построенного людьми! Он должен установить, почему... и кто... и когда...

Несколько следующих часов они шли по предложенному Рольтхом маршруту и вместе с остальными рейнджерами и патрульными перед самым рассветом оказались за зданием. Глаза Картра устали не от бессонницы, а от возбуждения, но он хотел увидеть то, что описывал Рольтх. Они двигались от укрытия к укрытию и наконец по-змеиному подползли к тому месту, откуда было лучше видно.

— Рольтх прав! — голос Дальтра звучал возбужденно. — Мой отец год был приписан к штабу, мы жили в Главном Городе. Говорю вам, это Дворец Свободных Миров!

Картр прижал его к земле.

— Мы вам верим. Но держите голос и голову ниже. Люди там, внизу, — опытные охотники. Они легко нас выследят.

— Но как оно сюда попало? — Дальтр повернул к сержанту искренне изумленное лицо.

— Может быть, — Картр высказал мысль, которая не оставляла его всю ночь, — может быть, это здание было первым...

— Первым?! — Смит прижал к глазам бинокль. — Как это может быть?

— Ты думаешь, оно такое древнее? — выдохнул Рольтх.

— У вас бинокль, Смит. Вглядитесь получше в край крыши и в ступени, ведущие к портику...

— Да, — чуть спустя согласился связист. — Эрозия... это здание очень старое.

— Старше здешнего города, — добавил он. — Впрочем, может быть, его открытость ускорила старение. Я хотел бы взглянуть поближе...

— А мы все нет? — прервал его Зинга. — Долго ли там будут сидеть наши друзья?

— Вероятно, несколько дней. Придется сдерживать любопытство, пока они не уйдут, — ответил Картр. — Здесь трудно будет избегать проходящих и уходящих отрядов. Лучше держаться на удалении.

Смит негромко протестующе застонал, и Картр вполне понял его. Быть так близко и не иметь возможности преодолеть последние четверть мили, отделяющие от загадки, — это вы-

вело бы из себя кого угодно. Но придется уходить и держаться подальше от аборигенов.

Описание здания заинтересовало Зикти, и на следующее утро он спокойно попросил помощь Зинги, сказав:

— Поскольку я, к несчастью, не знаком с современными методами подкрадывания и укрытия, я вынужден просить специалистов обучить меня этому. Увы, даже отдаленный, возможно, навсегда, от своей кафедры, я не могу сдержать желание собирать знания. Обычай аборигенов, несомненно, очень интересны, и, с вашего разрешения, сержант, мы попробуем подобраться и понаблюдать их...

Картр улыбнулся.

— С моего разрешения или без него, сэр. Кто я такой, чтобы мешать сбору знаний? Хотя...

— Хотя, — подхватил его мысль Зикти, — возможно, впервые за многие годы ученый моего ранга собирает сведения в полевых условиях? Что ж, это одна из болезней нашей цивилизации. Личное участие помогает заполнить пробелы, а факты, почерпнутые при изучении одной цивилизации, могут пригодиться для спасения другой.

Картр провел рукой по волосам.

— Они хорошие люди, эти аборигены, и мы можем помочь им. Хотел бы я...

— Если бы у нас была медицинская подготовка, мы могли бы безопасно встречаться с ними. Вернее, *вы* могли бы. Другой вопрос, как они воспримут бемми. — Зикти указал когтем на свою изогнутую грудь. — Каково обычное отношение примитивных племен к неизвестному? Они его боятся.

— Да... бедный мальчишка решил, что Зинга демон, — неохотно ответил Картр. — Но со временем... когда они поймут, что мы хотим им добра...

Зикти с сожалением покачал головой.

— Как жаль, что среди нас нет врача. Это одно из тех немногих обстоятельств нашего положения, которые нас тревожат.

— Вы готовы, Хага Зикти? — Зинга, склонив голову, обратился к старшему закатанину с одной из Четырех Форм Уважения. Это подтвердило предположение Картра, что Зикти занимал у себя на родине высокое положение.

— Иду, мой мальчик, иду. Мы с моей семьей можем поблагодарить Праматерь за то, что у нас такие товарищи по несчастью! — добавил он.

Картр, довольный, следил, как уходили закатане. Он понимал, что Зикти, неохотно высказывающий свое мнение по вопросам, касающимся рейнджеров, был их лидером. Даже Смит и Дальтр, несмотря на свою врожденную подозрительность по отношению к негуманоидам, тем более сенситивам, признавали это, попав под влияние всегда спокойного добродушного историка. Патрульные охотно и весело помогали Защите и Зоре и относились к Зору как старшие братья. Как будто разница между людьми и бемми исчезла, как и разница между рейнджерами и членами экипажа.

— О чем это ты думаешь, улыбаясь и глядя в пустоту? — Филх опустил вязанку хвороста и потянулся. — Если тебе нечего делать, носи дрова.

— Я думал о том, что многое изменилось, — начал сержант.

Но тут он обнаружил, что Филх проницателен не меньше Зинги.

— Нет больше бемми, нет больше рейнджеров и членов экипажа — это ты имеешь в виду? Да, как-то так уж случилось. — Он сел на вязанку. — Когда мы уходили из города, им, — он ткнул пальцем в том направлении, где находились Смит и Дальтр, — им пришлось сделать выбор. Они его сделали и не оглядываются назад. Теперь они думают о различиях не больше, чем ты и Рольтх...

— Мы сами — Рольтх, с его ночным зрением, и я, сенситив, — почти бемми. К тому же я варвар с отдаленной планеты. А эти двое рождены во внутренних системах. У них больше предрассудков, и нужно отдать им должное: они их сумели преодолеть...

— Они лишь начали самостоятельно думать. — Филх поднял лицо к небу и испустил такой чистый и мелодичный звук, что Картр затаил дыхание. Может, это форма проявления счастья у Филха?

И тут же появились птицы. Картр застыл, боясь нарушить очарование. Филх продолжал петь, и появлялось все больше птиц. Вспыхивали их красные, синие, желтые, белые, зеле-

ные перья. Птицы прыгали у ног тристианца, садились ему на плечи, на руки, кружили над головой.

Картр и раньше видел, как Филх приманивал птиц, но сейчас его изумленному взгляду показалось, что весь лагерь превратился в клубок машущих крыльев и радужных оперений.

Песня смолкла, и птицы поднялись облаком красок. Трижды покружили они над головой Филха. Потом улетели. Картр не двигался, не в силах оторвать взгляда от тристианца. Тот смотрел птицам вслед, расправив руки, напрягаясь, как будто хотел улететь вместе с ними. Сержант смутно ощутил, какое стремление к полету должно владеть утратившим крылья народом Филха. Стоила ли эта утрата разума? Что думает об этом сам Филх?

Кто-то рядом вздохнул. Картр оглянулся. Рядом стояли закатане: Зацита, Зора и Зор. Мальчик наклонился, чтобы подобрать красное перо, и волшебство кончилось. Филх опустил руки, поднятый гребешок медленно опустился. Он снова превратился в рейнджера, члена Патруля и перестал быть волшебным музыкантом.

— Так много разновидностей... — Это была Зацита, с ее обычным тактом. — Я и не думала, что их так много. Да, Зор, это необычный цвет для небесного существа. Но каждый мир имеет свои чудеса.

Филх подошел к закатанскому мальчику, который гладил алое перышко.

— Если хочешь, — сказал он с дружелюбием, которое редко демонстрировал раньше, — я покажу тебе ночных птиц...

Желтые губы Зора растянулись в широкой улыбке.

— Сегодня, пожалуйста! И вы их привлечете так же?

— Если ты будешь спокоен и не вспугнешь их. Они более робкие, чем те, что живут при солнце. Тут есть большая белая птица, которая плывет во тьме, как туманный призрак Корроба...

Зор возбужденно зашевелился.

— Это, — громко объявил он, — самые удивительные каникулы. Я хочу, чтобы они никогда не кончались!

Взгляды четырех взрослых встретились над его головой. И Картр знал, что думают они об одном и том же. Для них это

изгнание, вероятно, никогда не кончится. Но... жалеют ли они об этом? Картр не мог — пока — спросить их об этом.

Рейнджеры провели день, проверяя свое снаряжение и занимаясь мелким ремонтом. Одежда становилась проблемой... разве что они последуют примеру аборигенов и будут носить звериные шкуры. Картр подумал о приближающемся холодном времени года. Может, переселиться южнее? По-видимому, ради закатан это нужно будет сделать. Он знал, что холод вызывает у рептильного народа оцепенение, которое постепенно переходит в спячку.

Они парами следили за аборигенами и доставляли всю информацию Зикти, который собирал ее с таким видом, будто готовил научную работу.

— Среди них несколько разновидностей, — заявил он однажды вечером, когда Филх и Смит, дежурившие в этот день, закончили свой доклад. — Ваши желтоволосые белокожие люди, Картр, только одна разновидность. А Филх наблюдал клан темнокожих черноволосых...

— Судя по легкой одежде и незнакомым вещам, они из другой, более отдаленной местности, — добавил тристианец.

— Странно. Такие различные расы на одной планете. Жаль, что я не занимался углубленно психологией гуманоидов, — продолжал историк.

— Но все они очень примитивны. Этого я не понимаю, — удивленно произнес Смит, приканчивая последнюю ложку еды. — Город был построен — и оставлен в полной готовности — людьми с высокоразвитой технологией. А аборигены живут в палатках из звериных шкур, носят на себе шкуры и боятся города. И готов поклясться, что глиняная посуда, которой они сегодня торговали, сделана вручную!

— Мы понимаем это не больше вас, мой мальчик, — ответил Зикти. — И не поймем, если не проникнем в туман их истории. Если они и владели какими-то технологическими знаниями, то давно их забыли. Может, сознательно запретили все, связанное со священными «богами», возможно, в результате общего упадка цивилизации — можно придумать много объяснений.

— Может, это потомки рабов, оставленных здесь улетевшими хозяевами? — вступил в разговор Рольтх.

— Такой ответ тоже возможен. Но обычно высокоразвитая цивилизация не знает рабства. Рабы должны были бы смотреть за машинами, а у жителей города этим занимались роботы.

— Мне кажется, — начал Филх, — что на этой планете однажды должно было быть принято решение. И некоторые приняли одно решение, а другие — другое. Некоторые улетели, — он когтем показал на небо, — остальные предпочли остаться, жить близко к природе и постепенно впали в дикость...

Картр выпрямился. Что ж, пожалуй, это верно! Люди, делающие выбор между звездами и землей! Да, возможно, именно так и было. Именно потому, что он сам не так давно ушел в космос, он понимал такую возможность. И, может быть, именно потому, что народ Филха сам стоял перед таким выбором, принял решение и сейчас отчасти о нем сожалеет, тристианец первым сумел разгадать загадку.

— Упадок, регресс... — вмешался Смит.

Но Зацита покачала головой.

— Если живешь только машинами и мечтой о власти, тогда да. Но, возможно, те, что остались, избрали лучший образ жизни.

Картр ухватился за эту мысль. Может, пришло время и его народу сделать выбор, который уведет их далеко от прежних дорог... или только назад...

Время тянулось медленно. Наконец аборигены начали расходиться. Прождали еще пять часов после ухода последнего клана, чтобы быть уверенными, что не встретятся со случайно задержавшимся. И наконец в середине дня они спустились по склону и прошли между еще дымившимися кострами и остатками лагеря.

У основания лестницы, ведущей к портику здания, они оставили мешки и тюки. Двенадцать широких ступеней с протертыми за тысячи лет углублениями вели вверх. На лестнице виднелись следы недавнего пребывания аборигенов. Они поднялись по ступеням и прошли между мощными колоннами.

Внутри было бы темно, если бы строители здания не покрыли его центральную часть прозрачным материалом. Мед-

ленно, компактной группой прошли они по проходу в середину огромного зала. На три стороны от них расходились секции сидений, разделенные узкими проходами. На спинке каждого массивного кресла из какого-то прочного материала, неподвластного времени, был вырезан символ. С четвертой стороны находился помост с такими же креслами, причем центральное было поднято над остальными.

— Вероятно, правительственное здание, — предположил Зикти. — Здесь сидел президиум. — Он указал на помост.

Картр осветил фонариком символ на ближайшем к нему кресле. И застыл, не веря своим глазам. Потом осветил следующее сиденье, и следующее. И начал читать символы, которые знал так хорошо!

— Денеб, Сириус, Ригель, Капелла, Процион. — Не сознавая этого, он почти кричал, как будто производил переключку... такая переключка не звучала в этом зале уже больше четырех тысяч лет. — Бетельгейзе, Альдебаран, Полярная...

— Регул, — отозвался Смит с другой стороны зала. В его голосе звучало то же крайнее возбуждение. — Спика, Вега, Арктур, Альтаир, Антарес...

Теперь вступили Рольх и Дальтр.

— Фомальгаут, Альфард, Кастор, Алгол...

Они добавляли звезду за звездой, систему за системой. И наконец встретились на помосте. И замолчали, когда Картр, полный неведомого прежде благоговейного страха и почтения, осветил последний символ. Именно он должен был находиться здесь!

— Терра, Солнечная система. — Он произнес вслух эти три слова, и эхо, казалось, прозвучало громче, чем от названий сотен остальных звезд. — Терра — начало человечества!

Глава 16

ВЫЗЫВАЕТ ТЕРРА

— Не верю! — Голос Смита звучал возбужденно. Внимание его было приковано к центральному креслу и к невероятному символу на нем. — Это не может быть Зал Прощания! Он же просто легенда.

— Но легенды, — ответил Картр, — не всегда лгут.

— А там, — Дальтр, не отводя взгляда от помоста, указал на выход, — там Поле Полета!

— Давно ли?.. — Рольтх не кончил вопроса, но слова его продолжали эхом отдаваться в зале.

Картр обвел взглядом ряды сидений. Здесь впереди сидели командиры, за ними — экипажи и колонисты. И так они собирались, экипаж за экипажем, год за годом — целые столетия. Собирались, в последний раз говорили друг с другом, получали последние приказы и инструкции — и уходили на поле к ждущим кораблям, взлетали в неизвестность, чтобы никогда не возвращаться. Некоторые — немногие — достигли цели. Они: Смит, Дальтр, Рольтх и он сам — были живыми доказательствами этого. Остальные... Остальные нашли свой конец в глубинах космоса или на планетах, где невозможна человеческая жизнь. Долго ли оно продолжалось, это прощание? Этот отлет без возврата? Достаточно долго, чтобы лишить Терру жизненной силы. Оставались лишь те, кто непригоден был для полетов к звездам. Неужели это окончательная отгадка?

— Без возврата... — Каким-то образом Рольтх уловил его мысль. — Без возврата. И города умерли, и даже память о них исчезла. Терра!

— Но мы помним, — негромко ответил Картр. — И сейчас мы сделали полный круг. Зелень — это зелень холмов Терры. Она была легендой, древней песней, смутной народной памятью, но она всегда была с нами, переходила от мира к миру по всей Галактике. Потому что мы сыновья Терры. Внутренние системы, внешние системы, варвары, цивилизованные — все мы сыновья Терры!

— И теперь, — добавил Смит с мудрой простотой, — мы вернулись домой.

Этот дом ничем не напоминал темные горы и холодные долины полузамерзшего Фальтарха Рольтха, могучие леса и каменные города родины Картра, теперь превращенные в пыль, высокоцивилизованные планеты, на которых родились Смит и Дальтр. Это была планета дикости и мертвых городов, планета примитивных аборигенов и забытых сил. Но это была Терра,

и, какими бы различными ни были их расы сегодня, они все происходили от общего корня, от этой самой Терры.

Снова Картр обвел взглядом ряды пустых сидений. Он почти видел сидящих в них. Но те, кого он представлял себе сидящими здесь, не могли этого сделать. Люди Терры давно покинули ее... слишком далеко разлетелись они по Вселенной...

Картр медленно прошел к центру зала. Закатане и Филх держались в стороне. Должно быть, они с удивлением следили за действиями землян. Картр попытался объяснить...

— Это Терра...

Но Зикти знал, что это означает.

— Древняя родина вашей расы! Какое удивительное открытие!

Продолжить ему помешал возглас, который вновь привлек общее внимание к помосту. Там стоял Дальтр и подзывал всех к себе. Рольтх и Смит исчезли. Все заторопились к Дальтру.

Новая находка находилась за помостом, скрытая высокой переборкой. Найдка занимала большую часть стены. Огромный экран из темного стекла, на котором крошечные огоньки образовывали причудливый узор. Под экраном стоял стол со множеством кнопок и переключателей. Смит с напряженным лицом сидел на скамье перед столом.

— Коммуникационное устройство? — спросил Картр.

— Или прокладчик курса, — ответил Дальтр. Смит лишь нетерпеливо хмыкнул.

— Может, он еще работает? — спросила Зацита.

Дальтр покачал головой.

— Пока не можем сказать. Город ожил, когда нажали нужные кнопки. Но это... — он указал на гигантскую звездную карту и многочисленные приборы под ней... — это нужно изучить, прежде чем мы коснемся хоть одной кнопки. Мы даже не знаем, на каком принципе она работает.

Техник может привести машину в рабочее состояние. Но Картр знал, что это не под силу рейнджерам. Он медленно рассматривал звездную карту, узнавая отдельные части. Да, это галактика, какой она видится с этой древней планеты, близкой к краю. Картр увидел яркую точку Веги, потом Альфу Цен-

тавра и другие. Не по этой ли карте прокладывали курс к далеким мирам?

Приближался вечер, и становилось темнее. Но тут слабое сияние окружило звездную карту и стол с приборами, хотя остальная часть зала оставалась в тени.

Картр шевельнулся.

— Вернемся наружу или разместимся в зале? — спросил он Зикти.

— Не вижу причин для возвращения, — ответил закатынин. — Если все аборигены ушли — а они, очевидно, ушли, — нет никаких препятствий для того, чтобы нам оставаться здесь.

За ними Зинга рассмеялся и указал когтем на Смита.

— Если ты думаешь, что сможешь увести его отсюда, даже силой, ты печально ошибаешься, сержант.

Конечно, это правда. Связист, занятый изучением чудесного устройства, имевшего отношение к его профессии, отказывался даже идти поесть, предпочитая с отсутствующим видом и не отрывая взгляда от приборов проглотить кусок мяса и запить его водой.

До наступления ночи они перенесли спальные мешки в зал и легли рядом между пустыми сиденьями исчезнувших колонистов.

— Здесь нет привидений, — голос Зикти гулко звучал в пустоте. — Те, кто когда-то приходил сюда, и телом и душой стремились улететь. И ничего не оставили после себя.

— В известном смысле это верно и относительно города, — согласился Рольхт. — Он был...

— Брошен за ненадобностью, — Картр произнес нужное слово, когда фальтарианец заколебался. — Как изношенная одежда, из которой вырос ее хозяин. Но вы правы, здесь мы не встретим призраков. Разве что Смит разбудит их. Он собирается сидеть так всю ночь?

— Естественно, — ответил Зинга. — И будем надеяться, что он не вызовет голосов из прошлого, даже из твоего человеческого прошлого, друг. У меня странное желание проспать эту ночь спокойно.

За ночь Картр просыпался дважды. И в слабом свете, пробивавшемся из-за переборки, видел пустой спальный мешок Смита. Связиста загипнотизировало его открытие. Но есть пре-

дела всему. Поэтому во время второго пробуждения Картр заставил себя выбраться из теплого мешка и, вздохнув, вздрагивая от холода, пошел босиком по камню. Либо Смит добровольно пойдет спать, либо придется утащить его силой.

Связист сидел на прежнем месте. Он смотрел на звездную карту. Глаза его ввалились, вокруг них появились темные круги.

Картр проследил за направлением его взгляда. Он увидел, что привлекло внимание Смита, замигал и перевел дыхание.

На черной поверхности стекла появилась движущаяся красная точка.

— Что это?

Не отрывая взгляда, Смит ответил:

— Я не уверен! — Он провел руками по лицу. — Вы тоже видите?

— Я вижу движущуюся красную точку. Но что это?

— Я предполагаю...

Но Картр тоже догадался. Корабль... движется в космосе... в их направлении!

— Идет сюда?

— Как будто... но нельзя быть уверенным. Смотрите!

На экране появилась еще одна точка. Но она двигалась целеустремленно. Она шла по следу, как охотник за добычей. Картр сел на скамью рядом со Смитом. Сердце его колотилось так, что он чувствовал в висках удары пульса. Это погоня, это преследование — они очень важны, так важны, что он почти боялся смотреть.

Первая точка теперь двигалась зигзагами.

— Маневр ухода, — выговорил Смит. Он служил когда-то на военном крейсере.

— Что это за корабли?

— Если бы я понял это, — Смит указал на ряды приборов, — я бы смог ответить. Подождите...

Первая точка совершила сложный маневр, который, по мнению сержанта, не имел смысла, так как оказалась на одном уровне с преследователем.

— Это патрульный корабль! Он принимает бой! Но почему...

Они были равными, эти две точки. И тут — на экране появилась третья! Она была чуть больше и двигалась медленнее, огибая две первые соединившиеся в смертельной схватке точки.

И, описав широкую дугу, направилась прямо к Солнечной системе.

— Отвлекающий маневр, — прервал Смит. — Патруль прикрывает этот корабль! Это самоубийство! Смотрите, они включили боевые экраны!

Слабая, очень слабая оранжевая дымка окружила две точки на самом краю Солнечной системы. Картр никогда не участвовал в боевых действиях в космосе, но слышал достаточно рассказов и видел много визиографий, чтобы узнать картину начинающейся битвы. Большая точка не участвовала в сражении. Она отползала от сцепившихся бойцов.

Давление, давление экрана на экран. А когда один из них не выдержит — вспышка и мгновенная гибель! Патрульный корабль сдерживал врага, пока беззащитная добыча ускользала.

— Если бы я только понимал это! — Смит ударил кулаком по столу.

И вдруг на доске вспыхнула крошечная лампа.

— Ее зажег приближающийся корабль?

Смит кивнул.

— Возможно. — Он наклонился вперед и точным быстрым движением нажал кнопку под загоревшейся лампой. Послышался звук — треск, шум, взмахи огромных крыльев. Почти оглушенные, смотрели они на карту. И вот сквозь шум пробилось резкое шелканье. Смит вскочил на ноги.

— Это сигнал Патруля! Патруль вызывает! ТАРЗ... ТАРЗ...

Картр потянулся за бластером. Древний призыв Службы! Он слышал за собой изумленные возгласы. Остальные проснулись и хотели знать, что происходит.

Вызов Патруля гулко отдавался в зале. Он будет звучать до конца битвы или до получения ответа. Но ответа не было. Дымка вокруг огоньков опустилась, они совсем скрылись за ней.

— Предельная мощность! — Это выдохнул Дальтр за спиной Картра. — Перенапряжение. Они долго так не выдержат!

— ТАР...

Одна точка вдруг вспыхнула невыносимо ярким белым пламенем. И исчезла. Они помигали ослепленными глазами и снова посмотрели на экран. Ничего. Ни следа двух пятнышек

света. Темное стекло экрана было пустым и холодным, как обширные просторы космоса, которое оно отражало.

— Оба!.. — первым заговорил Дальтр. — Перегрузка сожгла обоих.

— Но третий... он по-прежнему здесь... — заметил Зикти.

И верно. В схватке погибли два корабля, но третий, спасая который погиб патрульный корабль, продолжал двигаться. И двигался он — к Терре!

Послышалась новая серия шелкающих звуков кода. Смит вслух переводил их для остальных.

— На помощь! Пассажирский корабль... 2210... вызывает ближайший корабль Патруля... или станцию. На помощь! Уцелевшие с Патрульной базы СС4 ... вызывают ближайший патрульный корабль или станцию. Нам необходим сигнал для установления курса. Помогите!

— Выжившие с Патрульной базы СС4, — повторил Рольтх. — Но ведь это же станция рейнджеров! Что же, во имя Космоса?..

— Может быть, пиратский рейд, — предположил Зинга.

— Пираты не нападают на Патруль, — начал Дальтр.

— Не нападали, вы хотите сказать! Мы давно ни с кем не связываемся. Союз пиратов может сделать много вреда, — заметил Зинга.

— Заметьте также, — добавил Зикти, — что этот корабль бежит из наиболее населенных районов Галактики. И уходит в незнакомые, как будто боится обычных маршрутов.

— Пассажирский корабль с выжившими... семьи патрульных. — Дальтр был явно потрясен. — Что же, База совсем уничтожена?

Щелканье кода по-прежнему заполняло затхлую атмосферу зала. А точка на карте двигалась, на доске перед Смитом по-прежнему горела лампа. И вдруг рядом с ней вспыхнула новая. Картр взглянул на экран. Да, точка явно приближалась к Солнцу.

Пальцы Смита застыли над доской. Он облизнул губы, как будто во рту у него все пересохло.

— Есть возможность привести его сюда? — Картр задал вопрос, волновавший всех.

— Не знаю, — как измученное животное, огрызнулся Смит.

И нажал кнопку под второй лампой. И тут же, как и Картр, отпрыгнул: из-под стола выскочил длинный тонкий прут, оканчивающийся шаром. Связист возбужденно расхохотался и схватился за прут.

И начал говорить в шар, не кодом, а на обычном языке Главного Управления.

— Вызывает Терра! Вызывает Терра! Вызывает Терра!

Все, застыв, молча слушали шелканье кода. Картр вздохнул. Все же не сработало. И тут передача с корабля прекратилась. Он забыл об отставании сигнала.

— Вызывает Терра! — Теперь голос Смита звучал холодно и спокойно. Он добавил серию кодовых обозначений. Трижды произнес он свое сообщение и откинулся, ожидая ответа.

Снова бесконечное ожидание. Казалось, не выдержат напряженные нервы. Но наконец пришел ответ. Смит перевел его для всех.

— Не вполне поняли. Но можем руководствоваться вашей передачей. Продолжайте говорить, если у вас нет сигнального луча. Что... где Терра?

И они говорили. Сначала Смит, пока голос его не превратился в хриплый шепот, затем Картр — обычным языком и старой формулой «Вызывает Терра», — потом Дальтр, Рольтх...

Светило солнце, снова темнело, а они по очереди сидели у звездной карты и говорили. А красная точка ползла прямо к Терре. И когда она миновала дальние планеты, Зор указал Картру на новую точку. Огонек, почти на месте гибели двух кораблей, движущийся вслед за пассажирским кораблем. Враг или друг?

Картр схватил Зора за плечо и велел срочно вызвать Смита. Связист явился, протирая заспанные глаза. Но когда Картр показал ему новую точку, он немедленно проснулся. Оттолкнув сержанта от микрофона, он задал резкий кодовый вопрос.

После долгих минут донесся ответ:

— Несомненно, вражеский корабль. За последние четверть часа мы получаем сигналы пирата...

Картру казалось, что вражеский корабль на глазах настигает свою жертву. Это была гонка — гонка, в которой патрульный корабль неминуемо проиграет. И в тот же момент вспыхнул еще

один огонь. Корабль врага находился в пределах слышимости. Смит повернул к нему угрюмое лицо.

— Позовите одного из закатан и Филха. Пусть говорят на своих родных языках. Это лучше, чем использовать код. В пиратских экипажах редко встречаются бемми. А кораблю нужно лишь постоянное звучание, чтобы руководствоваться им в полете...

Последние слова он произнес в пустоту. Картр уже искал остальных. Секунды спустя Зинга занял место Смита, ухватил микрофон когтистыми пальцами и испустил серию свистящих звуков, которые совершенно не напоминали человеческую речь. Когда он устал, его сменил Филх со своими щебечущими певучими звуками. Корабль приближался. И неотступно и безжалостно догонял его другой корабль, казалось, пожирая пространство.

Зора принесла воды, все пили с жадностью. Поели то, что совали им в руки, не чувствуя вкуса еды.

Патрульный корабль миновал еще несколько планет. На доске вспыхнула третья лампа. Вбежал Зор.

— Яркий свет! Уходит в небо! — резко прокричал он. Картр вскочил на ноги, чтобы проверить его слова, но его остановил код с корабля.

— Поймали посадочный луч. Можем руководствоваться им. Если успеем...

Зинга выпустил микрофон, и все заторопились наружу. Зор был прав. Из крыши здания в вечернее небо поднимался луч света.

— Как это?.. — начал Картр.

— Кто знает? — ответил Дальтр. — Они были искусными техниками. Этот луч достаточно мощен, чтобы его заметили из космоса. По крайней мере можно теперь помолчать.

В конце концов они вернулись к карте. Следить за кораблем и преследователем. Расстояние между ними сокращалось — слишком быстро. И вот на доске вспыхнул еще один сигнал, красный.

— Корабль вошел в атмосферу, — предположил Смит. — Все внутри! Он может приземлиться не на поле.

И вот они ждали в Зале Прощания, услышали, а не увидели, как корабль коснулся посадочного поля, где не садились корабли уже тысячи лет. Посадка превосходная.

Смит остался у карты.

— Второй приближается... — Его предупреждение звучало в ушах остальных, торопившихся наружу.

Приближается! Даже сейчас они могут проиграть, подумал Картр. В ржавом старом корпусе, опиравшемся на посадочные лапы, открылся люк, выдвинулся трап. Врагу оставалось лишь нависнуть над полем и выпустить ракеты. Он даже не приземлится, а оставит после себя почерневшую безжизненную пустыню.

Если бы удалось спрятать прилетевших в зале, возможно, у них был бы шанс — крошечный. Сержант подбежал к краю дымящейся площадки и закричал человеку, появившемуся на трапе:

— Выводите всех в здание! Пират приближается. Он может вас сжечь!

И увидел подтверждающий кивок и услышал приказы. Пассажиры быстро спускались по трапу. В основном это были женщины, многие несли или вели детей. Рейнджеры и закатане ждали, готовые помочь. Картр подгонял пассажиров в призрачную безопасность старого здания. Когда поток пассажиров иссяк, он заторопился к трапу.

— Все вышли?

— Все, — ответил офицер. — Каков курс пирата?

Подбежал Зинга.

— Пират идет тем же курсом!

Офицер повернулся и исчез в корабле. Картр нервно постукивал пальцами по перилам трапа. Чего, во имя Космоса, ждет этот парень?

И тут его почти сбили с ног пятеро мужчин. Они вылетели из люка и побежали к зданию, захватив с собой рейнджера. Лишь только они добрались до укрытия, патрульный корабль стартовал. Ослепленный вспышкой пламени, Картр вцепился в колонну, чтобы не упасть.

— Что?.. — выдохнул он.

И гул вопросов заглушил его голос.

Глава 17

ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Толпа прижала Картра к переборке. Все беженцы столпились здесь, у стола, напряженные, ожидающие, не видящие ничего, кроме карты на стене. Рядом с Картром высокая девушка в мундире вспомогательной службы говорила, ни к кому не обращаясь:

— Там только один... Хвала Трем!.. Только один противник.

Этот «один» — зловещая красная точка пиратского корабля, который направлялся к Терре, к тому самому месту, где они стояли. Но когда они безнадежно следили за его приближением, на карте появился еще один огонек: патрульный корабль двинулся навстречу врагу.

— Пора уклоняться! — В голосе, доносившемся из толпы, звучала тревога. — Уходи, Коррис!

И как будто услышав, патрульный корабль изменил курс. Теперь он тщетно пытался спастись, убежать от пирата.

Одинокий человек сидел в корабле, готовый к последней битве ради спасения товарищей. Один патрульный!

Он продолжал искусно уклоняться, изменил курс ровно настолько, чтобы увлечь за собой врага, убедить его, что корабль уходит от Терры. Как свидетельствовала дымка, корабль был окружен экраном. Это послужило вызовом для пирата. Преследователю захочется догнать, преодолеть слабое сопротивление, захватить патрульный корабль. Но капитан Коррис вел не корабль, а смертоносное оружие! И как только враг настигнет его, он сам приведет в действие это оружие!

Картр слышал всхлипывания, гневные приглушенные возгласы.

— У него наготове тонитовая боеголовка. — Это опять девушка. Она не сообщала другим, а как бы уверяла себя. — Мы хотели взорвать корабль, если его захватят. Когда они подойдут, он ее взорвет... — Голос ее звучал хрипло и яростно.

Красные точки двигались на экране, описывая сложные кривые. Картр, хотя и не был опытен в космических маневрах, догадался, что видит последний бой искуснейшего пилота.

А пирату казалось, что слабый корабль отчаянно пытается убежать.

— Только бы они не заподозрили! — Девушка произнесла это, как молитву. — Дух Космоса, не дай им заподозрить!..

Конец наступил так, как и планировал пилот-патрульный. Дымка боевых экранов окружила оба корабля. И вдруг экран, окружавший патрульный корабль, исчез. Точки двинулись навстречу друг другу: пират подтягивал к себе беспомощный корабль, готовый вскрыть его люк. И вот точки соприкоснулись.

Огненный цветок распустился на экране. Он сверкал лишь секунду, потом погас, и не осталось ничего, совсем ничего. Карта была неподвижна, как и в первый раз, когда они ее обнаружили. Только холодно светились точки, обозначающие звезды.

В толпе никто не шевельнулся. Как будто не верили в то, чему были свидетелями, не хотели поверить. Потом послышался общий вздох, и компактная толпа разбилась на части. Люди шли с ничего не видящими глазами. Кроме шороха ног о камень, ничего не было слышно.

Снаружи ночную тьму сменила серость рассвета. Картр остановился на помосте. Одну руку он положил на спинку кресла с символом Терры и впервые внимательно взглянул на новых товарищей по несчастью.

Тут смешалось много рас и видов, как и следовало ожидать на патрульной базе. Двое закатан, бледнолицая женщина и двое детей с фальтарианскими очками, свисавшими с пояса. Картр был уверен, что мельком заметил гребешок, который мог находиться лишь на голове тристианца.

— Вы здесь командуете?

Внимание Картра переключилось от беженцев к девушке, той самой девушке, которая рядом с ним следила за битвой, и к двум мужчинам, стоявшим у помоста. Автоматически рука Картра поднялась к отсутствующему шлему — для салюта.

— Рейнджер сержант Картр с веганского «Звездного пламени». Мы разбились здесь некоторое время назад. В нашем отряде еще три рейнджера, связист и техник-оружейник.

— Доктор Уилсон, — ответил меньший из мужчин низким и удивительно музыкальным голосом. — А это третий помощ-

ник Моксан с нашего базового корабля и сержант Адрана из вспомогательной службы штаба. Мы в вашем распоряжении, сержант.

— Ваш отряд...

— В нашем отряде, — быстро ответил Уилсон, — тридцать восемь членов. Двадцать женщин и шестеро детей — семьи рейнджеров. Пять членов экипажа во главе с Моксаном, шесть девушек под началом сержанта Адраны. И я. Насколько нам известно, мы последние оставшиеся в живых с базы СС4.

— Зинга... Филх... Рольтх... — Картр начал отдавать распоряжения, и происходило это совершенно естественно. — Разожгите костры... — Он повернулся к медику. — Я вижу, сэр, у вас не очень много припасов.

Уилсон пожал плечами.

— Только то, что мы смогли унести с собой. Не очень много.

— Зинга, организуй охотничий отряд. Смит, следите за коммуникационной доской. Я не хочу, чтобы еще один корабль застал нас врасплох. У вас есть связист, сэр? — спросил он Моксана.

Вместо ответа третий помощник повернулся и крикнул в зал: «Хавр!»

Подбежал один из мужчин в костюме космонавта.

— Поступаете в распоряжение техника-связиста, — сказал офицер.

— Значит, мы можем жить здесь, поскольку вы упомянули охоту? — спросил Уилсон.

— Планета типа зэмл. Она гостеприимна. Это ведь Терра.

Картр внимательно следил за медиком. Тому потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

— Терра. — Уилсон произнес это слово равнодушно, потом глаза его расширились. — Родина Повелителей Космоса! Но ведь это легенда, сказка!

Картр топнул по помосту.

— Весьма вещественная сказка, не правда ли? Вы находитесь в Зале Прощания. Можете, если хотите, осмотреть сиденья первых рейнджеров. — Он указал на кресла. — Прочтите, что на них написано. Да, это Терра из Солнечной системы:

— Терра! — Уилсон все еще недоверчиво качал головой, когда Картр заговорил с девушкой.

— Можете вы с вашими подчиненными позаботиться о женщинах и детях? — резко спросил он. Такие обязанности были за пределами его опыта. Он разбивал полевые лагеря, вел экспедиции, жил на множестве необычных планет, но никогда раньше не приходилось ему отвечать за такую группу.

Она кивнула, покраснела и подняла руку в салюте. Чуть позже она уже ходила среди усталых женщин и успокаивала капризных и возбужденных детей. Ей помогала семья закатан.

— Какова вероятность появления другого пиратского корабля? Что случилось на базе? — почти забыв о женщинах, Картр начал расспрашивать медика.

— База уничтожена. Но дела шли плохо задолго до этого. Прервалось снабжение, нарушилась связь. За три месяца до нападения должен был прийти корабль с припасами. Он не пришел. Уже две недели мы вообще не получали сообщений от Главного Управления. Мы послали туда крейсер, но он не вернулся.

Потом появился пиратский флот. Это был именно флот, и нападение было тщательно спланировано. У нас оставалось пять кораблей. Два поднялись и покончили с тремя пиратами, прежде чем были уничтожены. Мы держались, пока не дали возможность стартовать пассажирскому кораблю.

Нас застало врасплох то, что они пришли под фальшивым цветом и были встречены дружески, пока не стало слишком поздно. Они прилетели на кораблях Главного Управления! Либо восстала часть флота, либо... либо что-то ужасное произошло со всей империей. Они действовали так, будто Патруль объявлен вне закона. Их атака была ужасной. И поскольку они подходили с правильными сигналами, мы не ожидали нападения. Как будто они представляли закон...

— Может, сейчас оно так и есть, — угрюмо предположил Картр. — Может, восстание в секторе. Победитель систематически уничтожает базы Патруля. Это дает ему возможность захватить все космические линии. Очень практичный и неизбежный ход, если сменилось правительство.

— Нам это тоже приходило в голову. Не могу сказать, чтобы мы приветствовали это предположение. — Голос Уилсона звучал мрачно. — Мы сумели подготовить к полету космический

корабль и один патрульный разведчик. После этого началась гонка в космосе. Пираты отрезали нас от регулярных линий, поэтому нам пришлось направиться сюда. Разведчика мы потеряли...

Картр кивнул.

— Мы видели это на экране, прежде чем сумели связаться с вами.

— Он протаранил флагмана, флагмана целого флота, представляете!

— Вы уверены, что за вами шли лишь два пиратских корабля?

— На наших экранах видны были лишь два. И... Ни один из них не вернулся. Вы думаете, они пошлют кого-нибудь на поиски?

— Не знаю. Вероятно, решат, что Патруль сражался отчаянно. И вычеркнут свои корабли как уничтоженные в столкновении. Но Смит и ваш человек должны оставаться на посту. Если кто-то появится, они нас предупредят.

— А если все же прилетят?

— Эта планета обширна. На ней легко скрыться, и нас никогда не найдут.

К концу дня был разбит лагерь. Охотничий отряд принес достаточно пищи для всех. Женщины под руководством девушек из вспомогательной службы нарубили веток и устроили постели. И никакого предупреждения: экран оставался пустым.

Наступила ночь. Картр стоял на ступеньках, глядя на поле. Под его началом весь день очищали территорию, убирая остатки лагеря аборигенов. Нашли два копья и пригоршню металлических наконечников стрел. Пригодится, когда кончатся заряды бластеров. Неизбежно наступит день, когда оружие — продукт цивилизации — станет бесполезным.

Завтра снова нужно будет охотиться и...

— Прекрасная ночь, не правда ли, леди? Конечно, здесь лишь одна луна вместо трех. Но зато очень яркая.

Картр улыбнулся. К нему приближался Зикти в сопровождении Адраны.

— Три луны? Их столько на Закане? Я считаю более естественным числом две. — И она рассмеялась.

Две луны. Картр пытался припомнить, у каких планет две луны. Какая же из них ее родина? Их не менее десяти. И, вероятно, есть такие, о которых он и не слышал. Ни один человек, даже имея он четыре жизни, не сможет узнать все, что находится в Галактике. Две луны — слишком слабая нить.

— А, сержант! Ночь привлекла и вас, мой мальчик? Можно подумать, что вы фальтарианец.

— Думаю о будущем, — ответил Картр. — И я не фальтарианец, а варвар, — добавил он безжалостно. — Вы знаете, что говорят о нас, с Илен: что мы едим сырое мясо и поклоняемся странным богам!

— А вы, леди, — спросил Зикти, — над какой планетой светят ваши две луны?

Она почти с вызовом подняла голову и ответила, глядя в поле:

— Я родилась в космосе. Моя мать с Крифта. Отец — с одной из высших систем, не знаю, с какой именно. Ребенком помню планету с двумя лунами. Но с тех пор я видела много миров.

— Мы все видели много миров, — заметил Картр, — но сейчас мне кажется, что этот придется изучить очень тщательно.

Зикти с удовольствием вдохнул ночной воздух.

— Какой прекрасный мир, дети мои. У меня большие надежды на наше будущее здесь.

— Хорошо, что хоть у кого-то есть надежда, — трезво сказал Картр.

Но Адрана подхватила вызов закатанина.

— Вы правы! — Она положила пальцы на чешуйчатую руку историка. — Это прекрасный мир! Когда я ходила сегодня по холмам, воздух был как вино. Как все живо... свободно. И нам очень повезло. Впервые в жизни, — она помолчала, как будто удивляясь собственным словам, — я чувствую себя дома!

— Потому что это Терра... память предков, — предположил Картр.

— Не знаю. После стольких веков... вряд ли это возможно.

— Вполне возможно. — И Картр признался: — В первый день, когда мы высадились и я увидел эту зелень, мне показалось, что я ее помню.

— Ну, дети, ни я, ни кто-нибудь из моей расы не помнит Терру. И все же я скажу: мы высадились на хорошей планете. Приятно сделать ее своей. Но это еще предстоит сделать...

— А город и кланы? — спросил сержант. — Позволят ли они нам это?

— Планета велика. Эту проблему мы решим, когда она возникнет. А теперь, любители луны, не будучи фальтарианцем, я иду спать. Простите, что я вас покидаю. — Посмеиваясь, он ушел.

— Что вы имели в виду... город и кланы? Здесь есть аборигены? — спросила девушка.

— Да. — Картр коротко сообщил ей факты. — Видите, — закончил он, — этот мир не вполне наш. И поскольку мы не можем оставаться здесь вечно, нам нужно принять решение.

Она кивнула.

— Расскажите завтра остальным. Расскажите им все, что говорили мне.

— То есть предоставить решение им? Ладно. — Он пожал плечами.

А что, если они предпочтут удобства города? Такое решение будет вполне естественным. Но он был уверен, что ни он сам, ни остальные, те, кто вместе с ним пришел к этому древнему зданию, не пойдут назад.

И вот на следующее утро он стоял в луче солнца, пронизывающем зал. Горло у него пересохло. Он все сказал. И теперь чувствовал усталость такую, будто целый день рубил дрова. Все лица были обращены к нему, невыразительные, безразличные.

Слышали ли они его слова? И поняли ли их? Является ли их равнодушие результатом недавних событий? Может, они считают, что худшее уже прошло? Ничего хуже быть не может?

— Такова ситуация...

Ответа от сидящих беженцев не было. И тут он услышал стук сапог о камень, громко отдававшийся в тишине зала. На помост поднялся Уилсон.

— Мы слышали сообщение сержанта. Он указал два возможных решения. Первое: мы можем вступить в контакт со штатскими в городе. Город отчасти функционирует. Но у них трудности с продовольствием, и к тому же, — медик помолчал и

добавил, не изменяя тона и выражения, — к тому же их группа состоит исключительно из людей.

Опять слушатели не отвечали. Встречались ли они раньше с нелюбовью к бемми? Должны были! Она так распространилась в последнее время. В широком кресле с символом Денеба сидела фальтарианка, на ее руках был маленький тристианец, чья мать погибла при нападении на базу. А Зор сидел между двумя мальчиками из внутренних систем примерно его возраста. Они не делились на людей и бемми. Они все были рейнджерами!

— Итак, мы можем идти в город, — повторил Уилсон, — или мы примем другое решение, которое означает гораздо более трудную жизнь. Впрочем, мы, рейнджеры, по подготовке и традициям лучше подходим для такой жизни. Это жизнь на земле по образцу аборигенов.

Сержант Картр говорил о приближающемся холодном времени года. Он также указал, что мы не можем оставаться здесь из-за недостатка припасов. Мы можем двинуться на юг, как сделало большинство аборигенов несколько дней назад. Сейчас контакт с аборигенами невозможен, но позже, когда мы приобретем необходимые знания, он станет возможен. Но до этого могут пройти годы.

Итак, мы должны выбрать один из двух выходов...

— Доктор Уилсон! — встал один из членов экипажа. — Вы исключаете возможность спасения? Почему бы не остаться здесь и не вызвать помощь по коммуникатору? Любой патрульный корабль...

— Любой *патрульный* корабль! — отсутствие выражения подчеркивало смысл слов медика. — Коммуникатор с таким же успехом привлечет и пиратов. И помните: Терра не указана ни на одной карте. Даже название ее стало легендой.

Послышался ропот.

— Значит, нас ждет изгнание? — Это спросила женщина.

— Да. — Ответ Уилсона прозвучал четко и уверенно.

Наступила тишина. Теперь все осознали правду. И — с гордостью подумал Картр — приняли ее спокойно.

— Мне кажется, мы останемся вместе... — медленно продолжал Уилсон.

— Да! — Ответ прозвучал так громко, что вызвал эхо. Патруль держится вместе. Этот лозунг, который служил им поколениями, сохраняется.

— Все будет решено волей большинства. Те, кто предпочитает город, идите к той стене. Остальные становятся здесь...

И, не закончив говорить, Уилсон двумя шагами приблизился к левой стороне помоста. Картр присоединился к нему. Лишь несколько мгновений они стояли там одни. Адрана и ее девушки вскочили со своих мест и встали рядом с врачом. Потом наступила пауза: остальные женщины не двигались.

Неподвижность нарушила фальтарианка. Держа на руках ребенка-тристианца, подталкивая перед собой двоих своих детей, она быстро пошла налево. Но еще раньше ее там оказался Зикти со своей семьей.

Теперь слышался топот ног, а когда он стих, не нужно было считать! Никто не стоял у городской стены. Они приняли решение, взвесив шансы, настоящие и будущие. Глядя на их строгие лица, Картр понял, что они не откажутся от этого решения. И ему стало жаль горожан. Они будут пытаться поддерживать механическую цивилизацию. Возможно, этому поколению жить будет легче. Но они повернулись спинами к будущему, и второго шанса у них, может, и не будет.

Как только было принято решение, Патруль начал готовиться в путь. И на рассвете второго дня они выступили, неся скудные пожитки.

Картр смотрел, как дети и женщины, патрульные и офицеры под предводительством Филха и Зинги идут под чужим для них солнцем, идут к будущему.

Он оглянулся на покинутый зал. Солнце осветило символ на спинке центрального сиденья. Старая Терра... Теперь они, идущие в дикую местность, были на новой!

«Будем ли мы опять повелителями пространства и звездными рейнджерами? — подумал Картр. — Начинается ли сегодня новый цикл, ведущий к другой империи?»

Он слегка вздрогнул, когда в ответ получил мысль Зикти: «У моего народа есть пословица: «Когда человек подходит к концу пути, пусть помнит, что конца пути не бывает и перед ним открывается новая дорога».

Картр повернулся спиной к Залу Прощания и легко сбежал по выщербленным ступеням. Ветерок был прохладным, но пригревало солнце. Из-под ног путешественников поднималась пыль.

— Да, это еще не конец! Идем!

Содержание

ТАЙНА ЗАТЕРЯННОЙ РАСЫ

Перевод О. Колесникова 5

КОСМИЧЕСКИЙ СИУ

Перевод О. Колесникова 125

БРЕМЯ ЮРТОВ

Перевод О. Колесникова 265

ЗВЕЗДНАЯ СТРАЖА

Перевод Д. Арсеньева 375

ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

Перевод Д. Арсеньева 539

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

Ответственный редактор *О. Кравец*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Д. Фирстов*
Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.08.2015. Формат 84х108 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 3000 экз. Заказ №5920

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118, 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум»
Тел.: +38-044-2909944

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-82781-7

9 785699 827817 >

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ПОСЛЕДНЯЯ
ПЛАНЕТА

ISBN 978-5-699-82781-7

9 785699 827817 >

